

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2013 № 2 (54) Т. 3

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (г. Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (г. Новосибирск, Россия).
Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., проректор по информатизации КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Бабиш М. – д-р юр. наук, проф. Баня-Лукского университета (г. Баня Лука, Респ. Сербская, Босния и Герцеговина).
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (г. Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. – проф. природно-математического факультета Приштинского университета (г. Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – д-р филол. наук, Сеульский национальный университет (г. Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., гл. ред., председатель.
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.
Бибилло В. Н. – д-р юр. наук, проф. (Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, доцент.
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки.
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф.
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор.
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Соколова Я. – канд. филол. наук, проф. (Словакия).
Черненко Т. Г. – д-р юр. наук, проф.
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф.
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф.
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Редакторы выпуска:

Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – *В. А. Шерина*

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2013 № 2 (54) T. 3

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
K. E. Afanasyev – Dr. of Physics and Mathematics, Vice-Rector for Informatization of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republic of Serbia, Bosnia and Herzegovina).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-in-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Prof. at the Faculty of Science and Mathematics of the University in Pristina, President of Impex Company (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

K. E. Afanasyev – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Editor-in-Chief – Chair.
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof.
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof. (Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof.
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof.
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof.
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof.
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Associate Prof.
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof.
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor.
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
Ya. Sokolova – Candidate of Philology, Prof. (Nitra, Slovakia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof.
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof.
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof.
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof.
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof.

Issue editor:

N. S. Yakimov, L. S. Starikova, V. P. Dolgih
Computer layout – V. A. Sherina

Журнал издаётся по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПН ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 1212.

Тел.: (3842) 58-13-01

Факс: (3842)58-38-85

E-mail: vestnik@kemsu.ru

Адрес сайта:

http://www.kemsu.ru/kemsu_info/science/bulletin.htm

Адрес издателя:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

Тел.: 8(3842) 58-28-39

Факс: 8(3842)58-12-26

E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration:
ПН ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 1212.

Tel.: 8 (3842) 58-13-01

Fax: 8 (3842) 58-38-85

E-mail: vestnik@kemsu.ru

Web-site:

<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm.en>

Publisher Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.

Tel.: (3842) 58-28-39

Fax: (3842)58-12-26

E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Bulletin is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Bulletin is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

<http://elibrary.ru>

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ИСТОРИЯ. ЧАСТЬ 1

- 7 **Арапина С. В., Ипатенко Е. В.** Социальная практика национал-социалистического режима в Германии (довоенный период)
- 11 **Баев О. В.** Европейские рынки капиталов и трансформация внешнего долга Российской империи в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в.
- 16 **Батури А. П.** Власть и подданные: проблема взаимодействия в сочинениях французских политических писателей XVI в.
- 21 **Бетмакаев А. М.** «Заботливая диктатура» (о специфике социальной политики в ГДР)
- 26 **Василевский В. П., Сушко А. В.** Деятельность органов ОГПУ по оперативной разработке союза китайских рабочих в Омске (к постановке проблемы)
- 30 **Васютин С. А.** Идентичность городских сообществ в западной Европе XVII в.
- 35 **Говоров Ю. Л.** Проблема модернизации в России в связи с членством в ВТО и политикой Запада
- 42 **Гусейнов А. И.** О некоторых исторических вопросах соотношения права и культуры
- 46 **Дериглазова Л. В.** Между идеальным и реальным: социальная политика Европейского союза в 2000-е годы
- 52 **Дорохов В. Г.** Влияние СМИ на экономическое и политическое развитие ЕС в период кризиса 2008 г.
- 56 **Ерохин В. Н.** Влияние протестантизма на понимание принципов социальных связей в английском обществе в XVI – XVII веках
- 61 **Жаронкина Е. А.** Некоторые аспекты социальной политики американской военной администрации в Германии (1945 – 1949 гг.)
- 65 **Зайцева Т. И.** Правящая элита Франции и Германии в начале раннего нового времени: сравнительный аспект
- 70 **Ким О. В.** Война и социальная трансформация в Европе раннего нового времени
- 76 **Коньков Д. С.** Трансформация социальных связей в аквитании в ходе формирования вестготского королевства
- 80 **Корнева Л. Н.** Социальная политика и социальное государство в Германии XX века: континуитет, разрывы, развитие
- 85 **Костромина Н. Г.** Франко-германские отношения в 1933 – 1939 гг.: этапы политической трансформации
- 90 **Лицарева Е. Ю.** Реформирование системы ЭВС после кризиса 2008 г.
- 95 **Макинен С. М.** Основные компоненты выступлений В. Суркова на тему будущего России
- 102 **Мирошников С. Н.** Второе расширение европейского союза: политика versus экономика. Греция

HISTORY. SECTION 1

- 7 **S. V. Arapina, E. V. Ipatenko.** Social practice of the national socialist regime in Germany (pre-war period)
- 11 **O. V. Baev.** European capital markets and the Russian Empire's external debt transformation in the late 1880s – early 1890s
- 16 **A. P. Baturin.** Power and subjects: the problem of interaction in the works of French political writers of the 16th century
- 21 **A. M. Betmakaev.** «Welfare dictatorship» (on the specificity of social policy in the GDR)
- 26 **V. P. Vasilevsky, A. V. Sushko.** The action of the jsdp (joint state political directorate) concerning tactical working out of chinese labor union in Omsk (statement of the problem)
- 30 **S. A. Vasyutin.** Identity of West European urban communities in the 17th century
- 35 **Yu. L. Govorov.** The problem of modernization in Russia in connection with WTO membership and the policy of the West
- 42 **A. I. Guseynov.** Some historical aspects of law and culture interrelation
- 46 **L. V. Deriglazova.** Between ideal and real: social policy of the European Union in the 2000s.
- 52 **V. G. Dorohov.** The impact of media on the economic and political development of the EU during the 2008 crisis
- 56 **V. N. Yerokhin.** Protestant influences on the understanding of social ties principles in the English society in the 16th - 17th centuries
- 61 **E. A. Zharonkina.** Some aspects of social policy of the American military government in Germany (1945 – 1949)
- 65 **T. I. Zaytseva.** Ruling elite of France and Germany in the beginning of the Early Modern period: comparative aspect
- 70 **O. V. Kim.** The war and social transformations in Early Modern Europe
- 76 **D. S. Konkov.** Transformation of social relations in Aquitaine during the formation of the Visigothic Kingdom
- 80 **L. N. Korneva.** Social policy and welfare state in Germany in the 20th century: continuity, ruptures, development
- 85 **N. G. Kostromina.** Franco-German relations in 1933 – 1939: stages of political transformation
- 90 **E. Yu. Litsareva.** The EMU system reform after the crisis of 2008
- 95 **S. M. Mäkinen.** Building blocks of the Surkovian narrative on the future of Russia
- 102 **S. N. Miroshnikov.** The second enlargement of the European union: politics versus economics. Greece

- 106 **Мороз Е. В.** Модернизация российского право-
понимания как элемент социокультурной
трансформации
- 111 **Пиков Г. Г.** Историко-ментальные истоки мар-
гинальной культуры в Европе XVII в.
- 117 **Расчесова М. В.** Российско-германская комис-
сия историков: от политического диалога к
плодотворному научному сотрудничеству
- 121 **Решетникова Л. С.** К вопросу о развитии об-
щественно-политической мысли востока в но-
вое время
- 125 **Селезнев Р. С., Скрипак Е. И.** Социальные
сети как феномен информационного общества
и специфика социальных связей в их среде
- 131 **Семенов А. В.** Перспективы расширения ЕС на
западных Балканах: случай Сербии
- 135 **Сербина А. С.** Социальная политика прави-
тельства Г. Шрёдера: мужество ради перемен
- 140 **Супрыгина Г. Г.** Обзор немецкого «социально-
го государства» и его трансформаций
- 146 **Терехов О. Э.** «Консервативная революция»
как феномен правого модерна в Веймарской
республике в Германской историографии
- 150 **Терехова О. Н.** Н. Элиас о социокультурных
установках французской аристократии в эпоху
абсолютизма
- 154 **Торопчин Г. В.** Австралия и европейские со-
общества: 50 лет дипломатических связей
- 159 **Третьякова Н. А.** Проблема ратификации Се-
мпалатинского договора в контексте евро-
азиатской архитектуры безопасности
- 163 **Федосенко В. А.** Глобальные структуры: право
и правотворческий процесс
- 170 **Филиппов С. В.** Социокультурные и политиче-
ские трансформации русского населения на ев-
разийском пространстве северо-восточного Ка-
захстана в постсоветский период
- 175 **Чернышов Ю. Г.** Белоруссия и Казахстан: вос-
приятие народов и политических лидеров в
России
- 179 **Юматов К. В.** Армения в контексте внешней
политики Турции, России и стран европейско-
го союза
- ИСТОРИЯ. ЧАСТЬ 2**
- 184 **Зеленин А. А., Заболотская К. А., Звягин С. П.**
Кафедре новейшей отечественной истории
КемГУ – 25 лет
- 189 **Астапенко С. С.** Факторы формирования гор-
ного образования на территории Западной Си-
бири
- 194 **Бирюкова О. В.** История реструктуризации
угольной промышленности Кузбасса (1994 –
2012 гг.): достижения и трудности
- 198 **Бурчак В. Я.** Деятельность подразделений ми-
лиции по борьбе с имущественными преступ-
лениями и спекуляцией в Кемеровской области
в 1943 – 1953 годах
- 202 **Ватутин Е. А.** Проблемы борьбы с контра-
бандой в Западной Сибири во второй половине
1920-х гг.
- 106 **E. V. Moroz.** Russian modernisation of law inter-
pretation as an element of social and cultural trans-
formation
- 111 **G. G. Pikov.** Historical and mental roots of mar-
ginal culture in Europe in the 17th century
- 117 **M. V. Raschesova.** The Russian-German Histo-
rians Commission: from political dialogue to fruit-
ful scientific cooperation
- 121 **L. S. Reshetnikova.** The development of the so-
cio-political thought in the Modern East
- 125 **R. S. Selezenev, E. I. Skripak.** Social networks as
a phenomenon of the information society and spe-
cific social relations within them
- 131 **A. V. Semenov.** Prospects of the EU's enlarge-
ment in the Western Balkans: the case of Serbia
- 135 **A. S. Serbina.** Social policy of G. Schroder's gov-
ernment: courage for the sake of changes
- 140 **G. G. Suprygina.** A review of the social state in
Germany and its transformations
- 146 **O. E. Terekhov.** «Conservative Revolution» as a
phenomenon of right wing modernism in Weimar
republic in German historiography
- 150 **O. N. Terekhova.** N. Elias on sociocultural atti-
tudes of the French aristocracy of the absolute
monarchy period
- 154 **G. V. Toropchin.** Australia and the European
communities: 50 years of diplomatic ties
- 159 **N. A. Tretyakova.** The problem of Semipalatinsk
treaty ratification in the context of Euro-Asian se-
curity architecture
- 163 **V. A. Fedosenko.** Global structures: law and law-
making process
- 170 **S. V. Filippov.** Socio-cultural and political trans-
formations of the Russian population in North-
Eastern Kazakhstan in the post-Soviet period
- 175 **Yu. G. Chernyshov.** Belarus and Kazakhstan: the
perception of their peoples and political leaders in
Russia
- 179 **K. V. Yumatov.** Armenia in the context of the for-
eign policy of Turkey, the Russian Federation and
the European Union countries
- HISTORY. SECTION 2**
- 184 **A. A. Zelenin, K. A. Zabolotskaya, S. P. Zvyagin.**
The Department of Contemporary Russian History
of KemSU – 25 years of activity
- 189 **S. S. Astapenko.** Factors of mining education-
formation in Western Siberia
- 194 **O. V. Biryukova.** The history of restructuring coal
mining industry in Kuzbass (1994 – 2012):
achievements and complications
- 198 **V. Ya. Burchak.** Activities of militia units for
property crimes and speculation in the Kemerovo
region in 1943 – 1953
- 202 **E. A. Vatutin.** The problem of combating smug-
gling in Western Siberia in the second half of the
1920s.

- 206 **Генина Е. С., Каймашишникова Е. Б.** Начало становления Сталинского (Новокузнецкого) государственного института для усовершенствования врачей (1951 – 1953 гг.)
- 211 **Евсеев Е. А.** Правовой статус добровольных народных дружин РСФСР в конце 1950-х – конце 1980-х гг.
- 216 **Егорова Н. Н.** Роль рекреационного районирования территории в развитии социально-ориентированного туризма
- 221 **Заболотская К. А.** Проблемы историографии угольной промышленности и шахтерских кадров Сибири новейшего периода отечественной истории
- 225 **Звягин С. П.** Привлечение милиции антибольшевистских правительств к сбору налогов с населения на Урале и в Сибири (1918 – 1919 гг.)
- 228 **Карпинец А. Ю.** Некоторые проблемы реализации переселенческо-колониционной политики в Сибири в период первой половины 1920-х годов (по материалам газеты «Советская Сибирь»)
- 235 **Леухова М. Г., Пьянов А. Е.** Проблема правового статуса Каспийского моря в отношениях прикаспийских государств в 1990 – 2000 гг.
- 240 **Мишенин С. Е.** Организация смешанных перевозок в Западной Сибири в 1965 – 1991 гг.
- 246 **Ровинская Н. Г.** Создание организационно-содержательных условий в рамках реализации модернизации основного образования в 2000 годах
- 252 **Сычева Т. А.** Основные направления работы авиапредприятий Западной Сибири в условиях перестройки: выполнение плановых показателей и безопасность полетов
- 257 **Тимербулатов Д. Р.** Проведение эвакуации мест заключения и тюремного ведомства российского правительства А. В. Колчака на территории Сибири
- 263 **Фомин Д. М.** Динамика численности и каналы пополнения рабочих строителей Кузбасса в годы Великой отечественной войны и первой послевоенной пятилетки (1943 – 1950 гг.)
- 268 **Шерин А. М.** Становление Кемеровского отделения Союза художников РСФСР (1957 – 1967 гг.)
- 274 **Информация для авторов**
- 276 **Подписка на «Вестник КемГУ»**
- 206 **E. S. Genina, E. B. Kaymashnikova.** The start of establishing Stalinsk (Novokuznetsk) State Medical Refresher institute (1951 – 1953)
- 211 **E. A. Evseev.** The legal status of people's patrol groups in the RSFSR in the late 1950s – late 1980s
- 216 **N. N. Egorova.** Role of recreational zoning for the development of socially oriented tourism
- 221 **K. A. Zabolotskaya.** Some issues of the historiography of coal mining industry and staff in Siberia in the contemporary Russian history
- 225 **S. P. Zvyagin.** Involvement of the anti-Bolshevik governments police in collecting taxes from the population of the Urals and Siberia (1918 – 1919)
- 228 **A. Yu. Karpinets.** Some problems of implementing resettlement and colonisation policy in Siberia in the first half of the 1920s (as revealed in «Soviet Siberia» newspaper)
- 235 **M. G. Leukhova, A. E. Pianov.** The issue of the legal status of the Caspian sea in the Caspian states' relations in 1990 – 2000
- 240 **S. E. Mishenin.** Organization of combined transportations in Western Siberia in 1965 – 1991
- 246 **N. G. Rovinskaya.** Creating organizational and substantive conditions for implementing modernization of basic education in the 2000s
- 252 **T. A. Sycheva.** The basic directions of work of aviation enterprises in western Siberia under conditions restructuring: the targets and flight safety
- 257 **D. R. Timerbulatov.** Evacuation of places of detention and prison departments of Kolchak's Russian government in Siberia
- 263 **D. M. Fomin.** Dynamics of numbers and replenishment channels of Kuzbass construction workers during the Great Patriotic War and the first postwar five-year plan (1943 – 1950)
- 268 **A. M. Sherin.** The formation of Kemerovo branch of the RSFSR Union of Artists (1957 – 1967)
- 274 **Information for authors**
- 276 **Subscribe to Bulletin of KemSU**

Данный выпуск опубликован частично на средства гранта Европейского Союза № 2010/257-459. Публикация подготовлена на основе оригинальных материалов, представленных авторами. Европейский Союз не несет ответственности за выводы и мнения, высказанные авторами.

ИСТОРИЯ. ЧАСТЬ 1

УДК 94(430).086

СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В ГЕРМАНИИ (довоенный период)

С. В. Арапина, Е. В. Ипатенко

SOCIAL PRACTICE OF THE NATIONAL SOCIALIST REGIME IN GERMANY (pre-war period)

S. V. Arapina, E. V. Ipatenko

В статье характеризуются социальные мероприятия национал-социалистического режима. Внимание сфокусировано на социальных ориентирах власти в отношении городской рабочей массы, которая вовлекалась в имперский проект.

Social measures of the national socialist regime are described in the paper. Attention is focused on the authorities' social reference points regarding the urban working masses which were being involved in the imperial project.

Ключевые слова: национал-социализм, «народное сообщество» в Германии, социальная политика Германии.

Keywords: national socialism, «people's community» in Germany, social policy of Germany.

Интегрирующей основой социальной политики нацистской Германии была заявлена идея «народного сообщества» с перспективой разрушения классовых и сословных перегородок [1; 16]. Именно в нее встраивались частные социальные мероприятия, которые должны были содействовать воспитанию социально ответственных граждан и обеспечению уверенности в завтрашнем дне по показателям уровня жизни. Тем не менее при такой стратегии стремление к общественному единению не было всеобъемлющим, и наблюдались дискриминационные проявления социальной политики. Обусловлено это было выделением по этническому, физиологическому, идеологическому параметрам группы «ненужных людей», которые рассчитывать на позитивные достижения в социальной сфере не могли (стремление избавить «народный организм» от каких-либо отклонений – евреев, людей с наследственными заболеваниями, коммунистов и др., и практика социально-санитарной «чистки» являлись одной из важнейших составляющих политики Третьего рейха).

Еще на этапе борьбы НСДАП за власть были обозначены социальные требования, отражавшие, по мнению партийных идеологов, интересы немцев: обеспечить работой и средствами граждан, освободить их от налогового рабства, допустить рабочих к участию в распределении прибыли, предоставить социальные выплаты по старости, поддержать материнство, сохранить здоровье и «чистоту» общества и т. д. Заняв государственные должности в 1933 г., национал-социалисты начали реализовывать заявленные требования. Вниманием власти не обделялись разные социальные группы, для каждой из которых форму-

лировались соответствующие задачи и реализовывались социальные программы.

Одной из первоочередных задач было «завоевание» городской рабочей массы: немецкие рабочие должны были ощутить собственную необходимость «народному сообществу», испытать доверие к национал-социалистическому режиму и следовать за ним. С целью пропаганды национал-социалисты заявляли, что необходимо защищать интересы трудящихся до тех пор, пока в корне не изменятся взаимоотношения между работодателями и рабочими. 1 мая 1933 г. в «День национального труда» впервые с рабочими маршировали в одном ряду директора больших и малых предприятий, а в будущем это происходило каждое 1 мая, при этом не акцентировались их социальные различия. Согласно национал-социалистической идеологии рабочий и работодатель не должны рассматривать себя как враждебные друг другу силы. Национал-социалисты подчеркивали их отношения как коллег, которые совместно должны служить одной задаче: «Даже самый маленький и скромный человек знает, что в национал-социалистической Германии его работа почитается» [6, с. 390].

Главным проводником идеи «народного сообщества» и социальной политики в рабочей среде стал Германский трудовой фронт (далее ДАФ, 10.05.1933 – 08.05.1945 гг.). Его руководитель – Р. Лей – и многочисленные сотрудники всегда выдвигали широкие требования для своей организации в сфере социальной политики. В 1933 г. за ней закреплялась задача заботиться о том, чтобы каждый человек мог занять свое место в экономической жизни и эффективно работал, обеспечивая пользу для «народного сообщест-

ва». В марте 1935 г. Р. Лей сформулировал притязания ДАФ: «Если мы не оформим судьбу каждого немецкого человека, не сможем практически вмешаться в социальную и вместе с тем в экономическую политику, то все наше влияние не будет иметь никакого смысла» [8, с. 136].

Решающей сферой влияния ДАФ являлись трудовые отношения и, в частности, заработная плата. Эта сфера была особенно важной, так как она вскрывала дилемму, перед которой стоял режим. Суть ее состояла в том, что с самого начала приоритетом для А. Гитлера было перевооружение страны. Однако увеличение производства вооружений было дорогостоящим делом, которое требовало от государства огромных расходов, и этого нельзя было добиться без сохранения низких тарифов.

В связи с этим была важной работа по формированию образца высокого уровня жизни вне зависимости от уровня заработной платы. Вместо высокой зарплаты выделялись такие компоненты как психологический комфорт, осознание соучастия в общем деле, социальные льготы – именно это должно было вызывать ощущение достойной жизни. Хотя ДАФ поднимал вопрос и о реальном повышении оплаты труда. 1 мая 1935 г. в прокламации ко Дню национального труда Р. Лей пообещал немецкому рабочему «справедливый заработок». В августе 1935 г. он снова поднял эту тему и составил докладную записку, чтобы представить ее А. Гитлеру [15, с. 250]. Неоднократное посещение им различных «гау» вело к непосредственным переговорам между местными функционерами ДАФ и предпринимателями. Такие переговоры освещались в прессе. Например, в декабре 1933 г. в печатном органе ДАФ «Арбайтертум» вышла статья под заголовком «Германский трудовой фронт добивается повышения заработной платы». В статье сообщалось, что посещение предприятия Р. Леом для рабочих билефельдской металлопромышленности имело практические результаты [5, с. 2]. Акты министерств труда и экономики содержат многочисленные примеры прямого вмешательства ДАФ на региональном и локальном уровне в сферу оплаты труда [10, с. 339]. Это приводило к увеличению жалоб не только от министерских служащих, но и из партийных кругов на пропаганду повышения заработной платы со стороны ДАФ. В октябре 1937 г. А. Гитлер издал распоряжение ко «всем инстанциям партии», которое определено было направлено в адрес ДАФ, чтобы организация отказалась от дешевой популистской уловки и не подталкивала к повышению заработной платы [11, с. 463]. В 1939 г. режим повсеместно заморозил зарплату, расценивая этот шаг как средство против снижения темпов милитаризации. Сохраняя в целом низкий уровень заработной платы, не исключались материальные стимулы к труду в виде надбавок и премий: рабочим внушали уверенность, что трудовые достижения окупятся и «прилежный работник» сможет выйти за рамки экономии и самоограничения в потреблении.

Добиться реального повышения заработной платы было нелегко, и этому способствовала общая политика государства. С 1936 г. реальная почасовая зарплата начала повышаться и в 1938 г. достигла уровня 1929 г.

Но реальный заработок за неделю (с учетом увеличения рабочего дня, роста отчислений в ДАФ, на «зимнюю помощь») отставал от докризисных показателей. Если в начале 1930-х гг. предприниматели жаловались, что на заработную плату тратится слишком много, то с 1934 – 1935 гг. доля заработной платы в национальном доходе неизменно падала [2, с. 81].

«Достаточный доход» чаще всего обеспечивался косвенно сдерживанием цен и льготами, которые предоставляли работодатели. К ним относились, например, рождественское денежное вознаграждение, полная оплата за праздничные дни, если они были рабочими, сохранение зарплаты во время военных сборов и особые надбавки для рабочих с более чем тремя детьми, возможность пользоваться услугами спортзалов, столовых, которые устраивались на предприятиях [7, с. 14]. ДАФ требовал также снижения налогов и взносов социального страхования, а в определенных случаях и участия рабочих в прибылях и лучших условий при сдельной работе [11, с. 257].

Перспективы профессиональной мобильности и повышения уровня дохода открывались перед рабочими через профессиональное обучение и переподготовку. Вопросу организации системы профессионального обучения уделялось большое внимание: программа вооружения требовала высококвалифицированных рабочих. Для достижения поставленной цели рассчитывали на Немецкий институт по техническому обучению рабочих – ДИНТА (был включен в структуру ДАФ) во главе с К. Арнольдом. Управление «Профессионального воспитания и руководства предприятиями» ДАФ имело разветвленную организационную сеть: к концу 1936 г. общая численность занятого в пунктах обучения преподавательского состава доходила до 25 тыс. человек, а в роли слушателей курсов побывало более 2,5 млн человек (и скоро обозначился излишек квалифицированных рабочих) [3, с. 50]. Как средство повышения квалификации рабочих использовались производственные соревнования. С 1934 г. начала действовать кампания «Имперского производственного соревнования»; отличившимся предоставлялась возможность повысить свой образовательный уровень. С 1936 г. указом А. Гитлера «О борьбе за производительность немецких предприятий» в соревнование включались целые фабрики и заводы за звание «лучшего национал-социалистического предприятия».

В созданной системе поощрений и развития потенциала рабочих немаловажное значение имели льготы, выраженные не в денежной форме, а в комфортных условиях труда. Мероприятия по техническому и художественному оформлению предприятий с целью сделать рабочее место приятнее и привлекательнее проводило в жизнь Управление «Красота труда». В сотрудничестве с руководителем предприятия, доверенными лицами и государственным производственным надзором это управление требовало чистоты и порядка на предприятиях, хороших комнат для отдыха в свободное время, хорошего санитарного обслуживания, озеленения территории и защиты от профессиональных болезней. Каждая просветительско-пропагандистская акция проходила под особым лозунгом: «Солнце и зелень всем трудящимся» была

первой, далее следовали «Борьба с шумом», «Хороший свет – хорошая работа», «Чистые люди на чистом предприятии», «Здоровый воздух в рабочем помещении», «Горячая еда на предприятии». Мероприятия, которые проводила «Красота труда», были предопределены как политическими, так и производственными интересами (повышение производительности труда).

Социальная практика включала вопросы социального страхования. Предоставление пособий являлось составной частью деятельности Германского трудового фронта. Система социального страхования функционировала за счет широкого привлечения средств населения. Доля собственно государственных затрат в этой сфере была не велика. Поддержка предоставлялась немцам – безработным, недееспособным, травмированным, т. е. тем, кого коснулось несчастье. Но эти пособия представлялись дифференцированно, что существенно уменьшало круг их получателей. Денежная выплата, которую получали в определенном случае, зависела непосредственно от того, как долго выплачивались членские взносы в ДАФ и насколько человек идеологически выдержан. Пособия по безработице и болезни получали только те, кто принадлежал к ДАФ по меньшей мере один год, и размер выплаты зависел от того, сколько месяцев заявитель выплачивал свои членские взносы в ДАФ без перерыва [9, с. 230]. Те, кто не подходил под расовые критерии национал-социалистов или подозревался в «антигосударственной» деятельности, теряли гражданские права и право на социальное страхование.

Национал-социалисты, выстраивая социальную политику, заявляли о необходимости оздоровить систему пенсионного обеспечения, которая испытывала финансовые трудности, и Германский трудовой фронт участвовал в разработке заявленной проблемы. Первым шагом в этом направлении был «Закон о сохранении трудоспособности инвалидов, страховании служащих и обеспечении рабочих-горняков» от 7 декабря 1933 г., в котором регулировалась схема начисления пенсий. Эти общие положения были расширены в «Законо о развитии пенсионного обеспечения» от 21 декабря 1937 г., который должен был окончательно гарантировать существование пенсионного обеспечения. Главное в подходе к этому вопросу – правом на пенсионное обеспечение должен обладать человек, отвечающий всем требованиям «народного сообщества» и выполняющий свои обязанности по отношению к «сообществу». Актуальным вопросом было финансирование пенсий, в том числе для рабочих; проблема пенсионных касс неоднократно обсуждалась и решалась с участием представителей ДАФ в 1937 – 1939 гг., решения фиксировались в соответствующих соглашениях [3, с. 454 – 455].

Еще одним вопросом в области социальной сферы был жилищный вопрос. Национал-социалисты поддерживали идею о том, чтобы одной семье принадлежал дом, по возможности окруженный садом и деревянным забором, где немцы в здоровой атмосфере могли иметь большую семью. Выделялись следующие категории земельных участков:

– «сельскохозяйственные» – маленькая усадьба с домом для фабричного рабочего, который был по совместительству фермером;

– «маленькое поселение» – собственный дом с землей, на которой могла вести хозяйство одна семья;

– «жилище» – собственный дом с садом в маленькой общине или на окраине большого города [14, с. 199].

В предложенной схеме поселений прослеживается желание режима взломать субкультуры городского рабочего класса и создать национал-социалистическую культуру на «крестьянско-городской» основе. Обосновывалось это тем, что немецкие рабочие должны войти в соприкосновение с «почвой» для усиления своей расовой основы [13, с. 152]. Кроме того, такие поселения могли обеспечивать независимость пропитания, что очень важно в условиях военных действий. Жилищное строительство играло большую роль и в заботе о повышении производительности труда, и в заботе о приросте и благосостоянии населения. Хорошее жилье, по мнению национал-социалистов, должно было способствовать основанию больших здоровых семей, нужных впоследствии и для освоения «жизненного пространства».

Для организации свободного времени немецкого населения была создана мощная социальная структура «Сила через радость» (далее КдФ). Она предлагала практически исчерпывающий список услуг по организации досуга, которыми, по статистике, раз в год пользовался каждый взрослый немец (КдФ обладала внушительной финансовой базой, в среднем в 1933 – 1939 гг. ее ежегодные расходы доходили до 26,7 млн рейхсмарок [3, с. 55]). На нее возлагались организация отпусков, путешествий для рабочих и служащих; помощь в организации лекций на самые различные темы; проведение спортивных мероприятий и народных праздников; организация совместных походов на природу, групповых посещений театров, кино и т. д. Все это отвечало мнению национал-социалистов, что «было бы ошибкой полагать, что рабочий день нужно организовать до мельчайших деталей, а о 16 часах свободного времени можно и не думать... Насущная задача сегодняшнего дня – сохранить нервы народа. Нервный народ не может устоять перед атаками судьбы» [4, с. 82].

За реализацию каждой из задач, возложенных на КдФ, отвечало специально созданное управление. Широкий размах получила деятельность Управления путешествий, экскурсий и отпусков. С 1934 г. от островов Мадейра до фьордов Норвегии курсировали пароходы КдФ (к 1938 г. – 12 кораблей), палубы которых, объединяя представителей разных социальных групп, должны были олицетворять собой бесклассовое общество. Популярностью у среднего рабочего пользовались двухнедельные экскурсии на озеро Констанц (65,5 марки) и восьмидневные туры на Балтику (32 марки). Рабочие с низким уровнем доходов получали возможность путешествовать за счет дотаций. О массовости и популярности коллективных туристических поездок свидетельствуют следующие данные: если в 1934 г. число участников отпускных поездок составляло 2,3 млн человек, то в 1938 г. – уже 10,3 млн человек [17, с. 501]. И тем не менее полно-

стью удовлетворить спрос КдФ не могла, что порождало недовольство части рабочих.

Реализация задачи по оказанию помощи в организации просветительских лекций была возложена на Управление народного просвещения под руководством Ф. Лойтлоффа. Для достижения этой цели по всей территории рейха на 1939 г. было открыто 325 учреждений «Народного просвещения» [12, с. 183], которые предлагали всевозможные курсы по расовой и наследственной теории, народному здравоохранению, краеведению, истории, искусству, экономике, естествознанию, технике, изучению иностранных языков, любительской фотографии, стенографии и т. д. Эти мероприятия были проникнуты специфической нацистской идеологией расистского и националистского толка, но из-за практической значимости у многих пользовались популярностью. В 1938 г. учреждения «Народного просвещения» посещало не меньше 6,33 млн человек [11, с. 194].

Спортивное управление КдФ ставило своей целью пробудить интерес к спорту у рабочих, которые относились к нему равнодушно или отрицательно. Они должны были понять и почувствовать пользу, которую несут в себе целенаправленные физические упражнения. Предпочтение отдавалось таким видам спорта, как гимнастика, плавание, гребля, верховая езда, бокс, теннис, фехтование. Видя общественную полезность целенаправленных занятий спортом, многие предприятия построили собственные спортплощадки. С 1936 г. занятия физкультурой на предприятиях стали обязательными для всех рабочих, и они должны были регулярно проходить проверку по показателям физического состояния (здоровье превращалось в обязанность). Так в нацистской Германии развитие спорта получило мощный стимул: 8,3 млн человек ежегодно участвовали в спортивных мероприятиях [12, с. 189].

Если рабочие после всего этого имели силы и время, они могли принимать участие в мероприятиях,

которые предлагало Управление по организации досуга. Создавались музыкальные группы, коллективы художественной самодеятельности, народного танца и народных костюмов, организовывались собственные театральные представления и концерты. Рабочие посещали музеи, исторические места и старинные города. Курируя эти мероприятия, управление всегда включало в программу элементы нацистской идеологии, тем самым стремясь укрепить веру рабочего не только в свое трудовое мастерство, но и в духовные и интеллектуальные силы и возможности в условиях нацистской власти.

В целом социальная практика национал-социалистического режима в отношении рабочих, с одной стороны, была содержательной и концентрировалась на «обслуживании» человека; активно шло развитие отраслей социальной сферы: регулирования условий труда, организации досуга, образования, спорта, жилищного строительства. С другой стороны, она наполнялась идеями национал-социализма и способствовала созданию «нужного» общественного настроения. Один из существенных успехов нацистской социальной политики заключался в распространении чувства социального равенства. В сознании людей искоренялись представления о различиях в ранге и статусе. «Общий суп» директоров и рабочих по воскресеньям свидетельствовал о победе «народного воспитания». Человек должен был ощущать, что «народное сообщество» существует и статус не так важен, как желание жить в «сообществе» и добрая воля оказывать помощь друг другу. Удалось убедить рабочих в том, что они нужны государству для создания нового «Великого рейха», решения глобальных задач. Социальные мероприятия национал-социалистов в глазах многих немцев выглядели выигрышно на фоне предшествующей Веймарской республики, и в сочетании с мощной пропагандой, подавлением инакомыслия они позволили к началу войны в 1939 г. обеспечить и сохранить поддержку режиму.

Литература

1. Гитлер, А. Моя борьба / А. Гитлер. – М.: Т-Око, 1992.
2. Фрай, Н. Государство фюрера: национал-социалисты у власти: Германия, 1933 – 1945 / Н. Фрай. – М.: РОССПЭН, 2009.
3. Паламарчук, Е. А. Социальная политика Третьего рейха / Е. А. Паламарчук. – Ростов н/Д.: Из-во АПСН СКНЦ ВШ, 2005.
4. Alltag unter Hitler / Hrsg. von W. Schneider. – Berlin, 2000.
5. Arbeitertum: Blätter für Theorie und Praxis der Nationalsozialistischen Betriebszellenorganisation. Amtliches Organ der Deutschen Arbeitsfront. – Berlin. – 1.12.1933.
6. Europäische Revue. – 1940. – Juli.
7. Jahrbuch 1937. Hrsg. v. Arbeitswissenschaftlichen Institut der Deutschen Arbeitsfront. – Berlin, 1938.
8. Ley, R. Deutschland ist schöner geworden / R. Ley. – Berlin, 1936.
9. Marrenbach, O. Fundamente des Sieges. Die Gesamtarbeit der Deutschen Arbeitsfront von 1933 bis 1940 / O. Marrenbach. – Berlin, 1941.
10. Mason, T. W. Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft. Dokumente und Materialien zur deutschen Arbeiterpolitik 1936 – 1939 / T. W. Mason. – Opladen, 1975.
11. Mason, T. W. Sozialpolitik im Dritten Reich / T. W. Mason. – Opladen, 1977.
12. Müller, W. Das soziale Leben im neuen Deutschland unter besonderer Berücksichtigung der Deutschen Arbeitsfront / W. Müller. – Berlin, 1938.
13. Schildt, A. Wohnungspolitik / A. Schildt // Drei Wege deutscher Sozialstaatlichkeit: NS-Diktatur, Bundesrepublik und DDR im Vergleich / Hrsg. von H-G. Hockerts. – München, 1998.
14. Smelser, R. Robert Ley: Hitlers Mann an der «Arbeitsfront»; eine Biographie / R. Smelser. – Paderborn, 1989.

15. Sozialstrategien der Deutschen Arbeitsfront / Teil. B. Periodika, Denkschriften, Gutachten und Veröffentlichungen des Arbeitswissenschaftlichen Institut der Deutschen Arbeitsfront // Quellen zur Geschichte des Arbeitswissenschaftlichen Instituts der DAF / Hrsg.: Hamburger Stiftung für Sozialgeschichte d. 20. Jh. Bearb. von Karsten Linne. – München, 1989.

16. Strasser, G. Kampf um Deutschland. Reden und Aufsätze eines Nationalsozialisten / G. Strasser. – München, 1932.

17. Thamer, H.-U. Verführung und Gewalt. Deutschland 1933 – 1945 / H.-U. Thamer. – Berlin, 1986.

Информация об авторах:

Арапина Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета истории и международных отношений КемГУ, arapina77@mail.ru.

Svetlana V. Arapina – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Ипатенко Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета истории и международных отношений КемГУ, ipatenko78@mail.ru.

Elena V. Ipatenko – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

УДК 336.76+336.276.4(47)"1887/1892"

ЕВРОПЕЙСКИЕ РЫНКИ КАПИТАЛОВ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕГО ДОЛГА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ 80-х – НАЧАЛЕ 90-х гг. XIX в.

О. В. Баев

EUROPEAN CAPITAL MARKETS AND THE RUSSIAN EMPIRE'S EXTERNAL DEBT TRANSFORMATION IN THE LATE 1880s – EARLY 1890s

O. V. Baev

В статье анализируется трансформация внешнего долга Российской империи в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. Рассматриваются итоги конверсионных операций, влияние на них состояния европейских рынков капитала, взаимодействие внешних займов и внешнеполитической переориентации России с Германии на Францию. Делается вывод о трансформации в данный период времени как основного кредитора России, так и характера самих заимствований из чисто экономического явления в явление политическое и большей инертности экономических процессов по сравнению с процессами политическими.

The paper analyzes European capital markets and the Russian Empire's external debt transformation in the late 1880s – 1890s. Conversion results and European capital markets' condition influencing them, as well as coordination of external loans and Russian foreign policy realignment from Germany to France are examined. The conclusions are as follows: both Russia's main creditor and the character of loans (from economic to political) were transformed at that time, economic processes becoming more inert than political ones.

Ключевые слова: Европа, Россия, внешний долг, конверсия.

Keywords: Europe, Russia, external debt, conversion.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. Россия резко активизировала свои финансовые операции на европейских фондовых рынках, ежегодно размещая там внешние займы. В связи с таким усилением внешне-экономической активности в конце 1880-х годов было образовано Иностранное отделение Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, которое начало готовить материалы для выпусков займов. Там следили за положением международного денежного рынка, финансовой и политической прессы [1, с. 87].

При этом можно говорить и о принципиальном изменении целей внешних заимствований Российской империи. Если до середины 80-х гг. XIX в. внешние займы брались с целью прежде всего восполнить доходную часть государственного бюджета, то новый

министр финансов А. И. Вышнеградский «был, по крайней мере, на словах, противником такой системы, когда чрезвычайные расходы покрываются займами» [4, с. 67]. Мотивы такой резкой смены финансового курса были понятны уже его современникам. «Прежде всего Вышнеградский очень заботился о том, чтобы не увеличивалась боле наша заграничная задолженность. Отсюда избегание по мере возможности заграничных займов. Действительно, вопреки практике Бунге, предпочитавшего заграничные займы, Вышнеградский только 3 % заем 1891 г. выпустил на заграничном рынке... остальные займы (4 % 1887 г. и железнодорожные 1890 и 1892 гг.) были выпущены в кредитной валюте и на внутреннем рынке» [15, т. 2, с. 517].

Базой для проведения такой более самостоятельной и финансовой, и внешнеторговой политики стало укрепление экономического положения страны. «Россия может в крайнем случае обойтись собственными средствами без поддержки западноевропейских денежных рынков, и эта твердая уверенность в экономических силах России несомненно оказала свое действие не только на успешность самой кредитной операции, но и на благополучное окончание таможенной войны с Германией» [15, т. 3, с. 16].

Однако очень скоро обнаружилось, что у такой, на первый взгляд, очень эффективной политики есть пределы реализуемости. Установлены они были вполне объективным фактором – эффективностью сельского хозяйства, остававшегося доминирующей отраслью экономики России. «Попытка обойтись без них [заграничных капиталов] впервые была сделана И. А. Вышнеградским, который всячески избегал заграничных займов. Она окончилась не совсем удачно, но, если и могла хотя до известной степени осуществляться, то единственно благодаря превосходным нашим урожаем конца 1880-х гг., обусловившим огромный вывоз хлебов и с тем вместе необычайно выгодный для нас расчетный баланс: мы тогда накапливали свои капиталы, а потому и могли обойтись без заграничных. С начала 1890-х годов мы перестали накапливать эти капиталы в количестве, достаточном для расчета по нашим заграничным долгам и снова вынуждены были, как и прежде (со времен Крымской войны и до Вышнеградского), обратиться к позаймствованию иностранных капиталов» [15, т. 3, с. 380]. Однако и государственный секретарь А. А. Половцов, и бывший министр финансов А. А. Абаза считали, что обращаясь к внешним займам, И. А. Вышнеградский только продолжил порядок действий своего предшественника Н. Х. Бунге [18, т. 2, с. 223, 270].

Основной же финансовой операцией в министерство Вышнеградского стала конверсия государственных займов России, проведенная Парижско-Нидерландским банком и банкирским домом Ротшильдов. Поиск нового рынка для русских фондов начался еще до 1887 г., когда германские биржи отвернулись от русских бумаг, и не был, таким образом, следствием антирусской политики Бисмарка. С. К. Лебедев отмечает, что Министерство финансов России всегда стремилось получить заем у Ротшильдов [12, с. 403]. Действительно, конверсии 1888 – 1891 гг. проводили те две группы, которые добивались их еще в 1886 – 1887 гг.: группа Ротшильдов и синдикат Госкье [12, с. 303].

Все 4½ %, 5 %, 5½ % и 6 % внешние займы были конвертированы в 4 % [11, с. 43], в результате чего средний процент государственных долгов в 1889 г. был 4,8 %, а в 1892 г. – уже 4,35 % [24, с. 208]. «Конверсии и заключение займов за последние годы на более выгодных условиях повлияли на уменьшение ежегодных платежей по государственным долгам, также уменьшился средний процент погашения, соответственно чему увеличился и срок окончательного их погашения». Так, средний процент погашения для металлических займов достигал в 1886 г. 0,72 %, а в 1894 г. упал до 0,38 % [10, с. 160].

При этом конверсии подверглись не только собственно государственные займы, но и гарантированные правительством займы железнодорожных обществ. «В числе этих долгов значительное место занимали железнодорожные облигации, в сущности не составлявшие казенных долгов, хотя проценты по ним на самом деле уплачивала казна» [8, с. 20]. «С целью уменьшения бремени платежей были произведены конверсии целого ряда железнодорожных займов, как выпущенных правительством (консолидированные займы первых 5 выпусков и седьмого выпуска, облигации Харьковско-Николаевской железной дороги, 4½ % займа 1849 г.), так и выпущенных и принадлежащих частным обществам (5 % облигации Шуйско-Ивановской, Киево-Харьково-Азовской, Козлово-Воронежско-Ростовской, Орловско-Грязевской, Фастовской, Курско-Киевской и Варшавской железных дорог). Выкуплено было 10 железнодорожных линий протяжением в 5456 верст с переводом в казну обязательств в сумме до 289 млн руб. и со списанием со счетов старых долгов выкупленных дорог на сумму 353 млн руб. Организованное на выкупленных линиях казенное хозяйство дало сравнительно с прежним частным весьма успешные результаты, что сейчас же отразилось очень выгодно на государственном бюджете» [15, т. 3, с. 453].

В результате уменьшения процентной ставки и обязательного погашения конверсии дали бюджетную экономию до 30 млн руб. ежегодно [23, с. 175]. Еще более целесообразным П. П. Мигулин считал уменьшение заграничных платежей по старым займам на более чем 10 млн руб. зол. ежегодно, правда, ценой увеличения государственного металлического долга на сумму свыше 100 млн руб. зол. [15, т. 2, с. 518] (П. Х. Шванебах приводит цифры увеличения капитальной суммы долга с 796 до 941 млн руб. зол. при понижении годового платежа по внешнему долгу на 7½ млн руб. зол. [28, с. 22]).

Это способствовало развитию не только государственного, но и народного хозяйства. «Если бы правительство продолжало платить более высокий процент, когда есть возможность понизить его, оно поступало бы несправедливо по отношению ко всему населению страны, с которого собираются излишние средства для оплаты процентами государственного долга» [5, с. 538]. «Пользуясь внешним миром, Россия хотя и несла тяжелое бремя «вооруженного мира», но тем не менее четверть века после русско-турецкой войны она не знала единовременных крупных военных расходов, внешний престиж доставил России прочный и обильный кредит на иностранных рынках капитала, позволив конвертировать ряд государственных займов, что сократило расходы по сильно возросшей задолженности и удешевило привлечение иностранного капитала внутрь страны» [4, с. 470].

Конверсии внешнего долга России имели не только чисто экономические, но и внешнеполитические последствия. «Конверсией было достигнуто заметное сокращение ежегодных платежей процентов и, кроме того, значительная часть наших фондов нашла широкий доступ на новый для нас богатый капиталами французский рынок» [5, с. 543, 544]. «Сближение наше с Францией началось с перемещения русских фон-

дов на Парижскую биржу и приобретения их французами» [9, с. 28]. Российская пресса также позитивно оценивала освобождение «нашего внешнего государственного кредита от гнета берлинских банкиров» и доказывала преимущества деловых операций с французским денежным рынком [13, с. 459].

При этом никого не вводило в заблуждение формальное участие в конверсиях других европейских банкиров. «Хотя в размещении всех этих займов формально участвовали не только французские банкиры, но и германские, голландские и другие, роль нефранцузских капиталов в действительности была крайне незначительной. Фактически займы размещались во Франции; руководство операциями по размещению займов и проведение их прочно удерживались в руках парижского дома Ротшильдов и синдиката французских банкиров» [13, с. 458].

По мнению А. З. Манфреда, финансовые отношения России и Франции сыграли решающую роль и в определении соотношения роли двух стран в союзе. «В момент же возникновения и оформления русско-французского союза финансовые связи и, в частности, первые займы лишь клали начало закабалению царской России, а потому играли еще меньшую роль, чем позже; сближение двух стран определяли, в первую очередь, политические и стратегические расчеты» [13, с. 538].

При этом чисто финансовые отношения перевесили и существовавшие между государствами политические противоречия. «Если до сих пор еще существовало какое-то предубеждение к политическому строю республики, то теперь деньги в известной степени стирали этот предрассудок, они были нужны царской казне и способствовали налаживанию тесного сотрудничества в области финансовых связей» [14, с. 281]. С другой стороны, как писал М. Павлович, «этим золотом богатая Франция покупает благоволение царской династии и смягчает враждебное отношение последней к республиканской форме правления во Франции» [17, с. 14].

Б. В. Ананьич также считал основным результатом конверсионных операций «переход значительной части русских ценностей на французский денежный рынок – переход, совершившийся при самом активном участии французских банков и встреченный с энтузиазмом французскими держателями. Так был заложен фундамент, на котором вскоре было воздвигнуто и само здание франко-русского союза» [2, с. 185].

Результатом этого стало и расширение количества непосредственных кредиторов российского государства. «Усилиями магнатов финансовой буржуазии идея франко-русского союза была создана и материальная основа в широких слоях французского населения... Сохраняя за собой полный контроль за займовыми операциями и загребая львиную долю барышей, крупные банки – организаторы русских займов – распространяли акции этих займов среди миллионов мелких подписчиков. Так, например, на один лишь русский заем 1891 г. во Франции подписались от одного до полутора миллионов человек. По другим русским займам число мелких держателей акций было также весьма велико... Идея франко-русского союза теперь получила во Франции широкую клиентуру в

лице рантье-ских и мелкобуржуазных кругов» [13, с. 468]. Таким образом, в начале 90-х гг. началось постепенное уменьшение нарицательной стоимости отдельных российских процентных бумаг в силу их демократизации – проникновения в среду мелких капиталистов, которое началось с обращением к услугам французского рынка. В результате за пятилетие 1889 – 1893 гг. на каждый миллион погашаемых облигаций приходилось 1647 облигаций, а по новым займам – 3296 облигаций [20, л. 17].

При этом ведущий для России германский рынок капиталов отошёл на второстепенные позиции. В то время как Берлин вел систематическую кампанию против русского рубля, в Париже банковские круги и правительство активно старались установить тесные финансовые связи, широко предоставляя России займы, в которых она сильно нуждалась [14, с. 315]. В результате в 1889 – 1890 гг. при произошедших конверсиях германский денежный рынок в значительной степени освободился от большинства российских фондов [6, с. 384]. Необходимо отметить, что германское правительство не препятствовало подобной внешнеэкономической переориентации России [подробнее см.: 3]. «Уход Бисмарка с политической арены несколько не помешал тому, что против русских финансов в Берлине продолжалась та же кампания с целью дискредитирования их, которая была начата в 1886 – 1887 г.» [22, с. 89].

С другой стороны, в период конверсий значительно возросла роль русских банков, которые занимают полноправное положение в банковских группах, так как вследствие закрытия германского денежного рынка усилилась роль внутреннего рынка, принявшего часть конвертированных металлических займов [12, с. 304].

Потеряли свои позиции не только немецкие, но и голландские и английские банки. «Англия совершенно закрыла для нас свой рынок. Конверсиями Вышнеградского англичане воспользовались, чтобы сбыть все русские бумаги во Францию» [15, т. 3, с. 1077]. В самом начале 90-х гг. «Hope & Co» и «Baring Brothers & Co», бывшие с XVIII в. в особенно близких отношениях с русским правительством, оказались потесненными французскими банками [12, с. 403]. Для удобства заграничных держателей российских государственных фондов с Французским банком было заключено соглашение о приёме им на хранение предъявительских бумаг русских государственных займов, обеспечивающих владельцев от риска утраты [20, л. 19].

При этом улучшения условий заимствований удалось достичь именно за счёт перемещения русских ценностей на французский финансовый рынок. «Германия перестала играть свою традиционную роль банкира России и ее место заняла Франция», причем «русскому Министерству финансов удалось пристроить свои 4 % займы на более выгодных условиях во Франции, нежели прежде 5 % займы в Германии» [13, с. 458]. Конечно, политическое сближение с Францией, которая могла предоставлять значительные финансовые средства в распоряжение России, способствовало росту внешней государственной задолженности России. Но вместе с тем этот поворот оттенял

охлаждение политических отношений с Германией [7, с. 77 – 78].

На сегодняшний день вопрос о причинно-следственных связях финансового и внешнеполитического сближения остаётся дискуссионным. А. Финн-Енотавский считал первичным политический процесс. «Как только франко-русский союз раскрыл для нас кошелек французских буржуа, наше правительство поспешило взять из него все, что было возможно» [25, с. 156].

Г. Хальгартен придерживался противоположной точки зрения: «Оформленные в политический союз франко-русские отношения оказались непосредственным результатом финансово-экономического кризиса начала 90-х гг., который и вызвал финансовые трудности России и толкнул ее в объятия могущественного в финансовом отношении европейского государства» [27, с. 135]. «Общая линия русско-французских отношений в период между «помолвкой» 1891 года и «свадьбой» 1893 года, когда была ратифицирована военная конвенция, отчетливо обнажает растущую обусловленность этих отношений финансово-экономическими факторами. Подобная схема отношений сама по себе не является непременно присущей любому политическому союзу, но для русско-французского союза она весьма характерна. Здоровое в финансовом, промышленном и экономическом отношении государство-рантье приобрело себе таким образом друга, который прежде всего мог служить ему выгодным орудием в военном отношении» [27, с. 134 – 135].

При этом не все даже советские историки считали приоритетными экономические процессы. Так, Ю. Б. Соловьёв отмечал, что серия займов, проведённых царизмом во Франции в 1888 – 1891 гг., стала прелюдией к франко-русскому альянсу, а постоянная нужда самодержавия во всё новых займах – одной из важнейших основ союза [21, с. 3].

Однако А. З. Манфред отмечал и другое: «Не следует забывать, что первые французские займы (кстати сказать, еще весьма скромные по цифрам) были предоставлены лишь в 1888 – 1889 гг., когда вопрос о сближении двух государств, политическом сближении, был в значительной мере предreshен. Да и сами эти финансовые операции в ту пору еще играли незначительную роль, они затрагивали сравнительно узкий круг заинтересованных лиц и не оказывали почти никакого влияния на решение политических судеб... главное и решающее значение имели политические или, если угодно, стратегические интересы двух государств» [14, с. 288, 289]. При этом он отмечал и роль внешнеторговых отношений, так как Франция, обеспокоенная русско-германскими торговыми переговорами 1891 г., предложила России вступить с ней в торговые переговоры, а в 1892 г. установила режим наибольшего благоприятствования для русских товаров [14, с. 316].

В то же время французская исследовательница А. Огенюис-Селиверстоф считает перемещение русских займов из Германии во Францию не причиной, а следствием общих перемен во взаимоотношениях России, Германии и Франции, в результате которых

русские финансисты использовали благоприятные психологические условия того момента [16, с. 157].

Уже у современников не было единого мнения по поводу как внешнеэкономического содержания, так и последствий конверсий внешнего государственного долга. П. П. Мигулин оценивал деятельность И. А. Вышнеградского в этом аспекте резко негативно: «Конверсия сопровождалась потерей для России на несколько лет богатого германского денежного рынка, а отчасти еще более богатого английского. О компенсации этой потери приобретением французского рынка не стоит говорить, так как это приобретение стояло независимо от конверсии, вследствие главным образом политического сближения России с Францией» [15, т. 2, с. 256].

Также П. П. Мигулин отмечал, что в результате конверсий Россия не приобрела потенциальные инвестиции, а лишь стала должником другого экономического субъекта. «Конверсии имели то вредное последствие, что огромное количество наших бумаг, довольно равномерно дотеле распределенных между разными рынками, перекочевало почти целиком на один рынок французский. Французские капиталисты таким путем ссудили России огромную сумму, но из нее ни одной копейки в Россию не поступило, а всё ушло в Англию и Германию» [15, т. 3, с. 1141].

Ещё одной проблемой П. П. Мигулин считал ограниченность французского денежного рынка для русских займов: «По существу, теряя германский и английский рынки, мы вовсе не извлекли выгод от «приобретения» французского: этот последний рынок был настолько сильно переполнен нашими бумагами благодаря почти единовременному перенесению на него огромной их массы, что не в состоянии был некоторое время принимать новые выпуски русских займов: отсюда полный неуспех 3 % займа 1891 г. Переход русских бумаг начался в момент политического охлаждения между Россией и Германией, едва не приведшего к открытому разрыву, каковой разрыв в весьма значительной степени облегчался для Германии избавлением от русских бумаг, владение которыми в случае войны грозило для немцев огромными потерями. Германское правительство только потому и рекомендовало немецким капиталистам сбыть русские ценности во Францию и замену их другими, чтобы развязать себе руки на случай открытых враждебных действий против России. По счастью более благоразумные элементы германского народа вскоре сознали всю невыгоду для Германии разрыва с Россией» [15, т. 2, с. 235 – 237]. «Германского рынка мы вследствие этого не потеряли, напротив, получили возможность реализовать там впоследствии многие свои займы, особенно железнодорожные, но английский рынок (и без того нами почти потерянный), раньше бывший для нас главным, сбывши русские фонды, перестал ими интересоваться и совершенно закрыл России свой кредит» [15, т. 3, с. 1141].

При этом С. С. Хрулёв придерживался противоположной точки зрения: «Россия открыла новый рынок для своих бумаг и сохранила старый и тем приобрела возможность пользоваться кредитом в более широкой степени» [26, с. 62].

Пожалуй, прав оказался всё-таки П. П. Мигулин. История выпуска 3 % займа во Франции показала, что её денежный рынок был переполнен русскими бумагами, выпущенными в 1889 – 1890 гг., и на некоторое время закрылся для новых русских займов [15, т. 2, с. 235, 236]. «Ввиду указанного неуспеха 3 % займа 1891 г., выпущенного на французском денежном рынке, приходится с большими оговорками перенесение центра русских кредитных операций из Берлина в Париж и перемещение русских фондов из рук немцев в руки французов вменить в особую заслугу Вышнеградского... расширение рынков для помещения государственных фондов – вещь очень важная, так как это помогает возможности заключить заем на одном денежном рынке, если закрыт другой и, создавая конкуренцию между рынками, дает возможность заключать займы на более выгодных условиях. Но конверсионные займы, заключаемые в министерство Вышнеградского на французском денежном рынке, навряд ли можно признать за выгодные для России» [15, Т. 2, с. 231].

Следует заметить, что сам И. А. Вышнеградский противился односторонней финансовой ориентации на французский денежный рынок «и если способствовал этому процессу, то лишь в силу необходимости, рассчитывая, что германское правительство вскоре отменит санкции против русских бумаг» [12, с. 302]. «Руководители русских финансов стремились использовать все главные европейские биржи, чтобы сохранить свободу выбора и, пользуясь конкуренцией международных банковских групп, иметь более выгодный кредит» [12, с. 345]. В частности, польские облигации

1844 г. по-прежнему продолжали обращаться преимущественно в Берлине и Амстердаме [19, с. 309].

При этом не стоит абсолютизировать и степень французского доминирования в размещении российских государственных займов. Как справедливо отмечает С. К. Лебедев, «французские банкиры не выступали единым фронтом против «немцев», напротив, интернационализация банковского дела отразила существовавшую связь и взаимодействие денежных рынков. Министерство финансов было особенно заинтересовано в таком взаимодействии, поэтому поддерживало русские банки, и, прежде всего, Петербургский Международный коммерческий банк в международных банковских синдикатах, без обращения к которым было немыслимо размещение новых займов» [12, с. 345].

Таким образом, рубеж 80 – 90-х гг. XIX в. стал важной вехой в развитии внешнего государственного долга Российской империи. Именно в это время произошла трансформация как основного кредитора России, так и характера самих заимствований. Из чисто экономического явления, призванного помочь решить бюджетные проблемы, внешние займы трансформируются в явление политическое, тесно связанное с местом России в системе международных отношений. Сама же трансформация внешних займовых операций совпадала с внешнеполитической попыткой заручиться поддержкой нового союзника Франции без потери близких отношений с Германией. При этом экономические процессы показали большую инертность по сравнению с процессами политическими.

Литература

1. Ананьич, Б. В. Сергей Юльевич Витте и его время / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 431 с.
2. Ананьич, Б. В. Русское самодержавие и внешние займы в 1898 – 1902 гг. / Б. В. Ананьич // Из истории империализма в России: труды Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. – Вып. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 183 – 218.
3. Баев, О. В. Германия, Франция и начало конверсии государственных займов Российской империи в 1888 г. / О. В. Баев // Ученые записки факультета истории и международных отношений: сборник научных статей памяти Ю. В. Галактионова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2010. – Вып. 3. – С. 168 – 178.
4. Боголепов, М. И. Государственный долг (к теории государственного кредита). Типологический очерк / М. И. Боголепов. – СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1910. – 569 с.
5. Витте, С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве / С. Ю. Витте. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. – 568 с.
6. Витте, С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. – Т. 2. Кн. 2 / С. Ю. Витте. – М.: Наука, 2003. – 490 с.
7. Гиндин, И. Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России / И. Ф. Гиндин. – М.: Госфиниздат, 1948. – 453 с.
8. Головин, К. Наша финансовая политика и задачи будущего (1887 – 1898) / К. Головин. – СПб.: Типография Д. В. Чичинадзе, 1899. – 261 с.
9. К вопросу о «русском золотом запасе за границей». – СПб.: Типография штаба отдельного корпуса пограничной стражи, 1914. – 107 с.
10. Кашкаров, М. Главнейшие результаты государственного денежного хозяйства за последнее десятилетие (1885 – 1894) / М. Кашкаров. – СПб.: Государственная типография, 1895. – 220 с.
11. Корелин, А. П. С. Ю. Витте и бюджетно-финансовые реформы в России конца XIX – начала XX века / А. П. Корелин // Отечественная история. – 1999. – № 3.
12. Лебедев, С. К. Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи / С. К. Лебедев. – М.: РОССПЭН, 2003. – 528 с.
13. Манфред, А. З. Внешняя политика Франции 1871 – 1891 годов / А. З. Манфред. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 591 с.

14. Манфред, А. З. Образование русско-французского союза / А. З. Манфред. – М.: Наука, 1975. – 376 с.
15. Мигулин, П. П. Русский государственный кредит. Опыт историко-критического обзора / П. П. Мигулин. – Т. 1. – Харьков: Печатное дело, 1899. – 606 с.; Т. 2. – Харьков: Печатное дело, 1900. – 578 с.; Т. 3. – Харьков: Печатное дело, 1907. – 1217 с.
16. Огеньюис-Селиверстоф, А. Франция – Россия – Германия (1878 – 1918) / А. Огеньюис-Селиверстоф // Россия и Франция: XVIII – XX века. – М.: Наука, 2000. – Вып. 3.
17. Павлович, М. Советская Россия и капиталистическая Франция / М. Павлович. – М.: Государственное издательство, 1922. – 64 с.
18. Половцов, А. А. Дневник государственного секретаря / А. А. Половцов. – М.: Центрполиграф, 2005. – Т. 1. – 605 с.; Т. 2. – 639 с.
19. Правилова, Е. А. Имперская политика и финансы: внешние займы царства Польского / Е. А. Правилова // Исторические записки. – М.: Наука, 2001. – Т. 4(122). – С. 271 – 316.
20. Российский государственный исторический архив. – Ф. 643. – Оп. 2. – Д. 1158.
21. Соловьёв, Ю. Б. Финансово-экономические отношения России и Франции в конце XIX в. (русские займы во Франции и французский капитал в России): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. Б. Соловьёв. – Л., 1963. – 20 с.
22. Тарле, Е. В. Франко-русский союз / Е. В. Тарле // Россия и её союзники в борьбе за цивилизацию. – М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1916.
23. Тёрнер, Ф. Г. Воспоминания жизни / Ф. Г. Тёрнер. – СПб.: Электротипография Н. Я. Стойковой, 1910 – 1911. – Т. 1. – 347 с.; Т. 2. – 322 с.
23. Финн-Енотаевский, А. Капитализм в России (1890 – 1917) / А. Финн-Енотаевский. – М.: Финансовое издательство НКФ СССР, 1925. – Т. 1. – 400 с.
25. Финн-Енотаевский, А. Современное хозяйство России (1890 – 1910 гг.) / А. Финн-Енотевский. – СПб.: Типография Первой СПб. Трудовой Артели, 1911. – 528 с.
26. Хрулев, С. С. Финансы России / С. С. Хрулёв. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907. – 292 с.
27. Хальгартен, Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны / Г. Хальгартен. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 695 с.
28. Шванебах, П. Х. Денежное преобразование и народное хозяйство / П. Х. Шванебах. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1901. – 237 с.

Информация об авторе:

Баев Олег Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КемГУ, 8-904-375-88-96, baev@history.kemsu.ru.

Oleg V. Baev – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

УДК 94 (460.05)

ВЛАСТЬ И ПОДДАННЫЕ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЧИНЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVI в. А. П. Батури

POWER AND SUBJECTS: THE PROBLEM OF INTERACTION IN THE WORKS OF FRENCH POLITICAL WRITERS OF THE 16TH CENTURY A. P. Baturin

В статье рассматриваются взгляды и идеи крупнейших французских политических писателей XVI в., касающиеся власти и ее взаимодействия с подданными в эпоху становления абсолютизма во Франции. Внимание при этом акцентируется на формах и методах, в том числе на роли насилия в этом взаимодействии.

The paper considers the views and ideas of major French political writers of the 16th century regarding power and its interaction with the citizen at the time of the formation of absolutism in France. Attention is focused on the forms and methods, including on the role of violence in this interaction.

Ключевые слова: французский абсолютизм, французская литература XVI в., политическая мысль Франции Раннего Нового времени.

Keywords: French absolutism, French literature of the 16th century, political thought in Early Modern France.

Обращение к историческим взглядам и идеям интеллектуалов Франции в означенный период времени не случайно. С одной стороны, как считают современные исследователи, особую актуальность пред-

ставляет изучение истории исторических знаний именно XVI – XVII вв., с другой – прежде всего Франция и Англия в данный период времени определяли интеллектуальное движение, создававшее исто-

рическую дисциплину и предопределившее институциональное оформление исторической науки в Европе [3, с. 20 – 21]. Для Франции, как и для большинства западноевропейских стран, переход от Средневековья к Новому времени ознаменовался радикальными переменами во всех сферах жизни – в экономической, социальной, политической, культурной. Французские мыслители на всем протяжении этого сложного, во многом трагического для страны периода часто обращались к политическим проблемам и проблеме власти в частности. В немалой степени этому способствовали политическая ситуация в стране при Людовике XI, процесс складывания во Франции абсолютной монархии, а позднее Гугенотские войны второй половины XVI столетия. Среди политических писателей эпохи к проблеме власти более глубоко и последовательно обращались Филипп де Коммин (1447 – 1511), Жан Боден (1530 – 1596), Мишель де Монтень (1533 – 1592), Теодор Агриппа де Обинье (1552 – 1630).

Почти все названные писатели были выходцами из знатных родов (кроме Жана Бодена – сына портного), имели блестящее по тем временам образование, занимали высокое служебное положение (прим. автора: *Коммин получил хорошее образование и много лет служил при дворах бургундского герцога Карла Смелого, затем при французских королях Людовике XI, Карле VIII и Людовике XII. Жан Боден учился в трех университетах (в Анжере, Париже и Тулузе), юрист по образованию, служил адвокатом при Парижском парламенте. Во время гугенотских войн принимал активное участие в деятельности партии «политиков». В 1576 г. Боден был членом Генеральных штатов в Блуа в качестве одного из представителей третьего сословия. В 1587 г. он получает наследственную должность королевского прокурора Лана. Жизненный и политический опыт Мишеля де Монтеня складывался на основании далеких путешествий, участия в ряде военных походов в конце 50-х – 60-х гг., работы советником и мэром парламента Бордо, неоднократного посещения королевского двора. Теодор Агриппа де Обинье – всесторонне развитая личность, крупный политический и общественный деятель Франции, талантливый военачальник, участник религиозных войн, поэт, писатель-романист, историк*). Находясь в центре важнейших политических событий и выполняя военные и дипломатические функции, они были хорошо осведомлены о современной социально-экономической и политической обстановке во Франции и в соседних странах, что делает их наблюдения и выводы достаточно интересными и обоснованными. В начале разговора о конкретных воззрениях названных выше писателей-гуманистов следует отметить, что гуманистическая историография имеет ярко выраженный дидактический характер. Гуманисты стремились извлечь из истории уроки и преподать их окружающим. При этом, как подчеркивает М. А. Барг, «Один из уроков истории гуманисты видели в том, что она демонстрирует превратности судьбы и учит людей безропотно принимать капризы Фортуны, делающей земное счастье зыбким» [2, с. 120 – 121]. С этих позиций они и обращались к описанию исторических событий. Наиболее точное определение места истории как основания для построения политических максим, мы находим у Бодена, кото-

рый отмечал: «Главная задача истории – служить политике. Она должна помочь нам понять сущность и функцию государства, его нужды и его структуру, причины его расцвета и его падения» [4, с. 19].

Относительно формы государственного устройства мнения писателей практически совпадали. В основе их концепции государства лежит учение о суверенитете, т. е. особой власти, которая присуща всякому государству. Независимо от формы государства, от того, является ли оно монархией, республикой, аристократией или демократией, в руках государства как такового находится абсолютная власть, «постоянная, высшая, независимая, не связанная с законами, абсолютная власть над гражданами и подданными», как подчеркивал Жан Боден. Из рассуждений Бодена и других мыслителей явствует, что они не видели большой разницы между различными формами правления. Им было все равно, кто находится на вершине власти – монарх или правитель, избранный демократическим путем. Главное, чтобы это было лицо глубоко верующее, справедливое и разумное, а его главной задачей являлось бы поддержание мира и стабильности в стране. Хотя, как уже было отмечено, суверенитетом обладает всякая государственная власть, наивысшей формой государственной власти Боден видел монархию, где суверенитет не распылен, а сосредоточен в одном лице. Эту форму государства он считает соответствующей самой природе, усматривая во всех ее проявлениях единоначалие: «одно солнце среди звезд», «единный Бог – повелитель и творец всего мира», «один вожак в стаде овец», «один главный журавль, ведущий клин журавлей» [4, с. 242]. При этом он различает три формы монархии: 1) патриархальная деспотия в азиатском смысле; 2) «монархия, покоящаяся на законе», в которой подданные повинуются законам своего государства, а государь повинует законам природы, и естественная свобода и имущество подданных защищены и безопасны; 3) тирания, представляющая собой извращенную форму монархии, где правитель-тиран злоупотребляет своими суверенными правами, обращаясь со своими подданными как с рабами [4, с. 178 – 179, 190 – 192].

Переход от одной формы правления к другой, по мнению Бодена, происходит по-разному: в одних случаях мирно, в других насильственным путем. Так он пишет: «замечено, что королевство почти всегда плавно, без насилия переходит в тиранию, аристократия – в олигархию, демократия – в охлократию. Но переход от тирании к народной форме правления всегда насильственный, так как тиранов убивают» [4, с. 193]. Автор считает тиранию и народовластие «двумя крайностями». Обращаясь к опыту истории, он подчеркивает: «Когда восставшие опрокидывают правительство, устанавливается народное правление. Народ, возвративший себе свою свободу, дает себя убаюкать речами своих ораторов еще до того, как воспользуется свободой, которую он завоевал. В целом случается, что плебс бессознательно устремляется от убийства тиранов к другой крайности, т. е. к народной власти» [4, с. 193 – 194]. Насилие всегда порождает насилие, – утверждает Боден, ибо «природой заложено то, что никто насильно и безропотно не повинется насилию даже тогда, приказы являются

справедливыми. Все хотят быть лидерами, но никто не хочет повиноваться» [4, с. 194]. Тирания, по мнению Бодена, не может быть вечной, «она может быть опрокинута внутренней силой, так как все боятся и ненавидят одного человека, а он, в свою очередь, боится и ненавидит всех и каждого». Также недолговечно и народовластие, поскольку, рано или поздно, найдутся те «ораторы», которые воспользуются невежеством и доверчивостью народа, чтобы присвоить добытую им свободу и власть.

Мишель Монтень, так же утверждая приоритет абсолютной монаршей власти, исходил из объективной реальности. Именно ее он считает единственной силой, способной умиротворить Францию. В то же время, сказанное не значит, что Монтень считает монархическую форму правления единственно возможной. Лучшим государственным устройством и лучшими законами для всякой страны он считает те, «которые существуют в данной стране и к которым она привыкла»: «Не только предположительно, – пишет автор «Опытов», – но и на деле лучшее государственное устройство для любого народа – это то, которое сохранило его как целое. Особенности и основные достоинства этого государственного устройства зависят от породивших его обычаев. И все же я держусь того мнения, что жаждать власти немногих в государстве, где правит народ, или стремиться в монархическом государстве к иному виду правления – это преступление и безумие» [8, с. 223]. В отличие от мыслителей, о которых шла речь выше, Агриппа де Обинье не пытается анализировать различные формы правления и рассуждать о том, какая является наилучшей. Для него важна не сама форма правления и власти, а личность правителя, прежде всего – личность короля Франции. И здесь, резко критикуя Карла IX и его окружение за то, что они развязали братоубийственную войну, допустили несправедливость и насилие по отношению к гугенотам, а Генриха IV – за его отступничество от протестантской веры, писатель рисует образ идеального правителя. И этот образ ничем не отличается от того, каким его рисовали практически все писатели-гуманисты эпохи. Признавая власть и верховенство права короля, все писатели сходятся в одном: властью и своими законными правами король должен пользоваться разумно и осторожно, а главное – всегда советоваться с мудрым окружением. Так Филипп де Коммин пишет: «хочу спросить, есть ли на земле такой король или сеньор, который мог бы облагать налогом подданных, помимо своего домена, без пожалования и согласия тех, кто должен его платить, не совершая при этом насилия и не превращаясь при этом в тирана? Могут, пожалуй, возразить, что бывает иногда так, что нет времени для созыва собрания, ибо нужно безотлагательно начинать военные действия. На это отвечаю, что в такой спешке нужды нет и времени на все достаточно. Скажу еще, что короли и государи становятся более сильными и внушают больший страх своим врагам, когда они действуют, руководствуясь советами своих подданных» [5, с. 210]. Здесь, как мы видим, Коммин отказывает королю в абсолютном и непрекращаемом праве любыми способами решать свои и государственные финансовые проблемы. Агриппа де Обинье среди качеств, какими

должен обладать король, также выделяет такие, как «забота о людях и почтительность к богам», «умение трудиться и разумно хозяйствовать», «твердость и справедливость» [1, с. 134 – 135]. В целом писатель выступает не против абсолютизма как формы правления, а против чрезмерной централизации власти в руках одного человека, против произвола и несправедливости, которые проявились, по его мнению, в отношении к гугенотам и провинциальному дворянству в целом. Агриппа де Обинье был чуть ли не единственным из дворян Пуату, кто выражал недовольство абсолютистской политикой Генриха IV. Непреклонный протестант, сторонник восстания и войны против тирании, он остался чужд тому умиротворению Франции, которое наступило после издания Нантского эдикта 1598 г. (замешанный в подготовке восстания дворян-гугенотов против Людовика XIII, он был осужден на изгнание, бежал в Женеву, где и провел последние годы жизни).

Все писатели едины в том, что любая власть должна опираться прежде всего на законы, которые «необходимы и при монархии, и при народных формах правления, и при аристократических, законы являются столь же разнообразными, как и формы правления», как подчеркивал Боден [4, с. 35]. Боден, перечисляя права верховной власти: право законодательства, объявление войны и мира, назначение высших должностных лиц, верховного суда, чеканки монеты и установления общих мер и весов для всего государства, введения и сбора налогов, особо выделяет ее право карать и миловать в тех случаях, когда сам закон не предоставляет возможности для помилования или смягчения наказания. «Этим функциями, – пишет он, – в хорошо организованном государстве никогда не наделяются магистры, потому что в вопросах жизни и смерти не должно быть давления необходимости или случая, данная сфера является священной только для правителей» [4, с. 152]. Здесь Боден по сути выразил целую программу развивающегося абсолютизма.

Большое место в сочинениях французских мыслителей переходной эпохи занимают рассуждения о характере и принципах взаимодействия между властью и подданными. Сама политическая обстановка тогдашней Франции заставляла не только признать политическую и социальную борьбу как объективную реальность, но искать пути к умиротворению. Так Филипп де Коммин считает, что в мире, разделенном на противоположности, неизбежны противостояние и борьба: «как эти раздоры, так и все, что Господь создал и предназначил в противовес каждому государству и почти каждому человеку, о чем я говорил, необходимо в этом мире» [5, с. 207]. Полагая, что зло естественно, как и добро, Коммин находит возможным, если не искоренить его, то, по крайней мере, уменьшить. Главными же средствами борьбы со злом, по его мнению, являются знания и «страх перед божественным воздаянием». «Ведь когда государь или другой человек, какое бы положение он ни занимал, имеет силу и власть над другими и хорошо образован, многое повидав и прочитав, то от этого он или становится лучше, или портится: ибо дурные люди портятся от многознания, а хорошие становятся лучше. Однако, надо полагать, что знание скорее улучшает лю-

дей, нежели портит» [5, с. 207]. И далее: «Я наблюдал много примеров того, как могущественные особы избегали дурных поступков благодаря знанию, а также страху перед божественным воздаянием, о котором они имеют лучшее представление, чем люди невежественные, ничего не видевшие и не читавшие» [5, с. 208]. В рассуждениях Коммина о зле и насилии, царящих в мире, явно преобладает пессимистическое начало. Обращаясь к истории, в том числе к истории современной ему Франции, он делает следующий вывод: «Так что следует заключить, что ни природный рассудок, ни наш ум, ни страх перед Богом, ни любовь к ближнему не предохраняют нас от насилий по отношению к другим и от захвата чужого имущества всеми возможными средствами и его удержания: ведь когда сильные удерживают города и замки своих родственников или соседей, они ни за что не хотят их возвращать... О раздорах же среди слабых я вовсе не говорю, поскольку над ними стоят сильные, которые иногда расправляются с враждующими (и обычно их жертвами становятся те, кто прав), прибегая к изгнаниям, запретам и широким конфискациям» [5, с. 208]. Особо опасны и внушают страх, как считает Коммин, жестокость и невежество государей, от которых зависит благополучие или злосчастье их подданных. «Ведь если государь могущественен и у него много солдат, благодаря которым он получает сколько угодно денег, чтобы оплачивать их и расходоваться на свои собственные прихоти, не думая об общественных нуждах, и если он в своих безумных и опасных затеях и тратах совсем не желает ограничить себя, даже если все, кого это затрагивает, его предостерегают, ничего, правда, не добиваясь или, что еще хуже, навлекая на себя его гнев, то кто же сможет тогда помочь, если господь не придет на помощь?» [5, с. 208].

Коммин считает, что в окружающем мире царит произвол и право сильного. По его мнению, «могущественные люди» силой вершат все, что угодно, «и кают они под видом правосудия, имея под рукой людей соответствующих профессий, готовых к их услугам, которые из греха простительного сделают грех смертный, а если не окажется законных оснований для этого, то найдут причину, чтобы не выслушивать сторон и свидетелей, дабы дольше держать обвиняемого и ввести его в разорительные расходы, а тем временем разузнать, не желает ли кто-нибудь принести жалобу на задержанного, которого хотят погубить» [5, с. 209]. Произвол и насилие имеют место, по мнению Коммина, и во взаимоотношениях между сеньорами и их вассалами: «В отношении тех, кто достаточно силен и состоит в вассальной зависимости от них, они действуют прямо. Скажут ему: «Ты не повинуешься и нарушаешь оммаж, который принес мне» и, затем, если могут, – а за ними такое дело не станет, – отнимут силой его имущество и пустят по миру» [5, с. 209]. В данной ситуации может выжить только сильнейший: «если же их сосед силен и отважен, они дают ему жить спокойно, но коли слаб, то не знает, куда и деться, ибо они заявят, что он якобы поддерживает их врагов, или просто запустят своих солдат в его земли, или перекупят чью-нибудь тяжбу с ним, или поддержат против него его соседа и предоставят последнему людей, или же найдут другой способ его

разорить» [5, с. 209]. Несправедливый правитель, пользуясь своим положением и властью, может, по мнению Коммина, «ради возвышения своих людей, отрешить от должности даже тех из своих подданных, кто верно служил их предшественникам... Служителей церкви они ссорят из-за бенефициев, чтобы взыскать средства для обогащения кого-либо..., знатных людей они вынуждают вести постоянные расходы и принимать на себя различные тяготы по причине войн, которые ведут из прихоти» [5, с. 209]. Особо страдает от бесчинств и насилия со стороны сильных мира сего простой народ. «Своему народу они по большей части ничего не оставляют; взимая налоги в гораздо больших размерах, чем следует, они, кроме того, совсем не наводят порядка в снабжении своих войск, и солдаты бродят по стране, ничего не платя и совершая другие злодеяния и бесчинства...» [5, с. 209 – 210].

Как и кто может положить конец несправедливости, злу и насилию? Ответ Коммина однозначен: «помочь в этом может только мудрый король». Причем сделать это он может так же прибегая к насилию, но насилию вынужденному. Так, осуждая своеволие правителей и насилие с их стороны по отношению к своим подданным, Коммин осуждает также неуважение к своему королю и с их стороны, не говоря уже о прямом неповиновении последних. «Но есть также и народы, которые оскорбляют своих сеньоров, не повинуются им и не оказывают помощи в их нуждах, а когда видят, что они в затруднении, то, вместо того, чтобы помочь, выказывают презрение или восстают и бунтуют, нанося оскорбления и нарушая клятву верности, которую они дали» [5, с. 212].

В своих рассуждениях о неизбежности насилия со стороны властей в ситуации существующего неравенства и несправедливости, царящих в мире, Коммин был не одинок. Практически у всех политических писателей XVI столетия мы встречаемся с подобными выводами. Даже такой ярко выраженный моралист и противник всякого насилия, как Мишель де Монтень, писал в своих «Опытах», что «в силу «несовершенства людей», принуждение и насилие со стороны власти необходимы, а подчинение ей – обязательным. «Самое, на мой взгляд, тягостное и трудное на свете дело – это достойно царствовать. Ошибки, совершенные королями, я сужу более снисходительно, ибо со страхом думаю о тяжком бремени, лежащем на властителях, – и далее делает вывод – мы обязаны повиноваться и покоряться всякому без исключения государю, так как он имеет на это бесспорное право... Так будем же ради порядка и спокойствия в государстве терпеливо сносить недостойных меж нами» [8, с. 8]. Жан Боден также признавал принуждение и насилие как объективную реальность, связывая ее, как и Монтень, с «несовершенством человека и человеческого общества». Так, подразделяя функции государственной власти на высшие (утверждение законов, решение вопросов о войне и мире и т. п.) и низшие (гражданские дела), Боден пишет: «низшие виды деятельности основаны на силе принуждения, высшие – на силе убеждения, а оно имеет власть не меньшую, а иногда даже и большую. Люди низменные удерживаются от преступлений законами и боязнью наказания, тогда

как лучшие из людей – рассудком или верой, побуждающей к чести и добродетели. Изначально дикие и свирепые, как звери, люди должны удерживаться от жестокости и грабежа солдатской рукой. Другой способ управления опирается на силу закона и справедливости, последний же – на общественное мнение и страх перед Богом» [4, с. 258].

В приведенных рассуждениях о власти писатели-гуманисты не шли далее осторожной критики произвола и несправедливости со стороны неких абстрактных «правителей» и «сильных мира сего». Их пугали всякие перемены, способные привести к нарушению стабильности и мира в обществе. Например, Мишель Монтень выступает противником всяких изменений и нововведений в политическом строе, считая, что они нарушают естественный порядок, сложившийся веками, и ведут к гражданским войнам и насилию: «Я разочарован во всяких новшествах, в каком бы обличье они нам ни являлись, и имею все основания для этого, ибо видел, сколь гибельные последствия они вызывают» [7, с. 146]. Здесь, вместе с тем, следует отметить, что отрицание «новшеств» носит у Монтеня не принципиальный, а конкретный характер, что было навеяно событиями гражданских войн во Франции. Он признает, что не всегда следует сопротивляться нововведениям: «Бывает, однако и так, что судьба ставит нас в настолько тяжелое положение, что законам придется несколько потесниться и кое в чем уступить. И если, сопротивляясь возрастанию нового, стремящегося насильственно пробить себе путь, держать себя всегда и во всем в узде и строго соблюдать установленные правила, то подобное самоотречение неправильно и опасно» [7, с. 150]. Политическая позиция Агриппы де Обинье перед лицом несправедливости и насилия была иной. Она была во много определена его принадлежностью к гугенотской партии и последовательной борьбой с усиливающимся французским абсолютизмом. В отличие от взвешенных и рассудительных выводов Коммина, Монтеня, Бодена и других писателей-историков, высказывания Агриппы де Обинье, касающиеся современной ситуации в стране и политики власти, по большей части импульсивны, категоричны и носят крайне резкий характер. По мнению писателя-гугенота и гуманиста, не только словом, но и с оружием в руках борющегося против произвола и насилия властей, за свободу веры и равенство прав, современное состояние Франции более чем трагично. Главную причину всех бед он видит в кровопролитной и разорительной гражданской войне, спровоцированной недалекновидной и эгоистической политикой властей. «Мать Родина скорбит, видя, как враждуют ее дети, ослепленные яростью, терзают они ее священное тело» [1, с. 90]. Повинными в страданиях народа автор сочинения считает папу, короля Карла IX, Екатерину Медичи, Католическую Лигу и иезуитов. Ему претит всякое насилие и несправедливость, которые особенно проявились в событиях Варфоломеевской ночи. Он пишет, что люди, запятнавшие себя кровью Варфоломеевской ночи, уже «не люди, но адские чудовища» [1, с. 123]. Французскую абсолютную монархию он называет не иначе как «тирания». Тиранией по форме и содержанию он считает деятельность католической церкви и иезуитов, оправ-

дывая и восхваляя прежние выступления против них альбигойцев, гуситов и прочих «защитников истинной веры». Не в меньшей степени, чем короля, резко критике мятежный гугенот подвергает его окружение – знать и придворное дворянство. В них он видит виновников тяжелого положения в стране, они во многом являются источником зла и насилия:

«И знать французская, на их поддавшись козни,
Вступила на стезю междоусобной розни,
С отвагой у дворян и ярость возросла,
И стал высокий род подобьем ремесла.
Привычно меж собой вступать в бои дворянам,
Властитель их долги оплатит чистоганом» [1, с. 90 – 91].

Де Обинье не видит справедливого правосудия в государстве, что приводит к частому несоблюдению законов и прав граждан:

«Вот судьи каковы, так банда их живет,
Губители людей, губителей оплот.
Се лжесвидетелей, клеветников опора,
Защита сводника, укрытие для вора.
У них в продаже все: душа и голова,
И власть, и приговор, и знания, и слова» [1, с. 181].

Наиболее действенным средством против несправедливости, насилия и произвола церкви и властей Агриппа де Обинье считает то же насилие, но уже со стороны народа (гугенотов) и, в конечном итоге, со стороны высшего судии – Бога: «Кто прячется, бежит от божьего суда? Теперь вам, Каины, не скрыться никуда!» [1, с. 371]. Позиция де Обинье относительно того, что несправедливость, зло, предательство должны быть наказуемы (пусть даже теми же средствами), нашла свое отражение в оправдании им убийства Генриха IV, которого он считал сначала своим другом и соратником по оружию, а затем предателем и изменником вере.

Довольно часто в рассматриваемых сочинениях авторы пускаются в рассуждения о том, что является причиной зла и несправедливости и от кого следует ждать наказания за это. Наиболее четкий ответ на эти вопросы дает Филипп де Коммин в пятой главе «Мемуаров»: «Могут спросить, почему могущество Бога проявляется чаще против больших людей, нежели против малых? Дело в том, что на малых и бедных людей всегда найдутся достаточно таких, кто их накажет, если они того заслуживают... Но кто займется расследованием деяний великих государей и государынь, их могущественных советников и губернаторов провинций, необузданных городов, не повинующихся своему сеньору? А если расследование проведено, то кто обратится к судье? И кто примет это во внимание и будет судить? Кто накажет их?» [5, с. 213]. Все зло, творимое несправедливостью и насилием, проистекает от неверия в Бога, в неотвратимость наказания, – постоянно повторяет Коммин: «Разве нашелся бы такой, кто пожелал бы напрасно, незаслуженно предать кого-либо смерти, или незаконно держать в тюрьме, или отнимать у одних, дабы обогащать других (а это самое обычное занятие), или бесчестно поступать по отношению к своим родственникам и слугам, например женщинам, ради собственного удовольствия, или совершать другие подобные деяния? Право же нет!

Это невероятно! Таким образом, если бы у людей была твердая вера и они верили бы в то, что заповедует нам Бог и церковь под страхом проклятия, и сознавали бы, что жизнь их столь кратка, а муки ада столь ужасны, бесконечны и беспрестанны, то были бы они такими, каковы они есть? Следует заключить, что нет и что все зло идет от отсутствия веры» [5, с. 214]. В данном случае рассуждения Филиппа де Коммина о правилах и нормах взаимоотношения между властью и подданными во многом созвучны со взглядами его соотечественника Бодена. Это, в частности, касается утверждения о том, что главным коррелятором поведения, как правителя, так и его подданных, главным сдерживающим фактором от несправедливости и насилия с обеих сторон, является прочная вера и страх перед Богом. «Безнравственность отступает под натиском одного лишь религиозного страха и не сдерживается страхом перед судом, разве судьи, законы, власть могут остановить правителя, если он не сдерживается страхом перед Богом?» [4, с. 258], – замечает Боден.

Таким образом, в заключение разговора о взглядах французских политических писателей XVII столе-

тия на власть, ее задачи, формы и методы деятельности, следует заключить, что авторы рассмотренных сочинений не видели большой разницы между различными формами правления. Из их рассуждений о власти и правителе видно, что авторам было все равно, кто находится на вершине власти – монарх, или правитель, избранный демократическим путем. Главное, чтобы это было лицо глубоко верующее, справедливое и разумное, а его главной задачей являлось бы поддержание мира и стабильности в стране. В данном случае политические взгляды четырех рассмотренных выше писателей, как справедливо отмечает Ю. П. Малинин, конкретно касаясь политических идей Филиппа де Коммина, вполне вписываются в общую социальную мысль того времени, которая «была ориентирована на стабильность сущего и основную задачу, стоящую перед обществом, видела в обеспечении его устойчивости и неизменности путем предотвращения перемен, раздоров и войн. Путь к этой цели проходил через нравственное совершенствование всех членов общества» [6, с. 402 – 403].

Литература

1. Агриппа де Обинье. Трагические поэмы / Агриппа де Обинье. – М., 1996. – 536 с.
2. Барг, М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма / М. А. Барг. – М., 1987. – 352 с.
3. Бобкова, М. С. «Historia Pragmata». Формирование исторического сознания новоевропейского общества / М. С. Бобкова. – М., 2010. – 329 с.
4. Боден, Жан. Метод легкого познания истории / Жан Боден; пер., ст., прим. М. С. Бобковой. – М., 2000. – 412 с.
5. Коммин, Ф. Мемуары / Ф. де Коммин; пер., ст. и прим. Ю. П. Малинина. – М., 1986. – 500 с.
6. Малинин, Ю. П. Филипп де Коммин и его «Мемуары» / Ю. П. Малинин // Филипп де Коммин. Мемуары – М., 1986.
7. Монтень, М. Избранное / М. де Монтень. – М., 1988. – 414 с.
8. Монтень, М. Опыты / М. де Монтень. – М., 1997. – Кн. III. – 670 с.

Информация об авторе:

Батури́н Алексе́й Петро́вич – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории средних веков факультета истории и международных отношений КемГУ, 89089457799, rinutab@mail.ru.

Aleksey P. Baturin – Candidate of History, Professor at the Department of Medieval History, Kemerovo State University.

УДК 94(430).087

«ЗАБОТЛИВАЯ ДИКТАТУРА» (о специфике социальной политики в ГДР)

А. М. Бетмакаев

«WELFARE DICTATORSHIP» (on the specificity of social policy in the GDR)

А. М. Betmakaev

В статье исследуются особенности социальной политики в Германской Демократической Республике (1949 – 1990 гг.). Автор выявляет ее обусловленность официальной идеологией, экономической и политической системами, приводит аргументы против квалификации ГДР в качестве социального государства.

The paper researches the social policy in the German Democratic Republic (1949 – 1990). Factors of social policy making (e.g. official ideology, political and economic systems) are revealed. The author advances arguments against defining the GDR as a welfare state.

Ключевые слова: социальная политика, социальное государство, Германия, СЕПГ, диктатура.

Keywords: social policy, welfare state, Germany, SED, dictatorship.

Социальная политика обычно рассматривается как система мер, направленных на осуществление социальных программ, поддержания доходов, уровня жизни населения, обеспечения занятости, поддержки отраслей социальной сферы, предотвращения социальных конфликтов. После второй мировой войны в странах Запада она проводилась так называемым «государством всеобщего благосостояния» (welfare state), называемое также социальным государством. Оно перераспределяло материальные блага ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий и оказания помощи нуждающимся. В странах альтернативной системы – в «социалистическом лагере» (в странах Восточной Европы СССР) также проводилась политика повышения благосостояния населения.

По уровню развития социальной политики среди сателлитов СССР видное место занимала Германская Демократическая Республика, которая претендовала на звание «витрины социализма». По мнению одного из ведущих историков социальной политики ГДР Манфреда Шмидта, судя по доли социальных пособий в государственных бюджетах, в 1989 г. первое место занимала Чехословакия (21,8 %), далее шли ГДР (15,6 %) и СССР (10,2 %) [19, с. 235]. Так, в ГДР в целях повышения рождаемости в 1972 и 1976 гг. были приняты меры, которые предполагали предоставление молодым матерям длительных декретных отпусков, оплачиваемых отпусков при совмещении работы и учебы, предоставления беспроцентных ссуд новобрачным, выплаты существенных ежемесячных пособий на ребенка и качественное медицинское обслуживание. И это только один из многих примеров социального обеспечения граждан ГДР. С конца 1960-х гг. в ГДР была введена пятидневная рабочая неделя с двумя выходными днями, ее продолжительность в конце 1970-х гг. составила 40 часов. Пенсии по старости назначались мужчинам с 65 лет, женщинам – с 60 лет при стаже работы не менее 15 лет (женщинам трудовой стаж увеличивается на 1 год за каждого рожденного ребёнка). Приоритетом социальной политики считалось также жилищное строительство [13, с. 82, 240, 349, 490 – 492, 681 – 683].

Можно сказать, что в ГДР (как и в других странах Восточной Европы) были продемонстрированы весьма значительные социальные достижения. На этой основе в современной отечественной литературе стало распространяться мнение, что в странах «мировой системы социализма» было создано авторитарное социальное государство. В данной статье будут проанализированы особенности социальной политики в ГДР с обращением особого внимания на проблему ее типологии.

После основания ГДР и провозглашения «планового строительства основ социализма» понятие «социальная политика» почти полностью исчезло из официального лексикона. Вплоть до конца 1950-х гг. было наложено негласное табу на его использование. Установка руководства СЕПГ на то, что плановое хозяйство создавало динамичную экономику, включающую в себя и социальную политику, сочеталась с идеей, что значительные социальные расходы должны быть подчинены выполнению первоочередной задачи

содействовать инвестициям. К этому добавлялись опасения в правильной идеологической классификации социальной политики. Социальную политику многие члены СЕПГ находили у «классового врага» – западногерманского социального государства. Социальная политика относилась, согласно этой точке зрения, к старому социальному вопросу, к расслоению между богатыми и бедными, к противоречиям между буржуазией и пролетариатом. В ней видели инструмент затуманивания разделение общества на классы эксплуататоров и эксплуатируемых, к которым принадлежал рабочий класс. И поскольку строительство социализма в ГДР устраняло старый социальный вопрос, то в новом обществе не было места для социальной политики. В ГДР вся политика имела целью «заботу о человеке».

С начала 1960-х гг. социальную политику понимали в ГДР в широком смысле: ее целью была не только защита социально-экономического строя и «режима СЕПГ», но повышение производительности труда посредством усиления мотивации трудящихся. Кроме того, социальная политика ГДР сокращала социальное неравенство, прежде всего, между общественными классами и слоями и гарантировала минимальное обеспечение для существования на низком материальном уровне. Последнее включало в себя социальную потребительскую политику через субсидирование основных потребительских товаров, тарифов и услуг для населения.

Государство в ГДР стремилось проводить «социалистическую» социальную политику. Она должна была отличаться по форме, процессу и содержанию коренным образом от «буржуазной» социальной политики. Как и в других сферах, существовала государственная монополия в социальной политике. СЕПГ исходила из того, что социалистическое плановое хозяйство гарантирует полную занятость и обеспечивает уровень жизни, который может удовлетворять материальные и культурные потребности людей.

В центре мероприятий компартии в социальной сфере была идея, что ГДР являлась трудовым обществом: труд должен определять жизнь гражданина. Право на труд, гарантированное в конституции ГДР, распространялось практически на всех граждан трудоспособного возраста и должно было предохранить их от бедности. Право на труд было основанием всех элементов социальной политики. Руководство ГДР видело в этом праве главную функцию социальной политики. Это право должно было защищать граждан трудоспособного возраста, а также их родственников, от риска безработицы и связанных с безработицей риска потери доходов и потенциальной угрозы существования. Обеспечение полной занятости и гарантирование достойной зарплаты делали другие социальные выплаты ненужными и являлись относительно недорогими по издержкам.

В действительности, политика полной занятости облегчалась практически постоянным сокращением населения, связанным, не в последнюю очередь, с миграцией многих граждан ГДР трудоспособного возраста на Запад. Предложение рабочих рук также можно было ограничить мерами политики в отношении семей и матерей, которым предлагалось временное

освобождение от работы для ухода за детьми. Вместе с тем обеспечением права на труд социальная политика достигала старой цели рабочего и женского движения – включить в общественное производство значительную долю женщин.

Принципы конституционного права на труд развивались в трудовом законодательстве. 1 мая 1950 г. вступил в силу «Закон о труде с целью содействия и развития рабочих сил, повышения производительности труда и улучшения материального и культурного положения рабочих и служащих». Он гарантировал право на работу и справедливую оплату труда. Он подчеркивал «ключевую роль рабочего класса в государстве и экономике» и устанавливал права профсоюзов как законных представителей рабочих и служащих [12, s. 141].

Свободные союзы, в отличие от Западной Германии, отсутствовали, а восточногерманское Объединение свободных немецких профсоюзов (ОСНП) выступало в роли «приводного ремня» диктатуры. ОСНП отказалось от автономного представления интересов трудящихся и признало руководящую роль СЕПГ. Объединение показало свою несостоятельность в деле защиты интересов рабочих во время народных выступлений в июне 1953 г., после которых оно сконцентрировалось на представлении интересов рабочих на предприятиях. ОСНП выступало за улучшение охраны труда, за справедливое распределение премий, за расширение заводских детских садов и развитие общественных транспортных средств в час пик. Выступая в роль «школы демократии и социализма», ОСНП получил в конце 1950-х гг. право участия в управлении предприятиями за счёт более тесной интеграции профсоюзов в централизованную государственную и общественную систему.

В итоге «социалистическая» социальная политика должна была защищать граждан не от игры рыночных сил, поскольку рыночная экономика отсутствовала, а содействовать выполнению народнохозяйственного плана. Несмотря на множество юридических гарантий и возможностей правовой защиты, существовали большие пробелы в социальной правовой защите в судах.

В немецкой исторической науке после объединения Германии были предприняты попытки определить тип социальной политики в ГДР. Так, Штефан Лайффрид предложил термин «авторитарное государство обеспечения» (*autoritärer Versorgungsstaat*) [23, s. 242], Клаус Шредер назвал ГДР «тоталитарным государством обеспечения и присмотра» (*totalitärer Versorgungs- und Überwachungsstaat*) [20, s. 632 – 633], а Конрад Ярауш придумал понятие «заботливой диктатуры» (*Fürsorgediktatur*) [14, s. 33 – 46]. Беатрикс Бувье писала о «диктатуре обеспечения» (*Versorgungsdiktatur*) [7, s. 337].

Даже если понятие «социальное государство» (*Sozialstaat*) используется в современной немецкой историографии для обозначения социальной политики в ГДР, то только в сочетании с прилагательными «неудавшееся» – Герхардом Риттером [16, s. 187 – 189] или «социалистическое» – в сборнике статей «Три пути немецкой социальной государственности: нацистская диктатура, Федеративная Республика и

ГДР» [9, s. 7]. Авторы сборника очень осторожно используют понятие «социальное государство» в отношении «третьего рейха» и ГДР, предпочитая писать о «социальной государственности» (*Sozialstaatlichkeit*).

В монографии Кристофа Буттервеге «Кризис и будущее социального государства», опубликованной в 2012 г., ГДР не только не рассматривается как социальное государство, но и подчеркивается, что восточногерманская социальная политика порывала с немецкими традициями «государства благосостояния», ориентируясь на советскую социально-экономическую и политическую модель [8, s. 64].

Советская военная администрация в Германии (СВАГ) уже в 1947 г. 5 индивидуальных видов социального страхования заменила централизованным коллективным страхованием, которое в 1951 г. было передано под контроль ОСНП. При коллективном страховании все работники подлежали страхованию в обязательном порядке. Оно финансировалось преимущественно из взносов предприятий, из государственного бюджета и отчислений из зарплаты работников в соответствии с незначительной процентной ставкой. В 1989 г. социальным страхованием было охвачено примерно 90 % населения [18, s. 31].

В связи с ориентацией ГДР на советскую модель акцент в исследованиях зарубежных специалистов делается на ключевом понятии диктатуры, но диктатуры особого типа. Как отмечает британский историк Кори Росс, это было «государство-нянька» (*nannystate*) без либеральных идеологических принципов, которые могли бы ограничивать государственное вмешательство и контроль [17, p. 41 – 42].

Поскольку ГДР не была демократическим государством, то и применение к ней понятия «социальное государство» было бы ошибочным. Известный российский политолог Алексей Салмин подчеркивал, что стержнем современной демократии на Западе становится то, что обозначается иногда термином «социальное государство». По его мнению, под социальным государством понимают несколько явлений: социально-экономический феномен решения чисто экономической задачи – долговременной стабилизации с помощью кейнсианских методов; особый тип государственной организации общества, социокультурную и политическую альтернативу утопическому социализму; продолжение филантропической традиции в новых исторических условиях; и, наконец, своего рода апогей демократии (достижение юридического, политического и социального равенства) [4, с. 16 – 17, 415].

Немецкий философ Юрген Хабермас подходит к характеристике социального государства, цель которого состоит в социально-государственной универсализации гражданских прав, в ходе достижения которой население должно получить шанс на развитие в условиях защищенности, социальной справедливости и растущего благосостояния, получить благодаря тому, что статус зависимости наемного труда нормализуется, будучи дополненным правами участника политического и социального процесса [6, с. 44 – 45].

Социальное государство является равноправным и солидарным со своими гражданами партнером, равноответственным за социальное развитие отдельных

граждан и всего общества в целом. ГДР же была государством во главе с коммунистической партией СЕПГ, которая установила тотальный контроль, исключая партнерские отношения в социальном треугольнике «государство – предприниматели – профсоюзы». Ведь государство одновременно выступало собственником предприятий и управляло профсоюзами, которые никогда не были независимыми. Соглашаясь с французским политологом Пьером Розанваллоном, что социальное государство является институтом, основанным на социальном контракте [3, с. 26], отметим, что в ГДР не был институализирован общественный договор и не отсутствовал социальный треугольник.

Поэтому в зарубежных исследованиях «страны социалистического содружества», в т. ч. и ГДР, оказываются за рамками анализа социального государства как исторического феномена и не включаются в предлагаемые экспертами типологии. Так, в классической работе датского политолога Госты Эспин-Андерсена «Три мира капитализма благосостояния» рассмотрены 3 типа государства всеобщего благосостояния (welfarestate) – либеральный, консервативно-корпоративистский и социал-демократический [10, р. 26 – 28]. При этом речь идет о том, что социальное государство является ответом на вызовы рыночной экономики, которая отсутствовала в ГДР.

Как известно, в каждой политической системе есть взаимосвязь между экономическим и социальным. Эта диалектика существует объективно, действует стихийно или на основе определенных правил. Так как каждый экономический процесс влечет за собой социальные последствия, возможности и границы социального зависят значительно от имущественных отношений основных производителей и, в конечном счете, определяемых ими отношений распределения. В современной рыночной экономике возникла качественно новая тенденция, связанная с распространением различных форм страхования рисков. Государство защищает существующие экономические отношения и содействует при поддержке гражданского общества установлению правил, которые ограничивают частные интересы, что ведет к стабильности всей системы. Здесь наблюдается сложное взаимоотношение между экономикой и политикой, в которой становится заметен примат политики [1, с. 10 – 12].

Так как собственность определяет существующую экономическую систему, то экономическое и социальное сплетаются, поскольку связаны с интересами доминирующих групп. Противоречия между группами интересов являются элементами социального конфликта. Государство должно вмешиваться в конфликты в качестве посредника. В Восточной Германии, как и в других странах «народной демократии», с конца 1940-х гг. в большинстве отраслей экономики доминирующие позиции занимала государственная собственность. Эта собственность требовала не только центрального управления и долгосрочного директивного планирования. Вследствие этого восточногерманское государство не могло выступать посредником [15, с. 45 – 46].

В отличие от ГДР, создателями социального государства на Западе признавалось, что целый ряд задач

по уменьшению неопределенности, которые вставали ранее перед государством как государством-защитником, могли решаться с помощью механизмов страхования. На практике все государственные системы социального обеспечения в странах Запада, по мнению британского экономиста Р. Скидельски, сочетают в себе элементы систем «страхования» и «перераспределения» [5, с. 47]. В ГДР система распределения в сравнении с системой страхования занимала доминирующее положение, отражая патерналистскую роль «государства СЕПГ».

Высказанные выше соображения против рассмотрения ГДР как социального государства можно дополнить юридической аргументацией. На официальном уровне социальное государство в ГДР не признавалось. Согласно Конституции 1974 г. Германская Демократическая Республика являлась социалистическим государством рабочих и крестьян в то время, как Основной закон ФРГ 1949 г. провозглашал Федеративную Республику демократическим и социальным федеративным государством [2, с. 151, 249].

После раскола Германии в 1949 г. в ФРГ было создано социальное государство, а ГДР социальное обеспечение подверглось огосударствлению и было централизовано. В итоге правящая СЕПГ направляла все свои усилия на политику социального равенства. «Режим СЕПГ» должен были доказывать капиталистическому соседу, что в ГДР создано более справедливое общество [11, с. 31 – 32].

К особенностям социальной политики Германской Демократической Республики до конца 1960-х гг. также относят явный разрыв между официальной партийной идеологией и государственной практикой. Фактически социальная политика играла в ГДР уже давно значительную роль, но в официальной терминологии понятие «социальная политика» употреблялось с оговорками. В монографии «Теория и практика социальной политики», изданной в 1979 г. Институтом социологии и социальной политики Академии наук ГДР, марксистско-ленинская социальная политика противопоставлена социальной политике при капитализме [21, с. 9]. Шмидт объясняет эту особенность рядом обстоятельств: верой, что плановое хозяйство включало в себя не только динамично развивающуюся экономику, но и социальную экономику; необходимостью отдавать приоритет содействию инвестициям в промышленность перед увеличением социальных расходов; «правильной» идеологической классификацией социальной политики, которая у многих членов СЕПГ ассоциировалась с «классовым врагом». Социальная политика была связана, согласно их точке зрения, со старым социальным вопросом, когда существовал разрыв между богатыми и бедными, между буржуазией и пролетариатом. В ней они видели инструмент затуманивания разделения общества на господствующие и подчиненные классы, к которым относился и рабочий класс. И поскольку строительство социализма в ГДР устраняло старый социальный вопрос, то не существовало и социальной политики в прежнем значении [18, с. 19]. В итоге в восточно-германском обществоведении термин «социальное государство» относился к «псевдонаучным», использованным западноевропейской социал-

демократией, которая «обслуживала» интересы капитала [22, s. 389 – 391].

Таким образом, специфика социальной политики в ГДР заключалась в том, что власть использовала элементы социального государства, не являясь социальным государством. Руководство СЕПГ располагало монополией на предложение социальных услуг, которая могла использоваться, чтобы поддерживать легитимность диктатуры. Власть в ГДР не могла позиционировать себя как «власть от имени народа», что предусматривало бы согласно неписаному правилу демократии организационную открытость для ее формирования и артикуляции различных идей и групповых интересов. СЕПГ основывала свою легитимность скорее на представлении о «власти для народа». В социальной политики партийно-государственное руководство видело источник своей легитимности,

поскольку режим все время испытывал дефицит своего признания гражданами. Патерналистский механизм социальной политики и ориентированная на потребление адаптация граждан к негативным сторонам режима должны были сформировать лояльное отношение граждан и стабилизировать общественно-политическую ситуацию в ГДР. Тем самым социальная политика сочетала заметное социальное обеспечение и жесткий контроль над обществом. Социальная политика воплощала «мягкую» сторону диктатуры, которая продолжала репрессии, используя службу безопасности «штази», и исключала самостоятельность гражданского общества. Поэтому снова отметим, что ГДР не была социальным государством, с которым связаны ценности современной демократии, а диктатурой, проводившей социальную политику.

Литература

1. Бурджалов, Ф. Экономическая роль социальной деятельности государства / Ф. Бурджалов. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 251 с.
2. Ватлин, А. Германия в XX веке / А. Ватлин. – М.: РОССПЭН, 2002. – 334 с.
3. Розанваллон, П. Новый социальный вопрос / П. Розанваллон; пер. с фр. – М.: Ad Marginem, 1997. – 188 с.
4. Салмин, А. М. Современная демократия: очерки становления / А. М. Салмин. – М.: Ad Marginem, 1997 – 447 с.
5. Скидельски, Р. Дорога от рабства. Об экономических и политических последствиях краха коммунизма / Р. Скидельски; пер. с англ. – М.: Ad Marginem, 1998. – 238 с.
6. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас // Московские лекции и интервью; пер. с нем. – М.: Kami, 1995. – 245 с.
7. Bouvier, B. Die DDR – ein Sozialstaat? Sozialpolitik in der Ära Honecker / B. Bouvier. – Bonn, 2002.
8. Butterwegge, C. Krise und Zukunft des Sozialstaates / C. Butterwegge. – Wiesbaden, 2012.
9. Drei Wege deutscher Sozialstaatlichkeit: NS-Diktatur, Bundesrepublik und DDR im Vergleich // Hrsg. von H. G. Hockerts. – München, 1998.
10. Esping-Andersen, G. The Three Worlds of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. – Cambridge, 1990.
11. Frevel, B. Sozialpolitik kompakt / 2, aktualisierte Auflage / B. Frevel, B. Dietz. – Wiesbaden, 2008.
12. Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland seit 1945. Band 8. Deutsche Demokratische Republik: 1949 – 1961. Im Zeichen des Aufbaus des Sozialismus. – Baden-Baden, 2008.
13. Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland seit 1945. Band 10. Deutsche Demokratische Republik: 1971 – 1989. Bewegung in der Sozialpolitik, Erstarrung und Niedergang. – Baden-Baden, 2008.
14. Jarausch, K. Realer Sozialismus als Fürsorgediktatur. Zur begrifflichen Einordnung der DDR / K. Jarausch // Aus Politik und Zeitgeschichte. – N. 820/98. – 8. Mai 1998.
15. Manz, G. Einheit von Wirtschafts- und Sozialpolitik als Basis staatlicher Sozialpolitik / G. Manz // Sozialpolitik in der DDR: Ziele und Wirklichkeit. – Berlin, 2001.
16. Ritter, G. Über Deutschland: Die Bundesrepublik in der deutschen Geschichte / G. Ritter. – München, 2000.
17. Ross, C. The East German Dictatorship: Problems and Perspectives in the Interpretation of the GDR / C. Ross. – London, 2002.
18. Schmidt, M. Sozialpolitik der DDR / M. Schmidt. – Wiesbaden, 2004.
19. Schmidt, M. Sozialpolitik in Deutschland: Historische Entwicklung und internationaler Vergleich / 3, vollständig überarbeitete und erweiterte Auflage / M. Schmidt. – Wiesbaden, 2005.
20. Schröder, K. Der SED-Staat. Partei, Staat und Gesellschaft 1949 – 1990 / K. Schröder. – München, 1998.
21. Theorie und Praxis der Sozialpolitik in der DDR // Hrsg. vom Institut für Soziologie und Sozialpolitik der Akademie der Wissenschaften der DDR durch G. Manz und G. Winkler. – Berlin (Ost), 1979.
22. Winkler, G. Sozialpolitische Forschung in der DDR / G. Winkler // Sozialpolitik in der DDR: Ziele und Wirklichkeit. – Berlin, 2001.
23. Zeit der Armut. Lebensläufe im Sozialstaat / S. Leibfried [et al.]. – Frankfurt am Main, 1995.

Информация об авторе:

Бетмакаев Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, 8(3852)622627, btmkv@yandex.ru.

Aleksey M. Betmakaev – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of World History and International Relations, Altai State University, Barnaul.

УДК 947 (571.1)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ОГПУ ПО ОПЕРАТИВНОЙ РАЗРАБОТКЕ СОЮЗА
КИТАЙСКИХ РАБОЧИХ В ОМСКЕ (к постановке проблемы)**

В. П. Василевский, А. В. Сушко

**THE ACTION OF THE JOINT STATE POLITICAL DIRECTORATE CONCERNING TACTICAL
WORKING OUT OF CHINESE LABOUR UNION IN OMSK (statement of the problem)**

V. P. Vasilevsky, A. V. Sushko

Статья посвящена исследованию деятельности органов ОГПУ Омской губернии по оперативной разработке китайской организованной преступности. Охарактеризованы особенности деятельности китайской преступности и методы борьбы с ней органов государственной безопасности. На материалах разработок омских чекистов установлено, что существовавшее в городе китайское Тайное братство было хорошо организованной и законспирированной преступной организацией, ее руководители управляли Союзом китайских рабочих и активно использовали его возможности в преступных целях. Высокий уровень профессионализма сотрудников ОГПУ, имевших своих агентов в китайской диаспоре Омска, позволял органам государственной безопасности успешно бороться с китайской организованной преступностью.

The paper addresses the actions of the JSPD in Omsk [province](#) concerning [tactical](#) working out of [Chinese organized crime activity](#). The distinctive features of [Chinese crime activity](#) and the methods the JSPD used to control them were determined. Basing on the material of Omsk [chekists](#), the paper reveals the fact that the Chinese Fraternity was a well-organized secret criminal organization, with its leaders governing Chinese labour union and making profit of it. [Professional behavior](#) of the JSPD officers who had some agents in Chinese expat community in Omsk let the JSPD [successfully](#) deal with [Chinese organized crime activity](#).

Ключевые слова: органы безопасности (ОГПУ), Омск, оперативная разработка, хунхузы, китайская организованная преступность, Союз китайских рабочих.

Keywords: Joint State Political Directorate (JSPD), Omsk, [tactical](#) working out, Honghuzi, Chinese organized crime activity, Chinese labour union.

В первой трети XX столетия Омск был крупным сибирским городом, расположенным на Транссибирской магистрали. В нем проживало значительное число граждан Китая.

На территории России китайцы традиционно объединялись в организованные преступные сообщества хунхузов, занимавшиеся контрабандой, вымогательствами, грабежами, разбоями и убийствами. От преступных действий китайских банд страдали не только выходцы из Китая, но и российские граждане. Активно использовали китайцев на территории России иностранные разведслужбы.

До Октябрьской революции русская общественность широко обсуждала в печати «желтую опасность». Власти Российской империи видели в китайцах потенциальную «пятую колонну» — шпионов, провокаторов, диверсантов. Отказ китайцев от сотрудничества с властями создавал благоприятные условия для действий китайских хунхузов. По оценкам российских государственных и общественных деятелей, проблема состояла не только в бандитизме как таковом, но и в фактическом существовании параллельной структуры власти [5, с. 72 – 73].

С началом Первой мировой войны китайцы, находившиеся на территории империи, стали рассматриваться властями в качестве потенциальных шпионов. «Самые энергичные меры по выдворению китайцев из страны стали осуществлять гражданские власти Западной Сибири. Акмолинский губернатор Неверов приказал омскому полицмейстеру отнять у проживающих в Омске и не имевших определенных занятий китайцев паспорта и потребовать их незамедлительный отъезд на восток. Начальника жандармского

управления губернатор просил проследить за тем, чтобы ни один из китайцев не выехал в Европейскую Россию, — отмечает Н. В. Греков, далее подчеркивая негативное отношение русских властей к китайцам, — старания русской полиции по всей империи были чрезмерны, и это привело к тому, что правительство Китая выразило официальный протест по поводу отношения русских властей к китайцам как к подданным враждебного государства» [4, с. 233 – 234]. Подозрения имперских органов безопасности имели под собой основания. Германская разведка в годы Первой мировой войны имела разветвленную шпионскую сеть в Сибири. Русское отделение германского генштаба, занимавшееся шпионажем, разместило свои отделения в сибирских городах: Омске, Томске, Иркутске. Агент германской разведки А. Пецкер был внедрен в Союз китайских граждан в России, где завербовал большое количество негласных помощников и послал их во Владивосток, Харбин, Пермь, Екатеринбург, Омск, Иркутск и другие города [6, с. 296].

В годы революции и Гражданской войны многие граждане Китая приняли активное участие в вооруженной борьбе на стороне большевиков. По подсчетам специалистов, 30 – 40 тыс. китайских рабочих в годы Гражданской войны влились в ряды Красной Армии и красных партизан. Китайские дипломаты называли иные цифры – в Гражданской войне в России принимали участие 60 – 70 тысяч китайцев [7, с. 85]. Несмотря на активное участие китайцев в Гражданской войне на стороне большевиков, на территории уже Советской России китайские хунхузы традиционно продолжали заниматься бандитизмом и шпионажем. В 20-е годы проблема китайских хунхузов по-

прежнему угрожала безопасности государства и российских граждан. Архивные данные свидетельствуют, что японское командование в 1920 – 1921 гг. интенсивно формировало отряды хунхузов в полосе отчуждения КВЖД, на приграничных с Россией территориях, в районе Спасска. Оно же нанимало хунхузов для налетов на КВЖД. В Хабаровске в 1921 г. была обнаружена организация, которая поставляла оружие хунхузам «при непосредственном участии французского и английского консульства» [7, с. 89]. Спецслужбы Советской России унаследовали «китайскую проблему» от спецслужб Российской империи.

После завершения Гражданской войны Омск оставался одним из центров расселения китайской диаспоры на территории России. Работа омских чекистов по оперативной разработке граждан Китая не стала предметом специального изучения историков. Цель данной работы – исследовать деятельность органов ОГПУ по оперативной разработке Союза китайских рабочих в Омске.

В середине 20-х гг. Омский губернский отдел (губотдел) ОГПУ активизировал работу в отношении китайской диаспоры. Ее замкнутое существование в соответствии с традициями своей культуры, затрудняло вербовку осведомителей в среде китайцев. Однако в Омской ЧК служили китайцы, которые могли вести оперативную работу в среде своих соотечественников [1]. По-видимому, во многом именно благодаря этому обстоятельству в 1924 г. КРО ГООГПУ (контрразведывательный отдел губернского отдела ОГПУ) имел в китайской среде своих осведомителей, а возможно, и внедренных оперативных сотрудников. Сотрудничество китайцев с органами безопасности Советского государства и служба некоторых из них в качестве сотрудников в 20 – 30-е годы были довольно распространенным явлением. В работе А. Г. Теплякова об этом говорится следующее: «Часть этих эмигрантов пополняла собой и репрессивный аппарат социалистического государства. Китайцев использовали как агентов внешней разведки ОГПУ-НКВД и Разведуправления Генштаба РККА, как сотрудников-нелегалов Коминтерна, а также для того, чтобы эффективно налаживать контрразведывательную работу среди многочисленных китайских рабочих-эмигрантов и солдат, перешедших в 1932 – 1933 гг. советскую границу на Дальнем Востоке после оккупации японцами территории Маньчжурии» [9].

Оперативная разработка омскими чекистами представителей китайской диаспоры в Омске в 1924 – 1925 гг. позволила обезглавить действовавшую на территории губернии и в масштабах России китайскую организованную преступную группировку – хунхузо-бандитскую организацию, именовавшуюся Тайное братство. Братство осуществляло преступную деятельность на территории Сибири и Урала, Европейской России и Украины. Организации существовали в Петрограде, Москве, Челябинске, Омске и других городах. Данная разработка омских чекистов получила название «дело Ли-Кай-Цзя» (по имени руководителя организации).

По делу Ли-Кай-Цзя было арестовано 12 человек. Некоторые из них были в прошлом членами РКП(б), а также осуществляли руководство «Союзом китайских

рабочих» в Омске. Организация занималась сбытом наркотиков, вымогательством среди китайцев, грабежами, убийствами (в том числе и российских граждан). У оперативников, осуществлявших разработку, были показания свидетеля-китайца, а также агентурные данные, указывавшие на причастность члена организации к шпионажу в пользу Японии и Китая. Чтобы понять характер и масштабы деятельности организации, а также ее социальную опасность, обратимся к характеристикам личностей некоторых осужденных и их преступных деяний, имевшихся в материалах следственного дела.

Руководителем организации являлся Ли-Кай-Цзя, который был одним из создателей и руководителей организации Тайное братство на территории России [3, л. 8]. Он был исключен из Коммунистической партии за контрабанду и торговлю наркотиками, за что и был осужден на 2 года совместно с китайцами Суи-Хан-Вен, Сан-Ти-Шен, которые к моменту повторного ареста Ли-Кай-Цзя были расстреляны по постановлению коллегии ОГПУ за бандитизм. В 1918 г. в Петрограде Ли-Кай-Цзя принимал участие в убийстве с целью ограбления трех торговцев – граждан Китая, причем одного из них убил лично, сбросив с третьего этажа вниз головой. С 1921 г. он являлся содержателем ряда тайногонов, курилен опиума в Омске и Славгороде, систематически занимался торговлей наркотиками. Из Омска Ли-Кай-Цзя руководил деятельностью хунхузо-бандитских организаций на территории всей Сибири [3, л. 6]. Ли-Кай-Цзя занимал должность заместителя председателя Омского союза китайских рабочих [3, л. 13].

Официальным председателем Союза китайских рабочих в Омске являлся другой фигурант дела Хау-Син-Лун, который был также исключен из коммунистической партии за мошенничество и торговлю наркотиками. Приговором народного суда он был осужден на пять лет принудительных работ за растраты, хищения, мошенничество, содержание притонов, в которых продавались наркотики [3, л. 6]. Несмотря на это Хао-Син-Лун в 1923 году являлся действительным полномочным представителем Китайской республики в Москве и Председателем Союза китайских рабочих в Сибири. Омский исполком выдал ему документ, удостоверяющий его право «сноситься со всеми учреждениями по всем вопросам, касающимся как имущественных, так и других прав китайских граждан» [2, л. 47]. Следствию не удалось доказать членство Хао-Син-Луна в преступной организации братства, но он всемерно содействовал таковому в выдаче фиктивных документов, лжесвидетельствуя, направлял органы следствия по ложному пути. В 1922 г. в Омске Хау-Син-Лун при помощи членов братства организовал убийство соотечественника с целью присвоения его имущества [3, л. 6].

Председатель Славгородского отдела Союза китайских рабочих (подчинявшегося омскому союзу) Лю-Би-Тан, арестованный по омскому делу, был профессиональным бандитом со стажем. Еще в 1908 г. он был ранен при нападении на почту Амурской железной дороги. Он укрывал китайских преступников, выдавал им фальшивые документы, способствовал осво-

бождению китайских торговцев от налогов путем выдачи подложных документов [3, л. 18].

Чжан-Ю-Луй (он же Ла-Е) в 1918 г. принимал участие в убийстве китайских торговцев в Петрограде. В 1921 г. в Перми во время собрания в помещении Союза китайских рабочих он убил китайца Пан-Юн-Бина (Пен-Ин-Бин – в деле содержатся два имени, и установить истинное не представляется возможности – В. П. и А. В.). Мотивом убийства явилось подозрение в сотрудничестве Пан-Юн-Бина с уголовным розыском или ОГПУ. В 1922 г. в пяти верстах от села Знаменское Славгородского уезда Чжан-Ю-Луй совместно с другими членами братства участвовал в убийстве и ограблении 5 русских крестьян. В декабре 1922 г. он организовал убийство китайца Чжан-Су. В ночь на 18 февраля 1924 г. Чжан-Ю-Луй организовал убийство сотрудника уголовного розыска китайского происхождения [3, л. 6]. В материалах дела, характеризующих преступную деятельность, Чжан-Ю-Луи описан показательный эпизод для деятельности славгородского союза китайских рабочих. Пытаясь запутать следствие по делу об убийстве сотрудника уголовного розыска в Славгороде, Чжан-Ю-Луй устроил совещание членов банды с председателем славгородского союза Лю-Би-Таном. В результате от имени Союза было сделано в письменной форме официальное сообщение в правоохранительные органы о преступлении. В нем указывалось, что неизвестный китаец совершил нападение на китайца Сун-Ки-Куи с целью грабежа, но был якобы убит наповал, что другим участником нападения был русский бандит, который успел скрыться. Это ложное свидетельство, официально сделанное в следственные органы от имени Союза китайских рабочих, на некоторое время ввело в заблуждение следственные органы [3, л. 16].

В связи с подозрениями о шпионаже отдельных членов Тайного братства в пользу Японии интересна фигура Чжан-Шу-Ин. В деле была сделана пометка, что он неграмотен. Однако тут же говорилось о владении им тремя языками – китайским, русским и японским (выд. нами – В. П. и А. В.). В Россию он прибыл в 1910 г. из Харбина и жил в Иркутске, где, судя по материалам дела, законно занимался торговлей. После революции 1917 г. оказался сначала в Екатеринбурге, а затем на Украине, где совместно с китайцами Вын-Хуй и Ли-Шу-Шен вступил в Тайное братство. Он был активным членом отряда китайцев, совершавших разбойные нападения на поезда. Отряд был частично уничтожен и распался. В Полтаве Чжан-Шу-Ин был арестован милицией, но по ходатайству местного Союза китайских рабочих был освобожден под подписку, после чего сбежал и оказался в Омской губернии [3, л. 22]. По имевшимся в КРО ОГПУ (контрразведывательном отделе ОГПУ) агентурным данным, Чжан-Шу-Ин в начале июля 1923 г. находился в Чите и доставлял в китайский штаб в Маньчжурии сведения о численности красных войск в Чите, о численности корейских красных отрядов на Дальнем Востоке, а также информировал указанный штаб о налоговой системе Советской России и о репрессиях, применяемых Советской властью к иностранцам, не желавшим платить налоги. Из показаний свидетеля по делу Тен-Шу-Чжи, Чжан-Шу-Ин зани-

мался шпионажем в пользу Японии, но конкретных указаний свидетель дать не смог [3, л. 23].

Материалы следственного дела вполне доказывали причастность всех его фигурантов к совершенным преступлениям. 7 августа 1924 г. постановлением Коллегии Омского губернского отдела ОГПУ проходившие по делу члены братства в соответствии с законодательством того времени во внесудебном порядке были приговорены к расстрелу [3, л. 1]. Прокуратура в порядке надзора признала это решение законным [3, л. 7]. Однако незадолго до этого, 31 мая 1924 г., было подписано соглашение между СССР и Китайской республикой о временном управлении Китайско-Восточной железной дорогой [8, с. 90]. Это свидетельствовало об улучшении отношений между двумя государствами. Поэтому смертный приговор в отношении членов банды Ли-Кай-Цзя, вынесенный в особом порядке органами ОГПУ, был пересмотрен. Органами ОГПУ Сибири было принято решение передать дело Ли-Кай-Цзя в народный суд общей юрисдикции по месту его разработки [3, л. 24].

Несмотря на аресты ряда руководителей и активных членов Тайного братства, преступный элемент китайской диаспоры в Омске продолжал свою противозаконную деятельность. Сохранившиеся агентурные сообщения позволяют понять особенности деятельности представителей организованной китайской преступности в Омске и методы работы чекистов в отношении них. Омские чекисты продолжили оперативную разработку представителей китайской диаспоры, занимающихся противоправной деятельностью. Сохранились сообщения агентов «ВС» и «КН», во многом благодаря информации которых, судя по сохранившимся агентурным сообщениям, и удалось арестовать участников братства.

Сейчас невозможно установить, были ли «ВС» и «КН» штатными сотрудниками ОГПУ, внедренными в китайскую диаспору, или завербованными чекистами-информаторами. В любом случае сохранившиеся материалы оперативной разработки свидетельствуют о высочайшем профессионализме сотрудников ОГПУ.

Органы безопасности получали крайне важные сведения. 15 апреля 1925 г. агент «ВС» сообщил о продолжающейся деятельности китайской организованной преступности и, в частности, о попытках оставшихся на свободе членов организации вызволить своих арестованных товарищей. Китаец Чен-Хо-Чжан имел второй вид на жительство под фамилией Лю-Гю, переводится как «Девятый брат». Агент «ВС» сообщил, что «по нитке удалось выйти на иголку, и оказалось, что Чен-Хо-Чжан, владелец пивного зала «Пекин», находящегося на улице Республики, состоит в тайном братстве с Лан-Ун-Ду, считаясь его девятым братом». Лан-Ун-Ду возглавлял организацию после ареста Ли-Кай-Цзя. Упомянутый владелец пивного зала «Пекин» Чен-Хо-Чжан оформлял патенты на ведение своих торговых операций не на свое имя, а на подставных лиц из числа китайцев. Агент предложил за пивным залом «Пекин» назначить особый надзор. Он также сообщал, что жена Ли-Кай-Цзя Тоня бывает на секретной квартире владельца пивного зала «Пекин» и в самом зале. «Разговор большей частью идет о заключенных и об оказании им помощи и содейст-

вия. На днях Лю-Гю говорил в пивной, что он теперь хорошо познакомился с прокурором губсуда (губернского суда) и что теперь он сможет кое-что сделать» [3, л. 26 – 26 об.].

По данным, полученным ОГПУ от «ВС», руководивший братством Лан-Ун-Ду организовал картежные игры, сбор от которых шел на нужды заключенных в тюрьме бандитов, на оплату разным лицам за содействие в освобождении арестованных, на подкуп свидетелей. Органы ОГПУ получили агентурное сообщение о том, что к шайке в Омске присоединились два китайца, участвовавших в убийстве китайского гражданина в Иркутске. «У названной шайки в наличии имеются револьверы около 7 – 8 штук системы «Браунинг», «Наган», «Кольт». С собой они их имеют во время сборищ у Ван-Ды и во время игр», – сообщал агент «КП». По его сведениям, «шайка в полном составе проживает всегда в Ленинске, в Омск не показывается. Фамилии участников шайки пока выяснить не удалось, да это и очень трудная операция... При начатии новых игр и сборищ сообщу. Адрес Лан-Ун-Ду: Торговля Шань-Дунь, ул. Лобкова, против «Харбина». Ван-Ды – лавочка зеленая на толчке, торговля пельменями и разными закусками, также и наркотиками. Лавочка эта позади мыльного ряда» [3, л. 28].

19 апреля 1925 г. агент «ВС» сообщал, что Тайным братством в Москву был отправлен китаец для переговоров со свидетелем обвинения Лю-Ван-Лином. Планировалось привезти его в Омск к 28 апреля, т. е. ко дню суда над Ли-Кай-Дзя и его подельниками. Лю-Ван-Лин по приказанию братства должен был на суде, опираясь на подсудимых и подготовленных подставных свидетелей, изменить свои показания, ссылаясь на то, что они не соответствовали действительности. Якобы показания были даны под давлением сотрудников ОГПУ, которые добивались от китайцев показаний угрозами и посредством избиения. Подставные свидетели были готовы и заучивали свои роли на суде. По информации «ВС» «Свидетели инструктируются и проверяются Лан-Ун-Ду. Согласование слов каждого свидетеля с подсудимым тоже предусмотрено. Каждому подсудимому «роль» его свидетеля передается в Дом лишения свободы, где подсудимый знакомится с ней, заучивая ее. Последние дни между подсудимыми и свидетелями идет лихорадочная переписка и заучивание ролей. Лан-Ун-Ду и К у защиты чуть ли не ночуют, бывают ежедневно, и дело обсуждается со всех сторон... В денежных средствах Ли-Кай-Дзя приказал братству не стесняться. Братство, со своей стороны, изыскивает средства торговлей, устройством картежных игр и просто принудительным сбором. Большое внимание уделяется даче показаний на сотрудников ГПУ, в особенности тому, что подписанные подсудимыми постановления в ГПУ не были переведены на китайский язык и не прочитаны ими, и что они должны были подписаться под разными угрозами. Все подсудимые великолепно понимают русский язык и владеют им. Переводчиком на суд назначен Ли-Кай-Цзэй, который должен следить за ответами свидетелей и предупреждать непредусмотренное, посоветовавшись под видом перевода с подсудимыми». Помимо этого, командированный за свидетелем в Москву член китайского преступного

сообщества должен был собрать у московских китайцев денежные средства на покрытие расходов по ведению дел в Омске. «Сбор в порядочной сумме вполне обеспечен, – сообщал агент ОГПУ, – так как часть братства находится в Москве и имеет средства» [3, л. 29 – 29 об.].

Последнее из сохранившихся в архивном деле сообщений агентуры Омского ОГПУ датировано 6 мая 1925 г. Судя по его содержанию, дата суда была перенесена. В сообщении агента «КН» сказано: «По приказанию Ли-Кай-Дзя, высланному из тюрьмы, братство Лан-Ун-Ду вызвало из Свердловска двух переводчиков для ведения дела в Губсуде... Неизвестно кто, но, вероятно, Лан-Ун-Ду, подкупил свидетелей из числа корейцев, которые должны засвидетельствовать на суде, что подсудимые хорошие люди. Чин-Хо-Дзя (брат Ли-Кай-Цзя – *В. П. и А. В.*) должен засвидетельствовать на суде, что был вместе с Ли-Кай-Дзя в Петрограде и что тот никакого убийства там не совершал. Это тем более странно, – обращал внимание агент, – что в 1922 г. у того же Чин-Хо-Дзя Ли-Кай-Дзя под угрозой револьвера от имени братства отобрал 100 рублей денег (золотом). Раньше Чин-Хо-Дзя злился за это на Ли-Кай-Дзя, но теперь, под нажимом братства, вынужден его защищать» [3, л. 27].

К сожалению, в Омских архивах больше пока не выявлено документов по данному интереснейшему делу. Но анализ сохранившихся оперативных разработок, осуществленных органами ОГПУ в отношении членов преступной хунхузо-бандитской организации Тайное братство, позволяет сделать ряд выводов и оценок в отношении как уровня работы омских чекистов, так и состояния китайской организованной преступности в Омске.

Во-первых, советские органы безопасности унаследовали «китайскую угрозу» от имперских жандармов. Уровень профессионализма сотрудников ОГПУ, осуществлявших оперативную разработку китайской организации Тайное братство в Омске, был очень высок. Он позволил иметь в китайской диаспоре своих секретных агентов (некоторые из которых, возможно, были кадровыми сотрудниками органов ОГПУ).

Во-вторых, материалы омского дела в отношении банды Ли-Кай-Дзя, позволяют говорить не просто о ряде разрозненных китайских банд (братств) на территории Омской губернии, но о существовании единой хорошо организованной и законспирированной преступной организации китайцев имевшей свои организации в крупных городах не только Сибири, но и Европейской России.

В-третьих, как пишет А. Г. Ларин: «Граница между организацией китайских коммунистов и Союзом китайских рабочих была достаточно условной» [7, с. 84]. С этим можно согласиться, но следует добавить, что граница была условной не только между китайскими коммунистами и Союзом китайских рабочих, но также и между китайцами-коммунистами членами союза и китайской организованной преступностью на территории Омска. Ее члены активно использовали легальные возможности Союза китайских рабочих для осуществления преступной деятельности. Китайские хунхузы, являвшиеся профессиональными преступниками, для увеличения своих

возможностей охотно вступали в коммунистическую партию, продолжая совершать преступления.

В-четвертых, материалы дела Ли-Кай-Дзя (деятельность фигуранта дела Чжан-Шу-Ин) косвенно подтверждают, что иностранные спецслужбы, в частности Японии и Китая, использовали китайскую организованную преступность для шпионажа. Это повышало значимость оперативных мероприятий омских чекистов в отношении китайских хунхузов.

Без сомнения, исследование истории китайской диаспоры в Омске, в том числе деятельность органов государственной безопасности в отношении китайских граждан, занимавшихся противоправной деятельностью, требуют поиска и введения в научный оборот новых источников и дальнейших исследований.

Литература

1. Бойко, В. С. Китайские общины Западной Сибири в 1920-е – 1930-е годы: социально-политическая характеристика / В. С. Бойко. – Режим доступа: <http://uni-altai.ru/Res/orient/proj/Cninese.html> (дата обращения: 16.02.2013).
2. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-27. Оп. 2. Д. 32.
3. ГИАОО. Ф. Р-27. Оп. 2. Д. 48.
4. Греков, Н. В. Русская контрразведка в 1905 – 1917 гг.: шпионмания и реальные проблемы / Н. В. Греков – М.: МОНФ, 2000. – 209 с.
5. Дятлов, В. И. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России / В. И. Дятлов // Вестник Евразии. – 2000. – №1(8).
6. Кирмель, Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне 1918 – 1922 гг. / Н. С. Кирмель – М.: Кучково поле, 2008. – 512 с.
7. Ларин, А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность / А. Г. Ларин. – М.: Восточная книга, 2009. – 512 с.
8. Соглашение между Союзом ССР и Китайской Республикой о временном управлении Китайско-Восточной железной дорогой // Советско-китайские отношения. 1917 – 1957: сборник документов. – М.: Изд-во восточной литературы, 1959. – 466 с.
9. Тепляков, А. Г. Агент для «великого кормчего». Неизвестное «китайское лицо» ЧК–НКВД / А. Г. Тепляков. – Режим доступа: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=50&tek=7182&issue=199> (дата обращения: 16.02.2013).

Информация об авторах:

Василевский Виталий Петрович – соискатель кафедры «Отечественная история» Омского государственного технического университета, 89039825955, vasilevskiy-vitaliy@mail.ru.

Vitaliy P. Vasilevsky – researcher at the Department of Russian History, Omsk State Technical University.

Сушко Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Отечественная история» Омского государственного технического университета, 89136341122, Alexsushko@rambler.ru.

Aleksey V. Sushko – Doctor of History, Professor at the Department of Russian History, Omsk State Technical University.

УДК 94(4)"1600/1699"

ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ XVII в.

С. А. Васютин

IDENTITY OF WEST EUROPEAN URBAN COMMUNITIES IN THE 17TH CENTURY

S. A. Vasyutin

В статье рассматриваются различные данные о групповой идентичности в западноевропейском городе XVII века, разнообразных ее проявлениях в многочисленных социокультурных общностях городского населения. На этом основании анализируются особенности социального взаимодействия в разных странах и регионах Европы и показаны разнонаправленные тенденции сохранения и трансформации социальных связей в городских сообществах «переломной» эпохи.

The paper deals with various evidences regarding the group identity of West European towns in the 17th century and its diverse manifestations in numerous sociocultural urban communities. It makes a basis for the analysis of social interaction peculiarities in different European countries and regions. Various trends in preserving and transforming social relations of urban communities during this critical period are also demonstrated.

Ключевые слова: западноевропейский город XVII в., групповая идентичность, социальные связи и их трансформация.

Keywords: Western European town of the 17th century, group identity, social relations and their transformation.

Корпоративные социальные структуры городов Западной Европы, во многом унаследованные от Средневековья, переживают в раннее Новое время существенные трансформации. Городские сообщества и социальные связи в городской среде подвергались воздействию многочисленных и неоднозначных с точки зрения последствий факторов, по-разному влиявших на групповую идентичность горожан. Прежде всего, это касается различных политических и военно-политических обстоятельств (фискальные и судебные мероприятия государства и городского управления, политика «социального дисциплинирования», общественные конфликты, войны, особенно Тридцатилетняя война, политически мотивированные миграции и т. д.). Не меньшее воздействие на городское население, сложное по своему социальному составу и территориальному разграничению в рамках города (престижные районы, где располагалось здание мэрии, главный городской собор, проживала аристократия и патрициат, кварталы ремесленников, наемных работников, прислуги, торговые места, улицы, где преобладали дома бедных и процветала преступность и т. д.) оказывали социально-экономические процессы (дифференциация населения по доходам, социальному статусу, «ранний капитализм», дальнейшая урбанизация и рост городского населения). Среди явлений влиявших на стабильность взаимодействия в рамках различных социальных групп и более обширных сообществ (того же города в целом) особенно стоит выделить так называемые «кризисы существования» (разорение, голод, эпидемии), а также связанные с ними демографические колебания (в данном случае речь идет именно о краткосрочных тенденциях демографического развития, а не о многолетних трендах). В то же время стабильности общественного положения горожан способствовали крепкие внутрисемейные отношения, родственная поддержка и взаимодействие, принадлежность к религиозной общине, включенность в профессиональные объединения и т. д. Определенные гарантии устойчивости позиций того или иного городского жителя были связаны с земельной собственностью, аристократическим статусом, участием в деятельности крупных торговых корпораций, вхождением в различные властные институты и обладание престижными должностями, родственными связями с влиятельными лицами и пр. Но одновременно с этим возросла роль образования и профессиональной карьеры, что непосредственно влияло на восприятие собственной общественной роли и вело к формированию положительной идентичности. Особенно стоит отметить развитие профессиональных структур и связанных с этим социальных взаимоотношений. Неслучайно В. Н. Малов назвал XVII столетие «временем профессионализации» [1, с. 11 – 15].

Как оценивать социальные изменения в городе XVII в.? Насколько они разрушали сложившиеся социальные институты? В марксизме теория первоначального накопления капитала была призвана показать вполне определенную картину – обнищание и де-социализация «народных масс», которая обеспечивала накопление ресурсов классом буржуазии и подготавливала формирование класса пролетариата. Можно ли

полностью отвергнуть такое видение социальной истории рассматриваемого периода? Без сомнения, да! В современной ситуации гораздо легче сместить интерес в сторону других макропроцессов – «военная революция», доминирование Западной Европы, капиталистической мир-системы, писать о каналах влияния власти на общество, «социальном дисциплинировании», «сетях контроля» и т. д. Или наоборот, ограничивать исследовательское поле конкретными сообществами и людьми, считая все остальное «социальными конструктами». Огромные «пласты» социальной истории и социальных явлений все чаще остаются вне поля зрения современного историка. Возвращаясь к марксистской трактовке постсредневекового периода, считаю важным отметить, что вероятно, мы имеем дело с многочисленными разнонаправленными общественными процессами и они могут быть описаны в разных смыслах, других категориях и понятиях, которые позволят увидеть менее однозначную картину. Конечно же, такие попытки неоднократно предпринимались. Достаточно назвать исследования Ф. Броделя, Р. Мандру, А. Макфарлейна, К. Томаса, Э. Хобсбаума и многих других ученых. В результате появилось множество реконструкций социальной истории эпохи раннего Нового времени. При этом нельзя отрицать, что такие модели в большей или меньшей степени учитывают «марксистский образ» «социального неблагополучия» многих жителей западноевропейских городов, утрату ими прежнего статуса, маргинализацию и пр. Остаются открытыми такие вопросы: Насколько масштабными были подобные процессы? Составляли ли именно они ключевой стержень общественной трансформации? Насколько лучше подобные явления объясняют альтернативные доктрины? Можем ли мы, например, взять за основу концепцию Старого порядка для всех стран и социумов Запада? Вправе ли мы в таком случае говорить о постепенных общественных изменениях, близких к таким понятиям, как «эволюция» или даже «континуитет»? Либо в сонме событий, явлений, процессов необходимо сделать акцент на наиболее значимых и динамичных трансформациях, на так называемой ранней (доиндустриальной) модернизации, хотя многие специалисты не любят и не принимают данную дефиницию? Или же «социальные ландшафты» XVII века и в целом раннего Нового времени с условными границами в пределах конца XV – XVIII вв. (вероятно до Французской революции?) и их трансформация должны быть осмыслены в мир-системной логике с учетом роли государств и регионов Западной Европы в центр-периферийных отношениях? Перед историком встает немало и других вопросов. Возможно менее конкретизированный термин «Переход» позволяет сочетать разные «краски», интегрировать различные позиции и теории ученых, увидеть то, что социальные процессы не только многоплановы и разнонаправлены, но и проходят с неодинаковой «исторической скоростью», что соответствует дифференциации исторического времени Ф. Броделем. Но даже при таком подходе требуются многоплановые критерии и верно выбранный объект исследования, чтобы можно было говорить опреде-

ленно хотя бы об одном комплексе социальных явлений (локализованных в конкретной социальной среде либо территориально) в масштабном потоке общественных процессов переходной эпохи.

В статье предложен один из возможных подходов к изучению социальных трансформаций в городе XVII в. Он направлен непосредственно на анализ социальных связей и групповой идентичности горожан эпохи раннего Нового времени. Стоит оговориться, что сам по себе данный подход не обеспечивает получения абсолютных знаний о западноевропейских урбанизированных сообществах той эпохи, к тому же и методы его реализации могут быть совершенно разные, что потенциально предполагает дифференциацию результатов. С другой стороны, выбранный объект исследования (многочисленные социальные связи, а также формы самоопределения различных социальных групп) отражает только часть социальной действительности, во многом «размытой» спецификой развития городов в разных регионах (Средиземноморье, континентальные области, Северо-Запад), государствах, локальных территориях Западной Европы. При всех отмеченных условностях характер взаимодействий в городских сообществах, определенные трансформации общественных связей, по сравнению с предшествующей средневековой эпохой и особенно в течение XVII в., несут весьма важную информацию о состоянии западноевропейских социумов прединдустриального периода.

Города в XVII в. были центрами полифункциональной деятельности и порождали самые сложные формы общественной иерархии (особенно столичные), что находило отражение в многочисленных формах социального взаимодействия (семейно-родственные структуры, молодежные группы, цеховые ремесленники, работники мануфактур, торговые компании, юристы, врачи, городские чиновники, университетские корпорации и т. д.). Широчайшее разнообразие форм социальных связей порождало и многочисленные проявления групповой социальной идентичности – семейно-родственной, профессиональной, политической, сословно-стратовой и пр. Комбинации такого рода устойчивых социальных взаимодействий, так же как и индивидуальные ассоциации себя с определенной группой людей могли включать одновременно и родственников, и друзей, и определенные авторитеты. Даже в маргинальных городских сообществах (нищие, преступники, проститутки и пр.) возникали более или менее устойчивые, но весьма своеобразные иерархические объединения со специфическими нормами внутренних отношений (особенно в территориальных преступных группировках). В городах также оседали многочисленные в рассматриваемый период мигранты, порой составляя целые диаспоры, занимавшие порой целые улицы и кварталы. Хорошо известна высокая степень сплоченности еврейских общин в городах Нидерландов, германских землях.

Для полноценного изучения идентичности городских страт и сообществ требуется целая программа широкомасштабных научных изысканий с привлечением разных специалистов (историков, социологов,

антропологов, психологов). В данной статье лишь намечается одно из возможных направлений таких исследований и анализируются наиболее показательные виды социальных связей. Представленные выводы носят предварительный характер и должны быть верифицированы в последующих работах.

Ключевую роль в жизни горожанина XVII века играли социальные взаимодействия, связанные с (1) семьей и более широким кругом родственников, (2) религиозной общиной и (3) профессиональной деятельностью. Важным проявлением групповой идентичности городских жителей было позиционирование данного сообщества перед властью (вернее перед разными органами городского и государственного управления) и идентификация таких структур властными учреждениями. Следует подчеркнуть, что в отношении трех указанных видов социальных связей в очень многих случаях «границы» могут быть условны, так как в некоторых случаях семья выступала как часть религиозной общины и производственной группы.

На протяжении веков семейно-брачные институты являлись фундаментом общественных структур: в семье проходили важные этапы социализации человека, близкие родственники формировали социальную среду, в которой оформлялись взгляды и ментальные установки детей, поддержка семьи и родственные связи обеспечивали определенную стабильность положения индивида, давали возможность получить образование, работу, в конечном итоге горожанина ждала установленная родителями, опекунами или родственниками доля наследства. Все это не исключало конфликтов и напряженности в семейном коллективе, стремлений детей «вырваться» из под надзора родителей. Согласно современным историко-демографическим концепциям, в Западной Европе XVII в. доминировали так называемые «северная» и «южная» модели брака. Их формирование относится еще к концу Средневековья, и в рассматриваемое столетие одной из главных тенденций было увеличение брачного возраста [2, с. 158 – 160, 210 – 211; 3, с. 46 – 49; 4, с. 61 – 62; 5, с. 194; 6, с. 38 – 39 и др.]. Как правило, подобные тенденции объясняются несколькими факторами.

Во-первых, увеличился срок социализации, что было связано с образованием в постреформационный период. Реформация и католическая реформа привели к тому, что начальным образованием были охвачены широкие слои городского населения, росла доля и тех, кто, пройдя обучение в городских и церковных школах или получив знания от домашнего наставника, поступал в университеты. Тем самым образование продлило срок «взросления».

Во-вторых, общее увеличение продолжительности жизни способствовало росту конкуренции среди людей «активных» возрастов и молодым людям стало гораздо труднее добиваться социально-экономического статуса, допускавшего женитьбу и возможность обеспечить семью.

В-третьих, изменение ментальных установок и социальных практик в XVI – XVII вв. приводит к новым формам социально-демографического поведения.

Продолжительность родительской опеки над уже взрослыми детьми была во многом следствием огра-

ниченных имущественных ресурсов. Брак требовал вычленения части этих ресурсов для новой семьи. Нередко передача наследства старшему сыну в семье чаще всего происходила или после смерти родителей или в том случае, когда родители становились уже недееспособными в управлении собственным делом, в распоряжении имуществом или не могли непосредственно трудиться в поле, в мастерской, в торговой лавке и т. д. Позднее получение наследства (как правило, не ранее 22 – 25 лет) и тем самым более продолжительный путь к хозяйственной самостоятельности объективно сдерживали молодых людей от раннего вступления в брак. Значительную роль стала играть длительная наработка определенных деловых навыков в торговле и ремесле, в организации и управлении мануфактурным производством, в сельском хозяйстве. Многочисленные уже в XVII в. наемные работники мануфактур и крупных цехов вынуждены были работать долгое время, прежде чем они начинали получать более или менее стабильный заработок, могли приобрести (снять) жилье и создать семью. Таким образом более позднее вступление в брак в некоторой степени обеспечивало более стабильный характер семейной экономики.

В то же время нельзя не отметить, что в практике заключения брачных союзов в городах Западной Европы XVII в. в первый брак вступали представители самых разных возрастных категорий. В связи с этим можно говорить не только о ведущих моделях брака, но и о различных отклонениях от этих моделей брачных отношений и многообразии форм брака (статистика дает только усредненные цифры). В Южной Европе наряду с поздними свадьбами нередкими были случаи, когда горожане женились в 19 – 20 лет. Особыми были брачные традиции в еврейской среде. Пример знаменитой еврейки из Гамбурга Гликель бас Иуда Лейб, чья биография была детально изучена Н. Земон Дэвис, показывает преобладание ранних браков. Гликель была выдана замуж в 13 лет за Хаима Хамеля, который был старше невесты всего на несколько лет [7, с. 20 – 21].

Изменение модели брака и характера семейных отношений могло также происходить под воздействием войн и тяжелых «кризисов существования». После Тридцатилетней войны, ставшей настоящей гуманитарной катастрофой для германских земель, наблюдалось резкое снижение брачного возраста и рост рождаемости, несмотря на тяжелейшие социально-экономические условия. Но даже эти благоприятные факторы не могли обеспечить прирост германского населения в середине XVII в. после колоссальных потерь военной поры [3, с. 42, 60]. Города переживали различные «кризисы существования» и по другим причинам. Показателен пример подобного кризиса в нормандском Руане в конце XVII в., где рост смертности из-за резкого повышения цен на пшеницу с 1692 года по август 1694 года отразился на рождаемости. Интересно, что статистические данные позволяют зафиксировать определенную разницу в последствиях кризиса для разных кварталов Руана. Если в центре города, где жили его виднейшие представители (аристократия, политическая элита, крупные торговцы,

чиновники и пр.) смертность «превысила обычный уровень примерно в четыре раза», то в беднейшей восточной части города смертность увеличилась в восемь раз. Число зачатий и рождений «в богатых кварталах сократилось лишь незначительно, тогда как в бедных кварталах наблюдалось резкое падение числа зачатий». В среде бедняков из-за острой нехватки продовольствия «умирали люди с наименьшей сопротивляемостью (особенно часто умирали маленькие дети), этот же фактор влиял и на плодovitость женщин, которые беременели с большим трудом» [3, с. 41 – 42].

В семейных структурах, а также в среде мигрантов «кризисы существования», гонения и преследования нередко вели к интенсификации взаимодействия, включались социальные «защитные» механизмы, возрастала групповая сплоченность. «Давление» негативных факторов могло способствовать мобилизации социальных связей, но часто приводило и к их деградации. Так, реалии Тридцатилетней войны нередко вели к утрате устойчивых форм социального взаимодействия, связей с родственниками и религиозной общиной, что вело к десоциализации и маргинализации наиболее уязвимых групп населения.

Семья выступала как довольно сплоченная корпорация. Даже внебрачные связи редко ставили под сомнение приоритет семьи. Прочность семьи во многом обеспечивалась традицией, общностью имущества, правом непосредственного распоряжения которым, правда, чаще обладали мужья (при этом случаи участия жен в руководстве производством и коммерческих делах или непосредственного управления супруги либо вдовы семейным бизнесом были не редкими). Дом бюргера был предметом гордости, «товарным лицом» семьи. Семейное взаимодействие распространялось на религиозно-этическую сферу (с XVI в. распространяется культ ангелов-хранителей семьи, семейные праздники и пр.). Важность и значение семьи подчеркивала идентификация молодых людей себя с родителями и более старшим поколением. В целом для XVII в. мы найдем немало свидетельств заботы родителей о детях, а также взаимных нежных чувств между родителями и отпрысками. Чувство семейной близости «видно и по новой манере, особенно в XVII веке, изображать венчание или крестины», а также семейные портреты [8, с. 355 – 359]. В семье существовала определенная культура общения между «старшими» и «младшими», осуществлялась передача жизненного опыта. Причем такие семейные связи подразумевали отношения не только между живыми, но и связи с умершими уже родственниками. В духе средневековой традиции память об умерших и различные формы «общения» с ними служили инструментами подтверждения групповой солидарности, демонстрации статуса этой группы и даже «продвижения» ее общественной значимости в городских и аристократических сообществах [9, с. 35].

Профессиональное взаимодействие также довольно часто строилось на основе родственных отношений, особенно в таких сферах, как производство тканей, галантерея, ювелирное дело, магазинная торговля, бакалея, пивоварение и мн. др. Здесь семейная

идентичность напрямую «пересекалась» с идентичностью профессиональной. История той же Гликель бас Иуды Лейб показывает, что профессиональные связи опосредовались связями родственными. Гликель после смерти супруга продолжила его дело (продажа жемчуга и драгоценных камней, завоз товаров из Голландии, участие в ярмарках в Брауншвейге, Лейпциге, давала ссуды нуждающимся и пр.), опираясь на поддержку своих многочисленных детей (из 14 выжило 12; все они вступили в брачные союзы). Многие ее отпрыски, переехав в результате женитьбы или замужества в другие города Германии, помогали матери в ее коммерческих делах. Даже поездки по делам сватовства и устройства свадеб она использовала для своего бизнеса [7, с. 23].

Но все же XVII в. выводит на первый план профессиональные связи, формирующиеся между выходцами из разных семей, из разных кварталов города, из разных предместий (работники мануфактур и горнодобывающих предприятий, команды торговых, рыболовецких и военных кораблей, врачи, юристы, чиновники, интеллектуалы, мелкие городские торговцы и крупные торговые компании, объединения мастеров-строителей, художников и др.). Зачастую такой труд требует высокой квалификации. Речь не идет только о престижных «интеллектуальных» профессиях. В Лионе организация и развитие с помощью итальянских денег шелковой промышленности стало возможно только после привлечения соответствующих специалистов. В городских центрах Нидерландов ткачество, книгопечатание, судостроение, судоходство и многие виды ремесла (до 250 отраслей) в XVII в. достигли высочайшего уровня. Но, говоря о северо-западной Европе XVII столетия, нельзя не упомянуть развитие торгового дела, бирж, банков, кредитов и соответствующих профессиональных корпораций. Амстердам к XVII веку стал «мировым центром перераспределения товаров, цено- и курсообразования» [10, с. 65]. С 1609 года в этом центре европейской торговли осуществлял свою деятельность вексельный банк Амстердама. В Северной и Центральной Европе наряду с внутриевропейскими корпорациями-посредниками возникают еще более крупные колониальные компании. В 1600 г. в Англии, вслед за Восточной (Балтийской) и Левантийской, была создана Ост-Индская компания. В 1602 г. торговое объединение с аналогичным названием появляется в Нидерландах. Масштабная картина развития торговли в раннее Новое время была представлена Ф. Броделем [11].

Еще одна важная сфера социального взаимодействия – образование. В университетских сообществах в XV – XVI веках стали очевидны существенные изменения: под влиянием государства бывшие свободные корпорации *universitas*, делившиеся на *magistrum* и *scholarium*, утрачивают часть свобод, но получают финансирование и заказ на специалистов. Государственная поддержка способствовала трансформации университетов из центров «чистого интеллектуального и научного труда» в учреждения профессионального образования [12, с. 132 – 134]. Характер этих изменений может быть оценен по-

разному, но все же университетам удалось сохранить особый статус и особое положение преподавателей и студентов (несмотря на то, что последние нередко выступали в роли пограничной группы, использовавшей широкий ассортимент маргинальных моделей, например, попрошайничества для приобретения одежды, обеспечения пропитания и даже отдыха и развлечения). Многие компоненты корпоративной культуры сохранились и даже укрепились в университетах XVII в. Таким социальным связям способствовали действия различных дарителей. Так, архиепископ Кентерберийский Лод оставил колледжу св. Иоанна Крестителя в Оксфорде всю свою церковную утварь и мебель, все книги и 500 фунтов, которые следовало вложить в землю. Ренту, получаемую с этой земли, следовало поровну распределять между всеми студентами и учеными в день 7 октября [13, с. 177 – 178].

В трансформации социальных связей в XVII в. значительную роль играли, если так можно сказать, социально-психологические кризисы, напряженность и растущее чувство разобщенности и незащищенности, которые переживали европейские сообщества в условиях развития рыночных структур, дальнейшей социально-правовой и материальной дифференциации, разрыва традиционных форм взаимодействия, утраты «общинности» и пр. Социально-экономическая перестройка, приведшая к становлению индустриальной эпохи, все больше влияла на сферу общественного взаимодействия, ее характер. Наглядным примером были знаменитые «ведовские» процессы. Многочисленные обвинения соседей, конкурентов, представителей других гендерных и возрастных групп и даже родственников показывают высокий уровень социального напряжения в общественных структурах Европы. Сквозь призму социальных противоречий, прослеживающихся в материалах ведовских процессов, может возникнуть ощущение, что традиционные социальные связи в XVII в. были поставлены под сомнение. Однако другие примеры показывают, что в этой сфере не было однозначных и однонаправленных тенденций. Так, в Англии в XVII в. общество и государство продолжало поддерживать «патриархальность» в семейных отношениях [16, с. 74, 75, 77 – 78]. Во Франции Робер Мандру зафиксировал сохранение в XVII в. всех основных форм социальных связей (исследователь предпочитает термин «социальная солидарность») – супружеская пара и семья, церковный приход, взаимодействие внутри сословий и отдельных страт, интеграционная роль королевской власти и государства в формировании национальной идентичности, молодежные группы и праздники [17, с. 118 – 157, 161 – 165, 171 – 177].

Таким образом, в странах Западной Европы социальные связи в XVII вв. переживали разнообразные трансформации, но по-прежнему тяготели к традиционным формам, которые не утратили своего значения и служили важным инструментом стабилизации общества, «компенсируя» социальное напряжение.

Литература

1. Малов, В. Н. XVII века: время профессионализации / В. Н. Малов // Человек XVII столетия. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. – Ч. 1.
2. Бессмертный, Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции / Ю. Л. Бессмертный. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
3. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг.: учебное пособие для студентов / Г. А. Дидерикс, И. Т. Линдبلاد, Д. И. Ноордам [и др.]. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. – 432 с.
4. Репина, Л. П. Женщина и мужчина в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия / Л. П. Репина. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. – 352 с.
5. Шоню, П. Цивилизация классической Европы / П. Шоню. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 608 с.
6. Хафтон, О. Женщины, труд и семья / О. Хафтон // История женщин на Западе. – Т. 3: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения; под ред. Н. Земон Дэвис, А. Фарж. – СПб.: Алетейя, 2008.
7. Дэвис, Н. З. Три женских портрета XVII века / Н. З. Дэвис. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 400 с.
8. Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Ф. Арьес. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. университета, 1999. – 416 с.
9. Арнаутова, Ю. Е. Мемогия: «тотальный социальный феномен» и объект исследования / Ю. Е. Арнаутова // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени; отв. ред. Л. П. Репина. – М.: Круг, 2003.
10. История Европы: в 8-т. – Т. III: От Средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). – М.: Наука, 1993. – 656 с.
11. Бордель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм (XV – XVIII вв.) / Ф. Бордель. – Т. II: Игры обмена. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.
12. Ле Гофф, Ж. Другое Средневековье: время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. университета, 2002. – 328 с.
13. Шулькова, Н. Г. Архиепископ Лод – английский Киприан / Н. Г. Шулькова // Человек XVII столетия. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. – Ч. 1.
14. Карначук, Н. В. Изучение частной и общественной жизни англичан в эпоху раннего Нового времени: проблемы междисциплинарного подхода / Н. В. Карначук // Полидисциплинарные технологии исследования модернизационных процессов; под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. – Томск: ТГУ, 2005. – С. 68 – 81.
15. Мандру, Р. Франция Раннего Нового времени (1500 – 1640): эссе по исторической психологии / Р. Мандру. – М.: Территория будущего, 2010. – 328 с.

Информация об авторе:

Васютин Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории средних веков КемГУ, 8-905-968-67-83, vasutin@history.kemsu.ru.

Sergey A. Vasyutin – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of Medieval History, Kemerovo State University.

УДК 323.2

**ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ
В СВЯЗИ С ЧЛЕНСТВОМ В ВТО И ПОЛИТИКОЙ ЗАПАДА
Ю. Л. Говоров**

**THE PROBLEM OF MODERNIZATION IN RUSSIA
IN CONNECTION WITH WTO MEMBERSHIP AND THE POLICY OF THE WEST
Yu. L. Govorov**

В статье анализируется проблема совместимости модернизации и ВТОизации РФ. Автор сопоставляет традиционные факторы и методы проведения российских модернизаций сверху под руководством государства и особенности проблемы технологической модернизации РФ на современном этапе в условиях ограничения ее экономического суверенитета членством в ВТО.

The paper investigates the problem of discrepancy between technological modernization in Russia and its WTOisation and the role of the West in these processes. The author contrasts traditional factors and methods of imple-

menting top-down modernizations in Russia by the State government and the specifics of technological modernization problem in the conditions of its economic sovereignty being restricted by the rules of the WTO.

Ключевые слова: Россия, Запад, технологический уклад и модернизация, членство и правила ВТО.

Keywords: Russia, the West, technological mode and modernizations, WTO membership, the rules of the WTO.

Самыми модными и актуальными в общественно-политической жизни России последних лет являются лозунг модернизации и проблема членства РФ в ВТО. Одни рассчитывают на решение большинства проблем РФ путем целенаправленного технического перевооружения национальной экономики для преодоления ее сырьевого характера и вытекающей из этого примитивной экспортной специализации. При всей многозначности термина «модернизация» «функционально она предполагает ликвидацию технического отставания от некоего лидера, чьи возможности выглядят существенно выше» [10] – в нашем случае это развитые западные страны, задающие тон в ВТО. Другие стимулом к развитию считают включение страны в мировую торговлю «на равноправной с другими членами ВТО основе». В связи с этим возникает вопрос о совместимости модернизации и ВТОизации в стране, в которой внешний фактор всегда был важнейшим фактором модернизации.

В ВТО состоит большинство стран мира разных уровней экономической мощи и научно-технического развития, технологические лидеры и аутсайдеры. Каждый новый член обнаруживает, что «ВТО – это правила ведения споров по поводу конкуренции, в которых все участвуют формально на равных, а фактически на разных – это принципиально! – правах» [12]. ВТО несёт новым странам-участницам не только потенциально реальные преимущества разной степени, но и серьёзные угрозы для национальных экономик в связи с ослаблением тарифно-таможенной защиты национального экономического пространства. В ВТО «каждому сверчку уготован свой шесток» в зависимости от его экономической мощи, торгово-хозяйственной специализации и технологического уровня. Более высокий технологический уклад «золотого миллиарда» Запад использует как инструмент неоколониального господства: он подстроил под себя весь мир, который в результате вынужден подстраиваться под западные нормы и традиции рыночной экономики и торговли. Незападные страны вступают в ВТО по разным причинам: Россия 18 лет назад заявила туда в рамках общего курса на «интеграцию в мировое сообщество». В данной публикации нас интересует влияние ВТОизации страны и политики Запада на перспективы ее модернизации.

История российской прошла как через разные стадии застоя, так и рывки развития, причем последние всегда были результатом модернизаций. Противостоять Западу можно было только посредством усвоения западных идей, институтов, техники и технологий на путях догоняющего развития. Россия нашла возможность проведения технологической модернизации в течение столетий в несколько этапов, на каждом из которых решались конкретные задачи.

В истории России витки модернизации обуславливались не столько потребностями внутреннего раз-

вития, сколько необходимостью выживания во враждебном окружении «передовых наций» с использованием против них заимствованного у них же «оружия» – их технологического наследства (византийского, британского, германского, американского). Поэтому вполне правомерно предположение, что без использования западного опыта «многие свершения, если не само существование России, были бы просто невозможны» [15]. Со времен Петра I курс на модернизацию страны с помощью иностранцев и зарубежных технологий «стал одним из элементов развития» России [22, с. 196].

Технологический фактор оказывает особое воздействие на динамику социально-экономической трансформации человечества на разных стадиях его развития (от его активного утверждения в передовых обществах и превращения их в технологических доноров и до его пассивно-активного восприятия технологическими реципиентами – обществами типа российского). Технологический фактор является причинно-отправным для цепной реакции множества последующих изменений в самых различных сферах жизни отстающих в исторической гонке обществ, так как «он порождает диффузионную волну заимствований»: «Можно, конечно, попытаться придумать что-то свое, но проще скопировать готовые западные образцы» [27]. А это порождает в принимающем обществе не только бытовую англоманию, галломанию, германофилию, америкоцентризм, но и политико-идеологические заимствования с вытекающими из этого последствиями для социально-политической стабильности. Именно по этой причине, а также из-за внутриазадных противоречий и политико-экономической конъюнктуры, централизованно на государственном уровне и небескорыстным энтузиазмом частного капитала, продвинутой Запад столетиями проводил технологическую подпитку российской экономики.

Созданный в основном путем заимствования технологический потенциал позволил России веками эффективно противостоять внешней опасности. Как образно выразился по этому поводу А. Тойнби, «Трижды за 1100 лет Россия усваивала чужие цивилизации... И в каждом случае цивилизация, привлекавшая Россию на орбиту своей привлекательности, находила, что русский сателлит угрожает поменяться с ней местами, узурпировав место Солнца» [1, р. 539].

На рубеже XIX – XX вв. была предпринята первая попытка реализации целей догоняющего развития методами капиталистической модернизации на базе II технологического уклада. Социалистическая индустриализация 30 гг. на базе III технологического уклада оказалась успешной, поскольку все ресурсы страны были подчинены цели «догнать и перегнать» на решающих направлениях развития – именно эту мобилизующую функцию выполнял тоталитарный режим.

Тоталитаризм, рассматриваемый через призму мобилизационного развития, был «платой общества за индустриализацию» [6, с. 16].

Советское «индустриальное чудо» без западного технического содействия не смогло обойтись. Анализ технологической истории СССР дает основания утверждать, что он не мог самостоятельно ликвидировать экономическую отсталость (по крайней мере, в короткий срок): если финансовая и политическая сторона сталинской индустриализации были обеспечены усилиями партии и народа, то «технологический прорыв» СССР обеспечен Западом: в основном США и Германией (довоенной и послевоенной).

В результате обмена дешевого сырья на западное оборудование и технологии в 30 гг. в СССР была создана огромная по масштабам, но технологически зависимая промышленность. Поглощение после Победы «трофейной Германии» дало дополнительный толчок качественному росту старых и появлению новых производств. Однако, на стратегическую перспективу 50-х годов советская промышленность «подсела на иглу» передовой германской техники довоенного III технологического уклада, в то время как Запад сразу после войны начал переход на IV уклад (именно в этом отличие послевоенного советского «экономического чуда» от западногерманского, японского) СССР оставался в традиционном для него режиме «технологически зависимого развития», а «идущий по следу обогнать не может».

В брежневскую эпоху это отставание приходилось преодолевать закупкой (в основном по политическим причинам в Западной Европе, а не в США) предприятий «под ключ» и импортом за счет нефтегазовых доходов от 19 % до 68 % необходимого для различных отраслей оборудования [48, с. 149]. Запад воспользовался этим для системного торможения научно-технического прогресса в Советском Союзе руками КОКОМ (западная международная организация по контролю над экспортом в СССР). Сначала эта организация официально и открыто препятствовала продажам Москве новейших технологий и компонентов, а с 1982 года под ее эгидой стала работать тайная программа «контролируемого технологического отставания» Советов, которая заключалась в поставке в Союз «фальшивых или частично фальшивых данных и информации» [42]. В результате, «если в 1917 году в одной отдельно взятой стране победила социалистическая революция, то 70 лет спустя в той же самой отдельно взятой стране потерпела сокрушительное поражение революция научно-техническая» [29]. На очередном витке НТР, проигранном Советским Союзом, новая бытовая техника и микроэлектроника стали «символами не только военного, но и культурного превосходства западной цивилизации», той «западной роскошью», перед которой не могли устоять простые советские люди: новая мощная волна диффузионного влияния западных технологий «подорвала идеологические устои советской власти» [27].

В 90 гг. XX в. РФ потеряла 70 тысяч производств [38]; объем продукции станкостроения упал в 20 раз [31]; по американским оценкам, «от оборонного потенциала русских осталось не более 6 %» [44]; страна

начала спускаться вниз по «технологической лестнице» в связи с перерастанием технологического отставания в технологическую деградацию: доля V технологического уклада упала с 6 % до 2 % при 60 % на Западе, IV уклада – с 51 % до 47 % параллельно росту доли более отсталых укладов [48, с. 150]. В застойно-сырьевом безвременье первого десятилетия XXI в. произошел внешне эффектный количественный рост, но преимущественно без качественного развития. Лозунг «великой энергетической державы» сориентировал страну на проедание советского наследства, «голландскую болезнь» и консервацию РФ в качестве «великого сырьевого придатка» развитого мира. По «критериям технического века» Россия проиграла англо-саксонскому и романо-германскому мирам целую научно-техническую эпоху. В российской элите усиливается понимание того, что «модернизация – это не вопрос хорошей жизни. Это – вопрос жизни!» [8]. Страна должна вырваться из «технологического захолустья» сырьевого болота на вершину мировой «технологической пирамиды», куда возможно идти одновременно несколькими параллельными путями:

Во-первых, в связи с переходом на VI технологический уклад Западу становится выгодно «сбрасывать», и недорого, устаревающие для него, но прогрессивные для остального мира технологии V уклада незападным странам. Россия уже идет по этому пути – например, в 2010 году до 75 % инвестиций на предприятиях российского ВПК направлялось на приобретение нового оборудования [25], в целом же в Россию сейчас завозится в три раза больше оборудования, чем производится внутри страны [31].

Во-вторых, любыми путями необходимо приобретение технологий VI уклада. Именно по этой причине, согласно оценкам Управления контрразведки ФБР США, РФ скоро начнет оспаривать у КНР лидерство по научно-техническому шпионажу «в связи с необходимостью модернизации экономики» [24].

В-третьих, РФ следует «самой генерировать новые технологии» для перехода хотя бы на отдельных направлениях от догоняющего развития к «обгоняющей, опережающей модернизации» на определенной группе из 24 критических технологий – в свое время Советский Союз лидировал по семи из них [5].

У современной РФ, в отличие от сталинских 30 гг., ресурсов для очередной модернизации намного больше (нефтегазовые доходы и запасы в западных банках, еще значительный кадровый потенциал, даже низкий жизненный уровень населения может быть стимулом для перехода на постиндустриальную стадию развития) – «не хватает лишь политической воли к выбору стратегического сценария развития и грамотной организации реализации этих предпосылок» [36] с учетом места и роли частного и государственного секторов в российской экономике и политике. Как выразился по этому поводу представитель корпорации Microsoft в Москве: «Россия богата на таланты, но скудна на предпринимательство» [34]. По данным Всемирного экономического форума от 2011 г., РФ по инновационному потенциалу занимает лишь 85-е место [3]. Если в советское время техническому прогрессу мешало несовершенство экономического ме-

ханизма, то сейчас – пороки нового российского капитализма, который «никак не желает поворачиваться в сторону модернизации» [46]. В принципе, это даже закономерно – инициатива модернизационных рывков в России всегда исходила от государства сверху, поскольку они требовали жертв и лишений снизу.

Россия опять стоит перед императивом модернизации: она «отстала как за 10 лет перед войной, а потери – как после войны». Если не повторить рывок 30 – 50 гг., то действительно сомнут – только «не за партбилет, а за российский паспорт» [47]. Проблема в методах желаемых преобразований. Поскольку «частный капитал идет туда, где можно получить прибыль проще и быстрее» [7], встает вопрос о необходимости отказа государства от пассивно-либеральной роли «ночного сторожа» и усиления не только его регулирующей, но и направляющей роли в экономике – в условиях сегодняшних российских реалий «никакой бизнес национального государственного целеполагания создать не может, это – задача государства» [32].

Созданная В. Путиным «вертикаль власти» может быть одной из предпосылок для предлагаемого поворота: В. Путин сумел стабилизировать страну – теперь он должен перевести ее на путь технико-экономического прогресса. Однако, «Сталин смог начать индустриализацию только после выстраивания Партии под себя, а у ВВП задача, возможно, сложнее» [9] из-за незрелости субъективных предпосылок.

Для модернизации государство должно решить набор конкретных задач в финансово-экономической и научно-технической сферах, в частности:

- возвращение в страну государственных активов, размещенных за рубежом, в качестве стратегической предпосылки модернизации;

- восстановление в оптимально короткие сроки целостности разрушенных реформами единых технологических комплексов;

- стимулирование государством частной деловой активности в приоритетных направлениях и крупных проектах на основе индикативного планирования приоритетов развития и набора "локомотивных" госпрограмм [13] с использованием опыта «китайской модели» государственного регулирования [30];

- создание Агентства передовых технологий типа американского DARPA, занимающегося поиском новых технологических разработок, доведением их до уровня промышленных образцов и их последующей коммерциализацией. Ведущую роль здесь должен взять на себя государственный сектор – уже сейчас на него приходится «около трех четвертей расходов РФ на НИОКР» [3].

Однако, 22 августа 2012 г. РФ стала 156 членом ВТО, «передав» этой организации свое право суверенного государства регулировать экономику – «право ВТО стало выше законов РФ» [26]. Согласно правилам организации, она может вмешиваться в процесс принятия законов страной-членом: они могут быть отменены ВТО как «ограничивающие конкуренцию». Фактически «речь идет о подчинении законодательной власти РФ ВТО, за вывеской которой скрываются ТНК» [21]. Как считают западные эксперты, «членство РФ в ВТО позволит другим странам на правовой

основе добиваться изменения российской политики благодаря тому, что появятся средства для принудительного осуществления этих правил и обязательств России в отношении доступа к рынку» [28] на том основании, что «импортный товар, попавший на территорию государства – члена ВТО, де-факто обладает статусом национального» [35].

РФ вступила в ВТО, когда 80 % основных фондов страны устарели. Мы открываем экономику, когда она немодернизирована и, следовательно, неконкурентоспособна. Высказываются обоснованные мнения, что «стержень выживания России – разумный протекционизм» [13]. Однако, ВТО, например, прямо запрещает российским предприятиям госсубсидии, имеющие целью импортозамещение, а протекционизм вообще считается самым тяжким нарушением члена ВТО [39]. Таким образом, ВТО ставит «вне закона» возможность использования традиционно главного рычага модернизации России – мобилизации государством человеческих и финансовых ресурсов

Следует учитывать, что, попав в ВТО, России придется выполнять и те обязательства, которые пока не значатся в документах этой организации: сюда входит и полная либерализация доступа ТНК к природным ресурсам – для этого имеется уже готовое идеологическое обоснование в виде концепции «Природные ресурсы – общее наследие человечества» согласно «Акту Берлинской конференции» 1884 г. [20]. Именно поэтому Мадлен Олбрайт объявила «величайшей несправедливостью» принадлежность Сибири «одной только России». Таким образом, вслед за попытками навязывания России «Европейской энергетической хартии» и «Соглашений о разделе продукции», ВТО является очередным инструментом посягательства ТНК на природные ресурсы РФ – единственный источник финансовых ресурсов для модернизации: «ВТО из организации, занимающейся вопросами международной торговли, превращается в наднациональный центр, разрушающий последние государственные институты по регулированию инвестиций» [20].

Естественно, что российское руководство, 18 лет добивавшееся членства в ВТО, акцентирует внимание на его плюсах: возможности отмены действующих ныне против РФ на мировом рынке около 100 ограничительных мер, из-за которых наши экспортеры теряют \$2 млрд в год [13], отмены Поправки Джексона-Вэника, сдерживающей развитие взаимоторговли между США и Россией [14]. Однако на США приходится лишь 6 % всего объема внешнеторгового оборота России, в то время как на Евросоюз – 40 % [11]. Естественно, высокотехнологичный экспорт США в РФ всегда будет находиться под угрозой политически мотивированных запретов и ограничений Вашингтона.

При этом западные обозреватели предвкусывают, что членство в ВТО – это «возможность для правительства РФ отказать лоббистам» экономически неэффективных отечественных производств, что до вступления было «политически сложным делом» [43]. Отсюда вытекает, что с одной стороны, реальный сектор формально побуждается к повышению эффективности, а с другой – и без того находящееся в тяжелом

положении отечественное высокотехнологичное производство может потерять остатки прежней государственной тарифной защиты с перспективой его ликвидации или поглощения иностранными конкурентами (в соответствии со ст. 28 ГАТТ «за повышение тарифов на одни товары страна должна платить снижением пошлин на другие, а повышение страной тарифов в одностороннем порядке дает аналогичное право ее торговым партнерам» [49]).

В результате анализа соотношения выгод и угроз от членства РФ в ВТО 18-летняя дискуссия по этому поводу эволюционировала от апологетических предвзвешиваний до апокалиптических прогнозов. Одни считают вступление России в ВТО «крушением последнего железного занавеса, переходом от ксенофобии и поисков доморощенного «особого пути» к признанию и соблюдению международного права, активному участию в его формировании» [23], другие – «дорогой России на геополитическое кладбище». Крайние точки зрения на членство в ВТО вряд ли верны: в реальности ВТО – это «инструмент, который в умелых руках может принести серьезную пользу, а в неумелых – нанести опасные увечья» [41]. В. Путин, например, сетовал, что «принцип свободы торговли переживает кризис – вместо снятия барьеров мы то и дело наблюдаем рецидивы протекционизма и завуалированных торговых войн» [37]. В результате, едва вступив в ВТО, РФ уже «имеет вопросы» по применению спорных правил Организации к 25 ее членам [45]. Например, Бразилия в 2012 г. грубо попрапа нормы ВТО, применив для спасения своей экономики меры в духе откровенного протекционизма. Тем самым Бразилия выбрала «экономический национализм вместо тупого служения неолиберальным догмам». Подобные прецеденты лишь подтверждают предположения, что, возможно, «грядет эра экономического национализма» и протекционистских барьеров между торгово-экономическими блоками [18].

Некоторые видят в этом некий шанс для РФ: дескать, «если будем изворачиваться (а большинству членов ВТО приходится изворачиваться, изобретать разные ухищрения), то выживем, уж тут у нас изобретателей с опытом 90 гг. хватит». В противовес подобному неуверенному оптимизму можно уверенно пессимистично предсказать: «то, что дозволено Бразилии, не будет Западом дозволено России». По крайней мере в Сенате США прекрасно понимают: «Если Россия будет брать пример с Китая, хитрить и манипулировать, то рабочие места появятся в России, а не в США и прибыли будут подсчитывать не американские, а российские предприниматели» [17]. На практике для «изворачивания» нужны кадры совсем другого профиля и качества – владеющие основами торговой политики и правил ВТО, эксперты торговой политики у участников внешнеэкономической деятельности и специалисты по праву ВТО [33]. Так что выжить в мутной воде торговых войн в мире «юридического фетишизма» путем традиционной российской изворотливости в обход закона будет проблематично – можно заранее прогнозировать на обозримую перспективу массу обвинений, претензий и штрафов к РФ со стороны членов ВТО. Европа уже начала шан-

таж России «из-за невыполнения норм ВТО»: из резолюции Европарламента от 14.11.2012 г. следует, что «никакого постепенного приспособления к нормам ВТО и отложенного во времени исполнения взятых обязательств, обещанного российским переговорщикам, не будет» и России предлагается «отказаться от последних инструментов оказания поддержки отечественной наукоёмкой промышленности и поставить крест на модернизации» [16]. При этом выход страны из ВТО возможен только теоретически – при уплате огромных штрафов, определяемых величиной ущерба, который могут понести от этого другие члены организации [39]. Таким образом, решение о вступлении РФ в ВТО носит характер необратимого, поэтому надо быть готовым к непредсказуемым последствиям конкуренции одновременно с дешевым ширпотребом Востока и передовыми технологиями Запада «по правилам», придуманным не нами.

Выводы

1. Политическая практика показывает, что стратегические концепции иногда в большей степени формируют не столько реальные планы власти, сколько ее «официальный публичный язык» [4]. Провозгласив в качестве стратегических лозунги модернизации и вступления в ВТО, руководство РФ оказалось перед проблемой, как минимум, их неполной совместимости и, соответственно, дилеммой выбора между ними. В итоге между либеральным прозападным наднациональным режимом ВТО и жестким национальным режимом модернизации (типа японского 50–60 гг. XX в.) предпочтение отдано ВТО. Кроме всего прочего, членство в ВТО лишает РФ былых возможностей политико-экономического лавирования между Европой и США и, соответственно, уменьшает значение РФ как партнера для Европы.

2. Поставив членство в ВТО в список приоритетов выше задач четвертой российской модернизации, наше государство (в отличие от японского, западногерманского, южнокорейского, сингапурского, китайского) уклонилось от реального руководства подлинным возрождением национальной экономики. Модернизацию возглавлять некому: РФ с ее современной элитой «не имеет государства как... субъекта стратегического действия» [19]. Сохранив за собой пассивные позиции «основного собственника» национального богатства, государство при этом не желает брать на себя вытекающего из этой позиции бремени активных инновационных функций «главного предпринимателя» – мотора модернизации.

3. Дав добро на вступление РФ в ВТО, Запад ничего не потерял и обеспечил интересы своих экспортеров высокотехнологичной продукции, поставив тем самым еще одну препону на пути модернизации РФ. Даже ФРГ скорректировала свою политику к РФ: там больше не рассчитывают на "всеобъемлющую модернизацию" России в ближайшей перспективе и отказываются во взаимных отношениях от использования прежнего понятия "партнерство ради модернизации" [40]. Втянув страну в ВТО, руководство РФ обеспечило интересы торгово-спекулятивной компрадорской буржуазии и традиционных экспортных секто-

ров российской экономики (металлургия, сырьевика). Прimitивная экспансия традиционных отраслей на мировые рынки, лишь закрепляющая подчиненное положение России в мировой экономике, поставлена выше восстановления и защиты внутреннего рынка, высокотехнологичной промышленности. Огромные финансовые ресурсы РФ, размещенные в западных банках, будут по-прежнему выполнять пассивную функцию кризисной «подушки безопасности» вместо обеспечения стратегической задачи комплексной модернизации экономики для обеспечения перехода России к V-VI технологическому укладу с помощью мобилизации государством основных ресурсов.

4. Если режим ВТО не блокирует модернизацию в РФ, то по крайней мере, затормозит ее и сделает длительной, точечной и некомплексной. Наиболее радикальные критики экономического курса РФ утверждают, что «нельзя иметь результат "как при Сталине", живя при Путине» [2], потому что «у рычагов управления страной скопилось критически много компрадорско-либеральной нечисти» [9]. Как минимум, с ними можно согласиться в том, что «модернизация возможна только «после очищения» [19] отравленных «ядом ельцинизма» элит, сложившихся в другую эпоху для решения совсем других, далеко не созидательных задач.

Литература

1. Toynbee, A. J. A Study of History / A. J. Toynbee. Vol. XII. – New York.; L., 1963.
2. Баранов, А. Нельзя иметь результат «как при Сталине», живя при Путине / А. Баранов, М. Делягин. – Режим доступа: <http://forum-msk.org/material/power/9575563.html> (дата обращения: 20.11.2012).
3. Берглоф, Э. Судьбу инноваций в России определит частный сектор, а не государство / Э. Берглоф. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/4676811/najti_vygod_dlya_gosudarstva?full#cut (дата обращения: 20.11.2012).
4. Вечная повестка. – Режим доступа: – http://www.vedomosti.ru/opinion/news/4783971/vechnaya_povestka?-from=newsletter-editor-choice (дата обращения: 20.11.2012).
5. Вознесенский, С. Российское правительство уничтожает военно-промышленный комплекс страны? / С. Вознесенский. – Режим доступа: <http://topwar.ru/4109-rossijskoe-pravitelstvo-unichtozhaet-voenno-promyshlennyj-kompleks-strany.html> (дата обращения: 20.11.2012).
6. Гароди, Р. Советский опыт / Р. Гароди. – М.: Родина, 1990. – № 11.
7. Геращенко, В. Нас хватит на два года / В. Геращенко. – Режим доступа: <http://digest.subscribe.ru/economics/news/n718891954.html> (дата обращения: 20.11.2012).
8. Глазкова, Л. Модернизация под музыку сталинских интонаций / Л. Глазкова. – Режим доступа: <http://gidepark.ru/user/611136197/article/447219> (дата обращения: 20.11.2012).
9. Горячев, И. Индустриализация 2.0: удастся ли Путину повторить успехи 30-х годов XX века? / И. Горячев. – Режим доступа: <http://www.modus-agendi.org/articles/632> (дата обращения: 20.11.2012).
10. Грибанов, О. Модернизация, как скрытый феодализм? / О. Грибанов. – Режим доступа: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/826456/> (дата обращения: 20.11.2012).
11. Давыдов, А. Ю. Российско-американская торговля: состояние, проблемы, перспективы / А. Ю. Давыдов. – Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=48> (дата обращения: 20.11.2012).
12. Делягин, М. Говорить о завершении кризиса как минимум преждевременно / М. Делягин. – Режим доступа: <http://www.tatcenter.ru/article/111706/> (дата обращения: 20.11.2012).
13. Делягин, М. О «локомотивах». Основы промышленной политики новой России / М. Делягин. – Режим доступа: <http://delyagin.ru/articles/38482.html> (дата обращения: 20.11.2012).
14. Джексон-Вэник «уходит» в прошлое. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/videos/5254> (дата обращения: 05.12.2012).
15. Добряков, Д. Сколько иностранных мозгов нужно для модернизации России / Д. Добряков. – Режим доступа: <http://socialday.ru/news/30416> (дата обращения: 05.12.2012).
16. Жуковский, В. Запад начал шантаж России из-за невыполнения норм ВТО / В. Жуковский. – Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/17127/> (дата обращения: 05.12.2012).
17. Зачем Россия вступила в ВТО? – Режим доступа: http://maxpark.com/community/politic/content/1664464?-utm_campaign=mostinteresting&utm_source=newsletter (дата обращения: 05.12.2012).
18. Калашников, М. Почему РФ – не Бразилия? / М. Калашников. – Режим доступа: <http://forum.msk.org/material/fpolitic/9583943.html> (дата обращения: 05.12.2012).
19. Калашников, М. Модернизация возможна только после «очищения» элит / М. Калашников. – Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/16930/>
20. Катасонов, В. Россия, Китай и ВТО / В. Катасонов. – Ч. 1. – Режим доступа: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/989028/> (дата обращения: 05.12.2012).
21. Катасонов, В. ВТОизация всей страны / В. Катасонов. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/politika/vtoizacija_vsej_strany_562.htm (дата обращения: 05.12.2012).
22. Ключевский, В. О. Сочинения в девяти томах. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – Т. IV. – М.: Мысль, 1989. – 400 с.
23. Мнение экспертов: О. П. Баранникова, Генеральный директор Союза участников потребительского рынка. – Режим доступа: <http://wto.wtmoscow.ru/jeksperty/#11> (дата обращения: 07.12.2012).

24. Модернизация по СБР. По чужим чертежам. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/-1414376/modernizaciya_po_svr (дата обращения: 07.12.2012).
25. Морген, Ф. Российский авиапром / Ф. Морген. – Режим доступа: <http://www.glavgazeta.com/ru/node/1878> (дата обращения: 07.12.2012).
26. Мямлин, К. Путь в ВТО. Теория и практика / К. Мямлин – Режим доступа: http://communitarian.ru/publi-kacii/ekonomika/put_v_vto_teorija_i_praktika/ (дата обращения: 07.12.2012).
27. Нефедов, С. Инновации победили Мальтуса / С. Нефедов, А. Механик. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2011/43/nnovatsii-pobedili-maltusa/> (дата обращения: 07.12.2012).
28. Ни у Медведева, ни у Путина нет и не было изначально уверенности в том, что нам надо вступать в ВТО. – Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/16640/> (дата обращения: 07.12.2012).
29. Оскотский, З. Г. Имитация / З. Г. Оскотский. – Режим доступа: http://lit.lib.ru/o/oskotskij_z_g/imitation.-shtml (дата обращения: 07.12.2012).
30. Островский, А. В. Крутой маршрут экономики Китая / А. В. Островский. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2012-10-08/9_china.html (дата обращения: 07.12.2012).
31. Паничев, Н. А. Эра болтунов. Власть сама разрушает свое будущее – отечественное станкостроение / Н. А. Паничев. – Режим доступа: <http://www.argumenti.ru/society/n303/121611> (дата обращения: 07.12.2012).
32. Позин, А. «Изборский клуб»: тест для российской власти / А. Позин. – Режим доступа: http://www.odnako.org/blogs/show_21036/ (дата обращения: 07.12.2012).
33. Портанский, А. 18 лет ломились в ВТО, но сейчас работать с ней некому / А. Портанский. – Режим доступа: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/1006028/> (дата обращения: 07.12.2012).
34. Представитель Microsoft: Россия богата на таланты, скудна на предпринимательство. – Режим доступа: <http://www.rtkorr.com/news/2011/11/10/275862.new> (дата обращения: 07.12.2012).
35. Присоединение России к ВТО может стимулировать торговые войны. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/companies/news/3168581/vojna_v_vto?from=newsletter-editor-choice (дата обращения: 07.12.2012).
36. Пчемьян А. Основания империи: индустриализация / А. Пчемьян. – Режим доступа: http://www.odnako.org/blogs/show_11298/ (дата обращения: 07.12.2012).
37. Путин: в мире ведутся завалуированные торговые войны. – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2012/9/5/-596794.html> (дата обращения: 07.12.2012).
38. Реформы Гайдара 19 лет спустя. – Режим доступа: http://www.loktak.org/novosti_runeta/reformy_gajdara_-19_let_spustya (дата обращения: 17.11.2012).
39. Романов, А. Россия и ВТО: вход бесплатно, выход – 40 трлн долларов? / А. Романов. – Режим доступа: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/1001776/> (дата обращения: 17.11.2012).
40. Семушин, Д. «Путин остается в силе»: ведущие германские СМИ об итогах визита А. Меркель в Россию / Д. Семушин. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1594956.html> (дата обращения: 17.11.2012).
41. Симонов, К. Здравствуй, ВТО / К. Симонов. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/-2289747/zdravstvuj_vto?from=newsletter-editor-choice (дата обращения: 17.11.2012).
42. Ситников, А. Крючок для Горбачева / А. Ситников. – Режим доступа: <http://www.svpressa.ru/politic/article/59571/> (дата обращения: 17.11.2012).
43. Сонин, К. Шаг вперед, шаг назад / К. Сонин. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/349-9191/shag_vpered_shag_nazad?from=newsletter-editor-choice (дата обращения: 17.11.2012).
44. Тихонов, С. Серебряный век оборонки / С. Тихонов. – Режим доступа: <http://expert.ru/2011/07/11/serebryanyj-vek-oboronki/> (дата обращения: 17.11.2012).
45. У России есть вопросы к около 25 странам-членам ВТО, которые применяют спорные правила Организации. – Режим доступа: <http://aftershock.su/?q=node/15670> (дата обращения: 19.11.2012).
46. Цаголов, Г. Н. Почему не начинается модернизация / Г. Н. Цаголов. – Режим доступа: <http://alternativy.ru/ru/node/1422> (дата обращения: 19.11.2012).
47. Черняховский, С. Перед Путиным стоит такой же выбор, как перед Сталиным / С. Черняховский. – Режим доступа: <http://www.imperiya.by/pc26-13856.html> (дата обращения: 19.11.2012).
48. Яковец, Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю. В. Яковец. – М.: Экономика, 2001. – 346 с.
49. 58 стран ВТО выступили против Украины. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1583241.-html> (дата обращения: 19.11.2012).

Информация об авторе:

Говоров Юрий Львович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений факультета истории и международных отношений КемГУ, Govorov@history.kemsu.ru.

Yury L. Govorov – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И КУЛЬТУРЫ

А. И. Гусейнов

SOME HISTORICAL ASPECTS OF LAW AND CULTURE INTERRELATION

A. I. Guseynov

В статье исследуются исторические вопросы соотношения права и культуры. Анализируя историю права в связи с развитием культуры, автор выявляет некоторые особенности и характерные черты соотношения права и культуры в разных исторических периодах.

The paper addresses the historical aspects of law and culture interrelation. Analyzing the history of law in correlation with culture development, the author reveals some peculiarities and characteristic features of law and culture interrelation at different historical periods.

Ключевые слова: история, право, культура, соотношение, традиционный, индустриальный, постиндустриальный.

Keywords: history, law, culture, interrelation, traditional, industrial, postindustrial.

В основе правогенеза лежит многолинейность, многовариантность и многообразие. В любой исторической ситуации у каждого народа имеется множество векторов правового развития. Поэтому правовую историю невозможно уложить в какую-либо схему. Исторические предпосылки права следует искать в самих механизмах перехода общества от одного состояния к другому и в характеристиках воспроизводства общества на каждом этапе его развития, которым соответствуют основные стадии зрелости права. Особенности социокультурных факторов, социальных связей определяют основные этапы, направления развития права, его содержательное наполнение и эволюцию форм (источников) права. В этой связи, с одной стороны, изучая право той или иной эпохи, мы воспроизводим особенности и сущность определенного исторического периода, с другой – мы исследуем и препарлируем состояние общества, чтобы понять причины и обстоятельства генезиса конкретных направлений развития права.

Всякая эпоха в праве имеет свой дух и, в свою очередь, является порождением этого духа, каждая эпоха в праве имеет свой особый тип «правового человека», порождаемый духом права. А значит, право как социокультурное явление охватывает и правовой менталитет как совокупность проявлений правового мышления, правового поведения, правовых навыков и привычек, характерных для данной культуры. Особенно наглядно правовой менталитет выражается в обычном праве, нежели в индустриальном и постиндустриальном.

Следуя социокультурному подходу, можно выделить традиционный, индустриальный, постиндустриальный типы права. Каждый из типов права характеризуется своеобразием технологических средств, норм, ценностей, установок символов. Это то, что мы называем ведущим типом социальных отношений, определяющих специфику общества.

Зачатки права возникли еще в первобытной стадии развития обществ. Особенности догосударственного права были обусловлены спецификой социальных связей первобытности. Правовые системы первобытного общества, не имея государственно-властной

поддержки, опирались на самостоятельные начала и существовали как самообеспечивающиеся. В период разложения догосударственного общества право как социокультурный регулятор общественных отношений существовало уже как обычное право, которое имело множество форм существования, закрепленных затем в позитивном праве. Наряду с коллективным (публичным) правом, в обычном праве наличествовало индивидуальное (частное) право, соотношение которых во многом определялось религиозными, моральными особенностями конкретной социокультурной общности.

Поскольку право возникает на базе обычаев, то в течение длительного периода не традиции интегрируются в сознании индивида в систему норм позитивного права, а напротив, последние воспринимаются как составная часть традиционного порядка. Поэтому в традиционных правовых системах нет понятий, адекватных западноевропейскому понятию права, а основные правовые категории отличаются многозначностью. Тип культуры детерминировал функционирование традиционной (обычно – правовой) и традиционно-религиозной (обычно – религиозной). Из-за наличия существенных различий в уровне развития традиционных обществ традиционным обществам Востока в основном присуща типологическая незавершенность систем источников права. При этом традиционное право здесь порой включает элементы доправовой культуры, что обуславливает значительную противоречивость его взаимодействия с европейским правом.

Принципиальное различие между традиционными и индустриальными обществами состоит в том, что в последнем игнорируется право, исходящее от народа и имеющее характер стихийности. Оно формируется извне, независимо от народа, по политическим и иным соображениям. Индустриальное общество – результат полюбовного соглашения права и политики, тогда как традиционное общество было результатом такого рода соглашения между правом и моралью. В индустриальном праве существовало расхождение «между официальным и «живым» правом, которому следовала значительная часть населения» [6, с. 25] и противоречия нормативной основы правовой системы, что отража-

лось в ее динамической части, в частности, в механизме реализации юридических норм и применении права.

Мы полагаем, что между всеми социальными регуляторами существовало нечто общее, что обеспечивало их согласованное действие и сосуществование. Обычное право – это право, которое определяется традициями. Но не надо забывать, что другие социальные регуляторы включают в себя черты традиционности не меньше, чем право. Соглашаясь с таким утверждением, надо отметить, что традиционные ценности культуры выражались в обычном праве более отчетливо, чем в других нормах социума. Рационализация обычаев и их трансформация в право имеет долгую историю. Как показывают достижения антропологии и этнологии, исследующих историю развития обычаев со времен первобытного периода, право является архетипом, символом культуры.

Локально разобшенная социальная структура включала в себя различные образования, в которых человеческие отношения были ориентированы на родственные, земляческие, иные связи и носили непосредственно личный характер. Положение индивида, личности в традиционном обществе имеет, во-первых, очень важное значение для анализа обычного права в целом, во-вторых, мы не должны забывать, что в разных странах оно имело разные формы. Индивид всегда находился внутри своей семьи и природы. Каждый отдельно взятый человек принадлежал к обособленной группе и был встроен в определенную систему личных зависимостей и социальной иерархии.

В рамках традиционного общества в сфере власти и управления начинают проследиваться некоторые специфические черты, присущие разным культурам мира. Традиционный тип господства определял социально-политическую структуру, форму и режим власти и представлял собой особого рода регулятивный механизм. Этнографические исследования во многих традиционных обществах обнаружили установки, трактующие право как мир, согласие, равновесие, достигаемые соглашением и примирением. В основе традиционного права лежит системное единство: нерасчлененность духовной и производственной деятельности, преобладание межличностных отношений, коллективизм, духовная регуляция и высокая степень неразрывности, синкретичности.

Формирующиеся национальные системы права в традиционных обществах представляют собой сложные явления. В результате особенностей исторического развития современное законодательство сочетается с элементами старого религиозного права (мусульманским, индусским и др.), обычным правом, которые действуют в достаточно широкой сфере общественных отношений.

В Новое время меняется не только стиль мышления человека, но также меняется его отношение к окружающей среде и прежде всего к природе. Если в период доиндустриального развития общества человек являлся органической частью природы, то в индустриальный этап развития природа выступает как объект преобразующей деятельности человека. Наука становится основным компонентом производства. Новая культура включает в себя продукты научно-технического прогресса. Изменяются и представления

о роли человека в обществе. Растущая культура техники изменяет и отношение человека к прошлому, актуализируется настоящее и будущее. Новые принципы социально-технологической организации деятельности охватили не только крупную индустрию, но распространились на все сферы жизни [8, с. 387].

В целом можно сказать, что новая форма индустриальной социальности – это общество, в котором баланс и гармония различных индивидуальных интересов обеспечивается посредством соглашения, а возникающее государство поддерживает и защищает эту социальную форму через законодательство и политику.

В эпоху постиндустриальной культуры право выступает не столько в качестве инструмента глобализации, сколько как отражение глобализационных процессов. Причем воздействие глобализации на правовую жизнь проявляется в разной степени и приводит к разным результатам в зависимости от социокультурных особенностей страны, уровня ее технологического развития, вовлеченности в глобализационные процессы, поэтому в условиях правовой унификации учет социокультурных факторов приобретает принципиальную значимость.

Эти перемены были обусловлены, прежде всего, ростом промышленного производства и распространением интенсивного торгового обмена. Центральным и структурообразующим элементом нового типа общественных отношений становится именно обмен. А обмен же, в свою очередь, предполагает наличие участников обмена (сторон обмена), которые обладают определенной самостоятельностью, автономностью. С обменом связано и понятие эквивалентности. Для того, чтобы распоряжаться частной собственностью и участвовать в обмене, субъекты должны были обладать экономическими свободами и правовыми гарантиями и, более того, быть формально равными между собой, свободными, а договор, который подтверждает обмен, должен был приобрести обязательную для сторон правовую форму. Обмен становится катализатором развития многих институтов капиталистического общества, затрагивая практически все значимые сферы общества, и прежде всего, право.

В этот период формируется система обязательных норм, соблюдение которых обеспечивается через судебную систему, развиваются такие сферы права, как право личности на жизнь, свободу и собственность; гражданское право как соблюдение обоюдных обязательств, зафиксированных соответствующими соглашениями (контрактом); политическое право, регламентирующее разделение властей. Среди основных принципов правовой регуляции выделяются:

а) субъект правопорядка – прежде всего изолированный индивид, ищущий частную выгоду, приобретаемую через взаимную «честную конкуренцию»;

б) свобода и равенство возможностей, обеспечиваемое товарно-меновыми отношениями;

в) за каждой личностью признается право на жизнь, свободу и собственность, что и составляет основу «естественного права».

Право свободы отрицает всякое отношение личной зависимости, но гарантией этой независимости является частная собственность.

Ослабление традиционализма, рост национализма в целом привели к формированию национальных границ и национальных государств. А национальные границы в территориальном, социально-экономическом понимании определяли и границы права на национальном уровне, а не на уровне этнических общностей, общин, отдельных племен и родов. Это был по сути дела период правового национализма. Именно в рассматриваемую эпоху апробируется новый тип правильно устроенного государства, который по своим характеристикам кардинально отличался от типа государства в предыдущие этапы, особо значимым становится оформление власти – разделение на самостоятельные три ветви, которые не должны допускать чрезмерного усиления той или иной ветви, в чем усматривали обеспечение разумного баланса властных полномочий. Такой тип государства, с одной стороны, зависит от закона – формального рационального права, с другой – он выступает неперенным атрибутом и условием для развития закона. В. Г. Мальцев отмечает, что «на протяжении всего Средневековья государство расчетливо и осторожно ведет «борьбу за право» с многочисленными противниками – церковью и монастырями, корпорациями, местными общинами, другими структурами, способными к правовой саморегуляции, – с тем, чтобы набросить на общество единую сетку юридических норм, монопольно установленных государством [5, с. 166].

Поскольку промышленность в Новое время была связана с наукой, а наука строилась на основе естественных принципов и занималась исследованием законов и закономерностей в природе, то, следуя за естественными науками, социально-гуманитарные науки также стремились искать закономерности в социальной жизни, реформация поставила под сомнение традиционно-религиозную легитимность транснациональных институтов церкви и империй и подорвала доверие населения к старым порядкам. По Веберу, преодоление кризиса было связано с формированием легально-рациональной легитимности, основанной на идее разумности и справедливости национального государства. Эта идея получила институциональное и мотивационное закрепление [1, с. 646].

Формирование централизованных национальных государств явилось началом возникновения единого правового пространства внутри определенной территории, что означало принцип правового единоначалия и полноценного функционирования общепринятых и общеобязательных законов в рамках государства. Государство с этого момента обладает не только монопольным правом установления законов, но и монопольным осуществлением власти, контроля, репрессивных мер и применения силы для обеспечения соблюдения своих законов. А это означало сосредоточение в руках государства необъятной власти, сведенной в правовую, законную форму. Новый тип государства все в большей степени освобождается от традиций и обычаев прошлого и веры в их важность, актуальность. Закон превращается из народных обычаев, нравов, традиций в продукт государственной воли и политики. И что самое главное, воля государства при помощи законов начинает заменять в некоторых функциональных сферах мораль. При этом за-

коны государства становятся одинаковыми для всех. Таким образом, законы означали некий синтез правовых норм, возведенных в абсолюте, абстрактные и формальные правила, которые приняты в рамках национального государства и имели свойство общеобязательности. Как указывал Н. Луман, в Европе само право достигает высшей ступени абстракции, приобретает абстрагированную регулятивную форму – форму словесно выраженной «программы решений». Такое право, он считал, есть абстрактно урегулированный порядок [3, с. 87].

Как бы ни различались источники права в англосаксонской и романо-германской правовых системах (в первом случае судебный прецедент, во втором – закон), эти системы представляют собой элементы единого западного права, которое зародилось в индустриальном обществе. Право уже не ограничивалось замкнутыми пространствами – оно вышло за пределы локальных, замкнутых сообществ в более широкое социокультурное пространство.

Современный этап развития права показывает, что в эпоху постиндустриализма роль, функции, место права как социокультурного явления принципиально меняются. Теория постиндустриального общества основана на признании того факта, что данный этап развития общественных отношений и общества в целом принципиально отличается по ряду экономических и социальных характеристик. Речь идет о снижении роли материального производства, развитии сектора услуг и информации, качественно новом характере человеческой деятельности, об изменении ресурсов в экономике и властных отношениях, и как следствие, определенном изменении социальной структуры. Д. Белл одним из первых попытался осмыслить происходящие трансформации и дать прогнозы футуристического характера относительно общества будущего [7, с. 296].

В постиндустриальной культуре меняется соотношение публичного и частного права. Предполагается, что одним из выразителей и защитников публичного порядка могут быть негосударственные организации, гражданское общество с его разнообразными по форме и содержанию регулятивными механизмами. В связи с развитием информационных технологий и виртуального мира возникает необходимость смены правовой парадигмы. Одной из наиболее актуальных проблем права в этом смысле является определение меры свободы личности на основе соблюдения баланса с интересами общества и определение границ автономности жизни человека, в которые государство, другие организации не имеют права вмешиваться.

Глобализация сопровождается сложными и противоречивыми процессами практически во всех сферах общества: экономике, политике, культуре и особенно в праве. Как указывает К. Х. Делокаров, «глобализация представляет собой противоречивое единство двух процессов, а именно, глобализации «снизу», или естественной глобализации, и глобализации «сверху», или управляемой, искусственной» глобализации. В первом смысле глобализация – атрибутивная черта человеческой цивилизации. Но актуализация глобализационной тематики в конце XX – начале XXI вв. носит преимущественно управляемый харак-

тер и в этом смысле имеет «искусственный» характер, так как она вызвана современными геополитическими процессами в мире и отражает интересы ведущих индустриально-развитых стран мира» [2, с. 6]. В этих условиях, согласно утверждению Д. Урри, глобальный порядок представляет собой порядок постоянно-го беспорядка и нарушения равновесия [9, р. 203]. В этих условиях глобализация выступает комплексным и внутренне противоречивым процессом, в ходе которого развиваются общие черты экономических, политических, правовых систем современных государств.

Помимо возникновения новых отраслей права исследователи обращают внимание на тот факт, что процесс глобализации вызывает принципиальные изменения не только в международном праве, но и во внутреннем праве национальных государств, осложняя механизмы их взаимодействия. Это является следствием глобальных трансформационных процессов, затрагивающих как статус современных национальных государств, так и природу суверенитета, а также увеличения взаимосвязанности и взаимозависимости государств в области политики и экономики. Идея универсализма и единения – одна из изначальных черт бытия и сознания человека. История показывает, что человечество не раз пыталось объединиться, опираясь на силы религии, науки и т. д. Истории известны два процесса, приводивших человеческие общности к большей целостности. Одним из них было возникновение национальных государств на этапе промышленной революции, ознаменовавшее собой победу экономических принципов над политическими факторами; однако сами эти принципы оставались подчинены социальному и национальному единству той или иной общности. Другой столь же масштабный процесс, получивший название интернационализации, привел к тому, что экономические закономерности освободились от сформировавшихся социальных отношений. Логично предположить, что следующей ступенью способно стать только преодоление в мировом масштабе самих экономических закономерностей и формирование постиндустриального общества. Глобализация представляется идеей, призванной обосновать формирование «однополюсного» мира, причем в качестве справедливой, если не идеальной, модели мирового порядка. Глобализация обуславливает необходимость и обязательность сближения различных правовых культур и систем, а следовательно, и необходимость сближения и источников права и поиска новых регуляторов общественных отношений.

Глобализация несет с собой усиление и однородности, и разнородности, причем тенденция к нарастанию разнородности не ведет автоматически к распаду целого, поскольку вырабатываются механизмы и принципы соотнесения разнородных частей глобального целого. Поэтому при культурном многообразии, с одной стороны, и тенденциях единения, с другой, право как явление и продукт человеческой культуры, наряду с другими нормативными механизмами, на наш взгляд, должно способствовать упорядочиванию общественных отношений, обузданию нарастающей энтропии в человеческом обществе.

Будучи феноменом культуры, право национально по содержанию. Сама история права берет свое начало из конкретных условий, где существуют индивидуальные локальные культуры. Поэтому нет и не может быть единой общечеловеческой правовой культуры и тем более глобального права. Под глобализацией права, по нашему мнению, понимается доминирование одной правовой культуры и права над всеми остальными, приводящее по сути дела к унификации на основе западной модели права, что невозможно. Отрицая идею унификации права в глобальном масштабе, однолинейной его модернизации по западному типу, вместе с тем полагаем, что на мировом уровне между разными моделями права должны происходить объективные процессы взаимопроникновения и аккультурации в законодательной и правоприменительной сферах. Но это не глобализация права, а фрагментарный универсализм, когда на международной арене различные правовые системы мира согласовывают свои законодательства. Правовой фрагментаризм рассматривается нами в качестве срединного пути между двумя крайностями – абсолютизацией глобализации и абсолютизацией плюрализма. Но из этого не следует, что правовой плюрализм противостоит диалогу правовых культур, причем в самой сути культуры присутствует элемент взаимопонимания. В целях более гармоничного регулирования (а не ради утверждения «общего рынка», ошибочно связываемого со сближением источников права) право, по нашему мнению, должно основываться не на одном источнике, а включать в себя весь комплекс источников (а значит, и разных культур). Это полноценная самодостаточная правовая культура, позволяющая учитывать одновременно и традиционное, и рациональное в праве посредством расширения источников права. Тем самым откроется путь к консенсуальному правовому регулированию, путь к взаимопониманию и диалогу между народами, принадлежащими различным правовым культурам.

Универсальность и самобытность, культурное разнообразие, являющиеся источником социального динамизма права, способны сегодня обогатить человеческую жизнь, поскольку они способствуют творчеству и стимулируют новаторский подход ко всем проблемам человечества. В будущем более актуальна будет конвергенция идей и ценностей, а не одномерная унификация. И это касается не только области права, но и культур в целом. Как справедливо замечает Г. В. Мальцев, «необходимо совершенно новое и ценностное юридическое мировоззрение», которое «предполагает наступление нового этапа цивилизации» [5, с. 404].

Одна из причин переживаемого сегодня нашим обществом кризиса позитивного права заключается как раз в том, что расхождение между обычным и позитивным правом у нас достаточно велико, как, пожалуй, нигде в мире. С одной стороны, имеется огромное количество юридических норм, которые не поддерживаются общественным мнением, с другой – достаточное количество норм обычаев никак не защищены законом. В законодательном выражении наше право слишком грубо, тяжеловесно, перегружено наукообразными языковыми структурами. Между тем

неадекватная форма обедняет правовую жизнь, «гасит» правовые источники. Поэтому считаем, что необходимо добиться того, чтобы расхождение между обычным и позитивным правом было минимальным, а правовые нормы и институты соответствовали основным ценностям данной культуры, т. е. были «узаконенными» культурным смыслом. Всякая правотворческая и правоприменительная деятельность обязана

следовать этому принципу, если она хочет иметь жизненную силу.

Практически в каждой стадии развития общества – первобытной, традиционной, индустриальной, постиндустриальной – право развивалось и развивается специфически, выполняя определенные функции, детерминированные потребностями каждого отдельного периода развития культуры.

Литература

1. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Вебер М. Избр. произв. – М.: Прогресс, 1990.
2. Делокаров, К. Х. Вместо введения: открытость глобализации и перспективы цивилизации / К. Х. Делокаров // Глобализация и перспективы современной цивилизации. – М.: КМК, 2005.
3. Луман, Н. Социология права / Н. Луман // Правовая мысль XX века: сборник обзоров и рефератов; отв. ред. Ю. С. Пивоваров. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – 190 с.
4. Мальцев, Г. В. Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства / Г. В. Мальцев. – М.: Изд-во РАГС, 2000. – 190 с.
5. Мальцев, Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы / Г. В. Мальцев. – М.: Прометей, 1999. – 419 с.
6. Муромцев, Г. И. Источники права в развивающихся странах Азии и Африки: система и влияние / Г. И. Муромцев. – М.: УДН, 1987. – 148 с.
7. Полякова, Н. XX век в социологических теориях общества / Н. Полякова. – М.: Логос, 2004. – 384 с.
8. Честнов, И. Л. Общество и юриспруденция на исходе второго тысячелетия / И. Л. Честнова. – СПб.: Знание, 1999. – 124 с.
9. Urry, J. Sociology beyond Societies. Mobilities for the XXI st Century / J. Urry. – L.; New York, 2000.

Информация об авторе:

Гусейнов Абульфаз Ибрагим оглы – доцент, доктор юридических наук кафедры трудового права юридического факультета Бакинского государственного университета, abulfaz2@yandex.ru.

Abulfaz I. Guseynov – Doctor of Law, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Employment Law, Law Faculty, Baku State University.

УДК 364: 327.7

МЕЖДУ ИДЕАЛЬНЫМ И РЕАЛЬНЫМ: СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В 2000-е ГОДЫ *Л. В. Дериглазова*

BETWEEN IDEAL AND REAL: SOCIAL POLICY OF THE EUROPEAN UNION IN THE 2000s *L. V. Deriglazova*

Статья рассматривает цели, заявленные в области социальной политики Европейского союза в начале 2000-х годов, и те результаты развития социальной сферы, которых удалось достичь к 2012 г. Выявлены основные факторы, которые повлияли на способность стран ЕС достичь поставленных результатов.

The paper analyses the goals that were announced in the sphere of the European social policy at the beginning of the 2000s and the results that were achieved by 2012. The main factors that affected the EU's ability to accomplish its social agenda have been evaluated.

Ключевые слова: социальная политика Европейского союза, экономический кризис 2008 – 2012.

Keywords: social policy of the European Union, economic crisis of 2008 – 2012.

Рубеж веков был ознаменован «историческим оптимизмом» лидеров ЕС, что отразилось в попытке совершить прорыв в экономике и социальных отношениях и осуществить плановый переход к постиндустриальному обществу. Эта задача была определена как переход к «экономике, основанной на знаниях». В марте 2000 г. на встрече глав правительств стран ЕС была принята Лиссабонская стратегия под названием «Занятость, экономические реформы и социальное

сплочение», которая определила комплексные цели развития ЕС в сочетании экономических и социальных ориентиров на ближайшее десятилетие. Сфера социальной политики и социальных отношений была обозначена как важный компонент, опора в этом структурном переходе. В области социальной политики стратегическая цель была сформулирована следующим образом: «модернизация европейской соци-

альной модели ЕС, инвестиции в людей и борьба с социальным отторжением» [1].

Сегодня по истечении срока разрабатываемой программы действия представляется интересным сравнить те цели, которые были обозначены на уровне ЕС в области социальной политики в начале XXI века, и те результаты, которых удалось достичь. Интерес представляет также сравнение достигнутых результатов с прогнозами исследователей-специалистов в области социальной политики ЕС.

Лиссабонская стратегия 2000 г. не смогла предвидеть те вызовы, с которыми ЕС пришлось столкнуться в десятилетие после ее принятия, хотя многие факторы влияния сформировались еще до начала ее разработки. В монографии «Будущее европейского благоденствия: к теории сокращения расходов», изданной в 2000 г., авторы отмечают тенденции, которые определяют социальную политику Евросоюза в ближайшем будущем. Кратко представим аргументы авторов:

- безработица, неблагоприятные демографические тенденции, изменение состава семьи, повышение стандартов жизни и рост расходов на образование и профессиональную подготовку – эти факторы будут повышать потребность общества в системе социальной защиты. Правительства многих европейских стран не смогут или не захотят поддерживать растущие потребности государства всеобщего благоденствия;

- вследствие этих противоположных тенденций в спросе и предложении на социальные услуги государственные расходы на социальную защиту будут уменьшаться. Разрыв между спросом и предложением на социальные услуги, обеспечиваемые государством, приведет к росту частного сектора в этой сфере. Негосударственные социальные службы будут все более заменять и вытеснять государственное обеспечение;

- экономическая глобализация будет оказывать постоянное давление на правительства в пользу уменьшения протекционистских мер для защиты национальной рабочей силы и внутреннего рынка. Эти тенденции негативно скажутся на уровне жизни и возможности совмещать семью и работу;

- различия в уровне социальной защиты в европейских странах будут сохранять национальные особенности, что связано с институциональным обеспечением благоденствия. В странах неолберальной ориентации (Великобритании и Германии) рост частного обеспечения возрастет наиболее явно. В средиземноморских странах помощь неполным семьям со стороны государства будет оставаться традиционно небольшой по сравнению с другими странами ЕС. В странах с сильными и влиятельными профсоюзами (Франция, Италия) введение гибкой политики на рынке труда будет трудной и медленной;

- неравенство и относительная бедность возрастут во всех странах ЕС вследствие введения более низкой оплаты труда, неполного рабочего дня, изменений в налоговой политике, роста частных социальных услуг и сокращения государственного обеспечения. Трудовая деятельность останется основным источником благосостояния европейцев даже в пенсионный период, поэтому в зоне риска бедности окажутся те люди, которые не будут принимать участие в экономиче-

ской деятельности (неработающие пенсионеры, инвалиды, иждивенцы и т. д.);

- будет отмечен некоторый рост в обеспечении равных возможностей в сфере образования и профессионального обучения для женщин и в меньшей степени для инвалидов, и в меньшей степени для представителей этнических меньшинств. Проблема дискриминации будет обостряться в форме ужесточения иммиграционного контроля, который особенно скажется в отношении выходцев с Востока и Юга. Тем не менее формальное обеспечение граждан прав будет совершенствоваться, так права более строго определены и будут совершенствоваться механизмы защиты прав;

- экономический рост будет обеспечен за счет расширения рынков, технических инноваций и влияния либерально-демократических идей. Европа избежит больших войн. Средний уровень жизни и продолжительность жизни европейцев будут увеличиваться [2, с. 154 – 156].

Общий вывод исследования был достаточно пессимистичным: «социальная интеграция, означающая сближение уровней социального обеспечения, норм и форм организации социальной защиты будет оставаться еще более отдаленной целью, чем политическая интеграция» [2, с. 158].

В начале 2000-х годов началась реализация специальных программ в социальной сфере и создание механизмов контроля над выполнением стратегических задач в области социальной защиты на общеевропейском уровне и уровне отдельных стран. В июне 2000 г. была принята так называемая «Социальная программа действий», которая детализировала цели, обозначенные в Лиссабонской стратегии, а также определила индикаторы и механизмы контроля их выполнения. В качестве главных целей были названы:

- 1) достижение полной занятости и обеспечение качества труда, уровень занятости должен был составить 70 % к 2010 г. и занятости женщин – 60 %;

- 2) модернизация и улучшение системы социальной защиты, повышение качества социальной политики, борьба с социальным отторжением, обеспечение равенства мужчин и женщин, укрепление социальных прав их реализации на недискриминационной основе;

- 3) повышение качества производственных отношений через усиление социального диалога [3, с. 13 – 18].

Отдельно были оговорены цели и действия в преддверие расширения ЕС, хотя их формулировки были достаточно широкими: «Содействовать подготовке к расширению Союза на условиях сбалансированной экономики и социального развития», хотя по сути действия предусматривали распространение механизма контроля на новые страны ЕС. Действия включали:

- «продолжить наблюдение за применением достижений Европейского Союза в социальной сфере и сфере занятости странами-кандидатами;

- продолжить развитие Обзоров политики занятости (приводящих к Совместной оценке) со всеми странами-кандидатами;

- поддерживать процесс усиления социального диалога и организаций социальных партнеров в странах-кандидатах;

- содействовать дальнейшему развитию соответствующих неправительственных организаций в странах-кандидатах;

- развивать сотрудничество организаций гражданского общества из Европейского Союза и из стран-кандидатов;

- определить общие проблемы и нужды и подготовить совместный анализ в области социальной защиты;

- придать главное направление гендерному равенству в рамках стратегии расширения;

- обеспечить успешное участие стран-кандидатов в программах действия Сообщества в социальной сфере как части стратегии расширения» [3, с. 24].

Начиная с 2001 г. национальные правительства должны были представлять Комиссии ежегодные доклады о состоянии систем социальной защиты, занятости, социального положения населения и отчетываться, насколько достигнуты цели, обозначенные общеевропейскими институтами. После «восточного расширения» 2004 и 2007 гг. новые страны ЕС были включены в механизмы отчетности и должны были стремиться к выполнению показателей, определенных институтами ЕС.

В 2005 г. была принята обновленная «Социальная программа действий», которая должна была учесть достижения и проблемы предыдущей пятилетки выполнения Лиссабонской стратегии. Лозунг новой стратегии на пятилетие 2005 – 2010 гг. звучал так: «Социальная Европа в глобальной экономике: рабочие места и возможности для всех». В соответствии с этой программой цели были определены следующим образом:

- 1) обеспечить интегрированный европейский подход, который гарантирует позитивное сочетание экономической, социальной политикой и политикой занятости;

- 2) продвигать качество в трудоустройстве, социальной политике и отношениях на производстве, что сможет обеспечить улучшение человеческого и социального капитала;

- 3) модернизировать систему социальной защиты, адаптируя ее к тенденциям сегодняшнего общества на основе принципа солидарности и усиления роли социальной защиты как производительного фактора;

- 4) принимать во внимание «цену отсутствия социальной политики» [4, с. 2].

Фактически цели, которые были обозначены в новой программе действий, не претерпели изменений, а лишь была вновь подчеркнута важность принципиальных позиций, обозначенных в более ранних документах.

В 2000-е годы социальная политика ЕС находится под влиянием нескольких факторов, которые определили политику общеевропейских институтов. Хотя природа этих факторов различается, их влияние трудно отделить друг от друга. Среди факторов, которые имеют комплексное влияние, необходимо назвать процессы, связанные с качественными и количественными изменениями хода европейской интеграции. К

качественным можно отнести переход на единую валюту «евро» с 2002 г., что неизбежно повлекло за собой усиление общеевропейских механизмов контроля над действиями национальных правительств в бюджетной и финансовой сфере. Среди качественных изменений можно назвать попытку принятия конституции ЕС и после неудачи этого проекта заключение компромиссного Лиссабонского договора в 2007 г. Несмотря на все ограничения компромиссного варианта, в текст договора была включена Хартия прав гражданина ЕС. Хартия гарантирует права граждан ЕС, в том числе и в социальной сфере и сфере трудовых отношений, а существующие общеевропейские судебные механизмы правовых гарантий позволяют гражданам ЕС бороться за свои права.

Количественные изменения касаются, прежде всего, почти удвоения численности стран, входящих в ЕС, с 15 стран в 2003 г. до 25 – с мая 2004 г. и 27 – с января 2007 г. Несмотря на то, что это изменение является количественным, качественные характеристики новых стран ЕС оказывают серьезное влияние на дальнейшее развитие европейского проекта. Население стран-кандидатов рассматривало вхождение в ЕС как возможность повысить уровень жизни за счет более активного участия в экономической жизни процветающего Союза, а также усиления контрольных механизмов в области социальной защиты. В мае 2003 г., отвечая на вопрос: «Что значит быть гражданином Европы?», жители стран-кандидатов на первое место поставили социальные права:

- 1) «право работать в любой стране ЕС» – 81 %;

- 2) «право на постоянное проживание в любой стране ЕС» – 69 %;

- 3) «право на обучение в любой стране ЕС» – 76 %;

- 4) «доступ к медицинскому обслуживанию в любой стране ЕС» – 62 % [5, с. 109].

Однако на практике многие ожидания оказались несостоятельными. Расширение ЕС на восток еще более усилило разрыв в уровне жизни и социального обеспечения, характерных для стран ЕС, а также усугубило проблему различия в стандартах в сфере трудовых отношений и социальных ориентиров в целом. Если на словах в декларациях политические лидеры и население европейских стран поддерживают цели «социальной, равной и развитой Европы», то в реальности эти цели наталкиваются на непреодолимые препятствия экономического, демографического и политического свойства. Доля ВВП на душу населения в 13 странах-кандидатах на вступление в ЕС в 2003 г. составляла одну треть от уровня стран ЕС-15, а в 11 из 13 стран-кандидатов уровень ВВП был ниже уровня самой бедной страны ЕС – Греции [5, с. 12].

Уровень жизни напрямую отражался на уровне «удовлетворения своей жизнью» граждан ЕС и жителей стран-кандидатов. В целом начало 2000-х гг. показывало высокий уровень удовлетворения в странах ЕС-15 и существенно меньший в странах-кандидатах на вступление в ЕС, причем самые низкие показатели отмечены у жителей самых бедных стран. График 1 показывает соотношение доходов на душу населения, измеряемого в соотношении валового национального продукта на душу населения, и уровень удовлетворенности жизнью населения европейских стран, со-

гласно опросам общественного мнения регулярно проводимых службой «Евробарометр». Эти данные

были представлены в специальной публикации ЕС накануне расширения 2004 г.

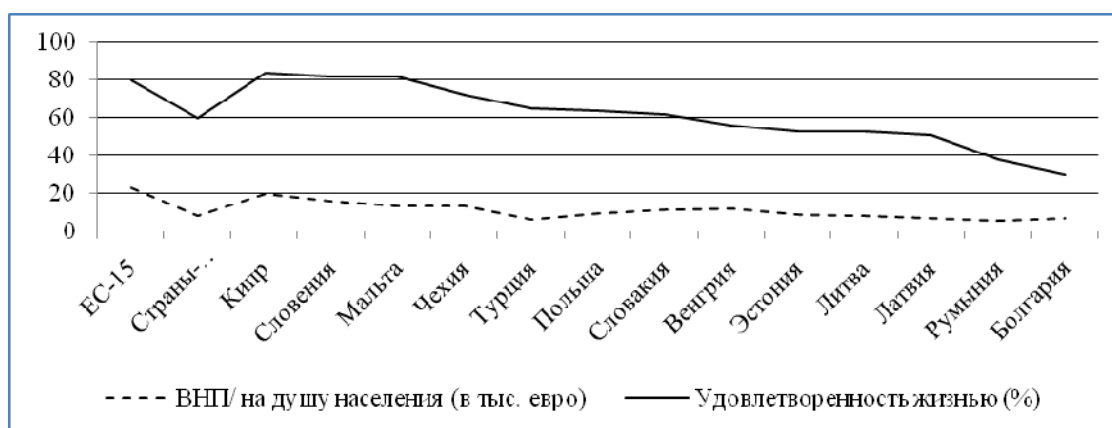

График 1. Уровень доходов на душу населения и степень удовлетворенности жизнью в странах ЕС и странах – кандидатах на вступление в ЕС, 2001 г. [5, с. 12]

Таблица 1

**Уровень доходов на душу населения (в евро)
и степень удовлетворенности жизнью населения стран ЕС
(в процентах количество «удовлетворенных и очень удовлетворенных своей жизнью»),
2005 – 2011 гг. [6, 7]**

Страны ЕС / годы	2005		2006		2007		2008		2009		2010		2011	
	евро	%	евро	%	евро	%	евро	%	евро	%	евро	%	евро	%
ЕС-27	22500	81	23700	81	25000	80	25000	77	23500	77	24500	78	25200	79
Словения	14400	87	15500	89	17100	87	18400	89	17400	86	17400	85	17600	83
Мальта	12200	85	12800	77	13600	83	14500	84	14400	72 (82)	15200	76 (88)	15600	80 (74)
Чехия	10200	83	11500	81	12800	82	14800	83	13600	82	14300	81	14900	78
Кипр	18400	84	19500	88	20700	90	21800	85	20900	82	21000	82	21100	76
Испания	21000	84	22400	90	23500	87	23900	85	22800	75	22800	76	23100	73
Польша	6400	69	7100	74	8200	76	9500	76	8100	75	9200	78	9600	73
Словакия	7100	63	8300	72	10200	72	11900	72	11600	72	12100	74	12700	70
Эстония	8300	67	10000	69 (79)	12000	78	12100	74	10300	73	10700	72	11900	69
Хорватия	8100	66	8900	69	9800	70	10700	69	10100	63	10200	67	10500	67
Латвия	5800	61	7200	60 (66)	9600	67	10500	63	8600	57	8600	58	9800	62
Литва	6300	45 (58)	7400	63	8900	65	10200	58	8400	55	8900	50 (56)	10200	57
Венгрия	8800	54	8900	50	9900	52 (57)	10500	47	9100	44	9700	50	10000	54
Греция	17400	65	18700	70	19900	68	20800	65 (53)	20500	44 (58)	19600	42 (49)	18500	46 (40)
Португалия	14600	60	15200	55	16000	55	16200	46	15800	53	16200	45	16100	44
Румыния	3700	45	4500	49	5800	49	6500	47	5500	47	5800	36 (46)	:	40 (50)
Болгария	3000	29	3400	25 (37)	4000	38	4600	40	4600	38	4800	38	5200	38

Мне показалось интересным составить аналогичную таблицу для сравнения степени удовлетворенности жизнью для «новых» стран ЕС и самых бедных

«старых» стран ЕС в период после расширения 2005 – 2011 гг., особенно учитывая негативные последствия разразившегося в 2008 г. экономического кризиса. В

список была также включена Хорватия, которая войдет в союз в 2013 г. Данные были взяты из отдельных статистических отчетов службы ЕС «Евростат» и «Евробарометр», которые проводят такие исследования на регулярной основе и публикуют на своих Интернет-страницах. Первый показатель «доход на душу населения» был взят из публикаций «Евростата» о ВВП в рыночных ценах и его распределения на душу населения в евро за 2005 – 2011 гг. Показатели самочувствия граждан ЕС были получены через интерактивную систему формирования запроса «Евробарометр» за тот же период (2005 – 2011 гг.). Так как опросы проводятся дважды в год, то в тех случаях, когда различия за один год составляли более 5 %, приведены две цифры. Такие скачки зафиксированы для Мальты в 2009, 2010 и 2011 гг., Эстонии в 2006 г., Латвии в 2006 г., Литвы в 2005 и 2010 гг., Венгрии в 2007 г., Греции в 2008, 2009, 2010 и 2011 гг., Румынии в 2010 и 2011 гг., Болгарии в 2006 г.

Таблица составлена в порядке убывания показателя «удовлетворенности жизнью» за 2011 г. В среднем уровень жизни в странах ЕС-27 выше, чем в новых странах ЕС, причем этот показатель превышает страновые данные «новых стран» почти в два, а иногда в три раза, а для Румынии и Болгарии – в семь раз! Это различие особенно заметно на фоне включенных в список проблемных стран «еврозоны» – Испании, Греции и Португалии, где уровень доходов приближается к среднему показателю по ЕС, а вот уровень удовлетворенности жизнью сопоставим с явными экономическими аутсайдерами. Греция и Португалия занимают самый низкий уровень удовлетворения жизнью в последние 2 года, наряду с самыми бедными «новыми» странами ЕС – Румынией и Болгарией. При этом уровень дохода на душу населения в Греции и Португалии выше, чем в Словении и Мальте, двух странах, которые показывают самый высокий уровень удовлетворения жизнью среди «новых стран» ЕС.

Как оказалось, уровень дохода на душу населения после расширения ЕС на восток в 2004 и 2007 г. и с учетом кризиса не изменились существенным образом, не произошло однозначного улучшения или ухудшения показателей новых стран ЕС, хотя общий уровень постепенно повышался, невзирая на кризис.

Среди процессов, которые оказывали влияние на политику институтов ЕС в социальной сфере, но не связаны напрямую с европейской интеграцией, нужно назвать демографические процессы и усиление демографического дисбаланса в сравнительном отношении в странах ЕС. Показателем уровня развития является ожидаемая продолжительность жизни населения страны, и по этому показателю население «старой Европы» живет почти на 10 лет дольше. Однако высокое качество жизни влечет за собой рост расходов общества на пенсионное обеспечение, долгосрочное медицинское обслуживание пожилых людей, рост расходов на медицинское обслуживание. Процесс старения населения заставил правительства европейских стран проводить крайне непопулярные реформы системы пенсионного обеспечения с увеличением возраста выхода на пенсию, сокращения пенсионных выплат, уменьшения государственных гарантий в этой сфере и усиления частного сектора. Для «новых стран» ЕС

выход на пенсию возможен почти на 10 лет раньше, что в целом соответствует продолжительности жизни, но усиливает различия в пенсионных схемах. Существенной проблемой является несопоставимо более высокий уровень жизни пенсионеров в странах ЕС-15 по сравнению с новыми странами ЕС.

Другие общеевропейские процессы, не связанные напрямую с европейской интеграцией, относятся к проблеме занятости населения и структуры рынка труда. Расширение ЕС в 2000-е гг. вызвало опасения населения и политических кругов в демпинге достигнутого уровня условий и оплаты труда за счет выхода на рынок труда большого числа выходцев из стран Центральной и Восточной Европы. Ряд стран ЕС-15 ввели заградительные меры, препятствующие трудовой мобильности из новых стран ЕС. Однако к 2011 г. все временные ограничения закончились с завершением максимального переходного периода в 7 лет определенного в период расширения 2004 г. Миграция дешевой рабочей силы из восточных стран ЕС вызывает акции протеста профсоюзов в «старых» странах ЕС. Так 24 сентября 2012 г. в Брюсселе была организована забастовка водителей под лозунгом «Против социального демпинга». Главной претензией забастовщиков был тот факт, что шоферы-дальнобойщики из Польши, Румынии и Болгарии готовы работать за плату в 4 раза меньшую, чем бельгийские водители [8].

Другим проявлением «социального демпинга» является вывод производства из стран с высоким уровнем социальной защиты (скандинавских, Франции) в страны Центральной и восточной Европы, законодательство которых придерживается либеральных принципов взимания налогов с производителей. Таким образом, проблема «социального демпинга» становится острой внутренней проблемой ЕС.

Вопросы социальной политики не были специально учтены в период подготовки к расширению ЕС на восток, скорее были представлены некоторые формальные критерии, которые должны создать общее поле взаимодействия в этой сфере через реформу существовавших социальных программ. Фактически речь шла о приватизации части социальных служб, введение контрибуционных форм обеспечения и усиления связи между доходом и объемом получаемых услуг. При этом часть социальных программ, сложившихся в период социалистического централизованного государства, была ликвидирована либо изменилась до неузнаваемости. Ряд социальных гарантий, которые были характерны для периода социализма, также прекратили свое существование. Это привело к процессу деэмансипации и усиления гендерного неравенства в сфере трудовых отношений.

Переход на рыночные механизмы формирования рынка труда в корне изменило систему формирования кадрового резерва, самой структуры занятости населения, потребовало изменения системы подготовки кадров и поиска работы. В этих условиях страны ЦВЕ должны были фактически создавать с нуля механизмы регулирования рынка труда и смягчения проблемы безработицы. Эта проблема, которая решалась на протяжении десятков лет в странах ЕС-15, в новых странах ЕС стала новой и непривычно острой. В пер-

вые годы после расширения ЕС на восток сохранялась инерция в отношении новых стран, казалось, что проблемы, с которыми они сталкиваются, являются качественно такими же, только имеют другие масштабы, однако экономический кризис показал существенные различия. Те проблемы, которые ЕС хотел решить в начале 2000-х гг. (дискриминация по признаку гражданства, пола, «нечестная» конкуренция на рынке труда, понижение качества условий труда и уровня оплаты, уменьшение объема социальных гарантий), только стали более явными и все более нестерпимыми для многих европейцев в условиях экономического кризиса.

Результаты опроса общественного мнения, проведенного в мае 2012 г. службой «Евробарометр» на тему «Европейское гражданство», показывают, что в среднем 61 % жителей ЕС ощущают себя гражданами ЕС, однако вклад ЕС в социальное обеспечение и повышение уровня жизни был оценен достаточно низко. Совершенно справедливо европейцы полагают, что большее влияние на условия жизни оказывают власти на национальном (51 %), местном или региональном (34 %) и только потом на европейском (9 %) уровнях. Главным положительным результатом деятельности ЕС было названо обеспечение «мира между странами ЕС» (57 %) и «свободного движения людей, товаров и услуг» (51 %). Однако на вопрос «Что могло бы усилить их чувство гражданина ЕС?» наибольшую поддержку получили 2 ответа: «гармонизация европей-

ской социальной модели благосостояния между странами-членами ЕС (медицинская помощь, образование, пенсии и т. д.)» – 37 %, и «возможность переехать в другую страну ЕС после выхода на пенсию с правом сохранения своего пенсионного обеспечения» – 24 % [9, с. 11, 14, 26].

Начало экономического кризиса в 2008 г. и сопровождающий его кризис «зоны евро» привели к новому пересмотру социальных ориентиров на общеевропейском уровне с учетом ухудшения экономических показателей. В 2010 г. была принята новая стратегия развития ЕС «Европа 2020» под лозунгом «За умный, устойчивый и включающий рост», которая предусматривала новые ориентиры и индикаторы с учетом экономического кризиса. Наряду с очередной попыткой достичь более высоких показателей в трудоустройстве (до 75 %), одним из главных направлений деятельности является борьба с бедностью и социальным отторжением [10]. Насколько будет успешным достижение новых задач в социальной сфере, покажет время, а пока можно констатировать, что прогнозы, которые делали европейские специалисты в области социальных отношений и социальной политики в начале 2000-х гг., оказались более точными. Аналитики в своих оценках учитывали долгосрочные тенденции, которые плохо подчиняются политической воле лидеров.

Литература

1. Employment, economic reform and social cohesion. Lisbon European Council (23 – 24 March 2000). Presidency conclusions.
2. Bonoli, G. European welfare futures: Towards a theory of retrenchment / G. Bonoli, V. George, P. Taylor-Gooby. – Cambridge, 2000.
3. Social Policy Agenda. COM (2000) 379. – Brussels, 2000.
4. Social Agenda. Com (2005) 33. – Brussels, 2005.
5. Eurobarometr 2003. 2. Public opinion in the candidate countries. Fieldwork: May 2003. Publication: July 2003.
6. Eurostat. GDP and main components. – Режим доступа: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database (дата обращения: 11.12.2012).
7. Eurobarometer. Interactive Search System. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/public_opinion/cf/index_en.cfm
8. В Бельгии водители фур протестуют против «социального демпинга». Euronews. – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2012/09/24/truckers-demand-action-from-eu-on-cheap-labour/> (дата обращения: 24.09.2012).
9. European Citizenship. Standard Eurobarometer 77. Fieldwork: May 2012. European Commission. Brussels, 2012. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb77/eb77_en.htm (дата обращения: 24.09.2012).
10. Europe 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. COM(2010) 2020. – Brussels, 2010.

Информация об авторе:

Дериглазова Лариса Валериевна – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики исторического факультета, профессор Жана Монне, Томский госуниверситет, dlarisa@inbox.ru.

Larisa V. Deriglazova – Doctor of History, Professor at the Department of World Politics, Jean Monnet Chair, Tomsk State University.

УДК 94(4)“1945/...”

**ВЛИЯНИЕ СМИ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЕС
В ПЕРИОД КРИЗИСА 2008 г.**

В. Г. Дорохов

**THE IMPACT OF MEDIA ON THE ECONOMIC AND POLITICAL DEVELOPMENT
OF THE EU DURING THE 2008 CRISIS**

V. G. Dorohov

В статье рассматривается специфика воздействия СМИ на экономические и политические процессы, протекающие в ЕС в период кризиса с 2008 по настоящее время. В центре внимания автора находится рассмотрение «информационного повода» как средства влияния на финансовые рынки Европы и через них на политические решения чиновников ЕС. Делается вывод о том, что манипулирование через СМИ в экономической сфере переросло позже в воздействие на политическом уровне, что позволяет говорить о дальнейшем использовании различных «информационных поводов» уже в сфере политического развития ЕС.

The paper researches the impact of media on specific economic and political processes that have been going on in the EU during the crisis of 2008 and up to the present time. The author focuses on the "newsbreak" as a means of influencing the financial markets in Europe and, through them, the political decisions of the EU officials. It is concluded that the mass media's manipulation in the economic sphere later escalated to the political level, making further use of «newsbreaks» in sphere of political development of the EU.

Ключевые слова: новейшая история Европы, Европейский Союз, европейский финансовый кризис, средства массовой информации, информационный повод.

Keywords: modern history of Europe, the European Union, the European financial crisis, the media, newsbreak.

С 2008 года все активнее и активнее усиливается риторика, связанная с мировым кризисом. До настоящего времени неясно, как долго он продлится, чем он закончится и к каким последствиям он может привести в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Различные средства массовой информации бомбардируют слушателей различными информационными поводами, которые в той или иной степени являются спланированными. Как правило, информационный повод воспринимается как событие, которое служит основанием для теле- и радиоэфира и публикаций в прессе. Соответственно данное событие своей значимостью или экстравагантностью может заинтересовать зрителя и стать предметом обсуждения [1]. В период возникновения различных кризисов их становится на порядок больше. Достаточно ярким примером является европейский финансовый и долговой кризисы, активно муссируемые уже который год как в европейской, так и мировой прессе. Не последнюю роль в создании информационных пузырей в медийном пространстве сыграло резкое расширение сети Интернет в конце XX века. Это вывело систему организации информационного повода на новый уровень развития. Например, большая часть новостного поля, создаваемая вокруг фондового рынка Европы или европейских институтов власти, относится к категории искусственных новостей, причем подогрев этих новостей выгоден и СМИ, и евробюрократам.

В 2008 году стало ясно, что разгоревшийся в США ипотечный кризис, перерос в финансовый. Большинство мировых СМИ активно включилось в создание соответствующего новостного фона, постоянно подкидывая «жареные» порции дополнительных информационных поводов. Однако первоначальное нагнетание ситуации в экономической сфере привело в итоге к раскручиванию негативного новостного фо-

на в политической плоскости. Так, крушение американского инвестиционного банка «Lehman Brothers» было само по себе негативным событием, но отнюдь не вселенского масштаба. Однако с легкой руки прессы, это происшествие стало фактически нарицательным событием. Нагнетание ситуации хорошо можно проследить в ходе подготовки и открытий крупных европейских мероприятий, т. н. антикризисных саммитов, где помимо экономических вопросов, в обязательном порядке затрагивались и политические (Вашингтон (2008), Лондон (2009), Питтсбург (2009), Торонто (2010), Сеул (2010), Канн (2011), Лос-Кабос (2012), Брюссель (2012)). Как только первичная информация поступала на всеобщее обозрение, пресса, специализирующаяся на освещении данных новостей, активно раскручивала возможные плюсы и минусы вероятных итогов саммитов. Причем выводы по большей части на первом этапе развития кризиса были вполне оптимистичны, но чем дальше развивались события, тем активнее пресса искала негатив в проводимых антикризисных мероприятиях. Наиболее наглядно это можно было проследить по новостному фону относительно ситуации в Греции. Уже с 2009 года постоянно в СМИ муссировались проблемы Греции. И если даже изначально они были не настолько критичны, то к 2012 году все происходящее в этой стране сразу отзывалось на фондовых рынках Европы и как следствие оказывало и политическое воздействие на правительства стран ЕС. Особенно это касается позиций ФРГ и Франции как главных локомотивов экономического и политического развития ЕС. Например, проблема евробондов напрямую связана уже не с экономической проблемой стабилизации ЕС, а с согласием ФРГ на выпуск данных облигаций. Меркель не может этого сделать, не учитывая позицию своих коллег по политической коалиции. Но нужно

также учитывать и тот факт, что кризис в странах еврозоны активно используется ведущими политиками Германии и Франции для проведения в жизнь своих интересов. Начиная с 2009 года, проводится мысль о том, что без единых финансовых органов, ЕС не сможет успешно преодолеть ни финансовый, ни долговой, ни экономический кризис. И чем дальше углубляются проблемы, тем настойчивей продвигается эта мысль. Не только через голоса политиков, но и через людей, которые так или иначе связаны с формированием общественного мнения своих стран. В интервью французского политического журналиста Бернара-Анри Леви одной из ведущих газет ФРГ «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (28.11.2012 г.) настойчиво проводилась мысль о том, что решение кризиса лежит в политической плоскости. По его мнению, «рыночные спреды привлекают к себе наибольшее внимание, когда политическая риторика становится сбивчивой, боязливой и пустой» [2]. Укрепление единой валюты, создание единого бюджета, налогообложения и финансов, вот те параметры, которыми нужно руководствоваться при решении вопросов борьбы с кризисом. Однако в статье проскальзывает и другая мысль, которая вряд ли была возможна в 2008 году: если не взять под контроль информацию с рынков и не приструнить рейтинговые агентства, то ситуация так и будет оставаться достаточно сложной. В этом контексте интересно проследить, как за прошедшие с 2008 года кризисные годы возросла роль ведущий тройки рейтинговых агентств: Fitch, Standard & Poor's и Moody's. Это признал, в частности, еврокомиссар Мишель Барнье при разработке дополнительных правил для рейтинговых агентств: «Составители рейтингов должны будут стать более прозрачными в том, что касается рейтингования государств, уважать временные рамки и согласовывать сроки публикации нежелательных рейтингов. Им придется следовать четким правилам, что увеличит их ответственность за ошибки, вызванные неосторожностью либо злым умыслом. Это важно, поскольку рейтинги прямо влияют на финансовые рынки и экономику в целом» [3]. То есть напрямую признавалось влияние рейтинговой информации на состояние экономики отдельных государств. С целью ограничения этого воздействия в скором времени планируется введение всего трех дней в году, когда агентства могут публиковать свои негативные рейтинги.

В конце июня 2012 г. в Брюсселе прошел очередной саммит ЕС, показавший, что несмотря на достаточно скромные результаты, биржи воспринимали практически все сигналы, шедшие от политиков, очень лояльно. И лишь по окончании саммита, когда стала ясна переоцененность новостных поводов, практически весь новостной позитив иссяк и к 3 июля индексы большинства европейских фондовых бирж снова пошли вниз. Как следствие снова стали раскручивать новостной негатив. 22 ноября 2012 года открылся очередной саммит ЕС по вопросам бюджета, также подтвердивший вышеописанную логику в освещении новостей. Уже на следующий день (23 ноября) телеканал DW (Deutsche Welle) сообщил, что «Саммит ЕС на грани провала» [4]. Что самое интересное, в ходе предыдущих саммитов вопрос форми-

рования совместного бюджета также присутствовал, однако ему никогда не придавали такой информационной остроты, как в этот раз. Фактически речь шла о 2 % всех бюджетов отдельных стран ЕС, но здесь стоит учитывать следующий факт – в период, когда отсутствуют действительно важные новости, современные информагентства идут на искусственное усиление отдельных моментов в ходе работы саммитов ЕС. Причем данная ситуация выгодна не только производителям новостей, но и политикам, так как это позволяет привлекать к ним дополнительное внимание, формируя вокруг них необходимое информационное пространство. А раз это является выгодным, то следовательно степень его повторения присутствует постоянно. В феврале 2013 года европейские лидеры собрались на очередной саммит для осуждения вопроса по бюджету на предстоящие семь лет. Как и на Брюссельском саммите новостные заголовки пестрели самой противоречивой информацией, основное содержание опять сводилось к тому, что участники не могут договориться между собой о степени вовлеченности друг друга в формирование единого европейского бюджета. Большинство ведущих фондовых рынков Европы реагировали на подобные новости не слишком позитивно. Большинство их значений находились к моменту переговоров на самых низких уровнях с начала 2013 года. Однако по мере улучшения новостного фона котировки большинства индексов снова пошли вверх.

В марте 2013 года главной новостью, которая практически затопила весь эфир, стало обсуждение Кипрского финансового кризиса. Буквально за две недели о ситуации вокруг антикризисной программы Кипра были написаны сотни страниц текста и сняты сотни телесюжетов, которые очень активно приправлялись цифрами о возможных финансовых потерях вкладчиков и в особенности российских.

Между тем для современной Европы главная проблема вокруг Кипра кроется не в цифрах и экономических показателях этой экономики, которая «тянет» примерно на 0,2 % от суммарного ВВП зоны евро. Фактически Кипрский кризис вновь показал до какой степени современные европейцы лишены собственно европейского взгляда на проблемы единой Европы. Оценка того, что происходит на Кипре прямо противоположна на Севере и Юге Европы. Стоит отметить интересный факт: для общественного европейского мнения показательна не столько реальная эффективность мер по сокращению бюджетного дефицита, сколько именно их чувствительность для общества и, как следствие – их широкий медиатический резонанс, который всего лишь «свидетельствует», что народ той или иной проблемной страны готов принимать тяжелые меры для борьбы с кризисом.

Информационное освещение новостей мировых и европейских саммитов, а также новостей посвященным мировому кризису, соответствует нескольким факторам, на основании которых можно выделить какое-либо важное событие.

1. Элита общества очень быстро стала предметом новостей. Начиная с 2008 года, процент показа европейской и американской политической и особенно экономической элиты значительно возрос. Прези-

дентов стран, президентов корпораций, главу ЕЦБ и ФРС стали показывать практически каждый день. И если раньше простой европеец вряд ли мог назвать главу Европейского центрального банка, то теперь вероятность правильного ответа значительно возросла. То же самое можно сказать и про главу Федеральной резервной системы Б. Бернанке, которого раньше знали разве что сотрудники Белого дома и участники биржевых торгов. В подобной ситуации персонификации находится и М. Драги, человек, ставший с 2011 года не просто 3-м Председателем Европейского центрального банка, но фактически одним из самых влиятельных новостных лиц в эпоху экономического кризиса, развернувшегося в ЕС с 2009 года. Каждый раз, когда подходит срок очередного выступления что Б. Бернанке, что М. Драги, рынок на это с надеждой, но в то же время и нервно реагирует, так как именно от их дальнейших действий будет ясно, в каком направлении будут действовать финансовые институты стран ЕС и США. В качестве примера можно отметить ряд новостных заголовков: «Речь Бернанке может вызвать у инвесторов прилив оптимизма» (Ведомости, 25.02.2013 г.); «Бернанке: кризис в еврозоне создает существенные риски для США» (Forbes, 07.06.2012 г.); «Речь Драги может расширить колебания индекса ММВБ до 1500 пунктов» (10.01.2013 г.); «От Драги ждут «плана Б» (4.04.2013 г.) и др. Как правило, к началу этих выступлений фондовый рынок подрастает, а уже после начинается коррекция на фоне появления более пессимистичных новостей, так кризис продолжается до сих пор.

2. Чем более событие было персонализировано, тем выше стала вероятность, что оно станет новостью. Когда мы слышим о кризисе в отдельно взятой европейской стране или США, то возникает всегда ассоциация с ведущим политиком, активно принимающим участие в решении проблем своей страны и выступающим на очередном антикризисном саммите. Во Франции такими новостными фигурами были Николя Саркози, потом Франсуа Олланд; в Италии долгое время информационный фон крутился вокруг Сильвио Берлускони, сейчас Марио Монти; в Великобритании – Гордон Браун, сейчас – Дэвид Кэмерон. И лишь в Германии главная новостная фигура более устойчива – Ангела Меркель. В США главным новостным игроком остается Б. Обама.

В этом контексте очень любопытно резкое повышение роли различных «финансовых» и «политических» гуру, специализирующихся на освещении текущих и особенно будущих событий. Например, знаменитый сейчас Н. Рубини, человек предсказавший крах ипотечного рынка в США. Его знали и до наступления кризиса, однако тот факт, что ему удалось в определенной степени предугадать нарастание ряда негативных моментов функционирования в американской экономике в будущем при активном муссировании ведущих мировых СМИ принесло ему лавры пророка [5]. Газета «The New York Times» указывала на факт вечного пессимизма Рубини по отношению к перспективам в развитии мировой экономики. Соответственно, если бы кризис не стал развиваться по негативному сценарию Рубини, то его и дальше игнорировали бы коллеги, так и пресса. Сейчас же

его персона и его мнение достаточно активно тиражируется СМИ и в определенной мере его высказывания позволяют влиять на поведение инвесторов и политиков. Летом 2012 года Рубини в очередной раз выдал печальный прогноз мировой экономике и особенно зоне евро. Благодаря СМИ, его образ приобрел несколько демонический характер своеобразного вершителя судеб. Это можно проследить по заголовкам статей из различных газет. Например, заголовок его интервью немецкой деловой газете «Handelsblatt» в переводе на русский язык звучал следующим образом: «Я даю евро еще пол года» [6]. В таком варианте роль своеобразного бога, которые отвели Нурини СМИ, начинает давить на общественное мнение тех стран, которым предсказывают такое печальное будущее, что в свою очередь может усиливать давление на политиков и как вариант развитие ситуации по еще более негативному сценарию.

3. Чем больше в событии негативного, тем выше вероятность для него стать новостью. Наиболее полно данное положение можно проследить по новостному фону, который разворачивается вокруг греческой, итальянской и испанской проблемы. Начиная с конца 2009 года, когда рейтинговое агентство Fitch понизило кредитный рейтинг Греции с уровня «А-» до «BBB+», новостные агентства начинают уделять данному факту значительно больше внимания, чем раньше [7]. Когда в октябре 2011 года возникла чисто техническая проблема, как заставить держателей греческих государственных облигаций из частного сектора принять на себя убытки от списания 50 % долга страны, европейские СМИ затопила волна сообщений из Греции, которые были похожи на военные сводки. Подобные новости потом появились из Италии, а теперь и из Испании. Все это напрямую отражается на экономическом и политическом развитии данных стран, в том числе и на фондовых биржах. Сам по себе фондовый рынок для простого обывателя имеет мало значения, однако степень его функционирования показывает уровень развития экономических отношений в конкретной стране. Практически большинство ведущих бирж Европы находились к ноябрю 2012 года на самых низких значениях за последние месяцы. Особенно падение усилилось после показа по телеканалам боевых столкновений в Афинах. Публикация статей, заметок и негативных отзывов вселяли в людей, далеких от фондового рынка, чувство обреченности. Распространение данного чувства в широкой массе людей привело к нарастанию негативного отношения к политикам, которые, если верить СМИ, не могут справиться с продолжающимся кризисом [8]. Как следствие политическая элита вынуждена все больше оглядываться на общественное мнение, что сужает поле их реформационной деятельности.

Взаимное непонимание и противоречия «европейской семьи» с большой охотой подкармливают и распаляют политики и партии с «обочины» традиционного политического спектра: левые и правые радикалы, популисты и националисты, которые сегодня достаточно успешно теснят в избирательных рейтингах почти по всей Европе уважаемых либералов, христианских демократов, социалистов и «зеленых». Менее заметны на политической арене, но не на ули-

це, организации исламистского толка, также набирающие силу, хотя и не претендующие пока на общественное признание.

Конек всех радикалов – простые ответы на сложные вопросы и обещания, которые не могут быть выполнены. Многих из них объединяет одна общая черта – изображение единой Европы как главного врага европейских народов, бюрократии, стремящейся к максимальному контролю над национальными государствами. Для националистов и неонацистов на Севере Европы Брюссель – это олицетворение силы, которая заставляет их делиться с «бездельниками» из богатого Средиземноморья. Для популистов из Южной Европы Брюссель – это лобби корпораций и правительств крупнейших европейских стран, стремящихся «поднять под себя» малые государства.

В ответ на эти обвинения радикалов европейские институты сегодня все больше отмалчиваются. Им нечего ответить, кроме обещаний стабилизировать ситуацию и вернуть в Европу процветание не позднее 2020 года. В современных условиях этому мало кто верит. Аналитики отмечают, что европейский проект испытывает острый дефицит идей и целей для собственного развития. Новостной фон последние несколько лет в отношении ситуации в Европе очень критичный. У Европы сегодня нет ярких лидеров, способных возродить энергию европейской интеграции, которая была запущена в середине прошлого века сначала как проект по недопущению новой войны в Европе, потом как система экономического противостояния соцлагерю, и наконец, как план создания беспрецедентной «зоны сопроцветания в Европе», основанной на построении единого рынка, валютного союза и пространства без внутренних границ. Все эти цели на сегодня достигнуты, их созидательная энергия израсходована, а новые идеи для развития европейского сообщества не сформулированы.

Напротив, нынешняя экономическая депрессия в зоне евро и ее последний аккорд – кипрский кризис – продемонстрировали серьезные недостатки европейского руководства, его неспособность оперативно реагировать на ситуацию и вовремя просчитывать результаты собственных решений. Несмотря на то, что о финансовом кризисе активно говорят уже с 2008 года, спустя пять лет эта риторика является главным новостным фоном на мировых центральных каналах ТВ,

прессе и Интернета. Стоит отметить интересный факт: по мере разрастания какой-либо новости она становится все менее персонифицированной. Это позволяет усиливать эмоциональный посыл новости и уже другой вопрос, что когда открываешь ее, то в реальности ситуация намного проще, чем это озвучивается в заголовке. Например, в новости «Киприоты в ярости штурмуют банки и парламент» можно всего лишь узнать, что к президентскому дворцу собираются люди и не исключено, что позже толпа двинется к зданию [9]. Налицо несоответствие внутреннего и внешнего содержания. Впрочем, это несколько не смущает СМИ в их подаче материала, поскольку это позволяет привлечь дополнительное внимание к новостному контенту.

Манипулирование информационными поводами не только не ослабело, но даже усилилось. Сейчас чаще стали говорить о долговом кризисе стран-участников ЕС и экономическом кризисе и попутно проскальзывают упоминания о второй волне кризиса, которая, по мнению одних экспертов, уже прошла, по мнению других экспертов, еще только на подходе. Именно эта неопределенность позволяет постоянно подпитывать как финансовые рынки Европы, так и политические новости различными сомнительными информационными поводами, в большинстве своем являющимися не более чем слухами, но вполне срежессированными. Пресловутый «идеальный финансовый шторм» очень хорошо вписывается в данную составляющую, так как он позволяет не только усиливать негативный окрас кризиса, но и придать ему необходимую новостную остроту. Поскольку экономическая составляющая современного развития государства очень тесно связана с политической, то все проблемы, возникающие в этой плоскости, отражаются и на политической. Можно даже говорить о том, что развернувшийся кризис стал выгоден евробюрократии, так как именно он позволяет снижать степень суверенитета национальных государств, ставя их под финансовый контроль со стороны ЕЦБ. Вполне возможно, что следующим этапом станет укрепление политической связки между странами-участниками. Все чаще данная тема становится новым информационным поводом на страницах СМИ, что позволяет говорить уже о формировании соответствующего запроса со стороны политиков.

Литература

1. Басков, А. Информационный повод / А. Басков. – Режим доступа: <http://newideology.ru/slovar/i/informationnyi-povod/> (дата обращения: 13.07.2012).
2. Бернар-Анри, Л. Для спасения Европы одних реформ недостаточно / Л. Бернар-Анри. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20121128/202737846.html> (дата обращения: 28.11.2012).
3. Узда для «большой тройки». – Режим доступа: <http://expert.ru/2012/11/28/uzda-dlya-bolshoj-trojki/> (дата обращения: 28.11.2012).
4. Меркель, А. Саммит ЕС на грани провала / А. Меркель. – Режим доступа: <http://www.dw.de/меркель-саммит-ес-на-границе-провала/a-16400211> (дата обращения: 28.11.2012).
5. Stephen, Mihm Dr. Doom / Mihm Stephen. – Режим доступа: http://www.nytimes.com/2008/08/17/magazine/17pessimist-t.html?_r=0 (дата обращения: 28.11.2012).
6. Нуриэль, Р. Я даю евро еще полгода / Р. Нуриэль; пер. А. Полоцкого. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2012/07/31/world/562949984429373> (дата обращения: 28.11.2012).
7. Бекренев, А. Агентство Fitch понизило долгосрочный кредитный рейтинг Греции / А. Бекренев. – Режим доступа: <http://www.itar-tass.com/c199/423241.html> (дата обращения: 14.07.2012).

8. Тони, Блэр. Борьба с финансовым кризисом может расколоть ЕС / Блэр Тони. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/politics/09/08/2012/663829.shtml> (дата обращения: 20.08.2012.)

9. Кризис на Кипре. – Режим доступа: http://maultalk.info/krizis_v_mire/krizis_v_evrope/krizis-na-kipre.html. (дата обращения: 06.04.2013).

Информация об авторе:

Дорохов Валерий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры России КемГУ, 8-903-907-25-49, Dorokhov@mail.ru.

Valeriy G. Dorokhov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History and Culture of Russia, Kemerovo State University.

УДК 94 (410)

ВЛИЯНИЕ ПРОТЕСТАНТИЗМА НА ПОНИМАНИЕ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В XVI – XVII ВЕКАХ

В. Н. Ерохин

PROTESTANT INFLUENCES ON THE UNDERSTANDING OF SOCIAL TIES PRINCIPLES IN THE ENGLISH SOCIETY IN THE 16TH – 17TH CENTURIES

V. N. Yerokhin

В статье рассматривается влияние идей религиозной Реформации и пуританизма в Англии на понимание семейной жизни, проведение досуга и отношение к изобразительному искусству, театру, музыке и танцам среди англичан во второй половине XVI – XVII вв.

The article deals with the influence of ideas of Reformation and Puritanism on the understanding of the main forms of social ties – family life, leisure, fine arts, theatre, music and dancing among the Englishmen and Englishwomen in the second half of 16th – 17th centuries.

Ключевые слова: Реформация, пуританизм, социальные связи, английское общество XVI – XVII веков.

Keywords: Reformation, Puritanism, social ties, the English society of the 16th – 17th centuries.

В развитии английского общества раннего нового времени Реформация принесла мировоззренческие изменения кардинального характера и оказала значительное идейное влияние на понимание практически всех важнейших аспектов политической жизни, экономической деятельности, на дальнейшее развитие английской культуры. Идейное влияние Реформации в английской общественной жизни стало проявляться в ближайшие десятилетия после того, как принятие парламентского Акта о супрематии 30 марта 1534 года вывело церковь Англии из подчинения Риму.

Многие социальные следствия развития протестантизма и пуританизма, считают исследователи, были ненамеренными. П. Коллинсон замечает, что в выступлениях проповедников обычной мишенью критики были грехи и лишь редко – социальные институты. При Эдуарде VI (1547 – 1553 гг.) в раннем протестантизме критике подвергались преимущественно социальные недостатки и проблемы, а при Якове I (1603 – 1625 гг.) – прегрешения главным образом личного и морального характера. В этом можно увидеть свидетельство значительного смещения акцентов от первоначального внимания протестантов к интересам бедных к предубежденности по отношению к социальным низам в последующем, когда протестантизм стал более тесно связанным с социальным порядком и интересами социального контроля. Пуритане времени правления Елизаветы I (1558 – 1603 гг.) толковали кальвинистское учение об избранности и предопределении в смысле, который настраивал на расширитель-

ное толкование вопроса о численности избранных и не подчёркивали чрезмерно собственную исключительность, но в предреволюционные десятилетия XVII века среди пуритан стала усиливаться мысль о том, что избранных к спасению – меньшинство. Такое понимание спасения, считает П. Коллинсон, отнюдь не было характерно только для крайних пуритан и сектантов. Эта идея духовной избранности усиливала духовную напряжённость, вызывала желание покинуть страну, население которой никак не избавлялось от своих недостатков, так что к началу гражданской войны англичане превратились в расколотую нацию [5, р. 18 – 29; 2, р. 255].

Как считает П. Коллинсон, в Реформации прослеживается ещё также влияние борьбы молодого поколения с людьми, старшими по возрасту, а также стремление женщин к эмансипации и самоутверждению, и все эти стремления в Реформации переплелись [5, р. 36].

Протестантизм, оставаясь патриархальным по характеру в понимании семейной жизни, всё же углубил, как считают, эмоциональность семейных отношений между супругами, родителями и детьми. В Англии под влиянием Реформации довольно скоро неженатые духовные лица стали исключением. К концу XIX века в английском обществе сложилось убеждение, что английский идеал семейной жизни и привязанности к дому связан с пуританскими влияниями. Л. Стоун связал протестантизм, в равной мере и пуританизм, и англиканство с появлением того, что

он называл «строгая патриархальная нуклеарная семья» и со стремлением к тому, что можно назвать браком-дружбой, поскольку такой брак поощрял стремление к домовитости, семейным домашним добродетелям, что было, возможно, самым далеко идущим последствием Реформации в Англии. Эти вопросы, правда, легче выявить и изучать на примере социальных верхов [15, р. 5; 27, 141]. В то же время известны факты, что под влиянием кальвинистской доктрины избранности многих женщин в Англии охватывало отчаяние [5, р. 74 – 76].

Р. Нокс писал, что история религиозного энтузиазма, развития активных форм протестантской религиозности – это в значительной степени история женской эмансипации [19]. П. Коллинсон считает, что женщины с активной религиозностью не оспаривали своё место в жизни, а мужчины соглашались с возможностью активного поведения женщин в религиозных делах. П. Коллинсон сомневается также, нуждались ли женщины в XVI – XVII веках в эмансипации в современном смысле слова. Свидетельства этого времени, по его мнению, демонстрируют, что женщины не были особенно притеснёнными. Можно отметить выдающуюся роль женщин в протестантском обществе и в ортодоксальном, и в радикальном сектантском протестантизме середины XVII века. Большая по сравнению с мужчинами склонность женщин к религии, хотя и недостаточно проверенная, и возможно, трудно проверяемая опытным путем, была общим мнением современников. Предлагая объяснения этому, П. Коллинсон отмечает, что фрустрации, которые возникали у женщин в связи с их подчинённым положением, обострялись из-за психологических и физических последствий частого и, бывало, травматического деторождения, вели к сублимированным выходам в виде религиозного энтузиазма [5, р. 77].

В отношении к детям в протестантской антропологии воспринятый у Августина Блаженного пессимизм привёл к пониманию детской природы как склонной к воздействиям дьявола. Известный пуританин Джон Робинсон, отплывший в Америку на «Мэйфлауэре», полагал, что присущая детям по природе гордыня должны быть сломлена и выбита из них. В протестантской Англии надолго сохранилась практика физических наказаний детей. При этом протестантские богословы обычно осуждали родителей за пренебрежение воспитанием детей. Некоторые историки считают, что суровость воспитания оказывала травмирующее влияние на ребенка. Но есть и другие мнения, согласно которым пуритане, в отличие от англичан викторианской эпохи, не превращали детство в период воспитания в сентиментальных фантазиях, а стремились к их религиозному обращению, помогали формироваться детям в том, что воспитывали их морально ответственными, способными лучше приспособиться к реальному миру взрослых. Даже колыбельные песни не уводили ребенка в нереальный мир фантазий, но приучали детей к пониманию суровых забот, выживанию в мире [26, р. 113 – 137; 25]. Но всё же есть также достаточно свидетельств, что отношения родителей и детей в Англии XVI – XVII вв. были очень тёплыми [5, р. 78 – 79; 13; 24, р. 87].

В 1980-е годы был внесен большой вклад в изучение демографической истории западноевропейской семьи в целом и семьи в Англии в частности [1; 9]. Эти работы анализируют в основном массовые явления. В результате было выявлено, что малая нуклеарная семья, в отличие от предположений Ф. Энгельса, не была новацией XVI века. Уже в Книге Страшного суда 1086 года малая, а не большая семья – норма. Выявлены данные, что в XVI – XVII вв. не слишком высокой была также доля детей, рождённых вне брака, и лишь в XVIII веке она увеличилась с 3 % до 5 %. Исследователи предполагают, что раннее новое время было периодом жёсткой сексуальной репрессии, когда индивиды убеждали, что сексуальность и создание семьи – это социальная функция, а не область индивидуальных фантазий. Средний размер семьи составлял, видимо, 5 – 7 человек. 15 % женского населения оставались не замужем даже после отмены монашества [5, р. 84; 13, р. 5].

Влияние протестантизма в Англии, а также влияние посттридентского католицизма в Европе, как предполагают, привело к тому, что стали приходить в упадок светские общественные праздники, в том числе народные обычаи, связанные с формированием семьи, в результате чего образование семьи стало восприниматься как частное дело тех, кто имел к этому непосредственное отношение. Протестантские книги рекомендуемого поведения (conduct books) настаивали, что мужья должны любить жён, потому что об этом говорил Св. Павел, при этом отмечая, что любовь снисходит, а не восходит, так что жены, в свою очередь, должны были повиноваться своим мужьям и уважать их [5, р. 87 – 90].

К. Дейвис сомневается, появились ли после начала Реформации новые идеалы семьи. Сравнение постреформационных и предреформационных текстов на брачные темы показывает, как пишет К. Дэвис, «монотонное сходство советов на этот счет, которые, к тому же, были советами очень обобщённого характера» [8, р. 58 – 80]. Пуритане настаивали на верховенстве мужчины в семье и на полном подчинении им жён, но это же утверждали те, кто писал на брачные темы накануне Реформации. Подобным же образом понимание брака как контракта тех, кто вступил в него по любви и согласию, появилось ещё до Реформации. В отношении к самому институту брака в позднем католицизме в литературе, адресованной самому католическому духовенству, поддерживался celibat, а в наставительной литературе для светских лиц брак оценивался более позитивно, но эти оценки неотличимы от протестантского подхода к браку. К. Дейвис склоняется к выводу, что после начала Реформации просто расширился поток публикаций на тему о браке, и в книгоиздании стали действовать рыночные факторы, так что протестантские книги рекомендуемого поведения (conduct books) не проповедовали идеи, которые были совершенно новыми [8, р. 80].

М. Тодд высказывает мнение, что новые явления в понимании семьи надо искать не у пуритан, а у христианских гуманистов начала XVI века. Она связала представления пуритан о необходимости социального контроля и аскетизма не только с реформационными идеями, но также с влиянием реанимированного в

эпоху Возрождения стоицизма [30, p. 18 – 34; 29]. М. Тодд придерживается мнения, что около 1530 года всё же стало распространяться новое понимание семьи, а К. Дейвис, подобно А. Макфарлейну [22; 23], утверждает, что кардинальных изменений не происходило. Изменения в семейных отношениях, высказывает своё мнение П. Коллинсон, не происходят резко, и отсюда, по его предположению, напрашивается также вывод, что протестантская Реформация в культурной истории Западной Европы представляла собой определенный континуум, а не совершенно новый этап. В эпоху Реформации активизировались размышления на темы, уже присутствовавшие в европейской культуре: о спасении, о вложении денег, возможно, также и на тему об общественной роли семьи, причём именно благодаря Реформации эти темы вышли на первый план и окончательно утвердились как важные для европейской культуры. В то же время исследователи рассматривают пуританизм как логическое продолжение протестантизма и результат полного внутреннего духовного усвоения тех выводов, которые из него следовали. Пуританизм имел признаки настоящей, а не навязанной сверху Реформации в Англии [5, p. 92 – 93].

С началом Реформации проповедавались идеи о том, что все культурные проявления, народные песни должны быть религиозно окрашенными. Все учения и практики, искусство, не основывавшееся на Св. Писании, трактовались как ложь и ложная религия. Исследователи заявляли даже, что один из родоначальников английского протестантизма Уильям Тиндейл ненавидел литературу и больше всего, кроме католиков, ненавидел поэтов. В 1550-е годы в народе были распространены антикатолические песни, за которые в правление Марии Тюдор стали преследовать. П. Коллинсон советует обратить внимание на это историкам-ревизионистам, которые утверждают, что в народе медленно и неохотно воспринимали реформационные идеи. Распространилась практика, когда на мотив популярной песни светского содержания сочинялась и распространялась песня духовного содержания, чтобы вытеснить первую. Первое и второе поколение английских протестантов ещё не испытывали враждебности к светской культуре и зрелищам как таковым и возражали лишь против того, что с их помощью распространяются папизм и предрассудки. В 1530 – 1940-е годы английский протестантизм не чувствовал противоречий с культурой улицы и с деятельностью пивных и виноторговцев. О Библии спорили в пивных, и протестанты даже заявляли, что участники таких споров сильно не напиваются. При Марии Тюдор протестанты тайно собирались в разных гостиницах в Лондоне, и перед проповедью в них свободно подавали и потребляли напитки, и только в дальнейшем протестанты стали чуждаться питейных заведений, осуждая даже товарищеские компанейские выпивки. Со времени около 1580 года усилились нападки английских протестантов на светскую культуру, что особенно наглядно видно на примере театра. Началось также существенное (хотя и не ставшее полным) расхождение между светской и духовной музыкой.

Но впоследствии произошла интеграция английской культуры с этими протестантскими установками – английская культура изменилась вследствие воспринятых ею протестантских влияний. Под влиянием Реформации стал происходить переход от устной и визуально-образной культуры к культуре печатного слова, одним из выражений которого в религии стал выход на первый план проповеди вместо совершения таинств. К началу XVII века театральные постановки по стране начали прекращаться властями. Актерам даже платили за то, чтобы они ушли из города, а граждан города штрафовали, если они куда-нибудь ходили на театральные представления. Для пуритан было грехом развешивание гирлянд на майских шестах, даже охота с ястребом, травля оленя, игра в шахматы, ношение локонов. Практически единственными формами признававшегося пуританами достойного проведения досуга были занятия стрельбой из лука и упражнения, которые развивали военные умения [5, p. 95 – 97, 102 – 109; 2, p. 67].

По предположению П. Коллинсона, трудно отделаться от впечатления, что Кальвин с большим предубеждением относился к музыке, поскольку знал, что музыка оказывает огромное влияние на человеческие души и сердца, что ещё сильнее проявилось у кальвинистов и пуритан. Нападки пуритан на театр внезапно начались в 1577 году. Театры, с одной стороны, составляли определённую конкуренцию проповеднической кафедре, и в некоторой степени были угрозой для общественного порядка, но мотивы пуритан в их выступлениях против театра, по словам П. Коллинсона, «выглядят инстинктивными, даже сублимированными». Основными аргументами для осуждения театра у пуритан были критика драматических постановок как лжи с особыми возражениями против трансвеститов в исполнении женских ролей мальчиками (в Ветхом Завете Второзаконие 22:5 бескомпромиссно осуждает трансвестизм); отвращение к непристойностям – к эротичности некоторых театральных сцен; обвинения в идолопоклонничестве тех, кто смотрел театральные зрелища. Пуритане особенно осуждали пьесы на религиозные темы. Постановка пьес на библейские темы стала незаконной после издания в 1605 году Акта о богохульстве. В 1637 году против театров опубликовал свое сочинение «*Histrio-mastix*» Уильям Принн, но до 1642 года пуритане не могли закрыть театры, что фактически способствовало секуляризации английского театрального искусства [5, p. 112].

Примерно с 1580 года протестанты в Англии с осуждением стали относиться также к изобразительным искусствам, подвергнув критике реалистические картины на религиозные сюжеты, а также баллады на религиозные темы. Издания Библии почти перестали сопровождать иллюстрациями, и стала даже хуже развиваться книжная иллюстрация в английской культуре. С 1600 года в течение нескольких десятилетий протестантская Англия вышла на стадию, которую П. Коллинсон называет «иконофобией», когда отвергались все изображения на основе прямого следования второй библейской заповеди. В начале XVI века в английской культуре существовала ситуация, когда человек из социальных низов в том случае, если оказывалось, что у него в собственности есть хотя бы од-

на книга (фактически любого содержания), попадал под подозрение в ереси лоллардизма. К 1600 году сложилось положение, когда владелец картины (тоже практически на любую тему) мог быть заподозрен в принадлежности к католицизму, и большинство лиц даже в высших классах английского общества не имели картин и скульптур, не стало даже детских книг с картинками. Символику распятия в общественных местах заменили королевские гербы [5, p. 117 – 118].

При Якове I и особенно Карле I, как отмечали историки, происходит некоторое возрождение изобразительного искусства под влиянием арминиянства, а также реализации программы повышения значения литургии в службе, которую проводил архиепископ Лод, так что можно утверждать, что лодиянство имело определенную эстетику [5, p. 119; 31]. Но кальвинизм всё же не убил образность в мышлении, даже если ставил это своей целью, и библейская образность достаточно широко распространилась в английском протестантском обществе, в том числе и у тех, кто оставался неграмотным, так что в протестантском обществе П. Коллинсон не находит культурного барьера между социальными верхами и низами. Протестантская религиозность стала в конце XVI века утверждаться и в армии, где проповеди и пение псалмов были введены ещё до Английской революции середины XVII века [5, p. 121, 130, 148].

Пуритане стремились все важнейшие социальные связи устанавливать в кругу тех, кого считали достойными. Шедший в Англии религиозно-культурный конфликт, как считает П. Коллинсон, даже с большим основанием можно называть религиозной войной, чем религиозные войны на континенте, так как на континенте в религиозные войны вплеталось много мотивов, а неприятие англичанами друг друга происходило именно по религиозным мотивам, когда раскалывались приходы, и люди не общались друг с другом по религиозным причинам. В то же время пуритане сохраняли определенный компромисс с теми, кого называли «пленёнными плотью» и «безбожными» [5, p. 149].

Достижение пуританами своих целей было затруднено тем, что разделявшие их идеи лица лишь в некоторых районах Англии имели власть только на местном уровне. Даже когда пуритане после окончания военных действий в гражданской войне явно получили власть в стране, они не нашли эффективного средства, чтобы навязать свою волю и манеры поведения всему населению страны, поскольку исчезли общая церковная дисциплина и церковные суды. Некоторые общины, в которых преобладали пуритане, в таких условиях приняли решение ограничить допуск к причастию, поскольку достойные причастия составляли меньшинство во всех общинах. После реставрации Стюартов в 1660 году такие группы избранных часто были вынуждены уйти в более или менее отчужденный конформизм. Дальнейшее развитие английского протестантизма принесло такое плюралистическое разнообразие, которого английские протестанты не хотели и не ожидали. Его продуктами стали установленная церковь, неконформизм диссентеров и английский католицизм [5, p. 154; 20].

По мнению Дж. Горинга, можно утверждать, что на рубеже XVI – XVII вв. начинается разрыв между народными праздниками и жизнью приходской церкви. Иногда народные праздники исчезали по чисто экономическим причинам – по мере роста цен дорожали еда и напитки, и расходы на их проведение не окупались. Но в XVII веке всё же народные праздники отмирали не только по экономическим причинам, поскольку многим англичанам они теперь определённо не нравились. С 1580-х годов против распространённых в народе форм проведения досуга начало кампанию духовенство, осуждая, например, игру в футбол, поскольку она нередко оборачивалась «дракой в дружеской форме» [28, p. 184]. Некоторые историки утверждали, что, в то время как спорт оставался популярным среди представителей социальных низов, более состоятельные люди, имевшие деловые интересы и собственность, которая могла пострадать от буйных форм народного отдыха, относились к этой форме проведения времени без энтузиазма и были озабочены, прежде всего, поддержанием общественного порядка [3, p. 155 – 157, 175 – 177]. Исследователи в то же время обращают внимание на то, что отношение более состоятельных социальных групп к народной культуре всё же не было однозначно осуждающим: например, в Лидсе против запрещения праздников выступали наиболее состоятельные ремесленники и торговцы в городе, в городе Стратфорде за сохранение праздников высказывались местные джентльмены, йомены, состоятельные ремесленники [10, p. 841 – 842]. Дж. Горинг придерживается мнения, что не следует, как К. Хилл, считать, что низшие классы рассматривали возможность потанцевать у майского шеста как символ своей независимости от социальных верхов [14, p. 184]. П. Коллинсон пишет, что рассмотрение подавления народных форм проведения досуга как проявления классовой борьбы означает признание появления ещё в начальный период раннего нового времени пока не существовавшей реально острой степени поляризации в английской культуре, поскольку «невозможно утверждать, что выпивка в это время доставляла удовольствие только представителям социальных низов, или только дети бедняков любили предаваться шумным играм по воскресеньям» [6, p. 182; 4, p. 207 – 221].

Первым случаем сноса пуритански настроенными лицами майского шеста, как считает Дж. Горинг, было происшествие 14 мая 1572 года в Уорблtone, приходе в вересковых полях Суссекса. Вообще же первый известный случай сноса майского шеста протестантами произошел в Лондоне в 1549 году после проповеди против идолопоклонства, произнесенной у собора Св. Павла. При этом трудности для пуритан представлял текст из Книги Экклезиаста, в котором говорилось, что есть время для скорби и есть время для танца – текст Св. Писания не санкционировал абсолютное подавление развлечений. Фактически среди духовенства в Англии было немало тех, кто защищал танцы [11, p. 24; 12, p. 345 – 366].

Специалисты по исторической демографии утверждают, что подавление майских шестов не было действенным способом уменьшения количества рождавшихся внебрачных детей, но в XVI – XVII вв. лю-

ди обычно думали, что танцы вокруг майского шеста способствуют внебрачным связям [21, р. 259]. Те, кто участвовал в народных празднествах, по мнению пуритан, нарушали четвертую и седьмую заповеди (обязательное посещение церкви по воскресеньям и запрет внебрачных связей), а то и сразу все Десять заповедей. У современников также появилось ощущение, что те, кто уделяет время участию в таких праздниках, тратит время впустую, изнуряет силы, а на те средства, которые идут на театральные представления, лучше накормить нищих. Стали даже жалеть брать хорошие деревья для использования их в качестве майских шестов, чтобы уберечь лес. Оправданием к существованию народных развлечений было то, что они поддерживали дух товарищества и добрые отношения между жителями одного поселения. К 1630-м годам лозунг о необходимости сохранения добрососедства стал способом сплочения защитников народных традиций от давления со стороны пуритан [11, р. 13 – 16].

Опираясь на материалы церковных визитаций, историки установили, что среди церковных должностных лиц тоже были противники наиболее буйных проявлений народной культуры. Первым начал кампанию против народных развлечений с 1571 года архиепископ Гриндел в Йоркской церковной провинции, а в 1580-х годах его примеру последовали епископы Честера, Чичестера, Ковентри и Личфилда, Герефорда и Линкольна [16, р. 271; 17, р. 110; 18, р. 166, 194, 220, 228]. Современники также связывали распространение народных празднеств в разных районах Англии с влиянием католицизма в этих районах и считали, что католики поощряют эти празднества. Но некоторые из числа католиков, испытавших влияние посттридентского католицизма, были так же враждебно настроены по отношению к народным традициям, как и самые ярые протестанты [11, р. 19]. После начала Реформации под влиянием полемики с протестантами изменился и идейный отношение также и католицизм, что проявилось как на европейском континенте, так и в Англии.

Литература

1. Anderson, M. Approaches to the History of the Western Family 1500 – 1914 / M. Anderson. – London, 1980.
2. Bone, G. D. Tyndale and the English Language / G. D. Bone // Greenslade, S. L. The Work of William Tyndale. – London, 1938.
3. Clark, P. English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent, 1500 – 1640 / P. Clark. – Hassocks, 1977.
4. Collinson, P. The Beginnings of English Sabbatarianism / P. Collinson // C. W. Dugmore and C. Duggan (Eds.). Studies in Church History. – London, 1964. – Vol. I.
5. Collinson, P. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries / P. Collinson. – New York, 1988.
6. Collinson, P. Cranbrook and the Fletchers / P. Collinson // Brooks, P. N. (Ed.). Reformation Principle and Practice. – London, 1980.
7. Collinson, P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559 – 1625 / P. Collinson. – New York, 1982.
8. Davies, K. M. Continuity and Change in Literary Advice on Marriage / K. M. Davies // Outhwaite, R. B. (Ed.). Marriage and Society: Studies in the Social History of Marriage. – London, 1981.
9. Flinn, M. W. The European Demographic System 1500 – 1820 / M. W. Flinn. – Brighton, 1981.
10. Fripp, E. I. Shakespeare, Man and Artist / E. I. Fripp. – Oxford, 1938.
11. Goring, J. Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism and Popular Culture in Pre-Civil War England / J. Goring. – London, 1983.
12. Goring, J. The Reformation of the Ministry in Elizabethan Sussex / J. Goring // JEH. – 1983. – Vol. XXXIV.
13. Hanawalt, B. H. The Ties that Bound: Peasant Families in Medieval England / B. H. Hanawalt. – New York, 1986.
14. Hill, C. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England / C. Hill. – London, 1964.
15. Houlbrooke, R. A. The English Family 1450 – 1700 / R. A. Houlbrooke. – London, 1984.
16. Kennedy, W. P. M. Elizabethan Episcopal Administration. Alcuin Club Collections / W. P. M. Kennedy. – Vol. XXV – XXVII. – London, 1924. – Vol. II.
17. Kennedy, W. P. M. Elizabethan Episcopal Administration. Alcuin Club Collections / W. P. M. Kennedy. – Vol. XXV – XXVII. – London, 1924. – Vol. III.
18. Kennedy, W. P. M. (Ed.). Visitation Articles and Injunctions. Alcuin Club Collections / W. P. M. Kennedy. – Vol. XVI. – London, 1910. – Vol. III.
19. Knox, R. Enthusiasm: A Chapter in the History of Religion / R. Knox. – Oxford, 1950.
20. Lamont, W. Richard Baxter and the Millenium: Protestant Imperialism and the English Revolution / W. Lamont. – London, 1979.
21. Laslett, P. Oosterveen, K. Long-Term Trends in Bastardy in England / P. Laslett, K. Oosterveen // Population Studies. – 1973. – Vol. XXVII.
22. Macfarlane, A. The Family Life of Ralph Josselin, A Seventeenth-Century Clergyman. An Essay in Historical Anthropology / A. Macfarlane. – Cambridge, 1970.
23. Macfarlane, A. Marriage and Love in England: Modes of Reproduction, 1300 – 1840 / A. Macfarlane. – Oxford, 1986.

24. Seaver, P. S. Wallington's World: A Puritan Artisan in Seventeenth Century London / P. S. Seaver. – Stanford, 1985.
25. Sloane, W. Children's Books in England and America in the Seventeenth Century / W. Sloane. – New York, 1955.
26. Sommerville, J. English Puritans and Children: A Social-Cultural Explanation / J. Sommerville // Journal of Psycho-History. – 1978 – 1979. – Vol. VI.
27. Stone, L. The Family, Sex and Marriage in England, 1500 – 1800 / L. Stone. – London, 1977.
28. Stubbes, P. Anatomy of Abuses / Ed. F. J. Furnivall / P. Stubbes. – London, 1877 – 1879.
29. Todd, M. Christian Humanism and the Puritan Social Order / M. Todd. – Cambridge University Press, 1987.
30. Todd, M. Humanists, Puritans and the Spiritualized Household / M. Todd // Church History. – 1980. – Vol. XLIX.
31. Tyacke, N. Anti-Calvinists: the Rise of English Arminianism c. 1590 – 1640 / N. Tyacke. – Oxford, 1987.

Информация об авторе:

Ерохин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного гуманитарного университета, erohin_vladimir@inbox.ru.

Vladimir N. Yerokhin – Doctor of History, Professor at the Department of Documentation Studies and Universal History, Nizhnevartovsk State University for Humanities.

УДК 94(430).087

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ГЕРМАНИИ (1945 – 1949 гг.)

Е. А. Жаронкина

SOME ASPECTS OF SOCIAL POLICY OF THE AMERICAN MILITARY GOVERNMENT IN GERMANY (1945 – 1949)

E. A. Zharonkina

Система образования и молодежная политика были важными направлениями деятельности американской военной администрации в социальной сфере. В статье анализируются проблемы, с которыми сталкивались американские оккупационные власти при возобновлении деятельности образовательных учреждений, выделены основные принципы образовательной политики. Большое значение военная администрация придавала работе с молодежью, организации молодежного досуга, поощряла создание различных молодежных объединений.

The educational system and youth policy were important spheres in the social policy of the American military government. The paper focuses on the problems which the American occupation authorities faced when renewing the activity of educational institutions; the basic principles of educational policy are emphasized. The military government put big emphasis on work with youth, the organization of youth's leisure, and encouraged the creation of various youth associations.

Ключевые слова: оккупация, военная администрация, социальная политика, образование, школьная реформа, молодежная политика, демократизация.

Keywords: occupation, military government, social policy, education, school reform, youth policy, democratization.

Социальная политика является неотъемлемой частью внутренней политики государства, его важнейшей сферой деятельности. От активности государства в этом направлении, от эффективности реализуемых им социальных программ во многом зависит политическая стабильность общества, гармония общественных отношений. В Германии, разделенной после окончания Второй мировой войны на оккупационные зоны, ответственность за осуществление социальных преобразований легла на плечи четырех держав-победительниц, одной из которых были США.

В первые послевоенные месяцы перед американской военной администрацией в Германии (АВАГ) встали очень непростые задачи. Разрушения, вызванные войной, голод, опасность распространения эпидемий и массовых беспорядков поставили оккупационные власти перед необходимостью принимать

срочные меры для решения этих проблем. Однако АВАГ приходилось преодолевать не только экономические трудности. Пристального внимания военной администрации требовали и такие направления социальной политики, как система образования и работа с молодежью, которые американские оккупационные власти рассматривали как составные элементы политики «перевоспитания» немцев (позже «переориентации») и в более широком плане демократизации страны – одной из главных задач, стоявших перед АВАГ.

Оккупационные власти прилагали большие усилия для возобновления деятельности образовательных учреждений. АВАГ поставила перед собой задачу начать учебный год в школах и вузах как можно скорее. Не последнюю роль в этом играло желание уберечь детей и подростков от улицы, предотвратить распространение преступности среди несовершеннолетних.

Между тем при решении этой задачи американской администрации приходилось сталкиваться с колоссальными трудностями.

Пожалуй, самой главной проблемой для сферы образования была проблема острой нехватки преподавательских кадров. В 1945 году на одного преподавателя приходилось 82 ученика (при максимально желательном количестве 35 – 40) [8, с. 22]. В первую очередь такая ситуация была связана с денацификацией. Оккупационные власти относились к этому вначале очень строго, так как от этого во многом зависели воспитание молодого поколения, а также успех АВАГ по демократизации в целом. Как сообщалось в отчете военного губернатора за сентябрь 1945 года, в некоторых районах американской зоны около 80 – 85 % учителей подлежали увольнению из-за их принадлежности к нацистской партии, а в среднем этот процент колебался в пределах 50 – 70 [9, с. 5]. Это грозило вылиться в серьезную организационную проблему. Поэтому преподавательский состав оккупационные власти пополняли или за счет молодежи, например студентов, или за счет пожилых людей, причем к этому привлекались и представители других профессий. К тому же после прохождения денацификации многие преподаватели восстанавливались на своих местах как номинальные нацисты [7, с. 291].

Не менее плачевной была ситуация и с учебниками, особенно по истории, географии и литературе. «Учебники были настолько пропитаны нацистской идеологией, что даже задачи по математике были выражены в военных терминах. Немецкая молодежь училась складывать и вычитать оружие и пули, а не яблоки и апельсины», – отмечал заместитель военного губернатора (с 15 марта 1947 года военный губернатор) американской оккупационной зоны Л. Клей [1, с. 14 – 15]. Военная администрация изыла все нацистские учебники, а взамен следовало выбрать и перепечатать учебники периода Веймарской республики или написать новые, что при недостатке бумаги и разрушенных типографиях было крайне тяжело. В 1945 году власти смогли издать только 3 учебника тиражом 38 тысяч экземпляров, а к концу 1948 года было издано уже 885 учебников тиражом более 20 млн экземпляров [11, с. 284].

Еще одной задачей, которую приходилось решать американским властям, была нехватка помещений и школьного оборудования: парт, мебели, досок и т. д. Многие школьные здания были полностью или частично разрушены бомбежкой, те же, что оставались неповрежденными, использовались как госпитали, как лагерь для беженцев или перемещенных лиц, или были реквизированы для нужд оккупационной администрации. В некоторых районах из-за нехватки классных комнат учащиеся могли посещать школу только два часа в день, а зимой из-за дефицита топлива для обогрева многие школы временно приостановили занятия. Некоторые дети не имели даже подходящей одежды и обуви, чтобы ходить в школу.

Несмотря на эти трудности, в октябре 1945 года во многих школах и вузах американской зоны начались занятия. К февралю 1946 года было открыто 84 % начальных и 65 % средних школ, действовавших в 1937 году. Открывались профессионально-техниче-

ские школы и школы для взрослых, к июлю 1946 года было открыто 42 учебных заведения для учителей. Приступили к занятиям шесть из семи университетов, находившихся в американской зоне (в Гейдельберге, Марбурге, Франкфурте, Вюрцбурге, Эрлангене, Мюнхене). Университет в Гиссене был преобразован в сельскохозяйственный и ветеринарный колледж. К началу 1949 года действовало уже 43 различных высших учебных заведения, где получали образование более 61 тысячи человек [11, с. 283].

Летом 1946 года по приглашению Л. Клея американскую зону посетила комиссия американских экспертов в области образования в составе 10 человек под руководством Джорджа Ф. Зука, президента американского Совета по образованию. Во время своего четырехнедельного тура по американской зоне они посещали различные образовательные учреждения, проводили совещания с правительствами земель, встречались с учащимися и учителями. По итогам поездки в октябре 1946 года комиссия подготовила отчет, в котором изложила свои рекомендации, переведенные в первой половине 1947 года в официальные инструкции и послужившие основой для дальнейших проектов реформирования системы образования в американской зоне [13, с. 216 – 220].

Итак, в своей образовательной политике АВАГ исходила из следующих принципов: равный доступ всех немцев к образованию; бесплатное обучение и бесплатные учебники во всех общественных школах, а также стипендии для тех, кто нуждался в материальной помощи; первые шесть лет обучения приравнивались к начальной школе, а классы с 7 по 12 рассматривались как средняя школа, причем начальная и средняя школы должны были стать двумя последовательными ступенями в образовании, а не двумя разными его видами; каждый школьник в возрасте от 6 до 15 лет был обязан посещать все школьные занятия, для юношей и девушек от 16 до 18 лет допускалась возможность частичного посещения; школы должны были обеспечить медицинское наблюдение учащихся и вести пропаганду здорового образа жизни; все учителя должны были иметь университетское или высшее педагогическое образование; акцент в школьных программах должен быть сделан на воспитании гражданской ответственности и формировании демократических взглядов [14, с. 548 – 549]. Эти положения соответствовали принятой 25 июня 1947 года директиве Контрольного Совета № 54 «Основные принципы по демократизации образования в Германии» [2, с. 550].

Ответственность за управление образованием и разработку школьной реформы в американской зоне была передана в руки местных немецких властей, военная администрация сохранила за собой функции надзора и контроля над их деятельностью. Так, например, требовалось обязательное предварительное одобрение со стороны АВАГ для учебных планов, учебников и учебных материалов, образовательных программ, уставов образовательных учреждений, основания или повторного открытия учебных заведений и др.

В течение 1947 года немецкие земельные правительства дважды представляли на рассмотрение окку-

пационных властей свои проекты школьной реформы, и дважды американская администрация их отклоняла или отправляла на доработку как несоответствующие принципам, изложенным в американских и союзных директивах. Особенно неудовлетворительным был проект, представленный Баварией, который АВАГ сочла «реакционным и нарушающим большинство демократических принципов директивы Контрольного Совета № 54» [12, с. 556]. Так, в баварском проекте сохранялось платное обучение и платные учебники, не предполагалось введение новой шестилетней начальной школы и вообще игнорировалось большинство из предложенных американцами принципов. Тогда после нескольких неудавшихся попыток убедить баварский кабинет изменить свой проект и ввести бесплатное обучение в школах военная администрация была вынуждена оказать на него прямое давление, после чего необходимые исправления (правда, с определенными оговорками) были все-таки сделаны.

Важное значение в своей деятельности оккупационные власти придавали работе с молодежью. За годы нацистской диктатуры выросло целое поколение молодых людей. Поражение во Второй мировой войне привело к крушению всех их иллюзий, то, во что они верили, было опровергнуто или дискредитировано. Роспуск Гитлерюгенда и других подобных организаций, запрещение военной подготовки оставили немецкую молодежь без ставших для нее привычными форм проведения досуга, а также без контроля и руководства [3, с. 94 – 96]. Учебные заведения же в первые месяцы оккупации не могли в полной мере выполнять свои воспитательные функции или организовывать свободное время учащихся: классы были переполнены, не хватало преподавателей, помещений и т. д.

Перед АВАГ встала непростая задача организации молодежного досуга не только с целью избежать деморализации молодежи и распространения в ее среде преступности, но и защитить молодежь от нежелательного для американцев влияния каких-либо политических групп или идеологической обработки. Оккупационные власти хотели привить молодым немцам свои морально-этические принципы, создать новые социальные и политические стимулы, а также преодолеть их страх, недоверие и неуверенность и склонить их к активному участию в переустройстве страны.

В октябре 1945 года АВАГ разрешила молодым людям в возрасте от 10 до 25 лет создавать на местах различные добровольные группы и объединения по интересам. Они могли быть образованы или как независимые группы, или при сотрудничестве с политическими, гражданскими, религиозными или другими взрослыми организациями [15, с. 579]. Для координации и планирования их деятельности создавались специальные молодежные комитеты из местных граждан, ответственность за организацию и работу которых возлагалась на министра культуры каждой земли. В свою очередь военная администрация назначала в землях и американском секторе Берлина ответственных лиц с контролирующими и административными функциями, которые в случае несоблюдения молодежной группой инструкций оккупационных властей

могли ее распустить. Кроме этого в их задачи входило оказание помощи молодежным комитетам, а также поддержание контактов между комитетами и АВАГ.

В целом молодежная политика оккупационных властей оказалась довольно успешной. Если в сентябре 1946 года в различных молодежных группах и организациях состояло почти 500 тысяч молодых немцев, то к октябрю 1948 года их численность увеличилась почти до 1 миллиона 400 тысяч человек. К этому времени в американской зоне действовало уже около 9800 различных групп [10, с. 37]. Около 40 % юношей и девушек были зарегистрированы в религиозных группах (примерно 25 % в католических и 15 % в протестантских), почти такой же процент молодежи входил в спортивные организации (прим. автора: *В американской оккупационной зоне некоторые спортивные виды были под запретом. К ним относились: авиационный, парашютный и планерный спорт, фехтование, стрельба из огнестрельного оружия, а также военные или военизированные учения или демонстрации. См.: Military Government Regulations, Title 8, Part 7: Sport Organization and Activities, 14 March 1947 // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. – Washington: United State Department of State, 1950. – P. 585*), третьими по численности были представители профсоюзных групп. Помимо этих существовали культурные и скаутские организации, группы занимающиеся туризмом, «друзья природы», «свободная немецкая молодежь», социалистическое молодежное движение и другие. Были вновь открыты молодежные общежития и молодежные центры, летние лагеря, проводились спортивные состязания [5, с. 36]. Молодежь имела возможность обсуждать свои проблемы на межзональных встречах и конференциях.

Большой популярностью среди молодежи пользовались так называемые Американские Информационные центры, или как их еще называли «Америка Хаус» (Amerika Haus), которые, по мнению оккупационных властей, должны были познакомить немцев с американской историей, культурой, традициями. Первый такой центр был открыт в Бад Хомбурге в июле 1945 года, а затем и во всех крупных городах американской зоны: Франкфурте, Мюнхене, Штутгарте, Висбадене, Нюрнберге, Бремене, американском секторе Берлина и др. В середине 1949 года действовало уже 25 Информационных центров и более сотни их филиалов («читальных залов») в небольших городах зоны.

Каждый информационный центр имел в своем распоряжении несколько тысяч книг (в среднем 5 – 7 тысяч) самых разнообразных жанров: художественные, исторические, научные, медицинские и др., до сотни наименований различных журналов, газеты, тысячи всевозможных брошюр, буклетов, информационных бюллетеней и т. д., доставленных из США. Немцы, не умеющие читать по-английски, имели возможность читать американские книги в переводе (завезенные из Швеции или Швейцарии), смотреть иллюстрированные журналы, сотни разнообразных фотографий, а также десятки киноплёнок образовательного и информационного содержания.

Информационные центры вызывали интерес не только у молодежи, но и у представителей старшего

поколения немцев. Открытый в мае 1946 года информационный центр во Франкфурте еженедельно посещало не менее 1300 человек [18, с. 5]. Один из посетителей информационного центра в Мангейме в письме редактору американской газеты «Нью Йорк Геральд Трибьюн» писал: «Немцы признательны американцам не только за продукты питания, которые мы получаем от них, но и за духовную пищу, которую мы с таким же успехом извлекаем из «Америка Хаус»» [6, с. 12].

Постепенно «Америка Хаус» становились одним из центров культурной, интеллектуальной и просветительской деятельности. Немецкие ученые, писатели, артисты имели возможность открыто выступать и излагать свою точку зрения практически по всем аспектам немецкой общественной и культурной жизни. В Информационных центрах регулярно проводились собрания и пресс-конференции, на которых служащие военной администрации выступали по экономическим, политическим, хозяйственным, трудовым и многим другим аспектам оккупационной политики. Вниманию немцев предлагались лекции самой разнообразной тематики: по истории, культуре, международным вопросам. Много лекций было посвящено американской проблематике: «Образование в Америке», «Европа глазами американских студентов», «Роль женщин в Америке», «Роль американской помощи в международных отношениях» и др. В Информационных центрах были организованы курсы изучения английского языка, проходили чтения и обсуждения литературных произведений. Л. Клей в своих мемуарах отмечал: «Я не представляю себе никакого более конструктивного влияния осуществленного нашей оккупацией, чем эти центры» [1, с. 286].

Еще одним направлением работы АВАГ с немецким населением, в том числе и молодежью, была реализация программы культурного обмена, которая давала возможность не только теоретически познакомиться с американской моделью государственного и общественного устройства, демократическим опытом, но и видеть их в действии. Это решение было принято в Вашингтоне еще в октябре 1946 года, и с середины 1948 года началось практическое осуществление этой программы [17, с. 611 – 612].

В чем она заключалась? В Соединенные Штаты Америки на срок от нескольких недель до нескольких месяцев отправлялись небольшие группы немцев (от 5 до 20 человек), куда входили представители разных профессий и слоев общества. Это были государственные служащие, профсоюзные деятели, представители от политических партий, женских и религиозных организаций, учителя, врачи, журналисты, деятели культуры и искусства, студенты и др. (прим. автора: *В ав-*

густе 1947 года немцы в американской оккупационной зоне получили возможность посещать не только Соединенные Штаты Америки, но и другие страны. Соответственно и граждане этих стран могли посещать американскую оккупационную зону).

К отбору кандидатов для участия в этой программе оккупационные власти подходили очень серьезно, при этом они руководствовались следующими критериями: кандидаты должны были в достаточной мере владеть английским языком или языком той страны, куда они направлялись, они не должны были использовать эти поездки в коммерческих интересах, предпочтение отдавалось в первую очередь тем, кто рекомендовал себя как противник нацизма. Каждую кандидатуру вслед за АВАГ должны были одобрить военное министерство и государственный департамент. На конференции для персонала военной администрации в Бертехсгадене в октябре 1948 года генерал Клей подчеркнул: «мы можем сделать очень грубые ошибки в нашей программе, если тщательно не выберем людей, которых мы знаем лично, и которым мы доверяем» [4, с. 616].

Знакомство немцев с американским опытом работы в самых различных сферах общественной жизни и расширение их профессиональных навыков не были единственной целью этой программы. Пожалуй, свои самые главные ожидания американские власти связывали с тем, чтобы немцы, видя американскую жизнь и американское общество, могли по возвращении домой перенести этот опыт на немецкую почву и в дальнейшем способствовать политике оккупационных властей в работе с населением. И немецкой молодежи отводилась в этом не последняя роль. Эдвард Литчфилд, глава Отдела гражданской администрации ОМГУС и один из разработчиков этой программы, весной 1949 года заявил об этом так: «Мы ожидаем, что когда немцы, участвующие в программе обмена вернутся домой, они смогут сказать своим коллегам во многих сферах деятельности: «Я там был. Это хорошо. Я это видел. Я знаю» [16, с. 98].

Реформирование образовательной системы и молодежная политика были важными направлениями деятельности американских оккупационных властей в послевоенной Германии. С системой образования военная администрация связывала свои надежды на переориентацию немцев, считала его важным фактором развития демократии. Свою молодежную политику АВАГ осуществляла исходя из этих же принципов. Поощряя создание молодежных объединений, оккупационные власти рассматривали их не только как средства отдыха, развлечений и самовыражения, но более всего как метод перевоспитания и контроля.

Литература

1. Clay, L. D. Decision in Germany / Lucius D. Clay. – New York: Doubleday & Company, Inc., 1950. – 505 p.
2. Control Council Directive № 54: Basic Principles for Democratization of Education in Germany, 25 June 1947 // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. – Washington: United State Department of State, 1950. – 631 p.
3. Control Council Law № 8: Elimination and Prohibition of Military Training, 30 November 1945 // Occupation of Germany: Policy and Progress 1945 – 1946 / U. S. Department of State, Publication 2783. – Washington: D. C. Government Printing Office, 1947. – 241 p.
4. Excerpts from Report of Military Governor // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. – Washington: United State Department of State, 1950. – 631 p.

5. German youth between yesterday and tomorrow, 1 April 1947 – 30 April 1948 // Office of Military Government. Education and Cultural Relations Division. – 1948. – 45 p.
6. Information Bulletin: Magazine of U. S. Military Government in Germany // Office of Military Government for Germany (U. S.), Control Office, APO 742, US Army. – November – 1948. – № 148.
7. Menck, C. The problem of reorientation / C. Menck // The struggle for democracy in Germany. – Chapel Hill: The University of North Carolina press, 1949.
8. Monthly Report of the Military Governor. – 20 February. – 1946. – № 7.
9. Monthly Report of the Military Governor. Denazification. – 20 October. – 1945. – № 3.
10. Monthly Report of the Military Governor. – January. – 1949. – № 43.
11. Monthly Report of the Military Governor. Statistical Annex. – July. – 1949. – № 49. – P. 284.
12. Submission of Long-Term Reform Plans by the Four Laender to Military Government: Excerpt from Report of Military Governor // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. – Washington: United State Department of State, 1950. – 631 p.
13. Summary of Recommendations of the Education Mission to Germany, 12 October 1946 // Occupation of Germany: Policy and Progress 1945 – 1946 / U. S. Department of State, Publication 2783. – Washington: D. C. Government Printing Office, 1947. – 241 p.
14. Synopsis of Military Government Directives on School Reform: Excerpt from Report of Military Governor // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. – Washington: United State Department of State, 1950. – 631 p.
15. United States Policy on German Youth Activities: Policy Statement, 8 January 1947 // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. – Washington: United State Department of State, 1950. – 631 p.
16. Van Riper Paul P. The Cultural Exchange Program // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – Philadelphia, 1950. – Vol. 267. – P. 98 – 105.
17. Visits of German Nationals to the United States and of Persons from the United States to Germany: Policy Statement, 24 October 1946 // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. – Washington: United State Department of State, 1950. – 631 p.
18. Weekly Information Bulletin / Office of the Assistant Chief of Staff, G-5 Division USFET, Information Branch. – July 1947. – № 100.

Информация об авторе:

Жаронкина Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, zharonkina@mail.ru.

Elena A. Zharonkina – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

УДК 94“16”(4/9)

ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Т. И. Зайцева

RULING ELITE OF FRANCE AND GERMANY IN THE BEGINNING OF THE EARLY MODERN PERIOD: COMPARATIVE ASPECT

T. I. Zaytseva

В статье на основе имеющегося в исследовательской литературе материала делается сравнение правящей элиты Франции и Германии начала раннего Нового времени (первая половина XVI в.). Рассматриваются соотношение политических сил верховного правителя и крупных феодалов (французских грантов, немецких князей), примеры межличностных конфликтов и специфика их разрешения, структура института двора как основного пространства бытования изучаемой социальной группы.

The paper presents the comparison of the ruling elite of France and Germany in the beginnings of Early Modern period (first half of the 16th century) based of the material published in research literature. The author analyses: the parity of political forces of the supreme governor and powerful feudal lords (French grants, German princes), examples of interpersonal conflicts and specificity of their resolution, the structure of the court as the basic institution and domain of the studied social group.

Ключевые слова: правящая элита, Франция, Германия, начало раннего Нового времени, первая половина XVI в.

Keywords: ruling elite, France, Germany, the beginning of the Early Modern period, first half of the 16th century.

Цель настоящей публикации – на основании существующего в исследовательской литературе материала дать сравнительную характеристику правящей элите Франции и Германии начала раннего Нового времени

(первая половина XVI в.). Еще М. А. Барг писал о наличии в средневековом европейском обществе феодальной знати разного значения, от локальной до имперской; различии положения тех или иных слоев в государстве и местных обществах, специфике связей с королевской властью и нижестоящими слоями [1, с. 90]. В целом в средневековой земельной аристократии принято выделять три основные группы. Во-первых, это низшая знать – рядовое дворянство, рыцарство. Во-вторых, средняя знать – титулованное дворянство, графы и бароны. Наконец, высшая знать, которая может быть обозначена как правящая или властная элита.

К числу последней можно отнести как правителей крупных политических образований Европы (император, король), так и региональных властителей – князей или грантов. Высшая знать стояла особняком в рамках всего сословия светской аристократии. Именно в ее руках была сконцентрирована политическая власть, ведущие экономические и социальные позиции. М. А. Бойцов отмечает символическое и церемониальное выделение этой прослойки из общего круга знати [3, с. 47]. По мнению некоторых исследователей, высшая элита с ее космополитизмом, иерархической системой титулов, гербов и генеалогий и прочим играла роль подлинной аристократии [4, с. 264, 267].

В историографии четкое определение правящей элиты отсутствует, а ее социальное положение рассматривается двойственно. Принц или принадлежит к дворянской аристократии, или возвышается над ней и вообще над сословиями. Кроме того, исследователи считают, что в начале раннего Нового времени происходит эволюция от первого состояния ко второму. (Так, И. Эльфонд показала на французском материале, что, хотя правители XVI в. подчеркивали свою идентичность с дворянством, король в эту эпоху уже не являлся «первым дворянином»; не только он сам, но и весь его дом приобрели высокий, ни с чем не сравнимый социальный статус) [15, с. 91].

М. Блок отмечал, что социальная история отдельных европейских обществ, при всем сходстве, имела существенную специфику; аналогичные тенденции сталкивались с особенностями коллективной ментальности и правовых институтов. Эволюция иерархической сословной структуры по разные стороны границ государств и обществ шла в одном направлении; но различия в ходе и в результатах этой эволюции достигали такой степени, что становились почти равнозначны различиям в его природе, обнажая полярные и специфические черты в разных социальных средах [2, с. 80].

В средневековой Франции дворянство стояло на верхней ступени социальной лестницы, на протяжении веков все больше отделяясь от прочего, недворянского населения. При этом Р. Десимон считает отличительной чертой французской аристократии то, что представители всех его рангов считались равно благородными [6, с. 15].

Иерархию французской знати возглавлял король. Как указывает Н. Хеншелл, европейские монархии раннего Нового времени имели персональный характер, когда личность монарха накладывала отпечаток на весь характер правления [14, с. 96, 104, 172]. Ска-

занное в полной мере относится к Франции рассматриваемого периода. Характерны в этой связи оценки, даваемые деятельности Франциска I (1515 – 1547 гг.) историками-романтиками. Так, по словам О. Тьерри, тот правил, опираясь не столько на закон, сколько на свои желания и волю, интерес собственного могущества. В то же время, Тьерри не отрицает, что этому королю часто удавалось находить правильные решения, отвечавшие не только его интересам и славе, но и благу государства [13, с. 71]. В персоне правителя личное и политическое оказывалось неразрывно связано. О тесном слиянии судьбы короля и управляемой им страны писал Ж. Мишле, с точки зрения которого Франция находилась в плену вместе с Франциском, была больна, когда он болел, устремилась в пропасть, когда он роковым образом изменил направление политики [9, с. 4].

Высшее дворянство и принцы крови были известны во Франции под общим названием «гранты». В ходе развернувшейся с XV в. борьбы королевской власти с высшей знатью многие ранее политически независимые сеньоры были физически или политически уничтожены. Для оставшихся все труднее становилось сохранять свою независимость на местах, и гранты начали бороться за возможность подняться на высший уровень центрального управления. Поскольку во Франции основные решения по политическим и военным вопросам, как и распределение патроната осуществлялись при королевском дворе, представители высшей знати стали стремиться попасть на службу короне, проводя в столице все больше времени. В то же время они хотели вернуть феодальную Францию, разделив верховную власть, и широко использовали для этого не только свое влияние на местах, но и возможности придворных интриг [14, с. 28 – 29, 114].

Как пишет С. Д. Сказкин, самыми близкими по крови к королевскому дому и сильными семействами были Бурбоны, Алансоны и Орлеаны. У Бурбонов в начале XVI в. века имелись огромные владения в центре страны. Алансоны были небогаты. Орлеаны оказались после смерти бездетного Карла VIII на троне в лице предшественника Франциска I, Людовика XII. Многие влиятельные титулованные феодалы происходили с юга страны – Д'Альбре, Наварры, де Фуа и пр. [11, с. 152].

И. Эльфонд отмечает, что губернаторства, на которые была разделена французская провинция, в начале XVI в. имели еще неопределенные очертания; окончательно их территории сформировались лишь к концу столетия, обретя четкие контуры, совпадающие с границами исторических областей (Лангедок, Бургундия и др.). В центральной части королевства губернаторств не было. Здесь сохранились крупные феодалы (Неверы, Бурбон-Вандомы) и даже фактически удельные князья из правящей семьи (герцоги Алансонский и Анжуйский, герцогиня Беррийская; наваррские королевы) [15, с. 119]. Крупнейшие земельные владения во Франции давали внушительные доходы, вложения которых нередко использовались для расширения связей при дворе.

Для оценки положения и судеб высшей знати во Франции начала раннего Нового времени можно обратиться к фигуре принца крови Карла III Бурбона

(1490 – 1527 гг.), бывшего в 1515 – 1523 гг. коннетаблем Франции. Оказавшись после смерти жены одним из крупнейших землевладельцев страны, Карл был втянут из-за этого в конфликт с матерью короля. Недовольный отношением к себе правящей семьи в 1522 г. Карл вступил в тайные переговоры с Генрихом VIII и Карлом V. Франциск, узнав об этом, объявил Бурбона изменником и начал судебный процесс против него. Бывший коннетабль Франции был вынужден уехать из страны, где выступил против французской короны; он воевал в Италии на стороне императора против французов и погиб в Риме в 1527 г.

По мнению И. Эльфонд, ситуация с Бурбоном показывает, что во Франции не была изжита политическая оппозиция короне, что в полной мере проявил себя в гражданских войнах второй половины XVI в. Однако другие исследователи отмечают, что сам этот конфликт связан с процессом централизации, которому противоречил огромный авторитет Бурбона, и что это был едва ли не последний феодал, сумевший противостоять верховной власти [5, с. 63 – 64; 15, с. 87, 101 – 102; 16, р. 38].

В этом смысле показательна фигура другого аристократа, маршала и коннетабля Франции Анн де Монморанси (1492 – 1567 гг.). Представитель влиятельного феодального клана, Монморанси был крестным королевы Анны Бретонской, воспитывался вместе с Франциском I, а позднее неоднократно воевал рядом с ним. Однако в конце 1530-х гг. Монморанси попал в немилость к Франциску и сумел вернуть свое влияние только после его смерти. Судьбы этих двух людей позволяют оценить взаимоотношения высшего дворянства с королевской властью и меняющиеся границы их свободы. Как и рядовое дворянство, переживавшее процесс подчинения власти, высшая знать во Франции все в большей мере попадала в зависимость от короны [14, р. 33; 16, р. 39, 43].

Особую роль в аристократическом мире Франции раннего Нового времени играл королевский двор, являвшийся одним из самых важных монархических учреждений [11, с. 169]. В первые десятилетия он располагался в ряде центров на Луаре, а также в Дижоне, Лионе и некоторых других местах, когда в условиях войны нужно было быть ближе к границам; со второй трети века центром придворной жизни стал Париж и его предместья. Конечно, в XVI в. королевский двор еще не имел столь отработанного и, по словам французских историков Г. Се и А. Ребийона, «ригидного» этикета, как это будет в XVII в. [20, р. 180], однако образ жизни короля и придворной знати все больше отделяла пропасть от остальной страны. Многие ученые считают, что в жизни французского общества королевский двор получил особое значение именно со времени Франциска I, который положил немало усилий для формирования нового имиджа власти. Расширился придворный штат, сформировался определенный стиль жизни, в центре которого поместилась королевская семья [15, с. 168].

Княжеские дворы во Франции пережили в XVI в. серьезную трансформацию. Особое влияние герцогские дома и их окружение получили в XV в. Общеизвестны в этом отношении слава и значение бургундских герцогов или короля Рене Анжуйского. М. А. Бой-

цов пишет о том, что целый ряд придворных церемоний, распространившихся в Европе в позднее Средневековье, родившись в Италии, пришли сюда именно через посредство французских придворных центров [3, с. 490]. Однако при переходе к раннему Новому времени княжеские дворы во Франции в значительной мере потеряли самостоятельную политическую роль. Как отмечает Н. Хеншелл, в резиденциях вельмож по-прежнему было собрано местное дворянство, количество которого должно было быть достаточно большим, чтобы дом гранта сохранял политическое значение. Однако когда его глава отправлялся к королевскому двору или на войну, что случалось нередко, его окружение ехало вместе с ним. Эскорт приближенных сопровождал грандов во время всех передвижений; знать стала постоянно отсутствовать в родовых владениях [14, с. 114]. Итогом эволюции этой сферы во Франции стала монополизация придворной жизни королевским двором.

В Германии сословия возникли по мере ее социально-политического развития как на имперском, так и на территориальном уровнях. В итоге сложилась сильная структура, подкрепляемая «федеративностью» имперского государства. К началу XVI в. окончательно сформировалось трехчленное деление немецкой знати: низшее дворянство, которое часто называли просто рыцарями; не имевшая княжеского достоинства титулованная знать; и, наконец, князья [12, с. 153; 19, с. 22]. Как показала Т. Н. Таценко, несмотря на то, что многое объединяло дворянство (изначально общее происхождение, передаваемые из поколения в поколение и включенные в ленную иерархию родовые земли, налоговые и судебные привилегии, право на гербы и титулы), границы между его группами были весьма прочными. Каждая занимала особое положение в системе властных структур в Германии, обладала особыми политическими правами и самосознанием.

С 1438 г. королями в Германии были австрийские Габсбурги. Это семейство одновременно выступало и как дворянская фамилия, и как территориальные князья, и как правящая (королевская, императорская) династия. Габсбурги укрепились в своих наследственных владениях на юге Германии, составлявших обширное и влиятельное Австрийское герцогство, и активно действовали в направлении их дальнейшего роста.

Еще на исходе периода Каролингов сложились закрытые слои местной элиты в отдельных землях. Князья как самая могущественная сословная группа среди местных дворян стали особенно заметными к концу XII в., а начиная с первой половины XIII в., рядом имперских актов им были даны существенные права верховенства в их землях, заложившие основы территориальной государственности. Князья держали лены непосредственно от императора и носили титул имперских. Достоинство имперских князей имели герцоги, маркграфы, ландграфы и некоторые графы; сословие князей было закрытым для достижения его извне. Из среды имперских князей выделялась их наиболее влиятельная и могущественная группа – курфюрсты, избиравшие верховного правителя Империи и имевшие право соправления ею [12, с. 154].

К XVI в. имперские князья, особенно крупные, значительно продвинулись по пути создания территориальных государств, достигнув практически полного суверенитета над своими владениями и приобретя широкое признание в качестве государей. В этом отношении среди немецких территориальных государств особенно выделялись некоторые – например, курфюршество Саксонское с государями из рода Веттинов или герцогство Баварское с родом Виттельсбахов. Габсбурги пытались лишить территориальных правителей их политических привилегий, но не преуспели в этом, не найдя широкой социальной поддержки. В ситуации противостояния с Францией и борьбы с Реформацией, императорам приходилось прикладывать серьезные усилия для обуздания самовласти князей [7, с. 16 – 17, 26 – 27].

По мнению ряда исследователей, княжеская власть при всей ее переходности к современности до конца раннего Нового времени оставалась патримониальной. Служащие правителя были ориентированы скорее на интересы государя, чем собственно государства. Князь воплощал в своей фигуре региональное господство; персонализировал государственную идею земельного княжества и авторитет правящего дома, выступал как «отец» земли и династии [8, с. 530; 17, s. 4, 30 – 31, 36, 62; 18, s. 7 – 9, 35]. Согласно точке зрения французского исследователя Ж. Морселя, в Священной римской империи монархический феномен воплотился в большей степени в князьях, чем в самом императоре [10, с. 36].

Среди князей начала XVI в. выделяется несколько особенно заметных фигур. Один из них – курфюрст Саксонии Фридрих III Мудрый (1486 – 1525 гг.). Этот князь активно выступал в рейхстаге за имперские реформы, был кандидатом на получение имперской короны во время выборов 1519 г., но отказался от участия в них и сам способствовал избранию Карла V. Другая фигура – Альбрехт Бранденбургский из рода Гогенцоллернов (1511 – 1525 гг.). Альбрехт пятнадцать лет являлся верховным магистром Немецкого ордена в Пруссии, впоследствии герцогом, в 1525 г. секуляризовав его земли и присоединив к собственным владениям. Как и все вступавшие в орден, он дал обет послушания и отказа от собственности; однако его политическая репрезентация носила почти самодержавный характер. Еще один выдающийся князь первой половины XVI в. – ландграф Филипп Гессенский, прозванный Великодушным (1509 – 1567 гг.). Этот князь стал самым ревностным среди немецких правителей сторонником Реформации, однако был более политиком, чем богословом. Так, являясь одним из главных членов протестантского Шмалькальденского союза, в 1532 г. Филипп заключил направленное против Габсбургов соглашение с Баварией и Францией.

Таким образом, в отличие от высшей аристократии во Франции, судьбы которой даже при наличии солидных политических капиталов зависели от королевской воли, князья в Германии стали самостоятельными территориальными правителями и выступали как полноправные агенты политического поля Империи.

В Германии было множество дворов, составлявших сложную иерархию – императорский (королевский) двор, дворы курфюрстов и герцогов, епископов,

ландграфов, маркграфов, графов. В немецкой историографии существует точка зрения, что в многочисленности придворных центров воплотился «федерализм», полицентричность имперского государственного образования; тогда как во Франции социальная нивелировка, как и процесс централизации в целом, зашла дальше, и в рассматриваемый период придворная жизнь сконцентрировалась преимущественно при дворе единственного правителя [17, s. 57; 18, s. 8].

Императорский двор Габсбургов в Вене являлся для немецких княжеских дворов одним из образцов для подражания. Так, как пишет Т. Н. Таценко, введенный при дворе Максимилиана I (1493 – 1519 гг.) стиль поведения (в т. ч. аффектирование элементов рыцарской культуры, «приручение» титулованного дворянства, не достигшего статуса самостоятельных территориальных государей) стал заимствоваться дворами территориальных государей [12, с. 155 – 156, 170]. Однако, по мнению Ж. Морселя, значительность немецкого королевского двора в основном зависела от того, что его суверен обладал еще и княжеской властью. Именно поэтому двор Максимилиана пребывал главным образом в Вене, Инсбурке, Линце и Мехелене, где пространство императорского двора смешивалось с пространством двора княжеского – к которому добавляется только эпизодически два имперских города: Аугсбург (из-за Фуггеров) и Нюрнберг (официальная резиденция имперского правительства). В отличие от эпохи Средневековья, немецкий королевский двор уже не обладал особой спецификой по сравнению с княжескими дворами и не играл роли центра [10, с. 35 – 36].

Отдельные немецкие дворы имели отличительные особенности, но в целом можно выделить ряд общих черт; они были архаичнее и проще по сравнению с Францией, царящие там нравы отличала патриархальность. В то же время происходила институционализация специфической придворной культурной среды; дворы становились средоточием государства и значительно росли численно, заполнялись людьми [17, s. 4, 11; 18, s. 4 – 5; 19, s. 7 – 8].

Параллельно тому, как во Франции королевский двор на протяжении XVI в. перешел от «полукошачьего» образа жизни и постоянных переездов к стабильному пребыванию в одном месте, процесс территориализации в Германии сопровождался созданием постоянных княжеских резиденций, пик которого пришелся на рубеж XV – XVI вв. В раннее Новое время крупные придворные центры находились, помимо Вены, в Дрездене, Потсдаме, Мюнхене, Гейдельберге, Штутгарте [18, s. 4 – 5, 35; 19, s. 101].

В итоге следует отметить, что для Франции характерно относительное сословное единство феодальной аристократии и ее высокое положение на социальной лестнице. Иерархию феодальной знати возглавлял король, в персоне которого воплотилась верховная власть. Главенствующее положение короля сказалось на судьбах не только рядового дворянства, но и высшей аристократии. Т. н. грантам становилось все труднее сохранять независимость на местах, и они устремились ко двору, реализуя в придворном пространстве свои символические капиталы и даже центробежные устремления. Однако в целом их возможности проти-

востоять короне сужались. Еще одной особенностью стала централизация придворной культуры и ее упадок в регионах. (Перспектива религиозных войн второй половины XVI в. показывает, что эти изменения не имели необратимый характер. Речь идет не только о военно-политической оппозиции короне со стороны крупных феодалов, но и, например, о децентрализации придворной жизни в условиях ослабления верховной власти; однако общий характер тенденций налицо).

Для Германии характерна двухуровневая сословная структура (Империя, территории), оказавшая влияние и на особенности правящей элиты. К началу XVI в. окончательно оформилось внутрисословное деление немецкой знати, причем границы между ее группами отличались прочностью, особенно в отно-

шении князей. Королевский дом Габсбургов выступал одновременно и как дворянская фамилия, и как территориальные князья, и как правящая королевская династия. В то же время высшая элита в отдельных землях, имперские князья, значительно продвинулась по пути создания территориальной государственности. Попытки Габсбургов лишить территориальных правителей их политических привилегий не увенчались успехом. Князья, чье господство сохраняло патримониальный характер, воплощали в своих фигурах региональное господство и монархический феномен. В многочисленности немецких придворных центров проявился «федерализм», полицентричность имперского государственного образования в целом.

Литература

1. Барг, М. А. Буржуазная историография о социальной структуре средневекового общества (генезис и социальная динамика средневековой знати) / М. А. Барг // Вопросы истории. – 1966. – № 12.
2. Блок, М. К сравнительной истории европейских обществ / М. Блок; пер. с франц. И. К. Стафа // Одиссей. Человек в истории. Русская культура как исследовательская проблема; под ред. А. Я. Гуревича. – М.: Наука, 2001.
3. Бойцов, М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе / М. А. Бойцов. – М.: РОССПЭН, 2009. – 550 с.
4. Ведюшкин, В. А. Несколько заметок о европейском дворянстве XVI – XVII вв. и его сословных границах / В. А. Ведюшкин // Европейское дворянство XVI – XVII вв.: границы сословия; под ред. В. А. Ведюшкина. – М.: Археографический центр, 1997.
5. Демидова, М. Франциск I. Образ правителя: интенции и реалии / М. Демидова // Демидова М. А. Идеальная резиденция ренессансного правителя: дворец Фонтенбло эпохи Франциска I. – М.: Прогресс-Традиция, 2010.
6. Десимон, Р. Дворянство, «порода» или социальная категория? Поиски новых путей объяснения феномена дворянства во Франции Нового времени / Р. Десимон; пер. с франц. С. Е. Летчфорда, П. Ю. Уварова // Французский ежегодник; отв. ред. А. В. Чудинов. – М.: УРСС, 2001.
7. Ивонин, Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время (1495 – 1806). – Т. 2. Ч. 1: Властители Старой империи. – Смоленск: СмолГУ, 2007. 274 с.
8. Лампрехт, К. История германского народа / К. Лампрехт; пер. с нем. П. Николаева. – Т. 2. – Ч. III – IV. – М.: К. Солдатенков, 1895. – 656 с.
9. Мишле, Ж. Реформа: (из истории Франции XVI в.) / Ж. Мишле; пер. с фр. – СПб.: Тип. штаба отд. корп. вн. стражи, 1862. – 232 с.
10. Морсель, Ж. Двор или дворянство? Двор князя как «место сотворения» дворянства во Франконии в конце средних веков / Ж. Морсель; пер. с франц. Е. Ю. Акимовой, П. Ю. Уварова // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени; под ред. П. Ю. Уварова. – М.: Наука, 2010. – Вып. 71(3 – 4).
11. Сказкин, С. Д. Франция первой половины XVI века / С. Д. Сказкин // История Франции: в 3 т. / отв. ред. А. 3. Манфред. – М.: Наука, 1972. – Т. 1
12. Таценко, Т. Н. Немецкое дворянство в XVI в / Т. Н. Таценко // Европейское дворянство XVI – XVII вв.: границы сословия; под ред. В. А. Ведюшкина. – М.: Археографический центр, 1997.
13. Тьерри, О. Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия / О. Тьерри. Избранные сочинения. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 438 с.
14. Хеншелл, Н. Миф абсолютизма: перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / Н. Хеншелл. – СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
15. Эльфонд, И. Я. Потестарные институты во Франции в позднее Средневековье и раннее Новое время / И. Я. Эльфонд // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время; отв. ред. Т. П. Гусарова. – М.: КДУ, 2011.
16. Constant, J.-M. La vie quotidienne de la noblesse française XVIe et XVIIe siècles / J.-M. Constant. – P.: Hachette, 1985. – 317 p.
17. Krüdener, J. V. Die Rolle des Hofes im Absolutismus / J. V. Krüdener. – Stuttgart: Fischer, 1973.
18. Müller, R. A. Der Fürstenhof in der frühen Neuzeit / R. A. Müller. – München: Oldenbourg, 2004. – 134 s.
19. Paravicini, W. Die ritterlich-höfische Kultur des Mittelalters / W. Paravicini. – München: Oldenbourg, 1999. – 142 s.
20. Sée, H. Le XVIe siècle / Avant-propos de S. Charlety / H. Sée, A. Rébillon. – P.: Les presses universitaires de France, 1934. – 411 p.

Информация об авторе:

Зайцева Татьяна Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории Томского государственного педагогического университета, 89627862996, zaytsevat@mail.ru.

Tatiana I. Zaitseva – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of World History, Tomsk State Pedagogical University.

УДК 94(5) “15/18”

ВОЙНА И СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЕВРОПЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

О. В. Ким

THE WAR AND SOCIAL TRANSFORMATIONS IN EARLY MODERN EUROPE

O. V. Kim

В статье предложена сравнительно-историческая модель влияния военных факторов на развитие европейских обществ в раннее Новое время. Важным аспектом исторического преобразования государства и общества был процесс «военной революции». Он прямо повлиял на формирование «военно-бюрократического абсолютизма». Автор исследует возможности применения теории военной революции в контексте теории модернизации и в мир-системной парадигме. Конкретный ход военных преобразований и социальных трансформаций на Востоке и на Западе определялись специфической системой внутренних и внешних факторов – таких как скорость внедрения инноваций, эффективность финансирования и капитала, уровень развития военных технологий.

The paper presents the comparative historical model of military factors influencing the development of European societies in the Early Modern period. The process of "military revolution" has been recognized as an important aspect of the historical transformation of the state and society. It determined the development of the fiscal military state. The author investigates the possibility of applying the theory of military revolution in the context of modernization theory and the world-system paradigm. Specific types of "war modernity" in the East and the West were defined by system of internal and external factors – such as the speed of innovations introduction, the efficiency of financing and capital, the level of military technologies development.

Ключевые слова: Европа раннего нового времени, теория военной революции, теория модернизации, мир-системный анализ.

Keywords: Early Modern Europe, theory of military revolution, Modernization theory, world-system analysis.

Лидирующее положение европейской цивилизации в Новое время и ее влияние на все регионы и сообщества мира неоспоримо. В то же время кризисы и потрясения XX столетия, а также многие тенденции глобального мира говорят о том, что европейский цивилизационный дискурс в XXI веке будет встречать – и уже встречает – множество альтернатив. Идея о том, что ведущее положение Европы существовало не всегда и продлится не вечно, серьезно занимает исследователей глобальной истории. Одна из проблем, связанных с этим, это проблема объяснения причин и факторов, которые обусловили мировую гегемонию Европы в 1500 – 2000-х годах. Востребованы подходы, позволяющие уйти от детерминизма и линейных объяснений к инвариантным интерпретациям глобальной динамики, к обоснованиям внутрисистемных иерархий и взаимодействий. В современной науке происходит переход от парадигм «постоянно действующих движущих сил» к поиску и анализу мир-системных, цивилизационных факторов, действовавших «здесь и сейчас». На коротких исторических дистанциях, в контекстах конкретного времени и места влияние отдельных, зачастую субъективных причин могло быть весьма значительным, существенно влиять как на рисунок, так и на интерьер происходящих общественных изменений.

Со второй половины XX века расширяется исследовательское внимание к военным факторам европейской модернизации нового времени. Войны эпох ренессанса, барокко и классицизма повлияли на развитие абсолютистского государства, на модернизацию экономики и социальной структуры, а в глобальном плане – на объяснения того, как технологическое и военное превосходство Востока сменилось гегемонией Запада между 1600 и 1800 годами. На Западе существует обширная историография – со времен исследований Фредерика Лэйна [1, с. 32 – 43] и Джона Ульрика Нефа [2] и до современных исследований Дэвида Поттера и Яна Глете, – в которой геополитические успехи европейских стран в 1450 – 1660-х гг. рассматриваются как следствие действия триады факторов. Это «кальянс интересов государства и средних слоев населения – эффективная организация и мобилизация капитала – инновационные военные технологии» [3; 4].

В отечественной науке XX века в теоретическом русле марксизма сложилось, что военные аспекты развития рассматривались исключительно как производная от ведущих, социально-экономических факторов. Соответственно любое экстраординарное военное событие значительного масштаба (например, монгольские завоевания или победы наполеоновских ар-

мий) рассматривалось как равнодействующая развития «производительных сил» на фоне сопутствующих субъективных обстоятельств. В этой логике следовало, что высвобождение классовых сил в результате разложения родоплеменного строя у монголов в XII веке удачно совпало с кризисом и децентрализацией феодального Китая, а победы Наполеона объясняются как передовым характером преобразований Французской революции, так и стагнацией противостоявших ему абсолютистских держав. Сегодня сугубо классовые и социально-экономические интерпретации военных процессов и прорывов уже не представляются достаточными. Накопленный концептуальный багаж позволяет рассматривать военные факторы и события истории в тесной связи с парадигмами культурного и технологического диффузионизма [5, с. 154], с трендами развития мир-систем и моделями демографических циклов [6, с. 130 – 145], с теорией военной революции [7, с. 13 – 21].

Традиция выделения военного фактора как детерминанты социального и экономического развития многовековая. Так, Платон в трактате «Пир» рассматривал войну как важный инструмент интеграции общества и средство воспитания гражданских чувств среди эллинов [8, с. 56 – 62]. Накопление мощи, рациональное использование военных факторов, дипломатия войны и консолидация общества вокруг фигуры правителя представлялись Николо Макиавелли важнейшими средствами выживания итальянских государств среди агрессивных держав [9, с. 12 – 19]. Война – не как самоцель, но как стержневой политический процесс в абсолютистском государстве, как интегрирующая мотивация нашла свое отражение в сочинениях Филиппа де Комнина, кардинала Ришелье, Гуго Гроция. В XIX веке военная история и военные факторы развития общества легли в основу фундаментальных трудов К. Клаузевица, Г. Дельбрюка, А. Т. Мэхена [10; 12]. В гуманитарной науке XX века историография «военного фактора» опирается на два мощных идейно-концептуальных течения. Первое представлено т. н. «социологией конфликта» (термин Р. Коллинза), в рамках которой веберианские и марксистские подходы сближаются в том, что в качестве основного двигателя истории они полагают экономические, социальные и культурные противоречия больших и малых групп. Отсюда внимание обеих школ к проблемам происхождения социального и политического конфликта, социальной стратификации, к макроисторическим моделям происхождения капитализма и революций. В этом контексте война выступала в качестве назревшей формы классового, социального и культурного конфликта, который, с социологической точки зрения, обеспечивал воспроизводство архаичных милитаризованных политических систем, сбрасывала избыточное демографическое напряжение и осуществляла реализацию этоса военных элит. Под марксистским углом зрения война носила классовый характер борьбы за распределение власти и ресурсов и являлась одной из форм стадийного развития систем [13, с. 16 – 18].

Второе идейное направление сложилось во второй половине XX века в англоязычной историографии и связано с парадигмами культурного диффузионизма и

военной революции. Развитие этого научного направления, и вклад в его становление американского историка У. Мак-Нила, на наш взгляд, хорошо представлено в исследованиях В. В. Пенского и С. А. Неведова [14; 15]. Отметим главное. По мнению разработчиков этого теоретического направления – М. Робертса, Б. Даунинга, Д. Блека, Г. Паркера и др., фактор чередования военных (технологических, тактических, социальных) преимуществ тех или иных этносов и государств был постоянно действующей причиной глобальной культурной диффузии, миграционных волн и центр-периферийных перемещений [16; 17; 18]. Под военной революцией в широком смысле слова подразумевают многофакторный процесс внедрения инноваций в военно-политической сфере, который привел к развитию современного государства, сложно организованного общества и созданию системы расширенного воспроизводства. В условиях длительной внешнеполитической напряженности, характерной для всех районов Евразии между 1500 и 1650 годами, на первом месте стояла задача обеспечения военной безопасности как необходимого условия существования и развития. Комплекс военных мероприятий, как правило, стоил много дороже, чем могла себе позволить традиционно ориентированная экономика. Всевозрастающая потребность государства в деньгах стимулировала этатистскую налоговую реформу, направленную на преодоление экономической дефрагментации средневековья. Эти усилия требовали серьезных мер, направленных на централизацию, бюрократизацию и новый диалог с корпоративными элитами – всего того, что П. Шоню называл «регулярным современным государством», а Б. Даунинг – «военно-бюрократическим абсолютизмом» [19; 3].

Можно выделить четыре тезиса, обосновывающих приоритетное значение военного фактора в процессе социальной трансформации европейских обществ модерна. Под каждым из них есть существенное историографическое обоснование.

1. Война, создание профессиональных регулярных армий и организация фискальных мероприятий способствовали развитию абсолютизма. Майкл Робертс описывал последовательность военных реформ в Швеции. Король Густав Адольф создал легкую полковую артиллерию, что потребовало реорганизации пешего войска. За этим последовала налоговая и рекрутская реформа, что привело к созданию первой в Европе регулярной армии. Фискальные интересы государства потребовали в 1626 – 1630-х гг. кадастровой земельной и финансовой реформы, протекционистских законов [16, с. 238 – 241]. Централизованное государство, монополизировало сферу насилия, и систематически перераспределяло ресурсы общества для поддержания темпов и рубежей экспансии; военные мероприятия стали важнейшей формой воспроизводства фискально-бюрократического государства. В новой социальной ситуации традиционные сословия, связанные с военной деятельностью, теряли значительную часть суверенитета, подчинялись государству, вся военно-государственная сфера значительно бюрократизировалась (М. Робертс, Дж. Паркер, Б. Даунинг, М. Поу, П. Браун, Дж. Котилейн и др.).

Например, Майкл Поу говорит о том, что военное столкновение Московии с вооруженными силами Польши и Швеции стали основной причиной развития регулярного письменного делопроизводства, развития поместной системы и перехода от поземельного к подушному налогообложению. Происходившая в течение двух столетий военная реформа стала, по мысли автора, главным катализатором появления не только армии «нового строя» и современной бюрократической системы, но и причиной рационализации общественных отношений и культуры, стала средством контроля над пространством и людьми [20, с. 271].

2. Военный фактор способствовал развитию капитализма. В течение средних веков торговая и промышленная буржуазия в Европе стремилась найти альтернативу военной монополии дворян. Она оказалась заинтересована в создании и реорганизации военного дела на принципах рынка и профессионального разделения труда. Перед лицом довлеющего централизованного государства буржуазия оказалась вынужденной пойти на компромиссы, отчасти подчинившись ему, отчасти связав с его политикой свои политические и финансовые интересы (Ч. Тилли, У. Мак-Нил). На этой взаимосвязи следует остановиться подробнее. Основатель школы культурного диффузионизма Уильям Мак-Нил «В погоне за мощью» раскрыл механизм чередования мировых военно-технологических эпох гегемонии. Он считал, что эпоха китайского военного превосходства 1000 – 1500 гг. сменилась периодом прорыва Европы в сфере военного предпринимательства в 1500 – 1600 гг. и военным паритетом Европы и Азии; в 1600 – 1750-х гг. превосходство Европы стало глобальным [21]. Важнейшей причиной этого Мак-Нил считал существование самоподдерживающегося механизма развития военной сферы. Очагом возникновения военного предпринимательства и системы частно-государственного финансирования военной сферы он считал ренессансную Италию. Этому способствовало наличие там развитой системы коммуникаций и транспорта, изобилие городских экономик, в социальном смысле опиравшихся на сильное буржуазное сословие, открытость к новшествам с Востока [21, с. 87 – 88]. Внедрение военных инноваций (военное предпринимательство кондотьеров, совершенствование вооружений и подготовки и т. п.) обеспечивало городским элитам суверенитет. На стадии «пороховой революции» 1450 – 1550-х гг. первенство переходит от итальянских городов к централизованным абсолютистским державам, достаточно организованным и состоятельным для того, чтобы иметь большие артиллерийские парки, фортификацию и вести осадные войны. Мак-Нил указал на то, что практически полная монополия восточных государств (Османская империя, Иран, Россия, Китай) на насилие и оружие, маргинальность частного предпринимательства в них блокировало качественное развитие и усовершенствование систем вооружений, что привело к военно-техническому отставанию Востока к 1600 годам [21, с. 120].

На американскую историческую социологию войны огромное влияние оказали работы Ч. Тилли. Его основной тезис состоял в том, что современные государства Европы сформировались в разных комбина-

циях военно-административного принуждения (прежде всего, изъятия налогов) и капиталистического финансирования (в основном в виде постоянно возрастающего государственного долга частным капиталистическим олигархиям). Ведение войны и подготовка к ней вынуждают правителей заниматься изъятием средств у тех, кто владел основными ресурсами. Структура организации основных общественных классов определяла формы диалога власти и общества, формы сопротивления, характер организаций, методы эффективного изъятия и борьбы, саму эффективность изъятия [22, с. 54]. Варианты отношений власти и общества (частного капитала) располагались в спектре от регионов с интенсивным принуждением (ареалы с небольшим количеством городов и преобладанием сельского хозяйства, где прямое принуждение играло значительную роль в процессе самого производства) до регионов с интенсивным капиталом (ареалы со множеством городов и ведущей ролью коммерции, где основную роль играли рынки, обмен и ориентированное на рынок производство). Противодействие городских обществ военно-фискальному давлению государства привело к появлению превентивных компромиссов и социальных контрактов, определивших формы современных политических государств. От этого положения Тилли логично перейти к взаимосвязанному третьему тезису.

3. Военный фактор способствовал развитию горизонтальных структур и сложного общества. Военная монополия государства способствовала развитию и распространению централизованных средств принуждения и контроля. Соответственно варьировались и требования классов к государству [22, с. 39 – 40]. Так, историк-марксист Перри Андерсон проводит прямую корреляцию между совершенствованием «усиленной машины принуждения» во времена Людовика XIV и успехами государства в разоружении провинциальной аристократии, подавлении гугенотской и крестьянской оппозиции, нивелированием роли Генеральных Штатов [23, с. 95]. Указанная Тилли необходимость поддержания общественного консенсуса, необходимой степени лояльности и гарантий финансирования военной политики побуждало государства Нового времени идти на диалог с обществом, предоставлять ему права на политическое участие. Развитие военной сферы и военного производства оказалось сложно взаимосвязано с развитием науки и техники, модернизацией социального поведения. Поэтому в Новое время успешная военная реформа всегда шла рука об руку с реформой образования. В социальном смысле большие регулярные мобилизационные армии прединдустриальной и раннеиндустриальной эпох стали возможны в классовых условиях отчуждения массы населения от средств производства (Ч. Тилли, П. Андерсон, Р. Лахман). Так, по гипотезе Р. Лахмана, абсолютизм рождается в ходе конфликта среди группировок землевладельческих элит; побеждает та, которая быстрее адаптируется к военным нуждам, изменяет образ жизни, быстрее мобилизует и инвестирует средства. На стадии «вертикального абсолютизма» XVI – XVII вв. возникает специфическая группировка землевладельческой элиты. Она контролирует распределение социальных благ и демонтирует прежнюю

систему землевладения. При этом она перестраивает в свою пользу все коммерческие, производственные и торговые процессы, перефокусирует транспортную систему, определяет конфигурацию успешных и стагнирующих районов [24, с. 367].

4. Военный фактор способствовал складыванию мир-системного превосходства Европы над Азией. Классическая мир-системная теория Эммануила Валлерстайна в редакции 1970-х гг. описывает, как капиталистическая Мир-Экономика Северной Атлантики (Англия, Нидерланды) одерживает стратегическую победу над Мир-Империей Габсбургов, которая к XVI веку стагнировала в рамках командно-данической системы. При этом подчеркивалось, что компоненты мощи Мир-Экономики складывались не только из резервов «внутреннего капитализма», но и из монополий, эксплуатации и экспроприации ресурсов колониальной периферии. Еще Уильям Мак-Нил в 1960-е годы ввел в широкий научный оборот положение о трех факторах «превосходства», которые привели к мировой гегемонии Европы:

а) всепогодный океанический парусный корабль со средствами навигации;

б) железные артиллерийские орудия с чугунными ядрами;

в) отсутствие иммунитета к европейским эпидемическим заболеваниям у аборигенов Старого и Нового света.

Весомые возражения Андре Гундер Франка о том, что Восток в 1500 – 1750-е годы не уступал Европе в экономических ресурсах и военной мощи, не отменяют существенный постулат мир-системного анализа: в начале индустриальной фазы совокупный потенциал экспансии европейцев оказался выше/эффективнее, чем оперативные ресурсы азиатских империй. Наиболее очевидно это выражалось в военном, военноморском превосходстве. Выводы Франка неоспоримы в другом аспекте – ни одна гегемония не может длиться вечно, и в рамках мировых систем постоянно происходит перемещение центров.

Примером таких исследований является известная работа Пола Кеннеди «Взлет и падение великих держав: экономические изменения и военный конфликт с 1500 по 2000 гг.» [25]. По его мнению, в раннее Новое время в Европе, минском Китае, мусульманском мире цели правящих элит были принципиально идентичны. Они сгруппировались вокруг накопления мощи и удержания рубежей экспансии. «Триумф одной великой державы или крах другой обычно являлся следствием долгого военного противостояния; но это также было результатом большей или меньшей эффективности использования производительных ресурсов государства в военное время, а в конечном итоге, экономического роста или упадка на фоне других ведущих стран, в десятилетия предшествующих фактическому конфликту» [25]. В долгосрочной перспективе постоянная утечка ресурсов на дорогостоящие сухопутные и морские компании приводила господствующие империи на грань финансового кризиса. Перенапряжение сил центра давало исторический шанс акторам на периферии создавать более эффективную экономику и социальную сферу, и в конечном итоге, выиграть экономическое и политическое лидерство. По мнению

Кеннеди, так произошло между империей Габсбургов и «периферийными» конкурентами – Англией, Нидерландами, Францией в 1519 – 1659 гг. В начале гегемонии Габсбурги эффективно использовали конъюнктуру революции цен и трудовых ресурсов, прорывный потенциал географических открытий – все это позволяло им генерировать военные новшества и набирать ударную мощь. По мнению автора, социальная и техническая дистанция между Испанской империей и ее оппонентами невелика; но в Голландии и Англии был лучше организован баланс «между материальной основой и военной властью». Кеннеди утверждает, что именно финансовая, кредитная мощь Великобритании стала решающим фактором победы над Францией в XVIII веке. Даже с учетом патронажа союзников англичане в период между Славной революцией и Ватерлоо удерживали уровень военного кредита на границе 33,3 % от совокупного государственного дохода (примерно 670 млн ф. ст. от 2 млрд 293 млн ф. ст.). Противоположная картина политического и социального коллапса рассматривается им на примере Цинской империи. Если в 1750 году китайская экономика составляла свыше 32 % от мировой, то в годы тайпинских войн ее доля понижается до 19,7 %, а к 1880-м гг. – до 12 % (тогда как британская вырастает с 1,9 % в 1750 г. к 19,9 % в 1860 г. и 22,9 % в 1880 г.) [25, с. 81, 149 – 156]. Новые исследования предлагают коррекцию классической схемы мир-системной эволюции Валлерстайна и Броделя. Возможно, мир-системное превосходство Европы берет свое начало не в экономической эффективности капитализма, а в совокупном действии разнообразных социальных институтов в Европе, которые позволили быстро реализовать инновационный комплекс военных возможностей. Обязательным условием является лидерство в сфере транспорта и коммуникаций. Не случайно наиболее успешными военные реформы оказались в небольших, технически развитых государствах с компактно проживающим населением и не громоздким аппаратом, которые имели выход к морю и возможности колониальной эксплуатации периферий (Швеция, Нидерланды, Англия) [26, с. 26]. Успех больших аграрных континентальных империй во многом зависел от их потенциала экстенсивного развития и степени развития принудительных стратегий. На рубеже 1500 – 1600 гг. общее в тенденциях развития Европы и Азии выразилось в империалистическом росте, абсолютистских тенденциях, пороховой революции, развитии светской культуры, урбанизме, появлении высокоорганизованного общества контроля. Закрытие «коридора возможностей» на Востоке происходило в XVIII – XIX вв., когда сказалось деструктивное воздействие неблагоприятных экономических, демографических и мир-системных циклов. Кризис региональных модернизаций и резкое возрастание внутренних тормозящих развитие причин привели к перестройке социальных процессов от относительно эндогенного социального синтеза к логике зависимого, догоняющего развития. В эту фазу страны Востока входят не синхронно – Османская империя, Индия, Иран раньше, позже Япония, Китай. Временной коридор можно маркировать 1757 – 1840 годами (от победы англичан в сражении при Плесси в Индии до пер-

вой Опиумной войны в Китае). Вхождение в Новое время для стран Востока совпало и было связано с периодом складывания глобальной евроцентристской капиталистической мир-системы.

При желании количество тезисов, указывающих на взаимосвязь военной революции и генезиса нового временного государства и капитализма можно было бы расширить. Однако более важной задачей представляется органичная увязка концепта военной революции с макроисторическими теориями, описывающими структурную динамику обществ Нового времени в целом. Нам представляется, что в современной науке наиболее пластичной парадигмой является теория модернизации. Она обладает интегративным потенциалом и располагает к конструированию многофакторной картины перехода от традиционного общества к более сложным формам. Эта теория пытается осмыслить нелинейный и инвариантный характер этих процессов. Исследования И. В. Побережникова показали, что третье и четвертое поколение теории модернизации не являются зацикленными на проблематике генезиса капитализма и индустриального общества в европоцентристском ключе [27, с. 242 – 252]. В целом спектре концепций 1970 – 2000-х гг. модернизация – особенно на ранних этапах и за пределами Европы – могла быть направлена не на реализацию частно-капиталистического потенциала, а на создание сильного централизованного государства, т. н. фигуративного общества с высокой степенью социального контроля, как его описывал Н. Элиас. Фигуративная динамика становится фактором формирования высокоорганизованного общества, основанного на постоянном взаимодействии и самоконтроле людей. В этом смысле военная революция вполне может рассматриваться как стимулятор фигуративной динамики в масштабах всего общества и государства. Это особенно актуально, когда речь идет о не западном мире в раннее Новое время – Османской империи, Сефевидском Иране, России, государстве Моголов, империях Мин и Цин, Японии времен Асикага и Токугава. Такая интерпретация модерности позволяет перенести акцент с сущностной динамики капитализма на иные объекты внимания: социальные связи нового типа, формирование дисциплинарного общества, разделение труда, культурные тенденции, на трансформацию традиций и синтез традиций и инноваций. Если мы добавим к этим критериям факторы внешних влияний, военной революции, национальной консолидации, этатизма, меркантилизма, то получим в первом приближении общие контуры искомой функциональной модели.

Перри Андерсон считает, что подобная картина в целом соответствовала и Европе: «В начале Нового времени для Запада характерен аристократический абсолютизм, возведенный на социальной основе незакрепощенного крестьянства и подчиненных городов, по обе стороны Эльбы полномасштабное абсолютистское государство использовало власть для укрепления положения крупных феодалов-землевладельцев» [23, с. 18 – 19]. Роль военного фактора в таких обществах могла быть акцентирована высока. Особенно в контексте той главенствующей социальной роли, которую играли сословные военные элиты, обладавшие монополией на насилие и отправлявшие функции распределения и контроля в аграрных обществах позднего средневековья и РНВ [28, с. 82 – 83].

В то же время военный фактор не может рассматриваться как единственный, самодовлеющий, как постоянно и равномерно действующий исторический локомотив. Парцеллярная, частичная военная модернизация не редко исторически являлась причиной «устойчиво фрагментарного развития» [29, с. 762]. Система военно-бюрократического абсолютизма может сломаться, столкнувшись с военным поражением, с непреодолимым сопротивлением традиционалистских структур. В рамках теории мир-системного анализа разработано положение о том, что военное и как следствие экономическое и геополитическое доминирование «центра» исторически кратковременно и редко превышает срок в несколько десятилетий. Удержание рубежей экспансии, как правило, много проблематичнее и дороже, чем их завоевание – на фоне усиливающихся и перенимающих военные технологии периферий. Эта динамика подтверждается структурно-демографической теорией. По данным Голдстоуна, Нефедова, любая сложная демографическая система в доиндустриальную эпоху прямо коррелирует с динамикой экономических циклов [15, с. 606 – 607]. Период экономического и демографического роста неизбежно приводит к эффекту сжатия и перенапряжения системы в условиях ослабления государства, нехватки ресурсов и растущего сепаратизма элит. Таким образом, военные преимущества, реализованные однажды, не являются гарантией от последующих социальных катастроф. Их долговременный эффект проявляется в том случае, если в период борьбы за геополитическую монополию была сформирована новая, эффективная социальная структура общества. В конечном итоге все решает способность верховной власти не только систематически осуществлять принуждение, но и стабильно поддерживать воспроизводство экономических благ, находить формы диалога с развивающимся и усложняющимся обществом.

Литература

1. Lane, F. C. National Wealth and Protection Costs / War as a Social Institution: The Historian's Perspective / Frederic C. Lane. – New York: Columbia University Press, 1941.
2. John, U. N. War and Human Progress: An Essay on the Rise of Industrial Civilization. Part I (1494 – 1640) / U. Nef. John. – Cambridge: Mass, 1950.
3. Potter, D. Renaissance France at War: Armies, Culture, and Society, 1480 – 1560. Warfare in History series / David Potter. – Woodbridge: Boydell Press, 2008. – 454 p.
4. Glete, J. War and the State in early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as fiscal-military states, 1500 – 1660 / J. Glete. – L.; Routledge, 2002. – 288 p.

5. Алексеев, В. В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии / В. В. Алексеев, С. А. Нефедов, И. В. Побережников // Уральский исторический вестник. – 2000. – № 5 – 6.
6. Коротаев, А. В. Законы истории: вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны / А. В. Коротаев, Д. А. Халтурина, Ю. В. Божевольнов. – М.: URSS, 2010. – 256 с.
7. Parker, G. Military Revolutions, Past and Present / Recent Themes in Military History. Ed. Donald A. Yerxa / G. Parker. – University of South Carolina Press, 2008.
8. Платон; Аристотель; Эпикур. Мыслители Греции. От мифа к логике: Сочинения / Платон. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 832 с.
9. Макиавелли, Н. Государь. Искусство войны / Н. Макиавели. – М.: АСТ, 2010. – 448 с.
10. Клаузевиц, К. Фон. О войне / Фон К. Клаузевиц. – М.; СПб., 2002. – Т. 1. – 558 с.
11. Мэхэн, А. Т. Влияние морской силы на историю, 1660 – 1783 / А. Т. Мэхэн. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica. – 2002. – 634 с.
12. Дельбрюк, Г. История военного искусства в рамках политической истории / Г. Дельбрюк. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 1. – 414 с.
13. Коллинз, Р. Четыре социологических традиции / Р. Коллинз. – М.: Территория будущего, 2009. – 318 с.
14. Пенской, В. В. Развитие вооруженных сил России и военная революция в Западной Европе во 2-й половине XV – XVIII вв.: сравнительно-исторический анализ: дис. ... д-ра ист. наук / В. В. Пенской. – М., 2004. – 400 с.
15. Нефедов, С. А. Война и общество: факторный анализ исторического процесса / С. А. Нефедов. – М.: Территория будущего, 2008. – 752 с.
16. Roberts, M. The Military Revolution, 1560 – 1660 / M. Roberts // Roberts M. Essays in Swedish History. – L., 1967.
17. Parker, G. The «Military Revolution», 1560 – 1660 – a Myth? / G. Parker // The Journal of Modern History. – Vol. 48. – № 2 (June 1976).
18. Black, J. A Military revolution? Military Change in European Society, 1550 – 1800 / J. Black. – L.: Macmillan, 1991. – 340 p.
19. Downing, B. M. The Military Revolution and Political Change: origins of democracy and autocracy in early Modern Europe / B. M. Downing. – Princeton: Princeton University Press, 1992. – 308 p.
20. Poe, M. The Military Revolution, Administrative Development, and Cultural Change in Early Modern Russia / M. Poe // The Journal of Early Modern History. – Vol. 2. – № 3 Leiden. – 1998.
21. Мак-Нил, У. В погоне за мощью. Технология, вооружение и общество в XI – XX веках / У. Мак-Нил. – М.: Территория будущего, 2008. – 456 с.
22. Тилли, Ч. Принуждение, капитал и европейские государства 1990 – 1992 / Ч. Тилли. – М.: Территория будущего, 2009. – 464 с.
23. Андерсон, П. Родословная абсолютистского государства / П. Андерсон. – М.: Территория будущего, 2010. – 512 с.
24. Лахман, Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего нового времени / Р. Лахман. – М.: Территория будущего, 2010. – 456 с.
25. Kennedy, P. The Rise and Fall of The Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000 / P. Kennedy. – New York: Random House, 1987. – 677 p.
26. Цыганков, В. В. Военная революция и становление современной мир-экономики / В. В. Цыганков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Педагогика. – 2009. – Т. 10. – № 1.
27. Побережников, И. В. Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / И. В. Побережников. – Екатеринбург. – 2011. – 23 с.
28. Ким, О. В. Военный фактор модернизации допетровской России в современной англоязычной историографии / О. В. Ким // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – Вып. 3(118).
29. Rueschemeyer, D. Partial modernization / D. Rueschemeyer // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons / Ed. by J.C. Loubser et al. – New York, 1976. – Vol. 2.

Информация об авторе:

Ким Олег Витальевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков факультета истории и международных отношений КемГУ, zaecposad@gmail.com.

Oleg V. Kim – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Medieval History, Kemerovo State University.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В АКВИТАНИИ В ХОДЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕСТГОТСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Д. С. Коньков

TRANSFORMATION OF SOCIAL RELATIONS IN AQUITAINE DURING THE FORMATION OF THE VISIGOTHIC KINGDOM

D. S. Konkov

В статье исследуется проблема изменения социальных взаимосвязей и отношений в римской Южной Галлии в результате поселения в этом регионе вестготов в качестве федератов. В центре внимания отношения вестготов и местного галло-римского населения в контексте сопоставления планов и ориентиров каждой из сторон и их реализации. Также рассматривается влияние вестготов на трансформацию социальных связей внутри галло-римского населения.

The paper investigates the changing of the social interactions and relations in Roman Southern Gaul after the settlement of the Visigoths as federates in this region. The investigation of the relationship of the Visigoths and the Gallo-Roman population is focused on the context of comparing the plans and targets for each of the parties and their implementation. The article also examines the impact of the Visigoths on the transformation of social relations within the Gallo-Roman population.

Ключевые слова: социальные отношения, варвары, вестготы, варварское королевство, поздняя Римская империя, Аквитания.

Keywords: social relations, Barbarians, Visigoths, barbaric kingdom, the late Roman Empire, Aquitaine.

Период поздней античности и раннего средневековья для Западной Европы ознаменовался крупнейшим общественным и политическим преобразованием: падением Римской империи и созданием параллельно с этим процессом новых социально-политических объединений – варварских королевств. Однако ни в коем случае нельзя рассматривать эти исторические тренды в отрыве друг от друга. В то же время, как представляется, нельзя и переоценивать фактор преемственности римской или варварской традиции в ходе этих процессов. Объектом исторического познания в конечном счете выступают люди, их поступки, решения, образ мысли, и именно люди являлись участниками и действующими лицами, определявшими, отражавшими, диагностирующими распад старого и создание нового на рубеже эпох античности и средневековья. Широкий спектр подобных судьбоносных решений и кризисного поведения, связанного с преобразованием существовавших социальных связей, демонстрировала Аквитания 418 – 470 гг.

Последствия присутствия вестготов в Аквитании проявили себя лишь со временем. Первоначально, по всей видимости, это было ординарным мероприятием, сопровождавшимся заключением стандартного *foedus* между империей и варварами на ее территории. Непосредственный текст этого *foedus* или хотя бы сколько-нибудь презентативные косвенные свидетельства о нем не сохранились, поэтому об условиях расселения остается догадываться. Э. А. Томпсон описывает их как типовую для подобных случаев систему *hospitalitas* [1, с. 48 – 49], однако П. Хизер правомерно замечает на это, что единственное прямое свидетельство источников об этих условиях – слова «филосторгия» о том, что готам пожаловали земли в Галлии для возделывания [2, с. 251; 3, с. 372], которые ничего не доказывают. Исследователь видит единственную возможность уточнить условия поселения го-

тов в Аквитании с помощью потенциальных археологических данных. Тем не менее П. Хизер не находит нужным спорить с выводами Э. А. Томпсона. Само отсутствие отдельных сообщений источников об условиях поселения вестготов отчасти подтверждает их заурядность.

Р. Матисен и Х. Сиван полагают, что в договоре 418 года выстраивалась иерархическая модель соподчинения от римского императора к готскому королю, знати и простолюдинам; однако тут же оговариваются, что имперское правительство стремилось сохранить контроль над Аквитанией с помощью своих эмиссаров [4, р. 11]. П. Хизер также сомневается в существовании в каком-либо виде самостоятельной административной власти вестготского предводителя в Аквитании, по крайней мере, в 418 году, а вероятнее – в течение всего правления Теодориха (418 – 450 гг.) [5, р. 183 – 185]. На тот момент практика договоров с варварскими объединениями на территории империи не предполагала и не могла предполагать предоставление им административной и тем более территориальной автономии. Аквитания оставалась римской провинцией и иным образом не воспринималась.

В свете вышесказанного следует заключить, что в 418 году вестготы в Аквитании представляли собой в первую очередь войско на службе императора; Теодорих, соответственно, расценивался как римлянами, так и вестготами как военачальник в армейской иерархии империи. В источниках отсутствуют данные о присвоении ему официального армейского статуса *magister militum*, следовательно, войско вестготов находилось в ранге вспомогательного, а власть Теодориха распространялась только на вестготов, не затрагивая римские структуры. В этот период провинция Аквитания Вторая оставалась неотъемлемой частью административной системы империи.

Э. А. Томпсон оценивает отношение Теодориха к римлянам как избирательную и осторожную враждебность и считает, что вестготы в этот период пользовались любой возможностью ослабления империи для организации набегов [1, с. 50]. Однако это не так. Смерть Гонория в 423 году означала регентство Галлы Плацидии, а реально – военачальника Кастина, затем с попустительства последнего, как указывает Проспер, узурпацию Иоанна [6]. Ни одно из этих событий, действительно ослаблявших империю, не вызвало враждебной реакции Теодориха, вопреки логике Э. А. Томпсона.

Ю. Б. Циркин не считает вестготов априори противниками империи, но предполагает, что они в этот период стремились к самостоятельности от имперского правительства, к созданию собственного королевства на отведенных для поселения территориях. Как полагает Ю. Б. Циркин, смерть Гонория в 423 году освободила вестготов от обязательств федератского договора 418 года, и Теодорих воспользовался этим, отказавшись его возобновлять [7, с. 154 – 155]. Однако и это не так. Теодорих заявил о себе только в 425 году наступлением на Арль. И даже оно было скорее демонстративным, чем реальным – Проспер и Исидор Севильский утверждают, что вестготы ушли сразу, как только появились слухи о подходе войск Аэция [6; 8]. К этому времени с момента смерти Гонория прошли годы, чрезвычайно насыщенные событиями для Западной империи. Вряд ли вести из Италии в Южную Галлию доходили за несколько лет, и Теодорих узнал о смерти Гонория только к 425 году. Следует предположить, что он был информирован о происходящем, но предпочитал не вмешиваться. В ситуации борьбы за престол империи и непредсказуемости ее исхода это было естественным образом действий только в том случае, если вестготы были ориентированы на сохранение отношений с имперским правительством и на перезаключение договора: в период 423 – 425 гг. не было ясно, с кем именно его перезаключать.

Именно в ключе демонстративного обращения на себя внимания ради выгодных условий нового *foedus* оценивает агрессивные акции вестготов в отношении аквитанских городов Х. Вольфрам [9, с. 249]. Этой же позиции придерживаются и Р. Матисен, и Х. Сиван [4, р. 16]. П. Хизер рассматривает ситуацию более комплексно, вводя в систему отношений вестготов и империи аквитанскую галло-римскую знать как самостоятельную переменную. Он считает, что близких контактов и взаимного сотрудничества между вестготами и аквитанцами в течение правления Теодориха не было. Имперское правительство целенаправленно позаботилось об этом, создав совет галльских провинций в Равенне ради упрочения влияния центра среди галло-римлян [5, р. 192]. Первоначально это возымело ожидаемый эффект.

Будучи субординатами административной иерархии, вестготы могли рассчитывать на улучшение условий своего расселения только через пересмотр условий договора. Инструмент для давления на имперские власти в этом смысле был известен и традиционен – демонстративные набеги и походы. Естественно, что в качестве цели для подобных походов

выбирались наиболее значимые местные центры, как Арль и Нарбонна, которые было важно не столько завоевать, сколько обозначить такое намерение и возможность. Возможно, в русле этой тенденции в 436 – 439 гг. развернулась полномасштабная кампания вестготов, начавшаяся с похода на Нарбонну. Причины очередной демонстрации сил Теодорихом с первого взгляда не ясны, но в контексте имперских событий этого времени объяснимы. Начиная с 435 года Аэций, назначенный *magister militum praesentalis*, занялся урегулированием отношений с различными варварскими объединениями. Теперь он хотел ставить условия договоров – об этом говорит его целеустремленность. Осада Нарбонны вестготами была снята Аэцием и его подчиненным Литорием, но на этом противостояние не прекратилось. Более того, к нему были привлечены отряды гуннов, личных союзников Аэция. Идаций сообщает о восьми тысячах готов, убитых Аэцием – что хотя и представляется преувеличением, но показательно характеризует серьезность его намерений. В 439 году римляне и гунны уже подошли к Тулузе [6; 10].

И в этот момент источник рисует интересную картину. В соответствии с Житием св. Оренция Ошского Теодорих через христианских епископов пробовал начать переговоры и заключить мирный договор («*cum pax ab illis postularetur: ille Episcopos mitterent*») [11, р. 60]. Характерно, что отношение к Литорию со стороны Оренция резко отрицательное как к язычнику и предводителю язычников-гуннов; в сравнении с ним Теодорих, будучи христианином, изображен в положительных тонах [9, с. 250]. Подобное отношение может свидетельствовать о солидаризации между местным галло-римским населением и вестготами; очевидно, за двадцать лет установились достаточно крепкие контакты, чтобы Оренций идентифицировал себя не с представителями равеннского правительства, а с интересами местного вестготского короля. Из этого следует, что местничество в этот период уже становится доминирующим трендом в интересах аквитанской знати, и последняя, несмотря на усилия имперского правительства, была готова идти на сближение с вестготами. Если в 418 году, в период появления вестготов на аквитанской земле, контакты с местным населением отсутствовали или были напряженными, то к 439 году ситуация изменилась, по крайней мере, в том, что касалось Тулузы.

Стратегия демонстративных походов вестготов продолжала проявлять себя и в дальнейшем – в частности, показателен поход вождя вестготов Торисмунда (451 – 453) на Арль, в ходе которого последний даже не подразумевал военного столкновения, но удовольствовался почестями и уважительными речами местного префекта претория [12, с. 101; 13, р. 125]. С точки зрения Э. А. Томпсона, Торисмунд в своих действиях являлся выразителем традиционной ненависти вестготов к Риму [1, с. 52]. Однако это явно не так, поскольку источники прямо говорят о торжественной встрече, устроенной римлянами Торисмунду, и о его позитивной реакции на нее – следовательно, именно это было тем, чего он хотел и добивался.

Если Торисмунд использовал набеги как традиционный для варваров метод в попытках добиться при-

знания от римлян, то его преемник Теодорих II (453 – 466 гг.) склонялся к уподоблению собственного образа жизни римскому. Э. А. Томпсон видит в этом признаки романизации Теодориха II, возрождение тенденции формирования идентичности готских правителей через службу империи, подобно Алариху и Атаульффу [1, с. 52]. Особенно значимую роль в подтверждении подобной точки зрения играет хрестоматийное письмо Сидония Апполинария, в котором последний подробно описывает внешность, привычки и образ действий Теодориха II. В частности, автор указывает на гармоничное процветание греческих, галльских и итальянских норм и порядков при дворе этого короля (*videas ibi elegantiam Graecam, abundantiam Gallicanam, celeritatem Italiam, publicam pompam privatum diligentiam regiam disciplinam*) [14, р. 4]. Однако А. Р. Корсунский отмечает архаический характер королевского двора вестготов, в значительной мере сохраняющего племенные обычаи [15, с. 50].

П. Диас, пытаясь ответить на вопрос, насколько в образе Теодориха II у Сидония отражены римские и варварские черты и в какой пропорции они соотносятся, приходит к заключению, что Сидоний транслирует стереотипный день и манеру поведения отчасти римских императоров, отчасти провинциальных имперских функционеров, то есть собственно германского элемента в описании Сидония не содержится. П. Диас предполагает возможность амбивалентности действий и привычек Теодориха II: для галло-римлян он был образцовым патрицием, для вестготов – вождем. Впрочем, исследователь здесь воздерживается от определенных суждений [16, р. 332]. П. Хизер при своем ироничном отношении к Сидонию не склонен воспринимать этот пассаж относительно романизации вестготского предводителя буквально. Он прямо говорит, что судить о реальном положении дел при вестготском дворе по тексту данного письма нельзя – оно лишь является неким сигналом для галло-римской знати, что Теодорих II – достойный партнер для отношений [5, р. 193; 17, с. 588]. Тем не менее подобный сигнал сам по себе говорит о сознательной стратегии Теодориха II по сотрудничеству с империей.

Следующим шагом в осуществлении этой стратегии было провозглашение императором Авита. В том, что для вестготов это событие стало одним из ключевых в трансформации отношений с империей, уверены большинство исследователей; П. Хизер, Р. Матисен и Х. Сиван придают ему особенное значение. С точки зрения П. Хизера, это была решительная, но неудачная попытка инкорпорирования готского элемента в имперские структуры, реанимирования распадающейся системы через слияние варварских и римских составляющих на основании сохранения имперских институтов [5, р. 193; 17, с. 588]. Р. Матисен и Х. Сиван уточняют, что инициатором этой попытки была галло-римская аристократия, рассчитывающая наладить прочные связи с готами и получить возможность распоряжаться военными силами последних за неимением своих собственных [4, р. 18]. Другие исследователи склоняются к тому, чтобы считать главной движущей силой в данном случае Теодориха II [9, с. 254; 18, с. 50], буквально воспринимая слова Сидония. Последний приводит воззвание Теодориха II в

адрес Авита подобрать упавшую имперскую корону во времена безвластия в Риме (после убийства Петрония Максима) ради сохранения договора с вестготами [19, р. 162].

Однако другие источники не подтверждают какую-либо деятельность предводителя вестготов в этом отношении, что заставляет считать высказывание Сидония риторическим приемом. Идаций отмечает особое уважение, которым пользовался Авит в Тулузе, но здесь же говорит о нем как об арльском августе («*Avitus Gallus civis ab exercitu Gallicano et ab honoratis, primum Tolosae, dehinc apud Arelatum Augustus appellatus*») [10]. Сидоний подтверждает, что вопрос об избрании императором Авита решался собранием галльской аристократии [19, р. 162], которое, очевидно, состоялось в Арле. Теодорих II вошел в Арль как друг и союзник уже после состоявшегося избрания, о чем свидетельствует Марий Аваншский [20]. Иордан вообще не отмечает участие Теодориха II в возвышении Авита. Таким образом, нельзя считать Авита марионеточным императором вестготов; скорее, этот эпизод следует расценивать как попытку реализации своих интересов галло-римской знатью в условиях вакуума власти в империи и устойчивых проримских настроений вестготских правителей.

П. Хизер подчеркивает, что своей поддержкой Авита вестготы вступили в фракционную борьбу в распадающейся империи и вынужденно должны были определяться в своих интересах и пристрастиях [17, с. 594]. Переворот в Италии и убийство Авита только упрочили тренд сближения вестготов и галло-римской знати, по мнению исследователя [5, р. 194]. Это мнение отчасти подтверждается последующим развитием событий.

Основным источником, дающим показательную картину происходящего в это время, являются письма галло-римского аристократа Сидония Апполинария. В письме 468 года он описывает суд над префектом претория Галлии Арвандом [14, р. 16 – 20]. Письмо имеет более конкретный характер, нежели обычные для Сидония причудливые пассажи, и излагает всю историю падения Арванда. Последний, судя по имени, галл относительно простого происхождения, был ставленником равеннского военачальника-варвара Рикимера, возможно – его соратником. Возглавив на своем посту одну из крупнейших и наиболее богатых провинций, он естественным образом оказался принят в круг местной галло-римской знати, отчего Сидоний причисляет Арванда к своим друзьям. Однако если первое свое пребывание в должности префекта Арванд завершил успешно, то став префектом во второй раз, быстро растерял былую популярность. По словам Сидония, этому способствовали огромные долги, капризы, издевательства над просителями и репрессии против своих возможных конкурентов. Однако поводом для ареста и суда оказалось не это, а письмо Арванда королю вестготов Эвриху с предложением изгнать миром с «греческим императором», разбить бретонцев, все еще поддерживавших имперские притязания, и разделить Южную Галлию с бургундами. Как говорит Сидоний, для темпераментного короля варва-

ров этого было достаточно, чтобы воспламениться жаждой войны.

Не вполне ясно, кто имеется в данном эпизоде в виду под греческим императором – собственно император Константинополя или же Анфемий, действительно грек и ставленник восточного двора, в это время прибывший в Италию. Х. Вольфрам полагает, что Арванд не признал последнего и поэтому пошел на союз с готами [9, с. 261, 334]. Х. К. Тейтлер в своих пространственных рассуждениях относительно мотивов Арванда привлекает свидетельства Кассиодора и Павла Диакона, намекавших на узурпаторские намерения префекта [21, р. 312]. Возможно, оказавшись в столь патовой личной ситуации, как это изображает Сидоний, Арванд утратил чувство реальности и действительно мечтал об имперском троне. Однако, судя по тому же Сидонию, Арванд, в отличие от недавнего прецедента галльского узурпатора Авита, также опиравшегося на вестготов, не пользовался популярностью среди галло-римской знати, не был ее представителем и не стремился защищать чьи-либо интересы, кроме своих собственных. Речь для него шла скорее о том, чтобы защитить свое положение, хрупкое без поддержки Рикимера и в условиях противостояния с местной знатью, уже выдвигавшей на пост префекта претория своего представителя Тонантия Ферреола. Поэтому и новый император Анфемий, независимая от Рикимера фигура, был принят Арвандом в штыки как очередная угроза. В подобных условиях естественно было обратиться к относительно независимой силе в Южной Галлии – вестготам.

Кроме того, говоря о предполагаемых мотивах Арванда, Д. Клауде и П. Хизер указывают на неверие в политическое будущее Западной империи как ведущий из них. Более того, в этом неверии Арванд мог выступать не только от собственного имени, но и от имени галльских землевладельцев, разочарованных в способности империи поддерживать порядок на территории провинции и ищущих иных протекторов [18, с. 77; 17, с. 653 – 654].

Таким образом, очевиден намечающийся раскол в видении своего будущего не только среди вестготов, но и среди галло-римлян, где Арванд представлял одну точку зрения, а Сидоний и Ферреол – другую. Как свидетельствует Иордан, Эврих в полной мере последовал совету Арванда: отправился в поход на бретонов, сокрушительно разгромил их и попытался установить свой контроль над Галлией [22, с. 107]. Однако римляне Северной Галлии во главе с комитом Анжера Павлом при поддержке франков положили этим претензиям конец [23, с. 44]. Данная ситуация интересна тем, что Эврих формально не разрывал соглашения с Римом: он действовал по просьбе римского чиновника, префекта претория. Другое дело, что хаотичная борьба за римский престол отражалась на обстановке в Галлии. Павел, Сиагриус и Хильдерик на севере не признали власти Рикимера и де факто существовали самостоятельно. Арванд как ставленник Рикимера, их прямой соперник, и мог опираться только на вестготское войско. Власть Анфемию не признал никто из них, поскольку не получил бы от подобного признания никаких выгод.

Эврих действовал при поддержке и сотрудничестве определенной части галло-римлян, которые, подобно Арванду и Сиагрию, не желали связывать свое будущее с уже эфемерной империей. Даже сам Сидоний, противник союза с вестготами, в то же время в письме 470 года выражает большие сомнения в способности Анфемию вмешаться в ситуацию [14, р. 35].

В том же письме упоминается в исключительно негативном контексте викарий (заместитель префекта претория) Аквитании Серонат, обвиняемый Сидонием среди прочего в тесном сотрудничестве с тулузскими готами – вплоть до того, что эдикты готов тот ставит выше, нежели кодекс Феодосия. У. Гоффарт в своем анализе данного фрагмента писем Сидония указывает на его риторический характер, не позволяющий прочитывать его буквально как преобладание готского законодательства над римским в это время. Неоспорим, по мнению У. Гоффарта, лишь тот факт, что Сидоний был возмущен поведением Сероната, его политикой по взиманию госпитских податей в пользу готов у римского населения [24, р. 246 – 247].

Таким образом, очевидно, что аквитанская знать и чиновничество принципиально раскололись по факту отношения к Эвриху и Анфемию, силам и перспективам, которые стояли за этими фигурами. Для Эвриха не было нужды вступать в открытый военный конфликт в этот период, поскольку ему не оказывалось сопротивления. Напротив, высшие должностные лица провинции оказывали ему поддержку и давали санкцию на расширение покровительства на основе традиционного института военного постоя *hospitalitas*. Х. Вольфрам полагает, что Серонат лишь восстанавливал налогообложение, имевшее место ранее, но забытое в период войны, что само по себе вызвало возмущение галло-римских землевладельцев, таких, как Сидоний. Однако Серонат добавил к уже имевшимся налогам и подати в пользу готов, что окончательно сделало его «Катилиной наших дней», по выражению Сидония [25, р. 181 – 182]. Последнее, очевидно, было предпринято в рамках курса на расширение готского покровительства. Р. Матисен, напротив, отстаивает мнение о насильственной аннексии готами новых территорий, в результате которой римские чиновники становились одновременно и чиновниками готскими за отсутствием у готов институтов гражданского администрирования [4, р. 30 – 31]. Однако вне зависимости от взглядов отдельных исследователей на ситуацию можно однозначно констатировать, что в 460-х годах перед населением Галлии стоял выбор и каждый из жителей Аквитании должен был определиться в нем. Поскольку в зависимости от личных предпочтений, статуса, происхождения, биографии и карьеры этот выбор мог стать диаметрально противоположным даже для друзей, людей одного круга, как это показал пример Арванда и Сидония, более того, для отцов и детей, по мнению П. Хизера [17, с. 655], то неудивительна ситуация гражданского раскола и противостояния, назревавшая в Аквитании, как можно предположить, даже без сознательного вмешательства Эвриха, без целенаправленных шагов с его стороны.

Литература

1. Томпсон, Э. А. Римляне и варвары. Падение Западной империи / Э. А. Томпсон. – М.: Ювента, 2003. – 288 с.
2. Филосторгий. Сокращение «Церковной истории» / Филосторгий // Церковные историки IV – V веков. – М.: РОССПЭН, 2007. – 624 с.
3. Хизер, П. Падение Римской империи / П. Хизер. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 800 с.
4. Mathisen, R. Forging a New Identity: The Kingdom of Toulouse and the Frontiers of Visigothic Aquitania (418 – 507) / R. Mathisen, H. Sivan // The Visigoths: Studies in Culture and Society. – Leiden: Koninklijke Brill, 1999.
5. Heather, P. The Goths / P. Heather. – Wiley-Blackwell, 1998.
6. Хроника Проспера Аквитанского. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Prosper_Aqvit/-text1.phtml?id=6887 (дата обращения: 01.12.2012).
7. Циркин, Ю. Б. Испания от античности к средневековью / Ю. Б. Циркин. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ: Нестор-История, 2010. – 456 с.
8. Исидор Севильский. История готов. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/frameset.htm (дата обращения: 10.12.2012).
9. Вольфрам, Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Х. Вольфрам. – М.: Ювента, 2003. – 656 с.
10. Hydatii Episcopi Chronicon. – Режим доступа: <http://www.thelatinlibrary.com/hydatiuschronicon.html> (дата обращения: 5.12.2012).
11. De Sancto Orientio // Acta Sanctorum Maii. – T. I. – Bruxelles: Culture et Civilisation, 1968.
12. Козлов, А. С. Тенденциозность «Галльской хроники 511 года» / А. С. Козлов // Античная древность и средние века. – 2006. – Вып. 37.
13. The Letters of Sidonius. – Volume 2. – Oxford: Clarendon Press, 1915.
14. The Letters of Sidonius. – Volume 1. – Oxford: Clarendon Press, 1915.
15. Корсунский, А. Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств / А. Р. Корсунский, Р. Гюнтер. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 256 с.
16. Diaz, P. C. Visigothic political structures / P. C. Diaz // The Visigoths from the migration period to the seventh century. – Boydell & Brewer Ltd, 2003.
17. Клауде, Д. История вестготов / Д. Клауде. – СПб.: Евразия, 2002. – 288 с.
18. Sidonius. Poems and letters. – V. I. – London: William Heinemann Ltd, 1963.
19. Марий Аваншский. Хроника / Аваншский Марий. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/-Marius_Aventic/frameset.htm (дата обращения: 15.12.2012).
20. Teitler, H. C. Un-Roman activities in late antique Gaul: the cases of Arvandus and Seronatus / H. C. Teitler // Fifth Century Gaul: A Crisis of Identity? Cambridge University Press. – 1992.
21. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Иордан. – СПб.: Алетейя, 1997. – 512 с.
22. Турский, Г. История франков / Г. Турский. – М.: Наука, 1987. – 464 с.
23. Goffart, W. Barbarians and Romans, A. D. 418 – 584: The Techniques of Accommodation / W. Goffart. – Princeton University Press, 1980.
24. Wolfram, H. Neglected Evidence on the accommodation of barbarians in Gaul / H. Wolfram // Kingdoms of the Empire. – Leiden: Koninklijke Brill, 1997.

Информация об авторе:

Коньков Дмитрий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета, dkonkov@mail.ru.

Dmitriy S. Konkov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of the Ancient and Medieval History and the Methodology of History, Tomsk State University.

УДК 94(47+57):314.742

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В ГЕРМАНИИ XX ВЕКА: КОНТИНУИТЕТ, РАЗРЫВЫ, РАЗВИТИЕ

Л. Н. Корнева

SOCIAL POLICY AND WELFARE STATE IN GERMANY IN THE 20TH CENTURY: CONTINUITY, RUPTURES, DEVELOPMENT

L. N. Korneva

В статье исследуются направления социальной политики, организации социального дела в Германии XX века. Автор прослеживает обусловленность социальной политики разными политическими режимами – де-

мократическим, нацистским, коммунистическим. Выделяет континуитеты и разрывы в социальной политике в ходе формирования в Германии социального государства.

The paper studies the social policy and the organization of social affairs in Germany in the 20th century. The author traces the dependence of social policy on different political modes – democratic, nazi, communist. The continuation and ruptures in the social policy during formation of the social state in Germany are allocated.

Ключевые слова: социальная политика, социальное государство, социальное дело, эксперты, континуитет, разрыв, диктатура.

Keywords: social policy, social state, social affairs, experts, continuation, rupture, dictatorship.

Германия накопила богатый опыт в сфере проведения социальной политики и социального дела, начиная с кайзеровского государства XIX – начала XX века. В политическом развитии страны в прошлом столетии ярко отразились три ведущие политические тенденции: фашистская, коммунистическая и либеральная. Нацистский Третий рейх, коммунистическая диктатура СЕПГ в ГДР, социал-либеральное государство ФРГ и как его зачаток Веймарская республика дают возможности для анализа различных вариантов трансформации социальной деятельности немецкого общества в зависимости от внутреннего политического развития.

В нацистском государстве ценой его социальной политики стали изгнание и геноцид негерманского населения и последующая социальная катастрофа 1945 – 1949 гг. В послевоенной Германии социальные государства создавались в условиях раскола на две антагонистические в политическом и экономическом плане страны. После объединения Германии в 1990 г. остро встал вопрос о кризисе социального государства как следствия быстрой трансформации восточно-германского общества, миграционных процессов и расширения европейской интеграции.

Интересен также вопрос о том, что больше определяло социальную политику – внутренние или внешние факторы? В Веймарской Германии не ведущую, но большую роль играл внешний фактор. На объём социальной помощи и направления социальной политики влияли обстоятельства поражения Германии в первой мировой войне и условия Версальского договора. В социальных начинаниях нацистского государства очевидно, что больше преобладали внутренние, чем внешние факторы. Деятельность Германского Трудового фронта (ДАФ), его крупнейшее подразделение спорта, туризма и отдыха «Сила через радость», благотворительные акции «Зимняя помощь» и др. чётко действовали в рамках нацистской идеологии и пропаганды расового «народного государства» [11, s. 245 – 267].

Что касается социальной политики ГДР, то здесь, не бесспорно, но всё-таки преобладал внешний фактор, поскольку на общество Восточной Германии в ходе его «советизации» была перенесена социальная модель Советского Союза. Например, при введении в ГДР минимальной пенсии был скопирован опыт СССР [10, s. 179]. Одновременно можно, вероятно, сказать, что социальная модель ГДР носила патерналистский характер со стороны государства и продолжала в этом смысле традиционную линию немецкого социального государства кайзеровской Германии. В некоторых случаях в ГДР имело место смешение не-

мецкой и советской моделей, и даже реимпорт немецкого социального знания в СССР [9, s. 109].

Если рассматривать социальный опыт ФРГ после 1945 года, то внутренний фактор будет не так явно виден на фоне преобладания такого сильного внешнего фактора как послевоенная «вестернизация» Западной Германии, которая проникла во все поры немецкого общества, в том числе и в область социальной политики. Но все же традиционные основы немецкой социальной государственности были затронуты в меньшей степени. «Уже крутая карьера понятия социального государства после 1945 г. в западно-германском словоупотреблении – пишет Х. Г. Хокерс, – достаточно показательна» [2, s. 10]. Этот термин с одной стороны вбирал в себя понятие «государство народного благоденствия», а с другой стороны, свидетельствовал о проникновении британско-скандинавских идей государства народного благосостояния (например, с всеобщей пенсией для граждан, преимущественно финансируемой из налогов национальной службой здравоохранения). Западные державы обозначали только рамочные условия «для исторического поворота оси Германии на Запад». Но всё же «формовка» социального государства в ФРГ во всех основных пунктах была результатом внутригерманских дискуссий и решений и в начальные годы становления ФРГ социальная политика находилась полностью в руках немецкого государства [2, s. 10].

Позднее на разработку различных сторон развития социального государства стал влиять процесс западноевропейской интеграции, например, в 60-е гг. в контексте европейского сравнения велись дискуссии по использованию в ФРГ Кейнсианской модели политики занятости. В дальнейшем экономическая и финансовая интеграция Западной Европы в определённой степени ставила ограничения мероприятиям социального государства.

Сравнительный анализ трёх путей создания социальной государственности в Германии предоставляет шансы проследить, насколько политические, экономические и культурные трансформации в стране отражаются на состоянии и облике социального государства. В немецкой историографии в этом направлении уже развернулось исследование различных объектов деятельности социального государства. Объектами анализа стала политика в отношении занятости населения, здравоохранения и обеспечения старости, сферы гендерных отношений и др. Сравнительные исследования позволяют более конкретно определить общее и особенное в социальной политике нацистского государства, коммунистической ГДР, либеральной

ФРГ (и как её зачатка – Веймарской республики) и выделить некую парадигму развития социального государства.

Интерес также представляет сравнительный анализ социальной политики с точки зрения дихотомии двух германских диктатур, а также анализ социальной политики синхронно существовавших после Второй мировой войны двух германских государств. Проверим некоторые из этих тезисов на примере организации социальной деятельности и привлечения специалистов, т. к. это было важной чертой уже на стадии зачатков социального государства в Германии, и эта тенденция получила дальнейшее развитие.

Главным объектом *социальной политики Веймарской республики 1919 – 1932 гг.* стали трудовые отношения, а социальной помощи – наиболее бедные слои рабочих, поскольку социал-демократы находились длительное время у власти. В связи с ситуацией после первой мировой войны возросла потребность в компетентных специалистах в социальной сфере. Чётко обозначается начало профессиональных подходов к области вспомоществования. Важную роль сыграли постановление 1920 г. о профессиональной подготовке социальных работников и постановление 1927 г. о социальной работе. Одновременно растёт запрос на учёных, ориентирующихся на применение гуманитарных знаний. Прежде всего, это социальные медики, а также психологи, психиатры или социологи. В Веймарской республике разработка ведущих линий социального обеспечения перешла к научно-квалифицированным «экспертам» политических партий и объединений, в то время как в кайзеровском рейхе этим занимались «академики» – члены соответствующих союзов, например «Общество социальной политики» [1, s. 50 – 54]. Эта тенденция привела к появлению в Веймарской республике специфических профессиональных органов и объединений. Например, «Германское объединение общественного и частного попечения» стало важнейшим профессиональным объединением с собственной информационной службой по вопросам попечения [1, s. 72]. К сожалению, в период острого кризиса 1929 – 1933 г. построенная сеть социального обеспечения тоже впадала в кризис, разразилась длительная полемика о формах и объёмах социальной помощи.

Для нацистского режима 1933 – 1945 гг. характерным было, по словам Р. Лутца, «технократическое социальное планирование и террористическое социальное регулирование» [7, s. 236]. Уже в июне 1933 г. был принят «Закон о пресечении наследственно больного поколения». Центральную роль в преобразовании социального права в русле расово-гигиенических целей режима играли юристы. Профессора, судьи, правоведы разных уровней легитимировали ограничения социальных благ в соответствии с руководящими идеями нацистской политики. Совместно с медиками юристы дифференцировали группы, которые должны были ограничиваться в социальных правах и охватываться репрессивными мероприятиями. Круг задетого этим населения охватывал евреев и наследственно больных арийцев, цыган, чуждые «народному

сообществу» асоциальные элементы, а во время войны – «чужие расы».

Нацистский режим быстро изгнал из социальных учреждений специалистов из социал-демократических и либеральных кругов и взамен самоуправления ввёл в организациях социальной помощи принцип фюрерства. Осенью 1933 г. нацистское «Общество народного вспомоществования» (НСВ) под флагом идеи «народного сообщества» инициировало проект «Зимняя помощь» противопоставляя его деятельность официальным социальным службам [3, с. 132 – 150].

На первых порах нацисты были вынуждены считаться с сильным влиянием профессионалов в социальной области, оставшихся со времён Веймарской республики, т. к. НСВ в очень малой степени располагало специалистами в области социального управления. На 2/3 это были заслуженные партийные «борцы» периода 1929 – 1933 гг. [3, s. 377]. Но политическая целенаправленность режима, постепенное вытеснение церкви из службы попечительства повысили интерес руководства ДАФ и НСВ к привлечению специалистов для собственных организаций. Подготовка к войне и конъюнктура вооружений также потребовали социально-планомерных знаний и социально-политического обсуждения. При этом нацисты «пересортировали» содержание образования и составных частей социального знания. Расовая гигиена стала ведущей наукой в социальной области: врачи, директора домов престарелых, попечительницы получили в большей или меньшей степени знания из этой новой части медицинской дисциплины [3, s. 237].

Проекты формирования будущего социального государства в духе «народного сообщества» востребовали также специалистов гуманитарного направления. Здесь, прежде всего, следует назвать исследовательские работы Института труда ДАФ. Они занимались двумя главными темами: трудовые отношения и социальная политика. Поля исследования были весьма обширны: проведение свободного времени, потребительские желания и система зарплаты, процессы рационализации, производственная социальная политика, наконец, квартирный вопрос и общая область системы социального обеспечения. Целью всех этих обсуждений был т. н. «План генерального штаба по социальному преобразованию». Все эти планирования воплотились в конечном итоге в нацистском амбициозном проекте «Социальное дело немецкого народа», который разрабатывался на волне внешнеполитических и военных успехов 1939 – 1941 годов. В этом коллективном предприятии участвовали не только убеждённые сторонники нацистской партии и СС, но и бывшие социал-демократы, функционеры профсоюзов, а также научные эксперты и советники из штабов министерской бюрократии [12, s. 186 – 197]. Все они работали над созданием позитивного образа «процветающего народного сообщества» посредством чёткого разделения между «неполноценными» группами населения и «полноценными», но «нуждающимися в помощи, которых борьба против чуждых элементов выбрасывает на обочину жизни». Военное поражение

Германии похоронило эти реакционно-утопические планы.

В послевоенной советской зоне оккупации Восточной Германии (1945 – 1949) политический карантин денацификации в секторах общего здравоохранения, социального обеспечения и общественного вспомоществования был достаточно длительным. Ни ведущие госслужащие, ни главные функционеры ДАФ и НСВ не возвратились на свои посты в социальное управление Восточной Германии и в последующем – ГДР. Вместо них настал час преследовавшихся после 1933 г. социальных политиков КПГ и СДПГ. Эта группа экспертов обобщила практический опыт социального обеспечения и социальных учреждений, в том числе на коммунальном уровне Веймарского времени и пустила его в дело.

Построение общей службы здравоохранения, введение единого обеспечения для рабочих и служащих, а также восстановление самоуправления при непосредственном участии профсоюзов было проведено преимущественно этим кругом экспертов. Рядом со старыми партийными экспертами КПГ и СДПГ были привлечены молодые управленцы социальной политикой из периода нацизма, а также молодое поколение из рядов новых профсоюзов и Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). При поддержке военной администрации в советской зоне удалось установить монополию СЕПГ в политической сфере, а также и в социальной политике. Официальная партийная линия провозглашала «дебюрократизацию» социальных учреждений и пропагандировала в сталинском духе приход в учреждения социального обеспечения «надёжных рабочих» и «способных профсоюзников». В действительности речь шла об исключении из этой администрации социал-демократических кадров [7, s. 239].

В ГДР (1949 – 1990 гг.) социальное обеспечение, будучи официальной партийно-государственной линией, носило патерналистский характер. В 50-е годы в свете ускоренного социалистического строительства и советизации область социальной политики отошла на второй план. Термин «социальная политика» надолго исчез из лексики партийного руководства. В результате дело дошло до депрофессионализации социальных учреждений [13, s. 461 – 482]. Но в 60-е годы произошли существенные изменения. Их востребовали новые дефиниции социальной политики как части строительства социализма в ГДР. Началась разработка и оформление широких социальных программ, особенно на производстве. Требование научного оснащения социальных программ привело к открытию в 1965 году «Отделения социальной политики» в Высшей школе профсоюзов. Параллельно с этим экономисты, учёные в области трудовых отношений и социологи вместе с министерской бюрократией стали разрабатывать планы реформ в пенсионном обеспечении, в производственной и социальной политике, в здравоохранении. Планы реформ по улучшению экономичности социального обеспечения привели в конечном итоге к соответствующему постановлению политбюро СЕПГ относительно более широких пла-

нов профессионализации в ФДГБ (Свободные немецкие профсоюзы) [6, s. 217].

Вплоть до конца ГДР вопросы социальной политики оставались актуальными и в организаторском, и в кадровом плане. Появлялись новые институты, научные советы, которые сопровождали социальную политику. Увеличилось число научных экспертов, произошло признание социального дела как поля для профессиональной деятельности. В 1966 г. в университете Гумбольдта была введена как центральная образовательная дисциплина социальная педагогика. В 1974 г. создаётся Научный совет по социальной политике и демографии, в 1978 г. – Институт социологии и социальной политики в АН ГДР.

Вместе с тем разработки ученых в 70 – 80-е годы часто не доходили до партийного руководства, занятого утверждением своей власти. Ослабевал контроль за социальными проблемами и планами, эмпирические данные без оформления партийного руководства лежали без движения, недостатки плановой экономики и патернализм СЕПГ становился препятствием на пути совершенствования социальной политики.

В западных зонах послевоенной оккупации, а затем в ФРГ большое значение играло обращение к опыту Веймарской республики в социальной области. Её организационные принципы и основные социально-политические идеи стали фундаментом возрождения социальной работы. Сохранилась преемственность экспертов. В отличие от ГДР часто специалисты социального дела, как и при нацизме, сохранили свои посты и влияние. Это юристы-управленцы, медики, экономисты. Только лишь социальные эксперты НСДАП в узком смысле этого слова, прежде всего из НСВ и ДАФ, уже больше не возвращались на свои места [7, s. 242]. Центральное значение для привлечения экспертов играло то, что они должны были обеспечить континуитет социального дела Веймарской Республики через период национал-социализма к ФРГ.

Наряду со старыми экспертами, довольно быстро заняли места молодые социальные работники периода нацизма. Общественная дискуссия относительно их вовлечённости и ответственности за действия режима не состоялась. Нужно учитывать при этом, что в первые годы послевоенных лишений важна была немедленная помощь людям и возрождение социального дела. Оставшиеся со времён нацизма молодые работники усилили организаторские, правовые и концептуальные континуитеты в изменившихся внутривнутриполитических условиях. Шло восстановление специальных советов, комиссий по социальному делу на уровне федерации, земель и коммун [7, s. 243]. В середине 50-х годов в ФРГ состоялась первая широкая общественная дискуссия в связи с подготовкой большой пенсионной реформы 1957 года.

Круг экспертов стал существенно меняться со второй половины 60-х гг. в результате изменений в структуре общества, открытия школ по социальному делу и социальной педагогике, использования достижений научных школ в социальной области. Произошла быстрая смена поколений и замена по-старому образованных кадров. Одновременно произошёл

сдвиг в объёме социальной работы: помощь молодёжи, дальнейшее расширение поля медицинского обеспечения. Усилилось влияние социально-образованных специалистов, экспертов социального государства. Одновременно развились в 70-е годы и далее широкие академические исследования в области социологии и политологии, которые стали систематически заниматься проблемами социального государства [9, s. 101 – 131]. Параллельно с ними активно действовали официальные государственные исследовательские центры и комитеты, эксперты по социальному делу в различных институтах, министерствах, партиях. Создалась конкуренция социальных планов, их критическое отношение друг к другу [8, s. 165 – 193]. В 80 – 90-е гг. XX века наблюдается усиление связи между экспертами по социальному делу и политическими решениями.

Выводы

1. В целом в течение XX века в Германии при всех политических режимах прослеживается поступательный ход развития социального дела, соблюдается определённая преемственность в социальной политике, возрастает профессионализация управления социальной сферой. Разрывы или откаты связаны главным образом с идеологическими постулатами немецких диктатур, в условиях нацистского режима принявшие крайне уродливые и антигуманные черты в отношении «неполноценных» людей и рас.

2. Разделительными чертами в социальной политике XX века, видимо, можно считать *1933 год* – приход нацистской партии (НСДАП) к власти, и *1990 год* – восстановление единства Германии. Сле-

дующие за этими датами десятилетия отмечены широкой инициализацией социального дела.

3. Если сравнивать диктатуры, то существуют основательные различия в социальной политике между диктатурой НСДАП и СЕПГ. В частности режим ГДР был очень далёк от идейно-политических притязаний нацистов. Новые лояльные диктатуре СЕПГ эксперты социальной политики рекрутировались из низших слоёв, далёких от науки. Их поле деятельности было гораздо уже, чем при нацистской диктатуре. Господствовала официальная идеология, которая сдерживала социальную науку. В социальной педагогике и социальной психологии были поставлены ограничения исследованиям. Политическая диктатура ограничивала самостоятельность экспертов.

4. Если сравнивать два параллельно существовавших германских государства в 1949 – 1990 гг., то ситуация в ФРГ отличалась от положения дел в ГДР. В социальном деле Боннская республика показала больший континуитет с нацистским режимом, и происходило это ещё из периода западных оккупационных зон. Экспертные штабы социальных учреждений и министерств периода нацизма были привлечены к сотрудничеству в послевоенное время. Широкие дебаты по пенсионной реформе 1957 г. в ФРГ привели к институализации участия научных экспертов в социальной политике. Выросла роль независимых экспертов, больше связанных корпоративно, чем с министерскими и политическими структурами. Время покажет, насколько поможет «онаучивание» социальной политики» (Р. Лутц) решить проблему серьёзного кризиса современного социального государства.

Литература

1. André, G. SozialAmt. Eine historisch-systematische Einführung in seine Entwicklung / G. André. – Weinheim; Basel, 1994.
2. Drei Wege deutscher Sozialstaatlichkeit: NS-Diktatur, Bundesrepublik und DDR im Vergleich / hrsg. von Hockerts H. G. – München, 1998.
3. Hansen, E. Wohlfahrtspolitik im NS-Staat. Motivationen, Konflikte und Machtstrukturen im „Sozialismus der Tat“ des Dritten Reiches / E. Hansen. – Augsburg, 1991.
4. Hockerts, H. G. Sozialpolitische Entscheidungen im Nachkriegsdeutschland. Alliierte und deutsche Sozialversicherungspolitik 1945 bis 1957 / H. G. Hockerts. – Stuttgart, 1980.
5. Hockerts, H. G. Grundlinien und soziale Folgen der Sozialpolitik der DDR / H. G. Hockerts // Kaelble u. a. (Hrsg.): Sozialgeschichte der DDR. – Stuttgart, 1994.
6. Hoffmann, D. Sozialpolitische Neuordnung in der SBZ/DDR. Der Umbau der Sozialversicherung 1945 – 1956 / D. Hoffmann. – München, 1996.
7. Lutz, R. Experten im Sozialstaat / R. Lutz // Drei Wege deutscher Sozialstaatlichkeit... Lutz R. Die Verwissenschaftlichung des Sozialen als methodische und konzeptionelle Herausforderung für eine Sozialgeschichte des 20. Jahrhunderts // Geschichte und Gesellschaft. – 1996. – № 22.
8. Manow, Ph. Entwicklungslinien ost- und westdeutscher Gesundheitspolitik zwischen doppelter Staatsgründung, deutscher Einigung und europäischer Integration / Ph. Manow // Zeitschrift für Sozialreform. – 1997. – № 43.
9. Merl, S. Sowjetisierung in der Welt des Konsums / S. Merl // Jarausch K., Siegrist H. (Hrsg.). Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945 – 1970. – Frankfurt am M.; New York, 1997.
10. Recker, M.-L. Sozialpolitik im Dritten Reich / M.-L. Recker // Pohl H. (Hrsg.). Staatliche, städtische, betriebliche und kirchliche Sozialpolitik. – Stuttgart, 1991.
11. Roth, K. H. Intelligenz und Sozialpolitik im, Dritten Reich / K. H. Roth. – München u. a., 1993.
12. Von Berlepsch, H.-J. «Sozialistische Sozialpolitik?» Zur sozialpolitischen Konzeption und Strategie der SPD in den Jahren 1949 bis 1966 / H.-J. Von Berlepsch // K. Tenfelde, Arbeiter im 20. Jahrhundert. – Stuttgart, 1991.

Информация об авторе:

Корнева Лидия Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, 8(384-2)58-06-01, korneva_21@mail.ru.

Lidiya N. Korneva – Doctor of History, Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

УДК 94(44:430):327«1933/1939»

ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1933 – 1939 гг.: ЭТАПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Н. Г. Костромина

FRANCO-GERMAN RELATIONS IN 1933 – 1939: STAGES OF POLITICAL TRANSFORMATION

N. G. Kostromina

В статье рассматриваются франко-германские отношения в период 1933 – 1939 гг. Автор указывает на трансформацию немецкой политической системы, выявляет этапы в развитии предвоенной внешней политики Германии, стремится продемонстрировать, как эти изменения отразились на внутренней и внешней политике Франции и других государств Западной Европы.

The article deals with the Franco-German relations in 1933 – 1939. The author studies the transformation of the German political system, identifies the stages of the development of the pre-war German foreign policy, and seeks to demonstrate how these changes affected domestic and foreign policies of France and other Western European States.

Ключевые слова: франко-германские отношения в период 1933 – 1939 гг., трансформации политических систем, влияние внутренней политической трансформации на международные отношения.

Keywords: Franco-German relations in 1933 – 1939, transformation of political systems, influence of internal political transformation on international relations.

На протяжении XX века повсеместно в мире происходили трансформации политических систем. XX век также стал свидетелем перехода государственной власти к диктаторским мобилизационным движениям. Так, Гитлер организовал «элитистскую мобилизационную систему, нацеленную на перевооружение Германии, достижение господства арийской расы, завоевание Европы и уничтожение евреев» [15]. Эта система распалась только после разгрома нацистской Германии. Недолгое по историческим меркам существование этой системы в Германии повлекло за собой ряд изменений и во внутренней, и во внешней политике соседних государств Западной Европы.

Наиболее наглядный пример: франко-германские отношения в период 1933 – 1939 гг.

С приходом к власти в Германии нацистской партии внешняя политика приобретала совершенно иной характер. На первый план выдвинулись агрессивные задачи, которые были подробно изложены в «Майн кампф» Гитлера. В основном они сводились к следующему:

- 1) грабительской войне против СССР;
- 2) поражению Франции;
- 3) разгрому Британской империи и мелких государств в Европе.

Для выполнения этих задач необходима была подготовка. Поэтому внешнеполитическая программа НСДАП исходила из необходимости поэтапного продвижения как к конечным, так и к промежуточным целям. «В предвоенной внешней политике фашистской Германии можно выделить три этапа, осуществление которых должно было предшествовать переходу к открытой борьбе за господство в Европе» [14, с. 208].

Первый этап, 1933 – 1935 гг.: внутренняя консолидация режима, наращивание вооружений, упрочение внешнеполитических позиций путём разрушения существующего соотношения сил в Европе.

Второй этап, 1935 – 1937 гг.: переход к открытой гонке вооружений, отказ от территориальных установлений Версальского договора, акции по нагнетанию международной напряжённости (вмешательство в гражданскую войну в Испании, создание политического блока Берлин – Рим – Токио).

Третий этап, 1938 – 1939 гг.: переход к агрессивным действиям в Европе, захват территорий суверенных государств, форсированная военно-экономическая, идеологическая и политико-дипломатическая подготовка к войне.

Каждый этап в развитии предвоенной внешней политики Германии совпадал в основном с фазами стратегического планирования войны нацистскими генштабами [5, с. 191], так как достижение внешнеполитических целей представлялось лидерам и идеологам национал-социализма возможным только при помощи силы.

Важнейшая роль в подготовке фашистской агрессии принадлежала германской дипломатии. Перед ней стояла задача «обеспечить внешнеполитические условия для агрессии: привлечь союзников, разрушить систему коллективной безопасности государств, складывающуюся в Европе, замаскировать экспансионистские планы, изолировать очередные жертвы гитлеровской агрессии» [13, с. 132].

Одной из таких держав была Франция. Нацистское «движение» с самого начала воспитывалось на маниакальной ненависти к зарейнскому «наследственному врагу». Десятки страниц «библии» герман-

ского фашизма, гитлеровской «Майн кампф», были заполнены «обоснованием» необходимости разгрома Франции – «смертельного врага», «подлого противника», «французского палача», «лютого ненавистника Германии», причём разгрома «любой ценой» [10, с. 28]. Гитлер писал, что «нужно, прежде всего, уничтожить стремление Франции к гегемонии в Европе, ибо Франция является смертельным врагом немецкого народа, она душит нас и лишает нас всякой силы» [13, с. 138]. Объявив Францию «смертельным врагом», Гитлер откровенно заявлял, что Германия видит в уничтожении Франции средство дать «германскому народу возможность как можно шире распространиться на чужой территории» [1, с. 10]. Однако на первых порах, чтобы успокоить общественное мнение, встревоженное тем, что в центре Европы в одной из великих держав к власти пришла партия, которая открыто провозгласила основной целью своей политики подготовку войны за передел мира, фашистская клика была вынуждена временно маскировать свои цели пацифистской демагогией. Гитлер неоднократно выступал с речами о «мирных» устремлениях Германии, лицемерно заявляя об её отказе от претензий к западным державам. Свои агрессивные действия гитлеровское правительство маскировало требованиями ревизии Версаля и предоставления Германии равенства с другими державами в вопросе вооружения. Вместе с тем во всех своих выступлениях Гитлер неизменно подчеркивал антисоветскую направленность внешней политики Германии [13, с. 154].

Итак, планы увеличения германских вооружённых сил, которые должны были стать орудием осуществления агрессивной внешней политики, гитлеровцы начали разрабатывать сразу после прихода к власти. В апреле 1933 года Гитлер дал секретный приказ создать к 1 апреля 1938 г. такие вооружённые силы, которые бы стали «орудием политической власти». На первых порах эти планы, как и фактическое вооружение Германии, тщательно маскировались. В этих целях гитлеровской дипломатией использовалась трибуна Лиги Наций [12, с. 26].

В октябре 1933 года британский министр иностранных дел Джон Саймон под нажимом Франции выдвигает на Женевской конференции новый план, но теперь уже «с учётом французских интересов» (о контроле Франции за вооружениями в Германии). Гитлер с благородным возмущением отзывает германскую делегацию из Женевы. «Он не может больше выносить, когда его мирными намерениями так открыто спекулируют, нарушая равноправие Германии!» [9, с. 78]. Вслед за этим Германия заявила о своём выходе из Лиги Наций. На другой день после объявления о выходе Германии из Лиги Наций Гитлер и Геббельс в своих официальных выступлениях предложили французам союз против «мирового большевизма». Гитлеровская Германия не прекращала своих усилий добиться согласия западных держав на легальное вооружение своей армии. 24 ноября 1933 года французский посол в Берлине Фрасуа-Понсе встретился с Гитлером. Гитлер объявил ему, что Германия хочет договориться с Францией об «ограничении вооружений». Однако на деле Гитлер добивался санкций западных держав, в том числе и Франции, на увеличе-

ние численности рейхсвера до 300 тыс. человек и на сокращение срока службы в нём. 11 декабря состоялась ещё одна встреча Гитлера с Фрасуа-Понсе. Гитлер требовал не только согласия на германские вооружения, но и немедленной передачи Германии Саарской области. Интересен тот факт, что «французское правительство в основном не сопротивлялось гитлеровским домогательствам» [12, с. 32]. Франция категорически не соглашалась только с требованием Гитлера передать Саарскую область Германии без предусмотренного в Версальском договоре плебисцита. В то время сделка не состоялась. Франция настаивала на гарантиях в рамках Лиги Наций и требовала от Германии подтверждения Локарнских соглашений и неприкосновенность германо-французской границы.

Усиление германского реваншизма, внешнеполитическая программа нацистов серьёзно беспокоили Францию. В это время ей уже не приходилось рассчитывать на безоговорочную поддержку большинства своих союзников по первой мировой войне. Своё положение она пыталась «возместить» системой союзов с малыми странами – Бельгией, Польшей, Чехословакией, Югославией. Но эти союзы в военном отношении были недостаточно эффективны, а главное – ненадежны. Чем сильнее становилась Германия, тем меньше Франция могла рассчитывать на своих союзников [2, с. 11]. Большую роль в этот момент приобретает для Франции союз с Россией (в 1932 году правительством Эррио был заключён пакт о ненападении между Францией и Советским Союзом). Приход фашистов к власти в Германии ещё более усилил значение для Франции возможности опереться на помощь и поддержку Советского Союза [8, с. 59]. Французская сторона настаивала на необходимости заключения пакта в рамках Лиги Наций [2, с. 17]. Немецкая дипломатия была прекрасно осведомлена в этом отношении, поэтому она старалась не допустить создания и укрепления этих союзов. С этой целью французских политиков «пытались уверить в том, что, за исключением Саара, нет никаких противоречий между Францией и Германией, так как вопрос об Эльзас-Лотарингии окончательно якобы решен» [3, с. 71]. Заверяя Францию в дружественных чувствах, гитлеровские пропагандисты усиленно внушали немецкому народу ненависть к французской «расе негроидов» [7, с. 590]. Нацистские главы навязывали Франции сепаратное соглашение по вопросу вооружений, стремились разрушить французскую систему союзов в Восточной Европе, так как к 1933 году Франция, «связанная военными-политическими союзами со странами Малой Антанты и другими государствами Европы, располагала сильнейшими вооружёнными силами в Западной Европе» [13, с. 157].

Подрыву безопасности служил так называемый «пакт согласия и сотрудничества», подписанный представителями четырёх держав Англии, Франции, Германии и Италии 15 июля 1933 года. «Участники соглашения обязались согласовывать свою внешнюю политику, пересмотреть мирные договоры, признать равенство вооружённых сил участников пакта, то есть, прежде всего, фактически одобрить перевооружение Германии». «Опасность пакта четырёх держав состояла в том, что он мог дать основания считать,

что мы пренебрегаем Россией и собираемся развязать Германии руки на Востоке», – писал генерал Гамелен, начальник французского генерального штаба [3, с. 72].

Под давлением французской общественности, а также из-за резкого недовольства, проявляемого странами Малой Антанты и Польши, «пакт четырёх» не был ратифицирован. Внешнеполитическая активность гитлеровцев после выхода из Лиги Наций проявилась не только в попытках заключить «пакт четырёх», но и в вопросе о так называемом «объединении Европы» под главенством Германии. Гитлеровский лозунг «объединения Европы» был сформулирован еще в 1932 году неким Вильгельмом Кубе. При этом острие «объединённой Европы» должно было быть направлено против Советского Союза и не в последнюю очередь против Англии и Франции. Проект, составленный Кубе, предполагал не только отмену Версальского договора, но и даже выплату Францией денежной компенсации Германии за выполнение последних версальских обязательств [12, с. 42].

Державы, подписавшие Версальский договор, всегда ожидали с опасением то время, когда Германия снова начнёт вооружаться. Они втайне надеялись, что если оно и настанет, то не скоро. Поэтому они испытывали серьёзную озабоченность, когда в Женеве 18 декабря 1933 года был получен меморандум из Берлина: «В современных условиях уже нельзя считать вероятным серьёзное проведение мер по разоружению». Поэтому Германия значительно увеличит численность своей армии и повысит военные расходы на 90 %. Так официально произошло одностороннее нарушение условий Версаля [9, с. 78].

Тревога в Женеве сопровождалась гневом в Париже, разочарованием в Лондоне. Повсюду дипломаты пришли в движение. Поворот оказался слишком резким, и Гитлер опять столь же внезапно даёт ещё одно доказательство своих «мирных намерений». 26 января 1934 года он заключает пакт о ненападении с Польшей на 10 лет [9, с. 78].

Франция начинает серьёзно беспокоиться за свою безопасность, особенно после событий 6 февраля 1934 года во Франции. Основные постановления Версаля уже были отменены, а оставшиеся как раз явились предметом споров в этот период времени. Внутривнутриполитическая обстановка во Франции была далека от стабильности. Во многом это определяется особенностью интеллектуального климата во Франции 1930 – 1940-х гг. Приход Гитлера к власти и антифашистский поворот в политике Коминтерна глубоко изменили соотношение политических сил. Жестокости нацистов и принятая Москвой стратегия Народного фронта поляризовали левые и правые силы относительно двух полюсов: фашизма и коммунизма. Это был важнейший период в современной политической истории Франции.

В 1934 году в Париже усилиями гитлеровского разведчика и дипломата Отто Абеца был создан «франко-германский комитет», который стал штабом гитлеровцев во французской столице. В результате деятельности гитлеровской агентуры Франция в начале 1935 года во многом пошла навстречу пожеланиям Гитлера. Но присоединение Саара к Германии не

принесло Франции ожидаемого «примирения» с нацистами.

В нарушение статьи 173 Версальского договора 16 марта 1935 года было объявлено о введении в Германии всеобщей воинской повинности. Односторонний разрыв Германией Версальского договора не встретил отпора со стороны правящих кругов Англии, Франции и США. Единственным реальным шагом, последовавшим за нарушением Германией своих международных обязательств, было заключение советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи, «но и этот шаг был отголоском периода Барту, а не провозвестником решимости Франции бороться с агрессией». Лаваль отклонил практически все советские предложения, которые были нацелены на то, «чтобы превратить договоры в прочную основу для будущего единого фронта мира» [10, с. 34].

Теперь для Берлина уже не представляла волнений начавшаяся 11 апреля 1935 года в г. Стресе англо-франко-итальянская конференция о германских вооружениях. Хотя Франция требовала конкретных санкций против Германии, Англия и Италия их отклонила. В итоге, участники конференции выразили лишь своё «сожаление» по поводу вооружения Германии, так и не договорившись ни о каких конкретных мерах по его пресечению [12, с. 52]. Введение всеобщей воинской повинности в Германии обесценивало переговоры о разоружении. Вслед за этим 14 ноября 1936 года Германия объявила об отказе выполнять свои обязательства по Версальскому договору, касающиеся режима Рейна, Дуная, Эльбы и Одера.

Вслед за этим последовало экономическое и политическое проникновение Германии на Балканы, которое наносило удар по французской системе союзов. Однако и это не встретило со стороны Франции заметного противодействия. Французские правящие круги «не сделали должных выводов и из подписания в ноябре 1936 года Германией и Японией так называемого «антикоминтерновского пакта», к которому в ноябре 1937 года присоединилась Италия» [3, с. 79]. «Смертельная угроза нависла над Францией», но во имя «сотрудничества» с гитлеровцами они пренебрегали интересами национальной обороны. И «лишь кризис 1936 г. побудил Францию принять решение о выделении кредитов на вооружение, которые обязаны были открыть возможность частично модернизировать французскую армию и провоцировать повышение её энтузиазма к восточным союзникам» [16, р. 180].

Положение Франции усугублялось и тем, что французские правящие круги во имя «умиротворения» гитлеровцев всё более открыто игнорировали интересы своих союзников. Опасаясь недовольства со стороны Берлина, они отвергли предложения Чехословакии, Румынии и Югославии о подписании соглашений о взаимопомощи против агрессии со стороны любого государства. В результате – Малая Антанта распадалась. Польша всё сильнее втягивалась в «орбиту германского влияния». В 1937 году был подписан итало-югославский «договор о дружбе». Румыния превращалась в аграрно-сырьевой придаток гер-

манского фашизма. Франция оказалась «в окружении враждебных ей сил» [3, с. 80].

17 июля 1937 года между Германией и Англией было заключено соглашение о военно-морских вооружениях, продолжавшее линию соглашения 1935 года. Оказало поддержку гитлеровской Германии и правительство Даладье во Франции, пришедшее к власти в июле 1937 года [1, с. 299].

Франция, обеспокоенная за сферы своего влияния в Восточной Европе, чувствовала угрозу. Однако все попытки Франции укрепить в это время сотрудничество с Германией потерпели провал. В ноябре 1937 года в Париже побывал с неофициальным визитом немецкий посол фон Папен. Французские политики были вполне удовлетворены заявлением Папена, будто все пограничные вопросы между Германией и Францией окончательно решены и пересматриваться не будут. «Не будем проявлять героизм ради Австрии, – заявил во французском парламенте премьер-министр Фланден, – лучше укроемся за нашей линией Мажино» [11, с. 256].

Совещание 5 ноября 1937 года явилось рубежом в развитии агрессивной внешней политики фашистской Германии. Пассивная позиция Франции в Австрийском вопросе, нежелание французского правительства мешать агрессивным действиям Германии облегчили германским войскам захват Австрии. Германская дипломатия и пропаганда старались внушить руководителям внешней политики Франции, что «мирное урегулирование австрийского вопроса» приведёт к полному примирению между Францией и Германией. 12 марта 1938 года под предлогом наведения порядка германские войска перешли границу Австрии. Франция, которая была основным гарантом независимости Австрии (статья 88 Сен-Жерменского мирного договора от 10 сентября 1919 года прямо запрещала аншлюс), не предприняла никаких действий. В начале апреля Франция, как и Англия, официально признала аншлюс.

29 сентября 1938 г. в Мюнхене в фашистском «Коричневом доме» открылась конференция. Она явилась формальным завершением сделки Франции и Англии с Германией и Италией. 30 сентября соглашение было подписано [6, с. 287 – 299]. После закрытия конференции была подписана англо-германская, а затем и франко-германская декларации [4, с. 38]. Декларация была подписана Риббентропом и Боннэ в Париже 6 декабря 1938 года [4, с. 137]. Она предоставляла Германии фактически полную свободу действий на Востоке и наносила удар по советско-французскому пакту о взаимопомощи, поскольку взяв на себя обязательство не воевать против Германии, Франция не могла оказать помощь СССР в случае германской агрессии на Востоке. Гитлер был уверен в безнаказанности агрессии. Он всячески рекламировал Мюнхен как «торжество мира» и т. д.

Мюнхенское соглашение нанесло последний удар по той системе союзов, «с помощью которой французская дипломатия рассчитывала обеспечить безопасность своей страны». Отказавшись от Чехословакии, Франция, таким образом, ускорила отход от себя Румынии и Югославии. Правительства этих стран теперь искали поддержки у Германии. Ухудшилось и

стратегическое положение Франции. Прогитлеровская политика Франко создавала серьёзную угрозу на пиренейской границе. Таким образом, последствия «мюнхенской сделки носили для Франции катастрофический характер в политическом, военном и моральном отношении» [10, с. 39].

14 октября 1938 года Геринг объявил о приказе Гитлера осуществить широкую программу вооружения, в том числе увеличить германские военно-воздушные силы в 5 раз, а также усилить другие наступательные виды оружия – тяжёлую артиллерию и танки.

Полагая, что мюнхенское соглашение, англо-германская и франко-германские декларации создали гарантии для развёртывания германской агрессии исключительно на Восток, против Советского Союза, Франция, Англия и США после Мюнхена способствовали увеличению военно-промышленного потенциала Германии. С этой целью был заключён ряд картельных соглашений с германскими монополиями [12, с. 139].

Уже в конце 1938 года германское правительство откровенно заявило, что Чехословакия зависит только от Германии и поэтому никакие гарантии не нужны. 28 февраля 1939 года Англия и Франция получили германскую ноту, где говорилось о невозможности международной гарантии чехословацких границ, поскольку не были удовлетворены претензии Польши и Венгрии к Чехословакии. Таким образом, Мюнхен «не принёс и не мог принести мира» [3, с. 90].

Захват Чехословакии изменил соотношение сил в Европе в пользу гитлеровской Германии и в ущерб Франции и Англии. Западные державы не предприняли эффективных шагов против германской агрессии [13, с. 440].

После захвата Чехословакии фашистская Германия ещё более форсированным темпом стала готовиться к развязыванию «большой войны» в Европе. В 1939 году было в основном закончено создание армии, способной на военные действия крупного масштаба. Однако, «в проведении своей агрессивной политики гитлеровцы рассчитывали не только на военную силу. Опыт последующих лет убедил их в том, что многого они могут достигнуть, опираясь на прямое пособничество со стороны западных держав» [12, с. 151]. Именно поэтому они вели в этот период широкие переговоры с представителями западных держав. За несколько дней до подписания дюссельдорфского соглашения (14 – 15 марта 1939 года) французские монополии предложили Германии сделку. Она должна была содействовать расширению франко-германской торговли и сотрудничеству монополий обеих стран на мировых рынках. Переговоры об этом начались ещё в декабре 1938 года во время пребывания Риббентропа в Париже. Планировалось, что после соглашения между монополистами Германии и Англии будет организована встреча германских и французских промышленников. Французская сторона предлагала, чтобы было достигнуто широкое соглашение о сотрудничестве [13, с. 443]. Соглашение, однако, не состоялось из-за серьёзных разногласий. Основные разногласия «между Германией, с одной стороны, и Англией с Францией, с другой стороны, в

этот период обострились ввиду распространения германского влияния на Центральную и Юго-Восточную Европу в ущерб позициям Англии и Франции» [12, с. 152].

В марте 1939 года Франция и Англия приняли на себя взаимное обязательство оказывать друг другу помощь в случае нападения третьей стороны. Военные приготовления Германии весьма беспокоили правящие круги западных держав. Они боялись, как бы Германия не начала военные действия на Западе, вместо того, чтобы начать их на Востоке. Поэтому они начинают подумывать о сближении с Советским Союзом. Гитлеровцы были хорошо осведомлены об англо-франко-советских переговорах. Ведомство Риббентропа делало всё возможное, чтобы помешать им. Германия запугивала Францию и, вместе с тем обещала, что только Восточная Европа станет «германской сферой». Одновременно гитлеровцы проводили усиленные приготовления к нападению на Польшу [13, с. 463].

Франция, этап за этапом сдавая свои позиции на международной арене своему сопернику Германии, постепенно из державы победительницы превратилась в побеждённую державу. Соперничество между ними осложнялось тем, что они находились в непосредственной близости друг друга, разделённые только границей, споры о которой также велись на протяжении столетий. На протяжении всего периода 1933 – 1939 гг. имело место и тесное сотрудничество, в основном в экономической сфере. Державы заключали между собой сделки и договоры не только на государственном, но и на частном уровнях. Важно также то, что благодаря усилиям других западных держав и США, это сближение происходило лишь периодически

и не всегда имело далеко идущие планы. К тому же сотрудничеству мешала Версальская система, от которой не могла отказаться Франция из-за своей боязни усиления мощи Германии. В результате неуступчивости и предвзятости Франции в Германии стал возможен приход к власти нацистов (другая альтернатива – коммунисты, которые для Франции были ещё страшнее), что создало непосредственную угрозу безопасности Франции. Но и теперь ещё была возможность предотвратить будущую агрессию путём силового давления. Но французская дипломатия избрала другой метод решения проблем. Метод уступок и соглашений, надеясь таким образом отвести от себя агрессию.

В итоге можно сделать вывод. Поэтапное отступление Франции во внешней политике явилось результатом внутренней политической трансформации. От установления Версальской системы до её постепенной ликвидации, а затем и полной «капитуляции» перед Германией. Если в первый период решающее слово оставалось за Францией, одной из держав-творцов Версальской системы, то потом её влияние ослабевает. Решения выносятся с согласия Франции (план «Дауэса»). Последующие события происходили уже по договорённости государств, хотя с некоторым преобладанием Франции (планы «Юнга» и «Пан-Европы»). Далее все происходит лишь при участии Франции (Мюнхенское соглашение).

Взаимоотношения между Францией и Германией существенно повлияли на расстановку политических сил на международной арене, а также сыграли существенную роль в подготовке военного столкновения друг с другом.

Литература

1. Белоусова, З. С. Франция и европейская безопасность 1928 – 1939 гг. / З. С. Белоусова. – М.: Наука, 1976. – 417 с.
2. Белоусова, З. С. Французская дипломатия накануне Мюнхена / З. С. Белоусова. – М.: Наука, 1964. – 298 с.
3. Борисов, Ю. В. Советско-французские отношения и безопасность Европы / Ю. В. Борисов. – М., 1960. – 256 с.
4. Год кризиса 1938 – 1939: в 2 т. – М.: Политиздат, 1990. – Т. 1. – 560 с.
5. Дашичев, В. И. Банкротство стратегии германского фашизма / В. И. Дашичев. – М.: Наука, 1973. – Т. I. – 63 с.
6. Документы и материалы кануна второй мировой войны. – Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1948.
7. История дипломатии. – Т. III. – М., 1973.
8. Овсяный, И. Д. Тайна, в которой война рождалась / И. Д. Овсяный. – М.: Политиздат, 1971. – 385 с.
9. Проэктор, Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели / Д. М. Проэктор. – М.: Наука, 1985. – 257 с.
10. Семычев, М. К. Соседи по Рейну вчера и сегодня / М. К. Семычев. – М., 1988. – 182 с.
11. Табуи, Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы / Ж. Табуи. – М.: Грифон, 2005. – 320 с.
12. Ушаков, В. Б. Внешняя политика гитлеровской Германии / В. Б. Ушаков. – М.: Изд-во ИМО, 1961. – 200 с.
13. Фомин, В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе (1933 – 1939 гг.) / В. Т. Фомин. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 640 с.
14. Чубарьян, А. О. Европа в международных отношениях 1917 – 1939 гг. / А. О. Чубарьян. – М.: Наука, 1979. – 189 с.
15. Эндрейн, Чарльз Ф. Сравнительный анализ политических систем / Чарльз Ф. Эндрейн. – Режим доступа: <http://all-politologija.ru/knigi/sravnitelnij-analiz-politicheskix-sistem/transformacii-politicheskix-sistem> (дата обращения: 27.11.2012).
16. Commission d'Enquetes Parlementaires. Les evenements survenus en France de 1933 a 1939. – Bd. II. – 1939 p.

Информация об авторе:

Костромина Надежда Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета истории и международных отношений КемГУ, Kostromina_nadej@mail.ru.

Nadezda G. Kostromina – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

УДК 327

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЭВС ПОСЛЕ КРИЗИСА 2008 г.

Е. Ю. Лицарева

THE EMU SYSTEM REFORM AFTER THE CRISIS OF 2008

E. Y. Litsareva

В статье анализируется процесс трансформации Экономического и валютного союза после финансового и экономического кризиса 2008 г., когда стало очевидным, что необходимы серьезные изменения всей структуры управления ЭВС. Автор выявляет причины и основные этапы реформирования системы ЭВС после углубления финансового кризиса весной 2010 г.

The paper examines the process of transformation of the Economic and Monetary Union after the financial and economic crisis of 2008 when it became clear that significant changes are needed throughout the management structure of EMU. The author identifies the causes and main stages of the EMU system reform after the deepening of the financial crisis in the spring of 2010.

Ключевые слова: Европейский центральный банк, Европейский стабилизационный механизм.

Keywords: European Central Bank, European stability mechanism.

Зародившийся в США экономический и финансовый кризис 2008 – 2009 гг. затронул практически все значимые экономики мира (за исключением некоторых азиатских экономик) и приобрел глобальный характер. Два квартала подряд к концу 2008 г. в экономике стран ЕС отсутствовал рост. В ЕС-27 в конце первого квартала 2009 г. продолжился рост безработицы, которая составляла 8,4 %, а в зоне евро – 8,9 %. По данным Евростата падение ВВП составило более 4 % [1, с. 5]. Для того, чтобы положить конец прогнозам относительно дальнейшего падения евро и распада еврозоны после разразившегося финансового и экономического кризиса в 2008 г. и его углубления весной 2010 г., вызванного неспособностью Греции выполнять свои долговые обязательства, был разработан Европейский стабилизационный механизм [2, с. 215]. 10 мая 2010 г. европейские министры финансов утвердили решение создать стабилизационный фонд, направленный на поддержку тех стран еврозоны, которые не могли сами преодолеть последствия роста государственного долга. На саммите Евросоюза в Брюсселе в декабре 2010 г. было принято решение о создании постоянно действующего стабилизационного фонда для поддержания стабильности единой европейской валюты и национальных экономик. Он должен был заменить существующий временный механизм. Первоначально предполагалось создать постоянный фонд к июню 2013 г. [3].

В сложившихся условиях ЕС сталкивался еще с одной проблемой, касающейся поддержания стабильности единой валюты. Расширение еврозоны, особенно в восточном направлении, оказалось весьма проблематичным без дальнейшей политической интеграции. Расширение Евросоюза на восток привело к рас-

смотрению вариантов пересмотра и ужесточения критериев конвергенции, чтобы не допустить к вхождению в зону евро государств, недостаточно подготовленных к функционированию единой валюты. Наряду с маастрихтскими критериями предлагалось, например, учитывать способность поддерживать в долгосрочной перспективе уровень таких макроэкономических показателей, как темпы экономического роста, ВВП на душу населения. Правда, предложения пересмотреть основные критерии конвергенции и ввести новые вызвали недовольство среди государств – кандидатов, так как это фактически сводило на нет политику, которую страны уже осуществляли, чтобы соответствовать действующим критериям конвергенции.

По мере углубления экономического и финансового кризиса становилось очевидным, что доверие к евро снизится, если не будет тесной координации политики ЕС в бюджетной, структурной и иных сферах. Учитывая существование общей валюты, рынков и центрального банка в рамках еврозоны, председатель ЕЦБ Жан-Клод Трише в июне 2011 г. предложил странам-участницам сформировать единое управление – общее министерство финансов, которое контролировало бы бюджетную политику всех 17-ти членов еврозоны [4]. Основой для будущего управления финансами в Евросоюзе стал одобренный 16 сентября 2011 г. в польском городе Вроцлаве в ходе заседания Совета по экономическим и финансовым вопросам с участием министров финансов Европейского союза и представителей центральных банков стран-членов «Пакт по повышению конкурентоспособности» [5].

В условиях поиска путей выхода из углубляющегося экономического и финансового кризиса значи-

тельно укреплялись позиции Европейской комиссии. Жак Делор, возглавлявший Европейскую комиссию с 1985 по 1995 гг., с именем которого связан ключевой этап европейской интеграции и решение задачи исторического масштаба – введение единой европейской валюты, отвечая на вопросы корреспондента телеканала «Евроныюз» 13 сентября 2011 г. весьма сожалел о том, что в 1997 г., наряду с принятием Пакта стабильности и роста, главами всех правительств была отвергнута его идея о необходимости договора о координации экономической политики (к идее которого европейские политики в той или иной форме возвращались неоднократно). Что не только защитило бы евро, но и стимулировало его. «Тогда можно было бы заметить опасный рост задолженности Испании, тогда бы правительство Ирландии не было обеспокоено дурными операциями своих банков и т. д. Но этого сделано не было», – констатировал видный европейский деятель. Он вообще считал, евро находится на грани краха, а отрицание необходимости укрепления экономического сотрудничества может привести к распаду Евросоюза в целом. Ж. Делор подчеркивал, что в ситуации с Грецией виноваты все во многом в силу того, что система помощи какой-либо стране, попавшей в затруднительное положение, не была предусмотрена, а идея экономического управления всей зоной евро, предложенная Николя Саркози и Ангелой Меркель, приводит только к межправительственному разобщению. «Если господин Саркози и мадам Меркель были бы сторонниками коллективного метода решения проблем, то не тратили бы время на маргинализацию Еврокомиссии и создание дополнительных трудностей для главы Еврогруппы Жан-Клода Юнкера... Мы должны вернуться к коллективному методу, вернуть ему место в Комиссии... Причина всего этого кроется в том, что действия этих двух руководителей противоречат единой политике ЕС», – отмечал Делор, призывая возратить принцип тесного экономического сотрудничества и, исходя из уже принятых решений по европейскому механизму стабильности, выпустить еврооблигации, чтобы укрепить евро. Он предложил также, чтобы Европейский инвестиционный банк расширил свои операции и выпустил еврооблигации, «но не для консолидации задолженностей, а для будущих расходов». В заключении он напомнил, что когда в 1985 г. разрабатывался Единый европейский акт, он базировался «на трех принципах: конкуренции, которая стимулирует, сотрудничестве, которое укрепляет и солидарности, которая объединяет. Сотрудничество является недостающим звеном. Если это не исправить, то приключения евровалюты закончатся и Европа станет просто огромной зоной свободной торговли, «свободной конфедерацией, как говорят англичане», или же будет принято решение о заключении нового договора с большей долей федерализма» [6].

Глава Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу 28 сентября 2011 г., выступая в Страсбурге перед евродепутатами с традиционной речью о текущем состоянии дел и стратегических приоритетах, заявил, что общеевропейскую экономическую политику должна проводить независимая наднациональная инстанция, а именно Еврокомиссия, а не отдельные государ-

ства ЕС [7]. При этом Ж. М. Баррозу неоднократно подчеркивал, что «Еврокомиссия одна не может решить проблему. Мы нуждаемся в совместном лидерстве, в том, чтобы европейские правительства защищали Европу, чтобы они объясняли европейским гражданам, какие потери ожидаются, в случае углубления кризиса в Европе» [8]. Среди конкретных мер экономической программы Еврокомиссии на 2012 г. были выделены создание еврооблигаций и введение налога на финансовые операции. Предполагалось, что акции и облигации будут облагаться налогом в 0,1 %; другие ценные бумаги, в том числе ипотечные деривативы, – в 0,01 %. Операции по обмену валюты не должны были облагаться этим налогом, в отличие от деривативов с них. Более половины поступлений предполагалось направить в общеевропейский бюджет, остальное – в национальные бюджеты [8].

Банкиры еще накануне речи Ж. Баррозу выражали опасения, что налог на финоперации не только не стабилизирует рынки, но и окажет негативное воздействие на евроэкономику. Авторы проекта, напротив, уверяли, что налог заставит биржевых игроков отказаться от наиболее рискованных операций. Еврокомиссар по внутренним рынкам Мишель Барнье считал, что с политической точки зрения налог на финансовые операции принесёт большой объём средств и экономически приемлем для рынка услуг. Президент ЕЦБ Жан-Клод Трише отмечал, что игра стоит свеч только в том случае, если такой налог удастся ввести во всём мире, а не только в странах Евросоюза или еврозоны [9]. Несмотря на то, что в целом первая реакция представителей разных политических сил в Европарламенте на речь Жозе Мануэла Баррозу была в целом благоприятной, некоторые высказали недовольство тем, что помимо главы Еврокомиссии, слишком много людей пытаются руководить финансовой системой Евросоюза. Так, лидер либеральной фракции ALDE бельгиец Ги Верхофстадт заявил, что нужен один представитель Европы – старший комиссар или европейский министр финансов, а их 5: «Господин Юнкер, господин ван Рампей, Господин Рен, Господин Баррозу, председатель Европейского центрбанка, и все разговоры о том, кто представляет Европу, прекратятся!». В интервью «Евроныюз» глава группы народных партий в Европарламенте француз Жозеф Доль пожелал всем членам ЕС «сесть вместе и найти решение. Скажу также, что сейчас мы идем позади банков и рейтинговых агентств. Но политикам нужно снова взять ситуацию под контроль. Именно это сейчас и происходит». Лидер фракции Прогрессивный альянс социалистов и демократов немец Мартин Шульц одобрил стремление Ж. Баррозу вести Европу за собой. «Он показал свою готовность заполнить вакуум, создавшийся в Европейском Союзе, где не хватает лидерства. Но в одиночку он не справится, поэтому ему нужна поддержка парламента. А мы к этому готовы», – заявил он. Глава группы «Европейские объединенные левые» Лотар Биски, представляющий Германию, поддержал предложение Баррозу о выпуске облигаций, хотя руководство этой страны выступало против такой меры по преодолению финансового кризиса. «По-моему, наше федеральное правительство противопоставляет себя Европейскому

союзу, пытаясь удержать все немецкие деньги в Германии. Оно всегда хочет, чтобы за ним всегда оставалось последнее слово. Берлин – против этих евробондов, поскольку не сможет их контролировать», – подчеркнул Лотар Биски [10].

В результате работы Европейский парламент одобрил пакет из шести законов («шесть законодательных инициатив»), призванных ужесточить наказание тем, кто нарушил финансовые правила и отклонился от общей экономической политики. Для тех стран еврозоны, которые сфальсифицировали статистические данные по дефициту бюджета и государственного долга вводился штраф в 0,2 % ВВП. К странам еврозоны, не выполняющим рекомендации по исправлению макроэкономических дисбалансов, предполагалось применять санкции в размере 0,1 % ВВП. Вводился налог на операции с финансовыми инструментами во всех 27 странах ЕС (в зависимости от видов участвующих в сделке инструментов ставка налога составляла от 0,01 % до 0,1 %). Еврокомиссия могла запросить, если это необходимо, дополнительную информацию от государств еврозоны и, кроме того, предполагалось создать законодательные основы для надзора за программами реформ в странах-членах. Вводилась унификация систем определения заработной платы. Устанавливались общие стандарты для подготовки статистических данных, и обеспечивалась независимость статистических управлений. Новые меры предотвращения кризиса вводились без коллективного одобрения и должны были стать почти автоматическими. Осуществление таких мер поручалось Еврокомиссии, которая теперь получала больше полномочий по надзору за финансовой политикой отдельных наций. При этом ослабевала роль Совета Евросоюза [11]. Позже Жозе Мануэл Баррозу в связи с этим подчеркнул, что несмотря на то, что делается все возможное для разрешения кризиса, это «не так просто с 17 странами в зоне евро и с 27 странами в ЕС. Я думаю, мы добились некоторых успехов, но честно говоря, я хотел бы, чтобы мы прогрессировали быстрее, потому что парламенты и правительства действуют гораздо медленнее, чем рынки» [12].

Для усиления надзора за бюджетами стран еврозоны в конце ноября 2011 г. Комиссия представила предложение, касающееся ввода двух новых предписаний. Предлагаемый пакет реформ дополнял Пакт стабильности и роста и содержал новые требования к национальным бюджетам. Первое предписание касалось всех государств еврозоны. При этом учитывались особые условия, предоставляемые странам, ставшим субъектом процедуры чрезмерного дефицита. Во втором предписании устанавливались правила усиления надзора за странами зоны евро, которые столкнулись с проблемами финансовой стабильности; получают финансовую помощь в качестве превентивной меры или части полномасштабной программы помощи; находятся в процессе выхода из механизма предоставления такой помощи. Впервые вводилась общая замкнутая система осуществления надзора за предъявляемыми требованиями. Предписывались и новые требования контроля, которые включали введение общего бюджетного ограничения в рамках определенного временного периода и общих правил оп-

ределения бюджетных показателей (независимые макроэкономические прогнозы, независимые налоговые советы, контролирующие применение национальных правил).

Осенью страны еврозоны должны были предоставлять проекты своих бюджетных планов на будущий год Комиссии и Совету ЕС. Комиссия обязана была проверять эти планы и озвучивать свое мнение государствам-членам в том случае, если проекты противоречат положениям Пакта стабильности и роста. При этом она не получала право вносить изменения. Такая процедура на первоначальном этапе формирования бюджета, с одной стороны, позволяла бы странам получать необходимую информацию для принятия оптимального решения, а с другой – не только проверять проекты бюджетов стран еврозоны до того момента как они обретут законную силу, но и проследить следует ли применять «процедуру чрезмерного дефицита» [13]. Для стран, к которым принималось решение о применении «процедуры чрезмерного дефицита» предусматривалась новая система контроля в соответствии с Пактом стабильности и роста. При помощи осуществления такого контроля, прописанного Пактом, Комиссия получала бы информацию, необходимую для определения существования риска несоответствия сроку корректировки чрезмерного дефицита. Если принималось решение, что такой риск существует, Комиссия должна была направить рекомендацию государству нарушителю. Через такие рекомендации и ответ со стороны самого государства Комиссия ставила бы в известность Совет о своем заключении – насколько эффективны меры, предпринятые этим государством в соответствии с рекомендациями «процедуры чрезмерного дефицита». В том случае, если Комиссия решала, что проект бюджета не соответствует положениям Пакта стабильности и роста, а государство осуществляет малоэффективные меры, она могла использовать этот факт при принятии решения – подвергнуть или нет такое государство «процедуре чрезмерного дефицита». Новые требования контрольной функции основывались на обязательности предоставлять Комиссии информацию, на основе которой Комиссия должна была оценивать содержание и направление налоговой политики по любому поводу, пока государство находилось в списке «процедуры чрезмерного дефицита». Таким образом, новые предписания создавали новые обязанности стран еврозоны быть подотчетными в случае наличия чрезмерного дефицита. Цель этих предписаний заключалась в обеспечении Комиссии и Совету ЕС детализированной информацией относительно бюджетов стран – членов в более короткие сроки, чем это было предусмотрено ранее. Составляющая основу пакета реформ процедура была прописана поправкой статьи 136 Договора о функционировании Европейского Союза [13].

Кроме того, в конце ноября 2011 г. Комиссия приняла решение запустить процесс консультаций по поводу выпущенной ею Зеленой книги, который планировала завершить 8 января 2012 г. Для укрепления сотрудничества и обеспечения прозрачности экономических процессов в зоне евро предлагалось создать «обязательства стабильности». В книге рассматрива-

лись три подхода проведения общей политики эмиссии ЭВС в рамках «обязательств стабильности». Главное внимание при этом уделялось техническим аспектам удовлетворения основных требований, например – необходимости предохранять ЕС от ослабления рыночной дисциплины. Так, любой вид «обязательств стабильности» сопровождался усилением налогового контроля и политикой координации, чтобы избежать морального риска и обеспечить жизнеспособность общих финансов. Очень важным было то, что «обязательства стабильности» не требовали передачи суверенитета стран зоны евро финансовым рынкам, хотя включали определенные шаги по разделению налогового суверенитета между странами еврозоны. В результате «обязательства стабильности» должны были создать для инвесторов привлекательную и безопасную среду в еврозоне. Зеленая книга допускала возможность создания общей эмиссии суверенных экономических обязательств государств зоны евро, учитывая то, что данная сфера находилась под ведомством стран, использующих различные процедуры [14].

Для того чтобы укрепить финансовую дисциплину и предотвратить кризисы в дальнейшем, лидеры Германии и Франции выступили с инициативой заключения нового европейского договора. Предлагались два варианта. Первый – вписать новый текст в существующие соглашения. При этом все 27 членов ЕС должны были ратифицировать обновленный документ. Но сразу же становилось ясно, что по опыту Лиссабонского договора реализовать эти планы будет трудно. Так, в свое время для одобрения Лиссабонского договора Ирландии пришлось провести два референдума, а в Великобритании это могло вызвать требования референдума о членстве страны в Евросоюзе со стороны евроскептиков консервативной партии Д. Кэмерона. Второй вариант – принять новый договор, охватывающий лишь 17 стран зоны евро, а остальные страны смогли бы при желании присоединиться к нему позднее. Договор стран с общей валютой казался более реалистичным. Правда специалисты с трудом представляли, что это будет за договор, тем более все это могло привести к юридическим сложностям. Глава Европейского Совета Херман Ван Ромпей выдвинул еще один вариант, требующий изменения не основополагающих договоров, а лишь приложений к ним [15].

Участники саммита ЕС в Брюсселе 9 – 10 декабря 2011 г. не смогли прийти к согласию о внесении изменений по ужесточению финансовой дисциплины и усилению ответственности за ее нарушения в договор ЕС с целью усиления координации и надзора за бюджетной сферой для наиболее эффективного функционирования ЭВС. Так, Великобритания не согласилась на изменения договора ЕС, поэтому на саммите не удалось принять бюджетную и налоговую реформу еврозоны полным составом Евросоюза. Великобритания потребовала от Франции и Германии определенных уступок, на которые те не согласились. Д. Кэмерон заявил, что как единый рынок, так и финансовый сектор Великобритании нуждаются в защите, а в новой версии договора ЕС нет необходимых гарантий по защите британских интересов. После того, как Ве-

ликобритания отказалась поддержать внесение изменений в основной европейский договор, участники саммита ЕС приняли решение отказаться от корректировки Лиссабонского договора и подписать новое финансовое соглашение о создании бюджетно-налогового союза. Свои подписи согласились поставить 17 стран еврозоны под новым договором о финансовой стабильности и регулировании, который объявлялся открытым для присоединения других государств ЕС. Еще 9 стран ЕС, не входящих в валютный союз, должны были принять решение после консультаций со своими парламентами [16]. Президент ЕС Херман ван Ромпей заявил, что создание бюджетно-налогового союза стабилизирует ситуацию: «Мы договорились о новом финансовом соглашении. Оно предусматривает ужесточение правил по чрезмерному бюджетному дефициту и автоматическое введение процедуры санкций. Кроме того государства-члены должны будут представлять проекты своих бюджетных планов на утверждение Еврокомиссии». Достигнутое соглашение, по его словам, «касается большей координации налоговой политики, более строгих санкций за ее нарушение, и в целом более жестких правил финансового контроля». Глава Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу подчеркнул, что «в должной редакции это соглашение позволит нам улучшить управление, повысить доверие к зоне евро», но «лучше было бы принять единое соглашение для всех». Канцлер ФРГ Ангела Меркель с надеждой заявила, что саммит ЕС заложил основу для возвращения доверия к евро. Глава Европейского Центрального банка Марио Драги высоко оценил достигнутые на саммите договоренности в качестве фундамента бюджетной дисциплины для реализации экономической политики стран еврозоны [16]. На саммите также было принято решение о запуске Европейского стабилизационного механизма в размере 500 млрд евро в 2012 г., а не в 2013 г. Кроме того, страны ЕС решили отказаться от подключения частного сектора к участию в реструктуризации долгов проблемных стран. Одновременно саммит не принял решения об объединении задолженности стран еврозоны и введении еврооблигаций. Против этого выступила Германия, на которую в случае принятия такой меры пришлось бы основное финансовое бремя [16].

В связи с принятыми решениями Евросоюз без Великобритании выходил на новый этап интеграции. В отличие от Соединенного Королевства, страны континентальной Европы ужесточали финансовую дисциплину и передавали свои государственные расходы под централизованный контроль, таким образом, соглашаясь передать еще часть своего суверенитета Брюсселю. Это дополняло существующий валютный союз, ужесточив финансовые механизмы и контроль за формированием национальных бюджетов, сблизив налоговую политику государств. Новый союз 26 страны ЕС намерены были оформить за 3 месяца. Планировалось, что проект нового договора между 17 странами зоны евро и теми, кто пожелал бы присоединиться к этому союзу, будет готов через три месяца (к марту 2012 г.). С этого момента управлять финансами ЕС должно было экономическое правительство – саммит лидеров стран-членов союза, собирающихся

не реже двух раз в год. Национальным парламентам предстояло внести в конституции положение о практически нулевом дефиците бюджетов. Ставилась стратегическая цель – дефицит в 0,5 % от номинального ВВП. Предельно допустимый уровень планировался в 3 процента. Нарушителей предполагалось штрафовать, заморозив депозит в размере 0,1 % ВВП [16].

Принятый в феврале 2012 г. новый план антикризисных мер ложился тяжелым бременем, прежде всего, на плечи греческого общества. Необходимо было сэкономить более 3 млрд евро. Чтобы поддержать свою страну, президент Греции Каролос Папуляс отказался от зарплаты и обрушился с критикой на позволившего себе нравоучительный тон в адрес Афин министра финансов Германии Вольфганга Шобле: «Я не могу допустить, чтобы господин Шобле оскорблял мой народ! Как грек, я не могу этого допустить. Кто такой господин Шобле, что он позволяет себе оскорбительно отзываться о Греции?!» [17]. Многие в ЕС понимали, что необходимо менять фактически всю стратегию развития экономики Европы. Об этом свидетельствовали и острые дебаты, развернувшиеся на сессии Европарламента в феврале 2012 г., и, хотя долговая проблема Греции не была включена в повестку дня сессии, депутаты в ходе заседаний обсуждали ситуацию очень бурно. Лидер либералов Ги Верховстадт обвинил Еврокомиссию, ЕЦБ и МВФ (тройку кредиторов) в уступках отсталой политической системе Афин. Другие депутаты считали, что предъявленные Греции условия для получения международной помощи способствуют ее экономическому упадку. Лидер социал-демократов Ханнес Свобода заявил, что ввод мер жесткой экономии не сможет сократить дефицит. Он обвинял тройку в том, что она не вела со страной настоящих переговоров и шантажировала Грецию, чтобы добиться ее согласия на такие меры. Некоторые европейские деятели призывали поощрять инвестиции в экономику Греции и проявлять с ней солидарность, но не в ущерб своим странам. Сопредседатель фракции «зеленых» Даниэль Кон-Бендит считал, что необходимо совместно с греческим пра-

вительством разработать план помощи греческим компаниям, но вкладывать капиталы так, чтобы «они не пропали, если в Греции все-таки наступит институциональная катастрофа» [18].

После того, как был одобрен новый план помощи Греции, двенадцать стран Евросоюза составили коллективное письмо и адресовали его Х. Ван Ромпею и Ж. М. Баррозу. В послании президенту ЕС и председателю Еврокомиссии содержался призыв развивать торговые отношения с Россией, Китаем и США. Председатель правительства Испании Мариано Рахой считал, что странам еврозоны необходимо переключать внимание с жесткого сокращения бюджетных расходов на решение первоочередной проблемы – кризиса роста. Он подчеркивал: «Наша законодательная база – тридцатилетней давности. Нам нужно идти вперед. Мы не можем застревать в прошлом, сейчас мы живем в ином мире, нам нужно быть конкурентоспособными. Я думаю, что реформа даст больше возможностей представителям малого и среднего бизнеса, рабочим, и, особенно, молодежи, которая сейчас сидит без работы» [19].

О том, что экономика Европейского Союза «за-стопорилась» и поэтому должна перейти на новый уровень, приняв за «императив рост производства» неоднократно подчеркивали и эксперты ОЭСР, изучая эффективность мер, предпринятых органами Евросоюза, направленных на преодоление последствий экономического кризиса. Высоко оценив усилия европейских законодателей в области налоговой дисциплины, повышения ликвидности финансовых учреждений и стимулирования экономического роста в Греции, Италии, Португалии и Испании, эксперты ОЭСР отмечали, что страны-участницы Евросоюза должны ликвидировать административные и юридические барьеры, мешающие функционированию единого рынка. При этом необходимо провести меры по оздоровлению европейских финансов за счёт «реформы контролирующих и регламентирующих органов, бюджетной консолидации, а также ослабления связей между банками и государственной властью» [20].

Литература

1. Зуев, В. Н. Антикризисная политика Евросоюза / В. Н. Зуев // Международная экономика. – 2009. – № 10. – Режим доступа: <http://www.panor.ru/upload/iblock/6e0/stat-2009-10.pdf> (дата обращения: 25.11.2012).
2. Европейская интеграция: учебник / под ред. О. Буториной. – М.: Деловая литература. – 2011. – 720 с.
3. Euronews. – Режим доступа: <http://ru.euronews.net/2010/12/17, 2011/01/17, 2011/01/18> (дата обращения: 25.11.2012).
4. Евро: 17 стран – один Минфин? – Режим доступа: <http://ru.euronews.net/2011/06/02/ecb-head-suggests-eu-finance-ministry> (дата обращения: 25.11.2012).
5. Экофин спасает евро. – Режим доступа: <http://ru.euronews.net/2011/09/16/geithner-in-poland-for-ecofin-crisis-summit> (дата обращения: 25.11.2012).
6. Делор, Ж. – Режим доступа: <http://ru.euronews.net/2011/09/13/jacques-delors> (дата обращения: 25.11.2012).
7. Barroso, J. M. D. European renewal – State of the Union Address 2011. European Parliament Strasbourg, 28 September 2011. SPEECH/11/607 / José Manuel Durão Barroso. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/commission_2010-2014/president/pdf/speech_original.pdf (дата обращения: 25.11.2012).
8. Баррозу, Ж. М. Одной Еврокомиссии не решить всех проблем / Ж. М. Баррозу. – Режим доступа: <http://ru.euronews.net/2011/09/28/barroso-on-state-of-the-eu> (дата обращения: 25.11.2012).
9. Рынки ждут, объявит ли Баррозу о налоге на финопериации. – Режим доступа: <http://ru.euronews.net/2011/09/28/new-tax-for-financial-sector> (дата обращения: 25.11.2012).

10. Баррозу стал для евродепутатов героем дня. – Режим доступа: <http://ru.euronews.net/2011/09/28/barroso-seeks-meps-support> (дата обращения: 25.11.2012).
11. Евросоюз получает прививку от финансовых болезней. – Режим доступа: <http://ru.euronews.net/2011/09/28/mep-s-take-six-pack-rules-off-ice> (дата обращения: 25.11.2012).
12. Баррозу. Правительства действуют гораздо медленнее, чем рынки. – Режим доступа: <http://ru.euronews.net/2011/10/06/barroso-answers-citizens-questions/> (дата обращения: 02.12.2012).
13. Economic governance: Commission proposes two new Regulations to further strengthen budgetary surveillance in the euro area. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/commission_20102014/president/news/documents/2011/11/201-11123_documents_1_en.htm (дата обращения: 02.12.2012).
14. Paper on the feasibility of introducing Stability Bonds. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/commission_20102014/president/news/documents/ (дата обращения: 02.12.2012).
15. Три варианта главного европейского документа. – Режим доступа: <http://ru.euronews.net/2011/12/08/-treaty-nightmare> (дата обращения: 02.12.2012).
16. Euronews. – Режим доступа: <http://ru.euronews.net/2011/12/09> (дата обращения: 02.12.2012).
17. В Европарламенте смотрят на Грецию по-разному. – Режим доступа: <http://ru.euronews.net/2012/02/15/-greece-mounting-concern-for-meps> (дата обращения: 02.12.2012).
18. Президент Греции защитил свою страну от немецкого министра. – Режим доступа: <http://ru.euronews.net/2012/02/16/monday-s-the-day-for-the-greek-bailout-deal> (дата обращения: 02.12.2012).
19. Письмо верхам ЕС: «нам нужны Россия и Китай». – Режим доступа: <http://ru.euronews.net/2012/02/21/-europe-calls-for-fewer-cuts-and-more-growth> (дата обращения: 02.12.2012).
20. OECD Economic Surveys: European Union 2012. – Режим доступа: www.oecd.org/economy/surveys/eu (дата обращения: 02.12.2012).

Информация об авторе:

Лицарева Елена Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета, elits2011@mail.ru.

Elena Yu. Litsareva – Doctor of History, Professor at the Department of World Politics, Tomsk State University.

УДК 32

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ В. СУРКОВА НА ТЕМУ БУДУЩЕГО РОССИИ С. М. Макинён

BUILDING BLOCKS OF THE SURKOVIAN NARRATIVE ON THE FUTURE OF RUSSIA S. M. Mäkinen

Данная статья основана на публикации Sirke Mäkinen (2011): Surkovian Narrative on the Future of Russia: Making Russia a World Leader, *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 27:2, 143-165. Автор благодарит редакцию журнала East European Politics за разрешение повторить материал в этой статье.

В статье рассматриваются выступления Владислава Суркова на тему будущего России. Автор показывает, что тексты выступлений Суркова отражают влияние неолиберальной идеологии, и, следовательно, подчеркивает, что граждане сами несут ответственность за свое счастье и благосостояние. Однако Сурков отводит государству более важную роль, чем следует из логики неолиберализма. Таким образом, Сурков подчеркивает отчетливое движение России в сторону модернизации, частично повторяя тезисы прежних советских и российских политиков о модернизации.

The article below is based on Sirke Mäkinen (2011): Surkovian Narrative on the Future of Russia: Making Russia a World Leader, *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 27:2, 143-165. The author would like to thank the Editor of East European Politics for permission to reproduce this article.

The article discusses the narrative of Vladislav Surkov on the future of Russia. The author argues that the Surkovian narrative is strongly influenced by neo-liberal ideology and accordingly emphasizes the responsibility of citizens for their own well-being and happiness. However, Surkov assigns the state a stronger role than the conventional neo-liberal logic would suggest, thereby partly reproducing the former Russian and Soviet modernization discourses by stressing Russia's distinctive path to modernization.

Ключевые слова: Сурков, Россия, неолиберальный дискурс, политический нарратив, модернизация, суверенная демократия.

Keywords: Surkov, Russia, neoliberal discourses, political narratives, modernization, sovereign democracy.

Introduction

At the time of the writing of my original article, published in *Journal of Communist Studies and Transition*

Politics in 2011 (now *East European Politics*), Vladislav Surkov was still the first deputy head of the presidential administration (прим. автора: *During his presidency*

Medvedev was not too keen on all Surkov's ideas, like sovereign democracy, yet in May 2008 Surkov's position was upgraded from deputy head to first deputy head of the presidential administration. In addition, President Medvedev nominated Surkov to chair the working group for revising the legislation on noncommercial organizations, and as the deputy chair of the presidential commission on modernization and technological development of economy. Consequently, we could assume that Surkov's influence remained considerable during the 'tandem rule'.

He had been described as Vladimir Putin's chief ideologist [2, p. 3 – 4] and even compared to Mikhail Suslov, the *éminence grise* of the Soviet Union during the Brezhnev era [8, p. 67]. Chief Editor of *Nezavisimaya gazeta* Konstantin Remchukov went as far as to say that 'Vladislav Surkov is responsible [...] for the creation of the political system in contemporary Russia.' [13] As part of the political system, Surkov also supervised the creation and guidance of United Russia, the so-called party of power. Now, as the deputy prime minister, Surkov's position in Russian politics has changed, but we can still take him as a representative of the Russian ruling elite [see e.g. 9] and the Surkovian narrative as an example of the discourse of this elite. There are competing narratives (прим. автора: *See [11] for the contestable nature of all stories*) in Russian society (and within the elite), but here they are referred to only as far as Surkov himself refers to them when defining the opponents or alternative futures for Russia.

In this article we will examine the goal that Surkov sets for Russia in the future, how this goal is justified and what is required in order to achieve it. In addition, we will study how Surkov construes the political subject (who will take us to the goal), helpers (who will help this subject) and opponents (who will try to prevent us from reaching the goal). Thus, the main goal of this article is to represent these building blocks (прим. автора: *The building blocks of the narrative are adapted from Greimas' actantial model as presented in [32], but the Greimas' model is not otherwise used*) – political subject, helper, goals, justifications for the goals, opponents – of Surkov's narrative or the Surkovian 'metanarrative' [see 18, p. 78]. The metanarrative will be constructed from many different texts created for different audiences, including speeches, interviews and articles published in the book *Teksty (Texts) 97-07 [19]* and a small booklet *Osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya sovremennoi Rossii (Main Tendencies and Perspectives for the Development of Contemporary Russia)*, published in 2007 [20]. In addition, we have analyzed more recent texts from 2009. What these texts have in common is that they have been published as a newspaper or an Internet article or a book chapter, even though Surkov would have originally given them as speeches to a narrower audience. Thus, we can name Russian speakers as the audience of all these texts.

We may understand a narrative not just as an 'object to be interpreted and evaluated but also a way of interpreting and evaluating' [11, p. 167]. In political science, political narrative has been described as a 'subcategory of political discourse', which can be used as a method to 'study different "voices" in politics' [18 p. 76 – 77]. Here this voice belongs to Vladislav Surkov, and narrative

would rather be understood as the object of study than the actual method of studying.

In what follows, we will argue that Surkov reflects the contemporary neoliberal logic [14, p. 198] (прим. автора: 'Neoliberalism' was coined by the Freiburg School of German economists between the world wars and signified a more moderate form of liberalism than classical liberalism [1, p. 136]. Elsewhere it has been argued that at first neoliberalism was a movement in response to collectivism, and also to 'the "new" interventionist variants within liberalism itself' [30, p. 69 – 70]. Usually we refer to neoliberalism with regard to the ideas of Friedrich Hayek and Milton Friedman, their criticism of Keynesianism, and to radical forms of market liberalism, such as in Pinochet's Chile, or Reaganism and Thatcherism) in his narrative on the future of Russia. In parallel, he partly reproduces the former Russian/Soviet modernization discourses stressing Russia's distinctive path to modernization. Neoliberalism should be understood as a criticism of the Soviet or Western type welfare state and against 'a culture of dependency'. Neoliberals do not want the state to wither away, but the role of the state should be changed, it should 'ensure order by providing a legal framework for social and economic life. But then within this framework autonomous actors [...] are to go freely about their business, making their own decisions and controlling their own destinies' [14, p. 199] The role of the state transforms into that of a supervisor [see 17, p. 324]. Neoliberalism may also be taken as a hegemonic discourse which has reached most of the countries, their education systems, media, financial institutions, state institutions [see 4]. Accordingly, the Russian political elite – in this article Mr. Surkov – advances the ideas of neo-liberalism, but also combines them with what Surkov calls respect for Russian traditions and Russian political culture, including the centralization of power.

The highest goal of all for Surkov is to make Russia a world leader and to achieve the well-being of her citizens. Making Russia a sovereign democracy and a modern society can be taken as interim goals and they also serve as the instruments for making Russia a world leader. As argued in previous studies, sovereign democracy can be understood as Russia's own distinctive path to democracy. Nobody from outside should dictate to Russia and Russians how this path should be taken. However, it is the Russian political culture that sets the limits for possible futures (or for paths to the future). This goes for the task of modernization too, the main motive of which is competitiveness of Russia's economy – Russia should be transformed from a raw-material based economy into an innovative, intellectual economy. This, in its turn, would enable the greatness of Russia. When studying Putin's ideology (or rather the values and identity according to which the goals are set and actions taken), Evans has also argued that for Putin 'economic strength is the basis of survival [...] to be inferior economically is to be vulnerable politically and militarily' [3, p. 902]. Surkov follows the same line of thinking stressing the role of economy in Russia's development.

In the Surkovian narrative a nationally oriented elite is required in order to take Russia through modernization. Russian people are not yet efficient or innovative enough. Even though modernization is mainly understood as

modernization of economy, it is also as an enlightenment process – modernization of minds – which requires modernization of education [21 in 19, p. 145]. In its current form the ‘system of education trains specialists for the economy of the last century’ [22 in 19, p. 24]. What Surkov says about education is directly linked to the political subject part in his narrative, because education is what should produce the leading class, the new elite. The main helping actor, e. g. in the modernization project, should be United Russia, the party of power, which has the majority of seats in the State Duma, the lower house of the federal parliament, and in most regional parliaments. On the narrative level, United Russia should be a representative of the huge middle class. However, in practice, it should be the tool of the ruling elite which sets the goal for the future in the name of the Russian people.

Surkov represents the Soviet past and the Yeltsin period as models which should not be repeated as such; they are alternative futures which have once been abandoned. The negative experiences of these periods also serve as justifications for the future which Surkov advocates. Accordingly, those advocating neo-Soviet models or ‘liberal dogmatism’ represent the main opponents.

Below we will briefly introduce the building blocks of the Surkovian narrative on the future of Russia. For a more comprehensive account of the narrative and for a discussion of previous studies on Vladislav Surkov, and in particular the concept of sovereign democracy, please see the original article from 2011.

Making Russia a leader

Below we will see how Surkov construes Russia’s past, what role the Soviet and Yeltsinite past play in his narrative and what goals Surkov sets for the future of Russia. However, first we will see who will take Russia to the desired goal, who is the political subject.

A new nationally oriented elite as the political subject?

Surkov empowers Russian citizens, stresses that the future is in their hands, but at the same time places a huge responsibility on their shoulders: ‘Whether the great history of Russia gets a great continuation depends only on us, its citizens’ [23 in 19, p. 56]. He also defines strict limits within which this power may be utilized. That is, the Russian people have a mission presented by the political leadership: ‘President Putin continuously reminds us that on the agenda is [...] active work for modernization [...]. We have to build a foundation for an innovative culture [...]. We have to convert the raw material economy to an intellectual economy’ [23 in 19, p. 56]. So even though Surkov tries to convince us that ‘now our main value is an individual who for his/her part builds innovative economy and creates civil society’ [24] (The interview was given in relation to the Cadre Reserve project of President Medvedev. The discourse which stresses the importance of individuals was shared by Then President Medvedev and United Russia [e. g. 33]. Then Prime Minister Putin also from time to time stressed ‘putting people first’ and contrasted the ‘bad’ Soviet past (or part of that past) with the different realities of today and tomorrow, see e.g. Putin quoted in [2]), the meaning of an individual is instrumental: an individual has no

value as such, but the value comes with *the ability to perform something*. This is exactly what has been argued to be true of Friedrich Hayek’s understanding of neoliberalism: ‘For Hayek [...] freedom is identified with efficiency [...]’ [17, p. 324] and in addition, freedom is equated with future-oriented efficiency and thus freedom becomes instrumental [17, p. 325]. According to Surkov, what Russia needs are ‘new effective people’ because the ‘innovation economy is about people’, Russia needs ‘creative people’, that is, those who ‘want to change the world’ [24]. A human capital approach is manifest in the Surkovian narrative.

When defining the political subject, Surkov refers to an authoritative source – the Constitution of the Russian Federation: ‘The sovereign is the people of the Russian Federation.’ Therefore, the Russian people are those who should make the decisions: ‘Sovereign democracy is a way of political life of society in which the power and its bodies and actions are chosen, formed and implemented exclusively by the Russian nation (*rossiiskaya natsiya*) [...] for the material well-being, freedom and equality of all citizens, social groups and peoples [...]’ [23 in 19, p. 44]. Thus Surkov emphasizes that the decisions concerning Russia must be made within Russia and by the Russian nation. What is then the nation (*natsiya*) Surkov refers to? According to him, it is a supraethnic (*sverhet-nicheskiy*) entity of all citizens of the country and corresponds to the concept of multinational people (*narod*), used in the Constitution [23 in 19, p. 43]. Thus in Surkov’s narrative the nation, the political subject, is not defined by ethnos, but by citizenship. This can be called ‘civic nationalism’ as for instance Viatcheslav Morozov has argued [10, p. 166] (*Morozov also notes that the Putin administration has recognized the danger of ethnic nationalism for the unity of state* [10, p. 165]).

However, it seems that the Russian people as a whole is not qualified or educated enough to function as the political subject, and Surkov would rather give power to the new nationally oriented elite: ‘What makes sovereign democracy different from others is *an intellectual leadership, a united elite*, a nationally oriented open economy and an ability to protect oneself. What is required for this is civil solidarity, an *intellectual layer as the leading layer of society*, which is formed in free competition [...]’ [23 in 19, p. 51 – 52] (прим. автора: *Morozov also notes that the Putin administration has recognized the danger of ethnic nationalism for the unity of state* [10, p. 165]). Here we can again see the mix of usually contradictory concepts, such as *nationally oriented* and *open* when referring to economy, or when referring to the leaders, a predetermined understanding that they should be ‘intellectuals’ but also a condition that they will reach the leading position in *free competition*. The latter follows the neoliberal logic, in which a free society produces a better elite [17, p. 327]. However, it should also be noted that in the Surkovian narrative the elite should arise from within the Russian nation and not from outside Russia, or from within those socialized into the ways of ‘abroad’. The political subject is national, Russian (a state-minded citizen of the Russian Federation, *rossiiskiy*). ‘Foreign’ elements would again pose a threat to Russia and Russians’ well-being.

Sovereign democracy and modernization

The ultimate goal in Surkov's narrative is to make Russia number 1: 'a leader nation' and 'one of the centres of intellectual activity.' [22 in 19, p. 23] Sovereign democracy and modernization can be taken as interim goals, or preconditions or means to reach this ultimate goal. Furthermore, democracy can also be seen as secondary in relation to modernization.

To Surkov, democracy is a precondition of modernization, of making Russia competitive. Accordingly, democracy is not necessarily a goal *per se*, but has an instrumental value: 'only society based on competition and cooperation can be effective and competitive.' [21 in 19, p. 136] Actually the instrumental nature of democracy has been noted for example, by Alexander Lukin when explaining the Russian (popular) political culture. Democracy was understood as a 'means to achieve a political ideal that was very different from that of Western democratic theory' [6, p. 85] Lukin explained that liberalization was also seen as a means to achieve the goal of material prosperity, and that accordingly, the task set for the leadership in post-Soviet Russia was specifically to guarantee the material wealth [6, p. 76]. According to Lukin, Putin's term (after evolving from 'authoritarian monetarism towards a more social orientation') actually came close to the political ideal of the majority of Russians [6, p. 76] and therefore, Putin's popularity should have been no surprise.

In the Surkovian narrative democracy is also a precondition for cooperation with the West, accordingly, it is a pragmatic choice. If Russia is not an open democratic society then it has no access to the modern technology of the West and as a consequence it will not be able to carry out modernization [21 in 19, p. 136]. Thus, democracy is again secondary to the goal of making Russia compatible with the rules of contemporary neoliberal capitalism, of modernizing Russia.

Moreover, in Surkov's concept of sovereign democracy, democracy is described as individual freedom and sovereignty as national freedom [23 in 19, p. 57]. There cannot be individual freedom without national freedom. Democracy and sovereignty go together because the 'dignity of a free man requires that the nation to which he belongs is also free' [23 in 19 p.44]. The Putin era, supported by the majority of Russians, unlike the regime of the 1990s, is described as a real move towards democratization with stabilization and dictatorship of law; it signifies a return of democracy to democratic institutions [e. g. 20, p. 16]. Russian democracy is most often justified by stability, it is an alternative to revolution - if a revolution were to take place then 'maniacs and terrorists' would assume power [29 in 19, p. 34].

Democracy is defined as democracy *à la Russe*, democracy based on Russian culture and Russian statehood in the past. Thus even though 'democracy comes from European civilization', in Russia it should also originate from a 'very specific Russian version' [22 in 19, p. 10] (прим. автора: *Elsewhere Surkov [20, p. 6 and 8] stresses that Russian (rossiiskaya) civilization is part of European civilization and has gone through the same phases in history, and that Russia is a European country. Similar statements (on Russia's Europeaness but the need to follow a distinctive path) can be found in Putin's argumentation, see [3, p. 902].* Surkov denies that

sovereign democracy signifies self-isolation or any exotic Russian version of democracy. Yet cultural tradition sets some limits to the pace at which the reforms can be executed; culture cannot be changed overnight. Surkov defines sovereignty as openness, participation in open competition: 'it is a political synonym for competitiveness' [20, p. 23]. Again the Surkovian narrative departs from what could be defined as a more 'conventional' neoliberal logic by stressing the sovereignty aspect, or 'Russianness', *national version of neoliberalism*.

Regarding the foreign policy level, Surkov understands democracy as a 'struggle against hegemonic pretensions' of any one country. Russia stands for multipolarity and equal cooperation of sovereign states: 'national sovereignty [should be made] a factor for equal globalization and democratization of international relations. Sovereignty must be maintained without damaging democracy, and be open without losing one's identity' [23 in 19, p. 47]. Sovereign democracies are against all global dictatorships and monopolies [23 in 19, p. 47]. Accordingly, Russia should continue to struggle for 'real democracy' instead of the phony one advocated by some other states. We can see that Surkov defends Russia's position by referring to the true essence of a concept, misunderstood by others - either intentionally or by mistake. Democracy should stand for equality, but also diversity in the sense of different cultures maintaining their own identity such as the Russian identity. When Surkov stresses equality and diversity in foreign policy, he continues the discourse of the Russian foreign policy leadership except for the short period of the pro-Western Russian foreign policy discourse under foreign minister Andrei Kozyrev (прим. автора: *The shift from 'pure pro-Western' to 'pure Eurasian' foreign policy has also been questioned, see [7].*).

Even though Surkov argues that modernization can be built on the foundation of a democratic regime and that Russia does not need the modernization models of Mao Zedong or Pinochet [23 in 19, p. 47], Surkov's narrative on modernization seems to be close to what Ol'ga Kryshchanovskaya has described as the Andropov model of modernization, which was typical of the Putin era [5]. Of course, this is no surprise as Surkov has been said to be one of the chief ideologists of that time. Kryshchanovskaya understands the Andropov model as the authoritarian political leadership carrying out economic reforms; something similar to the Chinese model of modernization as she argues [5]. Putin's task was therefore to stop the revolution started in the Yeltsin era, to catch up with the West but not to become like it [5]. However, as argued above, in 2009 Surkov did emphasize that the economy could not be reformed without a comprehensive change in society [25]. A modernized society is a precondition for a successful modernization of the economy, which in turn is required in order to succeed in conditions of contemporary neoliberal capitalism. The Surkovian narrative thus seems to accept the framework of neoliberal logic for what it is, but intends to modify some parts of it by adapting it to Russian conditions, to make it *Russian* neoliberal capitalism.

Political culture as a justification for the goals

One of the main justifications for the ways in which modernization should be carried out (and for the present

political system or the mid-term goal of sovereign democracy) is the Russian political culture. To Surkov, it is Russian culture which defines the limits for the alternatives open to Russia in the future: 'there are many options for the future but the list is not unlimited, it is limited by genetic formulation of the national culture' [22 in 19, p. 18]. Thus, unlike most scholars studying political culture, Surkov's understanding of the relationship between the political culture and political system is to a certain extent deterministic. Russia cannot escape her culture and should find the alternatives within the limits of that culture: 'culture is a destiny' [22 in 19, p. 14&18] and 'Russia has no future outside its own culture' [22 in 19, p. 21]. This culture should be seen in a positive light. Russia should use the 'strengths of the national character and political culture for creating competitive economy and viable democracy' [22 in 19, p. 18]. Surkov refers to an authority when defining the political culture, that is, to a Russian philosopher Ivan Il'in (прим. автора: *When Surkov refers to Il'in, as Prime Minister Putin has done, Surkov tries to convince the audience of his own authority, positioning himself in the same group with Putin and Il'in. Surkov sees Il'in as a soothsayer, a prophet, who in the 1940 s was able to see to the future, to the collapse of the Soviet Union and its consequences* [20, p. 10; 21 in 19, p. 129]). The Russian culture, according to Il'in, should be taken as an organic whole characterized by a holistic view, intuitive approach and idealism. Thus, according to Surkov, in Russian political practice/culture there is a tendency to wholeness through the centralization of power, idealization of the political struggle and personification of political institutions [see also 30]. Accordingly, Russian political culture of the past and present justifies the political system characterized by the power vertical. Decentralization would undermine democracy, create chaos and the degradation of social institutions and the structure of democracy. Again, this should also be seen as a criticism of the Yeltsin era.

Soviet and Eltsinite pasts as further justifications

The main reference points for Surkov's story on Russia's future are the Soviet past and the Yeltsin period; they function as his justifications for the goals and the ways to achieve them in the future. These two stories about Russia's past also represent possible alternatives (which should definitely be rejected) for the future [20, p. 41 – 42], and their advocates also represent the two groups of internal opponents.

According to Surkov, the two major achievements of the Soviet Union were its ideological work and industrialization. The first, freedom and equality rhetoric, for its part enabled de-colonization in Africa. However, even though there was freedom and equality on the rhetorical level, in practice they did not exist in the Soviet Union. The Soviet Union was a closed society. In addition, the Soviet Union was unable to produce an *effective elite*: the results were assessed in terms of a dogmatic aspect of the party and not from the pragmatic point of view. What was also negative about the Soviet period was that the material needs of citizens were not satisfied. Despite all these negative sides, Surkov would still like to stress that the Soviet Union was a huge modernization project. Here we must understand modernization as technological modernization to do e.g. with

electrification, nuclear and military technology. However, according to Surkov, the Russian people paid a huge price for it [21 in 19, p. 127 – 128, also 20, p. 8 – 9] (прим. автора: *This claim is repeated in the United Russia programme: Russia has in the past achieved many things at too high a cost. This should not be repeated and the state should not ignore its responsibilities to its citizens in situations of crisis* [33]). In addition, they later made a great sacrifice when they chose to get onto the 'right path', that is, when they chose not to continue the Soviet project and consequently, 'lost a part of their territory, people, a huge part of the economy' [21 in 19, p. 128 – 129]. Accordingly, here Surkov is again referring to the political subject, their decision made, but also to its characteristic willingness for self-sacrifice if required for a better future.

Surkov does indeed also refer to the Yeltsin regime, 'liberal fundamentalism' [27 in 19, p. 60], as another sad period in Russian history. What characterize this period were 'temporary leaders who did not take responsibility'. Surkov criticizes their disregard for the state: the 'state was an evil for them' and because of this 'the power moved to the financial groups – oligarchy instead of democracy, power of the minority, manipulation instead of representation, corruption replaced competition'. However, there was at least something good in the 1990 s: 'strong people came to significant positions, [...] formation of a new layer of the nation', including Putin and with him stabilization and movement towards democracy supported by the majority of Russians [27 in 19, p. 60, also 20, p. 10 – 11 & 15].

Internal and external opponents

As usual, there are both internal and external actors or phenomena that make it difficult to attain the set goals in the narrative. Surkov classifies Russia's internal foes, that is, those threatening Russian democracy and the path to modernization, into two separate 'camps'. On one side there are communists or extreme nationalists whom Surkov calls 'nationalist isolationists', that is, those who want to revert to 'quasi-Soviet models'. On the other side, there are 'oligarchs', those who want to transfer the power to some groups which advocate the interests of financial or administrative structures [21 & 23 in 19, p. 51 & 49, see also 20, p. 41]. By the latter he again refers to the Yeltsin regime and the political and economic elite of that time, which he also calls an 'off-shore aristocracy' [20, p. 32 – 33]. If 'nationalist isolationists' came to power, Russia would become a Soviet-like bureaucratic state but without the greatness of the Soviet Union, and this would also bring about conflicts between different nations [20, p. 42]. If the oligarchic state were re-created, then it would mean losing Russia's sovereignty and democracy [20, p. 41].

Surkov is worried in particular about the threat of external intervention, intervention manifested as a 'fifth column' in Russia, which is no surprise, as the speeches in 2006 and 2007 were given in the aftermath of the 'coloured revolutions' in Ukraine, Georgia and Kyrgyzstan. 'Today we have politicians who publicly declare and are not even ashamed about it [...] that the destiny of the country will be decided outside its borders' [20 in 19, p. 31]. Surkov wants to defend the Russian people against this external threat and defend Russian citizens and their

right to make the decisions: 'democracy is the power of the people [...] and this power of our people (*narod*) [should be] in our country and not the power of other [foreign] people in our country' [20 in 19, p. 31]. In addition, Surkov emphasizes that democracy cannot be exported, but 'it must be borne and grown from within the country and people [...]' [20 in 19, p. 32]. That is, democracy should be national as well: 'even if there might be common human values, each nation (*narod*) has its own way of adopting these ideals' [20 in 19, p. 32].

If we then look at external opponents, the West may be named as such. However, Surkov argues that it would be a simplification to say that the West pressures Russia with its supposed lack of democracy because the West has other goals, namely, to get control over the natural resources of Russia by undermining her state institutions, her ability to defend itself, and her independence (*samostoyatel'nost'*). Thus, here he implicitly argues that he does not believe in the conspiracy theories of (extreme) nationalists and communists. Surkov interprets the problems with the West as having to do with two European cultures which differ from each other in their 'spirit or ethos'. However, it is possible and even vital to get these cultures closer to each other [22 in 19, p. 20].

Surkov also admits that Russia cannot 'create an innovative economy' or modernize without Western knowledge, Russia 'should get access to intellectual resources of the West' [22 in 19, p. 20]. There cannot be any 'sovereign modernization', that is, Russia cannot count solely on her own resources [20, p. 46]. Therefore, Surkov speaks for cooperation in the fields of science, technology, higher education, multi-national corporations in high technology spheres [23 in 19, p. 56]. Again we can see that the West is there to be 'exploited' as Russia should pick everything she needs from the Western experience, but still not become Western-like. Russia should modernize on her own terms. This is exactly what Richard Sakwa has argued with the term partial adaptation [15]. According to Sakwa, the cultural trap has meant that modernization is not comprehensive; the goal is economic and technological modernization and certain spheres of life will be safeguarded against modernization [15, p. 63].

Conclusions

The Surkovian narrative on the future of Russia constitutes an example of the Russian elite's discourses

emphasizing the need both to involve and integrate Russia into the world economy and world political system, and to do this on Russia's own terms, taking into account Russia's past and traditions. The neoliberal ideology has had a major impact on Surkov's narrative, but as Sergei Prozorov has argued concerning the discourses of the Russian leadership, here it is also a question of 'domestication' of neoliberalism [12, p. 121 – 122] (прим. автора: *Prozorov argues that liberal ideology has been 'domesticated' in Russia and that Putin's hegemonic discourse is liberal conservatism*). The role given to the state is not only that of supervisor or facilitator; Surkov also argues for a more active role, e. g. intervention in the Russian economy by the state. In addition, the state's strong role in society, the centralization of power, is also justified (in addition to the political culture) by the 'quality' of the citizens of Russia. They should become more effective, more responsible, and only then can the power be vested in their hands. Of course, both the state's strong role and not trusting the people to make the decisions can be seen as a transition period, which can be left behind when the elite and the people are 'educated' enough.

Modernization argumentation forms an important part in Surkov's narrative and can also be seen as taking some ground from the earlier key concept, sovereign democracy. Surkov seems to stress modernization in the field of economy and technology, but increasingly also in the field of education and culture, understood as a way of life. As the logic of this narrative suggests, economy cannot be transformed into something else, that is, there can be no innovative development or technological innovations, unless there are innovative, creative and initiative people. The whole way of thinking should be changed and people should be taught to take responsibility for their own future.

Construing a metanarrative from Surkov's texts has afforded a more organized view of the foundations on which Surkov builds Russia's future. The Surkovian narrative has taught us to whom Surkov has vested the responsibility and right to build this future, how this future is justified and whom he perceives as threats to this future. How this narrative evolves in the future and what position it will occupy in the discourses of the Russian political elite will remain to be explored later.

Literature

1. Boas, Taylor C. 'Neoliberalism: From New Liberal Philosophy to Anti-Liberal Slogan', *Studies in Comparative International Development* / C. Boas, Taylor, Jordan Gans-Morse. – Vol. 44 (2009). – P. 137 – 161.
2. *Edinaya Rossiya journal*. – 9 June. – 2008.
3. Evans, Jr. 'Putin's Legacy and Russia's Identity' / B. Evans, Jr. Alfred. – *Europe-Asia Studies*. – Vol. 60. – No. 6 (2008). – P. 899 – 912.
4. Harvey, D. 'Neo-Liberalism as Creative Destruction' / D. Harvey. – *Geografiska Annaler Series B: Human Geography*. – Vol. 88. – No. 2. – P. 145 – 158.
5. Kryshtanovskaya, O. 'The Russian elite in Transition' / O. Kryshtanovskaya. – *Journal of Communist studies and Transition Politics*. – Vol. 24. – No. 4 (2008). – P. 585 – 603.
6. Lukin, A. 'Russia's New Authoritarianism and the Post-Soviet Political Ideal' / A. Lukin. – *Post-Soviet Affairs*. – Vol. 25. – No. 1 (2009). – P. 66 – 92.
7. Lynch, Allen C. 'The Evolution of Russian Foreign Policy in the 1990s' / C. Allen Lynch. – *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. – Vol. 18. – No. 1 (2002). – P. 161 – 182.

8. Malashenko, A. 'From Suslov to Surkov' / A. Malashenko. – Russian Politics and Law. – Vol. 46. – No. 5 (2008). – P. 67 – 71.
9. Minchenko Consulting. Doklad. Bol'shoe pravitel'stvo Vladimira Putina i "Politbyuro 2.0" (2012). – Режим доступа: www.minchenko.ru
10. Morozov, V. 'Sovereignty and democracy in Contemporary Russia. A Modern Subject Faces the Post-Modern World' / V. Morozov. – Journal of International Relations and Development. – Vol. 11. – No. 2 (2008). – P. 152 – 180.
11. Phelan, J. 'Narratives in Contest; or, Another Twist in the Narrative Turn' / J. Phelan. – PMLA by the Modern Language Association of America. – Vol. 123. – No 1 (2008). – P. 166 – 175.
12. Prozorov, S. 'Russian conservatism in the Putin presidency: The dispersion of a hegemonic discourse' / S. Prozorov. – Journal of Political Ideologies. – Vol. 10. – No. 2 (2005). – P. 121 – 143.
13. Remchukov, K. 'Pravye nuzhny ne "dlia dekora"' / K. Remchukov. – Nezavisimaya gazeta. – 7 Oct. – 2008.
14. Rose, N. 'Political Power beyond the State: Problematics of Government' / N. Rose, P. Miller. – The British Journal of Sociology. – Vol. 43. – No. 2 (1992). – P. 173 – 205
15. Sakwa, R. 'Partial Adaptation and Political Culture' in Stephen Whitefield (ed.) / R. Sakwa. – Political Culture and Post-Communism (Basingstoke: Palgrave Macmillan 2005).
16. Sakwa, R. 'Russian Political Culture Through the Eyes of Vladislav Surkov. Guest Editor's Introduction' / R. Sakwa. – Russian Politics and Law. – Vol. 46. – No. 5 (2008). – P. 3 – 7.
17. Segal, J. 'The Discipline of Freedom: Action and Normalization in the Theory and Practice of Neo-Liberalism' / J. Segal. – New Political Science. – Vol. 28. – No. 3 (2006). – P. 323 – 334 (p. 324).
18. Shenhav, Shaul R. 'Thin and thick narrative analysis. On the question of defining and analysing political narratives' / R. Shaul Shenhav. – Narrative Inquiry. – Vol. 15. – No. 1 (2005). – P. 75 – 99.
19. Surkov, V. Teksty 97-07 / V. Surkov. – M.: Evropa, 2008.
20. Surkov, V. Osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya sovremennoi Rossii / V. Surkov. – M.: Sovremennaya gumanitarnaya akademiya, 2007.
21. Surkov, V. 'Suverenitet – politicheskii sinonim konkurentosposobnosti. Vystuplenie pered slushatelyami Tsentra partiinoi ucheby i podgotovki kadrov / V. Surkov. – PVV "Edinaya Rossiya", 7 fevralya 2006 goda.' in Teksty 97-0. – M.: Evropa, 2008.
22. Surkov, V. 'Russkaya politicheskaya kul'tura. Vzglyad iz utopia / V. Surkov. – Lektsiya, pročitannaya v Rossiiskoi akademii nauk 8 iyunya 2007'.
23. Surkov, V. 'Natsionalizatsiya budushchego. Paragrafy PRO suverennuyu demokratiyu' / V. Surkov. – [Nationalization of the future. Paragraphs on sovereign democracy in Teksty]. The speech originally given and the text published in 2006.
24. Surkov, V. 'Dinamichnoe razvitie Rossii nevozmozhno bez novykh effektivnykh lyudei. Bez privilecheniya v ekonomiku, gosupravlenie i sotsial'nyu sferu strany novykh effektivnykh lyudei nel'zya predstavit' dinamichnoe razvitie Rossii', Ria Novosti interview, 3 Sept. 2008, published 4 Sept. 2008 / V. Surkov. – Режим доступа: <http://www.er.ru/text.shtml?3/2927> (accessed: 1.10.2010).
25. Surkov, V. 'Dvizhenie za sterilizatsiyu ne dolzhno pobedit'!' / V. Surkov. – Режим доступа: <http://www.er.ru/-er/text.shtml?6/4074,110027> (accessed: 1.10.2010).
26. Surkov, V. 'Byt' svobodnoi natsiei sredi svobodnykh natsii / V. Surkov. – Press-konferentsiya dlya inostrannykh zhurnalistov 28 iyunya 2006'.
27. Surkov, V. 'Politika – eto prezhe vsego tekst' / V. Surkov. – (17 November 2006) in Teksty.
28. Surkov, V. 'Vladislav Surkov: My dolzhny gotovits'sya k budushchemu miru. Interv'yu pervogo zamestitelya rukovoditelya Administratsii prezidenta Rossii', 7 Dec. 2010 / V. Surkov. – Режим доступа: <http://www.er.ru/print-shtml?17/3597> (accessed: 10.12.2010).
29. Surkov, V. 'Naputstvie nachinayushchemu liberalu / V. Surkov. – Vystuplenie v ramkakh kruglogo stola "Fevral'skaya revolyutsiya: istoriya i sovremennost'". – 13 marta. – 2007 goda.
30. Surkov, V. 'Rossiya kak utopiya' / V. Surkov. – Zavtra. – 17 Oct. – 2007.
31. Turner, Rachel S. 'The "rebirth of liberalism": The origins of neo-liberal ideology' / S. Rachel Turner. – Journal of Political Ideologies. – Vol. 12. – No. 1 (2007). – P. 67 – 83.
32. Törrönen, Ju. 'The Passionate Text. The Pending Narrative as a Macrostructure of Persuasion' / Ju. Törrönen. – Social Semiotics. – Vol. 10. – No. 1 (2000). – P. 81 – 96.
33. United Russia, 'Rossiya: sokhranim i priumnozhim! 21 Nov. 2009. – Режим доступа: <http://www.edinros.ru/-er/text.shtml?10/9535,110030> (accessed: 1.10.2010).

Информация об авторе:

Сирке Макинен – доктор социологии, старший научный сотрудник Центра исследований России при Александровском институте Хельсингского университета и Школы менеджмента Университета Тампере, Финляндия.

Sirke Melina Mäkinen – Doctor of Social Sciences, Research Fellow, Finnish Centre of Excellence in Russian Studies: Choices of Russian Modernization, Aleksanteri Institute, University of Helsinki, and School of Management, University of Tampere, Finland. Sirke.Makinen@uta.fi

**ВТОРОЕ РАСШИРЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА:
ПОЛИТИКА VERSUS ЭКОНОМИКА. ГРЕЦИЯ**

С. Н. Мирошников

**THE SECOND ENLARGEMENT OF THE EUROPEAN UNION:
POLITICS VERSUS ECONOMICS. GREECE**

S. N. Miroshnikov

В статье автор рассматривает процесс вступления Греции в Европейский Союз. Анализируются причины, по которым слаборазвитая в экономическом плане страна, только что сбросившая диктатуру «черных полковников», смогла убедить членов Европейского Союза начать переговоры о вступлении и относительно быстро их завершить.

The author discusses the process of Greece's accession to the European Union. He analyzes the reasons why the economically weak country that had just escaped the dictatorship of the "black colonels" was able to persuade the EU members to start accession talks and finish them relatively quickly.

Ключевые слова: средиземноморское расширение Европейского Союза, расширение и углубление европейской интеграции.

Keywords: Mediterranean enlargement of the European Union, widening and deepening of the European integration.

Вступление Греции в ЕЭС кардинально отличалось от процесса первого расширения ЕЭС. Это отличие было не формальное, правила и принципы расширения в случае с Грецией соблюдались неукоснительно, а, скорее, фундаментальное. В этом расширении политика явно преобладала над экономикой, причем и как в случае с Грецией, так и в случае с ЕЭС.

После окончания Второй мировой войны Греция оказалась на переднем плане разворачивающейся борьбы между двумя противостоящими друг другу блоками во главе с США и СССР. Гражданская война, развернувшаяся в стране с 1946 года, и отказ Великобритании поддерживать правящий режим, привели к массированному вмешательству в это регион США. Американский президент Г. Трумен 12 апреля 1947 года в речи перед Конгрессом США объявил о выделении Греции и Турции более 400 млн долл. экономической помощи, из них Греции предназначалось – 300 млн долл. [1]. С этого момента влияние Соединенных Штатов на экономическое и политическое развитие Греции становится определяющим. Правительственные войска, вооруженные и обученные Вашингтоном, смогли к 1949 году сломить сопротивление коммунистических повстанческих отрядов и вынудить их окончательно покинуть территорию страны (прим. автора: *Значительную роль в поражении греческих повстанцев сыграл и советско-югославский конфликт, в результате которого югославское руководство, под давлением США, вынужденно было закрыть границы для греческих партизан*). Параллельно с окончанием вооруженной борьбы начинают создаваться жизнеспособные государственные структуры. Экономика страны начинает понемногу оживать, а затем и быстро расти. Благодаря американским деньгам была полностью восстановлена инфраструктура страны, начался процесс индустриализации и урбанизации. Среднегодовой рост греческой экономики в 50-е годы XX века составил в среднем 6,6 %. Это привело к превращению Греции из отсталой аграрной страны в

среднеразвитую индустриальную [2, р. 78]. В тоже время из-за значительных американских вливаний, зависимость как экономики, так и политической жизни страны от США оказалась огромной [3, р. 81]. Администрации и Д. Эйзенхауэра и Кеннеди пытались сохранить союзниками в противостоянии с СССР и Грецию и Турцию [3, р. 84]. Однако ухудшающиеся межэтнические отношения между общинами греков и турок на о. Кипр, которые в конце концов привели к столкновению между ними в 1963 году привели к тому, что греческая элита начала искать другой, альтернативный источник получения помощи для развития своей экономики [3, р. 84 – 85]. В этом контексте обращение к Европе выглядело естественным. Греция первой из всех европейских стран 8 июня 1959 подала заявку на подписание Соглашения об Ассоциации с ЕЭС [4, р. 47]. Выбор в пользу ЕЭС был не случаен. Как считает Костас Ифандис, поворот в сторону ЕЭС был обусловлен еще двумя причинами. Во-первых, стремлением Греции присоединиться к образующимся интеграционным блокам в Европе, которые могли оставить греческую экономику за бортом, отгородившись от неё внешними тарифами. Выбор ЕЭС, хотя и внушал некоторые опасения значительной части греческого общества относительно возможности остаться сельскохозяйственным отсталым придатком более развитых стран, все же позволял надеяться греческому правительству на значительную помощь со стороны «шестерки». Кроме этого значительную роль сыграл и тот факт, что в ЕЭС создавался «общий рынок» для продукции сельского хозяйства, составляющей львиную долю греческой экономики, в отличие от соглашения по ЕАСТ, в котором соглашения по продукции сельского хозяйства отсутствовали [2, р. 80 – 81]. И, во-вторых, правоцентристское правительство Константинос Караманлис видел в присоединении к ЕЭС, после тяжелейшей гражданской войны, окончательный выбор Греции в пользу западных ценностей [4, р. 49].

Переговоры о «Соглашении об Ассоциации» начались в июне 1959 году и длились целых три года. Сообщество очень тщательно подошло к переговорам, так как это были первые переговоры такого рода и они, следовательно, создавали прецедент для других стран. Уже в 1960 году заявку на начало переговоров об Ассоциации с ЕЭС подает Турция, а в 1962 году, Австрия, Швейцария и Швеция делают то же самое. Для ЕЭС Соглашение имело также и другой подтекст. Статья 238 Римского договора была написана для того чтобы иметь законную возможность провести переговоры с Великобританией о торговом соглашении. Собственно говоря, именно по этой статье велись переговоры об ассоциации с ЕАСТ. Но переговоры с такой страной как Греция, были совершенно особым случаем, так как представляли новый вызов всей системе ЕЭС. Греция в экономическом и политическом плане разительно отличалась как от стран основателей ЕЭС, так и стран ЕАСТ. В экономическом плане, несмотря на быстрый рост экономики в пятидесятые годы, уровень жизни был значительно ниже, чем в среднем по Сообществу. В политическом плане отсутствовала устоявшаяся демократическая система ценностей и существовала сильная зависимость страны от иностранной, в первую очередь американской помощи. Поэтому «шестерка» должна была в первую очередь определить свою философию подхода к таким странам. Процесс интеграции предполагал, что объединяться должны страны с равными социально-экономическим и политическим уровнем. Однако реальность «холодной войны» была такова, что нужно было привязывать «периферийные» страны к Западу. Поэтому ответ на просьбу Греции мог быть только положительным. Другое дело, на каких условиях заключать данное соглашение и какую конечную цель им преследовать. В результате дискуссий «шестеркой» было принято решение начать переговоры об ассоциации с Грецией, которые должны были «привязать» греческую экономику к западноевропейской посредством поэтапного создания общего таможенного союза. Важным инструментом на данном пути страны Сообщества считали гармонизацию сельскохозяйственной политики, так как она являлась основой греческой экономики и выделение финансовой помощи для переоснащения и создания новых секторов в греческой индустрии. Результатом подобного подхода должно стать развитие как экономики, так и стабилизация политической ситуации в Греции, закрепления демократического выбора страны. По мысли западноевропейских политиков, такое соглашение должно было способствовать поднятию жизненного уровня населения и в отдаленном будущем привести к полной интеграции Греции в ЕЭС, что и было записано в преамбуле Соглашения [2, р. 82 – 83]. Оно было подписано 9 июля 1961 года в Афинах и предполагало поэтапный переход к общему таможенному союзу с переходным периодом от 12 до 22 лет для различных видов сельскохозяйственных и промышленных товаров [4, р. 47]. ЕЭС взял на себя обязательство выделить на индустриализацию греческой экономики 125 млн долл. [2, р. 82].

Реализацию Соглашения прервал военный переворот 21 апреля 1967 года приведший к власти «хунту

черных полковников» во главе с Георгиосом Пападопулосом. ЕЭС по требованию Европарламента заморозил реализацию Соглашения, за исключением положений касающихся снижения таможенных пошлин на различные виды товаров [2, р. 84]. США же наоборот, фактически поддерживали военных, чем серьезно дискредитировало себя в глазах греческого общества [3, р. 93 – 95].

Ситуация серьезно обострилась после 15 июля 1974 года, когда при поддержке хунты осуществляется военный переворот на о. Кипр и свержается правительство Макариосиса III. Турция отреагировала на это захватом после тяжелых боев северной части острова и созданием там турецкой республики Кипр. Греческая хунта принимает решение выйти из организации НАТО, так как она не смогла предотвратить захват части Кипра турецкими войсками [5, р. 116 – 118]. Страну охватывает волна недовольства правящей военной хунтой. На этом фоне политического кризиса президент страны объявляет о восстановлении конституции страны и проведении всеобщих выборов, на которых побеждает прозападная партия «Новая демократия» во главе с Константиносом Караманлисом.

Внутриполитическая ситуация в Греции оставалась напряженной. Страна находилась в международной изоляции. Главный союзник – США, был дискредитирован в глазах общественности поддержкой режима «черных полковников» и не препятствием Турции оккупировать северную часть Кипра, вследствие чего Греция выходит из командной структуры НАТО, – и начинает переговоры с США о закрытии американских баз в стране. Популярность набирали левые силы – Всегреческое социалистическое движение (ПАСОК) во главе Андреосом Папандреу. В этой ситуации правительство К. Караманлиса в ЕЭС видела единственную силу, которая способна стать гарантом возвращения Афин в лоно западной цивилизации. Причем размораживание «Соглашения об ассоциации» не представлялось уже приемлемым вариантом такого влияния. Речь шла о полном членстве в ЕЭС, которое по мысли К. Караманлиса, только и могло в данной ситуации быть гарантом как внутренней, так и внешней стабильности и поступательного развития греческого общества, о чем греческий премьер постоянно повторял своим западноевропейским коллегам во время турне по столицам стран членов ЕЭС. Поэтому сразу же после выборов правительство К. Караманлиса обращается в Брюссель с меморандумом о желании страны вступить в ЕЭС, а уже 12 июля 1975 года Греция подает полноценную заявку на вступление [6, р. 230 – 252].

Для Европейского Сообщества такой поворот событий был в определенной степени неожиданным и неуместным. Только что закончились переговоры о вступлении Великобритании, Ирландии и Дании в Сообщество и были запущены процессы адаптации к новым реалиям. Кроме этого кризис охвативший мировую экономику резко замедлил темпы роста западноевропейской экономики и вызвал к жизни процессы ее перевода на новые постиндустриальные рельсы. В такой ситуации вступление нового члена, который ни по каким параметрам не подходил Сообществу, пред-

ставлялось неуместным, о чем собственно и уведомило государства члены Европейская Комиссия в своем мнении относительно возможности вступления Греции в ЕЭС. Однако понимая, что отказ в приеме может нанести серьезный удар по начавшему процессу демократизации общества Комиссия предлагала запустить механизм приема Греции, но из-за сложности существующих в этой стране проблем обозначить определенный переходный период для решения с помощью ЕЭС существующих проблем до начала переговоров о вступлении [7, р. 1]. Комиссия обозначила три таких проблемы. Первая – это не решенный кипрский вопрос и в целом состояние греко-турецких отношений. Комиссия настаивала на том, что перед вступлением должны быть урегулированы все спорные вопросы между Грецией и Турцией, чтобы ЕЭС не был втянут в эти споры. Кроме этого необходимо найти механизмы, которые позволят ЕЭС сохранить в прежнем виде соглашение об Ассоциации с Турцией и ее перспективы на вступление в ЕЭС [7, р. 2].

Вторая проблема – это состояние греческой экономики. Комиссия считала, что в современном состоянии она требует серьезных структурных изменений, для того чтобы отвечать требованиям ЕЭС. В первую очередь опасения вызывали значительный и слабый сельскохозяйственный сектор и слабо развитая греческая индустрия. Для их модернизации и реструктуризации потребуется выделить значительных сумм из бюджета Сообщества. По подсчетам Комиссии в рамках бюджета 1976 года потребуется около 450 млн экю [7, р. 3].

Третья проблема – влияние вступления Греции на процесс функционирования и принятия решений в самом Сообществе. Комиссия однозначно подтвердила тот факт, что любое расширение ЕЭС ведет к изменению сложившегося порядка функционирования Сообщества и требует принятия новых мер, направленных на углубление процесса интеграции. Иначе Сообщество может стать неработоспособным. Поэтому Комиссия однозначно заявила, что перед вступлением Греции в ЕЭС необходимо завершить процессы углубления интеграции путем создания Европейского монетарного и валютного союза и проведения прямых выборов в Европейский парламент [7, р. 4].

Однако Совет министров на своем заседании 9 февраля 1976 года не согласился с мнением Комиссии о переходном периоде и предложил Комитету постоянных представителей при Совете министров как можно быстрее подготовить мандат на переговоры для полноценного вступления Греции в ЕЭС при условии, что Греция не будет чинить препятствий для нормального развития отношений с Турцией [8, р. 34]. Главным сторонником греческого правительства выступила Франция, которая, с оговорками, была поддержана Германией и Нидерландами. Позиция французского президента Валери Жискар д'Эстена, который имел достаточно тесные личные отношения с К. Караманлисом, основывалась на необходимости поддержать греческое правительство в трудный переходный период, и необходимости остановить возможность перерастания кипрского вопроса в полномасштабную войну. Вступление Греции в ЕЭС, по мнению Франции, поможет стабилизировать ее отноше-

ния с Западом и окажет сдерживающее влияние на ее политическую элиту, удержав ее от раздувания реваншистских настроений [4, р. 52 – 53].

Переговоры были открыты в июле 1977 года. Очень быстро выяснилось, что решение вопросов, которые предстояло решать переговорщикам, зависят от политической воли руководства Греции и ЕЭС. Афины, как уже отмечалось ранее, рассматривали вопрос о вступлении как вопрос демократического выбора страны и возможности предотвращения радикализации общества вследствие усиления реваншистских настроений. Поэтому очень быстро, уже через два месяца после начала переговоров, экономическая команда переговорщиков была заменена на политическую, и министерство иностранных дел Греции стало во главе переговорного процесса. Кроме этого правительство К. Караманлиса пошло на проведение в ноябре 1977 года досрочных парламентских выборов, для того чтобы внутренние проблемы не отразились на процессе вступления страны в ЕЭС [2, р. 87 – 88].

Для Сообщества кроме вышеперечисленных намерений поддержать демократические преобразования в Греции и не допустить расширения греко-турецкого конфликта, важным был и еще и вопрос о будущем средиземноморском расширении. В 1974 и 1975 годах рухнули авторитарные режимы в Португалии и Испании, что объективно ставило перед Сообществом вопрос о возможном присоединении этих стран к интеграционному объединению. Ход переговоров с Грецией и их результаты были очень важны для Брюсселя как важный прецедент для такого расширения. Для переговоров ЕЭС с Афинами характерно, поэтому, по мнению Кристофера Престона, единая, жесткая позиция по всем аспектам переговоров, несмотря на первоначальные расхождения по вопросам вступления Греции в Сообщество. К тому же Комиссия, которая представляла ЕЭС на переговорах, не представила сразу все свои требования к Афинам, так как именно в период начала переговоров с Грецией Португалия, а затем и Испания подадут заявки на вступление в Сообщество. Вопрос о позиции Сообщества по сельскохозяйственному сектору, был представлен Афинам только через два года после открытия переговоров, когда появилось мнение Комиссии относительно Испании и Португалии [4, р. 54 – 55].

Следствием такого подхода сторон было относительно быстрое решение спорных вопросов. Первым было закрыто досье, относящиеся к таможенному союзу. Первоначальные попытки греков добиться продолжения действия процесса создания таможенного союза закрепленного в Соглашении об Ассоциации, натолкнулись на жесткое противодействие всего Сообщества, заявившего о том, что процесс вступления в ЕЭС кардинально отличается от взаимоотношений Сообщества с ассоциативными членами. После смены команды греческих переговорщиков, Афины пошли на встречу требований Брюсселя и приняли требования о снижении таможенных пошлин и о присоединении страны к таможенному союзу в течение пяти лет после вступления [4, р. 54]. Так же быстро были урегулированы вопросы, относящиеся к введению общего таможенного тарифа на границах расширенного Сообщества. Здесь также был зафиксирован

пятилетний период для адаптации Греции к новым реалиям [4, р. 55]. Следующие темы, по которым удалось быстро достичь согласия, были вопросы о свободном передвижении рабочей силы и региональной политике. Греческие переговорщики настаивали на том, чтобы греческие рабочие после приобретения Афинами статуса полного членства в ЕЭС пользовались правом свободного передвижения по Сообществу и получили, таким образом, преимущество над мигрантами из третьих стран. Однако страх перед массовым наплывом мигрантов, особенно в связи с будущим присоединением Испании и Португалии привел к установлению переходного периода сроком на семь лет, в течение которого свободное движение рабочей силы между Грецией и ЕЭС будет невозможно. Германия, как страна наибольшего притока греческих мигрантов, добилась двенадцатилетнего переходного периода [4, р. 57].

Вопросы регионального развития были решены, используя опыт решения подобного вопроса при вступлении Ирландии: большая часть Греции была признана развивающимся регионом, который имеет право на получение субсидий. Таким образом, правительственные субсидии товаропроизводителям данного региона рассматривались как помощь ЕЭС в развитии данного региона [4, р. 58].

Важнейшим вопросом на переговорах оставался сельскохозяйственный. Франция наложила вето на проект Комиссии по проекту решения сельскохозяйственного вопроса на переговорах с Грецией, понимая, что от решения данного вопроса зависит в первую очередь то, на каких условиях будет присоединяться Испания с ее мощным и во многом идентичным французскому сельскохозяйственным сектором. Париж требовал решить первоначально вопросы реорганизации сельскохозяйственного сектора экономики средиземноморских стран и реформы всего сельского хозяйства ЕЭС (прим. автора: *Переговоры по реформе сельскохозяйственного сектора ЕЭС начались в 1979 год и завершились в 1984 году вместе с бюджетной реформой Сообщества введением системы квот*) [9]. После требования Парижа Комиссия внесла проект объединения переговорного процесса по сельскому хозяйству трех вступающих стран [8, р. 43]. Для Греции объединение «сельскохозяйственного досье» с испанским и португальским означало откладывание вступления в ЕЭС на неопределенное время. Однако результаты досрочных парламентских выборов в ноябре 1977 года, по мнению К. Престона, помогли грекам. Оппозиционная партия ПАСОК, которая выступала резко против участия страны в ЕЭС, набрала около 25 % голосов, что сильно напугало европейцев. К. Караманлис в январе 1978 года совершил турне по станам ЕЭС, убеждая правительства стран Сообщества быстрее завершить переговоры, чтобы остановить негативную тенденцию полевления греческого общества. Он смог добиться своего, добившись политического решения о завершении переговоров к концу 1978 года [4, р. 57]. Это сдвинуло переговоры с мертвой точки. Сельскохозяйственное досье было закрыто относительно быстро. ЕЭС настояло на пяти-

зыйственного сектора, за исключением экспорта из Греции томатов и персиков, для которых переходный срок был увеличен до семи лет. Это важное соглашение дало зеленый свет для урегулирования бюджетных вопросов. Так как греческая сторона из политических соображений всячески настаивала в процессе переговоров на том, что вступление Греции в ЕЭС не ляжет тяжелым бременем на бюджет ЕЭС. Было решено в преддверии вступления Испании и Португалии в ЕЭС создать специальный механизм финансирования стран в переходный период. Такой подход, позволил разрешить серьезную проблему внутри Сообщества: не увеличивая серьезно бюджет Сообщества дать возможность присоединившимся странам получать помощь в рамках ЕЭС для решения проблем связанных с реализацией достигнутых при вступлении договоренностей, прежде всего по реструктуризации промышленности и сельского хозяйства [4, р. 58].

28 мая 1979 года соглашение о вступлении Греции в ЕЭС с 1 января 1981 года было подписано. Процедура ратификации соглашения во всех странах ЕЭС и Греции прошла без особых трудностей. Только во Франции при голосовании в Национальной Ассамблее сторонники расширения ЕЭС получили большинство с разницей в 60 голосов [4, р. 58].

Вступление Греции в ЕЭС представляло определенный вызов Сообществу. Впервые Сообщество должно было «вставить» в европейское объединение не только слаборазвитое в экономическом плане государство, такую проблему Сообщество уже решало, присоединив Ирландию, но государство, только что освободившееся от авторитарной хунты «черных полковников», в котором отсутствовали устоявшиеся демократические принципы. Поэтому вопрос для ЕЭС был прежде всего политический – может ли Европейское сообщество способствовать развитию не только относительно равных в экономическом и социальном плане государств, но и быть своего рода «плавильным цехом», в котором вступающие в него государства обретают экономическую процветание и устоявшиеся демократические институты управления страной. Выбор Брюсселя был однозначно в пользу средиземноморского расширения. Однако необходимо отметить, что само это расширение окончательно убедило руководство ЕЭС в необходимости реформы Сообщества. Стало очевидно, что структура управления и принятия решений не будет работоспособной при тринадцати, а затем и пятнадцать государств-членов. Поэтому совершенно не случайно после первого расширения, когда необходимость реформы была осознана, было принято решение о ускорении формирования общего рынка Сообщества, создании валютного союза и проведении прямых выборов в Европейский парламент. Второе расширение и неизбежность третьего привели лидеров стран-членов к принятию решения о начале ревизии Римского договора и реформировании ЕЭС, в первую очередь в области процесса принятия решений.

Литература

1. President Harry S. Truman's Address before a Joint Session of Congress, March 12, 1947. – Режим доступа: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/trudoc.asp (дата обращения: 17.11.2012).
2. Ifantis, K. States Interests, External Dependency Trajectories and "Europe". Greece. In: European Union Enlargement: A Comparative Studies. Ed. By Wolfram Kaiser and Jurgent Elvert / Kostas Ifantis. – L.; New York: Routledge, 2004. – 262 p.
3. Iotridis, J. The United States and Greece in Twentieth Century in Greece in the Twentieth Century / John Iotridis // Ed. By Theodore A. Couloumbis, Theodore Kariotis, Fotini Bellou. – London; New York: Frank Cass, 2003. – 336 p.
4. Preston Ch. Op.cit.
5. Coufoudakis, V. The Cyprus Question: International Politics and Failure of Peacemaiking / V. Coufoudakis. – In: Greece in the Twentieth Century.
6. Coufoudakis, V. Greek Foreign Policy, 1945 – 1985, Seeking Independence in an Interdependent World – Problem and Prospects. In Political Change in Greece: Before and After the Colonels. Ed. by Featherstone Kevin and Katsoudas Dimitrios / Van Coufoudakis. – London: Croom Helm, 1987.
7. Commission of the EC: Opinion on Greek Request for Membership. – Bulletin of the European Communities, 2/1976.
8. Tsalicoglou, I. S. Negotiation for Entry: The Accession of Greece to the European Community / I. S. Tsalicoglou. – Aldershot, Dartmouth, 1995. – 209 p.
9. Dinan, D. Ever Close Union. An Introduction to European Integration / D. Dinan. – Houndmills: Palgrave Macmillan, 2005. – 664 p.

Информация об авторе:

Мирошников Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики исторического факультета Томского государственного университета, Smiroshnikov64@mail.ru.

Sergey N. Miroshnikov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of World Politics, Tomsk State University.

УДК 340.11

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ Е. В. Мороз

RUSSIAN MODERNISATION OF LAW INTERPRETATION AS AN ELEMENT OF SOCIAL AND CULTURAL TRANSFORMATION E. V. Moroz

В статье дается анализ современного состояния российского правопонимания. Через раскрытие концепций правопонимания таких известных российских правоведов, как В. С. Нерсисянц, А. В. Поляков, И. Л. Честнов, М. И. Байтин и др. выделяются основные методологические подходы и оценки в изучении права на современном этапе. В качестве основных концепций современного российского правопонимания выделены следующие: интегративная, либертарно-юридическая, коммуникативная, нормативистская.

An analysis of modern state of law interpretation in Russia is given in the article. Showing the concepts of law interpretation, we can see methodological approaches and assessments in studying law. Main concepts of modern Russian law interpretation include integrative, liberty-juridical, communicative and normativistic ones.

Ключевые слова: правопонимание, право, либертарно-юридический, позитивизм, нормативизм, интегративность, коммуникативность, этатизм.

Keywords: law enforcement, law, liberty-juridical, positivism, normativism, integrity, communicative skills, etatism.

Традиционно под правопониманием понимается определенный образ права, характеризующий совокупностью наиболее общих теоретических признаков права и наиболее общих признаков практического (ценностного) к нему отношения.

Обычно выделяют такие классические типы правопонимания, как естественно-правовой, религиозный, психологический, юридический позитивизм

(нормативизм) и социологический позитивизм. Однако на современном этапе развития правовой науки стала очевидной односторонность каждого из этих подходов.

Кардинальные изменения в нашей стране на рубеже 80 – 90-х годов прошлого столетия оказали огромное влияние на генезис классических типов правопонимания российскими учеными. Переход от то-

талитарного режима к демократическому в нашей стране, безусловно, изменил ситуацию и в правоведении. Ориентация на построение правового государства, пропаганда либеральных индивидуалистических ценностей способствовала формированию соответствующих правовых концепций, ориентированные на установление соответствия права и закона, на общую либерализацию правовых взглядов.

В России в настоящее время нет теоретических концепций, отражающих какой-либо классический тип правопонимания в чистом виде: каждая правовая концепция включает в себя элементы различных типов в том или ином соотношении. Более того, наблюдается тенденция не только к размыванию границ между классическими типами правопонимания, но и к интегрированию их в единой концепции.

В современном российском правоведении проблема правопонимания получила специфический характер, отличный от сложившейся практики ее осмысления на Западе. Это обусловлено, прежде всего, особенностями развития России в XX веке, в связи с которыми правовая мысль страны фактически разделилась на дореволюционную, советскую и постсоветскую, при отсутствии между ними научно приемлемого диалога. Одна из тенденций современного правопонимания в России проявляется в стремлении выработать универсальное определение права на основе целостной теоретической базы. Другой тенденцией является доступность к российскому дореволюционному и зарубежному опыту правопонимания, что обогащает возможности осмысления правового феномена современным отечественным правоведением.

Проблемами правопонимания в нашей стране занимались и занимаются такие известные правоведы, как В. С. Нерсисянц, А. В. Поляков, И. Л. Честнов, Р. З. Лившиц, В. Л. Лазарев, Г. В. Мальцев и др. В современном российском правоведении можно выделить несколько основных концепций правопонимания.

Прежде всего, необходимо сказать о либертарно-юридической теории права и государства [8, с. 3 – 15]. Данная концепция понимания права и государства разработанная В. С. Нерсисянцем еще в 70 – 90-х гг. XX века, представляет собой самостоятельное направление в российской философии права, конкурирующее с иными типами понимания права (позитивистской теорией права во всех ее вариантах, естественно-правовым направлением и другими).

Либертарная теория права противопоставила марксистско-ленинскому учению о государстве и праве новый подход к пониманию права, основанный на концепции (метатеории) различения права и закона.

При этом под правом в его различении с законом имеется в виду сущность права – то, что объективно присуще праву, выражает его отличительную особенность как социальной нормы и регулятора особого рода и отличает право от неправа (от произвола, с одной стороны, от моральных, религиозных и иных социальных норм, с другой стороны), т. е. то, что не зависит от субъективной воли и произвола законодателя (правоустановительной власти). Под законом в его различении с правом имеется в виду официально-властное нормативное явление, т. е. явление, имею-

щее законную силу принудительно-обязательного правила (нормы). Термин «закон» используется Нерсисянцем в собирательном смысле и охватывает все источники официально установленного (позитивного) права, поскольку все они представляют собой официально-властные явления (эмпирические тексты) нормативного характера, наделенные законной (принудительно-обязательной) силой. В рамках этой концепции различения и соотношения права и закона (как соответственно сущности и явления) под сущностью права имеется в виду принцип формального равенства, который представляет собой единство трех подразумевающих друг друга сущностных свойств (характеристик) права – всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости.

Нередко либертарную теорию называют идеологией, а также метафизическим, философским пониманием права и отказывают ей в научном статусе. Как правило, такие обвинения выдвигаются сторонниками господствующего позитивистского понимания права и государства.

В развитии современного российского правоведения ряд исследователей пытаются создать интегративную теорию права. По мнению этих ученых данная теория должна вобрать в себя все самое ценное от различных концепций правопонимания. Другие авторы считают такой подход эклектичным сочетанием разнородных начал и идей, плохо согласующихся между собой. В рамках интегративной теории права предпринимаются попытки создания единого, универсального понятия права.

К сторонникам интегративного правопонимания можно отнести В. Г. Графского. Он подчеркивает необходимость интеграции концепций правопонимания, при этом поднимая не только проблему соотношение права и закона, но и соотношения права и морали, права и закона [3, с. 63].

В связи с тем, что юриспруденция рассматривает факты и идеи отдельно, и, следовательно, поэтому понятие права неоднозначно, В. Г. Графский предлагает интегрировать в юриспруденцию элементы общественных наук [4].

Интегративному правопониманию уделено немалое внимание и в работах И. Л. Честнова. Существующие российские и зарубежные концепции Честнов подвергает критике, так как они продукт индустриального общества. В настоящее время, в эпоху постмодерна, необходима кардинально новая интеграционная концепция. В соответствии с этой концепцией право нужно рассматривать как полифоническое явление, распадающееся на противоположности – должное и сущее, материальное и идеальное, общее и особенное. Эти противоположности способствуют перманентному генезису права, который никогда не будет завершен [12].

И. Л. Честнов интегрирует в свою концепцию и элементы феноменологической юриспруденции, считая право феноменом культуры [12, с. 54]. Однако, на его взгляд, это не мешает найти общий стержень данного феномена, несмотря на нетождественность его конкретно-исторических проявлений.

Следует критически отнестись к мнению И. Л. Честнова о том, индустриальное общество, накопившее

в себе слишком много противоречий, не в состоянии больше быть основой дальнейшего развития человечества. Думается, что не все страны мира прошли этот этап в своем развитии. Вместе с тем, подвергает критике ученых за ограниченность и эпоху модерна. На наш взгляд, давать сравнения и ставить в один ряд социально-экономическое понятие индустриального общества и теоретическое философско-гуманитарное понятие модерн (постмодерн) не совсем корректно.

Честнов приходит к выводу, что основанием нового типа правопонимания должна стать философская концепция, соединяющая в себе феноменологию, антропологию, герменевтику и синергетику. И. Л. Честнов подчеркивает, что окончательно осмыслить право как изменчивое, многомерное, противоречивое явление можно при помощи особого диалогического метода, позволяющего исследовать существование феномена права в процессе его непрерывного становления [12, с. 122].

Таким образом, Честнов сужает основания понимания права до философской основы, не учитывая социально-экономические, политические, психологические, исторические и др. факторы, влияющие на формирование правопонимания.

Коммуникативная концепция права А. В. Полякова является также интегративной. Критикуя этицистский подход к праву, характерный для современных концепций правопонимания, он предлагает сформировать новый интегральный тип правопонимания, основанный на синтезе западных и восточных школ и течений в современном правоведении. По мнению А. В. Полякова, поможет сформировать подобный новый интегральный тип правопонимания феноменологический – коммуникативный подход [10, с. 114], а также обращение к реалистическим концепциям правопонимания, сложившимся в дореволюционной российской юридической науке.

А. В. Поляков дает несколько классификаций существующих видов правопонимания. Первая классификация делит правопонимания на два типа: практический и теоретический [9, с. 34]. Практический тип правопонимания отражается в общественном правовом сознании в виде наиболее общих признаков, характеризующих отношение общества к праву, его особое правоведение и правочувствование. Наоборот, теоретическое правопонимание оформлено концептуально, а ценностные мотивы в нем идеологизированы и зачастую завуалированы.

В основе второй классификации лежит цивилизационный критерий, в соответствии с которым А. В. Поляков выделяет правопонимание Востока и Запада.

В соответствии с третьей классификацией, основанной на теоретическом подходе к пониманию права, ученый выделяет три вида правопонимания: естественно-правовой, этицистский и социологический.

Существование нескольких классификаций в концепции одного правоведа еще раз подчеркивает сложность и многогранность проблемы правопонимания.

Необходимо также отметить, что коммуникативная концепция права является сравнительно молодой и, как следствие, недостаточно разработанной, но, несмотря на это, многие ее положения все более полу-

чают распространение и признание в российской юридической науке.

В основе концепции интегративного правопонимания Р. З. Лившица лежит представление о праве как о системе общественного порядка, системе социального компромисса. Такое представление позволяет Р. З. Лившицу объединить все существующие подходы к праву. Однако дать определение права не в глобальном масштабе, считает ученый трудно. В каждой конкретной стране существует свое право, основанное на реальной правовой действительности и конкретных исторических реалиях [6, с. 154]. Безусловно, с этой точкой зрения Лившица необходимо согласиться.

Совершенно нетрадиционный подход к проблеме правопонимания предлагает И. Д. Невважай. Он считает, что любое сведение отдельных типов правопонимания в единую концепцию обречено остаться аморфной совокупностью различных теорий с неопределенно размытыми границами. В связи с этим он предлагает создать особую философскую концепцию, которая позволит осмыслить многообразие правовых теорий [7]. Само правопонимание становится результатом применения определенного способа конституирования смысла, свойственного той или иной правовой культуре.

Значительное распространение в настоящее время получила концепция так называемого «широкого» понимания права, главное основание которого – интеграция традиционных типов правопонимания в целостной правовой концепции, предоставляющей возможность для более концентрированного определения права. Способы такой интеграции весьма различны, что приводит к чрезвычайно разнообразию подобных теорий.

Например, В. В. Лазарев дает «широкое» понимание права как совокупности норм, идей и отношений. Он видит эти элементы скорее не как целостную систему, а как различные формы проявления права. Он подвергает критике сторонников классических типов правопонимания за то, что те абсолютизируют одну из этих форм. На основании такого подхода он дает следующую дефиницию: «Право – это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом» [5, с. 205]. Данное определение, безусловно, эклектично, оно включает в себя элементы позитивистского, естественно-правового и, даже, либертарно-юридического правопонимания. К сожалению, за всей этой эклектикой теряется сущность права.

Наряду с новыми методологическими подходами к правопониманию сохраняет свои позиции в российском правоведении нормативистский подход. Его сторонники не принимают другие варианты правопонимания. Они считают, что выходение правоведов за рамки нормативизма воспитывает правовой нигилизм в обществе и оправдывает противозаконные действия. Основной акцент представители нормативизма делают на важности толкования для процесса создания новых юридических актов и их учета для составления сводов законов и юридических справочников.

Среди наиболее ярких представителей нормативистского направления в современном российском правоведении необходимо выделить М. И. Байтина. В качестве положительного момента теории М. И. Байтина следует отметить его желание адаптировать нормативизм к современным условиям. Это проявляется в его попытке отойти от понимания нормативизма как системы самодовлеющих норм и от его советской трактовки, а с другой стороны, обосновывает правопонимание, направленное на решение современной правовой политики и практики.

М. И. Байтин дает классическое нормативистское определение права: «Право – это система общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее классовый и общечеловеческий характер, издаются и санкционируются государством, охраняются возможностью государственного принуждения и являются властно-официальным регулятором общественных отношений» [2, с. 152].

Он считает, что единственной формой существования права являются государственно-организованные нормы. Этот тезис Байтин обосновывает тем, что государство – единственный представитель общества в целом, поэтому только оно может быть источником общеобязательных правил поведения. Вместе с тем традиционное для нормативизма и марксизма понятие «право – это выраженная воля господствующего класса» Байтин, исходя из современных условий, заменяет понятием «право – государственная воля общества». Подобное смягчение понятия вместе с тем, не меняет сущности нормативизма, которая заключается именно в государственно-волевом признаке права.

Анализируя нормативный признак права, автор сосредоточивает внимание на раскрытии соотношения содержания права, которое образуют составляющие его нормы, с формой права – его юридическими источниками, ведущее место в ряду которых принадлежит закону. В качестве специфической особенности права Байтин выделяет возможность использования для его охраны от нарушений государственного принуждения [2, с. 64 – 65]. Байтин доказывает, что нормативный признак права, четко различая содержание и форму российского права, одновременно подчеркивает их единство и однопорядковость, общую устремленность на правовое обеспечение задач, стоящих перед обществом и государством.

М. И. Байтин уделяет значительное внимание в своей концепции властно-регулятивному признаку, через который раскрывается социальное назначение права как особого государственного регулятора отношений между людьми, выступающего в качестве единственного официального критерия и определителя правомерного и неправомерного, законного и противозаконного поведения [2, с. 74].

Итогом подробного анализа, осуществленного М. И. Байтиным, явилось создание им более углубленного определения права, в соответствии с которым право представляет собой систему общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений

возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений [2, с. 80].

Безусловно, данное определение сформулировано в рамках концепции нормативизма. Очень важно, что сам автор данного определения не рассматривает его как единственно правильное. По мнению М. И. Байтина, оправдано употребление и других, причем различных, дефиниций. Однако это возможно при соблюдении следующего условия: все они должны выражать единое понятие права, а значит, исходить из того, что право есть официально-властный регулятор поведения людей, представляющий собой систему норм, в демократическом порядке изданных или санкционированных государством и охраняемых им от нарушений.

В рамках своей концепции, анализируя проблему соотношения естественного и позитивного права, М. И. Байтин доказывает ошибочность взглядов, согласно которым естественное и позитивное право либо противопоставляются друг другу, либо механически объединяются. Устраняя недостатки этих двух крайних точек зрения, ученый обосновывает необходимость восприятия естественного права как идейной, духовной, нравственной предпосылки позитивного, которое и есть единственно возможное право в собственном юридическом смысле. М. И. Байтин подчеркивает, что классики естественно-правовой теории никогда не выступали против позитивного права вообще. По мнению Байтина, их критика была конкретной и направленной на замену действующего права другим, позитивным, которое должно соответствовать требованиям естественных законов, основополагающих принципов естественного права – право на жизнь, свободу, равенство, достоинство, частную собственность. Байтин считает, что естественное право – не право в юридическом смысле, это морально-психологическая предтеча, ближайшая предпосылка позитивного права.

М. И. Байтин критически исследует взгляды ученых, понимающих под правом не только систему правовых норм, но и другие правовые явления, хотя и отмечает, что нормативное понимание права не является единственным подходом к правопониманию. Байтин, рассматривая либертарно-юридическую и коммуникативную теории, приходит к выводу, что жесткое различие, а, по сути – противопоставление права и закона, объективно подпитывает правовой нигилизм, оправдывает противоправное поведение тех или иных лиц, которые, якобы опираясь на субъективное видение права, по своему усмотрению решают, что законно, а что нет. Для Байтина однозначно – это прямой путь к анархии.

М. И. Байтин обращает внимание на стремление ряда ученых создать «привлекательную» теорию права путем использования таких его характеристик, как всегда «истинное», «разумное», «естественное», «действительное», «человечное» [2, с. 96]. Он резюмирует, что такой взгляд создает весьма расплывчатое представление о праве, ибо высокие, но абстрактные идеалы при всей их значимости сами по себе не могут заменить властного нормативного регулятора отношений между людьми, служить критерием правомерного и неправо-

мерного поведения. А право не может быть чем-то аморфным, «киселеобразным» [2, с. 97]. В заключении необходимо согласиться с мнением М. И. Байтина, что широкое правопонимание не способствует выработке четкого категориального аппарата, лишено точности теоретических конструкций, не может предложить приемлемое «работающее» определение права.

Другой известный российский правовед В. Н. Хропанюк пытается также приблизить позитивное право к обществу. В. Н. Хропанюк обосновывает позитивизм средствами естественного права через предъявление соответствующих либеральным и даже индивидуалистическим ценностям требований к праву. Он считает, что право в нормативной форме должно отражать требования общечеловеческой справедливости, служить интересам общества в целом, а не отдельным его классам или социальным группам, учитывать индивидуальные интересы и потребности личности как первоосновы общества [11, с. 135]. К сожалению, подобное определение является теоретическим построением эклектичного характера и не дает ничего нового для современного правопонимания.

Концепция правопонимания С. С. Алексеева также является примером нормативистского подхода к данной проблеме. Вместе с тем, свою нормативистскую концепцию С. С. Алексеев строит на основе достижений современной мировой гуманитарной мысли. В качестве теоретической основы своей концепции правовед берет феномен прав человека. Несмотря на то, что традиционно права человека относят к естественному правопониманию, концепция Алексеева далека от этого методологического подхода. Он придерживается нормативистского определения права, объясняя это потребностью юридической практики в четком инструментальном определении.

Определенный отход от классической нормативистской теории С. С. Алексеев совершает за счет расширения понятия позитивного права. Оно для него является не столько государственным обязыванием, а скорее – дозволением, то есть государство не определяет, а лишь направляет действия субъектов права.

Еще больший шаг в сторону от нормативизма делает С. С. Алексеев, допуская определение права, включающее в себя общие свойства, присущие другим социальным явлениям. Исходя из этого подхода, Алексеев определяет право очень широко, как социально обоснованную меру свободы [1, с. 45].

В этом же направлении можно рассматривать и предъявление Алексеевым к позитивному праву абстрактного требования моральной обоснованности, признания его зависимости от легитимации с позиций общепризнанной морали.

В заключение необходимо подчеркнуть, что у С. С. Алексеева происходит соединение различных методологических подходов. С одной стороны, Алексеев предлагает механизм опосредования условий жизни общества в позитивном праве, а с другой, обосновывает неотъемлемость и естественность прав человека как самых основных непосредственно социальных притязаний. Однако способы влияния естественного права на право позитивное остается в теории неопределенным, так как сложно сочетать совершенно разные методологические подходы, которые исторически больше противопоставлялись друг другу, чем взаимодействовали.

Таким образом, можно сказать, что в современном российском правоведении нет единой концепции правопонимания. Это обусловлено тем, что современное развитие правопонимания происходит в контексте постмодерна, характеризующегося определенной исследовательской парадигмой, связанной с отказом от социального познания, открывающего единую для всех истину. Это приводит к появлению междисциплинарности предмета социального познания. Поэтому на современном этапе и существуют различные концепции правопонимания: либертарно-юридическая, интегративная, коммуникативная, нормативистская. Наличие нескольких концепций правопонимания свидетельствует не о его кризисе, а является, наоборот, необходимым условием существования сложного общественного явления – права.

Литература

1. Алексеев, С. С. Избранное / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 2004. – 480 с.
2. Байтин, М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – 2-е изд. доп. – М.: Право и государство, 2005. – 544 с.
3. Графский, В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект / В. Г. Графский // Правоведение. – 2000. – № 3.
4. История политических и правовых учений: учебник / под ред. В. Г. Графского, Н. М. Золотухиной, Л. С. Мамута [и др.]. – М: Норма, 2003. – 415 с.
5. Лазарев, В. В. Проблемы общей теории права и государств: учебник для вузов / В. В. Лазарев. – М.: Юрист, 2001. – 520 с.
6. Лившиц, Р. З. Теория права: учебник / Р. З. Лившиц. – М.: БЕК, 1994. – 224 с.
7. Невважай, И. Д. Социально-философские основания концепции правовой жизни / И. Д. Невважай // Философская и правовая мысль. Альманах. – СПб.; Саратов: Научная книга, 2002. – Вып. 4. – С. 38 – 51.
8. Нерсесянц, В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция / В. С. Нерсесянц // Вопросы философии. – 2002. – № 3.
9. Поляков, А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций / А. В. Поляков. – 2-е изд. доп. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 567 с.
10. Поляков, А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник для студентов университетов / А. В. Поляков. – СПб.: Издательский дом СПб. гос. ун-та, 2004. – 864 с.

11. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права / В. Н. Хропанюк. – М.: Омега-Л: Интерстиль, 2006. – 456 с.
12. Честнов, И. Л. Общество и юриспруденция на исходе второго тысячелетия / И. Л. Честнов. – СПб.: Знание: СПбИВЭСЭП, 1999. – 617 с.

Информация об авторе:

Мороз Елена Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета КемГУ, morozkem@yandex.ru.

Elena V. Moroz – Doctor of History, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kemerovo State University.

УДК 316.3; 94(4)"1492/1914"

ИСТОРИКО-МЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОКИ МАРГИНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЕВРОПЕ XVII в.

Г. Г. Пиков

HISTORICAL AND MENTAL ROOTS OF MARGINAL CULTURE IN EUROPE IN THE 17TH CENTURY

G. G. Pikov

Статья посвящена феномену маргинальной культуры в Европе XVII в. Рассматриваются исторические и ментальные истоки ее формирования, особенности и место в культурной истории континента.

The article is devoted to the phenomenon of marginal culture in Europe in the 17th century. The author studies the historical and mental origins of its formation, its characteristics and place in the cultural history of the continent.

Ключевые слова: Европа, маргиналы, XVII в., ментальность, культура, маргинальный человек.

Keywords: Europe, outcasts, 17th century, mentality, culture, marginal people.

В настоящее время к терминам «маргинальное», «маргинальность» и другим производным сложилось несколько подходов (в социологии, социальной психологии, культурологии, политологии, экономике) и это означает, что данные понятия носят достаточно универсальный и междисциплинарный характер. Ныне они вошли в моду и широко употребляются не только в социологии и социальной психологии, но и в философии, антропологии, искусствоведении, криминологии, теории культуры. Это означает, что в разных проблемных зонах они приобретают новый смысл (прим. автора: *А. Грин утверждал, что «маргинальный человек» это всеобъемлющий термин (omnibus term), который, включая все, не исключает ничего, и потому должен употребляться осторожно. См.: 10*). Базовым для них являлся социологический контекст, именно там они и стали сначала употребляться. Впервые употребил понятие «маргинальность» в своём эссе «Человеческая миграция и маргинальный человек» (1928 г.) Роберт Эзра Парк. Именно его культурологическое определение с точки зрения данной темы представляется одним из ключевых: «Маргинальная группа людей – группа, отвергающая определённые ценности и традиции той культуры, в которой эта группа находится, и утверждающая свою собственную систему норм и ценностей» [цит. по: 10]. Следует также добавить, что само понятие маргинальности (прим. автора: *от лат. targo – край, граница, предел*) означает «пограничную» ситуацию на границе двух различных, конфликтующих между собой культур, порождающую также феномен пограничного, маргинального человека. По мнению Р. Парка, главное в природе маргинального человека – чувство мораль-

ной дихотомии, раздвоенности, когда, подчеркивает он, старые привычки отброшены, а новые еще не сформированы. Он выстраивает свою теорию «по горизонтали», рассматривая эмигрантов и иммигрантов, однако, исторический материал, в том числе связанный с Европой XVII в., позволяет говорить о формировании социокультурной маргинальности и «по вертикали» как феномена на «границе» двух эпох.

Причины появления этого феномена различны.

Это, прежде всего, связано со спецификой цивилизационного развития Европы в данный период. XVII век занимает особое место в истории Европы (прим. автора: *Эту позицию четко обозначила еще литературоведческая конференция 1969 г., на которой Ю. Б. Виппер писал: «И в литературоведении, и в исторической науке, и в искусствоведении преобладает мнение, согласно которому «семнадцатый век» как эпоха, будучи генетически связанным с Возрождением, с одной стороны, и с Просвещением, с другой, все же во многом от них принципиально отличается и представляет собой явление специфическое. И действительно, чтобы в этом убедиться, достаточно бросить хотя бы беглый взгляд на литературную панораму Западной Европы в XVII столетии. Совершенно очевидно, что такие писатели, как Мильтон, а также, скажем, Драйден, Батлер, Бэньян или Конгрив в Англии... не могут быть отнесены ни к литературе Возрождения, ни к литературе Просвещения. Их творчество представляет собой качественно своеобразный этап в развитии западноевропейской литературы...»* [5, с. 11 – 12]) [1; 2]. Можно сказать, что именно в этом веке окончательно складывается новая конфигурация цивилизации, рождается «Евро-

па» и уходит в прошлое аморфный «христианский мир», о чем говорит предельно тесная, не свойственная средневековому периоду экономическая, политическая и культурная связь между национальными государствами.

Это все, безусловно, свидетельствовало о наступлении нового этапа развития европейского континента. По словам М. А. Барга, смена «культурно-исторических эпох, которую относят к XVIII веку, началась еще в лоне XVII века» [1]. До сих пор иногда считается, что эпоха Возрождения поставила перед человечеством две задачи: подчинить природу человеческому разуму и ликвидировать феодализм. Решение первой пришлось на XVII в., второй – на XVIII в. По словам Г. В. Плеханова, «в эпоху Бэкона и Декарта ход экономического развития передовых обществ Западной Европы сделал особенно ощутительной нужду в увеличении производительных сил. Великие мыслители отозвались на эту общественную нужду тем, что придали философии новое направление, имевшее чрезвычайно благотворное влияние на *естественные науки*, а *через них* и на *технику*. Но рост производительных сил, со своей стороны, значительно повлиял на внутренние отношения передовых европейских обществ. Благодаря ему третье сословие стало играть в жизни этих обществ несравненно более важную роль, чем прежде. А так как этой *новой*, гораздо более важной роли его не соответствовали *старые* общественные отношения, то оно захотело уничтожить их. Это стремление и выразилось в выработке идеологами третьего сословия освободительной философии XVIII века. Польза, которую ожидали от этой новой философии, заключалась уже не в умножении производительных сил, а в таком переустройстве общества, которое соответствовало бы уровню, достигаемому этими силами» [12, с. 58 – 59].

Можно сказать, что в XVII в. Европа достигла своеобразного «дна» пропасти, разделяющей старое и новое. Именно тогда окончательно завершается «средневековье» как специфический цивилизационный вариант развития. Произошла 30-летняя война – первая европейская всеобщая внутримировая война за передел континента, проходившая еще под религиозными лозунгами и использовавшая «силу» как феодальную категорию и традиционное средство решения проблем. Завершились Великие географические открытия, использовавшие на первом, испано-португальском этапе (XV – XVI вв.), традиционный метод «исхода» излишков населения за пределы той «клетки», в которой оказалась Европа, а на заключительном этапе заложившие основы колониальной системы как первой капиталистической формы общения континента с окружающим миром. Завершились Возрождение и Реформация. Заканчивается так называемый «прогрессивный» этап развития абсолютизма, активизируется в экономическом плане буржуазия и переходит ко все большей конфронтации с ним. Даже в Тридцатилетней войне (1616 – 1648) прослеживается конфликт между странами – поборниками капитализма и феодализма [16, р. 9]. Процесс становления европейских государств вообще имел сложный идеологический характер, характерной особенностью которого является хаотично развивающаяся секуляриза-

ция, тогда как на Востоке религиозные учения во многом определяли духовную жизнь.

Победоносная буржуазная революция 40-х годов в Англии сделала весь процесс перехода от феодализма к капитализму в общеевропейском масштабе необратимым. Этап «беременности» капитализмом в рамках Позднего феодализма и Раннего Нового времени, наконец-то заканчивается «родами». Именно в XVII в. совершается мануфактурный переворот, резко возрастает удельный вес централизованных мануфактур и происходит «исход» мануфактуры из городов в деревню [2]. Недаром К. Маркс датировал серединой XVII в. начало периода классической мануфактуры. Иначе говоря, наступила промышленная фаза экономического лидерства, и Англия стала ее воплощением. В *результате Великих географических открытий Европа оформлялась как океаническая цивилизация*. Новые миры ошеломили европейцев своей непохожестью на привычный мир природы и людей и стали еще одним из факторов, подорвавшим веру во всемогущество человека. Великие географические открытия породили не только новые надежды, но и новые тревоги.

Одним из результатов формирования капитализма стало стремительное размытие прежних социальных и этнических групп, их медленное перерождение в новые национальные и социальные конструкты и опускание на «дно» общества огромного количества людей, в пропорциях, которых не знала ни одна предшествующая эпоха.

Это социальное брожение сопровождал и так называемый кризис XVII века, получивший в историографии наименование «всеобщего», который, по словам французского историка Ролана Мунье, «затронул человека в целом, во всех сферах его деятельности – экономической, социальной, политической, религиозной, научной и художественной, все его существование на глубочайшем уровне его жизненных сил, его чувствования, его воли» [2, с. 8].

Он проявился сразу во многих сферах.

Результатом перемен XVI – XVII вв. оказалось формирование новой системы знаний о мире. В XVII в. *наступает новый этап научной революции, отличающийся от предшествующего этапа периода Возрождения тем, что научная любознательность обращалась уже не в прошлое, а распространялась на окружающий мир. Р. Декарту мир представлялся налаженным механизмом, созданным Богом. Он писал: «Можно достигнуть познаний, очень полезных в жизни, и вместо той умозрительной философии, которую преподают в школах, можно найти практическую философию, при помощи которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и других окружающих нас тел так же отчетливо, как мы знаем различные занятия наших ремесленников, мы могли бы точно таким же способом использовать их для всевозможных применений и тем самым сделаться хозяевами и господами природы»* [6, с. 305]. Мыслителей XVII в., Б. Паскаля, Ф. Бэкона, Р. Декарта, П. Гассенди, Б. Спинозу и других объединяло понятие «разум», ставшее краеугольным камнем их учений. Прежнее удивление перед многообразием природы сменилось стремлением его понять. В 1687 г. появи-

лись «Математические начала натуральной философии» *И. Ньютона*, где физические и социальные законы были сведены к закону всемирного тяготения, объединяющего в единое целое всю Вселенную. Новая картина мироздания окончательно сменила систему Аристотеля и Птолемея и сделала акцент не на телеологическом объяснении мироздания, а на анализе его устройства. Опытная наука основывалась на методах точного исследования, прежде всего, количественного. Это сопровождалось блестящими математическими открытиями – установлением Виетом алгебраической символики и начал тригонометрии, созданием Декартом и Ферма аналитической геометрии, первыми шагами Ферма и Паскалем на пути к теории вероятностей, подступами к дифференциальному исчислению. Это повлекло за собой существенное преобразование всего строя мышления – второй этап интеллектуальной революции (прим. автора: *Первый – переход от мифологического мировоззрения к натурфилософскому*), связанный с открытием пути к научному миропониманию.

Важно и то, что параллельно с социальной физикой сформировался натуралистический историзм, объяснявший историю природой человека, «игрой страстей», соблюдением или несоблюдением законов природы, иначе говоря, волюнтаристски объявивший историю результатом лишь человеческой деятельности. Секуляризация социально-исторической мысли проявилась в априорном акценте на «человеческих» причинах развития общества. Разумеется, подобные представления широко распространились по всему «стволу» тогдашнего человечества (прим. автора: *«Наука обособляется от других сфер духовной деятельности человека и обретает автономию»* [9, с. 8]), в том числе и среди «низов», где получили свою аргументацию.

Подобные представления о мире и обществе не только пугали простых людей своей сложностью, но и не давали прежнего «утешения» (прим. автора: *Блез Паскаль в середине XVII в. писал: «Земля всего лишь точка в сравнении с огромной орбитой, которую описывает это светило...и сама эта огромная орбита – не более чем не приметная черточка по отношению к орбитам других светил...», а «все наше достоинство – в способности мыслить»* [11, с. 121, 169]), характерного для религии. Наука и религия, две, казалось бы, единственно возможные системы объяснения и утешения, не только столкнулись в борьбе друг с другом, но и не могли привести пока убедительных аргументов в свою пользу. Неудивительно, что в этих условиях огромная масса людей увлеклась революционными идеями. По Европе прокатились массовые социальные и политические движения. Это «шесть одновременных революций»: восстания в Каталонии и Португалии в 1640 г., в Неаполе и Палермо в 1647 г., Фронда во Франции между 1648 – 1653 гг. (прим. автора: *Некоторые исследователи считают ее «неудавшейся буржуазной революцией»*) и крестьянская война на Украине в 1648 – 1654 гг. во главе с Б. Хмельницким. Это и бескровная революция в Голландии, сместившая штатгальдерство в 1650 г., социальный и конституционный кризис в Швеции в 1650 г. в правление королевы Христины, московский

Соляной бунт 1648 г. и другие революционные движения во Франции, Германии, Италии, Испании, Польше и ряде других стран. Продолжались начавшиеся с эпохи Возрождения «бои без правил». Эти войны не только разоряли Европу, но и усиливали чувство неуверенности в завтрашнем дне (прим. автора: *Любопытен аллегорический образ Европы XVII в., выведенный во сне Симплиция Симплициссимуса в виде генеалогического дерева, на вершине которого Бог войны Марс. Н. Макиавелли, а за ним и Т. Гоббс считали «войну всех против всех» основой именно раннекапиталистического общества, а единственное спасение от нее видели во «внеэкономическом принуждении» со стороны Левиафана – государства*), тревоги, страха. Как писал Б. Паскаль, «я не знаю, кто меня послал в мир, я не знаю, что такое мир, что такое я... Я вижу эти ужасающие пространства Вселенной, которые заключают меня в себе, я чувствую себя привязанным к одному уголку этого обширного мира, не зная, почему я помещен именно в этом, а не в другом месте... я не знаю, откуда я пришел, так же точно не знаю, куда уйду» [15, с. 167]. По словам М. А. Барга, «это был дух, буквально потрясенный открывшейся изменчивостью всего и во всем – реалий окружающего мира и способа их рассматривать и познавать, изменчивостью истин, за исключением одной – истины сомнения, присущей собственному уму» [3, с. 318]. Не случайно XVII век называют «растерявшейся эпохой» (прим. автора: *Не случайно некоторые века запоминаются почти исключительно только политическими и социальными катаклизмами: VII – арабские завоевания, XIII – Крестовые походы, войны Чингизидов, XVII – 30-летняя война, захват маньчжурами Китая, XX – мировые войны, революции, «холодная война», борьба за космос*). На рубеже XVII в. В. Шекспир провозгласил, что весь мир является театром, в котором все люди актеры, играющие «не одну роль». Актер – это маска, а истинная его природа загадочна. «Великий Страх» и ненависть вызывало все, что могло изменить жизнь, а перемены обступали человека со всех сторон (прим. автора: *Популярный литературный образ того времени – Фортуна:*

*Фортуна дары раздает, как придется:
когда улыбнется, когда отвернется.
По-быстрому делит, и все шито-крыто,
кому куча денег, кому – санбенито.
Дает и не знает, кого награждает,
и верно, и скверно, и всяко бывает».*
(Л. де Гонгора, 7, с. 359).

Все беды объясняли происками дьявола и ведьм и колдунов. В результате «охоты на ведьм» с 70-х годов XVI в. до 30-х годов XVII в. было сожжено около 50 тыс. чел. 17 февраля 1600 года на Площади цветов в Риме был сожжен Джордано Бруно, в 1619 г. – падуанский священник Джулио Чезаре Ванини.

Общественный духовный оптимизм сменился своеобразным «декадансом», глубоким пессимизмом, проявившийся наиболее отчетливо в течении скептицизма в философии, в торжестве эмпиризма в науке, в распространении стиля барокко в искусстве и течения мистицизма в религии. В значительной степени это был кризис роста, когда упования на человеческий разум парадоксально сочетались с сомнениями в воз-

можностях этого еще юного средства. Строго говоря, уверенность в его безграничных возможностях была высказана лишь в рамках философии (прим. автора: *Джованни Пико дела Мирандола (1463 – 1494 гг.) в своей знаменитой «Речи о достоинстве человека» писал от имени Бога: «Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю». Человек поставлен в центр мира, он должен сформировать себя сам, как «свободный и славный мастер» и может подняться до звезд и ангелов*), но еще не была подтверждена на практике.

Неудивительно, что обширная часть европейцев, во многом вынужденно, вспомнила про «золотого тельца», т. е. выбрала испытанную тысячелетиями «языческую» картину мира, одной из разновидностей которой фактически и стала маргинальная культура.

Эверетт Стоунквист (прим. автора: *«Маргинальный человек» (1937)*) определяла маргинального человека как ключевую личность (key-personality) в контактах культур, когда две культуры переплетаются и нарождающаяся культура создает синтез своего и чужого, однако сказанное ею и Р. Э. Парком в отношении «чужого» в культуре (прим. автора: *Этот образ фактически создал еще Георг Зиммель на рубеже XIX–XX вв. [8]*) можно перенести и на «своего» (прим. автора: *«Маргинальный человек – это тип личности, который появляется в то время и том месте, где из конфликта рас и культур начинают появляться новые сообщества, народы, культуры. Судьба обрекает этих людей на существование в двух мирах одновременно; вынуждает их принять в отношении обоих миров роль космополита и чужака. Такой человек неизбежно становится (в сравнении с непосредственно окружающей его культурной средой) индивидом с более широким горизонтом, более тонким интеллектом, более независимыми и рациональными взглядами»*).

Складывалась ситуация, когда общество, как считал Э. Дюркгейм, оказывается в состоянии аномии как следствии разрыва социальных связей, и, по мнению Э. Стоунквист, в психологии человека проявляются дезорганизованность, ошеломленность, беспокойство, внутреннее напряжение, разочарованность, отчаяние, ощущение «неприступной стены», разрушение «жизненной организации», психическая дезорганизация, представление о бессмысленности существования, агрессивность. Это четко видно и на примере взаимодействия «вертикальных» культур (эпох), когда конфликтуют не «чужие», а «свои» (прим. автора: *Одним из примеров такого взаимодействия являются отношения между собой заключенных в тюрьме*), хотя и чужаки попадают сначала чаще именно в их среду как в своего рода чистилище. Маргинал «схож со всеми, идентичен им и в то же время он калека среди подобных – человек с отсеченными корнями, рассеченный

на куски в самом сердце родной культуры, родной среды» [14].

В обществе, пораженном кризисом, сталкиваются несколько культурных траекторий: нисходящая, восходящая и, для маргиналов, разрыв традиционных связей, постепенное вытеснение (или насильственный выброс за пределы законности) и создание своего собственного, совершенно иного мира (прим. автора: *В немецкой социологии статус маргинальности определяется через «понятие окраинной среды» (Mitte-Rand-Begriff). Маргинальный человек – «чужак» или «аутсайдер» в своем родном обществе. Отсюда выделяются три измерения процесса маргинализации: экономическое – «относительная депривация», отстранение от деятельности и потребления; политическое – поражение в гражданских/политических правах (de facto или de jure); социальное – потеря общественного престижа: деклассирование, стигматизация («Verachtung»)*). По сути, маргинальность – **третья культура**, особое социокультурное состояние, а не просто некая переходная форма; она лежит в точке пересечения этих маршрутов.

Она системна и состоит из ряда присущих культуре как системе компонентов: человек как сверхприродный объект, человек как субъект деятельности, человек как продукт культуры, внебиологические способы деятельности, широкое поле деятельности, выходящее за границы собственно природы, признание господствующей религии или идеологии как обязательной, обязательное толкование базовых идей (прим. автора: *Например, в христианстве «базовыми» можно считать такие идеи, как Бог, как надъестественная сверхличность, монотеизм (единобожие), «креационизм» (творение), «провиденциализм», ревенционизм (откровение), «мир» как место обитания и действия «избранного народа», Завет Бога с Человеком как цель космического бытия, «история» как педагогическая задача (время «исправления» человечества), «церковь», «конец света» и др.), специфическое их понимание (на основе принципа «свободы»), доходящее до противопоставления им системного комплекса «понятий», пригодных для «другой жизни», представление о «другой жизни», антимораль, тоталитарный характер «правильной» культуры, отрицание свободы личности, иерархия индивидов, отрицание «ученой» культуры, устный характер «культуры», особая роль специфических «понятий», традиций, обычаев, особая роль авторитетных фигур, жесткая социальная критика, отрицание идеи прогресса, претензии на «истинное» понимание сути жизни, акцент на ментальности, а не идеологии, транснациональность, предпочтение биологических ценностей социальным и др. Именно в этой маргинальной среде распространяются так называемые абстрактные идеи. По мнению, А. Грина, «члены любого общества имеют идеалы, которые непосредственно не связаны с общественными целями. Этими идеалами мы называем абстрактные чувства. Примеры: «Все люди рождаются свободными и равными», «Справедливость победит в конце концов», «Я как социальная ценность» и т. д.». Он же считает, что именно они и являются «стандартами поведения, которые служат основой социального взаимодействия» [4, с. 236].*

Если в Средние века маргиналы были изгоями, выходили за рамки социальной структуры и не имели возможности быть даже внизу «феодальной лестницы», фактически их вообще не считали за людей, то теперь они начинают обретать «человеческие» черты и создают свой собственный и особый мир. Появляется возможность коллективного выживания в динамичном мире, но только за счет автаркизации. Именно в этом социальном «подполье» (андеграунде) начинается в крупных масштабах формироваться организованная преступность, нацеленная на рынок и в конечном итоге на весь мир. Этих маргиналов, строго говоря, начинают наказывать не за отсутствие социального статуса, а за дела, что не могло не стимулировать развитие уголовного права. Иначе говоря, маргинализм начинает определяться юридически широко и детально. Это не могло не повлиять и на социальные теории и на социальную практику национальных правительств. Можно сказать, что именно в Раннее Новое время появляется как злободневная проблема нищеты. В традиционном обществе удельный вес деклассированных элементов небольшой и оно их практически не замечает. Представление об извечной нищете народных масс формируется именно в это время и впоследствии предельно политизируется.

Именно в Раннее Новое время и начинают формироваться две предельно политизированные впоследствии позиции по отношению к ним: их объявляют деградировавшими, а они сами все чаще именуют себя вкупе с уходящими крестьянами и нещадно эксплуатировавшимися пролетариями угнетенными и испытывают по отношению к остальному миру злобу и «классовую ненависть». Их не любит никто, более того, их достаточно дружно презируют за сознательное игнорирование «общечеловеческих» ценностей. Между тем они действительно формируют, опираясь преимущественно на биологические, а не социальные ценности, свой мир и массовое распространение по Европе «бандитов», проституток, бомжей и т. д., по сути, свидетельствует о складывании нового, культурного раскола в обществе. Не случайно именно с этого времени набирают силу такие теории, как теория классовой борьбы (прим. автора: *Естественно, что через нее попытаются рассматривать и всю предшествующую и, тем более, последующую историю общества*), представление о противостоящих двух культурах, эксплуататорах и эксплуатируемых, бандитизме как форме классовой борьбы и т. д.

В Средние века маргиналами чаще всего были «чужие», жившие к тому же максимально изолированно (евреи в гетто, сарацины в отдельных кварталах, пришедшие издалека школяры, записывавшиеся в свои «нации» и т. п.), не входившие в традиционную трехчастную структуру общества (работающие, молящиеся, защищающие), не связанные с той или иной корпорацией (*universitas*). Теперь это «низы», «деградировавшие», поскольку не принимали новые ценности. Эти «потерянные поколения» оказались оторваны от «культуры» и деградировали до уровня «животных» в «стае». Особо следует отметить, что этот процесс формирования зазеркальной контркультуры связан не с той или иной нацией, а носит общеевропейский характер. Бандиты и проститутки отличаются не

только свободным отношением к прежним, средневековым, или новым, капиталистическим ценностям, противопоставлением им своих «понятий», но и космополитизмом. Эти «граждане мира» легко пересекают любые границы и работают в рамках любых национальных культур. Бандитизм носит общеевропейский характер и связан не с традиционной культурой, а с новой общественной моделью и капиталистической экономикой. Это не средневековый разбой как одно из средств решения проблем феодальной экономики, он формируется в рамках транснациональной экономики. В средние века разбой и грабеж были нормальным явлением во внешней сфере, но внутри государства это рассматривалось как незаконное деяние. Бандитами считались лишь те, кто нарушал юридическую договоренность или традиции. Только в новое время, когда наблюдается своеобразное противостояние власти, бизнеса и криминала, возникает само понятие бандитизма как универсальное, не связанное ни с какими этническими или политическими границами. На поток была поставлена и проституция, не только щедро используя накопленный за тысячелетия опыт, но и создавая новые формы организации своего «производства», переходившего на капиталистические рельсы.

Одновременно с выделением некоей зоны «бескультурия» и «деградации» процесс маргинализации затрагивает и все общество. Маргинализация культуры как «раздевание» культуры до биологического во многом было результатом чрезмерно широкого распространения свободомыслия. Дробь культуры, в числителе которой всегда должно находиться социальное, а биологическое в знаменателе, как бы переворачивается. Это находит выражение в различных «пороках», поразивших общество – разврат, насилие, войны, апология секса, гедонизм, нецензурная и криминальная лексика, в той или степени присутствующая во всех слоях, критика религии, коррупция, кумовщина, рост преступности на всех этапах, циничная «философия» и др. Это было и результатом своеобразного зашкаливания Возрождения, ставившего целью возрождение лишь «великой античной культуры», но фактически выведшего через реновационный механизм не только культурные, но и биологические ценности предшествующих веков. Сказалось и активное перемешивание населения (маргинализация по горизонтали), принесение выходцами из деревни в городскую культуру традиционно-патриархальных обычаев, привычек и норм. Налицо какофония «высоких» культур и даже поэтому происходит противопоставление этому информационному хаосу идеала естественного человека. Это и воздействие нарождающихся ценностей с их излишним акцентом на атеизме, деидеологизации, культе денег, конкуренции и т. п. Из культуры, как пишут сами современники, на время уходят или переосмысливаются «стыд», «совесть», «честь», которые, впрочем, представители низов часто считают «буржуазными предрассудками». Своеобразным лозунгом стала знаменитая фраза маркизы Помпадур «после нас хоть потоп» (*Après nous le déluge*).

В низовой маргинальной культуре идет суровая критика нарождающегося общества (и это в начале

его истории!). В средние века критиковали отдельные недостатки, но до отрицания общественного строя фактически не поднимались даже еретики. В XVII – XVIII вв. парадоксально критикуется общество **в целом** (прим. автора: *Нечто подобное мы наблюдаем в России перед революцией, когда «последний и решительный бой» был объявлен и «помещикам», и «капиталистам», т. е. всему «эксплуататорскому» строю. Показательно выступление И. В. Сталина на первом всесоюзном колхозников – ударников 19 февраля 1933 г.: «История народов знает немало революций. Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были односторонними революциями. Сменялась одна форма эксплуатации трудящихся другой формой эксплуатации, но сама эксплуатация оставалась. Сменялись одни эксплуататоры и угнетатели другими эксплуататорами и угнетателями, но сами эксплуататоры и угнетатели оставались. Только*

Октябрьская революция поставила себе целью – уничтожить всякую эксплуатацию и ликвидировать всех и всяких эксплуататоров и угнетателей» [13, с. 412]), на всем протяжении своего существования. Маргиналы низов не борются со «старым» или «новым», они просто отворачиваются от него. Естественно, что главная «обида» у них на современную модель. Общество их занятия (убийство, воровство, прелюбодеяние и др.) объявляет аморальными и юридически незаконными, противоречащими Заповедям, но маргиналы романтизируют их.

Маргинальная культура – явление сугубо городское. Исчезающее крестьянство выступало за возврат к феодализму, против деформированного капитализмом феодального строя, отсюда антифеодальный характер крестьянских войн данного времени.

Литература

1. Барг, М. А. Европа в столетие революций / М. А. Барг // Великая английская революция в портретах ее деятелей. – М.: Мысль, 1991. – 400 с.
2. Барг, М. А. Место XVII века в истории Европы / М. А. Барг // Вопросы истории. – 1985. – № 3.
3. Барг, М. А. Эпохи и идеи / М. А. Барг. – М.: Мысль, 1987. – 352 с.
4. Боборыкин, В. Е. Изучение ценностного сознания личности социологическими средствами / В. Е. Боборыкин, Ю. Г. Зинченко // Философия образования: сборник материалов конференции. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 230 – 239. – (Серия: Symposium; вып. 23).
5. Виппер, Ю. Б. О «семнадцатом веке» как особой эпохе в истории западноевропейских литератур / Ю. Б. Виппер // XVII век в мировом литературном развитии. – М.: Наука, 1969. – С. 285 – 311.
6. Декарт, Р. Рассуждения о методе / Р. Декарт. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1950. – 712 с.
7. Европейская поэзия XVII века. – М.: Художественная литература, 1977. – 945 с.
8. Зиммель, Г. Философия культуры / Г. Зиммель. Избранное. – М.: Юрист, 1996. – Т. 1. – 671 с.
9. История всемирной литературы: в 9 т. – М.: Наука, 1987. – Т. 4. – 687 с.
10. Мигашкина, Н. Б. Городская маргинальная культура: понятие и сущность / Н. Б. Мигашкина // Научный вестник Уральской академии государственной службы. – 2008. – Вып. 5.
11. Паскаль, Б. Мысли / Б. Паскаль. – М., 1974.
12. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли / Г. В. Плеханов. – Киев, 1925. – Т. III.
13. Сталин, И. Вопросы ленинизма / И. Сталин. – М., 1945. – Изд. 11-е. – 612 с.
14. Фарж, А. Маргиналы // 50/50: опыт словаря нового мышления / А. Фарж, Е. Рашковский. – М.: Прогресс, 1989. – С. 142 – 155.
15. Хачатурян, В. М. История мировых цивилизаций / В. М. Хачатурян. – М., 1997. – 512 с.
16. Polliensky, J. V. The Thirty Years War / J. V. Polliensky. – Berkley, 1971.

Информация об авторе:

Пиков Геннадий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета, gennadij-pikov@yandex.ru.

Gennady G. Pikov – Candidate of History, Assistant Professor of History at the Department of World History, Humanitarian Faculty, Novosibirsk State University.

**РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКАЯ КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ:
ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА К ПЛОДОТВОРНОМУ НАУЧНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ**
М. В. Расчесова

**THE RUSSIAN-GERMAN HISTORIANS COMMISSION:
FROM POLITICAL DIALOGUE TO FRUITFUL SCIENTIFIC COOPERATION**
M. V. Raschesova

В статье рассматривается создание и деятельность Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений.

The article discusses the creation and activity of the Joint Commission for the Study of the Recent History of Russian-German Relations.

Ключевые слова: комиссия, историческая наука, Германия, Россия.

Keywords: commission, historical science, Germany, Russia.

Сегодня международное научное сотрудничество составляет характерную черту времени и проникает во все сферы жизнедеятельности. Велика его роль и в исторической науке. Год от года расширяется ареал научных связей российских историков, поднимается их уровень, усложняются формы. Учёные России вносят свой вклад в развитие многосторонних связей международного научного сотрудничества. В настоящее время создан ряд двусторонних комиссий историков России с историками других стран, одной из которых является российско-германская комиссия историков.

Россия и Германия имеют давние исторические связи. В XX веке в истории российско-германских отношений были периоды, как плодотворного сотрудничества, так и периоды войн, а также тоталитарных режимов. Общность исторических судеб России и Германии является коренным фундаментом для совместных научных исследований.

Как и в любом развитии, существуют фазы подъёма и упадка. С некоторого момента политические, дипломатические и межгосударственные отношения России и Германии наткнулись на нерешённость объективного восприятия истории. Необходимо более глубокое и всестороннее изучение российско-германских отношений XX века. Было решено интенсифицировать деятельность историков, сделать её более многообразной, углубленной – и такую работу должна выполнять специальная комиссия. Историкам необходимо, чтобы объективная истина, так или иначе, восторжествовала. Комиссия должна заняться профессиональной работой, таким образом, положен конец чисто теоретической работе и с этого момента начинается практическая и научно-организационная деятельность [4].

Между Россией и Германией осуществляется тесный политический диалог, который основывается, прежде всего, на личных отношениях канцлера и президента, это задает определённый вектор многоплановому сотрудничеству.

Наука всегда тесно связана с политикой, поэтому инициаторами создания комиссии, в конечном итоге, стали Канцлер Федеративной Республики Германии Гельмут Коль и Президент Российской Федерации Борис Ельцин, они находились наверху пирамиды,

которая создавалась из различных структур, возникших в рамках Министерств. Решение о создании комиссии формально подготовлено ещё в мае 1994 года во время официального визита Президента РФ Б. Ельцина в ФРГ, когда были достигнуты предварительные договорённости об образовании Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений [9, с. 192].

После обмена письмами между Министерством иностранных дел РФ И. С. Ивановым и Статс-секретарём Министерства иностранных дел ФРГ Петером Хартманом от 20 августа 1997 г. и проведения предварительных работ было достигнуто понимание относительно содержания договорённостей о создании Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений [7].

Совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений (далее Комиссия) рассматривалась как орган, состоящий из учёных-экспертов, которые призваны изучать темы совместных работ по истории российско-германских отношений XX века. Отмечается, что Комиссия будет строить свою работу на принципах свободы научных исследований и обмена мнениями в духе откровенности и взаимопонимания [9, с. 192].

Правовой основой для деятельности Комиссии стало Соглашение между правительством ФРГ и РФ о культурном сотрудничестве от 16 декабря 1992 года.

Президент РФ Борис Ельцин и Канцлер ФРГ Гельмут Коль взяли Совместную комиссию по изучению новейшей истории российско-германских отношений под свой патронат и следили за её деятельностью.

Директор Института всеобщей истории РАН, академик Александр Оганович Чубарьян при встрече с Президентом РФ Владимиром Владимировичем Путиным рассказал о Комиссии и сообщил, что прошлый его предшественник Борис Ельцин был патроном Комиссии, как он смотрит на то, чтобы традиция сохранилась? Путин сказал: «Александр Оганович, Вы же знаете, какое значение для меня имеет Германия?» [4]. В письме Вольфганга Шойбле к Александру Чубарьяну от 24 октября 2006 г. сообщалось, что Ангела Меркель взяла под личный патронат Совмест-

ную комиссию по изучению новейшей истории российско-германских отношений [10, с. 398].

На академическом уровне инициатива о создании Комиссии исходила со стороны немцев, одоюа из причин стало то, что немцам хотелось получить доступ в наши архивы, а сделать это сложно, т. к. в России много нерассекреченных документов. При создании Комиссии в документах прописано, что члены Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений имеют преимущественное право работы с архивными материалами и с библиотечными фондами. В отличие от России, в Германии нет разницы, кто приезжает для работы в архивах член Комиссии или обычный человек [4].

Со стороны России Совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений носит межведомственный характер: она базируется на трех основах, на трех ведомствах, которые участвовали в ее создании: Министерство иностранных дел РФ (МИД РФ), Российская академия наук (РАН) и Федеральное архивное агентство (Росархив). Места в Комиссии распределялись следующим образом: всего насчитывалось 12 человек (на начальной стадии 13 человек).

Девять мест принадлежало учёным, которые формировала Российская академия наук – представители разных научно-исследовательских институтов. Институт всеобщей истории Российской академии наук стал базовым по двум позициям, во-первых, Директор института А. О. Чубарьян – сопредседатель Комиссии, во-вторых, в ИВИ больше специалистов по истории Германии (А. М. Филлитов, Я. С. Драбкин и др.). Институт Российской истории, Институт Европы, Институт социологии РАН. В соответствии с постановлением Президиума РАН № 148 от 9 сентября 1997 г. «О кандидатурах комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений» был сформирован первоначальный состав Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений, который утвердили Президент РАН Ю. С. Осипов и Главный ученый секретарь РАН Н. А. Платэ. Членами Комиссии стали: М. М. Богуславский (Институт государства и права РАН), А. А. Галкин (Институт социологии РАН), В. П. Гутник (Институт мировой экономики и международных отношений РАН), Я. С. Драбкин (Институт всеобщей истории РАН), В. К. Егоров (Отдел гуманитарных и общественных наук РАН), А. В. Назаренко (Институт российской истории РАН), М. Б. Пиотровский Государственный эрмитаж), О. А. Ржешевский (Институт всеобщей истории РАН), А. О. Чубарьян (Институт всеобщей истории РАН), В. Н. Шенаев (Институт Европы РАН) [1]. Позднее, согласно Постановлению РАН № 194 от 17 июня 2003 г. «О кандидатурах комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений» два места было передано представителям университетской науки: Волгоградскому (Н. Э. Вашкау) и Липецкому (А. И. Борозняк) университетам [2]. Постоянно происходят ротации, в настоящее время в составе Комиссии два представителя университетов, семь представителей академических институтов.

Три места принадлежат представителям различных архивных служб. Членами Комиссии стали:

- 1) руководитель Росархива;
- 2) руководитель архивной службы МИД (историко-документальный департамент (ИДД));
- 3) руководитель Военно-исторического центра Министерства обороны РФ [8].

В Германии Совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений имеет статус юридического лица – это структурное подразделение при Федеральном министерстве внутренних дел Германии (Bundesministerium des Innern). В Германии у Комиссии есть свой бюджет и люди, которые им занимаются. Работа немецкого отделения финансируется Федеральным министерством внутренних дел Германии. Деятельность Комиссии поддерживается Федеральным административным ведомством Германии (Bundesverwaltungsamt), которое осуществляет финансовый контроль над деятельностью Комиссии [12].

В Германии нет структуры подобной Российской академии наук. Там наука сосредоточена в отдельных университетах и в исследовательских центрах. Основным для Комиссии стал Институт современной истории (Institut für Zeitgeschichte) в Мюнхене, который возглавлял профессор Хорст Мёллер, совмещающий две функции директора института и сопредседателя Комиссии. В 2011 году он, как директор ушел на пенсию, а как сопредседатель остался. Сейчас институт возглавляет Андреас Виршин. Остальные места распределяются по принципу: три места архивным службам – Руководителю Немецкого федерального архива Bundesarchiv (Фридрих Каленберг (1989 – 1999 гг.), Хартмут Вебер с 1999 г.); Руководителю Политического архива Федерального министерства иностранных дел ФРГ (Людвиг Бивер) и Федеральному уполномоченному по документам служб государственной безопасности бывшей ГДР (архив Штази) (Марианне Биртлер); Представителем университетов: Гумбольдт университета, Университеты г. Аугсбург, г. Констанц, г. Мангейм и г. Бохум, Геттинген университета, Университет им. Фридриха Альбрехта Эрланген-Нюрнберг [4].

Раз в пять лет в Комиссии происходит ротация, при этом в отношении девяти членов Комиссии из числа ученых с каждой из сторон допускается одно повторное назначение. Каждая сторона выбирает по одному Сопредседателю из ряда своих членов [8].

Немецкий секретариат Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений базировался в Федеральном министерстве внутренних дел Германии, российский секретариат – в Министерстве иностранных дел РФ. Секретариаты подчинены сопредседателям. В России руководителями секретариата довольно долго были сотрудники МИДа. С 2006 – 2007 гг. надзор за документацией выполняет Институт всеобщей истории РАН. Сегодня Комиссию возглавляют на равных началах два сопредседателя Александр Чубарьян и Хорст Мёллер.

Основными документами Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений являются письма, с которых начина-

лась история Комиссии и решения, которые принимались в ходе её работы.

15 – 18 января 1998 года на учредительном заседании в Бонне определены цели и задачи Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Основной целью в деятельности Комиссии является содействие широкому научному исследованию российско-германских и советско-германских отношений в XX веке [7].

Перед Комиссией были поставлены следующие задачи:

- 1) обсуждение важных вопросов российско / советско-германских отношений;
- 2) разработка предложений по темам, требующих научных исследований;
- 3) согласование рамочных тем для совместных научных исследований и на их основе – рекомендаций и поддержка конкретных научно-исследовательских проектов;
- 4) содействие сотрудничеству между исследователями, научно-исследовательскими учреждениями и высшими учебными заведениями двух стран, консультации и поддержка заинтересованных ученых и учреждений по их запросам при реализации соответствующих проектов;
- 5) проведение совместных коллоквиумов и конференций;
- 6) изучение возможностей совместных публикаций [6].

Предметом деятельности Комиссии стали – российско-немецкие отношения, отношения народов и их повседневная жизнь, научное осмысление и теоретическое обобщение истории России и Германии.

На первых порах необходимо было определить темы, которые легли бы в основу сотрудничества. Возникло стремление выделить наиболее острые с точки зрения науки и общества проблемы новейшей истории. Определён круг первостепенных вопросов, которыми должна заниматься Комиссия, это сугубо академические вопросы, интересующие многих людей, например, судьбы военнопленных, первая и вторая мировые войны, история и деятельность СВАГ.

Раньше основным направлением Комиссии была только история XX века. В настоящее время поле исследования расширилось с XVIII – XX века. Примером этому служит разработка российско-германского учебного пособия для учителей истории средних школ «Россия и Германия. Этапы общей истории. Места памяти».

Одной из важнейших задач Комиссии, прежде всего на уровне институциональном, является то, что, во-первых, она объединяет не только историков, но и целые институты, во-вторых, изучение не только XX века со всеми его коллизиями и перипетиями, но и других эпох XVIII, XIX века. Так как история не ограничивается только XX веком, она намного шире, этому свидетельствует открытие 20 июня 2012 г. в московском Историческом музее выставки «Русские и немцы: 1000 лет истории, культуры, искусства». Одно из направлений данного развития заключается в необходимости подготавливать не только историков XX в., но и историков вообще. По мнению профессора Николауса Катцера, директора Германского исто-

рического института в Москве, члена Комиссии, Совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений, является посредником между институтами и генерацией, которая будет через некоторое время определять лицо науки и в Германии и в России [5].

Сотрудничество историков России и Германии строилось в режиме наибольшего благоприятствования для обеих сторон. В области обмена информацией принимались специальные решения. Одной из форм деятельности Комиссии явилось проведение научных коллоквиумов и круглых столов по заранее заявленной проблематике, по результатам которых издавались материалы на немецком и русском языках в виде «Сообщений Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений».

Работа Комиссии шла не просто. По мнению профессора, почётного доктора Института социологии РАН Александра Абрамовича Галкина, должное нужно отдать академику Александру Огановичу Чубарьяну – человеку очень собранному, организованному, который в начале 1990 года на фоне событий, когда в России все избирались, был избран директором Института Всеобщей истории. На взгляд Александра Галкина, это был очень удачный выбор Института Всеобщей истории, во-первых, Александр Оганович человек пишущий, во-вторых, человек, знающий историю и историографию, в-третьих, предельно пробоивной человек. При нем Институт Всеобщей истории занял своё место, которое он должен был занимать [3].

Действительно заслуги Александра Чубарьяна в сотрудничестве историков России и Германии велики, и это подтверждается тем, что 11 сентября 2005 года в Москве посол ФРГ доктор Вальтер Шмидт вручил Александру Огановичу награду – Офицерский крест ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия». В мотивировке Ведомства Федерального Президента отмечается, что Александр Оганович внёс значительный вклад в дело открытия исторической науки России по отношению к Западу. Ему удалось укреплять научное сотрудничество с историками из Германии. Он интенсивно и настойчиво выступает за развитие научного сотрудничества между Германией и Россией в области исторических исследований, за изучение совместной истории и тем самым улучшая взаимопонимание между немцами и россиянами [9, с. 194].

Сложность в работе Комиссии заключалась в том, что в то время, когда Комиссия начала свою деятельность, психология восприятия исторических событий еще находилась в духе холодной войны и она, главным образом, проявлялась с немецкой стороны, существовала проблема разных представлений, а также различия в менталитете, традициях в политической культуре. По мнению А. А. Галкина, сейчас все по-другому, за двадцать лет мы притёрлись друг к другу, заняли взаимовыгодные позиции, главное исчезло стремление пробить свою точку зрения и ущемить оппонента. Каждый человек – это мир в себе, отмечает Александр Абрамович, а у разных людей он выглядит по-разному. Стремление к выздоровлению положило начало позитивному сотрудничеству [3].

Необходимо правильно представлять себе работу Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Заседания Комиссии, как комиссии проходит один раз в год. Работа Комиссии строится по следующему принципу: два дня работы: в первый день зачитываются проекты, отчеты о результатах и проделанных работах за прошедшее время, обычно за год, проводится баланс всех выполненных работ и принимаются планы на ближайший год, три, пять, во второй день проходит научный коллоквиум по заранее заявленной теме. Заседания Комиссии проходят в дружественной и доброжелательной обстановке, несмотря на острые дискуссии. Всего за историю Комиссии проведено пятнадцать коллоквиумов, последний состоялся в июле 2012 года в Гамбурге по теме: Российско-германские культурные связи в XX веке. Ранее коллоквиумы проходили по темам: Сталинградская битва, историческая память России и Германии, Коминтерн, идейные и политические трансформации в России и Германии в XX веке. Но сама по себе работа Комиссии идет в течение года согласно целям и задачам, поставленным на заседании Комиссии.

Итоги деятельности Комиссии результативны: на первоначальном этапе учёными-историками был сделан профессиональный анализ состояния и перспектив развития российско-германского взаимодействия в исторической науке. Сегодня Совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений вышла на качественно новый этап своего развития. Он связан с отсутствием отношения противостояния и достижением взаимопонимания среди ученых. Немцы всегда тщательно стараются подчеркнуть свою демократичность и, что без демократического обсуждения и без согласия авторов трудно что-либо сделать. Разговаривая на разных языках, главное чтобы среди исследователей не существовало ментального различия. Работа Комиссии строится на принципах свободы научных исследований.

Достигнуты успехи в публикации, никогда так открыто не публиковались документы архивов. Проведены работы по малоизученным проблемам истории

Германии. Основные цели Комиссии больше конкретизировались в виде актуальных проектов по важным вопросам истории России и Германии: российско-немецкие отношения; отношения народов и их повседневная жизнь; научное осмысление и теоретическое обобщение истории России и Германии. Важным итогом явилось и расширение хронологических рамок в исследовании проблем истории России и Германии.

Положительным итогом деятельности Комиссии явилось и то, что в Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений нет жестких установок и лидерства одной идеологии. Сотрудничество историков Германии и России строилось в режиме наибольшего благоприятствования для учёных обеих стран

Виктор Владимирович Ищенко (секретарь российской части Комиссии), анализируя итоги деятельности Комиссии, констатирует, что поставленные перед Комиссией цели всегда выполняются. Нет ни одного нереализованного проекта [4].

В деятельности Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений существуют и свои трудности: имеются трудности с изданием, которое занимает много времени; проблемы с недостатком финансирования, особенно с российской стороны, необходимость в молодых кадрах. Усталость от истории войн, конфликтов, тоталитаризма.

Интеллектуальный потенциал, максимально возможная свобода и прогрессивные принципы, лежащие в основе совместных инициатив – главное условие генерации новых знаний, которое должно стать главным стержнем в деятельности Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Очевидно, что исторической наукой невозможно эффективно управлять только на основе знаний сформированных в XX веке, сегодня в XXI веке нужны новые подходы в системе организации и управления знаниями, а также привлечение молодых ученых. Только значительное повышение степени альтруизма, как отдельных учёных, так и институтов способно установить единство в научном сообществе.

Литература

1. АРАН. – Ф. 2. – Оп. 31. – Д. 292. – Л. 20 – 21.
2. АРАН. – Ф. 2. – Оп. 31. – Д. 625. – Л. 16 – 17.
3. Беседа с членом Комиссии А. А. Галкиным. Записала М. В. Расчесова. – 7 ноября 2012 г.
4. Беседа с секретарем российской части Комиссии В. В. Ищенко. Записала М. В. Расчесова. – 11 июля 2012 г.
5. Беседа с членом Комиссии Н. Катцером. Записала М. В. Расчесова. – 12 ноября 2012 г.
6. Совместная Комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений. – Режим доступа: http://www.rossijsko-germanskaja-komissija-istorikov.ru/fileadmin/user_upload/Dateien/Kommunique_ru.pdf (дата обращения: 7.12.2012).
7. Совместная Комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений. – Режим доступа: http://www.rossijsko-germanskaja-komissija-istorikov.ru/fileadmin/user_upload/Dateien/Briefwechsel_ru.pdf (дата обращения: 7.12.2012).
8. Совместная Комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений. – Режим доступа: <http://www.rossijsko-germanskaja-komissija-istorikov.ru/komissija/sostav-komissii> (дата обращения: 7.12.2012).
9. Чубарьян, А. О. Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. – Т. 2 / А. О. Чубарьян, Х. Мёллер. – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag GmbH, 2008. – 200 с.

10. Чубарьян, А. О. Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. – Т. 3. / А. О. Чубарьян, Х. Мёллер. – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag GmbH, 2005. – 404 с.

11. Чубарьян, А. О. Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений / А. О. Чубарьян, Х. Мёллер. – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag GmbH, 2010. – Т. 4. – 250 с.

12. Bundesverwaltungsam. Aufgaben. Geschichtskommission. – Режим доступа: http://www.bva.bund.de/DE/Aufgaben/Abt_II/Geschichtskommission/geschichtskommission-inhalt.html?__nnn=true (дата обращения: 7.12.2012).

Информация об авторе:

Расчесова Марина Владимировна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, m-04@yandex.ru.

Marina V. Raschesova – post-graduate student at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

УДК 94(31) «15/17»

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВОСТОКА В НОВОЕ ВРЕМЯ

Л. С. Решетникова

THE DEVELOPMENT OF THE SOCIO-POLITICAL THOUGHT IN THE MODERN EAST

L. S. Reshetnikova

В статье изложены основные положения учений и взглядов китайских и арабских мыслителей Нового времени, посвящённые выходу из кризисных ситуаций и поискам путей развития общества, их понимание становления цивилизации, роли государства и его эволюции. Автор подчёркивает, что эти учения шли в духе времени, независимо от внешнего (европейского) влияния. Мыслители Востока опирались на опыт своих стран и культурно-историческую традицию. Они отражали интересы непривилегированных трудящихся сословий, разрабатывая новые принципы государственного устройства, утверждая приоритет юридического права, ответственность правящих верхов перед народом, роль и значение частной собственности и инициативы, доступа к образованию широких слоёв общества. Высказывали идеи об эволюционном характере развития общества.

The author analyses the principal ideas of the modern Chinese and Arab thinkers about ways out of critical situations and society development as well as their understanding of civilizations formation, the role of the state and its evolution. The author emphasizes that these doctrines were in accordances with the time and independent from the outer (European) influence. The thinkers of the East based on their countries' experience and the historical and cultural tradition. They represented the interests of underprivileged working classes, created new principles of the state system, affirmed the superiority of law and the responsibility of the supreme power to the people, role and significance of private property and initiative, the availability of education. They argued the evolucional character of the society's development.

Ключевые слова: «социальная физика», государство, экономика, власть-собственность, трансформация, шэнъши, юридическое право, эволюция.

Keywords: “social physics”, state, economics, power-property, transformation, shengshi, law, evolution.

В общественном сознании укоренилось представление о том, что приоритет в выработке буржуазно-демократических принципов общественного устройства принадлежит европейским народам, опиравшимся на гуманистические традиции античности и христианства в поисках путей трансформации их обществ. Начало было положено в позднее Средневековье и в Новое время. В отношении Востока господствовало мнение о том, что там преобладали традиционные религии и учения, царил застой, косность и отсталость или подчёркивался их зависимый от Европы характер. В последние десятилетия появились исследования, в которых содержатся материалы, показывающие, что и на Востоке в это время шёл процесс интенсивного осмысления трансформаций, происходивших в обществе. В связи с этим выраба-

тывалось новое понимание сущности человека, его предназначения, поиск новых путей развития общества. Эти материалы подтвердили представления Н. И. Конрада о сходстве культурных и духовных процессов на Западе и Востоке. Примером тому является культурная жизнь Китая позднеминской эпохи.

Как отмечают синологи, интеллектуальная жизнь Китая XVI – первой половины XVII веков была интенсивной и яркой. Высокой для тех времён была грамотность населения. Власти придерживались конфуцианского принципа «пусть расцветают сто цветов, соперничают сто школ». Популярными были литературные общества учёных, собиравшихся, как правило, в известных библиотеках и домах авторитетных шэнъши, существовали крупные издательства, особой популярностью пользовались энциклопедии, появился

любовный роман, любовная драма, литературная критика. Дальнейшее развитие получило театральное искусство. Постановки современных драм собирали большое количество зрителей. Развитие общественно-политической мысли шло в русле даосско-конфуцианской традиции, в которой центральное место занимают представления о совершенном человеке как главной опоре природы и общества. Известные драматурги Тан Сяньцзу и Хун Шэн в своих пьесах утверждали идеи о «естественных» правах человека, значимости личной жизни, любовного чувства, которое пробуждает индивидуальное начало. В пьесе «Сон о Нянькэ» Тан Сяньцзу выразил представления об идеальном обществе и герое, посвятившем свою жизнь его благу [1, с. 73 – 75, 77 – 78]. Среди интеллектуальной элиты было распространено учение выдающегося философа Ван Янмина (1472 – 1528 гг.) о человеке культуры – «вэнь жэнь». К этому времени в китайской мысли сложилось представление о личности, «я», индивидуальности как целостности человеческого опыта и знания, выраженной в неисчерпаемой изменчивости виртуального бытия. Ван Янмин развил эти представления в учении о «сознающем сердце», которое и отличает человека культуры. В нём совпадает человеческая природа с всеобщим принципом вещей – Дао. Осознание этого сокровища открывало для человека новые возможности – конкретное, искреннее, сознательное действие, то есть действенное проявление естественного добра, а не книжное знание, досужее умствование, культивируемое в учёной среде. Деятельность человека «сознающего сердца» служит всеобщему благу. По Ван Янмину каждый человек обладает от природы этим «я» и способен развить в себе это «сердце» [2, с. 61 – 64, 85 – 89]. В известной степени эти идеи перекликаются с идеями о личности на Западе. Это представление о «virtu», оригинальном творческом начале, присущим человеку, выдвинутым итальянскими мыслителями (кружок Виттории Колонны) и идеями Реформации о необходимости развития «божьей искры, талантов» данных человеку. В Европе они дали толчок деятельности во внешнем мире. В Китае они ориентировали человека на внутреннюю жизнь, её самосовершенствование, Идеалом стал человек, не преобразующий внешний мир, а культивирующий свою природу.

Реформаторы школы «Дунлинь» или «партия честных» (так их называли в придворных кругах) сформулировали идею о значимости хозяйственной жизни страны, о роли частной инициативы и традиционно презренного торгово-предпринимательского сословия. По сути, ими была разработана экономическая программа выхода страны из кризиса, в котором оказалось китайское общество в этот период. Они предлагали упразднение государственных монополий, ликвидацию контроля над ремеслом и торговлей, внутренних таможен, передачу казённых мастерских в частные руки. Считали необходимым изменить налоговую систему, которая, по сути, представляла собой откуп в руках евнухов. Они предлагали государству проводить политику стимулирования частного предпринимательства, свободного развития неземледельческой сферы экономики. В области сельского хозяйства они предлагали ограничить крупное землевладе-

ние, прекратить захват крестьянских земель, снизить налоги и ввести справедливое налогообложение. Дунлиньцы фактически предложили создание рыночной экономики. В области образования и просвещения они выступали за расширение доступа к образованию независимо от социального и материального положения, за отказ от догматики и схоластики [3, с. 135 – 138].

Хуан Цзунси (1610 – 1695 гг.), один из ярких и талантливых мыслителей Китая, человек энциклопедических знаний не только возродил идею мыслителя древности Мен Цзы о том, что государь служит народу и народ имеет право на смену недостойного правителя. В самом известном его трактате «Мин Дай Фань Лу» (Просвещаю варваров в ожидании визита совершенного мудрого государя) он впервые в истории китайской политической мысли чётко сформулировал идею о разделении государства и общества, о служении государства обществу, о приоритете закона перед моралью. Он опирался на положение Мэн Цзы о том, что «государство принадлежит народу, а не является собственностью императора». Причём, законы в интересах Поднебесной должны быть отделены от законов в интересах семьи правителя. В этом он ссылаясь на идеальное право «золотого века», считал, что ведущей силой общества и основой государства должно стать учёное сословие – шэньши. По его мнению, управлять страной должен император вместе с чиновниками, а не быть над ними: «Поднебесная не может быть упорядочена одним человеком». Принципами управления должны стать гласность и отчётность. Опираясь на даосскую традицию о том, что законы являются мерами и весами управления и необходимости их пересмотра по мере изменения общества, Хуан считал, что приоритет в управлении обществом должен принадлежать не морали, а, юридическому праву, законам. Он предлагал создать новое законодательство, новую систему управления, ввести пост премьер-министра и руководимое им правительство, новую систему контроля. Контролировать деятельность властей должны учебные заведения, «поскольку это те места, где возвращаются служилые». Учебные заведения должны стать органами, представляющими общественное мнение и доносящими его до императора и чиновников. Главным в этом деле должен стать столичный университет, где император и высшие сановники должны раз в месяц слушать лекцию-наставление ректора, ректор может занимать пост премьер-министра. В провинциях такую же роль должны играть местные учебные заведения. Свои предложения он обосновывал естественными законами развития общества, ибо «каждая эпоха имеет законы данной эпохи» [3, с. 217]. Хуан обратил внимание и на значение частных интересов для жизни общества. В Китае они традиционно считались низменными. Он считал, что правильное сочетание частных и государственных начал будет вести к всеобщей пользе. Для этого он предлагал ввести новую систему управления территориями – «центр – округ – уезды», что открывало путь к самоуправлению территорий. В хозяйственной жизни страны он предлагал упорядочить налоги, унифицировать денежную систему, создать банки, поощрять ремесло и торговлю [3, с. 216 – 219]. По сути дела Ху-

ан Цзунси разработал представительную систему управления, для участия в которой цензом было не материальное богатство, а знания, образование. Это соответствовало культурному опыту страны. Он показал и значимость традиционно презренных сословий – нун и шан, ремесленников и торговцев, чётко определил взаимосвязь государства и хозяйственной жизни страны. Взгляды Хуан Цзунси стали известны в Китае только в конце XIX, начале XX веков, когда были сняты ограничения на публикацию крамольных книг, и оказали большое влияние на реформаторов этого времени.

Другой известный мыслитель Ван Фучжи (1619 – 1692 гг.), современник Хуан Цзунси выдвинул идею о том, что Высший принцип Дао и правление общества соединены в одно. И это проявляется в том, что деятельность правителя соответствует потребностям времени. Не отрицая пиетета перед древностью, Ван Фучжи доказывал, что общество развивается эволюционным путём. Историческому процессу присущи закономерности, тенденции развития. Они проявляются через деятельность исторических личностей, цзюнь цзы, понимающих веления времени. Так же как и Хуан Цзунси, он считал, что в переживаемый период ведущей силой общества должны быть не отдельные личности, а шэньши, поэтому необходимо предоставить учёной элите больше прав в решении государственных дел. Большое значение Ван придавал использованию опыта позднейших эпох [4, с. 414 – 415]. Эти идеи с определённой корреляцией перекликаются с концепцией Гегеля об эволюции Мирового духа, проявляющейся в исторических закономерностях, деятельности исторических личностей, особенностей государственного, социального, культурного устройства народов в различные периоды. Его взгляды, в определённой мере, перекликаются с идеей прогресса, появившейся в Европе приблизительно в то же время.

В начале XIX века в условиях жесточайшей цензуры, введённой маньчжурской династии Цин, Гун Цзычжэнь (1792 – 1841 гг.), подверг сомнению официально утверждённый принцип неизменности. Он обратил внимание на то, что перемены являются законом развития не только природы, но и всех других явлений. Он писал в одном из своих сочинений: «Я, Цзычжэнь, читая в молодости исторические сочинения, созданные в разные эпохи, увидел, что, начиная с древности вплоть до настоящего времени не было не изменяющихся законов, не было не изменяющейся обстановки, не было дел, которые не изменялись бы, не было неизменной атмосферы» [4, с. 440]. Этим законом и определялось появление у берегов Китая европейских держав. Имея в виду опасность их давления на Китай, он предупреждал: «Не бывает законов предков, которые не рушились бы, не бывает суждений тысяч людей, которые бы не исчезали, не лучше ли самому произвести изменения, чем отдать их на откуп вновь пришедшему, чтобы изменения осуществил он» (там же). По его мнению, закон изменений определял развитие общества по трём стадиям: эпоха мира и порядка, эпоха смут, эпоха одряхления. Решающей силой, определяющей качество эпохи, он считал дух, в центре которого было «Я». «Я» – это все люди, их чувства и настроения. Акцент с традицион-

ной для китайца воли Неба он перенёс на людей, их чувства. «Чувства людей – корень общественных нравов, общественные нравы – корень судьбы правителя. С гибелью чувств рушатся общественные нравы, с разрушением общественных нравов меняется судьба правителя». Чувства людей – это движущая сила. «Месть за большую обиду, лечение тяжкой болезни, разрешение больших затруднений, обдумывание больших дел, изучение Великого Пути – всё производится силой чувств» [4, с. 440 – 441]. Перемены он связывал с личностью правителя. Если правитель стремится к благим переменам искренне, он должен осуществлять их, соотнося свои чувства с чувствами людей. (В Европе в это же время разрабатывалась идея о роли страстей в развитии общества). В таких непривычных для нас выражениях Гун Цзычжэнь высказывал идеи о всеобщем законе развития, его проявлении в общественных нравах, в необходимости его постижения и следования ему. Его влияние на умы китайцев того времени было огромным. Современники говорили, что благодаря Цзычжэню, служилое сословие стало читать исторические сочинения, исследовать древние памятники, говорить о происходящем. Во второй половине XIX века его сочинения стали опорой для реформаторов.

Подводя итоги развития общественно-политической мысли Китая в этот период, следует отметить, что она развивалась в духе времени, самостоятельно, опираясь на опыт своей страны, на учения древности (европейская мысль также базировалась на христианстве опыте античности), осознавая проблемы трансформации общества, и разрабатывала пути их преодоления. Это такие идеи как эволюционный характер исторического процесса, необходимость выхода в активную общественно-политическую жизнь шэньши, как представителей народа, новая структура государства, ответственность власти перед обществом широкое распространение образования, свобода частной инициативы в хозяйственной жизни, роли и значения торгово-предпринимательских сословий, утверждение юридического права (закона) как главного регулятора жизни общества. Эти предложения открывали пути развития рыночной экономики и представительной системы управления, лежащие в основе капитализма. Однако в последующем политическая ситуация сложилась иначе и на развитие политической мысли Китая большое влияние стал оказывать европейский опыт.

В истории арабской политической мысли несомненный интерес представляют взгляды Ибн-Хальдуна (1332 – 1406 гг.). Задолго до французских просветителей и физиократов он объяснил историю человеческого общества как эволюцию, идущую по спирали от низшего к высшему; подошёл к созданию теории возникновения и развития общества и государства, показал значимость экономических и природных факторов в развитии общества; поставил проблему истинности исторических знаний, выдвинув её критерием принцип соответствия природе человеческого общества. Ибн-Хальдун считал, что мироздание упорядочено и совершенно, причины связаны со следствиями, этим обусловлено бесконечное круговращение вещей и явлений, восходящая линия эволюции

сочетается с круговоротом форм [5, с. 50, 52]. Неотъемлемой частью этого мира является человек. Он также эволюционирует, причём условием этого являются две опасности (животный мир и люди) и необходимость добывать пропитание. Чтобы избежать опасностей и обеспечить себе существование, человек со своими собратьями создаёт такую организацию, которая бы сдерживала вторую опасность и помогала защититься от первой. Человек отличается от животных тем, что активно осваивает природу, преобразовывает её, создаёт культурный ареал – поля, пастбища, дороги, каналы, города. В результате этой деятельности формируются новые связи и взаимозависимости. Этим и определяется развитие общества и человека. Различия во внешнем виде людей, их психическом складе, характере, по мнению Ибн-Хальдуна определены не Богом, а условиями природной среды и сказываются на формах хозяйствования [5, с. 56 – 60].

Ибн-Хальдун выдвинул свою теорию возникновения государства. Он выделял два больших периода или этапа в развитии общества: примитивность и цивилизация. Цивилизация вырастает из примитивности. Большую роль в этом процессе играет избыток продуктов и вещей. В примитивном обществе по Ибн-Хальдуну люди объединены в группы во главе со старейшинами, созданные чаще всего на основе кровнородственных связей. Отношения относительного равенства распространяются на «покровительствуемых», рабов, союзников. Постепенно они превращаются в отношения господства – подчинения. Это, в свою очередь, формируется в новое качество – «мульк» – власть-собственность (владычество), и означает переход к цивилизации. Постепенно выстраивается властная вертикаль. Формально она копирует предшествующую, но определяющим фактором является размер собственности. Появляется государство (дай вля) – это группа людей, обладающая мульком. Это государство является династическим, часто этнически чуждым в результате захватнической войны. Ибн-Хальдун, полемизируя с улемами, утверждавшими сакральный характер власти, подчёркивал: «Знай, что дело государя осуществляется его людьми, его группировкой, его соратниками. Метод правления – принуждение». Он высказал концепцию эволюции государства, которую он связал со стремлением государя укрепить свою власть с помощью религиозных установлений – самообожествления, устранения своих вчерашних соратников и привлечения новых. Утверждается отчуждение от естественной опоры (хиджаб).

Литература

1. Серова, С. А. Китайский театр и традиционное китайское общество XVI – XVII вв. / С. А. Серова. – М.: Наука, 1990. – 276 с.
2. Малявин, В. В. Китай в XVI – XVII веках. Традиция и культура / В. В. Малявин. – М.: Искусство, 1995. – 287 с.
3. Бокшанин, А. А. Лики Срединного царства / А. А. Бокшанин, О. Е. Непомнин. – М.: Восточная литература, 2002. – 430 с.
4. История китайской философии. – М.: Прогресс, 1988. – 552 с.
5. Игнатенко, А. А. Ибн-Хальдун / А. А. Игнатенко. – М., 1980. – 160 с.

Ибн-Хальдун считал, что эти действия возможны только благодаря росту избыточного продукта, которым пользуются лишь люди государства. Избыток материальных благ в их распоряжении приводит к роскоши. Первоначально стремление к роскоши стимулирует рост и силу государства, но потом «люди государства» становятся слабыми. Их стремление к ещё большей роскоши и наслаждениям приводит к разрушению экономики и моральной деградации общества. Для последних фаз существования государства характерны порочность, обман, враждебность, хитрость, с главной целью получить любым способом богатства и даже просто средства к существованию. Насилие становится основным способом деятельности этого государства и приводит к его гибели. Ибн-Хальдун сравнивал жизнь государства с человеческой жизнью. Срок его жизни – 120 лет, срок жизни трёх поколений. Для первого периода присущи простота нравов, относительное равенство, второй – это состояние цивилизации с её роскошью и изнеженностью с неспособностью защитить страну, третий – окончательная деградация, разрушение и гибель государства [5, с. 91 – 95]. «Социальная физика» по Хальдуну, или общественное устройство прошло ряд этапов. Он считал, что в основе их различий лежит то, как люди добывают средства к существованию. Главным источником всех материальных благ является труд. Он создаёт стоимости и влияет на ценообразование. Ибн-Хальдун обратил внимание на влияние государства на товарное производство. Экономика, по его мнению, имеет свои закономерности. Столкновение законов экономики и интересов государства приводит к нарушению и даже разрушению экономики и государства. Поскольку оно может существовать только за счёт налогов [5, с. 86 – 91]. Ибн-Хальдун говорил в понятиях и категориях своего времени и своей культуры о том, что в XIX веке К. Маркс назовёт общественно-экономической формацией и определяющим её способом производства.

Творчество Ибн-Хальдуна является ярким примером того, что оно предвосхитило появление ряда важнейших теорий общественного развития на Западе, в русле которых развивается современная общественно-политическая и экономическая жизнь. Возникающий при этом вопрос, почему эти идеи не нашли своего воплощения, поднимает проблему опыта человека в разных цивилизациях.

Информация об авторе:

Решетникова Людмила Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории и международных отношений КемГУ, 8(384-2)580601, ifa@kemsu.ru.

Lyudmila S. Reshetnikova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

УДК 316.3

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
И СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ИХ СРЕДЕ**

Р. С. Селезнев, Е. И. Скрипак

**SOCIAL NETWORKS AS A PHENOMENON OF THE INFORMATION SOCIETY
AND SPECIFIC SOCIAL RELATIONS WITHIN THEM**

R. S. Seleznev, E. I. Skripak

В статье ставится задача рассмотреть специфику социальных связей в виртуальной среде социальных сетей. Делается вывод, что именно внедрение социальных сетей способствовало социализации Интернета. Социальные связи в среде социальных сетей несколько специфичны, настолько и противоречивы, сформированы реальностью и, во многом, конструируют эту самую реальность.

This article seeks to examine the specificity of social relations in the virtual environment of social networks. The authors conclude that it was the introduction of social networking that contributed to socialization of the Internet. Social ties within social networks are both specific and contradictory, they are formed by the reality and, in many ways, construct this very reality.

Ключевые слова: Интернет, всемирная паутина, виртуальная реальность, социальные связи, социальные сети, виртуальная коммуникация.

Keywords: Internet, World Wide Web, virtual reality, social ties, social networks, virtual communication.

«Ценность вещательных сетей
прямо пропорциональна
числу их слушателей и зрителей»
Закон Сарнова

Переход от индустриального к постиндустриальному (информационному) обществу вполне естественно способствовал грандиозному росту ценности информации и развитию соответствующих технологий, направленных на усовершенствование процессов перераспределения и движения информации. Пока вершиной развития подобных технологий стала сеть Интернет. Информационные взаимодействия стали возможны в таких масштабах и с такой интенсивностью, которые не встречались ранее в известной нам истории человечества. В итоге, благодаря развитию новых информационных технологий современное общество переживает эффект своеобразного сжатия, когда за счет всемирной паутины люди стали ближе друг к другу, и не только в виртуальном, но и в реальном мире. Значительная заслуга в «сжатии мира», в превращении его в «одну большую деревню» принадлежит социальным сетям, техническая онлайн реализация которых стала возможна в пространстве Интернета.

Широкое внедрение социальных сетей способствовало социализации Интернета. «Интернет – это коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе» [1, с. 51].

То, что социальные сети стали неотъемлемой частью нашей повседневности вполне очевидно. И если утверждение о том, что «сегодня значимость социального субъекта определяется его информированностью и принадлежностью к виртуальным сообществам, реализованным с помощью Web2 технологий» [2] выглядит несколько спорным. То вполне можно согласиться с мнением, что «виртуальные сообщества становятся объективной реальностью и оказывают влияние на системные свойства социума» [2].

В широком смысле *социальная сеть* (термин введен в оборот социологом Дж. Барнсом в 1954 г.) – это социальная структура, состоящая из множества агентов (индивидуальных и коллективных) и отношений между ними [3, с. 4].

В узком смысле. *Социальная сеть* – платформа, онлайн сервис или веб-сайт, предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений. С появлением Интернет теория «социальных сетей» приобрела воплощенную форму – в 1995 г. в США возникла первая, приближенная к современным, социальная сеть Classmates.com.

Согласно определению, предложенному известным исследователем этой области Д. Бойд, социальные Интернет-сети – это «сетевые услуги, которые позволяют частным лицам:

- 1) строить общественные или полуофициальные профили в пределах ограничений, наложенных системой,
- 2) определять список других пользователей, с которыми они могут общаться и делиться информацией,

3) просматривать и связывать их список контактов с другими, созданными пользователями внутри системы» [4, с. 22 – 37].

Главным результатом этих инноваций с точки зрения общества в целом является появление феномена *онлайн-общества*. Как синоним используется также термин «виртуальное сообщество». В англоязычной литературе применяются термин «e-community» и «virtual community». Глоссарий по Информационному Обществу дает следующее толкование этого понятия – «новый тип сообществ, которые возникают и функционируют в электронном пространстве», а также – «объединение пользователей сети в группы с общими интересами для работы в электронном пространстве» [5].

Оно несет в себе новые формы социально-экономической деятельности людей, а также и новую модель общественных отношений. Ф. Фукуяма называет подобные связи между людьми просто «сетью» (network). Вот как он их характеризует – «...сеть есть моральные связи на основе доверия. Сеть есть группа индивидуальных агентов, которые разделяют неформальные нормы или ценность сверх того, что требуют обычные рыночные транзакции» [6, с. 354].

Разрозненность субъектов в индустриальном обществе и тесные взаимодействия в традиционном трансформируются в новый тип – «сетевые сообщества», который с помощью Интернет-технологий призван объединить субъектов в единое целое. Подобное объединение и происходит в виде сообществ в социальных сетях [7].

В самом общем виде онлайн-общество представляет собой группу лиц, использующих Интернет технологии для совместной социально-экономической деятельности и для других взаимодействий друг с другом.

Социальные сети, как специфическая форма реализации социальной коммуникации в Интернет-пространстве, появились сравнительно недавно. Однако очень быстро они пережили социальный бум и стали обычным явлением. Сейчас социальных сетей во всемирной паутине огромное количество и они постоянно растут и развиваются, как качественно, так и количественно.

Можно предположить, что концептуально в основе идеи о социальных сетях лежит известная «теория шести рукопожатий», согласно которой двух случайно взятых людей отделяет друг от друга только шесть рукопожатий, или в среднем 5 знакомых. В 1967 г. сотрудник Гарвардского университета Стэнли Милгрэм провел знаменитый эксперимент, который он назвал «Мир мал». Он раздал случайно выбранным жителям городка Омаха (штат Небраска) 300 конвертов, которые нужно было вручить некоему жителю Бостона, передавая конверты только через знакомых и родственников. 60 конвертов дошли до адресата, причем в среднем каждый конверт прошел через шесть человек. Эксперимент произвел огромное впечатление на журналистов, а через них – и на широкую публику. «Каждый из нас через пять человек знаком с королевой английской», – говорили вполне серьезные люди [8]. Однако, научного подтверждения данная теория не получила, впрочем в последующие годы предпри-

нимались неоднократные и не безуспешные попытки проверить действие теории, в том числе с помощью всемирной паутины [9].

В контексте влияния на историю социальных сетей не принципиальна научность или не научность данной теории, важная сама идея. В сущности, речь идет не о территориальной отдаленности или близости людей друг от друга, а о межличностных расстояниях, о краткости этих расстояний. Именно данная идея и была воплощена в социальных сетях, которые косвенно подтвердили красивую «теорию шести рукопожатий».

Использование концепции сети в теоретической социологии 1990-х годов в значительной степени стимулировано работой М. Кастельса (Castells M. The rise of the network society. Oxford Blackwell Publisher, 1996), рассмотревшего сетевые эффекты глобализации. Автор предложил понятие сетевого пространства, основными компонентами которого являются ресурсы, которыми обмениваются акторы сети, а местоположение акторов определяется удаленностью от центров перераспределения ресурсов [10, с. 12]. Под ресурсами понимаются потоки информации, технологий, капитала – «современное общество построено вокруг потоков капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, символов» [11, с. 65]. «В этой сети ни одно место не существует само по себе, поскольку позиции определяются потоками... Технологическая инфраструктура, на которой строится сеть, определяет новое пространство почти так же, как железные дороги определяли «экономические регионы» и «национальные рынки» индустриальной экономики...» [12, с. 110].

Современную же культуру Кастельс характеризует как «культуру реальной виртуальности», культуру, детерминированную глобальными интерактивными электронными системами коммуникации. «Это – система, в которой сама реальность... полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом» [13].

Конечно же, значительная заслуга в превращении мира в «реальную виртуальность» принадлежит онлайн социальным сетям.

Как и любое множество, которое требует систематизации, социальные сети так же стали объектом классификации. Можно встретить большое количество классификаций, авторы которых систематизируют не столько социальные сети как таковые, но социальные сервисы в целом («под социальным сервисом обычно понимают такой интернет-проект, который основан на организации взаимодействия между людьми» [14, с. 49]), например, электронную почту, социальные каталоги, социальные библиотеки, сетевые игры и др. [14, с. 53 – 60].

Например [15]:

– по *территориальному признаку* – международные, государственные, региональные, локальные и т. п. Между странами существуют серьезные отличия при использовании сетями, которые объясняются временем включения страны в мировое коммуникационное пространство, технической оснащенностью, мен-

талитетом населения. «Удивительно, но теперь при общении в Интернете чаще задается не вопрос, «в какой стране живешь?», а «в какой социальной сети общаешься?» – отмечают исследователи [16]. Действительно, есть социальные сети, распространенные во многих странах мира (Facebook), а есть такие, которые популярны преимущественно в некоторых странах и регионах. ВКонтакте, Одноклассники – Россия; Qzone – Китай; Nexopia – Канада; Bebo – Великобритания; Hi5, dol2day – Германия; Public Broadcasting Service, Orkut и Hi5 – Южная и Центральная Америки; 55 % бразильских пользователей сетей предпочитает Orkut. Часть социальных сетей используют несколько языков, а часть один или два, что так же ограничивает ареал их распространения.

Виды социальных сетей:

- *по типу* – универсальные, тематические. Большая часть социальных сетей носят общий характер, однако есть и специализированные сервисы. Flickr – сервис, предназначенный для хранения и дальнейшего использования пользователем цифровых фотографий и видеороликов. SoundCloud – социальная сеть для музыкантов и диджеев;

- *по доступности информации* – открытые (Facebook), закрытые (PlayboyU), смешанные. В случае если сеть специализированная, то регистрация в ней возможна только при определенных условиях. В частности, может идти речь о двухуровневой системе регистрации и подтверждении статуса;

- *по численности*, с внутренней классификацией по числу посетителей в день, числу зарегистрированных пользователей и т. п.;

- *по аудитории* – по возрасту, по социальному статусу, по профессии. Большая часть социальных сетей объединяют людей разных возрастов, профессий, интересов. Однако есть и сети, которые соединяют людей именно общими интересами, или, например, по профессии. Например, некоторые социальные сети создаются для общения на профессиональные темы, обмена опытом и информацией, поиска и предложения вакансий, развития деловых связей. «Доктор на работе» – крупнейшее в мире русскоязычное сообщество врачей, «Профессионалы.ру» – российская деловая социальная сеть, объединяющая специалистов и бизнесменов по отраслевым, профессиональным и географическим признакам. LinkedIn – социальная сеть для поиска и установления деловых контактов. Социальная сеть для школьников – classnet.ru. Есть примеры возрастных сетей – «Медкампус» – первая в России социальная сеть для студентов медицинских вузов, социальная сеть для детей – webiki.ru.

Феномен социальных Интернет-сетей исследуется представителями различных направлений науки, в частности предлагается в самом Интернете определить и систематизировать указанное явление. Например, сайт «Социальные сети от А до Я. Путеводитель по социальным сетям Интернета» [17] предоставляет каталог, в котором выделены глобальные, геосоциальные (мировые и национальные), профессиональные, религиозные и прочие сети. Однако доступность услуг по созданию новых ресурсов такого рода затрудняет какую-либо их классификацию или систематизацию. Различные классификации используют разнообра-

зное количество критериев. В рамках нашего исследования более нет оснований углубляться в иные классификации социальных сетей, которые, к тому же, больше касаются социальных сетей как таковых, а не только их он-лайновой реализации.

Гораздо важнее и интереснее поговорить о специфике социальных связей в онлайн сетях. Однако, что бы лучше разобраться в том, какое место социальные сети занимают в современном обществе, необходимо поразмышлять о том, в чем уникальность воздействия социальных сетей на общество.

Прежде всего, позволим себе отметить, что уникальность в их противоречивом влиянии на социальные связи. С одной стороны, внедрение социальных сетей способствовало тому, что, по сути, случайные, эфемерные, неустойчивые человеческие контакты и связи (форумы, блоги, обсуждения случайной темы) приняли характер постоянных и устойчивых [18, с. 114]. Но, с другой стороны, с увеличением людей в виртуальном мире, социальные связи становятся все более мимолетными и скоротечными. Контакт быстро возникает и быстро завершается. Личность в сети утрачивает личностные характеристики, и человек сам становится лишь сообщением – «обычный человек сегодня днем и ночью привязан к трубке мобильного телефона. В своем повседневном общении он, как правило, окутан сетью деловых контактов. Социальные связи операционализируются, становятся все более безличностными и мимолетными» [11, с. 71].

Члены сетевых (онлайновых) сообществ, желающие использовать новые возможности для расширения и улучшения своих взаимодействий в рамках больших групп людей, попадают в ситуацию информационной перегрузки. Интенсивные информационные потоки, неизбежно возникающие в достаточно большом онлайн-сообществе, превышают физиологические возможности человека по их переработке и анализу. Например, если каждый член сообщества, включающего тысячу человек, рассылает всем остальным несколько сообщений в день, то отдельному человеку нужно прочесть и отреагировать на несколько тысяч или десятков тысяч сообщений в день [19, с. 10].

Подобные факты обнаруживают крайние выражения в работах некоторых социологов, которые говорят о формировании в современном обществе некой новой социальности – «социальности контакта».

«Рациональная социальность договора уступает место социальности контакта, множества временных связей, в которые вступают миллионы молекулярных образований и частиц...» [20, с. 107]. Социолог Ж. Бодрийяр вводит понятие гиперреальности – «Бесконечная репродукция, микродетализация объектов, превращение их в модельные серии – вот определение «реального» как гиперреальности... Реального как системы координат больше нет, оно живет жизнью модели» [21, с. 95].

Новая гиперреальность уничтожает традиционную социальность – «гиперреальность – это разубеждение в возможности хоть какой-то реальности. В Лос-Анджелесе никакой социальности уже нет» – рассуждает социолог Ж. Бодрийяр – «И ее тем более не будут знать следующие поколения (в Лос-Анже-

лесе пока что живет поколение телевидения, кино, телефона и автомобиля) – поколения рассеивания, распределения индивидов как пунктов получения и передачи информации в пространстве» [21, с. 93 – 94].

Таким образом, представленное в данной теории общество, по выражению одного исследователя – «фактически распадается на отдельные фрагменты – атомы, которые существуют и актуализируются только через временную связь, посредством передачи сообщения. Однако сообщение не сообщает ни о чем, кроме как о факте своего существования. Само общество становится обществом символической реальности (или как говорил Кастельс, общество реальной виртуальности), реальности сообщения и информации» [20, с. 107].

Мысли Ж. Бодрийяра приобретают особенную ценность, если вспомнить, что его знаменитая работа написана в 1982 г., по сути, на заре компьютерной эры, когда только появлялись первые персональные компьютеры, а современного Интернета не существовало вовсе. В свете этого идеи Ж. Бодрийяра о «социальности контакта, сообщения, гиперреальности», при всей их спорности и радикальности, опередили свое время, нарисовав допустимую модель общества будущего, где виртуальная гиперреальность будет определять повседневность социума.

Второй немаловажный момент, который делает общение в сетях заманчивым – анонимность, возможность исполнения иной социальной роли, использования множества социальных масок. Впрочем, при всей возможной ложности представленного в сети образа конкретного человека, значительная часть аккаунтов, зарегистрированных в сети, отражают реальную личность, реального человека, который сам представляет себя в сети. И здесь открываются широкие возможности для психологического анализа, интерпретации человека, который осознанно или не осознанно презентует себя для широкого доступа.

Наконец, по большому счету именно общение и формирование через общение социальных связей является базовой задачей, которую реализуют социальные сети, формируя виртуальные сообщества, как «социальное скопление, возникающее в Сети» [14, с. 21]. Исследователи выделяют два вида общностей и групп, которые формируются в сети – первичные и вторичные. К первичным они относят сообщества, которые существуют и в реальной жизни и которые объединяют людей, как правило, знакомых друг с другом в реальной жизни. Примером может послужить форум группы студентов определенного вуза, корпоративный портал какой-либо организации и т. д. Виртуальные общности и группы создаются и как вторичные социальные группы (блог любителей футбола, форум web-программистов, сайт фанатов В. Цоя) знакомыми или незнакомыми между собой в реальной жизни людьми, к которым впоследствии примыкают другие пользователи Интернета, объединенные общей идеей или целью [22, с. 102 – 103].

В целом можно утверждать, что возникновение и функционирование современных сетевых Интернет-ресурсов основано на реализации конституционных прав, как неотъемлемой составляющей правового статуса личности. К таким правам следует отнести: право

на объединение (в структуре социальной Интернет-сети формируются сообщества и группы по поводу самых разнообразных интересов, однако создание таких объединений не должно противоречить основам, установленным Конституцией РФ); право на свободу мысли и слова (одна из причин привлекательности онлайн-социальных сетей для пользователей состоит в возможности выразить свое мнение, суждение, оценку по какому-либо вопросу); информационные права, связанные с распространением, передачей, получением и использованием информации [23].

В условиях ослабления старых социальных коммуникаций инструменты информационно-коммуникационной организации в рамках Интернет-сообщества становятся все более эффективным каналом связи между партиями, обществом, гражданами и властью. Компьютеры, как отмечал известный исследователь Д. Несбитт, увеличивают реальную власть каждого индивида, позволяя ему более эффективно следить за действиями своего правительства, даже больше, чем правительство может следить за действиями гражданина; фактически компьютерные сети становятся одним из инструментов политического лоббирования. Тем самым действующее правовое обеспечение развития Интернет-сообщества и форм его самоорганизации, прежде всего посредством создания социальных сетей, со всей очевидностью нуждается в развитии [23].

Социальные Интернет-сети могут быть использованы для вербовки агентов иностранными разведками, сбора информации о сотрудниках конкурентных спецслужб, выявления общественного отношения их пользователей к последствиям планируемых операций, оказания корректирующего воздействия на общественное сознание, дестабилизацию обстановки в странах-противниках и т. д. Показательны события так называемой «Арабской весны», когда социальные Интернет-сети сыграли значительную роль в организации массовых общественных беспорядков в странах Азии, Африки и Ближнего Востока. Это заставило говорить о феномене, так называемых, «твиттерных революций». Протестное движение, приведшее к свержению правительств в ряде арабских стран (Египет, Ливия и др.), в определенной степени было подготовлено и выведено на улицы посредством двух очень популярных социальных сетей – «Twitter» и «Facebook». По подсчетам New York Times, в 2009 году около 800000 египтян, большинство из которых молодежь, были пользователями Facebook или Twitter – «вывести взбунтовавшуюся толпу на улицы противникам режима Мубарака во многом помог Интернет. В условиях широкого распространения информационных технологий привычные методы управления политическими процессами уже не срабатывают. Общество открывает для себя новые возможности самоорганизации» [24]. Такой вот «флэшмоб» государственного масштаба. На фоне этих событий происходит существенное усиление внимания государства к социальным сетям.

Вполне естественно, что виртуальная реальность воспроизводит реальную жизнь, копируя реально существующие общественные отношения.

Как и в реальной жизни, в Интернете статусы могут быть предписанными и достигаемыми. Предписанный статус определяется статусом человека в реальной жизни. Достигаемый же формируется в виртуальной реальности, в ходе общения и определяется востребованностью и властью человека в сети. В различных Интернет-сообществах, социальных сетях существуют свои методы и пути повышения социального статуса [22, с. 103]. При этом «сохранение приобретенного статуса в чрезвычайно изменчивой социальной и технической реальности Интернета сопряжено с постоянным пополнением знаний...» [14, с. 29].

Большинство Интернет-сообществ, социальных сетей, имеют свои традиции, правила, морально-этические нормы, которые приходят из реальной жизни или формируются посредством долгого общения в сети. Формируется специфический язык (сленг) виртуального общения, который, конечно же, зависит от уровня образования и культуры носителей данного языка.

Все это демонстрирует тот факт, что виртуальная социальность – это, в определенной степени, видоизмененная копия реальной социальности. И вполне допустим вариант переноса виртуальных социальных отношений на реальную жизнь. Люди и в реальности могут выстраивать между собой отношения, исходя из своих взаимоотношений в сети, пользоваться языком, на котором они привыкли общаться в сетях, придерживаться морально-этических принципов, оформленных в виртуальном мире. Тонкая грань между миром реальным и миром виртуальным позволяет некоторым исследователям (А. Сиванандан) скептически отзываться о виртуальных сообществах – «люди отождествляют киберпространство с реальным миром, с реальными сообществами, объединенными общими интересами, свободными от чьего-либо влияния, управления... Сообщество Интернета – сообщество интересов, а не людей» [14, с. 20-21].

Размышления о специфике социальных связей в среде социальных сетей были бы не полны без попытки выделить функции социальных сетей. В широком смысле, последние способствуют организации социальной коммуникации между людьми, а так же реализации социальных потребностей индивидов [3, с. 4].

Детализируя, можно выделить следующие функции:

1. Самовыражение. Согласно известной «пирамиде потребностей Маслоу» именно стремление к самовыражению, самоактуализации является наивысшей потребностью человека. При всей спорности концепции Маслоу, вполне очевидно, что социальные сети предоставляют довольно широкие возможности человеку выразить себя. Например, через размещение собственных фотографий, через публикацию письменного текста, через дискуссии на какие-либо темы. Но здесь кроются и опасности – в Белграде пользователь Снежана Павлович попала в психиатрическую клинику после того, как её заметка в социальной сети Facebook не вызвала интереса среди её друзей. Врачи клиники назвали этот случай «синдром Снежаны», объясняя поведение пациентки как обычный стресс от

неудовлетворенности социальной потребности индивидуума в современном мире.

2. Коммуникация и социализация («киберсоциализация»). Пожалуй, главная функция социальных сетей, ради которой они и создавались – это общение, налаживание контактов с людьми. Важным аспектом отличия онлайн-общества от других видов сообществ является тот факт, что доступные их участникам прямые информационные взаимодействия дают людям лучшие возможности для управления потоком событий и согласования своей деятельности в *реальном времени*. В сети прекрасно реализуется не просто коммуникация, а автокоммуникация (прим. авторов: *Автокоммуникация – форма коммуникации, которая замкнута на одном субъекте, выступающем и создателем и получателем сообщения. Термин «автокоммуникация» введен Лотманом в работе «О двух моделях коммуникации в системе культуры» (1973))* – «Интернет предоставляет уникальную возможность совместить коммуникацию и автокоммуникацию: тексты, посылаемые другому, одновременно становятся доступны и адресату и адресанту. То, что обычно разнесено во времени и соответственно требует разделения ролей, в Интернете реализуется «здесь и сейчас» [25]. Вполне очевидны и издержки виртуального общения, которое зачастую заменяет общение реальное.

3. Развлечение. К сожалению, для современной молодежи социальные сети стали великолепным убийцей времени.

4. Образование (профессиональная). Сети предоставляют широкие возможности для размещения разнообразной полезной информации, которая может быть использована в образовательных целях. Так же это общение с ученической и студенческой аудиторией.

5. Информационная. Уже ведутся дискуссии о возможности или не возможности рассматривать различные социальные сети или блоги с точки зрения нового типа СМИ [26]. Одно бесспорно – какая-то часть информации распространяется и черпается именно через сети.

Исследователи подтверждают вышеуказанные данные – «исследования показывают, что мотивами ведения блога являются самовыражение, самодокументация (фиксирование событий и впечатлений своей повседневной жизни), хобби (интересный пассивный отдых), быстрое производство важной для блоггера, блог-сообщества информации (комментариев о событиях); продвижение (авторитет) в блог-сообществе; общение в блог-сообществе, социализация (мода, принадлежность к влиятельному блог-сообществу) и т. д.» [27, с. 97 – 98].

В заключении отметим, что проблема, поставленная авторами, гораздо шире достигнутых в тексте результатов, и, не претендуя на полноту выводов, тем не менее, укажем следующее.

Социализация Интернета, ставшая реальностью благодаря развитию социальных сетей, способствовала, и будет способствовать грандиозному распространению всемирной паутины на планете. Социальные связи в среде социальных сетей несколько специфичны, настолько и противоречивы – устойчивы, но без

личностны и мимолетны, привлекательны и перспективны, но полны опасностей, по-своему уникальны, так как виртуальны, но сформированы реальностью и, во многом, конструируют эту самую реальность. И при всей их специфике, социальные связи в социаль-

ных сетях это по-прежнему людские связи и здесь по-прежнему действуют людские законы и правила – «...в этой цифровой реальности имеется квазиз жизнь и мыслящие существа, и эта реальность зависит от мыслящих существ...» [14, с. 34].

Литература

1. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
2. Тоискин, В. С. Классификация социальных сетей Интернет, как элементов социальных структур / В. С. Тоискин, В. В. Красильников. – Режим доступа: <http://econf.rae.ru/article/7041> (дата обращения: 16.12.2012).
3. Губанов, Д. А. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства / Д. А. Губанов, Д. А. Новиков, А. Г. Чхартишвили. – М.: Изд-во физико-математической литературы, 2010. – 228 с.
4. Boyd, D. M. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship / D. M. Boyd, N. B. Ellison // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2008. – № 13.
5. Глоссарий по информационному обществу. – Режим доступа: <http://www.iis.ru/glossary/virtualcommunities.ru.html> (дата обращения: 16.12.2012).
6. Fukuyama, F. The Great Disruption / F. Fukuyama. – London: Profile Books, 1999. – 494 с.
7. Попов, А. В. Социально-технологическая инфраструктура Интернета как фактор трансформации капиталистического общества / А. В. Попов. – Режим доступа: <http://sciepeople.ru/publication/69855/> (дата обращения: 16.12.2012).
8. Душенко, К. Мир тесен или шесть рукопожатий / К. Душенко. – Режим доступа: <http://www.dushenko.ru/news/243580/> (дата обращения: 16.12.2012).
9. Теорию шести рукопожатий подтвердили специалисты Microsoft. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/particle/12894> (дата обращения: 25.11.2012).
10. Градосельская, Г. В. Анализ социальных сетей: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Г. В. Градосельская. – М., 2001. – 20 с.
11. Назарчук, А. В. Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008 – № 7.
12. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
13. Энциклопедия. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/sociology/Kastels--Manujel-3784.html> (дата обращения: 16.12.2012).
14. Тоискин, В. С. Антропологическое измерение социальных сервисов интернета: учебное пособие / В. С. Тоискин, А. В. Шумакова, В. В. Красильников. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2012. – 104 с.
15. Бобкова, И. А. Разработка классификации для анализа социальных сетей / И. А. Бобкова. – Режим доступа: <http://www.mce.su/archive/doc57318/doc.pdf> (дата обращения: 25.11.2012).
16. Платов, А. Социальные сети: феномен коллективного разума / А. Платов. – Режим доступа: <http://www.-nestor.minsk.by/sr/2007/04/sr70414.html> (дата обращения: 16.12.2012).
17. Социальные сети от А до Я: путеводитель по социальным сетям Интернета. – Режим доступа: <http://www.social-networking.ru> (дата обращения: 25.11.2012).
18. Богданов, Д. В. Социальные функции Интернета / Д. В. Богданов // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки. – 2011 – № 1.
19. Паринков, С. И. К теории сетевой экономики / С. И. Паринков. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. – 168 с.
20. Обухов, К. Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса / К. Н. Обухов // Вестник Удмуртского университета. – 2008. – Вып. 1.
21. Бодрийар, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийар. – Екатеринбург: Издательство Уральского гос. университета, 2000. – 32 с.
22. Силаева, В. Л. Интернет, как социальный феномен / В. Л. Силаева // Социс. – 2008. – № 11.
23. Социальные Интернет-сети: правовые аспекты. – Режим доступа: <http://lexandbusiness.ru/view-article.-php?id=753> (дата обращения: 25.11.2012).
24. Филатов, С. Ближний Восток: «Идеальный шторм» / С. Филатов. – Режим доступа: <http://interaffairs.ru/-print.php?item=664> (дата обращения: 30.08.2012).
25. Чудова, Н. В. Особенности образа «Я» жителя Интернета / Н. В. Чудова. – Режим доступа: <http://psy-factor.org/lib/chudova.htm> (дата обращения: 25.11.2012).
26. Брашлавцев, С. А. Социальные сети, как средства массовой информации: к постановке проблемы / С. А. Брашлавцев // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – № 1. – С. 125 – 132.
27. Давыдов, А. А. Социология изучает блогосферу / А. А. Давыдов // Социс – 2008 – № 11.

Информация об авторах:

Селезнев Роман Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, 8-950-599-03-55, Roman3340@mail.ru.

Roman S. Seleznev – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Скрипак Елена Ивановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и государственного управления КемГУ, 8-903-944-11-82, eskripak@mail.ru.

Elena I. Skripak – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Economics and Public Administration, Kemerovo State University.

УДК 339.923:061.1ЕС

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ЕС НА ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ: СЛУЧАЙ СЕРБИИ

А. В. Семенов

PROSPECTS OF THE EU'S ENLARGEMENT IN THE WESTERN BALKANS: THE CASE OF SERBIA

A. V. Semenov

В статье анализируются перспективы расширения Европейского Союза на Западных Балканах, сравниваются траектории движения западнобалканских государств в ЕС, описываются специфические проблемы в этом процессе, оцениваются перспективы расширения ЕС на данном направлении.

The paper addresses the prospects of the EU's enlargement in the Western Balkans. Trajectories of the Western Balkans states' movement towards the EU are compared with focus on specific challenges. Finally, the prospects of this new wave of enlargement are evaluated.

Ключевые слова: ЕС, расширение, Западные Балканы, интеграция, Европа, Сербия.

Keywords: the EU, enlargement, the Western Balkans, Europe, Serbia.

Западные Балканы – регион, включающий бывшие югославские республики минус Словения плюс Албания – последние два столетия имеет непростую и противоречивую историю взаимодействия с «большой» Европой. В отличие от других стран Балканского полуострова (включая Турцию), после распада bipolarной системы западнобалканские государства значительно позже оказались втянуты в орбиту притяжения Европейского Союза. Гражданские войны и политическая нестабильность, с одной стороны, резко повысили значимость «внешнего фактора» в разрешении балканского кризиса 1990-х гг., с другой, не позволили ЕС реализовать свой потенциал внешнеполитического игрока на полуострове. В настоящий момент западнобалканская «регата» в сторону ЕС включает все без исключения государства региона, но, продолжая метафору спортивного соревнования, занимают разные места в ней: в лидерах находится Хорватия, вступление которой ожидается в июле 2013 года, с аутсайдерами Албанией и Боснией и Герцеговиной, а также Косово, чей статус как государства не признают 5 из 27 членов Евросоюза (прим. автора: *По состоянию на октябрь 2012 года это Греция, Испания, Кипр, Румыния, и Словакия*).

Балканское направление расширения – самое большое из текущих и наиболее пространственно приближенное к ЕС. Исландия, которая удовлетворяет всем критериям вступления, завершила переговоры по 10 из 35 вопросам, Турция остается в «комнате ожидания» на неопределенный период. «Европеизация» Западных Балкан является для Европейского

Союза, таким образом, вопросом стабильности, даже в каком-то смысле – самоутверждения: после провалов попыток кризисного регулирования 1990-х и относительно скромных успехов 2000-х Брюссель на примере этого региона стремится показать свою способность действовать как единый внешнеполитический актор. Политическая значимость региона для ЕС подтверждается большим массивом исследований по данному вопросу, включая работы экспертных и «мозговых центров» [2; 3].

Случай Сербии представляет особый интерес по ряду причин как практического, так и концептуального характера. Как отмечает Н. Уайт, глава брюссельского офиса некоммерческой организации «Независимый дипломат», «чтобы Балканы стали постоянно стабильными и интегрированными (как со всей Европой, так и между собой), необходимо, чтобы Сербия искренне («whole-heartedly») стала частью [общего] проекта» [11, с. 56]. Практическое разрешение западнобалканского узла проблем связано с политическими процессами в Сербии в первую очередь. Как внутриполитическая ситуация, так и международная активность в бывшей Югославии и Сербии становились предметом ожесточенных споров не только политиков и дипломатов, но и исследователей. Так, интервенция НАТО в 1999 году породила обширные дискуссии о «десуверенизации», пределах «гуманитарной интервенции» и – шире – постbиполярном мире, «новом мировом порядке», События октября 2000 года стали первыми в ряду «цветных революций» 2000-х гг. Арест и суд над С. Милошевичем и лицами,

совершившими военные преступления, а также деятельность Международного Трибунала по Бывшей Югославии породила новые споры о справедливости и новой роли международных институтов. Наконец, провозглашение независимости Косово также стало предметом дискуссий специалистов в области международных отношений, международного права и политических наук в отношении права народов на самоопределение, территориальной целостности, а факт рассмотрения «Косовского случая» в Международном Суде вновь поставил вопросы об адекватности механизмов ООН в разрешении подобных споров. Таким образом, «балканский узел» служит постоянным источником тревог для мира реальной политики и важнейшим источником дебатов по проблемам мировой политики среди экспертов и исследователей.

Каким образом из «головной боли» для Европейского Союза Сербия трансформировалась если в кандидаты на вступление, получив этот статус в марте 2012 года, – весьма интересный исследовательский вопрос. Необходимо отметить, что процесс интеграции между Европейскими сообществами и Западными Балканами имеет длительную историю. Югославия в 1970-х гг. смогла установить стабильные торгово-экономические отношения с Европейскими сообществами, однако распад федерации и этнические войны 1990-х перечеркнули накопленные успехи. Страны Европейских Сообществ в начале 1990-х на фоне драматических событий в Югославии предприняли попытку стабилизировать ситуацию в регионе за счет признания образовавшихся после распада СФРЮ новых государств: Хорватии и Словении, затем Македонии, Боснии и Герцеговины.

В 1993 году только что созданный Европейский Союз в условиях только формирующихся механизмов выработки общей внешней политики был вынужден отдать пальму первенства США и НАТО в процессе урегулирования постъюгославских конфликтов. Включиться в этот процесс удалось лишь после подписания Дейтонского мирного соглашения в 1995, когда ЕС инициировал ряд программ сотрудничества с регионом, включая Руаймонский процесс укрепления стабильности и добрососедства в Юго-восточной Европе и Инициативу по сотрудничеству в Юго-Восточной Европе (1995), Процесс сотрудничества в ЮВЕ и Региональный подход для стран ЕВЕ (1996), Пакт стабильности для ЮВЕ (1999). В рамках Регионального подхода, принятого 26 февраля 1996 года, Совет ЕС разработал систему политических и экономических условий, которые должны быть выполнены пятью странами региона – Хорватией, Боснией и Герцеговиной, Федеральной республикой Югославией, Македонией и Албанией [4]. ЕС заявил, что выполнение этих условий – база для согласованной и открытой политики, направленной на развитие двухсторонних отношений в сфере торговли, финансовой помощи и экономической кооперации. В заключение Еврокомиссии о соблюдении условий Подхода балканскими странами в отношении Сербии отмечалось, в ней не соблюдаются права человека, существует необходимость в продолжении рыночных реформ и остро стоит проблема соблюдения прав меньшинств (то есть, статуса Косово). У другого субъекта СРЮ –

Черногории – был отмечен прогресс в области демократии и рыночной экономики, но подчеркивалась важность соблюдения Дейтонских соглашений и сотрудничества с МТБЮ. В результате состояние дел в ФРЮ в целом не удовлетворило представителей ЕС [5].

После операции НАТО в Косово в 1999 году, наряду с региональным подходом ЕС инициирует, пожалуй, самую свою успешную на данный момент политику – Процесс стабилизации и ассоциации (ПСА), в рамках которого с каждой западнобалканской страной подписывалось Соглашение о стабилизации и ассоциации (САА). В На саммите ЕС в Санта-Мария де Фейре (июнь 2000 г.) по поводу Албании, Боснии, Македонии и Союзной республике Югославия (в состав которой входили Сербия и Черногория) было заявлено, что в рамках ПСА они являются «потенциальными странами-кандидатов». В 2003 году на саммите в Салониках Европейский Совет подтверждает, что ПСА является официальной политической линией ЕС на Западных Балканах. В этот же период Сербия переживает коренные политические изменения: «революция» октября 2000 года приводит к власти оппозицию, возглавляемую умеренным консерватором В. Коштуницей и радикальным демократом З. Джинджичем. Европейский Союз сразу же после свержения С. Милошевича и признания победы В. Коштуницы на президентских выборах отменил большинство санкций, введенных против Югославии и принял решение распространить на ФРЮ действие мер по либерализации торговли и постепенно приводить другие механизмы интеграции по программам ПСА.

В то же время, внутривнутриполитическая обстановка в Сербии не позволяла в полной мере выбрать перспективу евроинтеграции: для большей части политической элиты Сербии, связанной с режимом С. Милошевича в том числе, это означало потерю своих привилегий, активов и должностей. Уже в 2001 году развернулась внутривнутриполитическая борьба между сторонниками статус-кво и сторонниками евроинтеграции, каждая сторона принимала усилия для утверждения своей позиции. Так, З. Джинджич в одностороннем порядке осуществил выдачу Трибуналу С. Милошевича, тогда как администрация В. Коштуницы фактически саботировала сотрудничество с МТБЮ. Необходимо отметить, что именно сотрудничество с последним институтом выступало важнейшим условием продолжения процесса интеграции ФРЮ в ЕС. Накаленная политическая обстановка привела к убийству в 2003 году З. Джинджича и политическому кризису в Сербии.

В 2004 – 2008 гг. отношения между ЕС и Сербией осложнились целым рядом обстоятельств: кроме недостаточного сотрудничества с МТБЮ к крупным проблемам прибавился выход Черногории из состава Сербии и Черногории, что означало юридическое прекращение существования Союзной республики, а значит – и полномочий на управление автономным карем Косово и Метохия. Последний объявляет о независимости в феврале 2008 года. Сербия предприняла ряд шагов навстречу ЕС: 8 марта 2004 г. была создана Канцелярия по присоединению к Европейскому союзу Правительства Сербии, ставшая главным адми-

нистративным органом по координации работы в ходе процесса присоединения к ЕС стала. Основным достижением в работе правительства и парламента Сербии по присоединению стала разработка и принятие в мае 2005 г. Национальной стратегии Сербии по присоединении Сербии и Черногории к Европейскому союзу [8]. Однако в целом позиция президента В. Коштуницы недостаточно проевропейской, чтобы расположить к себе официальных лиц ЕС,

В результате накануне выборов в мае 2008 года ЕС делает ставку на проевропейски настроенного Б. Тадича и его коалицию «За европейскую Сербию», которые смогли победить на выборах. Для поддержания демократических сил и обеспечения будущей направленности страны на европейскую интеграцию ЕС решился на подписание Соглашения о стабилизации и ассоциации. Оно вместе с Соглашением о Торговле было подписано 28 – 29 апреля 2008 года вице-премьером Б. Джеличем, несмотря на протест со стороны премьер-министра В. Коштуницы. Главной задачей нового проевропейского правительства Сербии в сфере кооперации с Европейским Союзом была ратификация Соглашения о стабилизации и ассоциации странами-членами ЕС. Нидерланды при поддержке некоторых других стран ЕС настаивали на том, что процесс ратификации ССА должен быть начат только после того, как Ратко Младич будет экстрадирован в Гаагу [10]. Сербские власти отреагировали незамедлительно – в июне 2008 был арестован Стоян Жуплянин (бывший руководитель полиции боснийских сербов), а 21 июля 2008 года одна из самых значимых для МБТЮ фигур – Радован Караджич (первый президент Республики Сербской, 1992 – 1996 гг.). Однако только в середине 2009 года ЕС признал прогресс Сербии в сотрудничестве с МБТЮ (два главных обвиняемых Горан Хаджич и Ратко Младич все еще остаются на свободе).

В декабре 2009 года Европейский Совет имплементировал Временное торговое соглашение с Сербией, а в июне поручил странам ЕС начать процесс ратификации Соглашения о стабилизации и ассоциации 22 декабря 2009 года Сербия официально подает заявку на членство в Европейском Союзе. Также в декабре 2009 года ЕС и Сербия заключили договоры об отмене туристических виз. А 1 февраля 2010 вступило в силу Переходное торговое соглашение. 14 июня 2010 года ЕС принял решение о начале ратификации Соглашения о Стабилизации и Ассоциации. 21 июня, первой из стран-членов ЕС, Соглашение ратифицировала Испания. 25 октября Совет Министров иностранных дел государств-членов Европейского союза принял решение направить заявление Сербии для членства в Европейской комиссии для рассмотрения. 19 января 2011 года Европейский Парламент ратифицировал САА.

12 октября 2011 года Европейская комиссия представила свой ежегодный «Пакет Расширения» (Enlargement Package), в котором она рекомендовала, чтобы Сербии дали статус кандидата на членство в ЕС. Европейская комиссия рекомендовала начать переговоры с Сербией, как только Белград достигнет дальнейшего значительного прогресса в нормализации отношений с Косово. Наконец, 1 марта 2012 года на сам-

мите в Брюсселе 27 членов Евросоюза приняли решение предоставить Сербии статус кандидата на вступление в ЕС. Это событие стало важнейшим шагом к реализации планов страны по интеграции в ЕС. Европейский Союз отметил, что такой значительный прогресс в отношениях с Сербией произошел благодаря стремлению Сербии выполнить условия по интеграции: позитивным итогам реформ внутри страны, упорным стремлением решения вопросов сотрудничества с МБТЮ и постепенное урегулирование вопроса Косово.

В 2012 году произошли изменения на политической сцене Сербии: на президентских выборах побеждает лидер националистов (Сербской Прогрессивной Партии) Томислав Николич, а возглавляемая им коалиция получила большинство мест в Скупшине (парламент Сербии): 73 мандата. Вторым на выборах стал блок бывшей правящей Демократической партии Б. Тадича (68 мандатов), третьим – социалисты (СПС) – 44 мандата, Демократическая партия Сербии Воислава Коштуницы набрала 6,9 %, получив лишь 21 мандат. Победа Т. Николича поставила под вопрос европейскую перспективу Сербии: несмотря на неоднократные заявления приверженности европейской линии, новый президент также не раз заявлял о союзе с Россией, что заставило экспертов говорить о переориентации внешнеполитической линии этой балканской страны [6], отношения же Сербии и ЕС в очередной раз обозначаются как «тупиковые» [7].

В то же время, европейская перспектива для Сербии на данный момент практически неизбежна в силу действия структурных экономических факторов: даже несмотря на кризис еврозоны, ЕС остается основным торговым партнером и источником финансовой помощи для Сербии. Торговля с ЕС составляет 56 % всего внешнеторгового оборота Сербии, еще 17 % – со странами Центрально-Европейской Зоны Свободной Торговли, большая часть членов которой в ЕС (см. диаграмму 1). В рамках программы «Instrument for Pre-Acession» (IPE) ЕС ежегодно выделяет порядка 200 миллионов евро на подготовку Сербии к вступлению в ЕС (см. диаграмму 2).

Общественное мнение страны также выступает за вступление в ЕС: согласно опросам офиса Европейской интеграции 51 % «за» при 28 % «против». При этом отношение к ЕС приобретает все более прагматичный характер – со вступлением в Союз сербы связывают перспективы лучшего трудоустройства, лучшего будущего для молодежи, возможности путешествовать по Европе, повышение уровня жизни. В качестве ключевых направлений реформ сербы выделяют реформу правосудия (в т. ч. борьбу с коррупцией), а также образования и здравоохранения.

Сербия и другие западнобалканские государства после кризиса 2008 года столкнулись со значительными финансово-экономическими проблемами, поэтому перед Белградом стоят весьма непростая задача: балансировать между ЕС как основным донором и Россией как потенциальным инвестором. Поэтому, с одной стороны, президент Т. Николич регулярно проводит переговоры с представителями Евросоюза [9], с другой – пытается наладить диалог с Москвой: так, в марте 2013 года состоялся визит делегации ОАО

«Газпром» в Сербию, на которой обсуждался проект «Южный поток», а также подписан долгосрочный контракт на поставку в Сербию газа [1]. Такие «маневры» Сербии на фоне затянувшегося кризиса Еврозоны и структурных проблем в России пока что удаются, что позволяет Сербии ответить на экономические и политические вызовы, однако в долгосрочной Сербии явно понадобится определенность в приоритетах.

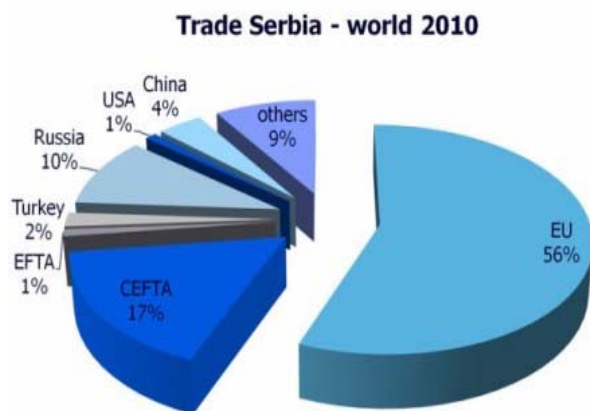

Диаграмма 1. Внешнеторговый оборот Сербии.
Источник: *Офис Европейской интеграции
Правительства Сербии, 2012*

Путь Сербии в ЕС оказался крайне тернистым: через первую половину 1990-х, когда Белград представлялся основной причиной войн на Западных Балканах, а попытки только что образовавшегося ЕС стабилизировать ситуацию завершились провалом к первым попыткам сбалансированного сотрудничества в конце 1990-х – начале 2000-х, неустойчивости 2003 – 2008 гг., еврооптимизму 2008 – 2012 гг. и победе националистов в мае 2012 года. За более чем 20 лет «тернистого пути в Европу» Сербии удалось решить ряд важных проблем в отношениях с ЕС: гармонизи-

ровать свое внутренне законодательство с европейскими нормами *acquis communautaire*, продвинуться в деле сотрудничества с МТБЮ, либерализовать визовый и торговый режимы. В то же время, остается ряд нерешенных проблем, таких как статус Косово, провалы в экономической и финансовой политике, борьба с коррупцией, недостатки в области демократического управления, верховенства закона и соблюдения прав человека. На данный момент, можно с уверенностью утверждать, что полноправным членом ЕС Сербия вряд ли станет в ближайшие 3 – 5 лет. Объем обязательств перед ЕС достаточно велик, сама евроинтеграция, ее основной вектор и темпы находятся под вопросом в связи с цепью долговых кризисов. Успешный пример Хорватии, которой обещано членство до лета 2013 года, в случае с Сербией не показателен. Долгое время ключевой движущей силой преобразований в регионе был Европейский Союз, сейчас речь в большей степени идет о способности самих балканских обществ – Сербия не исключение – добиться значимых результатов на пути в единую Европу.

Component	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Transition Assistance and Institution Building	181,4	179,4	182,5	186,2	189,9	193,8
Cross-border Co-operation	8,2	11,4	12,2	12,4	12,7	12,9
TOTAL	189,7	190,9	194,8	198,7	202,7	206,8

■ Transition Assistance and Institution Building
■ Cross-border Co-operation

Диаграмма 2. Финансовая помощь ЕС в рамках
Инструмента подготовки к присоединению.
Источник: *Офис Европейской интеграции
Правительства Сербии, 2012*

Литература

1. Подписан долгосрочный контракт на поставку газа в Сербию. – Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/-press/news/2013/march/article159018/> (дата обращения: 20.03.2013).
2. Another Circle of Serbia's Decline // Committee, Helsinki. – 2012. – № 90. – P. 1 – 8.
3. Bechev, D. The Periphery of the Periphery: the Western Balkans / D. Bechev. – Режим доступа: http://ecfr.eu/-content/entry/the_periphery_of_the_periphery_the_western_balkans_and_the_euro_crisis (дата обращения: 12.08.2012).
4. Conclusions of the General Affairs Council of 26 February. 1996; Followed by. a Commission report on common principles for future contractual relations with certain countries in South-Eastern Europe: Report From the Commission to the Council and the European Parliament, COM(96)476 final of 2.10.96.
5. Communication from the Commission to the Council and the Parliament, Compliance with the conditions in the Council Conclusions, 29 April 1997. – Режим доступа: <http://aei.pitt.edu/4357/1/4357.pdf> (дата обращения: 13.08.2012).
6. Fairclough, G. EU and Russia Loom Over Serbian Election. – Режим доступа: <http://online.wsj.com/article/-SB10001424052702303990604577369812911390898.html> (дата обращения: 24.08.2012).
7. Glaurdic, J. Serbia and the EU reach a stalemate / J. Glaurdic. – Режим доступа: <http://www.aljazeera.com/-indepth/opinion/2011/12/2011122573528776822.html> (дата обращения: 24.09.2012).
8. National Strategy of Serbia for the Serbia and Montenegro's Accession to the European Union. – Режим доступа: http://www.westernbalkans.info/upload/docs/National_Strategy_final_ENGLISH.doc (дата обращения: 12.08.2012).
9. Remarks by Štefan Füle, Commissioner for Enlargement and Neighbourhood Policy to the press after the meeting with Serbian Prime Minister Ivica Dačić, Belgrade, 18 March 2013. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/-press-release MEMO-13-235_en.htm#PR_metaPressRelease_bottom (дата обращения: 21.03.2013).

10. Stojanovic, J. EU Political Conditionality and Domestic Politics: Cooperation with the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia in Croatia and Serbia. PhD Thesis / J. Stojanovic. – Central European University. 2009. – P. 159 – 161.

11. Whyte, N. The European Union and the Western Balkans / N. Whyte // Twenty Years Crisis. Post-Communist Countries and European Integration. – HBF. – Brüssel, 2009. – P. 52 – 59.

Информация об авторе:

Семенов Андрей Владимирович – кандидат политических наук, заведующий кафедрой новой истории и международных отношений ТюмГУ, andre.semenoff@gmail.com.

Andrey V. Semenov – Candidate of Political Sciences, Head of the Department for Modern History and International Relations, Tyumen State University.

УДК 323

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА Г. ШРЁДЕРА: МУЖЕСТВО РАДИ ПЕРЕМЕН А. С. Сербина

SOCIAL POLICY OF G. SCHRODER'S GOVERNMENT: COURAGE FOR THE SAKE OF CHANGES A. S. Serbina

В статье исследуется кризис социального государства в объединенной Германии. Автор акцентирует внимание на социальных реформах Герхарда Шрёдера, проводимых в период с 1998 по 2005 гг.

The paper addresses the crisis of the social state in the united Germany. The author focuses her attention on Gerhard Schröder's social reforms carried out during the period of 1998 – 2005.

Ключевые слова: государство благоденствия, кризис социальной системы Германии, социальные реформы правительства Шрёдера, модернистское направление в социал-демократии, «Повестка дня 2010».

Keywords: welfare state, crisis of Germany's social system, social reforms of Schröder's government, modernistic direction in social democracy, "Agenda 2010".

Согласно ст. 20 п. 1 Германия является демократическим и социальным государством [1]. Принцип социальности дает государству право и обязывает его заботиться о сглаживании социальных противоречий и поддерживать тем самым справедливый социальный порядок. Согласно этому принципу на каждого гражданина должна распространяться социальная защищенность, главной целью которой является обеспечение минимального прожиточного уровня всех граждан путем оказания им социальной помощи. Таким образом, принцип социальной справедливости стал основой социальной системы Германии.

Однако, уже в 80-е гг. XX в. сформированная социал-демократами модель общественных отношений дала первые сбои. Возможности социального государства были снижены в условиях процессов глобализации, что привело к сужению функций государства благоденствия. Кризис государства благоденствия также был связан с падением коммунистических режимов в странах ЦВЕ в 1989 – 1991 гг.

Сразу после падения Берлинской стены 9 ноября 1989 г. тогдашний канцлер Гельмут Коль без предварительного согласования с партнерами по коалиции выступил в Бундестаге с программой по преодолению раздела Германии в Европе и предотвращению социальных последствий объединения, состоявшей из десяти пунктов [2], принятой 28 ноября 1989 г. Уже 18 мая 1990 г. был подписан «Государственный договор о валютном, экономическом и социальном союзе между ФРГ и ГДР» [3].

Согласно договору социальный союз был призван приблизить к существующим в ФРГ нормам систему социального и пенсионного обеспечения ГДР [4, с. 25]. Таким образом, посредством «Договора о создании экономического, валютного и социального союза» между ФРГ и ГДР произошло распространение системы социального обеспечения на территорию восточных земель Германии, что повлекло ее перегрузку в последующие годы. В 1990-е гг. происходило нарастание кризиса системы социального обеспечения по ряду причин экономического, социального, демографического характера (огромные финансовые затраты на трансформацию новых земель ФРГ, структурная перестройка германской экономики в условиях глобализации, рост безработицы, падение рождаемости, старение населения страны, увеличение продолжительности жизни немцев и др.).

По мнению отечественного исследователя Е. В. Ревякина, объединительный процесс в Германии, начавшийся в 1990-х гг., неоднозначно повлиял на сферу социального обеспечения ФРГ. Произошла трансформация социальной политики, выразившаяся, с одной стороны, в продолжении соблюдения основных направлений её развития, а с другой стороны, в расширении государственных расходов с целью преодоления последствий интеграции, что привело к финансовому банкротству «государства благоденствия» [5, с. 41].

Следствием нестабильного развития экономики ФРГ стала безработица. С момента объединения Германии число безработных с 1990 г. увеличилось с 2,6 млн до 4,4 млн в 1997 – 1998 гг. 1998 г. оказался

пиковым, впоследствии этот показатель стал постепенно снижаться. Сохранялись опасения среди специалистов, что количество безработных к началу XXI в. достигнет 5 млн человек [6].

Объединение сопровождалось ростом учреждений социального обеспечения, которые должны были обеспечить 14 млн человек пенсиями, пособиями по безработице и охрану здоровья. Разрушенное хозяйство ГДР обусловило то, что львиная доля трансфертов на создание социального союза вынуждена была выделить ФРГ. Таким образом, достаточно быстро радость от объединения сменилась недовольством тяготами этого процесса.

В целом, объединение Германии привело к пониманию необходимости перестройки социального государства с соблюдением баланса между экономической свободой и социальной политикой. Кризис модели социального государства пришёлся на период после 1995 г. В развитии основных социально-экономических показателей ФРГ впервые обнаружили следующие тенденции: рост длительной безработицы; рост затрат на рабочую силу; значительно опережающий увеличение производительности труда рост заработной платы. В конце 1990-х гг. социальное государство впервые переместилось в центр дискуссий о будущем немецкого общества. Именно на этом этапе легитимность принципа социального государства, несмотря на утверждённое конституцией равноправие этого принципа с другими политическими ценностями немецкой государственности, была наиболее спорным моментом в общественных дискуссиях.

В этой обстановке идея о необходимости реформы социальной системы витала в воздухе. Эту идею подхватил лидер СДПГ Г. Шрёдер в своей предвыборной гонке. В своих предвыборных выступлениях он предлагал провести всеобъемлющую модернизацию страны, преодолеть застой в реформах, добиться реального объединения немецкого народа и внутреннего единства страны [7, с. 9], что позволило ему одержать убедительную победу и стать новым канцлером ФРГ.

В своей предвыборной речи на съезде партии 17 апреля 1998 г. в Лейпциге, будучи ещё премьер-министром Нижней Саксонии, Г. Шрёдер заявляет следующее: «Гельмут Коль – и это нам хотелось бы подчеркнуть, должен остаться на страницах истории. В своей предвыборной гонке я не буду умалять его достижений, где они были. Но я скажу вполне открыто и ясно – его время в этой должности истекло. Гельмут Коль – канцлер безработицы. Он канцлер пустых касс и угнетающих долгов, канцлер несправедливого распределения. Гельмут Коль, и это правда, достиг государственного единства, но разделил общество. Его партия преклоняется перед этим канцлером, но мы не последуем за ним. Что правительство хочет нам предложить в качестве стабильности, ничто иное как, косность, стагнацию и пессимизм. Я хочу вести предвыборную борьбу так, чтобы увлечь людей на противостояние безальтернативности. Я хочу вместе с ними осуществлять ту политику, которая снова вернет Германии надежду» [8].

На фоне растущих проблем на рынке труда федеральное правительство в 1998 г. инициировало про-

грамму «Союз во имя труда, профессионального обучения и конкурентоспособности» [9], чтобы совместно с представителями союзов предпринимателей и профсоюзов обсудить меры в области занятости. Ответственным за проведение проекта был назначен министр труда и социальных дел Вальтер Ристер. За короткий срок более 63 тыс. человек в соответствии с этой программой получили предложения по трудоустройству и 5,8 тыс. приступили к обучению по требуемым профессиям.

Однако сам Шрёдер заявил, что серьезные реформы в 1998 г. были невозможны, не было политической воли бороться с аллергией к реформам у значительной части общества. А обещание существенно снизить безработицу на 1 млн чел. было поспешной необдуманной реакцией на публичное заявление Лафонтена. Кроме того, в экономике мы были обременены «ипотекой» – финансовыми обязательствами, принятыми ещё при канцлере Коле. В частности, Пакт о европейской стабильности 1992 г., составляющий часть Маастрихтского договора определял предел дефицита бюджета. Ежегодный дефицит бюджета не должен был превышать 3 % ВВП, а национальный долг не больше 60 % ВВП. Присоединение к Пакту стабильности совпало по времени с кратким периодом экономического роста, связанного с объединением страны. Впоследствии объединение стоило ежегодно 4 % ВВП, т. е. 80 млрд евро, что не вполне было осознано правительством. В результате Германия была вынуждена нарушать положения Пакта [10, с. 89].

Основной целью «Союза во имя труда» было создание новой формы взаимодействия между работодателями и наемными работниками. Целью Союза была разработка определенного перечня мер, о которых должны были договариваться правительство и представители профсоюзов и объединений работодателей. Также союз должен был способствовать созданию новых рабочих мест и усиливать конкурентоспособность немецких предприятий. В обществе и политической элите нелицеприятно отзывались об этой идее. На последнем саммите Союза в 2003 г. стало понятно, что никто не готов между собой договариваться, Шрёдер объявил о роспуске Союза.

Конфронтация в обществе также возникла по поводу пенсионной реформы 1999 г. В первую очередь, из-за введения т. н. пенсий Ристера: второй пенсионной системы в дополнение к полагающемуся по закону пенсионному обеспечению. Создание дополнительной системы обеспечения стало необходимо в связи с демографическими изменениями и с увеличением количества пенсионеров за счет объединения страны. Министр труда и социального обеспечения Вальтер Ристер предложил ввести обязательные отчисления граждан, которые сформируют капитал для дополнительных пенсионных выплат. Пенсионная система, финансируемая за счет взносов предприятий и активных работников, уже не стала справляться. Поскольку рынок труда серьезно изменяется: увеличение количества пенсионеров, увеличение их продолжительности жизни, на смену долгосрочным трудовым отношениям приходят краткосрочные, трудовой стаж уменьшается за счет увеличения периодов безработицы. Таким образом, назрела необходимость добавить к первой опоре

пенсионной системе – отчислениям предприятий и работающих граждан, вторую опору – собственные отчисления. Тем самым будет достигнут баланс между принципом солидарности социального государства и собственной ответственностью граждан. Именно это тезис нашел серьезное противостояние внутри социал-демократической партии Германии. Пенсионная реформа была рассчитана на ближайшие 30 лет. Перед Шрёдером и Ристером встала непростая задача разрушить иллюзию у населения, что пенсия всем обеспечена. Блок ХДС/ХСС и профсоюзы развернули серьезную кампанию под названием «пенсионный обман». Споры шли вокруг того, сделать ли вторую опору пенсионной системы добровольной или обязательной. В итоге они практически заблокировали проект реформы, поскольку затягивали переговоры, пока их требования не выполнялись, а на смену им приходили новые требования. В январе 2001 г. перед вторым и третьим чтением закона в бундестаге, ХДС распространили плакат с изображением Шрёдера в виде преступника. Благодаря новым компромиссам красно-зеленого правительства Закон о реформе узаконенного пенсионного обеспечения [11] был принят. Вопросы государственной поддержки дополнительной системы обеспечения должны были одобрены бундесратом. В реализацию этого проекта было вложено более 20 млрд марок. 11 мая 2001 г. программа поддержки дополнительного обеспечения по старости была передана в согласительный комитет бундесрата.

Предложения Г. Шрёдера неоднозначно оценивались в СДПГ. Председатель партии Оскар Лафонтен настаивал на сохранении важной роли правительства в деле регулирования экономики и социальных отношений, Г. Шрёдер, напротив, требовал коренных изменений в системе социального обеспечения и решающей роли рынка в экономическом развитии.

СДПГ встала перед серьезной задачей пересмотра устаревших представлений и формирования новых, соответствующих реальности. Смещение к центру стало проявляться во всех программных установках западноевропейских социал-демократических партий, исключением не стала и СДПГ. Лидером модернистского подхода в социал-демократии стала Германия в лице канцлера Г. Шрёдера. Вместе с премьер-министром Великобритании он стремился найти т. н. «третий путь» развития общества между традиционным демократическим социализмом и неолиберализмом. После ухода О. Лафонтена в 1999 г в отставку под руководством Г. Шрёдера, который в декабре того же года был избран председателем СДПГ, формируется новая платформа СДПГ. 8 июня 1999 г. Г. Шрёдер совместно с Тони Блэром представили в Лондоне совместную декларацию «Европа: Третий путь/Новый центр». По словам Т. Блэра, этот «третий путь» располагался правее того, по которому шли старые левые, делавшие акцент на государственном контроле, высоких налогах и защите интересов работающих по найму, и левее того, по которому идут новые правые, нередко считающие злом не только государственное вмешательство в экономику, но и сами слова «общество» и «коллективные усилия» [12, с. 5].

Как отмечает Г. Шрёдер в своих мемуарах, декларация является попыткой сформулировать один об-

щий и взвешенный ответ на два важнейших для нашего времени вызова – демографические изменения в обществе и процесс глобализации. В основном анализировались два круга проблем: насколько эффективной должна быть капиталистическая экономика, чтобы государство могло и впредь оставаться социальным? [10, с. 271].

По мнению П. А. Шупляк, декларация не отвергала традиционные ценности, но делала упор на том, что социал-демократия должна в новых условиях модернизировать свои идеи и программы. Пути этой модернизации сводились в первую очередь к необходимости сокращения государственных расходов, коренной реформы системы социального страхования, ограничения роли государства в социально-экономической жизни, более тесного сотрудничества рабочих и предпринимателей, расширения возможностей рыночной экономики и свободной торговли, сокращения налогов, в том числе и на крупные доходы, поддержки малого и среднего бизнеса и т. д. [13, с. 352] Государство должно дополнять и улучшать регулирующие воздействие рынка, но не мешать его функционированию.

Блэр и Шрёдер признали, что в прошлом социал-демократы зачастую отождествляли социальную справедливость с равенством результатов и ростом государственных расходов, недооценивая значение индивидуальной инициативы и предпринимательства для повышения благосостояния. Авторы манифеста, по мнению Н. В. Работяжева, критиковали государственный интервенционизм в стиле 1970-х гг., следствием которого стали чрезмерное расширение управленческого аппарата, усиление влияния бюрократии, ослабление духа предпринимательства и личной ответственности [14, с. 153].

Декларация в зачатках содержала многое из того, что в последствии, в переработанном виде вошло в программу «Повестка дня – 2010».

Таким образом, стало формироваться новое понимание принципа социальной солидарности, согласно которому граждане сами должны о себе заботиться. Государство обязано лишь создать равные возможности для каждого гражданина. В 1998 – 2002 гг. правительство предпринимает ряд мер в социально-экономической сфере, в основе которых лежало сокращение бюджетного финансирования социальных программ.

Одержав неоднозначную победу на выборах канцлера в 2002 г., Г. Шрёдер продолжил реформирование социальной системы. В 2002 г. по его просьбе начальник ведомства федерального канцлера Франк-Вальтер Штайнмайер начал разрабатывать программу действий, в основе которой лежало: сохранение принципов социального государства – при изменившихся условиях, необходимость структурных реформ в здравоохранении, в пенсионном обеспечении и на рынке труда; повышение личной ответственности граждан с целью предотвращения сокращения социальных пособий и роста пенсионных взносов. Экономическая эффективность в системе социального обеспечения, сокращение субвенций и снижение налогов должны способствовать форсированному развитию

экономики и высвобождению средств на государственное инвестирование.

17 октября 2003 г. Г. Шрёдер представил бундестагу пакет реформ под названием «Повестка дня – 2010», которая позже нашла воплощение в пакете законов о реформировании социальной сферы и рынка труда «Хартц IV». Ключевым принципом программы реформ можно выразить формулировкой самого Шредера «*fördern und fordern*» – то есть содействовать человеку и одновременно требовать от него [15, с. 29]. Программа отличалась широким радиусом действия и включала:

Реформирование рынка труда с целью вовлечь в активную трудовую деятельность больше людей. Должен сформироваться новый баланс между государственной ответственностью и личной инициативой граждан. Социальные выплаты должны получать только те, кто в них нуждается. Необходимо стимулировать желание обеспечить достаток своими силами. Предлагалось объединение систем по выплате социальных пособий и пособий по безработице. Трудоспособные граждане по истечении 12 месяцев (и по истечении 18 месяцев для граждан старше 55 лет) больше не имеют право на получение пособия по безработице, а должны получать пособие по безработице II, в одном учреждении и в одной кассе. Это пособие по величине и продолжительности должно высчитываться по-новому: вне зависимости от взносов или уровня заработка, а от реальной потребности конкретного получателя и лиц, находящихся у него на иждивении. Пособие по безработице II финансируется за счет налогоплательщиков. Соответственно, безработный должен активно искать работу, отказ от приемлемой работы должен вести к сокращению пособия. Таким образом, акцент делается на личное обеспечение, а не на поддержку государства.

Упрощение принципа гарантии от необоснованного увольнения без потери правовой субстанции. Необходимо преодолеть психологический барьер у предпринимателя, когда ему потребуются новые сотрудники. Следует увеличить количество работающих с ограниченным сроком занятости и по договору в качестве совместителей, на которых не распространяется гарантия от необоснованного увольнения. Нужно создать гибкую систему найма и увольнения, что позволяет производить социально-справедливый отбор.

Тарифное право. Право наемных работников принимать участие в принятии решений. Тарифные соглашения должны содержать достаточное количество оговорок, предусматривающих различные случаи.

Профессиональное обучение. Необходимо обеспечить доступ к обучению на производстве.

Модернизация положений и правил в ремесленном производстве с целью облегчить создание новых предприятий и упростить правила перехода предприятий к новому владельцу. Во многих отраслях опытные ремесленники могут открыть свое дело без «сертификата мастера». Достаточно, чтоб таким сертификатом обладал один из сотрудников, занятых у него на производстве.

Реформа системы здравоохранения в целях достижения более разумного баланса между доходами и расходами. Старение общества ведет к увеличе-

нию расходов в сфере здравоохранения, что требует дополнительных отчислений из заработной платы, что препятствует созданию новых рабочих мест. Реформа предусматривает: отмену монополии договоров между объединениями медиков и больничными кассами. Больничные кассы могут заключать договоры с отдельными врачами, что должно способствовать конкуренции между ними. Пересмотр каталог медицинских услуг, с целью заново определить, что относится к сфере действия закона о страховании на случай болезни. Страховые выплаты в случае болезни должны финансироваться не на паритетной с работодателем основе, а за счет взносов страхуемых лиц. Введение сбора в размере 10 евро в квартал за посещение практикующего врача. Приобретение лекарств по рецепту преимущественно за счет пациента.

Реформирование налоговой и инвестиционной политики государства [10, с. 393]. Предусматривает снижение минимальной налоговой ставки до 15, а максимальной до 42 %. Таким образом, снижение налогов за год с 2004 по 2005 гг. составило около 18 млрд евро. Кроме того, предусматривает освобождение муниципальных учреждений от выплаты социальных пособий трудоспособным лицам.

Таким образом, данный пакет реформ предусматривал либерализацию трудового законодательства с целью стимулирования создания новых рабочих мест, ограничение расходов на здравоохранение, пенсионное и социальное обеспечение. Ее основным содержанием стало снижение налогового бремени, содействие развитию инновационного потенциала немецких компаний, смягчение регламентаций найма на рынке труда и снижение степени социальной защищенности безработных. Против программы выступили Федеральное объединение союзов немецких работодателей, Центральный союз немецких ремесленников, профсоюзы, часть СДПГ. Для согласования был назначены региональные конференции, на которых с трудом удалось одобрения программы. 1 июня 2003 г. состоялся партийный съезд под названием «Инновации, рост, работа, настойчивость», на котором 90 % из 520 собравшихся в обмен на уступки поддержали программу реформ. 17 октября закон о реформах обсуждался в бундсрате, как и ожидалось он отклонил законопроект, поскольку в нем преимущество имеет ХДС. Была создана согласительная комиссия, в ночь с 14 на 15 декабря компромисс был достигнут по всем основным темам: по реформированию федерального ведомства труда (Хартц III), объединению пособий по безработице и социальных пособий (Хартц IV), по последней стадии налоговой реформы, тарифному праву, сокращению субвенций, по закону о ремесленном производстве и по реформе муниципальных финансов. Под давлением ХДС/ХСС нижнюю ставку налога установили не в 15, а в 16 %, и верхнюю не в 42, а в 45 %. В итоге, 19 декабря компромиссный вариант был принят бундсратом, а потом бундестагом и вступил в силу с 1 января 2004 г.

Такие жесткие меры, предусмотренные новой программой действий, привели не только к противодействию в «красно-зеленом правительстве», но и внутри СДПГ, в которой усилилось левое крыло. К этому добавились негативные настроения избирате-

лей, вследствие которых социал-демократы потерпели ряд поражений во время земельных выборов в первой половине 2005 г., что привело к досрочным парламентским выборам того же года. Состоявшиеся в сентябре 2005 г. выборы закончились неожиданным формированием правительства «большой коалиции», в которую вошли ХДС/ХСС и СДПГ, и которое возглавила Ангела Меркель (с 2005 г. – по наст. вр.).

В целом, перед Шредером стояла тяжелейшая задача: в ущерб своей популярности провести амбициозные реформы, в результате которых сформировалась бы новая модель социального рыночного хозяйства, отвечающая европейским традициям и ценно-

стям, в то же время адекватная новым вызовам глобализации.

Шредеру не удалось полностью модернизировать партию. В гамбургской программе 2007 г. подтверждается приверженность демократическому социализму. В программе предлагается новая концепция социального государства. Государство благоденствия согласно которой должно превратиться в «Vorsorgende Sozialstaat» – заботливое социальное государство, обеспечивающее оптимальный баланс между социальной защищенностью и его личной ответственностью за свою судьбу [16].

Литература

1. Основной закон ФРГ. – Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/LAW/BRD.HTM> (дата обращения: 20.11.2012).
2. Zehn-Punkte-Programm 1989. – Режим доступа: <http://webarchiv.bundestag.de/archive/2009/0109/geschichte/-parlhist/dokumente/dok09.html> (дата обращения: 20.11.2012).
3. Vertrag über die Schaffung einer Währungs-, Wirtschafts- und Sozialunion zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik (Staatsvertrag) vom 18 Mai 1990. – Режим доступа: <http://www.hdg.de/lemo/html/DieDeutscheEinheit/Wiedervereinigung/wirtschaftsWaehrungsUndSozialunion.html> (дата обращения: 20.11.2012).
4. Бакирова, Г. Я. Объединения Германии: предпосылки, процесс и международно-правовые последствия / Г. Я. Бакирова. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2002. – 196 с.
5. Ревякин, Е. В. Влияние европейской интеграции на экономику ФРГ / Е. В. Ревякин. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1999. – 62 с.
6. Werner, A. Perger Kanzler in den Zeiten der Dämmerung. Neuer Alarm auf dem Arbeitsmarkt, Unruhe in der Union, Ratlosigkeit angesichts der Probleme: Wie will Helmut Kohl sich aus dieser Krise noch befreien? / A. Werner. – Режим доступа: http://www.zeit.de/1997/07/Kanzler_in_den_Zeiten_der_Daemmerung (дата обращения: 15.11.2012).
7. Die neue deutsche Bundesregierung // Deutschland. – 1998. – № 4.
8. Schroder, G. Die Kraft des Neuen // Außerordentlicher Parteitag Leipzig 17 April 1998. Rede Gerhard Schröder / G. Schroder. – Режим доступа: <http://www.april1998.spd-parteitag.de/schroeder.html> (дата обращения: 12.11.2012).
9. Bündnis für Arbeit, Ausbildung und Wettbewerbsfähigkeit Ergebnisse der Arbeitsgruppe „Aus- und Weiterbildung“. – Режим доступа: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CDIQFjAA-&url=http%3A%2F%2Fwww.agenturq.de%2Fdownloads%2Fartikel%2Fattachments%2FARTID_54_KIKh3N%3Fname%3DErgebnisse.Arbeitsgruppe.Buendnis.fuer.Arbeit.pdf&ei=POe7UMHWPJHT4Q5X6IH4YDg&usq=AFOjCNEdPdYXa06J_2eT-CnB9XnsOdfkYA&sig2=WZQExquHLRb6WsyX8M7iXQ (дата обращения: 15.11.2012).
10. Шредер, Г. Решения. Моя жизнь в политике / Г. Шредер. – М.: Европа, 2007. – 549 с.
11. Gesetz zur Reform der gesetzlichen Rentenversicherung und zur Förderung eines kapitalgedeckten Altersvorsorgevermögens (Altersvermögensgesetz – AVmG) Vom 26. Juni 2001. – Режим доступа: http://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Downloads/Migrierte_Downloads/altersvermoegensgesetz-anl.pdf?__blob=publicationFile-&v=3 (дата обращения: 15.11.2012).
12. Блэр, Т. Новая политика для нового столетия / Т. Блэр // Государственная служба за рубежом. – 2000. – № 4.
13. Шупляк, П. А. Реформы Герхарда Шредера в Германии: причины и последствия / П. А. Шупляк // Труды исторического факультета БГУ: наук. сб. – Вып. 4 / редкол.: У. К. Коршук (адк. ред.) [и др.]. – Минск, 2009.
14. Работяжев, Н. В. Европейская социал-демократия в поисках адаптации к меняющемуся миру / Н. В. Работяжев // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2012. – № 3(66).
15. Орлов, Б. С. Новая программа германской социал-демократии. Итоги идейной дискуссии в СДПГ / Б. С. Орлов. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2008. – 102 с.
16. Hamburger program. Grundsatzprogramm der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Beschlossen auf dem Hamburger Bundesparteitag der SPD am 28 Oktober 2007. – Режим доступа: http://www.spd.de/linkableblob/1778/-data/hamburger_programm.pdf (дата обращения: 15.11.2012).

Информация об авторе:

Сербина Анна Степановна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений Новосибирского государственного университета экономики и управления, serbina.anna@mail.ru.

Anna S. Serbina – Candidate of History, Senior Lecturer at the Department of International Relations, Novosibirsk State University of Economics and Management.

ОБЗОР НЕМЕЦКОГО «СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА» И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЙ

Г. Г. Супрыгина

A REVIEW OF THE SOCIAL STATE IN GERMANY AND ITS TRANSFORMATIONS

G. G. Suprygina

В статье рассматриваются основные этапы образования «социального государства» в Германии в конце XIX в. и определяются причины его кризиса в наши дни.

The article reviews the main stages in the development of the social state in Germany in the end of the 19th century. The reasons of its modern crisis are identified.

Ключевые слова: социальное государство в Германии, причины кризиса социального государства, принципы социальной защиты.

Keywords: social state in Germany, reasons of social state crisis, principles of social security.

Идея «социального государства» в Германии, как и в других западных странах, стала актуальной при переходе к индустриальному обществу. После Великой Французской революции, особенно в 1830-е гг. в Европе приверженцы различных идеологических течений осмысливали ее причины, опыт и последствия. Эти дискуссии содействовали теоретическому оформлению идеологии консерватизма. Обсуждение проблемы социального государства активизировали европейские революции 1848 – 1849 гг., в которых значительную роль сыграл рабочий класс, требовавший улучшения условий труда и жизни. Большой вклад в теорию консерватизма XIX в. внес немецкий правовед и экономист Лоренц фон Штейн (1815 – 1890 гг.). Наблюдая подъем рабочего и социалистического движения в Германии, нацеленного на кардинальные преобразования общественного строя, он призывал немецких политиков к реформаторству «сверху». Свои взгляды Штейн изложил в работе «История социального движения Франции с 1789 г.» (1872 г.). В ней он выявлял возможности устранения классовых противоречий, неизбежно возникающих в буржуазном обществе, силами самого государства, путей решения «социального вопроса», обострение которого могло привести к разрушительным последствиям.

Штейн первым ввел в научный оборот термин «социальное государство» и заложил основы теории социальной монархии, которая затем трансформировалась в теорию социального государства. Она содержала новаторские для своего времени взгляды о средствах и возможностях государственной политики в отношении трудящихся. Так, он заявлял, что «любая монархия станет впредь пустой тенью, превратится в деспотию или погибнет в республике, если не найдет в себе нравственного мужества стать монархией социальных реформ». Штейн одним из первых тесно увязал социальный вопрос с рабочим вопросом, ратовал за то, чтобы с помощью государственной власти неимущие классы, смогли «изменить свое зависимое положение, обусловливаемое природой труда, в положение независимое, материально-свободное» [1].

Подобные взгляды были созвучны революционной риторике того времени, в том числе леворадикальной, марксистской, хотя Штейн и Маркс были непримиримыми оппонентами. К. Маркс был убеж-

ден, что бедственное положение рабочего класса жестко детерминировано самими основами капиталистического общества, прежде всего принципом частной собственности. Он видел разрешение противоречий в социалистической революции и реорганизации общественного строя на принципе коллективной собственности. Штейн же исходил из того, что частные несовершенства существующего строя, могут быть исправлены при сохранении его основ. Альтернативой революции, считал он, могут быть реформы, осуществляемые государством, а баланс интересов между классами можно поддерживать при помощи системы социального обеспечения [2].

В дискуссиях по социальному вопросу в Германии во второй половине XIX в. сформировались буржуазные и реформистские версии «государственного социализма». Его приверженцы рассматривали буржуазное государство как надклассовую силу, способную регулировать экономические отношения, устранить социальные противоречия и содействовать прогрессу в положении рабочего класса. Весьма успешно в этом направлении работали члены "Союза социальной политики", организованного в 1872 г. Г. Шмёллером, Л. Brentано, А. Вагнером и др. Эта была реакция на деятельность созданного Ф. Лассалем в 1863 г. Всеобщего германского союза рабочих и близкой к марксизму Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев) в 1869 г. Хотя большинство членов Союза были консерваторами, но их иронично называли «катедер-социалистами».

Г. Шмёллер, Л. Brentано, А. Вагнер являлись теоретиками Фрайбургской исторической школы, которая в этот период обратилась к изучению противоречий капитализма и разработке идей государственного социализма. Для блага общества, по их мнению, необходимо достижение справедливости в экономике, подчинение рынка государственному контролю. Так, Г. Шмёллер соглашался с выводами К. Маркса о классовом конфликте предпринимателей и рабочих, но рассматривал государство как силу, способную нейтрализовать их. По его мнению установления классового мира и эффективно функционирующей экономики можно добиться только через осознание государственной властью своей ответственности перед обществом и защиту им интересов низших слоев. Госу-

дарство должно выполнять регулирующую роль в смягчении таких отрицательных последствий промышленного развития, как экономические кризисы, безработица, социальное неравенство и перераспределять блага экономического прогресса среди всех членов обществ. Л. Брентано заложил основы теории «организованного капитализма», призванного изменить положение рабочих через создание фабричного и социального законодательства, поддержку профсоюзов, разработку и применение антикризисных мер, заключение коллективных договоров между рабочими коллективами и предпринимателями [3].

Идеи улучшения положения рабочих получили широкое распространение в общественном сознании и повлияли на создание Конституции Германской империи 1871 г. В ее текст было включено положение, которое обещало заботу государства «о благе немецкого народа». В программах партии Центра (1871 г.), Германской консервативной партии (1876 г.), даже Христианско-социальной рабочей партии (1878 г.), организованной духовником Вильгельма I А. Штёккером, содержались требования об обеспечении нормального материального положения рабочих, сокращения пропасти между богатыми и бедными, законодательной защите их труда, отдыха, здоровья и др. [4, с. 262 – 264]. Протестантское духовенство главе с пастором Ф. Науманом выработало доктрину христианского социализма, содержащую постулат о социальном государстве. В стороне от этих дебатов вплоть до Первой мировой войны оставались лишь либералы.

Однако среди сторонников социального государства не было политиков, способных осуществить его положения. В рейхстаге их голоса звучали лишь в конце 1870-х гг. – после того, как в 1875 г. на съезде в Готе произошло объединение лассальянцев и эйзенхатцев в Социал-демократическую рабочую партию. И хотя, раздел социальных требований в ее программе не выходил за рамки платформы «государственных социалистов», влияние партии быстро распространялось, особенно в индустриальных районах. Ей удалось объединить профсоюзы важных промышленных отраслей, создать подопечные организации, вовлекать рабочих в общественно-политическую жизнь.

Первым на путь практической социальной политики встал канцлер Германской империи Отто фон Бисмарк. Он был консервативным, но реалистически мыслящим политиком и умел отвечать на «вызовы времени». Канцлер развивал «двойную стратегию»: политику «кнута и пряника». В октябре 1878 г. он добился в рейхстаге принятия «Закона против общественно опасных устремлений социал-демократии», который фактически поставил СДРП в нелегальное положение. Но Бисмарк осознавал, что с рабочим и социалистическим движением невозможно справиться только репрессивными мерами и стал сочетать их с социальными реформами, заявив, что правительство способно самостоятельно решить «рабочий вопрос». Проведению этих реформ содействовала поддержка императора Вильгельма I, склонного к патерналистской политике. В 1881 г. он заявил, что будет содействовать развитию системы социального обеспечения рабочих. При его императора, Бисмарк провел через рейхстаг три закона о социальном страховании. В

1883 г. было введено страхование по болезни, в 1884 г. – по несчастному случаю, в 1889 г. – по старости и инвалидности. Так возникли «три несущие конструкции» германской системы социального страхования, которые в основе сохранились до настоящего времени. В системе были введены принципы самоуправления (предпринимателями и рабочими, но под контролем государства). Бисмарку в целом удалось достичь внутреннего мира: подъем рабочего движения начался только в 1890-е гг. после отмены репрессивного закона. Период формирования социального государства 1871 – 1914 гг. получил название «конституционного».

Принятые законы гарантировали страхование только самой обездоленной группе населения: промышленным рабочим. По традиции они долго оставались приоритетной группой формирующегося социального государства. Созданная Бисмарком система социального обеспечения динамично развивалась до Первой мировой войны. За 1885 – 1903 гг. в нее было внесено 11 дополнений. В 1891 г. была введена охрана труда в ремесленном производстве, осуществляемая корпоративными наблюдательными советами. Поправка к ремесленному уставу позволяла создавать комиссии рабочих по защите прав работников этой отрасли, содействовать установлению более благоприятных условий труда. Закон 1903 г. вводил регулирование детского труда, рабочего дня женщин; закон 1905 г. – контроль за тарифными соглашениями; с 1910 г. предписывалось создавать посреднические конторы по найму на работу (прототип современных бирж труда).

В 1911 г. был принят закон о социальном страховании *служащих* и создании единого кодекса страхования рабочих. Накануне Первой мировой войны гарантии застрахованных были распространены на членов их семей. В 1913 г. из 66 млн жителей Германской империи страхованием по болезни было охвачено 14, 6 млн, по старости и инвалидности (1915 г.) – 16,8 млн, от несчастного случая (1911 г.) – 6,2 млн человек [5, с. 102, 104, 106]. Эта политика стала образцом для правительств ряда стран Европы. С начала XX в. система социального страхования создается в Австрии, Франции, Италии, России. Известный исследователь социальной политики Германии Х. Буттервегге относит период второй империи к «золотой эпохе» немецкого социального государства, отмечая быстрый рост его социальных функций, институтов, числа застрахованных [6, с. 5].

Революционный подъем в Германии содействовал принятию в 1916 г. закона об обязательном создании производственных комитетов из представителей рабочих и предпринимателей, должных содействовать интеграции трудящихся, и признанию профсоюзов. Они не обеспечили реального права голоса рабочих в обсуждении дел на предприятиях, но заложили традицию практики соучастия рабочих в управлении производством (*Mitbestimmung*). В годы Первой мировой войны был накоплен большой опыт социальной работы различных общественных организаций и объединений [7].

В условиях высоких ожиданий масс, обездоленных за годы Первой мировой войны, и начавшейся

революции при содействии Совета народных уполномоченных, состоявшего из социал-демократов, была создана Центральная комиссия из представителей свободных немецких профсоюзов и предпринимательских объединений. 13 ноября 1918 г. она приняла решение о 8-часовом рабочем дне, организации помощи остро нуждающимся. Веймарская конституция 1919 г., обсуждаемая в период революции, провозгласила права на коалиции, тарифную свободу, упоминала о «широко поставленном социальном страховании», обещая охрану здоровья и трудоспособности, материнства, предупреждения экономических последствий старости, недугов, опеку детей в их «телесном и общественном развитии», охрану от их безнадзорности. Однако Конституция так и не включила четко сформулированного пункта о праве на труд. Статья 163 провозглашала лишь, что «каждому немцу должна быть представлена возможность добывать себе содержание хозяйственным трудом» [8, с. 334 – 335]. В ряде случаев на помощь государства могли претендовать и средние слои.

Продолжающиеся до 1923 г. выступления трудящихся вынуждали правительства правых социал-демократов реализовывать некоторые их требования. В 1920 г. появился закон о компенсации жертвам Первой мировой войны. Устремления рабочих отвечал закон об избрании производственных советов рабочих коллективов. Представители рабочих, хотя и в ограниченной мере, получили возможность, влиять на решение социальных и персональных проблем предприятий. Вместе с поправками к ремесленному уставу 1891 г. закон явился правовой нормой, расширяющей права трудящихся в *самоуправлении* предприятиями (Mitbestimmung), которое и в современности является одним из важнейших требований профсоюзов. В 1922 г. был принят закон о благотворительной общественной помощи молодежи, закрепивший ее право на воспитание и опеку со стороны общества. В 1923 г. при обсуждении реформы о социальном обеспечении шахтеров было предписано создавать государственные арбитражные суды для разрешения конфликтов между горняками и шахтовладельцами [9, с. 43 – 44].

Однако из-за послевоенной разрухи, тяжелого финансово-экономического положения, необходимости выплачивать репарации, постоянной политической нестабильности правительства Веймарской республики оказались не в состоянии реализовать многие обещания. Так, в 1923 г. было отменено предписание о 8-часовом рабочем дне. Страхование рабочих осуществлялось преимущественно за счет их взносов. Пособия по безработице по существу стали выплачиваться лишь после принятия более проработанного и развернутого закона в 1927 г., но с наступлением экономического кризиса в 1929 г. размер их постоянно сокращался, нередко они вообще не выплачивались. Тем не менее, закон 1927 г. заложил основы *четвертой опоры* системы социального обеспечения. В 1924 г. была ликвидирована система государственной помощи беднякам. Функция помощи им была передана благотворительным организациям. Неэффективно действовали арбитражные суды, наделенные полномочиями принуждать шахтеров к заключению тарифных договоров, ущемляющих их интересы. Возникла

невиданная массовая безработица, достигшая 5 млн человек.

Власти республики не в состоянии были эффективно управлять страной. Система социального обеспечения постоянно демонтировалась, и окончательный удар ей был нанесен «чрезвычайным законодательством» эпохи «Великой депрессии» 1929 – 1933 гг. Исследователи отмечают, что с позиций современности в период Веймарской республики в социальной политике и политике занятости были сделаны серьезные ошибки, которые содействовали углублению кризиса. Так, неправомерно были урезаны инвестиции на программы занятости; имеющиеся проекты, стимулирующие создание рабочих мест, оставались в ящиках столов недальновидных чиновников. Пособия, выдаваемые по новому закону о безработице 1927 г., безжалостно сокращались, содействуя еще большему падению покупательского спроса и пр. Провал социальной политики в совокупности с внешнеполитическим давлением на Германию содействовал подрыву авторитета Веймарской республики, создавая питательную среду для нацистской пропаганды [9, с. 33].

Пришедшим к власти нацистам путем ряда кампаний (организации общественных работ, борьбы с «двойной занятостью» женщин, введения трудовой повинности, перераспределения трудовых ресурсов между секторами и др.) удалось в целом справиться с массовой безработицей. Этот фактор имел долговременное значение и содействовал интеграции режима с населением, в том числе со значительной частью рабочих.

Нацисты в целом сохранили структуру системы социального обеспечения Веймарской республики. Но уже в 1933 – 1934 гг. в ней был ликвидирован принцип самоуправления. Во всех общественных структурах «Третьего рейха» был введен принцип фюрерства. К середине 1933 г. трудящиеся были лишены важнейших рычагов борьбы за свои социальные права. Так, были распущены Свободные немецкие профсоюзы, создан Немецкий трудовой фронт под контролем нацистов, ликвидированы избираемые рабочими коллективами производственные советы, запрещены забастовки и коалиции. Государство тотально регулировало рынок труда и устанавливало зарплаты. Была отменена тарифная автономия.

В годы национал-социализма возникла развитая система материальной подкормки для этнически чистого населения – «арийцев». Нацистское государство уделяло большое внимание материальной поддержке многодетных семей, матерей-одиночек, улучшению условий труда на производстве, помощи сельским хозяйствам, организации досуга и отдыха широких слоев населения. Социальная помощь стала возможной за счет интенсивной эксплуатации трудящихся, ариизации – экспроприации собственности евреев, а позднее за счет грабежа оккупированных территорий и использования принудительного иностранного труда и др. Нацисты создали мини-идеологии и механизмы, вовлекающие население в решение социальных проблем («народное сообщество», «национальный социализм», «Сила через радость», благотворительная «зимняя помощь», социальная работа массовых орга-

низаций), что облегчало задачу замораживания ряда социальных выплат. Лояльность со стороны трудящихся, получивших работу, помогла нацистам нейтрализовать предпринимателей и привлечь их капиталы для консолидации финансов, направляемых на военные расходы. В эпоху нацизма расширялось и социальное законодательство. В 1938 г. был принят закон о многосторонней «защите молодежи», регулировался труд женщин, было положено начало пенсионному обеспечению «самостоятельных в ремесленном производстве». Эта система стала утрачивать свою дееспособность в ходе Второй мировой войны и потеряла крах вместе с режимом [9, s. 44].

Оккупационные власти, как и формирующиеся политические органы будущей Западной Германии, учитывали укоренение в общественном сознании немцев идеи социального государства. В 1948 г. Экономический совет Бизоны во Франкфурте – на – Майне (по сути выполнявший функции ее правительства) во главе с Людвигом Эрхардом реставрировал и закрепил унаследованную от нацистов систему социального страхования, издав закон о ее адаптации. Так, в 1949 г. были восстановлены права на коалиции, создание профсоюзов и их тарифную автономию [10].

Федеративной Республике Германии принадлежит первенство в реализации конституционного закрепления ценностей социального государства. Основной закон (Конституция), принятый в мае 1949 г., в отличие от Веймарской конституции содержит небольшое количество статей о социальных правах граждан; приоритетное значение в нем имеют ценности социального государства. Так, ст. 20 Конституции провозглашает, что ФРГ является «демократическим и социальным федеративным государством». Ст. 28 содержит формулу о «социальном правовом государстве» (термин был введен в 1930 г. немецким ученым Геллером) [11, s. 15]. Центральной задачей такого государства является акцентирование прав граждан на социальные гарантии с его стороны. Социальные гарантии не просто приобрели правовые основания, но и стали ведущими. Эти два понятия «правовое государство» и «социальное государство» стали неразрывны и равноправны. Опыт ФРГ в 1950 – 1990-х гг. был применен в Конституциях многих стран Европы, в том числе России в 1993 г. [12, с. 206].

Современная система социального страхования сложилась в ФРГ в 1957 г. благодаря усилиям первых послевоенных канцлеров К. Аденауэра и Л. Эрхарда и теоретика А. Мюллера-Армака. Она стала возможной благодаря исключительно динамичному экономическому росту и высокой занятости в ФРГ и получила название «социального рыночного хозяйства». А. Мюллер-Армак считал, что основное отличие социального рыночного хозяйства от капитализма состоит в его активной социальной политике, подчиненной принципу *социальной компенсации*. Выработка концепции социального рыночного хозяйства сопровождалась острой дискуссией. В ней столкнулись сторонники наделяния государства «минимальным» и «максимальным» объемом функций и обязательств. Первые хотели сохранить примат правового государства, которое явилось бы гарантом социального (с ограниченными социальными гарантиями ввиду тяже-

лого экономического положения). Вторые тяготели к модели социального государства с социалистическим устройством общества. В итоге компромисса была принята концепция «социального рыночного хозяйства», включающая рыночную экономику и развитое социальное государство. В отличие от «государства всеобщего благосостояния», целью «социального государства» немецкого образца является не максимально возможное перераспределение доходов, а проведение такой социальной политики, которая обеспечила бы *необходимые условия* для реализации личностью её способностей, позволяющих самостоятельно заботиться о себе и создавать блага, а также формирование институтов, содействующих такой реализации [13]. «Социальное государство» нацелено на осуществление *минимально необходимого* перераспределения доходов для корректировки возникающих сбоев в работе рыночного механизма. На практике эта концепция реализовалась за счёт комплексной и многоплановой системы социальной защиты, обеспечивая относительно устойчивое социальное развитие.

Стержнем системы социального обеспечения в Германии является *обязательное социальное страхование*. Оно включает пять видов различных государственных страховых договоров: медицинское страхование; пенсионное страхование; страхование от последствий несчастного случая на производстве; страхование на случай потери работы; страхование на случай возникновения необходимости в уходе по болезни или старости. В этой системе действует ряд базовых принципов. Один из них – это принцип *субсидиарности*, который наделяет государственностью не только федерацию, но и каждый ее субъект (ст. 28 основного закона). Он устанавливает, что там, где это возможно, полномочия вначале предоставляются самым низшим звеньям управления; и только в случае, если задача не может быть ими решена должным образом, она передается «выше». В ФРГ выделено три уровня распределения социальных полномочий: федеральный, земельный и уровень коммун. Основным законом (бундом) законодательные полномочия закреплены преимущественно за федеративными органами власти [11, s. 43, 108]. Влияние федеральных органов обусловлено также их финансовыми возможностями, правом создавать в социальной сфере новые учреждения с низовой сетью и сотрудничать с ними. Федеральные власти могут через бундесрат и бундестаг добиваться расширения их полномочий в социальной сфере. Основным законом за бундом закреплены компетенции по вовлечению граждан в систему обязательного страхования и контроль за внесением ими взносов [14, s. 98, 100, 102 – 103, 108].

Но земли обладают все же некоторыми законодательными компетенциями в социальной сфере. Они формируют *школьное законодательство*, имеют право дополнять федеральные законы. Они получают законодательные полномочия, которые не используются федерацией. В ФРГ практикуется прямая передача федерацией части полномочий ландтагам. Земли имеют приоритет в регулировании добровольных инициатив и инновационных видов социальной деятельности [14, s. 113, 116 – 117, 119]. Значимость земель в социально-политической сфере определяется также

тем, что именно они осуществляют реальную политику на своих территориях, исполняя, как федеральные, так и местные программы. Они имеют в качестве финансового ресурса земельные бюджеты, формируемые из налогов. Коммуны в законодательном процессе не участвуют, но могут влиять на него через свои головные союзы, такие как Немецкий съезд городов, Немецкий союз городов и коммун и др. Они наиболее близки к гражданам, предоставляют им помощь, опеку и надзор.

Принцип *солидарности* является основным для всех видов обязательного социального обеспечения. Он базируется на так называемом «договоре поколений», обязывая ныне работающее поколение платить взносы в пенсионные кассы в расчете на то, что грядущее поколение проявит такое же попечение о нем самом. Так, солидарность проявляют обеспеченные граждане, которые несут расходы за малоимущих, здоровые – за больных. Распределение нагрузки на всех снижает тяжесть возможных последствий для отдельного человека. Внесшие взносы совместно финансируют страховые услуги и тем самым приобретают право на получение услуг при наступлении страхового случая. Такой подход даёт возможность обеспечивать социальную защиту всем, не перекладывая ответственность на плечи государства и не вверяя ему заботу о себе персонально. Этот принцип олицетворяет социальную справедливость («один за всех, все за одного») [15].

В системе социального обеспечения Германии действует также принцип *эквивалентности*. Он устанавливает зависимость размера социальных выплат от суммы страховых взносов. Немецкое законодательство обязывает практически всех наемных рабочих стать страхователями, а всех работодателей – страховщиками. Те и другие обязаны в равных долях делать отчисления в страховые кассы. Самостоятельные предприниматели, как крупные, так и мелкие, платят за себя взносы полностью. Результатом воздействия принципа *обязательности* явился широкий круг застрахованных лиц в ФРГ: около 90 % всего населения имеет медицинскую страховку и страховку на случай необходимости в уходе по болезни или старости. Государственным пенсионным страхованием в ФРГ охвачено 80 % населения в возрасте от 20 до 65 лет. Все работающие полностью застрахованы от несчастного случая на производстве. Преобладающая часть трудящихся имеет страховку от риска безработицы [16, s. 291 – 292]. Система социального обеспечения со времен Бисмарка является *самоуправляющейся*. Органы ее управления являются выборными и состоят из представителей работодателей и работников. Государство осуществляет функцию надзора и контроля за органами управления.

Германии наряду с обязательным, государственным страхованием существует частная и корпоративная системы страхования. Хотя они развиваются, обретая популярность среди более обеспеченных слоев, но в настоящее время имеют вспомогательное значение. Частным медицинским страхованием ныне охвачено 8 % населения – это около 7 млн человек [16].

Существуют различные взгляды на этапы развития системы социального обеспечения ФРГ, сложив-

шейся в 1957 г. Но в целом авторы указывают на ее динамичное развитие до кризиса 1966 – 1967 гг., что было обусловлено весьма благоприятной экономической конъюнктурой в стране. До середины 1970-х гг. она демонстрировала способность модернизироваться. Далее перешла в состояние стагнации, а с конца 1980 гг., особенно в первой половине 1990-х гг., оказалась подверженной острым кризисным явлениям. Нынешний этап развития системы социального обеспечения отмечен болезненной перестройкой, нередко связанной с демонтажем некоторых ее гарантий.

После отставки канцлера Л. Эрхарда в социальной политике произошел поворот к кейнсианским методам экономического стимулирования. С этого времени социальные расходы уже не уменьшались в абсолютных показателях, а государство взяло на себя роль распределителя национального дохода. Социальные привилегии трудящихся были объявлены неприкосновенными, а набор социальных услуг постоянно рос вне зависимости от экономической конъюнктуры. Промышленные рабочие перестали быть приоритетной группой системы социального обеспечения. После 1957 г. страхование было распространено на чиновников, лиц с неполной занятостью, «самостоятельных» хозяев, творческую интеллигенцию, занятых в аграрном секторе и др. Система социального обеспечения, сложившаяся в 1957 г. интенсивно развивалась, конкретизировалась, приспособляясь к потребностям высоко индустриализованного, затем информационного общества. За полвека – с 1957 по 2007 гг. бундестаг принял около 70 законов, дополнений и поправок к ним, регулирующих социальные отношения [9, s. 44 – 46]. В 1976 – 2003 гг. была проведена *систематизация* социального законодательства, составившего 12 томов. Важной реформой в системе социального обеспечения явилось создание ее *пятой* опоры: после многолетних дискуссий, в 1994 г. христианско-либеральная коалиция в бундестаге приняла закон об обязательном страховании на случай нужды в уходе в рамках системы медицинского страхования. Закон вступил в силу в 1996 г. Ранее помощь оказывалась за счет средств государства.

Германское социальное государство на протяжении десятилетий считалось одним из лучших в мире, гарантируя высокое качество услуг. Но как отмечалось, с конца 1980-х гг. система, являвшаяся результатом послевоенного развития, начала давать сильные сбои. Они явились результатом комплекса факторов. Одним из них стало объединение Германии. Эксперты полагали, что экономическая реконструкция восточных земель продлится 2 – 3 года и для нее будет достаточно 115 млрд марок. Однако совокупные инвестиции в новые земли в 1991 – 2008 гг. составили 1309,6 млрд евро, а поставленные задачи не достигнуты. В 2005 г. правительство было вынуждено принять «Пакт солидарности II», который гарантирует Восточной Германии до 2019 г. еще 156 млрд евро [17, с. 6].

С 1980-х гг. Германия, приспособляясь к потребностям глобального рынка, проводит структурную перестройку экономики, которая требует все новых инвестиций. Она связана с реструктуризацией рынка труда, создав контингент безработных. Уже в

1980-е гг. их число в Германии составило 2 млн человек. В 1990 – 2000-е гг. уровень безработицы неуклонно повышался, достигнув пика в 2003 – 2006 гг. (5 млн человек). Некоторое сокращение ее в 2007 – 2008 гг. нивелировалось экономическим кризисом. В 2009 г. безработными оставались 3,5 млн человек, в 2012 г. – 2,91 млн [18]. Более массовой безработица остается в восточных землях ФРГ, среди женщин и молодежи. Г. Шредер назвал безработицу «проблемой века».

На хронический кризис системы социального обеспечения влияет демографическая ситуация в стране, которой присуще падение рождаемости в сочетании с ростом средней продолжительности жизни. Статистика 2011 г. свидетельствует, что у женщин она равна 82,5 годам, а у мужчин 77,5 годам. В 1960 г. средний пенсионер получал пенсию 10 лет, в 2000-е гг. этот показатель составлял 15 лет для мужчин и 20 для женщин. В составе населения быстро снижается доля молодежи. Если в 1960 г. доля молодых людей в возрасте до 20 лет составляла 28,4 %, а пожилых людей старше 60 лет – 26,3 %, то в 2010 г. она представляла соотношение: 18,4 % и 26,3 %. По прогнозам на 2030 г. это соотношение составит 16,7 % к 36,2 % [19]. Драматическая ситуация в Германии сложилась с рождаемостью. В 1960 г. на территории германских государств родилось почти 1,262 млн детей, а 2011 год стал годом с самой низкой послевоенной рождаемостью (662,7 тыс. младенцев). Из жительниц Западной Германии 30 – 34 лет в 2008 г. 48,3 % не имели ни одного ребенка, на Востоке эта квота составляла 32,9 %. Многие семьи сознательно не заводят детей, растет число одиноких людей. Эти процессы сокращают возможности государства поддерживать систему социального обеспечения, которая все чаще испытывает дефицит средств. Кроме указанного большой нагрузкой на госбюджет ФРГ стали расходы на адаптацию и интеграцию ряда групп иммигрантов, а также необходимость масштабно участвовать в финансировании стабилизационного фонда ЕС в годы экономического кризиса и пр.

Реформу системы социального обеспечения начали обсуждать еще в 1980-е гг., но реально к ней приступили после объединения Германии. Приход к власти «красно-зеленой» коалиции во главе со Шредером ознаменовался поворотом от неокейсианской политики к неолиберализму, провозглашенному им в совместном манифесте с Т. Блером в декабре 1999 г. Канцлер заявил о необходимости повысить уровень конкурентоспособности рыночной экономики ФРГ, создать благоприятный климат для предпринимательства. Модернизация социального государства должна быть сопряжена с отказом от «массированной государственной интервенции в стиле 1970-х гг.», со снижением расходов на него. В манифесте был сделан упор на развитие личной ответственности граждан, на проявление ими большей инициативы и творчества. Предлагалась новая инвестиционная и налоговая политика, стимулирующая активность предпринимателей и работающих.

В настоящем основными шагами реформы системы социального обеспечения стали повышение пенсионного возраста до 65 лет (далее до 67), отмена так называемой динамической пенсии, сочетание государственного и частного страхования, развитие корпоративных пенсий. Проводятся мероприятия по обеспечению неполной занятости для женщин, инвалидов, безработных. На рынке труда действует так называемый Хартц IV – закон, вызывающий резкую критику, в том числе участников правящей коалиции – СвДП. Он строго регулирует правила получения пособий, создавая одновременно большое количество бюрократических препятствий. Сокращается срок получения пособия по безработице, которое заменяется меньшей по размеру социальной помощью. Кроме того ее получение зависит от принятия условий занятости, диктуемых рынком. Ставится вопрос об ограничении тарифной автономии профсоюзов. В целом реформа социального государства это длительный процесс, рассчитанный на десятилетия и вызывающий столкновения различных общественно-политических сил Германии.

Литература

1. Цит. по: Кочеткова, Л. Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна / Л. Н. Кочеткова. – Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/130203> (дата обращения: 5.12.2012).
2. Принципы и модели социального государства. – Режим доступа: <http://webarhimed.ru/page-627.html> (дата обращения: 5.12.2012).
3. Теория государственного социализма. – Режим доступа: <http://www.istoriya.org/economy/89-alternative/-321-socializm.html> (дата обращения: 5.12.2012).
4. История Германии: учебное пособие: в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – 592 с.
5. Handbuch der Geschichte der Sozialpolitik im Deutschen Kaiserreich (1871 – 1918). – München, 1996.
6. Butterwege Chr. Krise und Zukunft des Sozialstaates. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2012.
7. Schmidt, C. Zwischen Bürgerfrieden und Klassenkampf 1914 – 1918 / C. Schmidt. – Sozialpolitik und Kriegsgesellschaft in Dresden. O. o, 2007.
8. Дабкин, Я. С. Становление Веймарской республики / Я. С. Дабкин. – М.: Наука, 1978. – 374 с.
9. Neumann, L.-F. Die Sozialordnung der Bundesrepublik Deutschland. Fr. a. / L. F. Neumann, K. Schaper. – Campus Verlag, 2008.
10. Морозова, М. Р. Этапы формирования социального государства в ФРГ / М. Р. Морозова. – Режим доступа: <http://ebiblioteka.ru/browse/doc/12094396> (дата обращения: 5.12.2012).
11. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2010.

12. Дашкевич, В. В. Развитие идеи «социального государства» / В. В. Дашкевич // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 4.
13. Синицын, М. В. Основные черты германской модели социальной политики. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/16209838/> (дата обращения: 5.12.2012).
14. Münch, U. Sozialpolitik und Föderalismus / U. Münch. – Opladen: Leske+Budrich, 1997.
15. Система социального страхования в Германии. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/bank/002007-48_0.html (дата обращения: 5.12.2012).
16. Bäcker, G. u.a. Sozialpolitik und soziale Lage in Deutschland. 5. Auflage / G. Bäcker. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2010.
17. 20 deutsche Jahre – 1990 bis 2010 – Ein Rückblick auf zwei bewegende Jahrzehnte // de – Magazin Deutschland. – 2010. – №. 3.
18. Вести Экономика. Безработица в Германии в сентябре 2012 г. составила 6,8 %, сообщило Федеральное агентство по трудоустройству ФРГ. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/17658> (дата обращения: 5.12.2012).
19. Половозрастная структура в Германии. – Режим доступа: <http://www.de/nachschlagen/zahlen-und-fakten/-soziale-situation-in-deutschland/61541/altersstruktur> (дата обращения: 5.12.2012).

Информация об авторе:

Супрыгина Галина Гавриловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики ИФ ТГУ, : 8(3822)52-84-96, askis@ultranet.tomsk.ru.

Galina G. Suprygina – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of World Politics, Tomsk State University.

УДК 930:94 (430).085

«КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» КАК ФЕНОМЕН ПРАВОГО МОДЕРНА В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

О. Э. Терехов

«CONSERVATIVE REVOLUTION» AS A PHENOMENON OF RIGHT WING MODERNISM IN WEIMAR REPUBLIC IN GERMAN HISTORIOGRAPHY

O. E. Terekhov

В статье анализируется оценка германскими исследователями проблемы феномена «консервативной революции» как выражения идеологии праворадикального модерна в Веймарской Германии.

The paper discusses German researchers' estimations of «Conservative Revolution» phenomenon as an expression of right radical modernism ideology in Weimar Germany.

Ключевые слова: «консервативная революция», германская историография, модерн.

Keywords: Conservative Revolution, German historiography, modernity.

Видный германский исследователь Д. Пойкерт озаглавил свою книгу по истории Веймарской республики «Веймар. Кризисные годы классического модерна» [9]. В этом заглавии Пойкерт довольно точно отразил суть процессов, происходивших в первой немецкой республике. Веймарская республика являлась сосредоточием глубоких и зачастую несовместимых друг с другом противоречий. Эти противоречия были отягощены общеевропейскими тенденциями формирования современного позднеиндустриального общества. В Веймарской республике параллельно существовали и развивались, на первый взгляд, несовместимы тенденции – глубокая архаика и самые передовые инновации в политике, культуре, экономике.

По существу 14 коротких лет существования республики пришлось на высшую точку подъема европейского кризиса классического модерна или периода «рефлексивной модернизации», по словам известного германского социолога У. Бека [6], под которой он понимал кризис модерна, то есть такую ситуацию, ко-

гда модерн становится проблемой для самого себя и требует переосмысления своих базовых основ. Первые признаки того, что европейский модерн становится проблемой для самого себя появились в конце XIX в. Первая мировая война катализировала процесс «рефлексивной модернизации». Именно на 1920-е – 1930-е гг. приходится пик духовного и общественно-политического кризиса в Европе, в рамках которого рождалась современная нам ситуация. В свою очередь «рефлексивная модернизация» расширила интеллектуальные возможности познания окружающей действительности.

Идеология немецкой «консервативной революции» во многом уникальное интеллектуальное явление в истории Германии XX столетия. Парадоксально уже само словосочетание «консервативная революция», вобравшее в себя казалось бы несовместимые смысловые и лексические единицы. Парадоксальна была и та мировоззренческая и идеологическая система, которую она выражала. Феномен «консерватив-

ной революции» возник в Германии на пике общественно-политического кризиса 1918/1919 гг. Поражение кайзеровского рейха в Первой мировой войне, Ноябрьская революция, учреждение демократической Веймарской республики, Версальский мирный договор нарушили привычный жизненный уклад немецкого общества и перевернули общественные представления немцев.

В условиях краха идеологии традиционного германского консерватизма начинается раскол внутри лагеря германских консерваторов. Представители молодого и частично среднего поколения немецких консерваторов выступили против возвращения к традиционной консервативной идеологии и политики, что привело к появлению младоконсервативного движения, которое поставило своей целью привести в соответствие с современностью основные идеи и цели немецкого консерватизма. Фактически «консервативная революция» была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера в условиях межвоенного кризиса европейского модерна.

В трудах ведущих представителей «консервативной революции» О. Шпенглера, А. Мёллера ванн ден Брука, Э. Юнгера, К. Шмитта и др. отразились различные теоретические и идейные аспекты периода «рефлексивной модернизации». Такие произведения как «Закат Европы» О. Шпенглера [3; 4], «Рабочий» Э. Юнгера [5], «Понятие политического» К. Шмитта [2, с. 37–67] вызвали не только общественно-политический резонанс, но и широкую научную дискуссию. «Консервативные революционеры» сформировали правый интеллектуальный фронт «рефлексивной модернизации», в котором любое проявление принципов рационализма, веры в прогресс и т. д. расценивалось как уловка «буржуазного разума» и подвергалось жесткой критике. Германия, как страна «поздней модернизации», особенно остро переживала эту ситуацию во всех областях жизни и культуры, а Веймарская республика считается образцом синтеза архаики и модерна.

Проблема выявления модернистских черт в идеологии «консервативной революции» неоднократно привлекала внимание немецких исследователей. К. Волльнхальс в статье «Шпенглер и национал-социализм. Дилемма консервативного революционера» [12] пришел к выводу о том, что «консервативная революция» и национал-социализм были антиконсервативными идеологическими течениями в той мере, в какой они отвергали христианско фундированный консерватизм. По мнению Волльнхальса, оба направления германского радикального консерватизма можно отнести к проявлению феномена фашизма, возникшего как оборонительная реакция буржуазии после Первой мировой войны [12, с. 301]. Впоследствии Волльнхальс несколько изменил свою точку зрения на феномен «консервативной революции», под которой предложил понимать направление немецкого консерватизма в Веймарской республике отличное по форме и содержанию от традиционного консерватизма. Суть «консервативной революции» может быть выражена понятием «реакционный модернизм». Идейные истоки «консервативной революции» находятся в идеоло-

гии и практике военного национализма периода Первой мировой войны, стремившегося соединить идеи модернизации, технократии и социализма [13, с. 137].

Одной из первых попыток рассмотреть историю «консервативной революции» в контексте ее модернистской сущности принадлежала перу немецкого исследователя греческого происхождения, человека левых политических убеждений П. Кондилиса, который в своей известной работе по истории возникновения и развития европейского консерватизма довел до логического завершения особенности историко-социологического подхода в изучении консерватизма [8]. Кондилис определял консерватизм не как историческое или антропологическое явление, а как «конкретное социологическое и историческое явление, связанное с определенным временем и местом» [8, с. 11]. Он утверждал, что консерватизм как феномен ушел в историю вместе с уходом с идеологической и политической сцены аристократии. Идейно-политические феномены, которые мы называем консерватизмом, применительно к правым течениям конца XIX – XX веков имеют с ним мало общего, а являются выражением ортодоксального либерализма или буржуазной реакцией.

В подобной исследовательской перспективе немецкая «консервативная революция» предстает как реакция буржуазии на послевоенный кризис. Кондилис связывал процесс радикализации большей части германской буржуазии в Веймарской республике не с каким-либо поиском особого «немецкого исторического пути» или проявлением особого «пруссского» духа, а с особенностями внутри- и внешнеполитического положения Германии после 1918 года [8, с. 469]. Без военного поражения Германии от либерально-парламентских держав Запада, без подписания Версальского мирного договора не было бы необходимости в идеологии «консервативной революции». Характерной чертой идеологии германской радикальной буржуазии было сильное влияние на нее национальных мифов и легенд, переработанных идеологией фёлькише, культурпессимизма Ницше, социал-дарвинизма и национальной проблемы «модными» интеллектуальными течениями эпохи рефлексивной модернизации «Сильное авторитарное государство, какую бы форму оно ни приняло, должно было полностью или частично устранить парламентаризм и вместе с ним политический либерализм, чтобы сохранить либерализм экономический» – резюмирует он [8, с. 489].

Кондилис отмечает фрагментарность идеологии «консервативной революции», которая, по его мнению, не была целостной. Ее характерной чертой являлось то, что важнейшие вопросы трактовались не столько на теоретическом уровне, а сколько в публицистической и литературной манере. Исходной точкой рассуждений «консервативных революционеров» были не конкретные социально-политические проблемы, выраженные в теоретической форме, а сугубо национальные заботы Германии: страны между Востоком и Западом, между капитализмом и коммунизмом, находящейся между поражением и новым подъемом [8, с. 475].

Кондилис обозначает следующие признаки различия «консервативной революции» и классического консерватизма:

1) ориентация «консервативных революционеров» на узко национальную проблематику, что противоречит поискам классического консерватизма основ универсального и божественно санкционированного порядка;

2) фёлькишеская ориентация национальной мысли «консервативных революционеров» была продуктом распада классического консерватизма, который иначе понимал и представлял национально организованное и иерархически унифицированное общество;

3) ориентация «консервативной революции» на современность и будущее, тогда как классический консерватизм был целиком обращен в прошлое, в «золотой век» аристократии [8, s. 475 – 477].

Кондилис также ставит проблему сущности «консервативной революции», а именно насколько она была революционной и насколько консервативной. Революционной она была, с его точки зрения в том смысле, что хотела разрыва с буржуазно-либеральной и социалистической современностью. Консервативной она может считаться: во-первых, в связи с критикой политического и социального либерализма, но не либерализма экономического. Во-вторых, в связи с антикоммунистической направленностью. «Консервативные революционеры» отвергали деление общества на классы и воспринимали его как единое целое, как нацию. Националистические и авторитарно ориентированные концепции государства в идеологии «консервативной революции» базировались на идеях экономического неолиберализма. В этом Кондилис усматривает идеологическую асимметрию «консервативной революции», которая вобрала идеи фёлькишеско-корпоративного и, одновременно, экономико-либерального представления о государстве.

П. Кондилис в контексте своих представлений о «консервативной революции» как проявлении идеологии реакционной либеральной буржуазии, тем не менее, признает существование ряда отличий между различными ее направлениями. Кондилис выделяет в «консервативной революции» два главных направления: «правое» и «левое». Сторонники «правого» направления ориентировались на синтез христианства, либерализма и некоторых идей кайзеровского рейха. В частности Кондилис считал А. Мёллера ван ден Брука наиболее репрезентативной фигурой идейного континуитета между «консервативной революцией» и немецким консерватизмом кайзеровской эпохи. Сторонники «левого» разрабатывали утопические социальные проекты. Но оба направления ставили в центр своих идейных исканий национальный вопрос и проблему национализма. Оба направления использовали антизападный аффект и были антидемократического и антипарламентского характера. В обоих направлениях проявлялись этические мотивы: нигилизм, героический реализм. И, наконец, оба направления использовали соответствующую однотипную идеологическую и политическую лексику [8, s. 479 – 480].

Ш. Бройер выделяет два этапа европейской модернизации простой и рефлексивный. Первый сформировал классическое буржуазное рыночное общество.

Второй явился итогом кризиса буржуазного сознания конца XIX – начала XX вв. и был предпосылкой перехода к индустриальному массовому обществу [7, s. 15 – 16]. В силу специфики исторических условий процесс модернизации в Германии протекал крайне болезненно. Благодаря ускоренному экономическому развитию, начавшемуся после объединения страны, простая модернизация накладывалась на рефлексивную, что порождало системный кризис общественного сознания немцев. В этом он усматривает суть идеологии «консервативной революции». Однако, как полагает Бройер, несмотря на трудности и противоречия модернизации, немцы уже к концу XIX века были в целом буржуазной нацией, а принципы буржуазного политического сознания глубоко укоренились среди правящей элиты, в том числе и в её консервативных кругах [7, s. 23].

Возникновение идеологии «консервативной революции» стало возможно, согласно Бройеру, в результате острого кризиса буржуазного сознания и процесса модернизации в Германии в ходе Первой мировой войны. Не меньшее значение для появления «консервативной революции» имело психологическое и ментальное единство ее деятелей, принадлежащих в своем большинстве к одному поколению образованных юношей из буржуазных семей [7, s. 47 – 48]. Крах прежнего мира, отступление немецкой культуры перед натиском западной цивилизации, острое переживание неустойчивости модерна – с одной стороны, активизм, авантюризм, воля к жизни и власти – с другой, были той гремучей смесью, из состава которой формировалась идеология «консервативной революции».

В чем же, по мнению Бройера, заключалась сущность «консервативной революции» и можно ли данное явление обозначать подобным термином? Главный тезис Бройера звучит следующим образом – «консервативная революция» не была консервативна в том смысле, в каком ее понимают. Несмотря на апелляцию к традиционным формам политического сознания и использования символов немецкого консерватизма, она явственно несла черты модерна [7, s. 180]. Бройер считает, что и само понятие «консервативная революция» не совсем удачно. Оно скорее запутывает рассматриваемый феномен, нежели проясняет его. Нельзя выделить общее мировоззренческое ядро у её представителей, что исключает целостность и самого феномена. Ошибочность прежних исследовательских подходов Бройер видит в том, что все дискуссии о «консервативной революции» связывали ее исключительно с идеологией «особого немецкого пути» [7, s. 182]. В то время как она была проявлением «нового» национализма, к которому Бройер относит также и национал-социализм: национализма, рожденного в недрах массового общества, стремившегося разрушить узкоклассовые интересы «старого» консерватизма и рассматривающего нацию как единое целое. «Консервативная революция» была ни чем иным, как одним из проявлений кризиса буржуазного сознания в Веймарской Германии в форме «нового» национализма.

Подход Бройера к изучению «консервативной революции» явственно несет в себе черты историко-

социологической концепции консерватизма и сближает его позицию с точкой зрения Х. Герстенбергер и П. Кондиласа. Книга Бройера вызвала дискуссию в современной германской гуманитарной мысли по проблемам и сущности «консервативной революции» и придала новый импульс ее дальнейшему исследованию. Сформировалась своеобразная контрверза Мюллер – Бройер, как выражение двух полярных подходов в историографии «консервативной революции».

Проблема выявления модернистских черт «консервативной революции» стала лейтмотивом исследования Р. П. Зиферле. В центре его внимания находится проблема отношения «консервативных революционеров» к технике и техническому прогрессу. Техника, согласно Зиферле, является важнейшим признаком модерна. «В центре нашего исследования находится отношение «консервативной революции» к модерну, в особенности к технической цивилизации», – констатирует он [11, s. 25]. Однако Зиферле не ограничивается анализом только этой, хотя и важной, но, всё же, частной проблемы. За проявлением внешних форм «модернистского» сознания «консервативных революционеров» Зиферле пытается выявить их общее восприятие современности и дать характеристику мировоззренческих и идеологических установок радикального консерватизма в Веймарской республике.

Зиферле призывает различать в европейской истории проект модерна и реальность модерна. Он считает, что проблему модернизации следует рассматривать двояким образом: либо как процесс претворения в жизнь проекта модерна, либо как процесс становления культурной объективности (аналогично понятию «рефлексивной модернизации» у Бройера), а «консервативную революцию» и национал-социализм следует понимать как реакцию на проблемные поля современности.

Рассматривая сущность праворадикальных движений 1920 – 1930-х гг., Зиферле приходит к выводу о правомерности использования термина «консервативная революция», так как за его содержанием скрывается специфическая форма консерватизма. Зиферле предлагает следующую идеально-типическую шкалу политического ландшафта в Веймарской республике: гуманистический либерализм, марксистский социализм, «консервативная революция» [11, s. 21 – 22].

Зиферле видит истоки «консервативной революции» в реакции части крайне правых на кризис либерализма и социализма конца XIX – начала XX вв. Возникновение правого радикализма стало, по мнению Зиферле, специфическим ответом на кризис либерализма и социализма [11, s. 11]. Становление «массового общества» требовало нового опыта преодоления политических конфликтов. «Консервативная революция» бала специфическим ответом справа на проблему влияния технической цивилизации на традиционные ценности. Этот ответ основывался не на радикальной критике техники, а на попытке её революционного преодоления. Подводя итог своим размышлениям, Зиферле высказывает, на наш взгляд, весьма интересную идею о том, что «консервативная революция» и национал-социализм были направле-

ниями не альтернативными модерну, а проектами альтернативного модерна [11, s. 221]. Эта мысль Зиферле созвучна взглядам известного современного немецкого философа Питера Козловского, также говорившего об альтернативности проектов модерна [1, s. 7 – 8].

Томас Рокрэммер предложил рассматривать анти-модернистские тенденции в Германии конца XIX первой трети XX вв. не в контексте проявления идеологии различных реакционных движений, а как естественную реакцию на кризис процесса модернизации [10]. Он выстраивает свое исследование вокруг правых концепций критики цивилизации и модерна, которые признавали факт индустриализации и технизации современного мира и в рамках этого признания пытались разрабатывать свои альтернативные проекты понимания современности. По мнению Рокрэммера реконструкция антицивилизационных идей германских правых неизбежно ведет к дискуссии о сущности модерна.

Рокрэммер отмечает неоднозначность смыслового содержания термина «консервативная революция», но который, на его взгляд, тем не менее, придает некую целостность противоречивому характеру феномена скрывающегося за ним. Рокрэммер полагает, что «консервативная революция» не была консервативной в общепринятом смысле этого слова, но ее следует считать консервативной вследствие тех, идеалов которые она проповедовала: стабильного, основанного на неизменных ценностях и традициях общественного устройства. В этой связи Рокрэммер считает оправданным для более точного определения феномена «консервативной революции» использовать понятие «реакционный модерн», под которым он подразумевал представителей экстремистского крыла немецких правых в Веймарской республике «консервативных революционеров» и национал-социалистов. «Реакционные модернисты» проповедовали идею другого модерна, противоположного буржуазно-либеральному пониманию прогресса. Они были реакционны в выражении своей антидемократической политической ориентации, но современны в желании использовать достижения цивилизации в своих целях. «Консервативные революционеры» не питали иллюзий относительно возможности возврата к предполитическому довоенному состоянию немецкого общества, а пытались искать форму общественного устройства способную, по их мнению, одновременно быть и современной, и альтернативной буржуазно-либеральному пониманию модерна.

Германская историография рассматривает «консервативную революцию» как одну из форм идеологии эпохи «массового общества», которая в образе праворадикального модерна, предлагала альтернативную буржуазно-либеральной и социал-реформистской модель современности. Для Германии 1920-х гг., и особенно 1933 – 1945 гг., этот образ стал реальной исторической альтернативой.

Литература

1. Козловский, П. Миф о модерне: поэтическая философия Э. Юнгера: [пер. с нем.] / П. Козловский – М.: Республика, 2002. – 239 с.
2. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – № 1.
3. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – Т. 1: Гештальт и действительность: [пер. с нем.] / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
4. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы: [пер. с нем.] / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.
5. Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли: [пер. с нем.] / Э. Юнгер. – СПб.: Наука, 2000. – 539 с.
6. Beck, U. Die Erfindung des Politischen: zu einer Theorie reflexiver Modernisierung / U. Beck. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993. – 302 s.
7. Breuer, S. Anatomie der Konservativen Revolution / S. Breuer. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. – 232 s.
8. Kondyles, P. Konservativismus. Geschichtlicher Gehalt und Untergang / P. Kondyles. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1986. – 553 s.
9. Peukert, D. Die Weimarer Republik. Krisenjahre der klassischen Moderne / D. Peuker. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1987. – 313 s.
10. Rohkrämer, Th. Eine andere Moderne? Zivilisationskritik, Natur und Technik in Deutschland 1880 – 1933 / Th. Rohkrämer. – Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1999. – 404 s.
11. Sieferle, R. P. Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer / R. P. Sieferle. – Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1995. – 250 s.
12. Vollnhals, C. Oswald Spengler und Nationalsozialismus. Das Dilemma eines konservativen Revolutionärs / C. Vollnhals // Jahrbuch des Instituts für Deutsche Geschichte, Tel Aviv 13. – 1984.
13. Vollnhals, C. Praeceptor Germaniae. Spenglers politische Publizistik / C. Vollnhals // Völkische Bewegung – Konservative Revolution – Nationalsozialismus. Aspekte einer politisierten Kultur / Hrsg. von W. Schmitz, C. Vollnhals. – Dresden: Universitätsverlag, 2005. – S. 117 – 137.

Информация об авторе:

Терехов Олег Эдуардович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, 8-384-2-58-06-01, terehov1968@mail.ru.

Oleg E. Terekhov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

УДК 94(100) «05/16–18»

Н. ЭЛИАС О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСТАНОВКАХ ФРАНЦУЗСКОЙ АРИСТОКРАТИИ В ЭПОХУ АБСОЛЮТИЗМА

О. Н. Терехова

N. ELIAS ON SOCIOCULTURAL ATTITUDES OF THE FRENCH ARISTOCRACY OF THE ABSOLUTE MONARCHY PERIOD

O. N. Terekhova

В статье рассматриваются взгляды немецкого историка и социолога Н. Элиаса (1897 – 1990) на французскую аристократию в эпоху абсолютной монархии. Автор выделяет социокультурные установки и поведенческие особенности французской аристократии, выявляет причины их эволюции в XVII – XVIII в. в трактовке Н. Элиаса.

The paper discusses the views of German historian and sociologist N. Elias (1897 – 1990) on the French aristocracy of the absolute monarchy period. The author identifies sociocultural attitudes and behavioural features of the French aristocracy and reveals the reasons of their evolution in the 17th -18th centuries as interpreted by N. Elias.

Ключевые слова: Н. Элиас, абсолютизм, французская аристократия, социокультурные установки и поведенческие особенности французской аристократии.

Keywords: N. Elias, absolutism, French aristocracy, sociocultural attitudes and behavioural features of the French aristocracy.

Время абсолютной монархии во Франции стало переходной эпохой, для которой было характерно сочетание элементов прошлого и будущего. В течение XVI – XVIII вв. изменяются экономические, социаль-

ные, политические и духовные основы государства и общества. Особое значение приобрела эволюция менталитета человека и повседневной жизни. Французское общество переживает смену общественного уклада, в нем наблюдается наслоение разных систем ценностей, отсутствие единых представлений об основных этических категориях.

Анализ социокультурных установок, поведенческих особенностей и повседневной жизни французской аристократии эпохи абсолютизма еще в 30-х гг. XX в. предпринял немецкий социолог, один из ведущих представителей исторической социологии и интеграционного подхода в социологии Норберт Элиас (1897 – 1990 гг.). С 1930 г. Н. Элиас три года работал над темой, посвященной социологии придворного общества эпохи абсолютизма. Однако приход к власти в Германии национал-социалистов вынудил Н. Элиаса оставить работу над этой книгой, которую он задумывал как докторскую диссертацию, и в 1935 г. эмигрировать в Лондон. Ему пришлось столкнуться с непониманием его идей, за время работы в Великобритании ни одна из его книг не была переведена на английский язык. Это было связано не только с новаторскими идеями Н. Элиаса, но и с общим угасанием интереса к методам социологического исследования истории. Ситуация стала меняться только в 60-х гг. XX в. Труды, написанные им еще в 30-е гг., стали приобретать популярность в Германии и Голландии. Работа под названием «Придворное общество» была опубликована в 1969 г., а ее перевод на русский язык был осуществлен и издан в 2002 г. [1].

Теоретико-методологические взгляды Н. Элиаса и его историческая социология формировались в эпоху кризиса классического историзма. Он был убежден в том, что время событийной истории и традиционной политической истории прошло. Н. Элиас считал, что «...мы получим не только неполную, но и искаженную картину истории, если ограничимся тем, что истоки блеска эпохи Людовика XIV или – тем более – происхождения королевского двора и корни политики французского государства станем искать в неповторимой индивидуальности отдельных лиц» [1, с. 37].

Полемизируя с современной ему исторической наукой, Н. Элиас воспринял идею слитности развития общества и развития личности. Концепция Н. Элиаса стала продолжением идей выдающихся немецких социологов начала XX в. М. Вебера (1864 – 1920 гг.) и В. Зомбарта (1863 – 1941 гг.), на которых в своей книге он часто ссылается и приводит их цитаты.

Историко-социологическая концепция Н. Элиаса строится на понятии фигураций, которое он же и ввел в научный оборот [2]. Под фигурациями, он понимает, социальные процессы и социальные связи, в которых люди тесно взаимодействуют друг с другом. Н. Элиас считает, что фигурации понятие не статичное, а динамичное. Фигурации постоянно изменяются и имеют свой неповторимый облик как на макроуровне, так и на микроуровне. Задача исторической социологии, по мнению Н. Элиаса, заключается в изучении причин складывания и механизма трансформации той или иной фигурации [1, с. 38 – 41].

Предметом изучения в труде «Придворное общество» стали королевский двор и придворная аристо-

кратия, согласно Н. Элиасу, одна из центральных фигураций эпохи европейского абсолютизма. Ее идеально-типической моделью для Н. Элиаса выступает французский двор, и прежде всего эпохи Людовика XIV (1643 – 1715 гг.). В своем исследовании Н. Элиас опирался на знаменитые мемуары герцога Луи де Сен-Симона (1675 – 1755 гг.), ставшие своеобразной энциклопедией жизни аристократии и анатомией придворного общества времен Людовика XIV.

Это неслучайно, как общеизвестно, двор Людовика XIV являлся образцом для всей Европы, был своеобразной моделью обязательной для подражания. Британско-американский историк и социолог Перри Андерсон отмечал, что французский абсолютизм «достиг своего институционального апофеоза в последние десятилетия XVII в. Структура государства и культура гармоничного правления, достигшая совершенства в правление Людовика XIV, стала моделью для остальной аристократии Европы: Испания, Португалия, Пьемонт и Пруссия были только наиболее очевидными примерами его влияния» [3, с. 96].

Н. Элиас, анализируя поведение и социальные связи аристократии, исходит из убеждения, что «даже человек, облеченный такой полнотой власти, как Людовик XIV, не был свободен в каком-либо абсолютном смысле слова» [1, с. 44] и его поведение было обусловлено статусным положением в обществе и государстве.

Эпоха абсолютной монархии во Франции стала, с одной стороны, временем роскоши, демонстрируемой королем и придворной аристократией, а с другой стороны, временем безудержных трат и разорений.

Одной из важнейших социально-поведенческих установок аристократии стало ее отношение к роскоши. Н. Элиас, опираясь на идеи М. Вебера, определял понимание аристократом «роскоши» не как излишества, а как «одно из средств его социального самоутверждения» [1, с. 53].

Визуально такое понимание получает реализацию в обустройстве домов и поведении аристократии. Примером в этом вопросе выступала сама королевская власть. Франциск I (1515 – 1547 гг.) занялся расширением, перестройкой и строительством королевских замков по всей стране. Важными политическими центрами в дальнейшем станут замки Луары – Шамбор, Шинон, Шенонсо, Фонтенбло, Лувр. Символом роскоши и визуальным олицетворением французского абсолютизма стал Версаль. Строения и парк Версали были образцом для парадных загородных резиденций европейских монархов и аристократии, и многие дворцы Европы были построены по его мотивам: замок Сан-Суси в Потсдаме, Шёнбрунн в Вене, Большие дворцы в Петергофе и Гатчине, а также другие дворцы на территории Германии, Австрии и Италии.

В третьей главе «Придворного общества» Н. Элиас, начиная с Версали, представляет детальный анализ устройства и функционирования аристократических домов [1, с. 56 – 85]. Н. Элиас подчеркивает огромные размеры домов аристократии, их великолепное и дорогое убранство, многочисленный штат прислуги, обязательные приемы и визиты.

По мнению Н. Элиаса практические характеристики устройства дома аристократа отходят на второй

план по сравнению с функциями представительства и престижа. По Н. Элиасу, потребительские ценности, такие как удобство и прочность становятся главными для слоев занятых профессиональной деятельностью, а для аристократии определяющими были соображения престижа, демонстрация того, к какому слою принадлежит хозяин дома [1, с. 74]. Н. Элиас пишет, что проще говоря, «герцог должен строить свой дом так, чтобы этот дом выражал: я герцог, а не какой-нибудь граф» [1, с. 82].

Результат такого социального поведения Н. Элиас выражает словами герцога де Круа, который сказал, что «большую часть знатных семей разорили дома» [1, с. 70]. Н. Элиас объясняя этот феномен отмечает, «то, что люди разоряются через свой дом и ради своего дома, – этого невозможно понять, пока мы не постигнем одновременно, что в этом дворянском обществе величина и пышность дома являются выражением, прежде всего, не богатства, а ранга и сословия. Внешний вид каменного дома в пространстве есть для знатного вельможи и для всего придворного общества символ положения, значения, ранга его «дома» во времени» [1, с. 130].

В аристократической среде складывается парадоксальная ситуация. Согласно Н. Элиасу придворная знать соизмеряла свои расходы «с рангом и диктуемой обществом обязанностью представлять свой ранг, а доходы – нет» [1, с. 83].

Н. Элиас замечает, что подобное отношение аристократии к роскоши в эпоху абсолютизма трансформируется и еще более усиливается в XVIII в. Причины этому явлению Н. Элиас видит в тех изменениях, которые претерпело французское общество. Н. Элиас отмечает, что у аристократии появились более сильные соперники и ей «приходится конкурировать с восходящими буржуазными слоями – прежде всего с финансистами – в манере поведения и образе жизни» [1, с. 82].

То же самое относится и ко всей манере поведения аристократии. Аристократ, утверждает Н. Элиас, «не может потерпеть, чтобы другой вел себя более погерцогски, чем он сам. Он должен следить за тем, чтобы в официальном обиходе за ним оставалось первенство перед графом» [1, с. 82].

Характеризуя смысловую функцию этикета при королевском дворе, Н. Элиас пишет о том, что «этикет не нуждается ни в каком обосновании соображения пользы» [1, с. 70]. В этикете придворное общество представляло себя для самого себя. Таким образом, главная функция этикета заключалась в репрезентации дворянством своего положения при королевском дворе и близость к королю. Н. Элиас отмечает, что, несмотря на изначально высокий социальный статус представителей придворного общества, обусловленный их социально-экономическим и политическим положением, жизнь в придворном обществе не была мирной. В нем постоянно шла борьба за престиж, за место в придворной иерархии.

Н. Элиас подчеркивает различие между социокультурными установками дворянства и буржуазии относительно понимания этикета, и главное, его повседневного выполнения. Он отмечал, что поведение буржуа определялось, прежде всего, необходимостью

профессиональной деятельности, которая требовала более или менее упорядоченного труда и высокой степени рутинизации аффектов [1, с. 143]. Люди так называемого «хорошего общества» времен *ancien regime* (фр. старый режим) не работали, не рационально вели свое домохозяйство, а празднично проводили время, что было обусловлено, согласно этикету, «важными требованиями социального общения» [1, с. 143].

На вершине всего этого царства праздной и красивой жизни находился король, с единственной разницей – король не мог социокультурно слиться со своими придворными. «Король как повелитель дворянства одновременно дистанцировался от него и как дворянин принадлежал к нему», – резюмирует Н. Элиас [1, с. 146]. «Этикет для короля – инструмент не только дистанцирования, но и господства» [1, с. 147], ибо он, согласно Н. Элиасу, считал свою персону и свое существование смыслом и целью государства, а «двор был только одним фрагментом обширной сферы господства короля» [1, с. 148].

Одной из важных социокультурных категорий придворного общества и аристократии является, по мнению Н. Элиаса, представление о «браке» и «семье». Позволим себе привести обширную цитату из Н. Элиаса, в которой он на примере функционального строения домохозяйства аристократии описывает сущность функционального строения брака представителей придворного общества. «Как мы видели, в каждом из флигелей дома, по соседству с теми их частями, которые выходят на «нижние дворы», имеется по одному «частному апартаменту»: один – это покой хозяина, другой – хозяйки дома. Первый помещается на левой, второй – на правой стороне большого двора. Оба апартамента устроены почти совершенно одинаково; спальни расположены ровно напротив друг друга. Но их разделяет целый широкий двор. И обитатели их даже в окна не видят друг друга, ибо окна обоих апартаментов обращены назад [...]. У хозяина и у хозяйки рядом с их спальнями имеется по собственному кабинету, в котором они могут принимать посетителей во время или после туалета; у обоих с этим кабинетом соседствует собственная передняя, и, разумеется, у обоих есть своя собственная гардеробная» [1, с. 65].

Как далее пишет Н. Элиас, ничто так не характеризует отношения между мужчиной и женщиной, понимание брака и семьи в аристократическом обществе, как вышеприведенное описание устройства супружеского домохозяйства. «Этот требуемый обществом минимум контактов задает в определенных точках границы для самостоятельной жизни обоих супругов» [1, с. 66]. Долг перед обществом и поддержание элементарной репутации и «чести» дома – единственное, что связывает супругов.

В этой связи Н. Элиас противопоставляет понимание семьи и брака аристократией и буржуазией в эпоху абсолютизма. Если для буржуазии, общественно легитимированные отношения между мужчиной и женщиной выражались в институте понятия «семья», то для аристократии – в понятии «дома» [1, с. 66]. Аристократический брак, согласно Н. Элиасу, не был нацелен на создание семейной жизни в буквальном смысле этого слова. «Цель брака – увеличение или по

крайне мере закрепление ранга и авторитета вступающих в брак особ как представителей своего дома. В этом свете и нужно понимать отношения между хозяином и хозяйкой дома, между знатным придворным дворянином и его женой» [1, с. 67]. Придворному обществу не интересна частная жизнь супругов, оно контролирует, прежде всего, отношения между мужем и женой как представителями своего дома в высшем обществе, все остальные нюансы семейной жизни придворному обществу безразличны.

Главное для Н. Элиаса выявить причины трансформации социокультурных установок в аристократической среде в эпоху абсолютной монархии. Н. Элиас понимает, что стремление к роскоши, этикет и стремление сохранить и подчеркнуть привилегированное положение было свойственно королевскому двору и приближенным монарха и в Средневековье, но не нашло абсолютного воплощения, определив их поведение.

Объяснение этому явлению Н. Элиас видит в трансформации французского общества и государства, в результате которой меняется и положение аристократии.

Политическое объединение Франции осуществляется со второй половины XV в. В 1477 г. королевская власть подчинила Пикардию и западную часть Бургундии, в 1481 г. – Прованс с крупным центром средиземноморской торговли – Марселем, базой в последствии торгового и военного флота, в 1491 г. – Бретань. Несмотря на то, что к концу XV в. процесс объединения в общих чертах был завершен, но территория французских земель не была окончательно унифицирована, и разные земли имели различный статус и степень подчинения королевской власти. В XVI – XVII вв. королевская власть ведет планомерное наступление на политические права аристократии. Нормандия, Гиень, Бургундия, Прованс и другие в нарушение первоначально пожалованных им хартий постепенно теряют свои традиционные права, подчиняясь королевской власти. Удельные земли – аpanажи – даются принципам крови на условиях, обеспечивающих контроль королевских учреждений над их автономной администрацией, сеньорам запрещалось чеканить монету, иметь свое войско, вести частные войны и собирать налоги.

Н. Элиас пишет, что «если бы у него была страна, которой он мог управлять, то благодаря своей реальной функции, благодаря обширности своей власти он всегда имел бы первенство перед графом. Для него и тогда было бы важно, хотя и не так необходимо выразить это первенство в общественном обиходе, ибо он находил бы себе реализацию не только таким способом. Но в абсолютистском сословном обществе различным дворянским степеням уже почти не соответствуют никакие потестарные функции. Это, в общем, только титулы, даруемые королем» [1, с. 82]. Таким образом, создание централизованного государства, усиление королевской власти и отстранение аристократии от участия в политике, создало ситуацию, при которой поддержание культа «роскоши» становится единственной возможностью выделиться и продемонстрировать свое статусное положение.

Еще одну причину пристального внимания аристократии именно к роскоши Н. Элиас видит в изменениях характера военного дела. Появление огнестрельного оружия привело к тому, что ни один замок не мог теперь устоять против артиллерии, появление ручного огнестрельного оружия сделало бессмысленным применение лат.

В эпоху Столетней войны (1337 – 1447 гг.) во Франции была заложена основа постоянной армии вооруженной огнестрельным оружием. Во второй половине XV – первой половине XVI вв. боеспособную часть французской армии составляли ордоннансовые роты, созданные на заключительном этапе Столетней войны Карлом VII (1403 – 1461 гг.). Это была первая во Франции массовая постоянная армия, получавшая регулярное жалование. Со второй половины XVI в. основной военной силой Франции становятся наёмные войска. Это были профессиональные войны, наиболее восприимчивые к достижениям техники и именно с ними широко распространяется во французской армии ручное огнестрельное оружие. Вступление Франции в Тридцатилетнюю войну (1618 – 1648 гг.) привело к необходимости проведения военных реформ и реорганизации армии, в результате которых меняется её социальный состав. Дворянство в армии времен Людовика XIV составляет уже не более 15 – 20 %. Эпоха абсолютной монархии стала временем заката феодального ополчения – бана и постепенной утраты аристократией монополии на военную сферу деятельности. Происходит постепенная трансформация, по мнению Н. Элиаса, рыцаря в галантного придворного [1, с. 191 – 192].

Все это приводит к изменению характера социальных связей, к формированию взаимосвязи и взаимозависимости между королем и аристократией. Монархи эпохи абсолютизма в отличие от средневековых королей раздавали не земли, а деньги и денежные ренты. Н. Элиас пишет «его деньги собирали вокруг себя этих людей», которых объединял и выделял из общества именно образ жизни, направляемый культом «роскоши» [1, с. 193 – 195]. Все это объединяло короля и аристократию в единое целое. Получение придворной должности обеспечивало ее держателю близость к королю, почет и социальное превосходство, за которыми стояло богатство и власть.

Процесс возникновения «придворного общества» шел в понимании Н. Элиаса в течение всего времени эпохи абсолютизма. Говоря о социогенезисе придворного аристократического общества во Франции, Н. Элиас отмечает, что его появление связано с глобальными изменениями в социальной структуре французского общества в XVI – XVIII. Родовитому дворянству, в условиях разворачивающегося процесса формирования буржуазных отношений и урбанизации, практически не оставалось выбора: либо влачить жалкое существование провинциального дворянства, либо оставаться на виду, но при этом жить в Париже и быть втянутым в ловушки придворной жизни [1, с. 263 – 264]. Трагедия дворянства заключалась в том, что, по словам Н. Элиаса, «люди, попавшие в водоворот этих великих перемен, не рассматривали свои судьбы как порождение длительного общественного процесса» [1, с. 264].

Немаловажную роль в генезисе «придворного общества» во Франции сыграли профессиональные предпочтения французского дворянства, а именно то, что во Франции дворянство по традиции всегда было нетрудящимся сословием воинов, а это изначально давало ему преимущество перед королем в период формирования абсолютизма. Королю были нужны верные «рыцари» готовые отдать за него жизнь, например, так называемое «дворянство шпаги».

Согласно Н. Элиасу, во Франции на исходе Средневековья была определена главная линия возникновения придворного общества, которая была порождена процессом смещения центра власти. В ходе растущей централизации и интеграции государства часть земельного дворянства стала формироваться в особую группу при королевской дворе – придворную знать, которая, в свою очередь, постепенно трансформировалась в социальную группу придворно-аристократического дворянства с присущими ему специфическими социокультурными функциями. Н. Элиас пишет по этому поводу: «В ходе этого преобразования взаимозависимостей между людьми более старые общественные конфигурации и группы всякий раз утрачивают свои социальные функции» [1, с. 270].

В случае с придворной знатью, аристократия и король образуют жестко социокультурно интегрированную систему абсолютистского королевского двора, а провинциальное дворянство утрачивало свое общественное, социальное, политическое и культур-

ное значение. Н. Элиас отмечает, что подобные изменения были характерны не только для Франции времен абсолютистской монархии, но и для других стран. Но специфика Франции была такова, что именно при французском абсолютизме «формируется самая крупная и многолюдная для своей эпохи придворная единица Европы» [1, с. 297].

Таким образом, в связи с трансформацией государства и общества в XVI – XVIII вв. феномен «придворного общества» стал, с одной стороны, объединяющим фактором для аристократической корпорации, а, с другой стороны, социокультурной возможностью сохранить свою специфику в качестве элитарного сословия. Это обусловило особенность абсолютизма в той же Франции. Но, нельзя не согласиться с Н. Элиасом, что социокультурный статус придворной аристократии и социальный ранг был уже не тождественен ее социальной силе. «Дворянство, – по словам Н. Элиаса, – как мы видели, было в ancien regime совершенно определено сословием наивысшего ранга, но это отнюдь не означает, что оно было самым социально могущественным сословием» [1, с. 329]. В противовес формирующемуся рационально-буржуазному этосу социокультурные установки аристократии базировались на постоянном воспроизводстве иррациональной социокультурной, политической и экономической модели поведения. В конечном итоге это обусловило ее исторический крах.

Литература

1. Элиас, Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии / Н. Элиас. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 368 с.
2. Элиас, Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования / Н. Элиас. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 382 с.
3. Андерсон, П. Родословная абсолютистского государства / П. Андерсон. – М.: Территория будущего, 2010. – 512 с.

Информация об авторе:

Терехова Оксана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков КемГУ, 8-384-2-58-33-97, terehov1968@mail.ru.

Oksana N. Terekhova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Medieval History, Kemerovo State University.

УДК 94(4)

АВСТРАЛИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЕ СООБЩЕСТВА: 50 ЛЕТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Г. В. Торопчин

AUSTRALIA AND THE EUROPEAN COMMUNITIES: 50 YEARS OF DIPLOMATIC TIES

G. V. Toropchin

Европейский вектор остаётся одним из важнейших направлений международных отношений Австралийского Союза в современности. В статье рассматривается динамика развития двусторонних отношений между Австралией и Европейскими Сообществами, а также Австралией и отдельными европейскими государствами; факторы, повлиявшие на трансформацию характера связей. Анализируются и конкретные аспекты билатерального сотрудничества.

The European vector has always been one of the most important guidelines of the Commonwealth of Australia's international relations in the modern era. The article deals with the dynamics of the evolution of bilateral relations between Australia and the European Communities as well as Australia and certain European states and the factors that

contributed to the transformation of the nature of these connections. Specific aspects of the bilateral cooperation are analysed.

Ключевые слова: Австралия, Австралийский Союз, Европа, Европейский Союз, международные отношения.

Keywords: Australia, the Commonwealth of Australia, Europe, the European Union, international relations.

2012 г. был ознаменован пятидесятилетием с момента установления официальных дипломатических отношений между Австралией и Европейскими Сообществами. Двусторонние отношения на протяжении всего периода сотрудничества характеризуются австралийской стороной как «конструктивные и прочные, <...> основанные на общей приверженности демократическим ценностям и свободам, а также на одинаковом подходе к широкому кругу международных проблем» [1]. С точки зрения ряда исследователей, например, Е. В. Есаковой [20], европейский вектор внешней политики является одним из приоритетных для Австралии в современности, наряду с азиатско-тихоокеанским. Таким образом, актуальность исследования отношений между Австралией и Европейским Союзом (Европейскими Сообществами) определяется высокой степенью взаимной заинтересованности сторон в многоаспектном сотрудничестве. Отношения Австралии и Евросоюза вписываются в рамки одной из основополагающих парадигм международных отношений Австралийского Союза – мультилатерализма. Это принцип многосторонности внешней политики Австралии, открытости для равноправного сотрудничества с контрагентами как в рамках международных организаций, так и в двустороннем порядке.

Динамика развития отношений между Австралией и объединённой Европой, по нашим представлениям, была непосредственно связана с эволюцией самих Европейских Сообществ, а также процессом расширения интеграционной группировки в Европе. К примеру, вступление Великобритании в Европейское Экономическое Сообщество в 1973 г. способствовало интенсификации связей Австралии с Европой (в первую очередь, Западной) как таковой. Следовательно, нужно рассмотреть процесс становления и развития двусторонних отношений в указанных временных рамках с использованием определённой периодизации. В связи с этим в пятидесятилетней истории отношений Австралии и Европейских Сообществ представляется необходимым выделить ряд этапов, учитывая при этом как внутрисполитическое развитие самой Австралии, так и динамику интеграционных процессов в Европе.

1. 1962 – 1973 гг. Условно этот, начальный, период можно охарактеризовать как этап становления билатеральных отношений. В марте 1962 г. австралийский дипломат сэр Эдвин МакКарти стал первым послом Австралии в Европейском Экономическом Сообществе [1]. На этом посту МакКарти оставался до 1964 г. [16] Именно его дипломатический опыт сыграл значительную роль в установлении связей Австралии со стремительной развивающейся международной организацией. С другой стороны, нельзя сказать, что отношения между Австралией и ЕЭС строились, что называется, с чистого листа: многолетние связи между Австралийским Союзом и отдельными евро-

пейскими игроками способствовали становлению отношений и Австралии с этим молодым интеграционным объединением. В фундаментальном исследовании Нины Маркович, посвящённом тематике европейско-австралийских отношений [12], отмечается, что в 1960-е гг. особенно актуальной для двусторонних отношений оказалась сельскохозяйственная проблематика: новое европейское законодательство (с рядом протекционистских мер) не могло не повлиять негативно на экспорт австралийской продукции в западноевропейские страны. Ещё одной важной сферой диалога в эти годы была продолжающаяся миграция (в основном, из Европы в Австралию).

2. 1973 – 1982 гг. Очередной виток развития отношений связан со следующим расширением ЕЭС. Нижней границей периода служит 1973 г. – год вступления в Сообщество Соединённого Королевства. Традиционно прочные связи Австралии со своей бывшей метрополией были особенно важны для внешнеполитической линии страны в годы «холодной войны», поэтому вхождение в ЕЭС Великобритании положительно сказалось на австралийско-европейских отношениях в принципе. Главным образом это коснулось динамики торговых связей. Кризисная ситуация в мировой экономике в 1970-х гг. стала поводом к ряду консультативных встреч между европейскими и австралийскими представителями на министерском уровне. Как следствие повышающегося взаимного интереса, в 1981 г. была учреждена Делегация Комиссии Европейских Сообществ в Австралии. В следующем году состоялось её торжественное открытие во время визита в Австралийский Союз Председателя Еврокомиссии Гастона Торна [1].

3. 1982 – 1992 гг. В этом десятилетии наблюдается определённое переосмысление основ двустороннего сотрудничества, что в определённой степени стало сдерживающим фактором в отношениях Европы и Австралии. В 1982 г. вошло в силу соглашение Австралии и Евратома. В 1986 г. было подписано очередное торговое соглашение (касающееся молочной продукции, в частности, сыров) [12]. Но в принципе волна неоконсерватизма 1980-х гг. со стремлением поощрять собственного производителя не могла повлиять позитивно на развитие торговых отношений между изучаемыми субъектами. Как следствие, в 1991 г. лишь 11,8 % австралийской торговли шло в Европу [21, с. 232].

4. 1992 г. – по настоящее время. 90-е гг. XX в. озаменовали собой начало кардинально нового этапа в истории двустороннего сотрудничества Австралии и объединённой Европы. Создание Европейского Союза, декларированное в Маастрихтском договоре от 7 февраля 1992 г., положило начало переоформлению договорной базы билатерального сотрудничества в последнем десятилетии XX в. Активно на международных площадках обсуждались вопросы противо-

действия терроризму, обеспечения безопасности (в том числе ядерной, например, это относится к дискуссии об эффективности ДВЗЯИ и организации этого договора). Вновь в повестку дня была включена проблема миграции. 26 июня 1997 г. была принята Совместная Декларация об отношениях Австралии и ЕС [10]. В ней были отражены основные принципы сотрудничества в различных сферах, общие цели сторон и методы реализации совместных задач. В 2000-е гг. опять остро стоят проблемы иммиграции в Австралию (уже скорее из новых стран ЕС, т. е. из Восточной Европы). Ныне юридической основой взаимодействия является Рамочное соглашение о сотрудничестве (Australia-European Union Partnership Framework) [4], которое было подписано в Париже 29 октября 2008 г. По сравнению с Декларацией, в нём более полно определяется стратегия развития двусторонних и многосторонних отношений в долго- и среднесрочной перспективе, чётко прописываются области взаимодействия. Всего называется пять важнейших целей сотрудничества: интенсификация двустороннего и многостороннего диалога и сотрудничества в поддержку совместной внешней политики и интересов безопасности; продвижение и поддержка многосторонней торговой системы, основанной на общих правилах, и консолидация и расширение двусторонней торговли и инвестирования; расширение двустороннего и регионального сотрудничества и координации связей между Австралией и ЕС в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона; поиск возможностей сотрудничества в таких областях, как изменение климата, окружающая среда, энергетическая безопасность, рыбное и лесное хозяйство; усиление сотрудничества между ЕС и Австралией в научной, исследовательской, технологической, инновационной, образовательной и культурной сферах и содействие передвижению людей [там же]. Таким образом, сфера сотрудничества между сторонами постоянно расширяется: помимо многочисленных документов, регулирующих активизировавшийся культурный и научный обмен, в последние годы сторонами обсуждается и экологическая проблематика, в частности, перспективы реализации Киотского протокола [11].

В настоящий момент послом ЕС в Австралийском Союзе является Дэвид Дэйли. Австралию в Евросоюзе представляет доктор Брендон Нельсон, который также служит послом Австралии в Бельгии, Люксембурге и НАТО (Нельсон – бывший лидер либералов в парламенте, ранее также бывший министром обороны страны).

Помимо хронологической периодизации, для получения более полной картины отношений Австралии и ЕС в современности, автор считает нужным рассмотреть проблематику отношений между единой Европой и Австралийским Союзом в отдельных сферах.

В плане политико-правового взаимодействия Австралии и ЕС основной задачей является выработка норм, единых правил игры, взаимодействие в рамках правительственных и неправительственных форумов. Одной из таких возможностей для сотрудничества Европы и Австралийского Союза становится участие в международных организациях (ООН с ее комитетами и комиссиями, ВТО, МВФ, МБРР, ОЭСР). К при-

меру, значительное влияние Австралии в ВТО, где государство зачастую выполняет функции посредника в урегулировании спорных ситуаций, также создаёт площадку для кооперации с ЕС в деле разбирательства международных споров и третейского судейства [17]. Регулярное участие Австралии в расширенных заседаниях G8 (например, в июне 2009 г. в Санкт-Петербурге) становится значительным стимулом для укрепления сотрудничества с ведущими европейскими странами. Несмотря на отдельные разногласия в вопросе о методах выхода из мирового финансового кризиса (имеются в виду расхождения во взглядах по проблеме между главой Еврокомиссии Жозе Мануэлом Баррозу и австралийским премьером Джулией Гиллард [15]), Австралия и Европа активно взаимодействуют и в форуме G20, как на политической основе, так и на уровне бизнес-партнёров. Австралия также участвует в неформальных встречах «Европа-Азия», проводящихся с 1996 г.

Экономические и торговые связи имеют огромное значение для австралийско-европейских отношений. Европейское направление международной торговли является одним из важнейших для Австралии (его доля составляет в среднем от 15 % [3, с. 1] до 21 % [7, с. 9] от всего внешнеторгового оборота страны, причём порядка 87 % этого показателя приходится на страны ЕС). Европейский Союз – второй по значимости торговый партнёр Австралии (после КНР) и второй же как объект вложений (€2,8 млрд инвестиций в 2009 г. при €11,6 млрд в 2008 г., что связано с мировым финансовым кризисом) Тем не менее, в этом отношении наблюдается серьёзный дисбаланс: Австралия занимает лишь 17-е место среди всех партнёров Евросоюза по объёму торговли. 7 % всего оборота приходится на сферу услуг (в частности, туризм). Значительную долю экспортируемых в Европу товаров составляет минеральное сырьё (ЕС занимает второе место среди импортёров австралийского урана) и сельскохозяйственная продукция, ввозит же Австралия в основном высокотехнологичные товары. По данным Евростата, в 2011 г. объём экспорта из Австралийского Союза в ЕС: составил около 12 млрд евро [2]. Из Европейского Союза же в Австралию в том же году было вывезено товаров и услуг на общую сумму порядка 31 млрд евро [там же]. Показатели двусторонней торговли последовательно растут последние несколько лет.

В качестве очередного направления европейско-австралийских отношений следует выделить совместное участие в военных операциях. Несмотря на уже состоявшийся вывод австралийских войск и военных специалистов из Ирака и планирующийся их вывод из Афганистана, опыт подобного рода взаимодействия был назван австралийскими военными экспертами уникальным [14, с. 1]. Что касается военного сотрудничества, то оно сводилось как к обмену опытом в рамках учений и конференций, так и к непосредственному совместному участию в боевых операциях (в первую очередь, в Афганистане). Борьба с пиратством в Индийском океане называется одним из новых направлений в этом плане [18, с. 2].

Как было показано выше, проблемы миграции действительно злободневны для австралийско-евро-

пейских отношений. Исторически Европа была и остаётся одним из важнейших источников притока населения в Австралию. Причём первое место среди всех групп иммигрантов занимают уроженцы Великобритании [5], и сама премьер-министр Джулия Гиллард родилась на территории Уэльса. Однако и остальные европейские страны заинтересованы в поддержании отношений с Австралией на уровне индивидов (в Австралии довольно многочисленные и сильные итальянская и греческая диаспоры; в последнее время увеличивается число выходцев из Восточной Европы, с Балкан). Так, согласно австралийской миграционной стратегии, курс на привлечение высококвалифицированных работников и преумножение человеческого капитала предполагает в том числе натурализацию специалистов из Европы, особенно в условиях нехватки профессионалов в определённых областях.

Оценивая потенциал австралийско-европейских отношений в совокупности, по мнению автора, нужно принимать во внимание как политическое сотрудничество и торгово-экономические связи, так и научную, технологическую и культурную кооперацию. Она касается участия австралийских студентов и учёных в европейских образовательных программах и научных проектах, дней и недель культуры европейских стран в Австралии и Австралии в Европе, связей между неправительственными организациями. Одним из основополагающих документов в этом отношении является двустороннее соглашение по науке и технологиям от 1994 г. Государства Евросоюза и Австралия контактируют в этом плане прежде всего в рамках Совместного Комитета по сотрудничеству в сфере науки и технологий между ЕС и Австралией (EU-Australia Joint Science and Technology Cooperation Committee) [8]. Как отметил Главный Научный Советник австралийского правительства профессор Иан Чабб в одном из своих выступлений, приуроченных к празднованию юбилея отношений, «европейско-австралийское двустороннее сотрудничество является чрезвычайно плодотворным и очень сильно отражается на целом ряде областей». Чабб подчеркнул, что австралийцы всегда выступали за соединение своего научного потенциала с европейским, «особенно хотели бы расширить сферы сотрудничества в области научно-исследовательских разработок со странами ЕС» [там же].

Одной из базовых целей двусторонних отношений декларируется повышение уровня обеспечения безопасности, стабильности и качественного управления, также улучшение координации в сотрудничестве в целях содействия развитию отношений между донорами в [Азиатско-Тихоокеанском – Г. Т.] регионе [9]. Дело в том, что Австралия и ЕС предоставляют гуманитарную помощь различным государствам Тихоокеанского бассейна (главным образом, островным, таким как Фиджи), и обмен опытом в этой сфере, а также совместные встречи (например, Ж. М. Баррозу и Дж. Гиллард в 2011 г.) составляют содержание этого аспекта билатеральных отношений. Плюс к этому, сотрудничество в гуманитарной сфере затрагивает в последние годы не только страны АТР: речь идёт о запланированных двух совместных проектах, которые

будут направлены на доставку помощи самому молодому государству мира, Южному Судану [там же]. Сотрудничество двух сторон касается и посткризисного урегулирования в Восточном Тиморе.

Проблематика глобальной экологии также естественным образом становится одним из основных направлений диалога. Обсуждению этой сферы посвящаются регулярные двусторонние консультации представителей Европейского Союза и Австралии. В частности, в них находят отражение такие темы, как изменение климата, сокращение выбросов (к этому относится и дискуссия о будущем Киотского протокола) [11], утилизация отходов. В совместном заявлении Дж. Гиллард и Ж. М. Баррозу (2011 г.) обе стороны приветствуют намерения друг друга способствовать сокращению выброса парниковых газов, а также стремление развивать новые, экологичные технологии [9].

Помимо этого, традиционно тесные отношения с Европой объясняются, на наш взгляд, и тем, что Австралия по-прежнему находится в русле западного мышления. В отличие от большинства остальных партнёров по Азиатско-Тихоокеанскому региону, Австралия обнаруживает господство институтов западного типа и либеральных ценностей – так называемый «австралийский англосаксонизм» [6], который проявлял себя на протяжении всей истории внешнеполитического развития государства. По мнению немецкого исследователя Торстена Беннера, сооснователя и заместителя директора Global Public Policy Institute (GPPI), г. Берлин [7, с. 3 – 5], австралийская идентичность во многом сродни европейской, что и определило изначальную ориентированность австралийских элит на европейские ценностные установки и модели поведения, которая впоследствии вступила в противоречие с обнаружившейся тенденцией регионализма. Американский политолог Сэмюэл Хантингтон также обращает внимание на прочность цивилизационно-культурных связей Австралии с западным (в частности европейским) миром [21, с. 233 – 234]. Несмотря на тенденцию к регионализации, характерную для внешнеполитической линии Австралии в конце XX – начале XXI вв., с точки зрения Хантингтона, это отнюдь не означает, что Австралия не будет ориентироваться на европейские ценности и ментальные установки в дальнейшем. В доказательство этого Хантингтон цитирует мнение малайзийского премьера Махатхира бин Мохамеда, высказанное в 1994 г., согласно которому Австралия остаётся полностью европейской страной в культурном плане [там же].

Однако следует сказать и о проблемах, тормозящих дальнейшее развитие отношений между Австралией и Европейским Союзом. В первую очередь, это значительная географическая отдалённость Австралии от Европы, что естественным образом повышает расходы на транспортное и коммуникационное обслуживание связей. Для описания этого препятствия польский исследователь Люциан Воляновский в своей работе «Материк, переставший быть легендой», посвящённой Австралии, прибегал к термину «тирания расстояний» [19]. На это же обращает внимание немецкий исследователь Б. Р. Оскар, считающий, что на геостратегическом положении Австралии сказывается

отдалённость (в оригинале «разрыв») от крупнейших акторов (в том числе и Европы) [13]. Также в зависимости от мировой экономической конъюнктуры Австралия и Европейский Союз могут принимать меры в защиту национальных потребителей, что отрицательно сказывается на объёмах торговли. Нельзя сбрасывать со счетов и проблему прямых иностранных инвестиций – этот показатель в двусторонних отношениях не так высок. Наконец, перспективы гармонизации миграционного законодательства ЕС и Австралии пока остаются туманными, несмотря на отдельные попытки изменить ситуацию.

Тем не менее, несмотря на существующие трудности, общие для Австралии и единой Европы принципы и система ценностей позволяют говорить о совпадении основных интересов двух сторон. В сфере

экономики это определяется увеличивающимися показателями двусторонней торговли, в политико-правовом отношении – тесным взаимодействием в рамках международных организаций, а также растущим обменом в научной, технологической, культурной, гуманитарной областях. Активное празднование пятидесятилетия дипломатических отношений, состоявшееся в 2012 г., было отмечено множеством разнообразных мероприятий (торжественные приёмы, ряд интервью с послами стран Евросоюза в Австралии, научные конференции, теле- и радиопередачи, в частности, серия выпусков «Европа и Австралия в диалоге», снятая и выпущенная в эфир при участии Национального радио Австралии и телеканала Sky A-Pac) [8].

Литература

1. 50 years of Australia-European Union relations / Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. – Режим доступа: http://www.dfat.gov.au/geo/european_union/australia-eu-relations.html (дата обращения: 06.12.2012).
2. Australia. EU Bilateral Trade and Trade with the World / European Commission – Trade. – Режим доступа: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113346.pdf (дата обращения: 06.12.2012).
3. Australia's trade with Europe (including the European Union) 2011 / Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. – Режим доступа: <http://www.dfat.gov.au/publications/stats-pubs/Australia-trade-with-Europe-2011.pdf> (дата обращения: 06.12.2012).
4. Australia-European Union Partnership Framework / Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. – Режим доступа: http://www.dfat.gov.au/geo/european_union/australia_partnership_framework.html (дата обращения: 06.12.2012).
5. Australian Immigration Fact Sheet 4 – More than 60 Years of Post-war Migration / Australian Government. Department of Immigration & Citizenship. – Режим доступа: <http://www.immi.gov.au/media/fact-sheets/04fifty.htm> (дата обращения: 06.12.2012).
6. Australian Nationalism vs. Anglo-Saxonism. The Vital Difference between Native-Australianism and British-Australianism / National Republicans: The Organisation of Australian Nativism. – Режим доступа: <http://home.alpha-link.com.au/~eureka/oz-brit.htm> (дата обращения: 06.12.2012).
7. Benner, T. Außenpolitik Australiens / T. Benner, U. Hagedorn, C. Krell / Handbuch der Außenpolitik von Afghanistan bis Zypern. – Режим доступа: <http://www.gppi.net/fileadmin/gppi/AustralienBennerHagedorn.pdf> (дата обращения: 06.12.2012).
8. EU Delegation to Australia Newsletter 349 / European External Action Service. – Режим доступа: http://eeas.europa.eu/delegations/australia/press_corner/newsletter/all-newsletters/349_en.htm (дата обращения: 06.12.2012).
9. European Union brief. Australia's relations with the European Union / Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. – Режим доступа: http://www.dfat.gov.au/geo/european_union/eu_brief.html (дата обращения: 06.12.2012).
10. Joint Declaration on Relations between Australia and the European Union / European External Action Service. – Режим доступа: http://eeas.europa.eu/australia/docs/australia_joint_declaration_en.pdf (дата обращения: 06.12.2012).
11. L'Australie et l'Union européenne: une relation au beau fixe / Toute l'Europe: le portail français sur les questions européennes. – Режим доступа: <http://www.touteurope.eu/fr/nc/print/organisation/institutions/commission-europeenne-et-commissaires/actualite/actualite-vue-detaillee/afficher/fiche/5542/t/48882/from/3094/arcYear/2011/breve/laustralie-et-lunion-europeenne-une-relation-au-beau-fixe.html?cHash=ba04d193ee> (дата обращения: 06.12.2012).
12. Markovic, N. Courtied by Europe? Advancing Australia's relations with the European Union in the new security environment / N. Markovic / Parliament of Australia. – Режим доступа: http://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp0910/10rp01 (дата обращения: 06.12.2012).
13. Oscar, B. R. Die Australien geostrategische Position in der Welt / B. R. Oscar // New Strategy Topics on Global Events. – Режим доступа: <http://www.strategytopics.com/2010/12/die-australien-geostrategische-position.html> (дата обращения: 06.12.2012).
14. Schreer, B. The European NATO Allies and Afghanistan / B. Schreer / Australian Government. Department of Defence. – Режим доступа: http://www.defence.gov.au/adc/docs/cdf_conf2010/CDFConf_101102_TheEuropean-NATOAlliesandAfghanistan.pdf (дата обращения: 06.12.2012).
15. Shanahan, D. Europe won't be 'lectured' by Julia Gillard, EC chief Jose Manuel Barroso has said / D. Shanahan / The Australian. Latest Australian National & Business News. June 19, 2012. – Режим доступа: <http://www.>

theaustralian.com.au/national-affairs/europe-wont-be-lectured-by-julia-gillard-ec-chief-jose-manuel-barroso-has-said/-story-fn59niix-1226400662528 (дата обращения: 06.12.2012).

16. Smith, D. I. McCarthy, Sir Edwin (1896 – 1980) / D. I. Smith / Australian Dictionary of Biography. – Режим доступа: <http://adb.anu.edu.au/biography/mccarthy-sir-edwin-10909> (дата обращения: 06.12.2012).

17. Summary of Australia's involvement in disputes currently before the World Trade Organization / Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. – Режим доступа: <http://www.dfat.gov.au/trade/negotiations/-disputes/index.html> (дата обращения: 06.12.2012).

18. Syrén, H. The Common Security and Defence Policy of the European Union. State of play and Prospects 2012 / H. Syrén // Speech by General Håkan Syrén. – Consilium. Council of the European Union. – Режим доступа: http://www.consilium.europa.eu/media/1699938/ceumc_speech_australia.pdf (дата обращения: 06.12.2012).

19. Wolanowski, L. Łąd, który przestał być plotką / L. Wolanowski // Lucjan Wolanowski (1920 – 2006). – Режим доступа: <http://www.lucjanwolanowski.com/index.php?id=270> (дата обращения: 06.12.2012).

20. Есакова, Е. В. Внешнеполитическая деятельность Австралии в 90-е гг. XX в.: на примере Российской Федерации, стран Европы и АТР: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Есакова. – М., 2002. – 22 с.

21. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

Информация об авторе:

Торопчин Глеб Вячеславович – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета истории и международных отношений КемГУ, glebtoropchin@mail.ru.

Gleb V. Toropchin – post-graduate student at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

УДК 327

ПРОБЛЕМА РАТИФИКАЦИИ СЕМИПАЛАТИНСКОГО ДОГОВОРА В КОНТЕКСТЕ ЕВРО-АЗИАТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Н. А. Третьякова

THE PROBLEM OF SEMIPALATINSK TREATY RATIFICATION IN THE CONTEXT OF EURO-ASIAN SECURITY ARCHITECTURE

N. A. Tretyakova

В статье анализируется проблема ратификации Семипалатинского договора, который учреждает зону, свободную от ядерного оружия на территории пяти государств Центральной Азии. Автор рассматривает процесс разработки и принятия документа, обусловивший особенности данного договора, а также указывает, что главным препятствием предоставления негативных гарантий со стороны США, Великобритании и Франции являются противоречия, связанные с пересечением интересов основных ядерных держав в регионе и их различного понимания будущего глобальной и евро-азиатской архитектуры безопасности.

This article deals with the problem of Semipalatinsk treaty ratification. The author analyzes the process of negotiations and specific treats of the document on Nuclear Free zone in Central Asia. The paper aims at showing that different views on the future architecture of global and regional security between key official nuclear states prevented Western countries such as the USA, the UK and France from signing negative security assurances protocol.

Ключевые слова: Безъядерная зона, Центральная Азия, Семипалатинский договор, негативные гарантии, безопасность.

Keywords: Nuclear Free zone, Central Asia, Semipalatinsk Treaty, negative security assurances, global and regional security.

Семипалатинский договор стал документом, который учредил первую безъядерную зону в Северном полушарии в 2006 году, охватив пять государств Центральной Азии. К тому времени существовало уже четыре населенные зоны, свободные от ядерного оружия, статус которых официально закреплен в соответствующих договорах: Латинская Америка и Карибский бассейн (Договор Тлателолко, 1967), южная часть Тихого океана (Договор Раротонга, 1985), Юго-Восточная Азия (Бангкокский договор, 1995), Африка (Договора Пелиндаба, 1996), однако все они были расположены в Южном полушарии.

В 1968 году был подписан, а в 1970 г. вступил в силу Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в котором безъядерные зоны мыслились как составная часть режима нераспространения. В статье VII провозглашалось, что «никакое положение настоящего договора не затрагивает право какой-либо группы государств заключать региональные договоры с целью обеспечения полного отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях» [1]. Уже через 5 лет в 1975 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию 3472 «Всеобъемлющее исследование по вопросу о зонах, свободных от ядерно-

го оружия, во всех его аспектах» [2], содержащую основные принципы учреждения безъядерных зон, к которым относятся запрет на разработку, производство, приобретение, испытание и хранение ядерного оружия; бессрочный характер договора и наличие протоколов, где закреплены негативные гарантии официальных ядерных держав (то есть обязательства не применять имеющееся ядерное оружие против неядерных государств).

В 1999 г. Комиссия ООН по разоружению в своем докладе изложила цели, задачи, принципы и критерии зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО). Прежде всего декларировалось, что ЗСЯО вносят значительный вклад в укрепление режима нераспространения и носят добровольный характер. В нем прописывались как обязательства со стороны безъядерных государств, такие как запрет на разработку, производство, владение, испытание, размещение, развертывание или транспортировку любого типа ядерного взрывного устройства в пределах зоны и контроль МАГАТЭ над процедурой проверки соблюдения обязательств; необходимость четкого обозначения географической границы зоны с учетом позиций заинтересованных государств и согласование с национальным законодательством. Однако одним из принципов, который до сих пор является, в определенном смысле, слабым звеном режима нераспространения, стало право самостоятельного решения вопроса о транзите ядерного оружия государствами, входящими в безъядерную зону.

В документе также подчеркивалось, что инициатива должна учитывать специфику региона и исходить от самого региона, но необходима поддержка со стороны мирового сообщества. Прежде всего соглашение по созданию ЗСЯО не должно противоречить нормам международного права, включая Конвенции ООН по морскому праву. Прописывалось, что в переговорах об учреждении зоны, свободной от ядерного оружия, необходимо участвовать всем государствам будущей зоны.

Что касается «ядерной пятерки», то она активно привлекалась к участию на заключительном этапе учреждения ЗСЯО, а именно, к разработке текста договора и дополнительных протоколов. Кроме того, статус зоны должен быть признан ядерными державами через предоставление негативных гарантий (то есть обязательство не применять ядерное оружие против государств, входящих в безъядерную зону).

Семипалатинский договор отвечает всем требованиям, кроме последнего пункта. К сожалению, протокол о негативных гарантиях до сих пор не подписан тремя официальными ядерными державами: США, Великобританией и Францией. Что же является камнем преткновения для ратификации Семипалатинского договора всеми сторонами?

Начнем с истории заключения данного документа. После развала СССР Казахстан оказался в уникальном положении: во-первых, наряду с Украиной и Белоруссией, он унаследовал значительную часть советской ядерной инфраструктуры, став четвертым государством в мире после Советского союза, США, Украины по количеству находящихся на его территории ядерных вооружений. По данным «Военного обзора-

ния», в момент распада СССР республика располагала 1040 ядерными боеголовками мощностью одна мегатонна каждая, 104 межконтинентальными баллистическими ракетами, 40 тяжелыми бомбардировщиками Ту-95, оснащенными крылатыми ракетами Х-55 с 370 тактическими ядерными зарядами [3]. Во-вторых, появилась возможность решить проблему Семипалатинского полигона, на котором проводились основные испытания советских атомных бомб (с 1949 по 1989 гг. проведено около 500 тестов). Казахстан принял решение о безъядерном статусе и передал России арсенал, находившийся на его территории, и 23 мая 1992 г. в Лиссабоне Казахстан присоединился к ДНЯО в качестве неядерной державы. Кроме того, интенсифицировались усилия по реабилитации территории Семипалатинска, являвшегося единственным в мире полигоном, в пределах которого живут люди. Еще в 1980-е гг. была создана неправительственная советско-американская организация «Невада-Семипалатинск», объединившая людей, которые жили в непосредственной близости к испытательным площадкам. Главной целью данной неправительственной организации стало привлечение внимания широкой общественности к катастрофическим последствиям ядерных испытаний для здоровья людей и экологии и введения запрета на испытания оружия массового уничтожения. Таким образом, к началу 1990-х гг. в Казахстане сложилось понимание необходимости отказа от ядерного оружия. Однако инициатива о создании безъядерной зоны в Центральной Азии была выдвинута президентом Узбекистана Исламом Каримовым в 1993 г. на 43 заседании ГА ООН. Примечательно, что остальные четыре государства Центральной Азии сначала достаточно прохладно отнеслись к предложению со стороны узбекского лидера, и понадобилось несколько лет для проведения интенсивных консультаций и согласования между заинтересованными сторонами. Только 27 февраля 1997 г., в 50-ю годовщину первого ядерного испытания на Семипалатинском полигоне, пять центрально-азиатских государств подписали Алма-атинскую декларацию, заявив о решимости создать безъядерную зону. На сессии Подготовительного Комитета к Обзорной Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 7 – 18 апреля 1997 г. была сформирована рабочая группа, состоявшая из министров иностранных дел пяти центрально-азиатских государств.

Определенным прорывом стала международная конференция «Центральная Азия – зона, свободная от ядерного оружия», проходившая 14 – 16 сентября 1997 г. в Ташкенте (Узбекистан). В ней, помимо государств Центральной Азии, участвовали представители стран, входивших в 4 безъядерные зоны. Конференция носила консультативно-практический характер, и была призвана выработать приемлемые для Центрально-Азиатского региона рекомендации с учетом мнений ведущих экспертов.

В 1998 г. было принято Бишкекское коммюнике, в котором подводились итоги встречи представителей пяти государств, ООН и МАГАТЭ. Киргизия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан подписали документ «Основные элементы Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной

Азии» (The Basic Elements of Nuclear Weapon Free Zone in Central Asia) [4]. Эксперты отмечают, что прогресс был обусловлен несколькими факторами: во-первых, отсутствие внутрорегионального соперничества государств Центральной Азии в ядерной области, характерное для других регионов, во-вторых, желание укрепить свою безопасность, особенно в связи с проведением индийских и пакистанских ядерных испытаний в мае 1998 г.

ООН поддержала инициативу, и при ее непосредственном участии с 1997 по 2002 гг. шли напряженные переговоры по согласованию позиций сторон. В 2000 г. на 55 сессии ГА ООН была одобрена резолюция №55/33W, в которой подчеркивалась важность инициативы по учреждению безъядерного статуса Центральной Азии как шага на пути всеобщего разоружения. В результате встреч на высшем уровне в Алма-Ате, Бишкеке, Женеве, Нью-Йорке, Саппоро, Ташкенте был подготовлен проект договора. В 2002 г. на Подготовительной конференции стороны провели переговоры по согласованию текста договора. 27 сентября 2002 г. в Самарканде (Узбекистан) проект договора был подписан.

Первая консультативная встреча между пятью центрально-азиатскими странами и пятью официальными ядерными державами для обсуждения протокола о негативных гарантиях состоялась только 8 октября 2002 г. в Нью-Йорке при поддержке Департамента ООН по разоружению. Однако западные стороны указали на неприемлемую для них статью 12, согласно которой «настоящий Договор не влияет на права и обязательства Сторон по другим международным договорам, которые они могли заключить до вступления в силу настоящего Договора» [5]. Фактически, это означало, что Ташкентский договор 1992 г. о коллективной безопасности подписанный к тому времени четырьмя из пяти центрально-азиатских государств с Российской Федерацией, имел приоритетное значение и не мог быть изменен новым договором о безъядерной зоне. США, Великобритания и Франция опасались, что статья 12 означала возможность размещения российского ядерного оружия на территории Центральной Азии, поскольку, коллективное обеспечение безопасности государств-участников может потребовать разных вариантов действий, включающих и сценарии с ядерным оружием. Западные государства настаивали на исключении данного положения из текста Семипалатинского договора. К тому времени, США достаточно активно продвигали свои интересы в регионе. Во-первых, операции в Афганистане 2001 г. и Ираке 2003 г. требовали от американцев налаживания добросердечных отношений с государствами Центральной Азии. Кроме того, Казахстан, в рамках своей многовекторной внешней политики, соблюдал баланс интересов и выстраивал прагматичные отношения, как с Россией, так и с США. Что касается Узбекистана и Киргизии, то здесь Соединенные Штаты заручились поддержкой, обговорив, между прочим, возможность размещения собственных военных баз. Таким образом, положения Семипалатинского договора могли подорвать тот стратегический баланс сил, который предусматривался США. Великобритания и Франция, напрямую не имея интересов в регионе, тем не менее,

поддержали своего западного союзника, пытаясь сдержать распространение российского влияния на данной территории. Европейские государства так же, как и Соединенные Штаты, не могли согласиться с тем обстоятельством, что в тексте договора содержалась недвусмысленная формулировка, предполагающая преимущество обязательств по Договору о коллективной безопасности над условиями Семипалатинска.

Несмотря на протесты со стороны трех ядерных держав, стороны согласовали окончательный текст договора к февралю 2005 г. в Ташкенте (Узбекистан). Внесенные изменения касались лишь транспортировки низко- и среднерадиоактивных отходов. Однако вопрос о противоречии Договора о ЗСЯО в Центральной Азии уже существовавшим договорам (прежде всего уставу ОДКБ) на этой встрече не был решен. Тем не менее, документ был открыт для подписания.

8 сентября 2006 г. в Семипалатинске (Казахстан), недалеко от полигона, где проводились испытания первой советской бомбы, проходила торжественная церемония подписания Договора. США, Великобритания и Франция отказались присоединиться к тому варианту договора, который был предложен. Западные страны повторили главную претензию, которая состояла в том, что четыре из пяти центрально-азиатских стран (Киргизия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан) являлись членами Организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ), и в чрезвычайной ситуации Россия будет иметь преимущество по транзиту или размещению ядерного оружия на территории этих государств. Несмотря на протест со стороны Франции, США и Великобритании, 7–9 февраля 2009 г. в Ташкенте состоялась окончательное утверждение текста Договора, который вступил в силу 21 марта 2009 г.

По условиям Договора, государства принимают обязательства не проводить исследования, не разрабатывать, не производить, не хранить и никаким другим образом не приобретать или осуществлять контроль над любым ядерным оружием или ядерным взрывным устройством любыми средствами, где бы то ни было. Детально прописано понятие «ядерное оружие», включающее «любое оружие или другое взрывное устройство, способное выделять ядерную энергию, независимо от военной или гражданской цели, для которой это оружие или устройство может быть использовано». Этот термин также включает оружие и устройство в несобранном или частично собранном виде, что позволяет закрыть любые юридические лазейки, связанные с возможностью приобретения или испытания ядерного оружия. Кроме того, запрещено захоронение радиоактивных отходов других государств на территории зоны (ст. 3). Учитывая печальный опыт Семипалатинского полигона, участники Договора взяли на себя обязательства «содействовать любым усилиям по экологической реабилитации территорий, загрязненных в результате прошлой деятельности, связанной с разработкой, производством или хранением ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств» (ст. 6). Подчеркнуто право стран на использование мирной ядерной энергии (ст. 7), однако эта деятельность должна быть поставлена под гаран-

тии МАГАТЭ. Данное положение тем более значимо, что в Казахстане на сегодняшний день находится примерно пятая часть мировых запасов урана. Особое внимание уделено эффективности мер физической защиты ядерных материалов и оборудования (ст. 9) [5].

К особенностям договора можно отнести то, что он не предполагает присоединения других, кроме заявленных пяти центрально-азиатских государств, включая также их внутренние воды и воздушное пространство над ними. Таким образом, спорные вопросы в связи с размежеванием на Каспийском море не затрагиваются, а статья содержит специальную оговорку о ненанесении ущерба правам любого из пяти государств «в любом споре, касающемся принадлежности сухопутных или водных пространств». Кроме того, Договор увязан с ратификацией Дополнительного Протокола МАГАТЭ, то есть обязывает государства поставить всю ядерную деятельность под контроль МАГАТЭ. Сделан акцент на необходимости скорейшего вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), именно поэтому все пять государств подписали и ратифицировали ДВЗЯИ. В отличие от предыдущих договоров, Семипалатинск не предполагает создания специального контролирующего органа, однако в статье 10 прописан механизм ежегодных консультативных встреч для рассмотрения вопросов соблюдения положений Договора. Символичным является тот факт, что Семипалатинский договор является первым договором о безъядерной зоне в Северном полушарии, имеет бессрочный характер, при этом страны-участницы граничат с двумя официальными ядерными державами – Россией и Китаем.

С точки зрения признания статуса со стороны международного сообщества, сохраняется проблема подписания и ратификации Дополнительного протокола о негативных гарантиях тремя западными ядерными державами. В целом, официально все ядерные державы поддерживают создание зон, свободных от ядерного оружия как важный шаг на пути разоружения и поддержания мира и стабильности. Однако нерешенность соотношения обязательств по Семипалатинскому договору с Ташкентским договором о коллективной безопасности, а фактически возможность транзита российского ядерного оружия через территорию Центральной Азии, занимающей выгодное стратегическое положение, является главным камнем преткновения для США, Великобритании и Франции. Западные государства настаивают на исключении статьи 12 из текста Договора, поскольку она дает преимущество России в исключительных случаях, касающихся обеспечения безопасности. Центрально-азиатские страны, в свою очередь, не желают редактировать текст Семипалатинского договора. Причины кроются скорее в утверждении определенной независимости в проведении политики государствами Центральной Азии, нежели в отстаивании верности ранее взятым на себя обязательствам по обеспечению коллективной безопасности в сотрудничестве с ближайшим соседом – Россией. Тем более что отношения внутри ОДКБ складываются весьма проблематично. Достаточно привести пример с Узбекистаном, кото-

рый осенью 2012 года повторно заявил о приостановлении членства в Организации. Данную позицию многие эксперты связывают как с противоречиями между Узбекистаном и Казахстаном, так и с неопределенностью внешнеполитической линии государства, которое «мечется между Россией и США» [6].

Несмотря на определенные сложности, учреждение ЗСЯО в Центральной Азии отвечает интересам основных держав, учитывая, в том числе, ставшую актуальной в последнее время проблему ядерного терроризма. Определенные сомнения относительно возможности размещения атомного оружия РФ на территории Центральной Азии, высказываемые западными державами, тормозят данный процесс. Однако по оценкам исследователей, таких как Н. Н. Соков, для России невыгодная сама постановка вопроса о размещении ядерного оружия в данном регионе, поскольку Москва заинтересована в продвижении принципа, согласно которому ядерное оружие должно находиться только на территориях стран, им обладающих [7, с. 82]. Это является одним из основных аргументов Российской Федерации в пользу вывода американского ядерного оружия из Западной Европы. Очевидно, что на данном этапе Россия вряд ли пожертвует данной позицией. Более того, безъядерный статус Центрально-азиатской зоны отвечает и таким долгосрочным российским интересам, как гарантия нерасположения в регионе атомного оружия, принадлежащего любой другой стране.

В качестве одного из решений дилеммы, связанной с несогласованностью положений Ташкентского и Семипалатинского договоров, эксперты предлагают политическое обязательство со стороны Российской Федерации не размещать ядерное оружие на территории зоны по примеру обязательств НАТО в отношении территории новых членов [7, с. 83]. Однако западные государства не готовы идти на компромисс по данному вопросу и обсуждать возможные пути решения, кроме исключения статьи 12 из текста Семипалатинского договора.

Сложившееся ситуация свидетельствует еще о том, что государства, несмотря на политические заявления, не готовы кардинально пересмотреть свои взгляды на роль ядерного оружия в обеспечении региональной и глобальной безопасности. Центральная Азия остается стратегически важной территорией, где пересекаются интересы США, Европы и России. В этом смысле, отдельно взятый вопрос о признании безъядерной зоны со стороны западных держав укладывается в общий контекст ухудшения российско-американских отношений, борьбы за влияние в регионе и усиливающегося недоверия между государствами.

Таким образом, предоставление негативных гарантий со стороны США, Великобритании и Франции, и, следовательно, перспектива полноценного функционирования зоны в Центральной Азии, зависит от того, смогут ли ядерные державы прийти к общему знаменателю в понимании расстановки сил в регионе и согласовать общее видение будущего евро-азиатской архитектуры безопасности.

Литература

1. Договор о нераспространении ядерного оружия, 1968. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 1.12.2012).
2. Резолюция ГА ООН № 3472 «Всеобъемлющее исследование по вопросу о зонах, свободных от ядерного оружия, во всех его аспектах». – Режим доступа: http://cns.miis.edu/nwzf_clearinghouse/index.htm (дата обращения: 1.12.2012).
3. Михайлов, В. Безъядерная зона в Евразии. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2009-04-17/6_eurasia.html (дата обращения: 1.12.2012).
4. Treaty on a Nuclear-Weapon-Free Zone in Central Asia Zone Treaty // Inventory of International Nonproliferation Organizations and Regimes. – Режим доступа: http://www.nti.org/e_research/official_docs/inventory/pdfs/ (дата обращения: 1.12.2012).
5. Текст Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии (Семипалатинск, 8 сентября 2006 года). – Режим доступа: <http://www.uzembassy.ru/2612.htm> (дата обращения: 1.12.2012).
6. Узбекистан второй раз выходит из ОДКБ. – Режим доступа: ria.ru/defense_safety/20120628/687288392.html (дата обращения: 1.12.2012).
7. Соков, Н. Н. Безъядерная зона в Центральной Азии: как получить пятерку? / Н. Н. Соков // Индекс безопасности. – № 3 (86). – Т. 14.

Информация об авторе:

Третьякова Наталья Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой истории и международных отношений института гуманитарных наук Тюменского государственного университета, tretyakova.natalia@yahoo.com.

Natalia A. Tretyakova – Candidate of History, Senior Lecturer at the Department of Modern History and International Relations, Institute of the Humanities, Tyumen State University.

УДК 340.1

ГЛОБАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ: ПРАВО И ПРАВОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В. А. Федосенко

GLOBAL STRUCTURES: LAW AND LAW-MAKING PROCESS

V. A. Fedosenko

В статье автор раскрывает понятие и сущность глобальных структур, правотворческого процесса и права глобальных структур в современном мире и их место в науке юриспруденции.

The author reveals the essence of the concept of global structures, law-making process, and the rights of global structures in the contemporary world and their place in the science of jurisprudence.

Ключевые слова: глобализация права, глобальное право и правотворчество, наднациональное правотворчество, право и правотворчество глобальных структур.

Keywords: globalization of law, global law and law-making, supranational law-making, global structures' law and law-making.

В настоящее время в юридической науке, подверженной влиянию изменений, происходящих в обществе, и, в первую очередь, влиянию такого явления, как глобализация, назрела потребность говорить о зарождении качественно нового явления – глобального (сетевого, наднационального) права [9, с. 4 – 10].

Глобальное право создается различными глобальными структурами, которые руководствуются нормами глобального права в своей повседневной деятельности и фактически является совокупностью правовых норм, регламентирующих общественные отношения, отягощенных глобальным элементом. Сам по себе глобальный элемент здесь предполагает принадлежность не к национальному и не к международному праву, а к внутреннему праву глобального образования.

Сразу необходимо акцентировать внимание на том, что глобальное право – это не международное право, не национальное право и не какие-либо локальные акты. Оно, по своей природе, является интернациональным правом, ограниченным рамками глобальной структуры, его создавшей.

Эти глобальные структуры, по нашему мнению, целесообразно разделять на экономические, как, например, ВТО, МВФ, Всемирный Банк, и региональные или политические, как, например, Европейский Союз, Лига Арабских Государств, Союзное государство Беларуси и России.

Глобальные структуры необходимо отличать, например, от международных организаций по линии ООН. Отличия здесь очевидны. Так, если международная организация, например МОТ, ВОЗ, ЮНЕСКО,

вправе претендовать на членство в ООН, и, сами эти организации открыты всем государствам, то глобальные наднациональные структуры, как, например, ВТО, Европейский Союз, являются своеобразными «закрытыми клубами», со своим законодательством и требованиями, предъявляемыми к кандидатам в новые члены. Наблюдая ВТО и Европейский Союз, четко видно прослеживается иерархия. Сами глобальные структуры построены по модели государства, сохраняя за собой возможность издания соответствующих директив.

Являясь по своей сути совокупностью правовых норм, регламентирующих общественные отношения, международное право и право глобальных структур схожи. Общие черты у международного и глобального права видятся, например, в том, что оба данных явления носят нормативный характер, разворачиваются в одном и том же мировом пространстве, нацелены на поддержание безопасности в мире, на мирное улаживание конфликтов, имеют соответствующие санкции для нарушителей правовых норм, содействуют развитию позитивных форм сотрудничества народов и наций в различных сферах жизни, организуют коллективные действия субъектов права.

Несмотря на указанные общие черты, данные явления – международное право и право глобальных структур – имеют свои различия [8, с. 5 – 8].

Так, объектом регулирования международного права являются отношения между миролюбивыми, суверенными государствами и другими субъектами международного права. Объектом же регулирования глобального права выступают глобальные экономические рынки, политические образования, мировая финансовая система, мировая информационная сеть, процессы, в которые вовлечены данные субъекты регулирования.

Субъектом права в международном праве выступают суверенные государства, международные организации, народы мира. Субъектом права в глобальном праве выступают организации, в том числе политические, достигшие статуса всемирного учреждения (такие как ВТО, МВФ, ЕС), открытые для присоединения к ним новых стран на условиях полной лояльности.

В международном праве правовые отношения выстраиваются по горизонтали как равноправные, основанные на взаимном уважении и сотрудничестве субъектов. В глобальном праве правоотношения отражают иерархию субъектов по критерию экономической, финансовой, политической мощи и конкурентоспособности, право глобальной организации контролировать и проверять деятельность своих членов.

Принципы международного права закреплены в Уставе ООН: суверенитет, невмешательство, взаимопомощь и сотрудничество, неприменение силы для разрешения споров и т. д. Принципы же глобального права: экономическая и политическая эффективность, конкуренция, помощь странам-членам на коммерческой основе, нейтральное отношение к суверенитету государства и праву наций на самоопределение.

Характер права в международном праве является наднациональным, а в глобальном – космополитическим.

Источником права в международном праве выступает международный договор, международный обычай. В глобальном же праве зачастую можно встретить такой источник права, как директива глобального центра, доведенная до исполнителя в виде требования. И, если в международном праве способом выработки норм являются переговоры и равноправное участие всех сторон, то в глобальном праве нормы создаются самой организацией, располагающей необходимыми средствами и информацией.

Причем, если государство, входя в какую-либо глобальную структуру, принимает участие в создании нормативного акта наднационального уровня, оно будет являться субъектом правотворчества. Если же государство присоединится к такой глобальной структуре, оно, в таком случае, уже будет принимать и исполнять существующие акты этой глобальной структуры. Очевидна зависимость: если международное право устанавливает принцип равноправия государств, то в глобальном праве устанавливается соответствующая иерархия, где доминирующее положение занимают государства, создавшие глобальную структуру, или, ранее в нее вступившие.

Действие норм международного права в пространстве имеет строго территориальную привязку. Действие же норм глобального права в пространстве экстерриториально. И, если в международном праве принципом применения норм является согласие субъекта и добровольность, то в глобальном праве принципом применения норм является обязательность.

Несмотря на отсутствие до настоящего времени объективного, комплексного, научно обоснованного исследования проблематики права глобальных структур и правотворчества в глобальных структурах, отдельные ученые-юристы высказывались по тем или иным аспектам интересующих нас вопросов.

Так, профессор Г. В. Мальцев в своем докладе «Права человека в свете современных представлений о государственном суверенитете» справедливо отмечал, что «в последние годы лейтмотивом многих политических выступлений в России и за рубежом стала так называемая десоверенизация национальных государств. Имеется в виду процесс, который сегодня вроде бы легко доказывается многочисленными фактами международной и внутригосударственной жизни, относящимися согласно установившимся представлениям к феномену глобализации. Действительно, современные государства все чаще передают на усмотрение наднациональных структур и центров многие проблемы, которые прежде решались ими самостоятельно на суверенной основе. Они соглашались на прямое действие норм международных организаций в своих странах, инкорпорируют их в национальную правовую систему, широко используют международные стандарты в ходе модернизации национального законодательства. Люди, прославляющие ныне глобализацию как апофеоз единения мировых сил, обычно умалчивают о непарадной стороне данного процесса, о приглаживании множества разнообразий и своеобразий в мировом развитии, причем именно тех, которые особенно важны для зарождения форм экономики и политики будущего». Далее он говорит о том, что «в любом случае осуществляемый сегодня

проект глобализации не нуждается в суверенном национальном государстве, сосредоточенном на собственных проблемах, и далеко не всегда адекватно отвечающем на призывы мировой системы. Ему подходят государства другого типа – открытые, зависимые, готовые поступиться внутренними проблемами ради решения так называемых мировых задач, которые на поверку оказываются задачами стран-лидеров. Они должны доверять инициативам «передовых государств» и быть легко управляемыми из глобальных центров. Таков или примерно таков перечень достоинств той политической структуры, части глобального мира, которая должна, по мысли глобалистов, прийти на смену суверенного национального государства».

И. И. Лукашук, анализируя взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации, справедливо отмечает, что в настоящее время в юриспруденции не проявляется соответствующего интереса к изучению влияния глобализационных процессов на развитие государства и права: отсутствует данная проблематика в работах по теории права и государства, равно как и в работах по отраслевым юридическим наукам [3]. Рассуждая о взаимном влиянии внутреннего и международного права в условиях глобализации, Ю. А. Тихомиров совершенно справедливо отмечает, что в настоящий момент важность транснациональных связей признается, но за ней не видят новых тенденций в мировом развитии права, нацеленных на сближение и взаимопроникновение, тогда как системное понимание положений ч. 2 ст. 15 Конституции РФ говорит о необходимости современного взгляда на эту проблему [7, с. 3 – 4].

Достаточно интересной представляется позиция профессора Э. Г. Кочетова, который, анализируя глобализационный процесс, предложил выделить несколько аспектов правового измерения современного мира:

1. Правопорядок сегодня не может сводиться только к международным правоотношениям, так как спектр его применения значительно изменился. Государство де-факто делегирует функции правотворчества различным субъектам, откуда формируется новейшая модель мировой правовой системы.

2. Приоритет традиционных правовых моделей, проистекающий из ранее имевшего место геополитического понимания мироустройства, а также нежелание многих ученых-юристов по-новому взглянуть на проблематику права с учетом изменившихся реалий, могут замедлить равноправное включение России в мировую глобализующуюся систему. И это имеет место быть уже сегодня, когда в обществе происходят новейшие процессы, о которых, еще несколько десятилетий назад, не возможно было даже задуматься: формирование глобальных сетевых воспроизводственных систем, развитие экономики на базе информационных технологий, приоритетные позиции геологических моделей и т. д., – однако с правовой точки зрения обеспечение этих процессов значительно отстает.

3. Глобализация и ее составляющие – геоэкономика и геофинансы – дали жизнь ряду интереснейших

и актуальных проблем, например геоэкономические преступления. Используя геофинансовые и геоэкономические технологии, хозяйствующие субъекты глобального уровня, в том числе и государства, способны уничтожить любую национальную экономику, что неизбежно приводит к глубокой деформации ее экономической и финансовой инфраструктуры. Финансовый кризис 1997 – 1998 гг. и сегодняшний финансовый кризис подтверждают такую возможность. Инстинкты обогащения, проявившись в глобальной сфере, ничем не сдерживаются, таким образом, без использования оружия, возможно изъять весь национальный доход и подчинить любую национальную систему, не опасаясь наступления ответственности за это, несмотря на то, что мировое сообщество отработало систему наказания за преступления против человечества. Правовая система, по мнению Э. Г. Кочетова, практически упустила из поля зрения проблему геоэкономических преступлений.

4. В новых реалиях глобализации норма права (или ее отсутствие), превратилась в действенное средство, отражающее защиту интересов одной страны, группы, корпорации в ущерб другой. Таким образом, различные споры о введении норм, их смягчение либо ужесточение является отражением политической борьбы доминирующее положение в той или другой сфере. Ответ на вопрос о возможности гармонизации правового поля в условиях острой борьбы интересов в различных сферах следует искать в общих глобальных и конституционных доктринах, качество проработки которых не соответствует реалиям сегодняшнего дня.

5. Геоэкономический подход выявляет необходимость принятия унифицированного кодекса мирового геоэкономического порядка, и данная задача может быть успешно решена на международной основе в сотрудничестве специалистов различных областей науки [2, с. 92 – 95].

На основании вышеизложенных парадигм Э. Г. Кочетов выделяет три уровня правового регулирования и системы права: национальное право, международное право и глобализованное, геоэкономическое право [2, с. 95]. С этой точки зрения, геоэкономика (экономическое измерение глобального мира) выступила как новая парадигма мироустройства, как ярчайшее отражение процесса глобализации. Исходя из этого, глобализованное геоэкономическое право, пришедшее на смену международному экономическому праву, будет регулировать геоэкономическую деятельность. Глобализованное геоэкономическое право, равно как и национальное и международное право, является составной частью мировой глобализованной правовой системы [2, с. 89].

Не менее интересной представляется позиция В. М. Шумилова, который, подвергая анализу глобализацию мировой экономики, отмечает, что она создает предпосылки к формированию соответствующей единому экономическому пространству политико-правовой надстройки – создание глобальной социальной системы, с присущими ей глобальными проблемами, интересами, институциональными механизмами, обладающими наднациональными свойствами [10, с. 76]. Отсюда, он говорит о том, что глобальная пра-

новая система обусловлена качественным единством следующих правовых явлений, требующих особого правового регулирования:

- 1) отношения в области национального права (частноправового характера с иностранным элементом);
- 2) отношения в сфере международного права;
- 3) отношения в областях, не урегулированных ни национальным, ни международным правом (здесь субъекты разных государств, являясь заинтересованными в обеспечении порядка, создают собственную автономную систему регулирования – так называемое транснациональное право);
- 4) отношения в области наднациональной юрисдикции (являются продуктом глобальных проблем и интересов и регулируются нормами, которые условно можно назвать наднациональным правом).

Две первых, традиционных, группы отношений, регулируемых международным частным и международным публичным правом, не выделяются из традиционной теории ни по форме, ни по содержанию. Две других группы отношений, по мнению В. М. Шумилова, регулируются транснациональным и наднациональным правом, равно как и международное частное право, международное публичное право, являющиеся составными частями глобального права [10, с. 78].

Однако, с данным доводом мы не можем согласиться, поскольку, как уже отмечалось выше, глобальное право и международное право являются по своей сути совершенно различными правовыми явлениями.

В общем смысле концепция транснационального права, по мнению В. М. Шумилова, заключается в том, что субъекты международных отношений самостоятельно разрабатывают правила поведения, которые находятся вне рамок правового регулирования, и не охватываются ни национальным, ни международным правом. Транснациональное право, таким образом, предстает в виде синтетической правовой сферы, в которой взаимодействуют субъекты международного права и субъекты национального права [10, с. 73].

Еще в 1956 г. вышло в свет исследование американского профессора Ф. Джессапа – «Транснациональное право», в котором его концепция исходит из равного статуса государств и юридических лиц в сфере международных отношений [12]. Наибольшее развитие эта концепция получила в сфере международного экономического права [11]. В отечественной юриспруденции подобный подход был предложен начале 20-х годов XX в. профессором Харьковского института народного хозяйства В. М. Корецким, в котором он предложил концепцию международного хозяйственного права, соединяющую международно-правовые и национально-правовые нормы, регулирующие международные экономические отношения [1, с. 120 – 195].

Транснациональные корпорации и транснациональные банки, как справедливо отмечает В. М. Шумилов, обладают своими собственными интересами, которые могут не соответствовать интересам отдельных государств и международного экономического правопорядка в целом. В своей деятельности такие субъекты заключают договоры-соглашения с государ-

ствами – реципиентами инвестиций, и между собой, и, таким образом, создают некий автономный правопорядок. То есть, субъекты международных правоотношений самостоятельно разрабатывают правила поведения, которые находятся за рамками и национального, и международного права [10, с. 73].

Следующим структурным элементом глобальной правовой системы, по мнению В. М. Шумилова, является наднациональное право. Явление наднациональности возникает, таким образом, в тех случаях, когда государства должны подчиняться правилам поведения, созданным без согласия государства. Международные организации, на основании уставной правосубъектности, могут давать обязательные для исполнения директивы государствам-членам. То есть, международные организации имеют в отношении фактически суверенных государств-членов некоторые самостоятельные распорядительные полномочия [10, с. 73].

Для того, чтобы вступать в правоотношения, в полной мере обладать своими правами, осуществлять их, иметь действенные гарантии осуществления прав и обязанностей, и, наконец, нести установленные обязанности, субъекты права, все без исключения, должны обладать таким признаком, как правосубъектность. Основным признаком правосубъектности международной организации – наличие у нее воли, позволяющей ей непосредственно являться участником международных отношений и осуществлять свои функции. При отсутствии воли и совокупности прав и обязанностей, международная организация не может функционировать и выполнять свои задачи, справедливо отмечает С. А. Малинин, рассуждая о правосубъектности международных организаций [4, с. 36]. Специфическая автономность воли такого субъекта проявляется в том, что после создания международной организации государствами посредством свободного волеизъявления каждого из этих государств, она, эта воля международной организации, представляет собой уже самостоятельное явление, а не совокупность воль государств-создателей международной организации. Эта воля автономна и в отношении воль других субъектов международного права. Источником воли международной организации является учредительный акт, как продукт согласования воль субъектов-учредителей [5, с. 28]. Отсюда можно сделать вывод о том, что международная организация не может рассматриваться как совокупность государств-членов или их коллективный представитель, выступающий от имени всех государств-учредителей. Для выполнения своей роли, международная организация должна обладать особой правосубъектностью. В. Моравецкий, анализируя функции международных организаций, говорит о том, что только при этом проблема воздействия международной организации на ее сферу имеет какой-либо смысл [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что источником правового регулирования деятельности глобальной структуры является также учредительный договор, устав или иной официальный акт, в котором, указывается объем и пределы правосубъектности глобальной структуры. Как правило, решения органов глобальных структур принимаются большинством го-

лосов, путем голосования, без непосредственного участия заинтересованных государств, и в соответствии учредительными документами самой глобальной структуры.

Правотворчество глобальных структур является ограниченным учредительными документами. Нормы права, создаваемые в ходе данного вида правотворчества, носят глобальный характер, принимаются в целях глобального регулирования.

Глобальная структура, в рамках настоящего исследования, представляет собой объединение межгосударственного космополитического характера, действующее для достижения определенных целей, создаваемое по модели государства, имеющее свои, в том числе правотворческие, органы, право.

Данные структуры выполняют ряд функций. Регулирующая функция состоит в принятии решений, определяющих принципы, цели, правила поведения государств-членов, которые обладают морально-политической обязательной силой, но их воздействие на глобальные отношения и на глобальное право велико: любому государству-члену трудно противостоять решению глобального субъекта.

Контрольные функции – это фактически контроль за соответствием поведения государств нормам глобального права, резолюциям. Для этих целей глобальные субъекты собирают и анализируют соответствующую информацию, обсуждают ее и выражают свое мнение в резолюциях. Зачастую государства регулярно представляют доклады о выполнении ими норм и актов глобального центра в соответствующей области.

Оперативные функции заключаются в достижении целей собственными средствами глобального центра, который воздействует на общественные отношения посредством государств-членов.

Для большей наглядности полагаем необходимым дать краткий анализ одной из наиболее известных в последнее время глобальной экономической структуре – ВТО.

Всемирная торговая организация (ВТО), являющаяся преемницей действовавшего с 1947 г. Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), начала свою деятельность с 1 января 1995 г. ВТО призвана регулировать торгово-политические отношения участников Организации на основе пакета Соглашений Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров (1986 – 1994 гг.). Эти документы являются правовым базисом современной международной торговли.

Соглашение об учреждении ВТО предусматривает создание постоянно действующего форума стран-членов для урегулирования проблем, оказывающих влияние на их многосторонние торговые отношения, и контроля за реализацией соглашений и договоренностей Уругвайского раунда. ВТО функционирует во многом так же, как и ГАТТ, но при этом осуществляет контроль за более широким спектром торговых соглашений (включая торговлю услугами и вопросы торговых аспектов прав интеллектуальной собственности) и имеет гораздо большие полномочия в связи с совершенствованием процедур принятия решений и их выполнения членами организации. Неотъемлемой

частью ВТО является уникальный механизм разрешения торговых споров.

С 1947 г. обсуждение глобальных проблем либерализации и перспектив развития мировой торговли проходит в рамках многосторонних торговых переговоров (МТП) под эгидой ГАТТ. Главная цель ВТО состоит в дальнейшей либерализации мировой торговли и обеспечении справедливых условий конкуренции.

Основополагающими принципами и правилами ГАТТ/ВТО являются:

- взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования (РНБ) в торговле;
- взаимное предоставление национального режима (НР) товарам и услугам иностранного происхождения;
- регулирование торговли преимущественно тарифными методами;
- отказ от использования количественных и иных ограничений;
- транспарентность торговой политики;
- разрешение торговых споров путем консультаций и переговоров и др.

Важнейшими функциями ВТО являются:

- контроль за выполнением соглашений и договоренностей пакета документов Уругвайского раунда;
- проведение многосторонних торговых переговоров между заинтересованными странами-членами;
- разрешение торговых споров;
- мониторинг национальной торговой политики стран-членов;
- техническое содействие развивающимся государствам в рамках компетенции ВТО;
- сотрудничество с международными специализированными организациями.

Общие преимущества от членства в ВТО можно суммировать следующим образом:

- получение более благоприятных условий доступа на мировые рынки товаров и услуг на основе предсказуемости и стабильности развития торговых отношений со странами-членами ВТО, включая транспарентность их внешнеэкономической политики;
- устранение дискриминации в торговле путем доступа к механизму ВТО по разрешению споров, обеспечивающему защиту национальных интересов в случае, если они ущемляются партнерами;
- возможность реализации своих текущих и стратегических торгово-экономических интересов путем эффективного участия в МТП при выработке новых правил международной торговли.

Все страны-члены ВТО принимают обязательства по выполнению основных соглашений и юридических документов, объединенных термином "Многосторонние торговые соглашения" (МТС). Таким образом, с правовой точки зрения система ВТО представляет собой своеобразный многосторонний контракт (пакет соглашений), нормами и правилами которого регулируется примерно 97 % всей мировой торговли товарами и услугами.

Пакет соглашений Уругвайского раунда объединяет по совокупности более 50 МТС и других правовых документов, основными из которых являются Соглашение об учреждении ВТО и прилагаемые к нему МТС.

Пакет документов Уругвайского раунда не является догмой, – неизменными остаются базовые принципы ГАТТ/ВТО. В рамках ВТО постоянно идет работа по совершенствованию соглашений с учетом практического опыта их имплементации и тенденций развития мировой торговли с целью разрешения возникающих проблем. В ходе продолжающихся МТП рассматриваются возможности включения в сферу деятельности ВТО новых актуальных вопросов.

Высшим органом ВТО является Министерская конференция, объединяющая представителей всех участников организации. Сессии конференции проходят не реже одного раза в два года, на которых обсуждаются и принимаются решения по принципиальным вопросам, связанным с пакетом соглашений Уругвайского раунда.

Между сессиями Министерских конференций по мере необходимости (8 – 10 раз в год) для решения текущих и процедурных вопросов созывается Генеральный Совет, состоящий из представителей всех участников организации. Кроме того, Генсовет администрирует деятельность Органа по разрешению споров и Органа по обзору торговой политики.

Министерская конференция ВТО учреждает Комитет по торговле и развитию, Комитет по ограничениям в целях обеспечения равновесия платежного баланса, Комитет по бюджету, финансам и администрации, а также Комитет по торговле и окружающей среде, Комитет по региональным торговым соглашениям и ряд других органов.

Министерская конференция (или Генсовет) назначает Генерального директора ВТО.

Под руководством Генсовета работают Совет по торговле товарами, Совет по торговле услугами и Совет по ТРИПС, а также ряд других органов. В рамках этих Советов учреждены Комитеты по Соглашениям и переговорные группы, членство в которых открыто для всех участников ВТО. Также функционируют другие специализированные органы.

Исполнительным органом организации является Секретариат ВТО в Женеве (Швейцария), в структурных подразделениях которого занято 500 человек. Рабочие языки ВТО – английский, французский и испанский.

В ВТО практикуется принятие решений на основе консенсуса, хотя де-юре предусмотрено голосование. Толкование положений соглашений по товарам, услугам, ТРИПС, а также освобождение от принятых обязательств (вейвер) принимаются 3/4 голосов. Поправки, не затрагивающие права и обязательства участников, а также принятие новых членов требуют 2/3 голосов (на практике, как правило, путем консенсуса).

В соответствии с Соглашением об учреждении ВТО странами-учредителями организации стали все Договаривающиеся Стороны – участники ГАТТ (128 государств), которые представили списки обязательств по товарам и услугам и ратифицировали пакет соглашений Уругвайского раунда.

Более тридцати государств имеют статус наблюдателя в ВТО. Подавляющее большинство из них находится на различных стадиях присоединения к ВТО.

Помимо этого, свыше 60 международных организаций имеют статус наблюдателя в различных струк-

турах ВТО, в т. ч. ООН, ЮНКТАД, МВФ, МБРР, ФАО, ВОИС, ОЭСР, региональные группировки, товарные ассоциации. Под эгидой ЮНКТАД/ВТО действует Международный торговый центр (МТЦ), оказывающий содействие развивающимся странам в сфере мировой торговли.

Процедура присоединения ко Всемирной торговой организации, выработанная за полвека существования ГАТТ/ВТО, многопланова и состоит из нескольких этапов. Как показывает опыт стран-соискателей, этот процесс занимает в среднем 5 – 7 лет.

На первом этапе в рамках специальных Рабочих групп происходит детальное рассмотрение на многостороннем уровне экономического механизма и торгово-политического режима присоединяющейся страны на предмет их соответствия нормам и правилам ВТО. После этого начинаются консультации и переговоры об условиях членства страны-соискателя в данной организации. Эти консультации и переговоры, как правило, проводятся на двустороннем уровне со всеми заинтересованными странами-членами Рабочей группы (РГ) по присоединению к ВТО.

Прежде всего переговоры касаются «коммерчески значимых» уступок, которые присоединяющаяся страна будет готова предоставить членам ВТО по доступу на ее рынки (фиксируются в двусторонних Протоколах по доступу на рынки товаров и услуг), а также по формату и срокам принятия на себя обязательств по Соглашениям, вытекающих из членства в ВТО (оформляется в Докладе Рабочей группы).

В свою очередь присоединяющаяся страна, как правило, получает права, которыми обладают и все другие члены ВТО, что практически будет означать прекращение ее дискриминации на внешних рынках. (Хотя, например, Китай не смог добиться получения всех этих прав в полном объеме). В случае противоправных действий со стороны какого-либо члена организации, любая страна сможет обращаться с соответствующей жалобой в Орган по разрешению споров (ОРС), решения которого обязательны для безусловного исполнения на национальном уровне каждым участником ВТО.

В соответствии с установленной процедурой результаты всех проведенных переговоров по либерализации доступа на рынки и условия присоединения оформляются следующими официальными документами:

- доклад Рабочей группы, где изложен весь пакет прав и обязательств, которые страна-соискатель примет на себя по итогам переговоров;
- список обязательств по тарифным уступкам в области товаров и по уровню поддержки сельского хозяйства;
- перечень специфических обязательств по услугам и Список изъятий из РНБ (режим наибольшего благоприятствования);
- протокол о присоединении, юридически оформляющий достигнутые договоренности на двух- и многостороннем уровнях.

Одним из главных условий присоединения новых стран к ВТО является приведение их национального законодательства и практики регулирования внешне-

экономической деятельности в соответствие с положениями пакета соглашений Уругвайского раунда.

На заключительном этапе присоединения происходит ратификация национальным законодательным органом страны-кандидата всего пакета документов, согласованного в рамках Рабочей Группы и утвержденного Генеральным советом. После этого указанные обязательства становятся частью правового пакета документов ВТО и национального законодательства, а сама страна-кандидат получает статус члена ВТО.

Таким образом, проанализировав все вышеизложенное в совокупности, необходимо отметить, что в настоящее время юридический мир столкнулся с реально существующим новым для себя явлением – глобальными структурами, с наличествующим у них правом и правотворческим процессом. Возникновению данного явления мы всецело «обязаны» процессу глобализации, все теснее охватывающему многообразные стороны общественных отношений. При всем многообразии глобальных структур, все их можно подразделить на экономические и политические, в за-

висимости от принципа образования конкретной структуры. Данные структуры, имея свои характерные особенности, отличаются от международных структур, например, структур ООН. Право глобальных структур, будучи совокупностью правовых норм, имеющих регулятивный характер, и, в чем-то схожим, например, с международным правом, внутригосударственным правом, в то же время имеет свои характерные отличия, как от международного, так и от внутригосударственного права. И, в последнее время, роль глобальных структур в формировании нового мирового порядка, все больше возрастает, приобретая решающие роли, а сами глобальные структуры и происходящие в них процессы нуждаются в детальном изучении. Их изучение позволит выявить и предотвратить, в том числе, факторы, вызывающие дестабилизирующие процессы в глобальных структурах, например, имеющую место в наше время дестабилизирующую ситуацию в Европейском Союзе.

Литература

1. Корецкий, В. М. Избранные труды / В. М. Корецкий. – Киев, 1989. – Кн. 1. – 344 с.
2. Кочетов, Э. Г. Основные характеристики глобализационного процесса и правовое измерение мира / Э. Г. Кочетов // Журнал российского права. – 2003. – № 3.
3. Лукашук, И. И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации / И. И. Лукашук // Журнал российского права. – 2002. – № 3.
4. Малинин, С. А. О правосубъектности международных организаций / С. А. Малинин. – М., 1981. – 36 с.
5. Международные организации / под ред. И. П. Блищенко. – М., 1994. – 305 с.
6. Моравецкий, В. Функции международной организации / В. Моравецкий. – М., 1979. – 384 с.
7. Тихомиров, Ю. А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права / Ю. А. Тихомиров // Журнал Российского права. – 2002. – № 11.
8. Федосенко, В. А. Глобализация права: право глобальных структур и правотворчество в Союзном государстве Беларуси и России и в Европейском Союзе: монография / В. А. Федосенко. – Новокузнецк, 2012. – 151 с.
9. Федосенко, В. А. Концепция коллективных и субъективных публичных прав в ракурсе глобализационных процессов в праве / В. А. Федосенко. – Новокузнецк, 2009. – 213 с.
10. Шумилов, В. М. Глобализация мировой экономики и глобальная правовая система / В. М. Шумилов // Внешнеэкономический бюллетень. – 2002. – № 8.
11. International Economic Theory and International Economic Law // The Structure and Progress of International Law. – The Hague, 1986.
12. Jessup, P. P. Transnational Law / P. P. Jessup. – New Haven: Yale University: Press, 1956.

Информация об авторе:

Федосенко Виктор Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Новокузнецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, +7 (951) 175-89-35, fedosenko@ngs.ru.

Viktor A. Fedosenko – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of State and Municipal Management, Novokuznetsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

УДК 94(574)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

С. В. Филиппов

SOCIO-CULTURAL AND POLITICAL TRANSFORMATIONS OF THE RUSSIAN POPULATION IN NORTH-EASTERN KAZAKHSTAN IN THE POST-SOVIET PERIOD

S. V. Filippov

В статье рассматриваются различные аспекты социокультурной и политической трансформации, происшедшие с русским населением республики Казахстан в постсоветский период, причины подобных изменений и их результат, а также позиция Российской Федерации по отношению к этим процессам; сделаны определённые выводы и смоделирована ситуация на ближайшее будущее.

The paper considers various aspects of sociocultural and political transformation of the Russian population of the Republic of Kazakhstan during the Post-Soviet period, the reasons of these changes and their result, and also the Russian Federation's attitude to these processes, certain conclusions are drawn and the situation in the near future is simulated

Ключевые слова: русские в Казахстане, евразийское пространство, социокультурные и политические изменения, позиция России.

Keywords: Russians in Kazakhstan, Eurasian space, sociocultural and political changes, position of Russia.

Социокультурные и политические трансформации на евразийском пространстве в конце XX – начале XXI вв. – актуальный и при этом недостаточно изученный аспект постсоветской истории республики Казахстан. Евразийство является в большей степени продуктом развития русского этноса как стержнеобразующего начала. Русская цивилизация не заканчивается на государственной границе Российской Федерации и включает в себя русское население северо-восточного региона Казахстана. Актуальность усматривается в том, что в Казахстане, в отличие от России, смена власти ещё только предстоит, и неизвестно, какой курс во внешней и внутренней политике будет проводить новое руководство страны.

Казахстан в экономических реформах идёт впереди России, в частности, в плане коммерциализации социальной сферы и сферы ЖКХ: платная скорая помощь, гранты на образование, стремление в сторону платного высшего и частично платного среднего образования, ЕНТ и т. д. Законы об ужесточении ответственности за нарушения на митингах, о выборах губернаторов, об иностранном финансировании некоммерческих общественных организаций, занятых в сфере политики, если и не были «позаимствованы» у Астаны, то, во всяком случае, были воплощены Москвой в реальную действительность позднее.

Постсоветское пространство как политическая реальность постепенно уходит в прошлое, теряя свою актуальность. Единого цивилизационного пространства больше нет, нет единой экономики и единого интегрированного политического образования. Казахстанское государство приобретает всё больше и больше черты исключительно казахского, об этом говорит и сам президент Н. А. Назарбаев: «...в условиях многонационального Казахстана существует только один путь реализации общенациональных интересов, который заключается в обеспечении равенства всех народов при интегрирующей роли казахской нации» [1, с. 81.]. Рус-

ская культура – урбанизационная (урбанкультура). Русский язык и русская культура отделились от русского этноса и существуют автономно. Их носителями стали русифицированные Шала-казахи, не знающие своего родного языка, они стали носителями русскости как таковой. И уже Шала-казахи, а не русские, которые давно ни на что не претендуют (во всяком случае, активного отстаивания своих национальных интересов нет) стали объектом критики для национал-патриотического движения. Борьба против русского языка и культуры, носителями которых являются Шала-казахи, вполне объяснима, т. к. мощная урбанизация казахов последних лет приводит к их неизбежной русификации [2]. Происходит довольно причудливая трансформация внутри казахского этноса.

В этой связи вполне понятно обращение казахстанской исторической науки к национальным корням [3]. В казахской историографии идут активные исследования именно кочевых империй прошлого и, так называемого, «колониального периода» [4], хотя, с другой стороны, далеко не все учёные в мировом масштабе признают концепцию кочевой империи и отвергают саму возможность для империи быть кочевой. Идея возрождения всемирного единства (великого Турана – кочевой империи), несмотря на то, что она, по сути, так и осталась не реализована в 1990-х гг. из-за нехватки ресурсной базы у Турецкой республики, декларируется президентом Казахстана Н. А. Назарбаевым до сих пор [5]. Отдельное внимание в казахстанской историографии отводится изучению положения российских казахов [6], в особенности, в приграничных с Казахстаном районах, в частности, в Горном Алтае. В средневековье территория южной части современной Омской области входила в Западно-Тюркский каганат и Сибирское ханство [7] (степная территория кочевания тюркских племён), поэтому, казахские националисты считают данную территорию исконно казахской и не признают россий-

скую юрисдикцию над Омской областью [8], а также частью других территорий. В то же время в самой России появляются предложения о «продвижении» казахского языка в приграничных районах [9]. Определённая имперскость и великодержавность встречается не только в государственной символике, но и в образах, составляющих общий имидж Казахстана (не случайно, например, один из ведущих банков Казахстана назван «ТурамАлем» (прим. автора: *наш дом – весь мир* (перевод авторский)) [10].

В 1997 г. президент республики Казахстан Нурсултан Назарбаев провёл административно-территориальное переустройство областей (к этнически русским областям были присоединены казахские) и перенёс столицу из Алматы в Астану с целью пресечения этнического сепаратизма [11]. В советский период за подчинённое положение Москве коренные этносы национальных окраин получили полное доминирование в республиканских, региональных и местных органах власти. Казахстан, в том числе северо-восточный, не был исключением, что, в свою очередь, стало одной из главных причин дискриминационной политики после обретения независимости. Это прямым образом сказалось на социально-политическом статусе русского населения в северо-восточном регионе Казахстана в конце XX – начале XXI вв., в частности, на таких аспектах, как положение в социальной иерархии в целом и государственно-административном аппарате в частности [11], а опосредованно и на всей структуре занятости русского населения в этом регионе. В результате, общее социально-экономическое положение Казахстана только ухудшилось. Русским не удалось должным образом участвовать в приватизации 1990-х гг. тяжелой промышленности, индустрии, энергетике и других ключевых областях реального сектора экономики, в которых казахи раньше не играли заметной роли. Причина этого заключалась в том, что политическая элита и республиканское руководство независимого Казахстана воспринимали русских как оппозиционную силу, поэтому не могли позволить сформироваться новому классу собственников, который мог быть не совсем лояльным к действующей власти. Правительство не было заинтересовано, чтобы национальный капитал, принадлежавший всем гражданам Казахстана, сосредоточился в руках русского этноса, чужого пришлого элемента для казахского общества. На сегодняшний день отсутствует необходимость и спрос на участие русских в модернизации Казахстана (перспективный – значит занятый на госслужбе современный молодой казах с иностранным образованием).

Другая причина усматривается в том, что русские как этнос почти не участвуют, во всяком случае, не могут существенно повлиять на формирование правил политической и экономической деятельности в стране. Русские более европеизированный, а, следовательно, разобщённый этнос, чем казахи, но стоит упомянуть, что русское национальное меньшинство в Казахстане более сплочённое, чем русские в самой России. Это связано с нахождением их в иноэтническом окружении на протяжении нескольких веков, то есть с исторически сложившейся данностью.

В Казахстане (прим. автора: *Закон РК от 15 июля 2002 г. № 344-III «О политических партиях»*. Ст. 5, п. 8. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1032141) запрещена деятельность партий как по национальному (этническому), так и по региональному (территориальному) признаку, что в свою очередь ограничивает юридические инструменты отстаивания своих законных прав и интересов для русского населения в северо-восточном регионе Казахстана, на части территории которого русские составляют не только абсолютное, но и процентное большинство (прим. автора: *Северо-казахстанская и Костанайская области*). Это является одной из причин сравнительно малой представленности русских в органах власти, в том числе, в законодательной (представительной) её ветви от республиканского Мажилиса до районного совета.

На фоне неблагоприятных демографических тенденций для русского национального меньшинства в Казахстане (увеличивается смертность, уменьшается рождаемость, эмиграционная активность остаётся на достаточно высоком уровне, в первую очередь, в молодёжной среде) происходит старение и уменьшение численности русских в Казахстане, а, следовательно, сокращение их экономической активности и вытеснение на производственную и промышленную периферию, в сферу социального сервиса и обслуживания, которые никогда не были традиционными сферами занятости русского населения. Невозможность трудоустроиться по специальности и отсутствие карьерной перспективы, невозможность реализовать себя в других областях, безальтернативная необходимость адаптироваться к новым социально-экономическим условиям после 1991 г. – всё это диктовало новую стратегию жизненного выживания.

В последнее десятилетие ситуация начала трансформироваться: в сферу сервиса и обслуживания, занятую русскими, привлечены значительные инвестиции, повышен её социальный престиж, она развивается активными темпами, поэтому экономическое положение несколько стабилизировалось.

Происходит «казахизация» русского населения: сокращается количество русских школ, а в казахских – сокращается количество часов русского языка и литературы, истории России и количество предметов, преподаваемых на русском языке. Изменяются образовательные программы в пользу казахского языка, истории и культуры казахов. Тем временем русский язык, русская литература и история России постепенно убирается из школьного и, тем более, университетского курсов обучения. При этом собственно казахское образование резко проигрывает российскому, не отличаясь глубиной, академичностью и фундаментальностью. Оно мало котируется как на международном, так и на внутриказахстанском рынках труда.

Идёт процесс активной исламизации русских в Казахстане. По некоторым данным, количество русских мусульман в этой республике уже давно превышает 50 тысяч человек [12]. В 1990-е гг. существовала на одном из республиканских телеканалов передача, в которой призывали русских принимать мусульманство, т. е. пропагандировался ислам.

Концепция внешней политики Российской Федерации по вопросу положения соотечественников в

ближнем зарубежье придерживается следующих принципов: «Россия активно способствует развитию взаимодействия государств – участников СНГ в гуманитарной сфере на базе сохранения и приумножения общего культурно-цивилизационного наследия, которое в условиях глобализации является важным ресурсом СНГ в целом и каждого государства-участника в отдельности. Особое внимание уделяется поддержке соотечественников, проживающих в государствах – участниках СНГ, согласованию на основе взаимности договоренностей о защите их образовательных, языковых, социальных, трудовых, гуманитарных и иных прав и свобод» [13]. На официальном уровне был подписан ряд документов, закрепляющих юридически сложившееся положение дел. Договор между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Казахской Советской Социалистической Республикой (Москва, 1 февраля 1991 г.), подписан ещё при СССР, статья 6: «Высокие Договаривающиеся Стороны признают и уважают территориальную целостность Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Казахской Советской Социалистической Республики в сложившихся в рамках СССР границах» [14, с. 417]. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан (Москва, 25 мая 1992 г.) статья 1: «Высокие Договаривающиеся Стороны строят свои отношения как дружественные государства, последовательно руководствуясь принципами взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности, мирного урегулирования споров и неприменения силы или угрозы силой, включая экономические или иные способы давления, равноправия и невмешательства во внутренние дела, соблюдения прав человека и основных свобод, добросовестного выполнения обязательств, а также другими общепризнанными нормами международного права» [14, с. 423]. Иными словами, положение соотечественников в Казахстане находится под национальной юрисдикцией иностранного государства. Этому способствовало и создание ряда многосторонних межгосударственных организаций, в которых России и Казахстан являются активными участниками. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) (Астана, 10 октября 2000 г.) [14, с. 469 – 470], декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества [14, с. 471 – 472] 5 статья которой гласит: «Государства-участники Шанхайской организации сотрудничества твёрдо придерживаются целей и принципов ... решения всех вопросов путём взаимных консультаций, невмешательства во внутренние дела, неприменения военной силы или угрозы силой, отказа от одностороннего военного превосходства в сопредельных районах» [14, с. 472]. Алматинский акт совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СМВДА) (Алматы, 4 июня 2002 г.) [14, с. 473 – 475], 18 статья констатирует: «Сепаратизм является одной из основных угроз и вызовом безопасности, стабильности, суверенитету, единству и территориальной целостности государств. Государства-члены не будут поддерживать на территории другого государства-члена любые сепаратистские движения и организации и, если тако-

вые появятся, не будут устанавливать с ними политических, экономических и других отношений, позволять использовать территории и коммуникации государств-членов вышеупомянутыми движениями и организациями или оказывать им какую-либо экономическую, финансовую и другую поддержку. Мы подтверждаем право народов, живущих под иностранной оккупацией, на самоопределение в соответствии с Уставом ООН и международным правом» [14, с. 474]. Устав организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) (Кишинёв, 7 октября 2002 г.) [14, с. 475 – 477], статья 5: «Организация действует на основе неукоснительного уважения независимости, добровольности участия, равенства прав и обязанностей государств-членов, невмешательства в дела, подпадающие под национальную юрисдикцию государств-членов» [15, с. 476]. Насколько это юридически закреплённое положение, в вышеперечисленных нормативно-правовых актах выполняется на практике, судить сложно. Вероятно определённые трения между обеими сторонами при реализации в правоприменительной практике всё же существуют [14]. При этом далеко не все в политических кругах, общественности и даже научном сообществе республики Казахстан признают необходимость и правильность пророссийского вектора внешней политики, или, по крайней мере, курса на интеграцию с нашей страной [16]. Таким образом, та часть русского населения республики Казахстан, которая претендует на то, чтобы быть посредником в интеграционном процессе между Россией и Казахстаном, может остаться невостребованной в случае резкой смены внешнеполитического курса как в сторону прозападной ориентации, так и в сторону исламского мира, в связи отсутствием необходимости в ней.

При этом, на наш взгляд, не стоит «осуждать» режим Н. А. Назарбаева и слишком драматизировать ситуацию – что будет после его смерти и смены власти в республике. К власти могут прийти националисты, и произойдёт «архаизация» всех сфер жизни общества, или – исламисты, и произойдёт теократизация государства по типу Ирана. Новое руководство, каким бы оно ни было, вполне может сменить внешнеполитический курс и вывести Казахстан из ОДКБ, СМВДА, ЕврАзЭС и даже СНГ, ввести визовый режим с Россией. Вероятно, что после этого российские СМИ обратят внимание на положение русского населения в Казахстане и странах Центральной Азии не освещающие этот вопрос на сегодняшний день (в отличие от Прибалтики), так как это уже будет затрагивать внешнеполитические интересы Российской Федерации. В любом случае смена руководства в республике Казахстан не приведёт к улучшению положения русского населения, а скорее, наоборот, к его ухудшению. Таким образом, русское население является опосредованным актором влияния России на регион, а действия, направленные на уменьшение русского культурного пространства в республике, противостоят внешнеполитическим интересам России.

Если существующие тенденции продолжатся (прим. автора: *Переписи населения республики Казахстан 1989 г., 1999 г., 2009 г. констатируют убыль русского населения за каждые 10 лет на 10 % от общей численности населения*) и текущая политика не изме-

нися, то положение русских будет ухудшаться, а их количество уменьшаться, и скоро русское влияние в Центральной Азии исчезнет, как исчезло греческое влияние в Персии и на Среднем Востоке. В конечном итоге произойдёт полная ликвидация русской общины в Центральной Азии. В связи с тем, что русское население в этих республиках практически потеряло политическую власть, экономическое могущество и социальное положение, практического смысла для России сохранять «анклавы русской культуры» нет. Так как они уже не могут значительно повлиять на принимаемые в этих странах решения, поэтому для внешней политики России первостепенное значение приобретает один из вариантов – способствовать полному, по возможности 100 % переселению русской диаспоры из центральноазиатских республик в Россию.

В Казахстане – ситуация более сложная: на протяжении последних 10 лет стал очень активно внедряться кластерный принцип организации производства, т. е. вся технологическая цепочка от добычи сырья до производства готовой продукции сосредоточена таким образом, что заранее выбранное место локализации не выходит за пределы границ установленной территории [17]. Для русских это стало особенно актуальным, так как произошёл процесс концентрации русского населения не только в конкретных производственных отраслях реального сектора экономики, как правило, тяжёлой и сырьедобывающей промышленности, но и внутри этих отраслей в конкретных предприятиях, фабриках, заводах и других фирмах, как частной, так и государственной форм собственности. Это выгодно России, так как нашей стране гораздо удобнее иметь дело и налаживать экономические связи с русскими предприятиями и центрами, нежели работать с русским населением, расселённым по всей республике в неконцентрированном виде. По этой же причине подобные тенденции к локальной и профессиональной специализации русского населения на северо-востоке Казахстана выгодны политическому руководству этой республики: наличие подобных предприятий со значительной долей русского участия позволяет легче осуществлять администрирование, управление и контроль над социально-экономической активностью русских граждан республики. Для внешней политики России открылась иная стратегия – попытаться наладить связь с русскими предприятиями и организациями в северо-восточном регионе Казахстана с выгодой для себя и продолжать активно налаживать отношений с русским национальным меньшинством в данной республике, способствуя его укреплению и сохранению.

В заключение необходимо отметить, что после 1991 г. довлевшие стереотипы и комплексы были использованы политической верхушкой для отвлечения внимания рядовых граждан от реальных социально-экономических проблем периода постраспада СССР и снятия социальной напряженности в обществе во время кризиса. С подачи президента Н. А. Назарбаева начался процесс удревления истории казахского этноса и государства [18]. Ситуация в Казахстане во многом вписывается в общую историческую картину, а «перекося» в национальной политике присутствовали во всех постсоветских странах. В Казахстане такой

негативный пик приходился на 1994 г., когда республику покинуло более полумиллиона русских [19, с. 10]. Они как «пришлый элемент» приняли на себя часть недовольства социально-экономическим положением в стране. Государственная политика сводилась к вытеснению русских из сектора государственного управления. С 1991 г. в политическом руководстве Казахстана постепенно сокращается количество русских, и на сегодняшний день их почти не осталось [1, с. 80]. Происходит этническое «очищение» территорий и национальностей, что в свою очередь приводит к этнокультурной замкнутости региона, а Казахстан из европейского государства превращается в азиатское. Многие русские по ряду объективных и субъективных причин (политика этнократии, архетипы поведения русского этноса, экономическая ситуация, кризис идентичности, который не преодолен до сих пор) перестали чувствовать в Казахстане свою родину, а, следовательно, ассоциировать своё гражданство с этой страной, о чём свидетельствует миграционная активность, которая, хотя и постепенно уменьшается, но всё же продолжает оставаться на высоком уровне [20, с. 11 – 12]. В своей основе кризис идентичности имел множество факторов: различные аспекты постимперского синдрома, отсутствие поддержки со стороны Москвы, ментальные стереотипы восприятия русских аборигенным населением, распад СССР и т. д. Эмиграция помогла его преодолеть и стать переселенцам полноправными гражданами России. Проблема русских, которые остались в республике Казахстан, перестанет существовать через 25 – 30 лет, они будут ассимилированы и «азиатизированы». Что же касается северо-восточного региона Казахстана, то он вряд ли будет полностью «оказашен» и в культурном отношении инкорпорирован в казахское цивилизационное пространство, так как исторические корни русского народа на этой территории гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. Одной из основных причин резкого снижения экономической активности русского населения в северо-восточном Казахстане на рубеже 1990-х – 2000-х годов стала национальная политика этнократии, которую проводило с момента получения независимости казахстанское руководство и президент Н. А. Назарбаев.

Системный кризис периода постраспада не преодолен до сих пор. Не решён вопрос самоидентификации русского населения в Казахстане: этнопсихологический вакуум после ликвидации марксистско-интернационалистской парадигмы общественного развития не заполнен ничем. Полный крах концепции мультикультурного подхода, точно также, как и его имперско-цивилизационного аналога восточнославянского типа евразийской концепции братства народов и сосуществованию культур в своём позитивном диалоге, натолкнувшуюся на повседневную дискриминацию в реальной действительности и практической политике, а также бытовой национализм, который она не в состоянии преодолеть, или, по крайней мере, каким-либо образом решить в позитивном ключе. Активизировались поиски этнического существования и стремление определиться в окружающем бытии, а, следовательно, выбрать вариант пути в своём развитии на будущую перспективу. Изучение взаимосвязи

роли и значения русских в экономике Казахстана и политики, проводимой по отношению к ним, является тематикой для дальнейших исследований. Можно лишь констатировать, что для русских стратегия миграционного поведения представляется в виде прямо пропорциональной зависимости: чем сильнее полити-

ческое давление на этнос, тем выше темпы его эмиграции, а роль русского населения в экономике северо-восточного Казахстана будет только уменьшаться, т. к. количество русских в стране постоянно сокращается, особенно в элитных слоях общества.

Литература

1. Савин, И. Русская идентичность как социальный ресурс в современном Казахстане (по материалам исследования представителей русской элиты) / И. Савин // Диаспоры. – 2003. – № 4.
2. Алексенко, А. Н. Городское население Казахстана в XX – начале XXI вв.: численность, этнический состав / А. Н. Алексенко // Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития. Пятые научные чтения памяти Е. М. Залкинда: материалы Международной научной конференции (27 апреля 2012 г.).
3. Каргабаев, М. История кочевников Казахстана / М. Каргабаев. – Режим доступа: http://www.zonakz.net/blogs/user/kargabaev_mirzabek-issledovatel_kalamger/9988.html (дата обращения: 12.11.2012).
4. Айтенова, Б. К. Современная историография Казахстана о проблемах российской колонизации и национально-освободительного движения в казахской степи / Б. К. Айтенова. – Режим доступа: <http://www.dissertat.com/content/sovremennaya-istoriografiya-kazakhstan-a-o-problemakh-rossiiskoi-kolonizatsii-i-natsionalno-o> (дата обращения: 12.11.2012).
5. Назарбаевская теория о Великом Туране. – Режим доступа: <http://www.azglobus.net/1492-koleso-istorii.html> (дата обращения: 12.11.2012).
6. Казахи в России // Россия и Казахстан: историческое и этнокультурное взаимодействие. – Режим доступа: <http://kz.ethnology.ru/win/kaz-in%20russia.html> (дата обращения: 12.11.2012).
7. Омская область. История Омской области. – Режим доступа: <http://protown.ru/russia/obl/history/history-416.html> (дата обращения: 12.11.2012).
8. Мой Усть-Каменогорск. Смотри комментарии. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=PMR-pmDkuuKs> (дата обращения: 12.11.2012).
9. В школах российского Омска предложили преподавать казахский язык. – Режим доступа: <http://news.nur.kz/230944.html> (дата обращения: 12.11.2012).
10. Официальный сайт акционерного общества «БТА Банк». – Режим доступа: <http://bta.kaz/> (дата обращения: 12.11.2012).
11. Медведев, Р. Казахстанский прорыв / Р. Медведев. – М.; Алматы: Ин-т экон. стратегий, 2007. – 160 с.
12. Количество русских мусульман в Казахстане достигло 50000. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1051732800> (дата обращения: 05.12.2012).
13. Концепция внешней политики Российской Федерации. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/785> (дата обращения: 01.08.2012).
14. Богатуров, А. Д. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы / А. Д. Богатуров. – М., 2011. – 549 с.
15. Козлов, С. Разведка или научные исследования. Отношения двух партнёров по СНГ подвергаются серьёзному испытанию / С. Козлов // Независимая газета. – 14 августа. – 1997. – № 150 (1475).
16. Бесенбаев, А. К. Не вместе: Россия и страны Центральной Азии / А. К. Бесенбаев. – СПб.: Питер, 2011. – 208 с.
17. Медведев, Р. Казахстанская экономика в разных измерениях / Р. Медведев // Вестник аналитики. – 2007. – № 3(29).
18. Кургчи, А. Б. Истоки тюркской духовности / А. Б. Кургчи, М. П. Примибетов. – Астана, 2002.
19. Мироглов, Ф. Русские в Казахстане. Информационно-аналитический обзор / Ф. Мироглов // Соотечественники: русская культура вне границ. – 2003. – № 2.
20. Навозов, О. В. Обращение соотечественников из Усть-Каменогорска / О. В. Навозов, И. М. Светашева // Соотечественники: русская культура вне границ. – 2003. – № 2.

Информация об авторе:

Филиппов Семён Владимирович – аспирант кафедры востоковедения исторического факультета Алтайского государственного университета, Solomon.rys@yandex.ru.

Semen V. Filippov – post-graduate student at the Department of Orientalism, Altai State University.

**БЕЛОРУССИЯ И КАЗАХСТАН:
ВОСПРИЯТИЕ НАРОДОВ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В РОССИИ**
Ю. Г. Чернышов

**BELARUS AND KAZAKHSTAN:
THE PERCEPTION OF THEIR PEOPLES AND POLITICAL LEADERS IN RUSSIA**
Yu. G. Chernyshov

В статье исследуется восприятие Белоруссии и Казахстана, их народов и лидеров в России. В целом это восприятие сравнительно позитивное. Оно не слишком омрачено имевшими место проблемами в положении русскоязычного населения, однако на имидж страны может существенно влиять политика, проводимая лидером страны (наличие или отсутствие открытых противоречий и конфронтационных мотивов).

The author analyses the perception of Belarus and Kazakhstan, their peoples and leaders in Russia. In general, the perception is relatively positive. It is not too overshadowed by the problems of the position of the Russian-speaking population, however, the image of the country may be influenced by the policies pursued by the leader of the country (the presence or absence of open contradictions and conflicting motives).

Ключевые слова: Белоруссия, Казахстан, Россия, Лукашенко, Назарбаев, белорусы, казахи, русские, этнические стереотипы.

Keywords: Belarus, Kazakhstan, Russia, Lukashenko, Nazarbayev, Belarusians, Kazakhs, Russians, ethnic stereotypes.

Белоруссия и Казахстан – государства, с которыми после распада Советского Союза Россия наиболее активно (при всех существующих проблемах) выстраивала интеграционные процессы. Этому способствовали, очевидно, не только материальные факторы (экономическая и геополитическая выгода и т. д.), но и определенные ментальные особенности, связанные с взаимным восприятием стран и народов.

Восприятие народов друг другом (в том числе комплекс сложившихся и меняющихся этнических стереотипов), на наш взгляд, может влиять на отношения между странами и, в свою очередь, испытывать обратное влияние. Выявление этой взаимосвязи – тема интересная, но весьма сложная для изучения. Активно развивающаяся сейчас этническая психология дает весьма полезный инструментарий для анализа этнических стереотипов, и было бы интересно применить его в исследованиях по развитию отношений России со странами «ближнего зарубежья». Что же касается лидеров стран, то здесь в большей степени применимы методы анализа, используемые в современной имиджелогии.

Опираясь на выводы этнической психологии, можно дать следующее рабочее определение этнических стереотипов: это устойчивые, упрощенные, эмоционально окрашенные образы-оценки представителей различных этнических общностей, влияющие на мнение и поведение в отношении них в социуме. Нужно учитывать, что процесс формирования стереотипов весьма сложен – он включает в себя не только рациональный уровень, но и подсознательный. Человеку свойственно зачастую судить о представителях «чужих» по схеме «все они одинаковые, все они такие». Происхождение стереотипов объясняют не только воспитанием, но и личным опытом, и общественным мнением, и пропагандой в СМИ. В стереотипах, как правило, присутствует и относительно устойчивое «ядро», и относительно изменчивая «оболочка».

Многое в «полярности» стереотипов зависит от исторического опыта взаимодействия народов, от того, в каких отношениях (войны или мира, конфронтации или сотрудничества) находятся соответствующие страны. В последние два десятилетия очень непростая эволюция стереотипов происходит в восприятии народов бывших советских республик. После распада СССР там активно стали развиваться процессы формирования новых идентичностей. С разной степенью радикальности начались «переписывания истории», противопоставления «коренных» народов «пришлым», «имперским». Как и в других странах, в Белоруссии и Казахстане дискуссии о цивилизационной идентичности тоже идут (необходимо помнить, в частности, что история белорусов складывалась под влиянием борьбы великопольских и великорусских интересов, а казахи исторически связаны с кочевым образом жизни и мусульманским миром). Однако в целом эти процессы не привели там к доминированию ксенофобии.

Что же касается образов политических лидеров, то здесь во многом действует известный принцип: «каждый народ заслуживает того правителя, которого имеет». Более того – по имиджу лидера, по его поведению нередко судят и о народе в целом. Такая «персонификация» имиджа нередко способствует переносу восприятия лидера (его личных качеств и проводимой им политики) на отношение к стране и ее народу. Особенно часто это происходит, когда речь идет об авторитарных режимах, лидеры которых остаются на своих постах не одно десятилетие.

Разумеется, было бы не вполне корректно ограничиваться сопоставлением двух разных стран – Белоруссии и Казахстана – по каким-то единым формальным критериям. Каждая из этих стран специфична и заслуживает отдельного рассмотрения. Однако по итогам такого рассмотрения вполне можно сделать и некоторые обобщающие выводы.

Белоруссия как одна из «славянских» республик до сих пор воспринимается наиболее «родственной» России и, при всех проблемах, наиболее расположенной к развитию интеграции. Один из стимулов к этому – сложные отношения режима А. Г. Лукашенко с Западом. К тому же Белоруссия – одна из наиболее «русифицированных» республик. Как отмечалось в докладе МИД РФ «Русский язык в мире», в стране из почти 10-миллионного населения этническими русскими себя считают 15 % жителей, но более 80 % граждан во всех сферах жизнедеятельности используют русский язык [1]. В СМИ практически нет упоминаний случаев, когда бы русские в Белоруссии ущемлялись в правах по национальному признаку.

Стереотипы восприятия белорусов в России исторически менялись. Так, в XIX в., наряду с представлениями о «родственности» происхождения, в русской литературе встречаются суждения о «невежественности» и «забитости» белорусов, о распространенности среди них пьянства и вместе с тем об особой «живучести» и «терпеливости» белорусов. В советский период добавляется активно пропагандируемый государством позитивный образ «республики-партизанки», стойко противостоявшей чужеземной агрессии. В постсоветский период белорусская пропаганда пытается трансформировать стереотип о «забитости» в более позитивный стереотип – об особой «толерантности» белорусского народа. В российском же обществе, на фоне в целом положительного отношения к белорусам (они – «наши братья по крови и по духу») начинают распространяться и отдельные негативные стереотипы – что они «нахлебники», живущие за счет России [2; 3].

«Оболочка» стереотипных представлений о белорусах менялась под влиянием конкретных изменений в отношениях между народами – от настороженности и недоверия, через сотрудничество ради достижения общей цели, к нынешним отстраненно-позитивным отношениям с элементами критического восприятия. При этом одни и те же стереотипы «ядра» могли получать как позитивную, так и негативную интерпретацию. Так, например, в настоящий момент нет однозначно негативно окрашенных стереотипов: «живучесть» может трактоваться как «выносливость, физическое и душевное здоровье», а «забитость» – как кротость и смирный нрав. В то же время, позитивные стереотипы тоже могут варьироваться в худшую сторону: так, некоторые россияне воспринимают белорусскую «толерантность» как бесхребетность, непатриотичность. Это может быть во многом объяснено различиями в традициях и ментальности, в ценностных ориентирах народов. По-видимому, на распространение некоторых негативных стереотипов серьезное влияние оказало и разочарование значительной части россиян – как в успехах давно провозглашенных интеграционных проектов («Союзное государство» и т. д.), так и в целом в политике, проводимой режимом А. Г. Лукашенко. Откровенно-простоватая авторитарность президента, не сменяемого с 1994 г., закрепляет старые стереотипы о «забитости» и «великодержавности» белорусов [4].

По данным Левада-центра, с 2007 по 2011 гг. число приверженцев «батьки» в России сократилось в

полтора раза, а активных критиков – увеличилось вдвое; при этом считают Белоруссию дружественным государством 68 % участников опроса, что на 8 % меньше, чем в 2010 г. [5]. Тема противоречий с президентом Белоруссии периодически актуализируется в российских СМИ в периоды обострения межгосударственных нефте-газовых и иных споров. Достаточно вспомнить транслировавшийся по российскому телевидению (телеканал НТВ в программе «Чрезвычайное происшествие. Расследование», с 4 июля 2010 г. по 28 июня 2011 г.) пятисерийный фильм «Крёстный батька», имевший откровенно дискредитирующую направленность.

Неоднозначность восприятия белорусов связана также с недостаточной продуманностью в нынешнем позиционировании Белоруссии на международной арене, а также с еще не до конца сформированной национальной идентичностью. Сравнительно медленно идущие процессы формирования идентичности, очевидно, со временем все же внесут в стереотипы восприятия белорусов новые нюансы.

Ближайшим партнером России по интеграции среди стран СНГ остается и Казахстан, в котором, несмотря на серьезный отток русскоязычного населения в 90-е годы, сохраняется значительная русская диаспора. Не случайно именно Казахстан вместе с Белоруссией заявили о готовности создания с Россией «Евразийского Союза», хотя реальные перспективы этого объединения выглядят пока весьма туманными.

Исторически одной из общих черт Казахстана и Белоруссии является высокий уровень русификации населения, связанный, в частности, с послевоенными миграциями (развитие городов и промышленности, освоение целины и т. д.). Однако в 90-е гг. в Казахстане произошли серьезные изменения. По данным переписи 1989 г., из 16464000 населения казахи составляли 39,7 %, русские – 37,8 %, немцы – 5,8 %, украинцы – 5,4 %. Затем количество русских сократилось на 26 %, украинцев – на 38 %, немцев – на 63 % [6, с. 176].

Рост националистических настроений и ответный вал эмиграции, конечно, не могли не сказаться на межнациональных отношениях. Русские, оставшиеся в Казахстане, были вынуждены расстаться с прежней ролью «старшего брата» и пытаются теперь привыкнуть к роли «казахов русского происхождения». После восприятия казахов как близких по духу «младших братьев» в 90-е гг. стали распространяться и негативные стереотипы: стали упоминаться такие качества, как «национализм», «жестокость», «стремление продвигать родственников на работе» и т. д. Если казахи в массе своей считали, что теперь стало «все нормально», то представители других национальностей посылали совершенно иные сигналы: «нет, далеко не все нормально: мы считаем себя ущемленными в кадровой, языковой политике» и т. д. [7; 8; 9] Сейчас пик такой напряженности уже прошел, и для мнения россиян этот фактор не имеет первостепенного значения – тем более, что в российских СМИ предпочитают писать о нарушениях прав русских в Прибалтике, но отнюдь не в странах Центральной Азии.

В Казахстане растет спрос на квалифицированную рабочую силу, которая до этого была так бездар-

но растрчена. Способствует интеграции с Россией близкий к российскому «евразийский» менталитет значительной части населения. Само геополитическое положение Казахстана объективно будет вынуждать его поддерживать дружеские отношения с Россией, потому что на юге находится мощный сосед Китай, который даже через «мирное проникновение» легко может поставить территорию этой страны под свое влияние. Не снята с повестки дня и угроза исламского фундаментализма. Поэтому объективно казахская сторона заинтересована в том, чтобы Россия была надежным союзником.

В целом в Казахстане сохраняется солидный запас межнационального доверия. Среди позитивных стереотипов казахов отмечаются такие: «гостеприимные», «уважают старших», «чтут традиции». Официально провозглашенный курс президента Н. А. Назарбаева направлен на сглаживание противоречий, на создание многонационального «евразийского» государства (другой вопрос, насколько это соответствует происходящему в реальности). Сам президент, хотя и является еще более «несменяемым» (с 1990 г.), чем А. Г. Лукашенко, все же не имеет такого негативного рейтинга среди россиян. Противоречия интересов при нем практически никогда не переходили на уровень «информационных войн» с Россией. В целом имидж Казахстана достаточно грамотно, гибко и системно продвигается на международной арене.

Не удивительно, что, по данным опроса ВЦИОМ, проведенного в 2011 г., Казахстан остается самым стабильным и успешным государством на пространстве СНГ (42 %, в 2010 г. – 34 %). За Белоруссией сохраняется второе место. Среди самых надежных партнеров России среди стран СНГ также первую строчку занимает Казахстан, значительно укрепивший свой рейтинг (в 2010 г. Казахстан выбрали 37 % опрошенных, к 2011 г. эта доля выросла до 42 %). Белоруссия и здесь на втором месте (36 %). Среди лидеров стран СНГ наибольшим доверием россиян пользуется президент Казахстана Н. А. Назарбаев (37 % против 32 % в 2010 г.), вторую строчку рейтинга занимает А. Г. Лукашенко (28 %) [10].

Как видим, восприятие двух этих стран, их народов и лидеров в России сравнительно позитивное. Это восприятие не слишком омрачено имевшими место проблемами в положении русскоязычного населения (Казахстан), однако на имидж страны может существенно влиять политика, проводимая лидером (наличие открытых противоречий и конфронтационных мотивов, как в некоторых эпизодах с А. Лукашенко). Хорошо это или плохо, мы судить не будем – отметим лишь, что таковы приоритетные факторы.

Затронутая нами тема имеет определенное отношение к вопросу о жизнеспособности разного рода «евразийских» проектов – в частности, о будущем Евразийского Союза, о его проблемах и перспективах. Действительно ли народы и страны Евразии связывает некая «общность судьбы», которая может работать на развитие интеграции под эгидой России?

Если учитывать опыт истории, то после гибели Византии Российское государство, пожалуй, всегда было лидером в реализации «евразийского проекта». После падения монголо-татарского ига объедини-

тельная «пружина» сработала и на запад, и на восток – Россия вобрала в себя многие восточноевропейские и азиатские народы. Именно этот универсализм во многом был залогом успешного развития.

Сейчас, в условиях глобализации, когда столь большую роль играют интеграционные процессы, это наследие может быть чрезвычайно полезным. Сейчас не может быть успешным государство, которое самоизолируется от мира и от соседей. Отдельные политические режимы, пытающиеся проводить такую политику, по сути, обречены. Напротив, именно те регионы планеты, в которых активно идет синтез культур (в частности, в Европе и Северной Америке) демонстрируют наиболее интересные результаты и в технологическом развитии, и в интеграционных проектах.

Для того, чтобы быть центром современной интеграции, необходимо не столько использование «жесткой силы», сколько привлечение соседей выгодными условиями сотрудничества, высокими стандартами жизни. Какими качествами должно обладать современное государство, чтобы вызывать уважение в других странах? Заслуживающий внимания ответ был получен в ходе опроса Центра исследований и статистики науки РАН, проценты приведены в соотношении к числу (2000) опрошенных [11, с. 575].

Респондентам были заданы два вопроса:

Чем прежде всего должна обладать страна, чтобы вызывать уважение других государств?

Что прежде всего вызывает сегодня уважение к России со стороны других государств?

Результаты по первому вопросу приведены в первых двух столбцах таблицы, по второму – в двух последних. В «абстрактном» варианте в числе наиболее значимых факторов чаще всего назывались высокий уровень благосостояния, высокий уровень развития науки и техники, военная мощь, соблюдение прав человека, высокоразвитая культура и богатые природные ресурсы. Применительно к России ответы оказались существенно иными: она, по мнению 23 % опрошенных, достойна уважения в связи со своими природными ресурсами, 13 % отметили военную мощь страны, включая наличие ядерного оружия, 8 % – большую территорию и 4 % – высокоразвитую культуру. Таким образом, наиболее ценные качества (благосостояние, развитие науки и техники, соблюдение прав человека) оказались при ответе на второй вопрос далеко не на первом месте. И хотя, по-видимому, за несколько лет, прошедших после этого опроса, оценки несколько изменились, в целом такая картина остается характерной и для современных реалий.

Главное и бесспорное преимущество России – ее территория и огромные запасы природных ресурсов. Проблема в том, чтобы грамотно распорядиться этим богатством – не пугая соседей «имперскими амбициями», не скатываясь на уровень сырьевой экономики и не превращая государство в клуб олигархов или группу чиновничьих кланов, озабоченных лишь собственной прибылью. Чтобы избежать всего этого, необходимо модернизировать и политическую систему, и те модели интеграции, которые предлагаются нашим соседям по постсоветскому пространству.

Таблица

<i>Абстрактно</i>		<i>Качества, вызывающие уважение других государств</i>	<i>Для России</i>	
<i>место</i>	<i>%</i>		<i>%</i>	<i>место</i>
1	31	Высокий уровень благосостояния	2	7
2	14	Высокий уровень науки и техники	2	8
3	13	Военная мощь, ядерное оружие	13	4
4	9	Соблюдение прав человека	2	9
5	8	Высокоразвитая культура	4	6
6	6	Богатые природные ресурсы	23	2
7	2	Большая территория	8	5
8	1	Развитая система образования	0,4	10
9	-	Россия сегодня не вызывает уважения	25	1
10	16	Затруднились ответить	21	3

Когда речь идет об имидже страны, всегда полезно учитывать прогнозы – будет ли возрасти роль страны на международной арене, не будет ли снижаться ее влияние на фоне усиления конкурентов? Для России очень серьезно стоит демографическая проблема, особенно применительно к территориям, расположенным на востоке, за Уралом. Плотность населения, и без того низкая, падает из-за низкой рождаемости, высокой смертности, оттока молодежи в более благоприятные для жизни регионы. Это создает особенно опасную ситуацию в условиях, когда рядом находятся перенаселенные и быстро развивающиеся страны, остро нуждающиеся в сырьевых ресурсах. Для того, чтобы переломить эту негативную тенденцию, недостаточно приглашать мигрантов из Центральной Азии (к тому же поток переселенцев из Казахстана, например, в последние годы заметно сократился). Необходимы программы повышения благосостояния тех людей, которые живут в этих регионах; и необходимо стимулировать тех, кто приезжает в эти регионы работать [12].

Среди других проблем, негативно влияющих на имидж современной России, можно отметить высокий уровень коррупции (так, недавние разоблачения в Минобороны, в Минсельхозе и в рамках программы ГЛОНАСС наглядно показали масштабы этого бедствия). Согласно докладу международной неправительственной организации Transparency International, основанному на новой методике подсчета, Россия в 2012 г. оказалась на 133 месте, расположившись между бывшими соседями по СССР – Казахстаном и Азербайджаном. При этом ситуация с коррупцией в Казахстане, по мнению экспертов TI, оказалась хуже, чем в Иране, а "превзойти" Казахстан по уровню восприятия коррупции смогла далекая Кения [13].

Неоднозначно воспринимаются и те реформы, которые проводятся в сфере образования: в частности, взят курс на сокращение числа «неэффективных» вузов, преподавателей и студентов, особенно гуманитарных специальностей. Стоит процитировать мнение на этот счет эксперта – заслуженного учителя России, доцента РГПУ им. Герцена С. Е. Рукшина: «Только что прошел по стране скандал с оценкой эффективности вузов. Но среди критериев нет ни одного, который

оценивал бы качество выпускников. Под сокращение пошли вузы, которые являются системообразующими в регионах. Какое бы «не блестящее» образование ни давала новокузнецкая педагогическая академия или барнаульский мединститут – именно такие вузы обеспечивают учителями и врачами большую часть территории России. (...) Систему образования с остатками независимости и с энтузиастами хотят сделать доступной для манипулирования чиновниками. Ведь все показатели, которыми пытаются оценивать работу учителей и вузовских преподавателей, – сугубо формальные» [14]. В случае дальнейшей реализации этот курс будет способствовать низведению России до статуса второстепенной «сырьевой державы». И это в условиях возросшей конкурентности на мировых рынках рабочей силы, где ценятся прежде всего высокообразованные, творчески мыслящие специалисты.

И Белоруссия, и Казахстан, и многие другие постсоветские республики проводят сейчас вполне прагматичную «многовекторную» политику, в которой Россия рассматривается как важный, но совсем не единственный партнер, с которым следует развивать сотрудничество. Необходимо понимать, что характерное для советского периода отношение к русскому народу как к «старшему брату» ушло в прошлое, так же как и «священный трепет» перед московскими «вождями». Новые условия требуют выработки совершенно новых подходов, гибко учитывающих, в частности, изменения во взаимном восприятии стран и народов.

В целом приведенный материал позволяет предполагать, что есть определенные взаимосвязи между изменениями в отношениях государств (и их лидеров) и распространяющимися в этих государствах этностереотипами. Следует учитывать, что «оболочка» гетеростереотипа, в отличие от его «ядра», более изменчива и поддается корректировке. Чтобы улучшить взаимное восприятие народов, необходим целый комплекс мер, начиная с культурно-просветительных и экономических проектов, и заканчивая предупреждением тех конфликтных ситуаций, в которых культивируются настроения ксенофобии. Применительно к Белоруссии и Казахстану такая политика могла бы дать наиболее благоприятные результаты.

Литература

1. Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «Русский язык в мире». – М., 2003. – Режим доступа: <http://dipkurier.narod.ru/glavdip/doklad1.htm> (дата обращения: 06.12.2012).

2. Чернявская, Ю. В. Белорусы: от «тутэйшых» – к нации / Ю. В. Чернявская. – Минск: ФУАинформ, 2010. – 512 с.
3. Кизима, С. А. Белорусский менталитет в российско-белорусских отношениях / С. А. Кизима // Свободная мысль. – 2009. – № 2.
4. Горбелева, Е. А. Эволюция стереотипов восприятия белорусов в России / Е. А. Горбелева, Ю. Г. Чернышов // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2012. – Вып. IV/2. – Режим доступа: <http://izvestia.asu.ru/2012/4-2/index.ru.html> (дата обращения: 06.12.2012).
5. Россияне стали хуже относиться к Александру Лукашенко. – Режим доступа: <http://www.newspk.by/-news.php?id=4244> (дата обращения: 06.12.2012).
6. Карачурина, Л. Б. Миграционные связи России с Казахстаном в 70 – 90-е гг XX в. (региональный аспект) / Л. Б. Карачурина // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. – Усть-Каменогорск, 2004. – С. 176 – 183.
7. Чернышов, Ю. Г. О роли этнических стереотипов во взаимоотношениях русских и казахов в Республике Казахстан // Проблемы этнического сепаратизма и регионализма в Центральной Азии и Сибири: история и повседневность / Ю. Г. Чернышов. – Барнаул, 2004. – Режим доступа: <http://ashpi.asu.ru/studies/2004/stereotype.html> (дата обращения: 06.12.2012).
8. Ладзина, Н. А. Влияние национальной психологии на взаимодействие и поведение людей в организации (на примере Казахстана) / Н. А. Ладзина. – Барнаул: Диалог-Сибирь, 2001. – 296 с.
9. Бектурганова, Б. О специфике межнационального согласия в Казахстане / Б. Бектурганова. – Режим доступа: <http://www.zonakz.net/oldnavi/articles/asip260600a.shtml> (дата обращения: 06.12.2012).
10. Россия и страны бывшего СССР: если интегрироваться, то с кем? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1884. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112086> (дата обращения: 06.12.2012).
11. Панкрухин, А. П. Маркетинг / А. П. Панкрухин. – М.: Омега-Л, 2005. – 656 с.
12. Кара Поднебесная // Известия. 17.09.2006. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/318156> (дата обращения: 06.12.2012).
13. РФ заняла 133-е место в рейтинге коррупции Transparency International // РАПСИ. 05.12.2012. – Режим доступа: http://www.rapsinews.ru/anticorruption_news/20121205/265651464.html (дата обращения: 06.12.2012).
14. Сергей Евгеньевич Рукшин: Дошли до точки невозврата // Санкт-Петербургские ведомости. 23.11.2012. – Режим доступа: http://www.spbvedomosti.ru/guest.htm?id=10293947%40SV_Guest (дата обращения: 06.12.2012).

Информация об авторе:

Чернышов Юрий Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, 3852-29-12-74, ashpi@hist.asu.ru.

Yury G. Chernyshov – Doctor of History, Professor, Head of the Department of World History and International Relations, Altai State University.

УДК 327.7 (479.25:560) "1992/2012"

АРМЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ, РОССИИ И СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

К. В. Юматов

ARMENIA IN THE CONTEXT OF THE FOREIGN POLICY OF TURKEY, THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EUROPEAN UNION COUNTRIES

K. V. Yumatov

В статье анализируется армянский вектор внешней политики Турецкой Республики, Российской Федерации и государств Европейского Союза. Выявляются основные проблемы и противоречия, которые существуют между Арменией и этими акторами международных отношений на Южном Кавказе. Рассмотрены и вопросы сотрудничества и конкуренции между Турцией, РФ и ЕС на армянском направлении, в Нагорно-Карабахском конфликте.

The article focuses on the Armenian vector in the foreign policy of Turkey, the Russian Federation, and the European Union countries. The main contradictions between Armenia and the mentioned actors of international relations in the South Caucasus are outlined. The issues of cooperation and competition among Turkey, Russia and the European Union concerning Armenia and the Nagorny Karabakh conflict are analysed as well.

Ключевые слова: международные отношения на Южном Кавказе, внешняя политика Армении, внешняя политика Турции, внешняя политика РФ, общая внешняя политика и политика безопасности ЕС.

Keywords: international relations in the South Caucasus, foreign policy of Armenia, foreign policy of Turkey, foreign policy of the Russian Federation, common foreign policy and security policy of the European Union.

Южный Кавказ один из самых сложных с точки зрения международных отношений и конфликтного потенциала регионов мира. Этническая и религиозная пестрота приводит к постоянной напряженности между народами и государствами региона. Армяно-азербайджанские, грузино-абхазские и грузино-осетинские противоречия выражаются в существовании локальных военно-политических конфликтов, которые сегодня приостановлены, но не прекращены. Наличие азербайджанского и армянского меньшинств в Грузии, лезгинского вопроса в Азербайджане предполагает определенные сложности в национальной политике этих государств. Государства Южного Кавказа активно участвуют в различных международных проектах и организациях, поддерживают связи с региональными и внерегиональными акторами. Например, российская вовлеченность в региональные дела определяется историческим наследием, проблемами Северного Кавказа и борьбой за контроль над центрально-азиатскими и каспийскими энергоресурсами. Не менее важную роль исторический, этнокультурный и ресурсный факторы играют для Турции. Европейский Союз и Соединенные Штаты Америки являются внерегиональными акторами, активно вовлеченными в кавказские дела, геополитическими и энергетическими интересами. В этих условиях государствам Южного Кавказа традиционно приходится выстраивать сложную систему взаимоотношений с региональными и внерегиональными субъектами мировой политики.

Наиболее четкую позицию в своем внешнеполитическом выборе занимает Грузия. Европейский и атлантический курс заявлены как однозначно приоритетные для этого государства. Некоторое потепление отношений с Россией после поражения на выборах в октябре 2012 г. сторонников президента М. Саакашвили принципиально ситуацию не меняет. Ни одна политическая партия страны не сможет себе позволить игнорировать негативную для Грузии роль РФ в абхазском и осетинском конфликте, а, значит, отказ от стратегии ориентации на Россию во внешней политике этой страны стал свершившимся фактом всерьез и надолго.

Азербайджан традиционно проводит курс лавирования между Западом и Россией. Он является одновременно и членом СНГ, и участником антироссийской (де-факто) организации за демократию и экономическое сотрудничество ГУАМ. Ключевым фактором для внешней политики Азербайджана является вопрос Нагорного Карабаха. В этом смысле, его внешняя политика однозначно сориентирована на тех, кто способен оказать реальное влияние на разрешение карабахского конфликта в пользу Азербайджана. После событий августа 2008 г., азербайджанское руководство с большой осторожностью относится к России, и все больше ориентируется на ЕС и США. К тому же у Азербайджанской Республики есть среди государств НАТО очень надежный союзник – Турция. Турки с начала 1990-х гг. занимают твердую позицию в нагорно-карабахском вопросе и являются основным транслятором азербайджанской идеологии для государств Запада.

Из трех государств Южного Кавказа наиболее эффективную разновекторную и дифференцирован-

ную политику проводит Армения. Опираясь на влияние диаспоры, Армения смогла создать одновременно имидж выражаясь словами В. Брюсова "авангарда Европы в Азии" [1], и "форпоста России на Кавказе" (по не очень политкорректной оценке бывшего председателя Государственной Думы РФ Бориса Грызлова) [2]. Являясь членом пророссийских Содружества Независимых Государств и Организации договора о коллективной безопасности, Армения активно сотрудничает с Североатлантическим Альянсом и включена в программу "Восточного партнерства" Европейского Союза. Страна является крупнейшим получателем финансовой помощи США и ЕС [3, с. 16], и военной поддержки от Российской Федерации [4]. Не обладая собственными энергетическими ресурсами, и даже не являясь транзитной страной, Республика Армения играет важнейшую роль в "Большой игре" за контроль над энергоносителями. Несмотря на противодействие Турции и Азербайджана, Армения занимает важнейшее место во внешнеполитических стратегиях ЕС и России. Какие же факторы позволили Армении занять столь серьезное место в геополитическом треугольнике Россия – Турция – ЕС?

Армянская проблематика со времен перестройки в СССР стала важнейшей частью кавказской проблематики европейской политики. Во Франции впервые официально был поднят вопрос о воссоединении Нагорного Карабаха с Армянской ССР. Еще в 1987 г., т. е. до начала событий в Нагорном Карабахе и Сумгаите, академик Абел Аганбегян, встречаясь с представителями армянской диаспоры Французской республики, сказал: «Я был бы рад, если бы Нагорный Карабах вернули Армении. Как экономист, я считаю, что у них куда более тесные связи с Арменией, нежели с Азербайджаном. Я уже внес подобное предложение, и надеюсь, что эти идеи будут воплощены в жизнь в духе перестройки и демократии» [5]. «Взгляды Аганбегяна были изложены в газете французских коммунистов «Юманите», распространявшейся, в том числе и в Советском Союзе. Именно из этих откровений академика азербайджанцы впервые и узнали о ведущейся против них армянской кампании» [5]. Армянская диаспора активно способствовала формированию положительного образа Армении и армянского Нагорного Карабаха в Европе. Уже в 1990 г. «Комсомольская правда» сообщила о мобилизации армянской диаспоры, ссылаясь на интервью Пятой программе ТВ Франции представителя партии дашнаков А. Папазяна, «который сообщил о том, что в армянских общинах США, Канады, Франции, Ливана и некоторых других стран начался набор добровольцев, намеренных направиться на помощь Армении» [6, с. 2]. Франция до сих пор является сопредседателем (вместе с Россией и США) Минской группы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе по урегулированию нагорно-карабахского конфликта. Кроме нее в состав этой группы в разное время входили ФРГ, Италия, Финляндия, Швеция [7].

Создание в 1992 г. Европейского Союза привело к постановке проблемы формирования общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) ЕС. Это одна из самых противоречивых по степени решения задач европейской интеграции. ОВПБ Европейского

Союза явление очень сложное и многогранное. Внутренние противоречия и сложности, проявляющиеся в рамках внешнеполитической деятельности европейского объединения очень хорошо видны на примере Южного Кавказа. Значимость этого региона для современной политики ЕС очень высока. Прежде всего, это связано с проблемами обеспечения энергобезопасности Европы, через создание системы трубопроводов, идущих из Центральной Азии и Кавказ через Турцию. Но ситуация серьезно осложняется наличием в регионе большого количества этноконфессиональных противоречий. В частности один из самых сложных узлов, с которым приходится сталкиваться в рамках ОВПБ ЕС это армяно-турецкие противоречия. Контекст армяно-турецкого политического конфликта хорошо известен в Европе. Несмотря на то, что Турция признала Армению сразу после объявления независимости, из-за политических и идеологических проблем дипломатические отношения между странами так и не были установлены, а государственная граница закрыта. Постоянным камнем преткновения для урегулирования отношений между Арменией и Турцией являются две ключевые проблемы – непризнание Турцией факта геноцида армян в 1915 г. и поддержка Арменией Нагорно-Карабахской Республики.

Позиции сторон по этим вопросам взаимоисключающи и бескомпромиссны. Страны Европейского Союза не раз пытались выступать в роли арбитра между конфликтными сторонами. Но, в то же время, не будет преувеличением сказать, что политика стран ЕС во многом и провоцирует существование указанных противоречий. Кажущаяся дихотомия ОВПБ ЕС в армяно-турецких проблемах требует объяснения и имеет определенную логику. Исследование позиций всех сторон и позволит выявить ее.

Турция давний член НАТО, альянса, куда входит подавляющее большинство стран ЕС. Она уже давно заявила о своем европейском выборе, стремлении войти в европейское интеграционное объединение, но при этом расходится с европейцами по ряду вопросов.

Во-первых, факт геноцида армян в 1915 г. признан парламентами нескольких европейских государств: Бельгии, Франции, Германии, Греции, Кипра, Италии, Нидерландов, Польши, Словакии, Швеции [8, с. 182]. Европейский Парламент так же признал геноцид и призвал Турцию сделать это. Это обстоятельство ставит перед турками вопрос исторической ответственности за действия властей Османской империи [9]. Для Армении признание европейцами факта геноцида очень важен, так как позволяет через армянскую диаспору и лоббистские группы оказывать давление на Турцию и Азербайджан. В этом смысле пример Германии, которая возложила на себя ответственность за злодеяния III рейха и геноцид евреев, должен служить для турок положительным примером [9; 10, с. 236]. Но, если для ФРГ факт признания Холокоста был актом в основном морального покаяния и определенных финансовых потерь, то для Турции признание армянского геноцида – это признание возможных армянских территориальных претензий на так называемую Западную Армению [11]. И ведь действительно, несмотря на довольно сдержанную позицию офи-

циальных властей Республики Армения, определенная часть армянского общества постоянно поднимает этот вопрос. А в том, что это не простое теоретизирование, турок убеждает пример армянского движения в Нагорном Карабахе и создание НКР.

Турецкие власти в 2005 г. выступили с инициативой создать совместную комиссию для объективного изучения событий 1915 г., с целью разрешения исторических противоречий. Эту инициативу энергично поддержали Соединенные Штаты и ряд влиятельных европейских стран. Армения увязала поддержку этой инициативы с установлением дипломатических отношений [10, с. 231]. Это условие было неприемлемо для Турции, так как приводило к ухудшению отношений со стратегическим союзником Турецкой республики на Кавказе – Азербайджаном.

Следует отметить, что Турция является последовательным сторонником Азербайджана в вопросе о Нагорном Карабахе. Начиная с 1990-х гг., турки оказывают максимально возможную поддержку азербайджанскому государству. Азербайджан стал опорной базой турецкой внешней политики на постсоветском пространстве. Влияние турок было настолько велико, что они принимали активное участие во внутривнутриполитических катаклизмах второй Азербайджанской республики. Например, турецкие спецслужбы и дипломаты играли определенную роль в процессе прихода к власти Народного Фронта Азербайджана и президента Эльчибея. Этот факт дает возможность карабахским армянам проводить исторические и культурологические параллели между геноцидом 1915 г. и политикой Азербайджана в отношении армянского населения в советскую эпоху. Последующее развитие событий показало, что возможности влияния Анкары на Армению оказались ограниченными. Армения, сознавая, кто является ее главным военно-политическим соперником, сделала ставку на военно-политическое партнерство с Россией и лоббирование армянской диаспорой в США и Евросоюзе. Вхождение в ОДКБ позволило несколько нейтрализовать азербайджанскую военную угрозу, а муссирование проблемы «армянского геноцида» – политическое давление Турции.

Европейский Союз и Армения указывают Турции на недемократичность политики в отношении этнических меньшинств (курдов, греков, армян). Широкий резонанс получило дело об убийстве турецкого журналиста армянского происхождения Гранта Динка в 2007 г. Европейские СМИ обвинили турецкие власти в потворстве убийцам. Инцидент расколол турецкое общество и основательно испортил имидж страны в Европе. Европейский суд признал Турцию виновной в нарушении права на жизнь и свободу слова, и постановил выплатить родственникам журналиста компенсацию [12]. В 2008 г. преследование прокуратурой Анкары организаторов Интернет-акции «Армяне, простите нас» вызвало бурные протесты, как в Армении, так и в Европейском Союзе. Под международным давлением, турецкий суд был вынужден отказаться от возбуждения дела в отношении инициаторов этой кампании [13].

Есть еще один тонкий момент, который ставит Турцию под удар объективной критики. Армянские

авторы указывают на явное противоречие внешней политики Турецкой республики в отношении двух непризнанных государств – НКР и Турецкой Республики Северного Кипра. Категорически оказываясь признать право армян на создание государства в Нагорном Карабахе, Турция фактически является главным инициатором существования и развития ТРСК.

У Армении есть свои сложности в отношениях с ЕС. Во-первых, ЕС твердо и уверенно, несмотря на все усилия Армении и диаспоры, стоит на позиции сохранения территориальной целостности Азербайджана. Несмотря на то, что Франция, Италия, Финляндия, Швеция принимали активное участие в работе Минской группы ОБСЕ, нельзя сказать, что они лоббировали интересы НКР.

Во-вторых, политический режим, установленный в Армении «карабахским кланом» (Роберт Кочарян, Серж Саргсян), далек от стандартов европейского видения демократии. В связи с этим, Армения периодически подвергается критике со стороны европейских правозащитных и официальных организаций.

В-третьих, вынужденное постоянное экономическое и военно-политическое партнерство Армении с Россией заставляет ЕС несколько настороженно относиться к сотрудничеству с Ереваном, поскольку часто видит в нем «форпост России на Кавказе». Членство Армении в ОДКБ позволяет Российской Федерации активно влиять на процесс урегулирования нагорно-карабахского конфликта. Так, осенью 2008 г. происходит активизация в переговорном процессе по Нагорному Карабаху, к чему большие усилия прикладывает российское руководство. 2 ноября 2008 г. в замке Майендорф под Москвой прошла встреча президентов РФ, Азербайджана и Армении и была принята «Декларация Азербайджанской Республики, Республики Армения и Российской Федерации» [14]. В Декларации была заявлена необходимость политического урегулирования нагорно-карабахского конфликта на основе норма международного права. Тот же «конструктивный и позитивный подход» представлен во время встречи глав внешнеполитических ведомств трех стран-сопредседателей Минской группы ОБСЕ по нагорно-карабахскому урегулированию (Россия, Франция, США) с министрами иностранных дел Азербайджана и Армении в Хельсинки в декабре 2008 г. [15] Но, столь оптимистичное для России развитие событий не получило продолжения. Европейский Союз перехватил инициативу за счет разворачивания программы "Восточного Партнерства", куда были включены и Армения и Азербайджан.

В этом смысле многолетний устойчивый атлантический курс Турции является более понятным европейцам. Хотя, надо отметить, что время от времени Турция отходит от безоговорочной поддержки курса США и НАТО. В частности, это проявилось в отношении к Иракской компании. В то же время, США и страны ЕС используют именно армянский вопрос для ответного давления на Турцию. Так, турецкой дипломатии приходится прикладывать глобальные усилия, чтобы не допустить, публичного осуждения геноцида армян со стороны высокопоставленных американских и европейских должностных лиц.

Следует признать, что активизация курса на интегрирование в ЕС со стороны Турции, предпринятая Партией Справедливости и развития во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом и Абдуллой Гюлем действительно привела к серьезным положительным изменениям во внутренней и внешней политике. Не остался в стороне и армянский вопрос. Уже упоминавшиеся инициативы Турции по созданию совместной комиссии по изучению событий 1915 г, реставрация армянской церкви на острове Ахтамар (2005 – 2007 гг.) стали тому реальным подтверждением. Но, эти усилия получили слабый отклик со стороны Армении, вероятно по той причине, что проблема геноцида для армянского общества вообще не подлежит какой-либо дискуссии или обсуждению. С точки зрения Армении факт геноцида бесспорен и подлежит безоговорочному осуждению [10, с. 232 – 233].

Тем не менее, события 2008 г. на Южном Кавказе заставили вновь активизироваться турецкую дипломатию. Августовская война между Россией и Грузией, признание РФ Южной Осетии и Абхазии привели к необходимости поиска новых решений. И в этом смысле, на фоне явного ослабления позиций США, активизировались два субъекта региональной политики на Кавказе – ЕС и Турция. Страны ЕС приняли участие в процессе урегулировании конфликта, переговорном процессе и миротворческой миссии. Турция, в свою очередь, выступила с «Платформой безопасности и сотрудничества на Кавказе», которая была направлена на стабилизацию региона в целом. При всей тактической нежизнеспособности этого проекта, он рассматривался, как попытка Турции усилить свои позиции на Кавказе [8, с. 175 – 179]. В контексте данной инициативы лежала и так называемая «футбольная дипломатия» Эрдогана и Саргсяна. Результатом стало подписание Цюрихских протоколов («Протокол об установлении дипотношений» и «Протокол о развитии двусторонних отношений») министрами иностранных дел Турции и Армении. «Футбольная» дипломатия нашла активную поддержку в риторике европейских чиновников. На подписании Цюрихских протоколов наряду с Хиллари Клинтон и Сергеем Лавровым присутствовал и Хавьер Солана [16]. Но, жесткая позиция Азербайджана, выступления в Армении и отсутствие реальных возможностей к усилению роли Турции на Южном Кавказе заставили турок отказаться от продолжения диалога с Арменией. И уж совсем «недружественной» со стороны европейцев по отношению к Турции смотрится инициатива Франции по принятию законопроекта о криминализации отрицания геноцида армян. Этот законопроект способствовал накаливанию обстановки как в Турции, так и в Армении и обострению их взаимоотношений. Ни о каком позитивном продолжении переговоров на таком фоне, конечно, вести речь невозможно.

Подводя итог, необходимо отметить, что в политике Европейского Союза в отношении Армении и Турции есть несколько устойчивых позиций:

1. Необходимость сохранения Турции как союзника по атлантическому альянсу и давление США заставляет ЕС продолжать процесс переговоров о вступлении страны в европейское интеграционное объединение. Этому же способствует потенциальная роль

Турции как основного узла поставок энергоресурсов для Европы. Но, опасения по поводу вступления крупной мусульманской страны в Европейский Союз заставляют искать поводы для затягивания этого процесса. Армянский вопрос, в частности проблема признания исторической ответственности Турции за геноцид армян является одним из таких поводов.

2. Влияние диаспор (в частности, армянской диаспоры во Франции и турецкой в Германии) делают невозможной выработку единой позиции ЕС по вопросу армяно-турецких противоречий.

3. Объективно Армения заинтересована в европейской интеграции Турции, так как это позволит усилить давление со стороны Европейских институ-

тов по вопросу геноцида и открытия границы, приблизит границы ЕС к территории Армении. В то же время, этот факт даст возможность Турции лоббировать интересы Азербайджана в ЕС.

4. Некоторое разочарование Турции в темпах интеграции страны в Европейский Союз заставляет ее активизироваться, в том числе и на кавказском направлении (в частности в отношении Грузии), что может привести к противоречиям с РФ, а значит, еще более усилит напряженность в армяно-турецких отношениях. Таким образом, увеличится роль США, которые смогут играть роль посредника между сторонами, в ущерб интересам ЕС и России.

Литература

1. Брюсов, В. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. Историко-литературный очерк. – Армянский дом / В. Брюсов. – Режим доступа: <http://http://www.armenianhouse.org/bryusov/articles-ru/poetry.html> (дата обращения: 28.11.2012).
2. Россия и Армения: на путях стратегического партнерства // Вестник Кавказа. – Режим доступа: http://www.vestikavkaza.ru/analytics/26382.html (дата обращения: 28.11.2012).
3. Буракова, Л. Почему у Грузии получилось / Л. Буракова. – М.: Юнайтед-Пресс, 2011. – 272 с.
4. Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о Российской военной базе на территории Республики Армения. – Режим доступа: http://www.mid.ru/BDOMP/spd_md.nsf/0/4738B74945E5F4C844257-B2F001DD11E (дата обращения: 28.11.2012).
5. Де Ваал, Т. Черный Сад. Армения и Азербайджан между миром и войной / Т. де Ваал. – Режим доступа: http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=743&c_id=10119 (дата обращения: 21.12.2012).
6. Чикин, М. «Почему они так долго колебались?». Зарубежные средства массовой информации следят за обстановкой в Закавказье / М. Чикин // Комсомольская правда. – 19.01.1990. – № 16.
7. Казимиров, В. Н. Мир Карабаху. Посредничество России в урегулировании нагорно-карабахского конфликта / В. Н. Казимиров. – М.: Международные отношения, 2009. – 456 с.
8. Челикпала, М. Турция и Южный Кавказ в 2009 г. / М. Челикпала // Кавказ-2010. Ежегодник Института Кавказа. – Ереван, 2012. – С. 172 – 190.
9. Турция должна взглянуть в лицо собственной истории – глава Европарламента. – Режим доступа: <http://newsarmenia.ru/politics/20120208/42608912.html> (дата обращения: 31.08.2012).
10. Искандарян, А. Армения – Турция: разделенные историей, сплоченные географией / А. Искандарян // Кавказ-2006. Ежегодник Института Кавказа. – Ереван, 2007. – С. 228 – 242.
11. Декларация независимости Армении от 23 августа 1990 г. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/-legislation.php?sel=show&ID=2602&lang=rus> (дата обращения: 21.12.2012).
12. Европейский суд признал виновной Турцию по делу Гранта Динка. – Режим доступа: <http://www.trtrussian.com/trtworld/ru/news.aspx?dil=ru> (дата обращения: 31.08.2012).
13. В Турции не будут судить инициаторов акции «Армяне, простите нас». – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1115899.html> (дата обращения: 31.08.2012).
14. Декларация Азербайджанской Республики, Республики Армения и Российской Федерации, Московская область, замок Майендорф, 2 ноября 2008 года. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ns-rsng.nsf/6bc38aceada6e-44b432569e700419ef5/c325749c004f2933c32574f8003646bb?OpenDocument> (дата обращения: 31.08.2012).
15. О встрече глав внешнеполитических ведомств трех стран-Сопредседателей Минской группы ОБСЕ по нагорно-карабахскому урегулированию (Россия, Франция, США) с министрами иностранных дел Азербайджана и Армении в Хельсинки. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ns-rsng.nsf/6bc38aceada6e44b432569e700419ef5/-c325749c004f2933c3257515006c8126?OpenDocument> (дата обращения: 31.08.2012).
16. Armenia and Turkey normalise ties. BBC News. – Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/82997-12.stm> (дата обращения: 21.08.2012).

Информация об авторе:

Юматов Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и международных отношений КемГУ, 8(3842) 58-33-97, 8-903-942-63-23, yumatov@kemsu.ru.

Konstantin V. Yumatov – Candidate of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

ИСТОРИЯ. ЧАСТЬ 2

Вторая часть выпуска «Вестника КемГУ» посвящается 25-летию юбилею кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, который будет отмечаться в сентябре 2013 г. В издании представлены научные работы профессорско-преподавательского состава, аспирантов и соискателей, магистрантов кафедры. Их предваряет статья, освящающая историю кафедры за четверть века.

УДК [378.4571.17.096:94(47)](091)''1988/2013''

КАФЕДРЕ НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ КЕМГУ – 25 ЛЕТ

А. А. Зеленин, К. А. Заболотская, С. П. Звягин

THE DEPARTMENT OF CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORY OF KEMSU – 25 YEARS OF ACTIVITY

A. A. Zelenin, K. A. Zabolotskaya, S. P. Zvyagin

В статье дан анализ учебной, методической, научной деятельности кафедры новейшей отечественной истории Кемеровского государственного университета, даны важные сведения о работе большого числа сотрудников этого коллектива.

The article presents the analysis of the educational, methodical and scientific activities of the Department of Contemporary Russian History of Kemerovo State University, and provides important information about the activities and achievements of its staff.

Ключевые слова: кафедра, новейшая отечественная история, Кемеровский государственный университет, учебная работа, научная деятельность, персоналии.

Keywords: department, contemporary Russian history, Kemerovo State University, educational work, scientific activity, personalities.

Подготовка учителей истории в нашем вузе началась 60 лет назад в 1953 г. Ею занимались преподаватели кафедры истории Кемеровского государственного педагогического института. Постепенно рос научно-образовательный потенциал учебного заведения. Со временем стало возможным создание специализированных кафедр.

В 1988 г. произошла реорганизация кафедры истории СССР. Она была разделена на две кафедры – отечественной истории и истории СССР советского периода (приказ № 712/20 от 20 сентября 1988 г.). Первым заведующим кафедрой (до смерти 23 октября 1994 г.) был выпускник исторического факультета Сталинского (Новокузнецкого – А. З., К. З., С. З.) государственного педагогического института, доктор исторических наук, профессор Герман Григорьевич Халиулин.

Затем коллектив возглавляли кандидат исторических наук, доцент В. Н. Брель (1994 – 1997 гг.), доктор исторических наук, профессор Л. И. Гвоздкова (1997 – 2003 гг.), доктор исторических наук, профессор К. А. Заболотская (2003 – 2010 гг.), доктор политических наук, профессор А. А. Зеленин (с 2010 г.).

В апреле 1991 г. кафедра была переименована в кафедру истории советского общества, а в феврале 1992 г. – в кафедру новейшей отечественной истории. В момент образования кафедры ее преподавательский состав был небольшим. Кроме заведующего кафедрой

Г. Г. Халиулина, в него входили доценты Л. И. Гвоздкова, К. А. Заболотская, Д. В. Кацюба, ассистент Г. С. Некрасова.

В течение первых лет существования состав кафедры пополнили В. Н. Брель, С. Е. Мишенин, В. П. Машковский, А. А. Халиулина и другие преподаватели. Постепенно коллектив кафедры разрастался, рос его квалификационный уровень.

В настоящее время в составе кафедры 4 доктора и 8 кандидатов наук. Таким образом, весь преподавательский состав кафедры имеет ученые степени. Одиннадцать педагогов являются выпускниками Кемеровского государственного педагогического института – Кемеровского государственного университета. Заслуженный работник высшего профессионального образования Российской Федерации профессор К. А. Заболотская окончила Московский государственный историко-архивный институт.

Профессорско-преподавательский состав кафедры ведет значительную педагогическую деятельность. Он обеспечивает чтение лекционных курсов, проведение семинаров, ведет специализацию, осуществляет научное руководство курсовыми и дипломными работами, пишет рабочие программы, учебно-методические комплексы, учебные пособия, участвует в работе Государственных экзаменационной и аттестационной комиссий по направлениям «История», «Международные отношения», «Документоведение и архивове-

дение». В 2011 г. при кафедре открыты магистратуры по направлениям «Туризм в Сибирском регионе» и «История Сибири».

Выпускники кафедры работают не только в школах и вузах, архивах и музеях Кемеровской области, но и за ее пределами, а также в органах государственной власти, местного самоуправления, в общественных организациях. Выпускник кафедры 1997 г. А. Б. Коновалов под научным руководством доцента А. А. Халиулиной защитил сначала дипломную работу, а затем кандидатскую диссертацию. Сейчас он – доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук факультета политических наук и социологии КемГУ.

С самого начала работы новой кафедры ее преподаватели настойчиво занимались повышением своей научной квалификации. Важным шагом на этом пути является написание монографий. В. П. Машковский [32], К. А. Заболотская [12], Л. И. Гвоздкова [6; 7], С. П. Звягин [13; 14], Е. С. Генина [8; 9; 10], А. А. Зеленин [16; 17; 18; 19; 20], Т. А. Сычева [40; 41; 42], С. Е. Мишенин [33; 34], А. Е. Пьянов [38] написали и опубликовали в общей сложности 17 монографий.

Менее пяти лет понадобилось коллективу кафедры для того, чтобы были подготовлены к защите первые диссертации на соискание ученой степени доктора наук. В. П. Машковский (Томск, 1992), Д. В. Кацюба (Челябинск, 1993), К. А. Заболотская (Екатеринбург, 1996), Л. И. Гвоздкова (Екатеринбург, 1997), Е. С. Генина (Кемерово, 2009), А. А. Зеленин (Нижний Новгород, 2009) защитили докторские диссертации. Готовятся к защите докторских диссертаций С. Е. Мишенин и Т. А. Сычева.

Уже в первый год работы при кафедре была открыта аспирантура. Ее выпускники (А. А. Мить, Е. С. Генина, Е. С. Кузнецова, Т. А. Сычева, Н. Ф. Кустова, А. Е. Пьянов, Т. А. Реховская, А. В. Бельков и другие) в разные годы также работали и продолжают работать на кафедре.

Всего за годы существования кафедры (1988 – 2013 гг.) под научным руководством профессоров и доцентов Л. И. Гвоздковой (5), К. А. Заболотской (16), С. П. Звягина (2), А. А. Зеленина (5), Д. В. Кацюбы (3), А. А. Митя (1) и А. А. Халиулиной (1) защищены 34 кандидатские диссертации. При научном консультировании К. А. Заболотской состоялась защита докторской диссертации Р. С. Бикметова (Барнаул, 2011).

За четверть века на кафедре обозначились, сложились следующие направления научно-исследовательской деятельности:

- государственная и региональная молодежная политика Российской Федерации во второй половине XX – начале XXI вв. (А. А. Зеленин, М. Г. Леухова, А. А. Пьянов);
- проблемы социально-экономического развития Сибири в новейшее время (К. А. Заболотская, В. Н. Брель, Г. С. Некрасова, О. В. Бирюкова, Н. Ф. Кустова, А. Ю. Карпинец, Т. А. Реховская, А. В. Бельков, Р. М. Безлепкина);
- проблемы формирования и жизнедеятельности советской интеллигенции (Г. Г. Халиулин, В. П. Машковский, В. А. Трофимов);

- репрессивная политика советского государства в Кузбассе и последующая реабилитация (Л. И. Гвоздкова, А. А. Мить, Е. С. Кузнецова, Г. В. Шинкаренко);
- историческое краеведение (Д. В. Кацюба);
- особенности политического развития советского государства в конце 1920-х – начале 1950-х гг. (Е. С. Генина);

– правоохранительная политика антибольшевистских правительств на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока (1918 – 1922 гг.) (С. П. Звягин);

– проблемы развития авиационного и железнодорожного транспорта в Западной Сибири во второй половине XX в. (С. Е. Мишенин, Т. А. Сычева).

С самого начала своей работы преподаватели кафедры организуют и проводят научные конференции всесоюзного и всероссийского, а теперь и международного уровня. Первая такая конференция по инициативе и под руководством профессора Г. Г. Халиулина была проведена совместно с Институтом истории СО РАН в 1991 г. Форум был посвящен разнообразным проблемам формирования и жизнедеятельности советской интеллигенции. Материалы конференции легли в основу сборника статей, вышедшего в Кемерово в 1993 г. [26].

Начиная с 1999 г., когда Г. Г. Халиулину могло исполниться 70 лет, коллектив кафедры проводит всероссийские конференции, посвященные памяти первого руководителя кафедры. Материалы конференций становятся впоследствии основой сборников под общим с конференцией названием «Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России» (1999, 2002, 2003, 2006, 2008, 2012 гг.) [21; 22; 23; 24; 25].

Своеобразным развитием этой темы стали заочные научные форумы, посвященные развитию различных видов транспорта на постсоветском пространстве (2006 и 2011 гг.) [11; 39].

С 1995 г. под руководством профессора С. П. Звягина в Кемерово проводится международная конференция «История белой Сибири». В центре внимания ее участников находятся вопросы истории, источниковедения и историографии, деятельности антибольшевистских правительств на востоке России, судьба «восточной» ветви эмиграции. В 2009, 20011 и 2013 гг. такие конференции прошли на базе КемГУ. Материалы выступлений их участников стали основой для издания соответствующих сборников [28; 29].

Коллектив кафедры практикует привлечение широкого круга преподавателей, аспирантов и соискателей к написанию и изданию сборников статей и коллективных монографий.

Профессора В. П. Машковский и Г. Г. Халиулин в начале 1990-х гг. были инициаторами и научными руководителями издания «Историческая энциклопедия Кузбасса» [27].

Увидели свет четыре сборника, посвященные актуальным проблемам отечественной истории и новейшей отечественной истории (1999, 2005, 2007, 2011 гг.) [1; 2; 3; 4].

В 1997 г. к 275-летию открытия угля в Кузнецком бассейне вышла коллективная монография «Угольная промышленность Кузбасса. 1721 – 1996». К ее написанию были привлечены преподаватели кафедры новейшей отечественной истории КемГУ К. А. За-

болотская, В. Н. Брель, С. Е. Мишенин, Г. С. Некрасова, Т. А. Реховская, их коллеги из других вузов города [44].

Своеобразным развитием шахтерской тематики стало многолетнее участие профессора К. А. Заболотской в составлении и издании мемориальной «Книги памяти погибших шахтеров Кузбасса». В 1995 – 2012 гг. вышли тома за 1920 – 2011 гг. и отдельная книга, содержащая имена горняков, погибших в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.).

Очевидны заслуги части коллектива кафедры в деле увековечивания памяти о репрессивной политике сталинского режима. Увидел свет сборник документов в двух частях: «Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30 – 50-е гг.)» [36; 37], «Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области» сохранила для родных и потомков не одну сотню имен погибших [30; 31].

Профессора кафедры пользуются признанием научного сообщества историков региона. Е. С. Генина, К. А. Заболотская, С. П. Звягин и А. А. Зеленин являются членами диссертационных советов при Кемеровском государственном университете (специальности «Отечественная история», «Археология» и «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»), Кемеровском государственном университете культуры и искусств (специальности «Теория и история культуры», «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов»), Национальном исследовательском Томском государственном университете (специальность «История науки и техники по историческим наукам»).

Профессоров кафедры приглашают быть оппонентами при защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук. К. А. Заболотская была оппонентом на защите Т. О. Машковской в 1999 г. в Томском государственном университете и М. В. Казминой в 2006 г. в Кемеровском государственном университете.

В 2012 г. С. П. Звягин выступил оппонентом у Д. Н. Шевелева на защите в Национальном исследовательском Томском государственном университете и А. Н. Худолеева в Кемеровском государственном университете. Е. С. Генина была оппонентом на защите С. В. Зяблицовой в 2012 г. в КемГУ.

Преподаватели активно апробируют результаты своих исследований за пределами Кемерово. Г. Г. Халиулин выступал на конференциях в Иваново, Новосибирске, Омске и Томске. К. А. Заболотская делала доклады и сообщения в Москве, Барнауле, Днепрпетровске, Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Киеве, Новороссийске, Новосибирске, Омске, Томске и Тюмени.

Е. С. Генина приняла участие в конференциях в Москве, Абакане, Барнауле, Биробиджане, Иркутске, Красноярске, Прокопьевске, Томске, Улан-Удэ. С. П. Звягин выступал в Москве, Казани, Кызыле, Самаре, Юрге.

Т. А. Сычева докладывала о полученных результатах в Москве, Новосибирске, Санкт-Петербурге, Томске и Киеве (Украина). С. Е. Мишенин выступал в Тюмени и Барнауле.

С. П. Звягин, Т. А. Сычева, А. Е. Пьянов читают лекции и проводят практические занятия для слушателей Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования. Все преподаватели кафедры активно участвуют в профориентационной работе.

Достижения коллектива кафедры в научно-исследовательской работе привлекли внимание зарубежных коллег. В последние годы начали устанавливаться международные контакты. В 2001 г. профессор А. Н. Садовой осуществил экспедиционную поездку на Аляску (США). Доцент М. Г. Леухова в 2005 г. стажировалась в Вашингтоне (США), а в 2012 г. в Праге (Чехия). Профессор Е. С. Генина в 2012 г. прошла стажировку в Иерусалиме (Израиль), а в 2013 г. в Берлине (Германия).

С 2009 г. на базе кафедры проходит международная конференция «История белой Сибири». 28 – 29 сентября 2009 г. состоялась VII-я Международная научная конференция. В ее работе принял участие профессор Университета Виктории (провинция Британская Колумбия, Канада) Б. Айситт. Гость из-за рубежа дал мастер-класс для студентов 4 курса факультета истории и международных отношений. 18 – 19 февраля 2013 г. состоялась X Международная научная конференция «История белой Сибири». Впервые она прошла с элементами видеоконференции. На связь с участниками конференции выходили доктор исторических наук, профессор Дальневосточного государственного университета экономики и сервиса Н. В. Хисамудинова (Владивосток), кандидат исторических наук, научный сотрудник Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (штат Калифорния, США) А. В. Шмелев, независимый исследователь, Ph. D. В. В. Каминский (Ашдод, Израиль). С 2001 г. функционирует сайт С. П. Звягина: www.whitesiberia.narod.ru.

По приглашению белорусских коллег С. П. Звягин участвовал в написании учебного издания по современной российской историографии [15].

В 2012 г. С. Е. Мишенин, А. Е. Пьянов, Т. А. Сычева опубликовали свои монографии в издательстве LAP Lambert Academic Publishing Саарбрюккен (Германия).

О востребованности результатов научных исследований преподавателей кафедры говорит тот факт, что ее сотрудники (А. А. Зеленин, К. А. Заболотская, Е. С. Генина, С. П. Звягин, М. Г. Леухова, А. А. Мить, А. Ю. Карпинец) активно участвуют в выполнении научно-исследовательских работ, получивших финансовую поддержку разных грантодержателей и спонсоров:

- Российский фонд фундаментальных исследований (Москва);
- Российский гуманитарный научный фонд (Москва);
- Министерство образования и науки Российской Федерации (Москва);
- Центр и Фонд «Холокост» (Москва);
- Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» (Москва);
- Институт социальных и общинных работников Сибири и Дальнего Востока (Красноярск);

– Фонд «Открытый мир» и Библиотека Конгресса США;

– Грант губернатора Кемеровской области для поддержки молодых докторов и кандидатов наук;

– Tempus.

В последние годы обозначились новые научно-образовательные интересы части коллектива (А. А. Зеленин, Е. С. Генина, М. Г. Леухова, С. П. Звягин). В 2010 г. был подписан договор о сотрудничестве между Научно-просветительным центром "Холокост" и Кемеровским государственным университетом. Особое внимание педагоги уделяют воспитанию чувства толерантности. Это значимо в условиях формирования в России мультикультурного общества. В образовательных учреждениях Кемеровской области проходят занятия по данной тематике. Е. С. Генина с 2012 г. является региональным представителем Научно-просветительного центра "Холокост".

14 – 15 мая 2012 г. на базе КемГУ был проведен образовательный семинар "Память о Холокосте – путь к толерантности", организованный Центром и

Фондом "Холокост", где выступила писательница и общественный деятель, президент Фонда "Холокост" А. Е. Гербер. Под руководством учителей учащиеся школ подготовили письменные работы по теме "Уроки Холокоста – путь к толерантности". Лучшие из них были опубликованы [45].

В 2011 г. на базе кафедры была открыта магистратура по направлению «Туризм в сибирском регионе». Коллектив кафедры не только обеспечивает часть аудиторного курса, руководит написанием магистерских диссертаций, но и вместе с обучающимися проводит исследования [5]. Увидел свет первый выпуск межвузовского сборника научных статей «Туризм: теория и практика» [43]. Летом 2013 г. первым магистрантам предстоит защищать свои диссертации.

Свой четвертьвековой юбилей коллектив кафедры новейшей отечественной истории встречает с несомненными достижениями, определенными планами и большим желанием их осуществить.

Литература

1. Актуальные проблемы новейшей отечественной истории: сб. науч. тр. / отв. ред. К. А. Заболотская. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – 155 с.
2. Актуальные проблемы новейшей отечественной истории: сб. науч. тр. / отв. ред. Л. И. Гвоздкова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – 212 с.
3. Актуальные проблемы отечественной истории XX века: сб. науч. тр. / отв. ред. К. А. Заболотская. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – 150 с.
4. Актуальные проблемы отечественной истории: сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Зеленин. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – 204 с.
5. Возможности развития туризма Сибирского региона и сопредельных территорий: материалы XII Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием (Томск, 1 – 2 ноября 2012 года); ред. П. А. Окишев. – Томск: ТГУ, 2012. – 265 с.
6. Гвоздкова, Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе / Л. И. Гвоздкова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 516 с.
7. Гвоздкова, Л. И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса (30 – 40-е гг.) / Л. И. Гвоздкова. – Кемерово, КемГУ, 1994. – 274 с.
8. Генина, Е. С. «Дело» КМК. 1949 – 1952 / Е. С. Генина. – Красноярск: Красноярский писатель, 2008. – 204 с.
9. Генина, Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) / Е. С. Генина. – Красноярск: Кларетианум, 2003. – 140 с.
10. Генина, Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949 – 1953 гг.) / Е. С. Генина. – Кемерово: КемГУ, 2009. – 255 с.
11. Гражданская авиация в начале XXI в.: проблемы и перспективы: 1-я Международная научно-практическая (заочная) конференция (Кемерово, сентябрь 2006 г.) / отв. ред. К. А. Заболотская. – Ч. 2. – Кемерово: КемГУ, 2006. – 130 с.
12. Заболотская, К. А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.): историческое исследование / К. А. Заболотская. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. – 342 с.
13. Звягин, С. П. В. Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века / С. П. Звягин. – Томск: Изд-во ТПУ, 2012. – 342 с.
14. Звягин, С. П. Руководители Томской губернии в годы Гражданской войны (1918 – 1919 гг.) / С. П. Звягин. – Томск: Изд-во ТПУ, 2011. – 192 с.
15. Звягин, С. П. Современная российская историография: в 2 ч. – Минск: Республиканский институт высшей школы, 2009. – 612 с. (в соавторстве).
16. Зеленин, А. А. Молодежная политика Российской Федерации: инновационные технологии обеспечения и механизмы реализации / А. А. Зеленин. – М.; Кемерово: Изд. объединение «Российские университеты», АСТШ-Кузбассвуиздат, 2008. – 330 с.
17. Зеленин, А. А. Молодежь: опыт и проблемы правового регулирования в России (80 – 90-е годы XX века) / А. А. Зеленин, Н. А. Быданцев. – Кемерово, 2000. – 143 с.
18. Зеленин, А. А. Опыт и проблемы реализации государственной молодежной политики в Кемеровской области / А. А. Зеленин. – Кемерово: Глобус-пресс, 2006. – 219 с.

19. Зеленин, А. А. Организация работы с молодежью: междисциплинарная интеграция теории и технологий / А. А. Зеленин. – Кемерово: КемГУ, 2012. – 328 с. (коллектив авторов).
20. Зеленин, А. А. Развитие институтов государственной молодежной политики в регионах Западной Сибири в переходный период (1990-е – 2000-е годы) / А. А. Зеленин, В. В. Ершов. – Кемерово: Глобус-пресс, 2007. – 209 с.
21. Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: материалы Всерос. науч. чтений (26 – 28 октября 1999 г.) / ред. кол. А. М. Адаменко, В. Н. Брель, Л. И. Гвоздкова [и др.]. – Кемерово: КемГУ, 1999. – 228 с.
22. Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. 21 декабря 2001 г.: II Всерос. науч. чтения / гл. ред. Л. И. Гвоздкова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – 227 с.
23. Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: материалы III Всерос. науч. чтений (Кемерово, 17 – 18 декабря 2003 года) / отв. ред. К. А. Заболотская. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. – 252 с.
24. Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: материалы IV Всерос. науч. чтений (Кемерово, 22 сентября 2006 года) / отв. ред. К. А. Заболотская. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 344 с.
25. Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: сб. науч. ст. / отв. ред. К. А. Заболотская. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 300 с.
26. Интеллигенция в советском обществе: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Г. Г. Халиулин, В. Л. Соскин. – Кемерово: КемГУ, 1993. – 200 с.
27. Историческая энциклопедия Кузбасса; науч. рук. В. П. Машковский, Г. Г. Халиулин. – Познань: Штама, 1996. – Т. 1. – 380 с.
28. История белой Сибири: материалы VII Междунар. науч. конф. (Кемерово, 28 – 29 сентября 2009 г.) / ред. С. П. Звягин. – Кемерово: КемГУ, 2009. – 319 с.
29. История белой Сибири: сб. науч. ст. / ред. С. П. Звягин. – Кемерово: КемГУ, 2011. – 294 с.
30. Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области; сост. Л. И. Гвоздкова. – Кемерово: Полиграфкомбинат, 1995. – Т. 1. – 247 с.
31. Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области; сост. Л. И. Гвоздкова. – Кемерово: Полиграфкомбинат, 1996. – Т. 2. – 555 с.
32. Машковский, В. П. Осуществление научно-технической политики в угольной промышленности страны в 60 – 80-е годы: опыт и уроки / В. П. Машковский. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 288 с.
33. Мишенин, С. Е. Железнодорожный транспорт в Западной Сибири в 1965 – 1991 гг. организация сохранности грузов, безопасности и комфортности пассажиров / С. Е. Мишенин. – Кемерово: КемГУ, 2012. – 264 с.
34. Мишенин, С. Е. Комсомол и железнодорожный транспорт Западной Сибири в 1970 – 1980-е гг. / С. Е. Мишенин. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 209 с.
35. Молодежная политика в Кузбассе / общ. ред. А. А. Зеленин. – Кемерово, 2004. – 162 с.
36. Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30 – 50-е гг.): сб. д-тов / отв. ред. Л. И. Гвоздкова; сост. Л. И. Гвоздкова, А. А. Мить. – Т. 1. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – 287 с.
37. Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30 – 50-е гг.): сб. д-тов / отв. ред. Л. И. Гвоздкова; сост. Л. И. Гвоздкова, А. А. Мить. – Т. 2. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – 248 с.
38. Пьянов, А. Е. Становление системы местного самоуправления в Кемеровской области в 1990-е гг. / А. Е. Пьянов. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 201 с.
39. Развитие транспортной системы на постсоветском пространстве: история, проблемы и перспективы: сб. науч. тр. II Междунар. научно-практ. конф. / отв. ред. А. А. Зеленин. – Кемерово, 2011. – 215 с.
40. Сычева, Т. А. Кадры Западно-Сибирского управления гражданской авиации в середине 1960-х – начале 1990-х гг. / Т. А. Сычева. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 260 с.
41. Сычева, Т. А. Развитие и применение гражданской авиации в народном хозяйстве Западной Сибири в середине 1960-х – начале 1990-х гг. / Т. А. Сычева. – М., 2011. – Ч. 1. – 222 с.
42. Сычева, Т. А. Развитие и применение гражданской авиации в народном хозяйстве Западной Сибири в середине 1960-х – начале 1990-х гг. / Т. А. Сычева. – М., 2011. – Ч. 2. – 248 с.
43. Туризм: теория и практика: сб. науч. ст. / отв. ред. А. А. Зеленин. – Вып. 1. – Кемерово: КемГУ, 2013. – 124 с.
44. Угольная промышленность Кузбасса. 1721 – 1996 / отв. ред. К. А. Заболотская. – Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1997. – 301 с.
45. Уроки Холокоста – путь к толерантности: материалы конкурса творческих работ учащихся образовательных учреждений, взаимодействующих с КемГУ / редкол.: Т. Н. Семенкова, М. Г. Леухова, Е. С. Генина [и др.]. – Кемерово: КемГУ, 2012. – 60 с.

Информация об авторах:

Зеленин Алексей Анатольевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории КемГУ.

Alexey A. Zelenin – Doctor of Political Science, Head of the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Заболотская Калерия Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, 58-40-16

Kaleria A. Zabolotskaya – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Звягин Сергей Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, whitesiberia.narod.ru.

Sergey P. Zvyagin – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

УДК 94:378.4(571.16)

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

С. С. Астапенко

FACTORS OF MINING EDUCATION FORMATION IN WESTERN SIBERIA

S. S. Astapenko

В статье охарактеризованы основные факторы, повлиявшие на формирование и развитие горного образования на территории Западной Сибири.

The article describes the main factors that influenced the formation and development of mining education in Western Siberia.

Ключевые слова: горное образование, этапы формирования горного образования, кабинетское хозяйство, транссибирская железная дорога, Западная Сибирь.

Keywords: mining education, stages of mining education formation, cabinet industry, Trans-Siberian Railway, Western Siberia.

Формирование системы горнозаводского образования неразрывно связано с двумя этапами экономического развития Сибири. Первый этап (1747 – середина XIX в.) связан с развитием кабинетского хозяйства. Второй (1891 – 1914 гг.) – со строительством транссибирской железной дороги.

Внутри этих этапов можно выделить целый ряд факторов, напрямую повлиявших на развитие технического образования на территории Западной Сибири. Вслед за томским исследователем К. И. Могильницкой мы выделим объективные и субъективные предпосылки создания и открытия первых технических учебных заведений Западной Сибири. К объективным предпосылкам следует отнести качественно новый уровень развития сибирской экономики, связанный с ускорением темпов развития промышленного производства, сельского хозяйства, торговли и транспорта. Также к объективным обстоятельствам мы относим и потребность в грамотных и квалифицированных специалистах, в изучении природных богатств, в общем повышении культурного и образовательного уровня жителей Сибири [20, с. 157 – 163].

К субъективным предпосылкам формирования системы горного образования Западной Сибири относится деятельность сибирской общественности – интеллигенции, представителей политической ссылки, промышленников и купечества, активно выступающих за открытие сибирского университета.

Исследованиям кабинетского хозяйства посвящено множество научных работ, поэтому мы остановимся лишь на некоторых этапах его становления [8,

с. 361 – 425; 1; 21; 26, с. 3 – 40; 10; 11; 31, с. 151 – 154; 19].

Попытки организации крупного металлургического производства в государстве начали осуществляться правительством еще в начале XVII в., однако интенсивное развитие началось лишь после начала Северной войны [22, с. 4]. Затянувшаяся война отняла у России возможность вывозить из Швеции медь, необходимую для изготовления пушек, чеканки монет. Правительству Петра I пришлось всерьез задуматься о разработке собственных природных ресурсов.

В Сибири лишь в XVIII в. складываются предпосылки для промышленного развития. Строительство в 1716 – 1720 гг. крепостей по Верхнему Иртышу, особенно самых восточных из них – Семипалатинской и Усть-Каменогорской, сделало более доступной для русского населения территорию по левым притокам верхней Оби. Как отмечается во втором томе «Истории Сибири», для жителей Томского и Кузнецкого уездов стали возможны разведки полезных ископаемых [15, с. 228]. Кроме богатых руд, Алтай славился густыми сосновыми лесами и многочисленными реками. Таким образом, имелись все условия для создания горнозаводской промышленности. Начинается строительство первых горных заводов, главной целью которых было удовлетворение потребностей страны в металле для производства вооружения.

В этом процессе активно себя проявлял род Демидовых. В 1702 г. им передается казенный Невьянский завод. Акинфий Демидов в 1713 г. получает формальное право искать руду в разных районах Сибири и обращает свои взоры к Алтаю. Весной 1726 г.

он получил разрешение на добычу медной руды и строительство заводов в Томском и Кузнецком уездах, но только на землях, которые «лежали впусе». В этом же году произошла пробная выплавка меди, а в сентябре 1729 г. на реке Белой начал работу медеплавильный Колыванский завод Демидовых [15, с. 228]. В 1730 г. он перевел 200 крестьян на Алтай для закладки заводов. В 1735 г. начальник сибирских заводов В. Татищев попытался отобрать у Демидова Колывано-Воскресенские заводы в казну, однако ему это не удалось. В 1736 г. вышел именной указ императрицы Анны Иоанновны, в котором говорилось: «Колыванские заводы отдать обратно Ак. Демидову, и впредь Татищеву вовсе не ведать заводами его нигде». В 1736 г. по указу императрицы предпринимателям было запрещено разрабатывать месторождения в рудниках Демидовых [24, с. 450].

Под властью Демидовых оказалась огромная территория. В их владения входила территория от реки Касмалы на северо-западе до реки Ульбы на юге, от реки Алея на западе до Оби на востоке, что составляло примерно 400 верст с севера на юг и более 200 верст с востока на запад [15, с. 228].

В мае 1744 г. издается указ об отстранении приказчиков Демидова от управления рудниками и заводами на Алтае и о передаче их в распоряжение А. В. Безра, руководителя комиссии, созданной «для чинения тамошним золотым, серебряным рудам действительных проб» [25, с. 700]. Спустя полгода Демидов подает в Кабинет императорского двора записку с изложением подробностей начала освоения алтайских руд и строительства заводов. В мае 1746 г. имущество Барнаульского завода, принадлежащего Демидовым, переходит в распоряжение Кабинета. Управляющим этим заводом становится И. С. Христиани.

Неопределенность положения Кабинета одновременно с возможностями края (Сибири) нашли свое конкретное выражение в указах от 1 и 12 мая 1747 г. о передаче колывано-воскресенских горных заводов Кабинету [12, с. 71 – 74; 13, с. 286 – 288; 25, с. 700]. Ими утверждалось изъятие заводов умершего Акинфия Демидова, объявлялось о поселении «близ оных заводов пришедших в Сибирь людей».

Вторая половина XVIII в. была временем усиленного развития кабинетского хозяйства, строительства новых заводов и рудников. В 1771 г. был открыт Томский железоделательный завод; с 1780-х гг. начали разрабатываться Салаирские полиметаллические месторождения, где возникли три рудника.

С 1812 г. русским подданным государственными законами разрешается частная золотодобыча. Однако позиция правительства в этом отношении была двойственной. С одной стороны, оставались слабыми государственные стимулы, достаточной помощи золотопромышленникам не оказывалось, они вынуждены были идти на большой риск, рассчитывать только на себя. Однако с другой стороны, потребность в золоте росла, и в 1826, а затем в 1828 г. правительство решило отыскивать и разрабатывать золото в Вятской и во всех сибирских губерниях. Большая группа купцов и промышленников (Кузнецовы, Баландины, Андрей и Степан Поповы, князь Голицын) разрабатывали золотосодержащие пески в Омской и Томской, Ир-

кутской и Tobольской губерниях. Золотодобычей занимались как частные лица, так и государственные учреждения.

С ростом золотопромышленности количество занятых рабочих увеличивалось. В. И. Семевский в книге «Рабочие на сибирских золотых промыслах» приводит следующие цифры. В 1830 г. на золотых промыслах Томской губернии было занято не более 800 человек. Спустя два года число рабочих превысило 2000. В 1835 г. на промыслах Томской губернии было занято около 7700 рабочих. На приисках Алтайского горного правления в это время работало 10 тыс. человек. Всего на частных золотоносных промыслах в конце 30-х гг. XIX в. было занято 12 – 13 тыс. человек.

Однако к середине XIX в., как отмечает ряд исследователей [16, с. 83; 9, с. 17; 17, с. 79 – 82], в горной промышленности Сибири наблюдались кризисные явления. Материалы ревизии Алтайского горного округа, анализируемые П. А. Афанасьевым в ряде статей [3, с. 153 – 166; 4, с. 151 – 163], указывали на плачевное состояние алтайских горных заводов. В частности отмечалось, что осматривавший эти заводы С. Г. Войслав, о Белоусовском и Сугатовском месторождениях записал «только по обязанности для выполнения инструкции, потому что в механическом отношении здесь упоминать не о чем». Отсутствие механических устройств горный инженер отметил и в Зырянском руднике, являвшемся главным поставщиком серебряных руд.

Как отмечается рядом исследователей [6, с. 241 – 246; 29, с. 167 – 176; 5, с. 236 – 249], золотодобывающая промышленность Сибири также находилась в затруднительном положении. Так, например, по данным томского исследователя П. П. Румянцева в Алтайском золотопромышленном деле в операцию 1893 – 1894 гг. из 63 служащих горное училище закончили только 4 чел., т. е. 6,3 % от общего числа служебного персонала. В других крупных сибирских золотопромышленных компаниях ситуация была схожей [27, с. 168].

Поскольку в XVIII в. каменный уголь почти не использовался на заводах, то развитие шахтенного, химического дела и тем более образования было не столь важным; отсутствие железных дорог и сложных дорожных конструкций не вызывало потребности в высококвалифицированных рабочих. Рабочие кадры для заводов и рудников того времени набирались путем крепостнического принуждения; по указу 12 января 1761 г. рекруты, набравшиеся из приписных крепостных крестьян, стали вместо армии отправляться на кабинетские заводы и рудники [23, с. 616]. Как указывается в работе «Кузбасс. Прошлое. Настоящее. Будущее», большинство машин, устанавливавшихся в XVIII в. на заводах и рудниках Сибири, делались из дерева. В основном деревянными были колеса, воздуходувки, рудничные насосы и рудоподъемники. Поэтому главными машиностроителями были плотники и столяры, а не инженеры [18, с. 26]. Однако с другой стороны, в энциклопедии «История Сибири» отмечается, что заводы Демидова «были хорошо оборудованы для того времени». На заводе была плотина на реке Белой плавильная с вододействующей турбиной.

щими мехами для подачи воздуха в плавильные горны, обжигальная, где обжигали полученный после рудной плавки полупродукт – роштейн, пыльная мельница, кузница, котельная и другие цехи [15, с. 230]. Все это влияло на отсутствие необходимости подготовки специалистов со специальным техническим образованием.

В целом же говоря о рабочих кадрах горнозаводской промышленности Западной Сибири, мы должны отметить следующие явления. На предприятиях преобладал тяжелый ручной труд. Происходила социальная дифференциация управляющих. Чаще всего профессия передавалась от отца к сыну. Кадры рабочих людей пополнялись за счет приписных крестьян, отправляемых в рекруты или приписываемых к заводам целыми деревнями.

Подводя итог первому этапу развития промышленности Западной Сибири, мы можем констатировать слабое развитие тяжелой промышленности, нехватку металлических предметов, практически полное отсутствие высококвалифицированных рабочих и современной техники.

Второй этап начинается со строительством Транссибирской магистрали, что создало благоприятные условия для развития капитализма вширь.

Академик О. Д. Алимов, действительный член Российской инженерной академии, лауреат Государственных премий, в одном из последних своих трудов – книге «Инженер-искатель, творец, хранитель» – писал, что важнейшими для истории России и Сибири

было строительство Транссибирской железной дороги и открытие Томского технологического института [2].

Вопрос о проведении железной дороги в Сибири был выдвинут правительством еще в 1860-х гг., но, как отмечал П. М. Головачев, исключительно с точки зрения интересов европейской России и государства в целом, а не с целью экономического развития именно Сибири [7, с. 138]. В 1892 г. было начато сооружение дороги от Челябинска в восточном направлении. В 1894 г. дорога была доведена до Омска, в 1895 г. – до станции Обь, в 1896 г. – до Красноярска, в 1898 г. – до Иркутска, а в 1900 г. – до берегов Великого океана. Особенное влияние железной дороги на экономическую жизнь Сибири проявлялось преимущественно в Западной Сибири, так как чем далее на Восток, тем выше становились тарифы на вывозимые из Сибири продукты и тем менее богаты ими дальнейшие районы.

Экономические последствия проведения железной дороги в Сибири [7, с. 139]:

- 1) увеличение вывоза сырья и ввоза фабрично-заводских изделий «и вообще таких предметов, в которых в Сибири чувствовался недостаток»;
- 2) изменение в характере и формах сибирской торговли;
- 3) развитие ряда городов по линии дороги;
- 4) развитие новых отраслей производства;
- 5) проведение магистрали вызвало рост пассажирского движения:

Таблица

Год	1897	1898	1899	1900	1912
Количество пассажиров	352202	909268	1017778	1124302	3464497

Примечание: взята нами из работы П. М. Головачева. Экономическая география Сибири. – М., 1914. – С. 139.

Это в свою очередь привело к приливу людей, а следовательно, и рабочей силы, что имело важное экономическое значение.

Новое качество приобрело и промышленное освоение края. Само строительство Транссибирской магистрали породило новые экономические и технические потребности. Необходимо было огромное количество строительных материалов: рельсов, шпал, цемента и многого другого. Везти их из Европейской России было дорого и неразумно. Появился стимул для развития обрабатывающей промышленности на месте. Начался переток капиталов из европейской части страны в азиатскую. Здесь стало выгоднее делать вложения, ибо прибыль на инвестиции была значительно выше.

В ходе проведения Сибирской железной дороги, как отмечает В. И. Кравчук, значительно быстрее, чем ранее стала развиваться обрабатывающая промышленность Алтая [17, с. 80]. Это проявлялось в росте фабрично-заводского производства, в строительстве новых крупных предприятий, в появлении новых центров обрабатывающей промышленности, новых для Алтая производств – таких, например, как лесопильного. Наряду с кабинетскими лесопильными заводами в Барнауле, Новониколаевске и Павловске в округе действовало в 1914 г. 20 частных лесопильных заводов. Наиболее крупными были: братьев Козловых в

Барнауле и Легостаево, Пупкова в Быстром Истоке, Бедаревых в Бийском лесничестве.

Во второй половине – конце XIX в. в связи с вовлечением Сибири в систему капиталистических отношений отмечается увеличение числа городов и городского населения. В. А. Скубневский и Ю. М. Гончаров, занимавшиеся исследованием сибирских городов, к началу 1860-х гг. отмечают наличие 19, а к 1917 г. – 27 городов. Доля городского населения с 1858 по 1897 гг. выросла в 2,3 раза. В целом же население Сибири выросло с 6 миллионов в 1897 г. до 10,6 млн к началу 1914 г. К 1917 г. в Сибири появились города, население которых превысило 100 тыс. человек, среди них Омск (113 тыс.) и Томск (101 тыс.). Удельный вес всего городского населения с 1897 по 1913 гг. возрос с 7 до более чем 10 процентов.

В связи с этим, естественно, увеличилась потребность в расширении сети школ, открытии средних специальных и высших учебных заведений.

Важным обстоятельством для формирования системы инженерно-технического образования становится усиливающаяся необходимость в грамотных квалифицированных специалистах для промышленных предприятий, торговли и всей инфраструктуры сибирских губерний. Производства развивались туго: Сибирь пользовалась всем привозным, начиная с

гвоздя, это при значительной массе своего железа, и кончая сукнами при огромном количестве своего скота и шерсти. Все товары доставались Сибири крайне дорого и не самого высшего качества. Не помогало Сибири и изобилие сырья, с которым она не знала что делать: меха, кожу, сало она не умеет обрабатывать, хлеб некому продавать, для основания производства металлов не было ни знаний, ни возможностей [14, с. 154].

Пристальное внимание на экономический фактор необходимости формирования системы образования обращал Г. Н. Потанин: «В угоду московским фабрикантам колония обратилась в рынок для потребления московских фабрикантов; конкуренция с Москвой местных промышленников была невозможна ввиду могущества московского капитала; конкуренция иностранцев устранялась правительственными мерами; ... колония остается вечно в плачевном положении рынка сырья для Европейской России, промышленность в ней в застое» [31, с. 274].

Вследствие недостатка в Сибири собственных образованных людей большинство должностей во всех отраслях управления, в том числе и в управлении промышленностью, занималось пришлым элементом, ничем не связанным с Сибирью, которого привлекали лишь некоторые льготы за службу в отдаленных местностях. Вот что по этому поводу отмечал Г. Н. Потанин: «Как низшие слои сибирского общества правительство пополняло подонками общества Европейской России, так и верхние слои оно вливало элементы по большей части недоброкачественные. Аристократические фамилии высылали в Сибирь своих неудачных сыновей, страдавших идиотизмом или пьянством или неспособных по буйному характеру, бретеров, шулеров и т. п., предполагая, что в такой отдаленной и невежественной провинции и эти дегенераты русской аристократии будут терпимы и начальством и обществом и если не сделают карьеры, то будут получать жалованье, ничего не делая» [29, с. 240].

Немаловажное значение имело и стремление самих сибиряков к образованию. Население Сибири слишком чувствовало потребность в образовании и энергично стремилось удовлетворить его [31, с. 144]. Местное население отдавало учить своих детей всем, кого хоть сколько-нибудь считало способным к этому делу, оно открывало школы везде, где находились для этого средства и возможности; частные лица жертвовали значительные суммы на народное образование [31, с. 134]. Квалифицированный, то есть образованный мастеровой получал довольно высокую плату за свой труд. В 1760-х гг. некоторые мастера на Сузунском заводе получали более 100 руб. в год, а ученики, большинство из которых были взрослыми людьми и многие даже в солидных годах, имели содержание от 5 до 12 руб.

Еще больше проявилась активность населения в 1860-х гг. в связи с глубинными реформами, проводимыми по всей империи, во многом способствовавшими капитализации империи в целом и Сибири в частности. По мере увеличения числа средних учебных заведений увеличивалось и число сибиряков, стре-

мившихся к получению высшего профессионального образования. В это время по замечанию авторов книги «История просвещения в Сибири и университетский вопрос» не стремились получить образование либо те, кто не имел к учебе никаких способностей, либо те, которым не нужно ни знаний, ни труда, чтобы занять известное положение в обществе, или наоборот, находившиеся в зависимости от тяжелых семейных обстоятельств [14, с. 128 – 158]. Ни в одной части России общество не прочувствовало так глубоко недостаток высшего образования как в Сибири [31, с. 422].

Большую роль в пропаганде идей развития системы образования сыграли сибирские областники и в первую очередь их лидеры – Г. П. Потанин и Н. М. Ядринцев.

Три кита пожирают, по мнению Н. М. Ядринцева, жизненные силы Сибири – штрафная колонизация (т. е. ссылка), экономическое давление (купеческой) Москвы, бегство сибирской интеллигенции в Европейскую Россию. Средством решения этих задач областники видели развитие системы образования в Сибири. О необходимости развития собственного образования писал и Г. Н. Потанин: «Оставив родину в молодые годы, не успев втянуться в местную общественную жизнь, молодые люди, очутившись в чужой области, вовлекаются в общественные интересы новой среды, от оставленной родины отвыкают и сродняются с новой средой. Кроме того, их приковывают к новому месту и лучшие культурные условия жизни, и они остаются там, не возвращаются на родину. Вследствие этого, Сибирь, выделяя в ряды русской интеллигенции своих питомцев, оставалась без образованных слуг для удовлетворения своих потребностей и вместо своих собственных сынов получала чиновников, учителей, техников, инженеров из Европейской России. Вполне справедливым будет сказать, что метрополия из природы мертвой и живой все свое дурное отправляла в колонию, а все лучшее в колонии забирала себе» [29].

В процессе становления системы горного образования на территории Западной Сибири было два этапа: с 1747 г. до середины XIX в. и с 1891 по 1914 гг. Внутри этих этапов мы отмечаем объективные и субъективные предпосылки создания и открытия первых технических учебных заведений Западной Сибири. К объективным предпосылкам следует отнести качественно новый уровень развития сибирской экономики, связанный с ускорением темпов развития промышленного производства, сельского хозяйства, торговли и транспорта, потребность в грамотных и квалифицированных специалистах, в изучении природных богатств, в общем повышении культурного и образовательного уровня жителей Сибири [20, с. 157 – 163]. К субъективным предпосылкам формирования системы горного образования Западной Сибири относится деятельность сибирской общественности – интеллигенции, представителей политической ссылки, промышленников и купечества, активно выступающих за открытие сибирского университета.

Литература

1. 200-летие Кабинета его императорского величества. 1704 – 1904. Ист. исследование. – СПб., 1911.
2. Алимов, О. Д. Инженер – искатель, творец, хранитель / О. Д. Алимов. – Томск, 2001.
3. Афанасьев, П. А. Проведение и итоги ревизии Алтайского горного округа 1882 г. / П. А. Афанасьев // Исторический ежегодник: сб. науч. трудов. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2009.
4. Афанасьев, П. А. Ревизия Алтайских горных заводов 1871 г. / П. А. Афанасьев // Исторический ежегодник. – Новосибирск, 2008.
5. Волчек, В. А. Развитие частной золотопромышленности Сибири в государственной политике II четверти XIX века / В. А. Волчек // Ползуновский вестник. – 2006. – № 1.
6. Галанова, Р. А. 110 лет ТПУ – 100 лет первому выпуску сибирских инженеров / Р. А. Галанова // Страницы истории ТПУ. Известия Томского политехнического гос. университета. – 2006. – Т. 309. – № 3.
7. Головачев, П. М. Экономическая география Сибири / П. М. Головачев. – М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1914.
8. Голубев, П. А. Горное дело и хозяйство Кабинета / П. А. Голубев // Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. – Томск, 1890.
9. Горюшкин, Л. М. Академик В. А. Обручев и становление геологической школы в Сибири / Л. М. Горюшкин, И. Т. Лозовский // Сибирь в XVI – XX веках: экономика, общественно-политическая жизнь и культура. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997.
10. Государственные учреждения России в XVIII в. – М., 1960.
11. Жидков, Г. П. Кабинетское землевладение (1747 – 1917 гг.) / Г. П. Жидков. – Новосибирск, 1973.
12. Из указа бригадиру Безру // Т. Н. Соболева, В. Н. Разгон. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Управление и обслуживание. – Барнаул, 1997.
13. Из указа императрицы Елизаветы Петровны бригадиру А. Безру от 1 мая 1747 г. // Бородаев, В. Б., Контев, А. В. У истоков истории Барнаула. – Барнаул, 2000.
14. История просвещения в Сибири и университетский вопрос // Сибирский сборник. – Томск, 1888.
15. История Сибири. – Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. – Л.: Наука, 1968.
16. Карпенко, З. Г. Развитие угольной промышленности и черной металлургии Сибири / З. Г. Карпенко. – Кемерово, 1985.
17. Кравчук, В. И. Из истории промышленности на Алтае (конец XIX – начало XX вв.) / В. И. Кравчук // Ползуновский альманах. – Барнаул, 2009. – № 3. – Т. 9.
18. Кузбасс. Прошлое. Настоящее. Будущее. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1978.
19. Кухаренко, А. Е. Начальные этапы развития Кабинета Его Императорского Величества и их взаимосвязь с историей Алтая (1704 – 1797 гг.) / А. Е. Кухаренко // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 4(8).
20. Могильницкая, К. И. Проблемы становления высшего образования в Сибири / К. И. Могильницкая // Актуальные вопросы истории Сибири. Научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: материалы конф.; под ред. Ю. Ф. Кирюшкина; В. А. Скубневского. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998.
21. Обзор деятельности Кабинета его императорского величества за 1906 – 1915. – СПб., 1916.
22. Павленко, Н. И. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII в. / Н. И. Павленко. – М., 1953.
23. Полное Собрание законов Российской империи. Собрание (1649 – 1825). – Т. 15 (1758 – 26 июня 1762): Законы (10788 – 11581). – № 11185. – СПб, 1830.
24. Полное Собрание законов Российской империи. Собрание (1649 – 1825). – Т. 10 (1737 – 1739). – № 7548. – СПб, 1830.
25. Полное Собрание законов Российской империи. Собрание (1649 – 1825). – Т. 12 (1744 – 1748). – № 9403. – СПб, 1830.
26. Рогозин, Н. Е. Экономическое развитие Западной Сибири и образование вотчины Кабинета / Н. Е. Рогозин // Ученые записки Новосибирского педагогического института. – Вып. 3. – Новосибирск, 1946.
27. Румянцев, П. П. Проблема горнотехнического образования в Сибири в конце XIX – начале XX века на примере служебного персонала золотых промыслов / П. П. Румянцев // Исторический 168 ежегодник. – 2009. – С. 167 – 176.
28. Сибирский сборник // История просвещения в Сибири и университетский вопрос. – Томск, 1888. – С. 128 – 158.
29. Потанин, Г. Н. Города Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. – СПб., 1908. – С. 234 – 259.
30. Соболева, Т. Н. Причины и предпосылки административных реформ в кабинетском районе Западной Сибири во второй половине XVIII – XIX вв. / Т. Н. Соболев // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина: материалы Всерос. конф. – Барнаул, 2002.
31. Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония / Н. М. Ядринцев. – СПб, 1882. – 308 с.

Информация об авторе:

Астапенко Софья Сергеевна – магистрант факультета истории и международных отношений КемГУ, 8-923-516-15-05, sofus@inbox.ru.

Sofia S. Astapenko – post-graduate student at the Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

УДК 94 (571.17):622 «1994/2012»

**ИСТОРИЯ РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
КУЗБАССА (1994 – 2012 гг.): ДОСТИЖЕНИЯ И ТРУДНОСТИ**
О. В. Бирюкова

**THE HISTORY OF RESTRUCTURING COAL MINING INDUSTRY IN KUZBASS (1994 – 2012):
ACHIEVEMENTS AND COMPLICATIONS**
O. V. Biryukova

В статье исследуются проблемы проведения коренных преобразований в базовой отрасли Кузбасса – угольной. Автор выявляет причины, приведшие к необходимости реформирования промышленности, основные проблемы на этапах непосредственного осуществления программы реструктуризации. Также автором показаны достигнутые результаты и мероприятия, необходимые для окончания реформирования.

The article focuses on cardinal transformations in the basic industry of Kuzbass – coal mining. The author analyzes the reasons for industry transformation and the main problems encountered at each stage of implementing the restructuring programme. The achieved results as well as the actions required to complete the process are listed by the author.

Ключевые слова: реструктуризация, угольная промышленность, социальная сфера, состояние экологии, ликвидация предприятий, шахтерская забастовка.

Keywords: restructuring, coal mining industry, social sphere, ecological situation, closing down of enterprises, coal miners' strike.

Угольная промышленность Кузбасса является ведущей не только в нашем регионе, но и одной из основных добывающих отраслей в Российской Федерации. Угольщики являются первыми, кто прошел процесс коренных преобразований и смог выйти на качественно новый путь развития промышленности.

Положение, в котором оказалась вся угольная отрасль в начале 90-х гг. XX века, в полной мере можно назвать катастрофическим. Более половины шахтного фонда Кузбасса имело срок службы свыше 40 лет. Только 18 % угольных предприятий являлись относительно молодыми (до 20 лет). Из состава эксплуатируемых разрезов 60 % имели срок службы более 25 лет. Износ основного оборудования на многих шахтах и разрезах достиг 60 – 70 % [1]. В связи с постоянным недостатком капиталовложений для строительства и технического перевооружения вынужденно поддерживалась работа предприятий, отработавших промышленные запасы. В результате сложившегося положения стало расти количество аварий на угольных предприятиях и увеличиваться число травм со смертельным исходом.

Правительство СССР, а позднее РФ, неоднократно принимало решения об улучшении работы одной из базовых отраслей страны. Однако все эти попытки производились традиционными командными методами и не получили долгосрочных положительных результатов.

Расходы на добычу угля покрывались частично (за счет средств, полученных от потребителей продукции), а все остальное требовало бюджетных дота-

ций. Социальная сфера Кузбасского региона стремительно деградировала: дефицит всех товаров в шахтерских городах и поселках принял чудовищные формы. Вызывало также обеспокоенность состояние жилищного фонда. Многие шахтерские семьи продолжали жить в непригодных бараках, росли цены за коммунальные услуги. Недовольство горняков вылилось летом 1989 года в первую массовую забастовку шахтеров бассейна, охватившую вскоре и другие шахтерские регионы. Следовательно, решать проблемы необходимо не в отдельно взятом бассейне, а повсеместно.

В этой связи была выдвинута концепция реструктуризации угольной промышленности.

Разработкой программы реструктуризации в России занялись такие структуры, как компания «Росуголь» и Международный банк реконструкции и развития. На рассмотрение российским специалистам было предложено три варианта проведения коренных преобразований в отрасли. Надо сказать, что все они не устраивали ни российских экспертов, ни профсоюзные организации. Связано это было с тем, что угольная промышленность рассматривалась в полном отрыве от остального комплекса народного хозяйства, не учитывалась ее роль в обеспечении экономической и стратегической безопасности.

Мировой опыт проведения коренных преобразований угольной отрасли был совершенно не пригоден для нашей страны. Этому есть несколько причин: во-первых, в нашей стране многие угольные предприятия являются градообразующими. Закрытие шахты

или разреза неминуемо влекло за собой большое количество других проблем. Во-вторых, для решения многих социальных проблем, связанных с ликвидацией предприятия, необходимы были огромные финансовые средства, которых не было. Кроме этого, в отличие от зарубежных стран в России проведение реструктуризации совпало по времени с процессом разрушения централизованной системы управления и перехода к рыночной экономике.

Учитывая необходимость системного решения проблем угольной отрасли, российскими специалистами была разработана своя программа реструктуризации.

Главной целью проводившихся в отрасли реформ провозглашалось создание конкурентоспособных высокоэффективных угледобывающих и углеперерабатывающих предприятий, способных удовлетворять спрос на угольную продукцию; коренное улучшение охраны труда горняков; повышение их уровня жизни и социальной защищенности.

Программа была разработана и принята к исполнению в сжатые сроки. Были разработаны также и местные программы, предполагавшие учет особенностей и возможностей каждого угледобывающего региона.

В процессе реструктуризации угольной промышленности Кузбасса можно выделить 2 периода: 1994 – 1997 гг. – первый период, который еще называли «санационный»; 1998 – 2000-е гг. – второй период, так называемый «стабилизационный».

На первом этапе реформирования в Кузбассе самым негативным моментом реализации программы стал вопрос о закрытии ряда угольных предприятий. Программой реструктуризации была определена формула, по которой все шахты и разрезы были разделены на три категории: рентабельные, дотационные и особо убыточные. Но подчас в разряд убыточных попадали шахты, где запасов угля было на несколько десятков лет. Кроме этого, очень часто угольные предприятия закрывались, можно сказать, варварским способом – путем затопления. Это был, по мнению специалистов, совершенно неприемлемый для отрасли и региона путь. Однако это было быстро и относительно дешево.

Ликвидация большого количества угольных предприятий привела к резкому падению объемов добычи угля (93,9 млн т в 1997 г.) [2, с. 363 – 364].

Более того, программа ликвидации шахт в нормативном и законодательном порядке не утверждалась в связи с чем, в процессе закрытия шахт имели место значительные трудности по социальной защите работников угольной отрасли.

Самая главная проблема здесь – трудоустройство высвобождаемых горняков. Это объяснялось несколькими причинами.

Во-первых, в условиях закрытия ряда шахт для шахтеров нет вакансий вследствие того, что шахты в малых городах и особенно поселках являются единственным градообразующим фактором. Здесь десятилетиями складывался «монопрофессиональный» тип занятости, и вся жизнь поселка связана с работой той или иной шахты, ее экономическим и социальным развитием, где вся инфраструктура, все трудовые связи «замыкаются» на шахте.

Во-вторых, в угольных регионах всегда существовала приоритетность выбора шахтерской профессии. Это в большей степени относится к шахтерам со стажем. Однако и молодые рабочие не хотели менять профессию. В такой привязанности есть узкопрагматический аспект, связанный с тем, что многие горняки – узкие специалисты. Если они не могут найти работу по своей профессии, то значит, они вообще нигде больше не могут работать.

В-третьих, шахтерский труд – это труд настоящего мужчины, трудный, опасный, достойно вознаграждаемый. Для многих шахтеров расстаться со своей профессией – значит не просто ее потерять, а потерять свой привычный социальный статус.

В-четвертых, форсированное закрытие угольных предприятий привело «к залповому» выбросу на рынок труда свободных рабочих рук. Большое число высвободившихся шахтеров были не в состоянии поглотить действующие шахты и разрезы бассейна.

Положение, в котором оказались горняки, все чаще толкало их на применение новых форм протеста против действий властей, таким как подземные забастовки, голодовки и др. В конечном итоге для защиты собственных интересов работники угольных предприятий были вынуждены прибегнуть к крайней мере, так называемой «рельсовой войне».

Еще одной проблемой, связанной с закрытием большого ряда угольных предприятий, стало состояние окружающей среды. Так как ликвидация шахт проводилась в основном путем их затопления, это нарушило сложившийся режим подземных вод, привело к провалам земной поверхности, появлению новых зон подтопления и увеличению заболоченности. Кроме этого, затопляемые шахты зачастую имели гидравлическую связь с действующими предприятиями. На значительной части намеченных к ликвидации (затоплению) шахт велись горные работы выше уровня горных работ соседних шахт. Это привело к тому, что близлежащие работающие шахты могли оказаться под угрозой аварийного затопления из-за возможных прорывов воды в их горные выработки с затопленных горных участков ликвидированных шахт. Более того, под угрозу аварийного затопления были поставлены те шахты, на которых обеспеченность вскрытыми (промышленными) запасами коксующегося угля была наибольшая по сравнению с остальными шахтами.

Однако надо признать, что на первом этапе реструктуризации были и отдельные положительные результаты. Во-первых, был закрыт ряд угольных предприятий, которые уже давно отработали свой ресурс и были опасны для жизни горняков. Во-вторых, массовое закрытие особо убыточных и нерентабельных шахт и разрезов частично изменило характер техногенной нагрузки на окружающую среду. С одной стороны, прекратилось отчуждение земли под породные отвалы, подработка поверхности, выбросы угольной пыли и метана в атмосферу с отработанным шахтным воздухом, снизилось загрязнение атмосферы от породных отвалов и котельных, водных ресурсов от водоотливных систем, уменьшилась антропогенная нагрузка. В-третьих, началось освоение перспективных Ерунаковского и Караканского месторождений. В-четвертых, было налажено собственное производство

оборудования, необходимого для работы угольных предприятий.

Все же негативных результатов проведения преобразований в ведущей отрасли нашего региона на первом этапе было гораздо больше.

Все это обусловило необходимость пересмотра коренным образом программы реструктуризации угольной промышленности на втором этапе (1998 – начало XXI века). В первую очередь это связано со сменой руководства Кузбасса.

Новой администрацией был разработан комплекс мер по проведению подлинно созидательных процессов. В частности, удалось остановить повальное закрытие шахт и разрезов, начался процесс восстановления фонда угольных предприятий. Более организованной стала работа по ликвидации особо убыточных шахт.

За последние 10 лет было привлечено в угольную промышленность нашего региона несколько сотен миллиардов рублей инвестиций. Все они были потрачены на первоочередные меры по развитию отрасли. В частности, было построено свыше 53 новых, современных предприятия по добыче и переработке угля, оснащенных самыми передовыми средствами безопасности. А в 2011-м году в Кузбассе зарегистрирован самый низкий показатель по травматизму за всю историю российской угольной отрасли. Уровень общего травматизма уменьшился на 30 %, а смертельного – на 20 % [3].

Еще одним направлением развития угольной промышленности стала добыча метана из угольных пластов, реализация которого стартовала еще в 2010 году (инвестор – компания «Газпром добыча Кузнецк», подконтрольная «Газпрому»). За этот период было освоено около 4 миллиардов рублей. Предполагается бурение 128 скважин в год [4].

Кроме этого, в Кузбассе стали совершенно по-новому строить работу в области добычи угля. Приоритет стали отдавать не наращиванию объемов добытого угля, а его глубокой переработке. Это общемировая тенденция, которая до недавнего времени практически не использовалась в России. В Кузбассе, крупнейшем угледобывающем регионе страны, ситуация с обогащением значительно лучше, чем в других угольных районах. В настоящее время переработка угля в Кемеровской области ведется на 35 обогатительных фабриках (ОФ) и 16 сортировочных установках. За первое десятилетие нового века в регионе было введено 15 ОФ. Сегодня практически каждый новый проект строительства шахты или разреза в Кузбассе реализуется в связке со строительством мощностей по обогащению. В последние годы фабрики проектируются и строятся очень быстро – за 11 – 16 месяцев, и многие виды проектных и строительных работ выполняются параллельно. Причем проекты фабрик нового времени радикально отличаются от гигантов прошлого [3].

Кемеровская область стала первым в Сибири инициатором совместной работы органов государственной власти и академического института.

В феврале 2009 года состоялось подписание соглашения между Администрацией Кемеровской области и Сибирским отделением РАН «О развитии Ке-

меровского научного центра Сибирского отделения РАН на 2009 – 2013 годы».

Это было уже третье Соглашение, которое администрация области заключает с Сибирским отделением. Первое было подписано ещё в 1998 году. В новом соглашении определены приоритетные направления сотрудничества. Программа научного и технологического обеспечения социально-экономического развития Кемеровской области была подготовлена рабочей группой под руководством академика, советника РАН А. Э. Конторовича. Согласно соглашению увеличено финансирование фундаментальных научных исследований КемНЦ СО РАН за счёт программ СО РАН.

Кроме этого, сегодня на базе Кузбасского государственного технического университета (КузГТУ) действуют научно-исследовательские лаборатории: прикладной теплофизики института теплофизики СО РАН, совершенствования способов разработки угольных месторождений, охраны окружающей среды, процессов и аппаратов очистки воды, геодинамического районирования месторождений полезных ископаемых. С целью продвижения научно-технических разработок и подготовки профессиональных менеджеров в КузГТУ создан Кузбасский региональный межвузовский инновационный центр (КузбассРИЦ). В структуре центра представлены: вуз, академический институт, экспертная организация, машиностроительный завод, научно-исследовательский институт, организация региональной системы поддержки инновационного предпринимательства.

Таким образом, как следствие всех проведенных мероприятий стала расти добыча угля. Объем добычи угля в 2012 году стал рекордным за всю историю промышленной добычи в Кузбассе. В том числе за январь – декабрь прошедшего года угольщики добыли 52,2 млн тонн коксующихся марок (за 2011 год – 48,8 млн тонн) и 149,3 млн тонн энергетических марок (в 2011 году – 143,3 млн тонн). Отгрузка за 12 месяцев 2012 года составила 192 млн тонн (2011 год – 187,2 млн тонн) [5].

В частности, в декабре 2012 года угольные предприятия региона добыли 16,8 млн, в том числе 4,4 млн тонн коксующихся марок. За месяц угольщики отгрузили потребителям 15,8 млн тонн, из них на экспорт – 8,7 млн тонн [5].

В отношении социальных аспектов реформирования также произошли коренные изменения. Начались выплаты заработной платы и компенсаций. В дальнейшем оплата труда горняков была значительно увеличена с 6378 руб. в 2002-м году до 32000 руб. в 2011 г. [3]. Стали появляться рабочие места, в том числе и в угольной отрасли. За 10 лет (с 2002 по 2011 гг.) в области было создано 22435 новых рабочих мест [6].

В регионе большое внимание уделяется здоровью горняков. Сегодня в Кузбассе действует несколько крупных медицинских центров, в которых лечатся не только работники угольной отрасли, но и другие жители нашей области. В частности, Федеральное государственное лечебно-профилактическое учреждение «Научно-Клинический центр охраны здоровья шахтеров» в городе Ленинск-Кузнецкий. Клиника стала настоящим центром оказания высококвалифицирован-

ной медицинской помощи, высоких технологий, медицинской науки и практики Кузбасса. Еще одним лечебным центром является «НИИ комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний Сибирского отделения РАМН», образованный в 2000 году. Это и знаменитый своими современными технологиями в лечении травм Кузбасский НИИ Травматологии и реабилитации в городе Прокопьевске.

В Кузбассе стали возрождаться соревнования передовиков, проводятся спортивные соревнования угольных компаний. Также горняки принимают активное участие в международных конкурсах работников угольной промышленности. В Китае с 12 по 17 сентября 2010 года состоялся Первый Международный конкурс профессионального мастерства среди угольщиков. На этих соревнованиях представители двух крупнейших угольных компаний области – «Кузбассразрезуголь» и «СУЭК-Кузбасс» – представляли не только Кузбасс, но и Россию. В конкурсе участвовали 15 команд из 10 государств, включая Россию, США, Австралию, Новую Зеландию, Индию, Польшу, Германию, ЮАР, Вьетнам и Китай. Конкурс шёл по двум направлениям: открытые и подземные работы. Обе компании завоевали 7 золотых, 6 серебряных и 12 бронзовых медалей [3].

Началось переселение шахтеров из ветхого жилья, а также домов, находящихся в экологически опасных зонах. В 2012 году на эти цели область получила 1,2 млрд рублей, что позволит снести 400 бараков. Всего за время реализации программы расселения в области переселено около 40 тысяч семей [7].

Кроме этого, в регионе большое внимание уделяется состоянию окружающей среды. В июне 1998 года Минтопэнерго России совместно с Администрацией Кемеровской области был создан Кузбасский Центр мониторинга производственной и экологической безопасности (КЦМПЭБ), основными задачами которого явились: наблюдение за состоянием окружающей природной среды и ее изменениями под влиянием хозяйственной и иной деятельности; проверка выполнения планов и мероприятий по охране природы, рациональному использованию природных ресурсов, оздоровлению окружающей природной среды; соблюдение требований природоохранительного законодательства и нормативов качества окружающей природной среды.

В течение нескольких лет были выполнены следующие работы:

- на всех ликвидируемых предприятиях созданы группы мониторинга, ведущие гидрогеологический, газодинамический и гидрохимический мониторинг;
- на всех шахтах определены опасные и угрожающие зоны по выделению газов, разработаны мероприятия по защите зданий и сооружений от проникновения метана;
- определен и ведется контроль за зонами, опасными по выходу возможных провалов в районах подработки, где расположены здания, сооружения, жилье.

Совместно со службами шахт ведется гидрогеологический мониторинг, особенно на шахтах, смежных с действующими предприятиями. Собрана информа-

ция о составе сбросов шахтовых вод, составе рудничного воздуха из ликвидируемых выработок, выходящих на поверхность, определяется состав воздуха в подвалах (погребах) жилых домов, расположенных на горных отводах ликвидируемых шахт и формируется банк данных по перечисленным средам.

Для проведения геодинамического и гидрогеологического мониторинга на самых глубоких и самых старых шахтах Кузбасса выполнены технические проекты организации и обустройства геодинамического полигона. Ведутся работы по оценке сейсмичности и выполнения ряда научных задач, связанных с ликвидацией шахт.

Таким образом, можно сказать, что на втором этапе реформирования реструктуризация стала приносить действительно положительные результаты.

Однако, несмотря на достигнутые результаты, сегодня остается еще ряд проблем, которые требуют своего разрешения. В частности, по мнению министра энергетики Александра Новака, необходимы средства для окончания переселения жителей из оставшихся жилых домов после ликвидации шахт. На эти цели не хватает примерно 580 миллионов рублей [8].

Необходимо также завершить технические работы по ликвидации организаций угольной промышленности. На сегодня проектом по ликвидации шахт и угольных разрезов реализовано 999 объектов. Для ликвидации остался всего 51 объект на общую сумму 13,386 млн рублей. В основном это предприятия в Пермском крае, Кузбассе, Ростовской области [8].

До сих пор остается большое количество нерешенных проблем, связанных с экологической обстановкой в Кузбассе. Выделяются следующие основные проблемы в области охраны окружающей среды:

- по охране водных ресурсов: очистка сточных вод от нефтепродуктов, минеральных солей, в том числе сульфатов, бактериальных загрязнений;
- по охране атмосферного воздуха: очистка от газообразных выбросов, главным образом от оксида серы, оксидов азота и метанов, разработка технологий сжигания высокозольных и высокосернистых углей и шламов;
- по восстановлению нарушенных земель: снижение землеемкости горных работ, рекультивация глубоких карьерных выработок и отвалов большого объема, разработка бактериальных препаратов для ускоренной рекультивации породных отвалов;
- по использованию твердых отходов: расширение объемов применения твердых отходов в качестве минеральных вяжущих и строительных материалов, органоминеральных удобрений и других продуктов.

Таким образом, Минэнерго РФ ожидает завершения реструктуризации угольной отрасли РФ к 2018 году.

Литература

1. Шахматов, В. Я. Состояние и перспективы реструктуризации угольной промышленности Кузбасса / В. Я. Шахматов // Уголь. – 1997. – № 4.
2. Российский статистический ежегодник. – М.: Госкомстат России, 2002. – 690 с.
3. Малышев, Ю. Н. За сильный Кузбасс: о реструктуризации угольной промышленности / Ю. Н. Малышев. – Режим доступа: <http://www.nfk.su/3814> (дата обращения: 13.03.2013).
4. Метановый проект, или «Имидж – ничто». – Режим доступа: <http://www.kuzpress.ru/economy/25-01-2013/-25785.html> (дата обращения: 26.02.2013).
5. Агентство РИА-Новости (11.01.2013). – Режим доступа: <http://news.mail.ru> (дата обращения: 20.02.2013).
6. Итоги развития топливно-энергетического комплекса Кузбасса за 2012 год. – Режим доступа: <http://www.ako.ru/Ekonomik/t-e-k.asp?n=4> (дата обращения: 15.03.2013).
7. Сначала жилье аварийное, затем – ветхое // Кузбасс. – 2012. – 21 декабря.
8. Реструктуризация угольной отрасли РФ может быть завершена к 2018 г. – Режим доступа: <http://energo-news.ru/archives/99429> (дата обращения: 05.03.2013).

Информация об авторе:

Бирюкова Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, 8(384-2) 58-40-16, olga1.biryukova@yandex.ru.

Olga V. Biryukova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

УДК 94(571.17): 351.745”1943/1953”

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МИЛИЦИИ ПО БОРЬБЕ С ИМУЩЕСТВЕННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ И СПЕКУЛЯЦИЕЙ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943 – 1953 ГОДАХ

В. Я. Бурчак

ACTIVITIES OF MILITIA UNITS FOR PROPERTY CRIMES AND SPECULATION IN THE KEMEROVO REGION IN 1943 – 1953

V. Ya. Burchak

В данной статье рассматриваются деятельность милицеских подразделений Кемеровской области по борьбе с имущественными преступлениями и спекуляцией в период с 1943 по 1953 годы, методы раскрытия данных категорий преступлений, меры по их предотвращению.

This article reviews the activities of the militia (police) units of the Kemerovo region to combat speculation and property crimes in the period from 1943 to 1953, the methods of disclosing these categories of crime, and measures to prevent them.

Ключевые слова: отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, хозяйственные преступления, материально ответственные лица, личное имущество граждан.

Keywords: department for combatting the theft of socialist property and speculation, economic crimes, financially responsible person, personal property of citizens.

В военное и послевоенное время значительную часть преступлений составляли хищения материальных средств в организациях и учреждениях государственной торговли, в промышленности, на сельскохозяйственных предприятиях, в заготовительных учреждениях, обмеривание и обсчет покупателей, спекуляция продовольствием и промышленными товарами (хозяйственные преступления) и кражи личного имущества граждан. Одной из основных задач органов милиции являлась борьба с данными категориями преступлений.

В период образования Кемеровской области путем ее выделения из Новосибирской области вышел приказ Народного Комиссара внутренних дел Союза ССР № 00137 от 28 января 1943 года «Об организации

Управления НКВД по Кемеровской области» [29, с. 197 – 198]. Одним из милицеских подразделений вновь созданного Управления НКВД стал отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС) Управления милиции во главе с младшим лейтенантом милиции Григорием Миновичем Бердниченко [30, с. 198]. В городских и районных отделах и отделениях милиции городов области также находились подразделения ОБХСС, подчиненные ОБХСС НКВД по Кемеровской области. Эти подразделения милиции несли основную нагрузку по предотвращению, выявлению и раскрытию имущественных видов преступлений.

Если в довоенное время основными объектами преступных посягательств были денежные средства,

ювелирные изделия и ценные вещи (фотоаппараты, часы и др.), то в военное и послевоенное время объектами преступлений становилось продовольствие (в немалой степени – государственный хлеб), военное имущество, промышленные товары, горюче-смазочные материалы, уголь [2]. Также выделялись преступления, связанные с различными махинациями с карточками на продовольствие. Самыми распространенными махинациями являлись подделки стандартных справок на получение продовольственных карточек и выдача таких справок на граждан, живущих в сельской местности, которым карточки были не положены [4, л. 8]. Продовольственные карточки являлись постоянным объектом хищений как у рядовых граждан, так и на предприятиях в больших количествах. Так, на Кемеровском кирзаводе в 1947 году в результате халатного хранения этих документов было похищено 125 комплектов карточек [7, л. 2]. Работа карточных и контрольно-учетных бюро исполкомов городских Советов строилась во взаимодействии с паспортными столами органов милиции, сотрудники ОБХСС входили в состав комиссий по уничтожению погашенных карточек, талонов и другой документации, связанной с распределением продуктов питания и промышленных товаров среди населения области [6, л. 63].

Огромную волну хозяйственных преступлений спровоцировал голод 1946 года [31, с. 226]. Руководство области в этот год особенно было обеспокоено сохранностью урожая зерновых. Принимался ряд мер по предотвращению хищений, нецелевого использования и порчи хлеба. Органам милиции совместно с представителями Министерства заготовок, районными и городскими исполнительными комитетами, работниками прокуратуры вменялось в обязанность систематически проверять состояние охраны и сохранности зерна на государственных заготовительных пунктах и применять своевременные меры к виновникам порчи, хищения и разбазаривания [17, л. 45, 237]. Для контроля над этими мероприятиями создавались областные и районные комиссии во главе с председателями исполкомов различных уровней. В состав комиссий обязательно входили руководители органов милиции [18, л. 338]. Государство стремилось ужесточить контроль над крестьянством, изымая и наращивая государственные запасы зерна. Жестко карались председатели колхозов, недодававшие план по хлебозаготовкам, раздававшие зерновые для личных нужд крестьян. Так, к различным срокам заключения от 1 до 3 лет в 1943 году приговорили ряд руководителей колхозов Кемеровского, Топкинского, Гурьевского, Зыряновского районов [1].

Причинами, порождавшими эти виды преступлений, являлись трудности в снабжении населения продуктами питания и товарами первой необходимости, недостаток их, а также элементарная жажда наживы как со стороны материально ответственных работников различных структур, так и спекулянтов, связанных с этими работниками. В то же время некоторая доля этих преступлений связана с необходимостью обеспечения себя либо членов своей семьи элементарными благами.

Чтобы обеспечить нормативную базу для предотвращения, расследования, раскрытия и наказания за данные виды преступлений, Советское государство разработало ряд постановлений, указов и статей, внесенных в Уголовный кодекс РСФСР. Таковыми являлись статьи Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающие наказания за хозяйственные и имущественные преступления [32, с. 171 – 188], Постановление ЦИК СНК СССР № 62 от 07 августа 1932 года «Об охране государственного и общественного имущества» [28, с. 276 – 281], Постановление ГКО № 1379 с от 03 марта 1942 года «Об охране военного имущества Красной Армии в военное время» [27], Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» [33] и ряд других. Меры наказания по видам преступлений были разнообразными в зависимости от тяжести деяния, начиная от административной и дисциплинарной ответственности (покрытие недостатков, штрафы, освобождение от должности и т. п.) и заканчивая высшей мерой наказания (расстрелом) с конфискацией имущества виновного.

Борьба с этими преступлениями в Кемеровской области в указанный период времени была поставлена на особый контроль со стороны руководства области [17, л. 45, 237], руководства милиции [12, л. 10 – 11], областного прокурора, прокуроров городов и районов [15, л. 2 – 7]. На совместных совещаниях работников прокуратуры и сотрудников милиции неоднократно обсуждались проблемы, возникающие при выявлении и расследовании экономических преступлений, намечались превентивные меры по предупреждению преступных деяний. Одной из предупреждающих мер по снижению растрат, недостатков, хищений и пр. являлись лекции, доклады и беседы по разъяснению советских законов и вытекающих последствий для нарушителей законности. Они систематически проводились в торговых организациях, на промышленных предприятиях и в советских учреждениях среди работников торговли, материально ответственных лиц и руководителей [15, л. 36]. Использовались методы публичного порицания преступивших закон граждан, проводились открытые судебные процессы против расхитителей социалистической собственности, спекулянтов с освещением их деяний в областных и районных газетах [14, л. 19].

Нечестные работники торговли использовали различные уловки для личного обогащения за счет своих сограждан. Сотрудниками милиции совместно с работниками торговых отделов исполкомов выявлялись такие факты, как продажа остродефицитных товаров из-под прилавка, организация закрытой торговли, продажа товаров с баз, самонаценки на товары (завышение цен), продажа товаров низкого сорта по ценам более высокого сорта, завышение цен на хлеб и обсчет покупателей, обвес с помощью неисправных весов с отклонением в пользу продавца, использование гирь, не соответствующих номиналу, взвешивание товара в оберточной бумаге без вычета веса обертки. Так, ловкий продавец с помощью обвесов на хлебе и муке с одной проданной тонны хлеба за 5 часов работы мог получить около 800 рублей «левого» дохода.

Подобный факт был выявлен органами милиции, и женщина-продавец получила 5 лет лишения свободы [23, л. 103 – 106]. Все «излишки» товаров, полученные в результате таких махинаций, тут же попадали на спекулятивный «черный» рынок. Таким образом, хищения и другие махинации в торговых сетях развивали подпольную спекулятивную торговлю, обогащали различного рода дельцов, подрывали авторитет государственных органов. Спекуляция в области носила организованный характер. Спекулирующие граждане имели связи с представителями торговых организаций, являлись их родственниками либо знакомыми. Ходовые и дефицитные товары сбывали, минуя магазины, по завышенным (спекулятивным) ценам. Спекулировали на всем, начиная от пряностей и заканчивая одеждой и коврами [14, л. 16].

Основными методами выявления экономических преступлений являлись внезапные проверки и ревизии денежных средств и товаров, находящихся на подотчете материально ответственных работников учреждений и организаций, немедленное реагирование по фактам растрат, хищений и спекулятивных действий [15, л. 5].

Однако весьма часто работа сотрудников БХСС оценивалась неудовлетворительно как со стороны областных, городских и районных руководителей, так и со стороны прокуроров различного уровня и милицкого начальства. Причины этого были разнообразными. Встречались случаи арестов подозреваемых без достаточной доказательной базы либо случаи утраты следственных дел [16, л. 415]. Волокита в расследовании таких дел приводила к тому, что сроки расследования нарушались и такие дела теряли силу в суде [14, л. 51]. Работники прокуратуры нередко затягивали дачу санкций на арест подозреваемых [13, л. 21]. По этим причинам подозреваемые в преступлениях зачастую скрывались и объявлялись в розыск. Руководящие работники милиции довольно часто сетовали на то, что судебные органы выносят растратам, воров и спекулянтам слишком мягкие приговоры, что в дальнейшем ведет к повторению аналогичных преступлений со стороны осужденных либо привлеченных к административной или дисциплинарной ответственности лиц. Так, за первое полугодие 1948 года мера репрессий (реальное уголовное наказание) применялась лишь к 20 % спекулянтов [12, л. 10 – 11]. Работа ОБХСС в Кемеровской области существенно осложнялась в связи с несвоевременным информированием со стороны руководящего состава промышленных, сельскохозяйственных и торговых организаций, учреждений и предприятий о фактах хищений, растрат и недостач, а также недостаточной работой с кадрами на данных объектах народного хозяйства. На совещаниях исполнительных комитетов различных уровней по вопросам торговли в области довольно часто ставились вопросы о правильном подборе кадров для торговых организаций. Нередки были случаи приема на работу в торгующую отрасль лиц, совершавших преступления против социалистической собственности или аналогичные. Это порождало новые преступления, нередко более тяжкие. К примеру, в прошлом судимая за растрату гражданка Б. была принята на работу заведующей магазином горпище-

торга. По договоренности с тремя бандитами, которым она уплатила 3000 рублей, пыталась симулировать ограбление магазина (женщина-сторож при этом была убита бандитами) с целью скрыть крупную растрату. Были случаи поджогов торговых точек с целью сокрытия ущерба от растрат [15, л. 6].

Зачастую виновные в хозяйственных преступлениях своевременно скрывались от уголовного преследования, и тогда расследование уголовных дел длилось годами. Характерно, что растратам и хищениям были подвержены не только торговые предприятия и организации, относящиеся к городским или районным сетям торговли. Были случаи таких деяний в ведомственных магазинах, относящихся к системе МВД СССР (Кемеровский областной совет «Динамо»). Например, в Анжерском ОБХСС находились дела о растратах и недостачах на бывшего начальника отделения «Динамо» в Анжерке А. У. Киприянова (растрата на сумму 8471 рубль 82 копейки) и ответственного продавца того же отделения Г. Н. Михеевой (растрата на сумму 6802 рубля) [20, л. 102]. Оба эти лица находились во Всесоюзном розыске с 1946 и 1947 гг. А. У. Киприянов был найден в 1950 году в Псковской области, где отбывал наказание по аналогичному делу [21, л. 309].

Зачастую лица, скрывающиеся от правосудия по данным видам преступлений, объявлялись в местный (региональный) розыск, а во всесоюзный не подавались за нецелесообразностью. Если местный розыск результатов не давал, то уголовное дело приостанавливалось или прекращалось [11, л. 13].

При анализе имущественных преступлений против социалистической собственности сотрудниками ОБХСС и работниками прокуратуры выделялись предприятия и организации, наиболее подверженные хищениям и растратам. Так, на примере г. Кемерово было выявлено: в тресте столовых и ресторанов за 1950 – 1951 годы 221 случай хищений и растрат, привлечено к ответственности 46 человек; в горпищеторге – 271 случай за аналогичный период, привлечен к ответственности 61 человек; в системе «Гастроном» – 53 случая, привлечено 7 человек; в системе «Универмаг» – 173 случая, привлечено к ответственности 8 человек. Всего в этих организациях нанесено ущерба за 1950 – 1951 годы на сумму 729912 рублей, из них взыскано 269932 рубля (37 %) [15, л. 4]. Для сравнения: средняя заработная плата продавца промышленных товаров составляла 326 рублей (на сентябрь 1947 года) [19, л. 157]. Из этих сведений можно предположить, что примерно в 37 % случаев хищений, растрат и недостач, виновные, возможно, избегали реальных уголовных наказаний, были наказаны иными способами с вычетом ущерба.

Немаловажную роль в обеспечении сохранности имущества и материальных ценностей бюджетных предприятий и хозяйственных организаций местного подчинения играла сторожевая охрана. Она осуществлялась сторожевыми артелями Облкоопинсоюза, ведомственными сторожами и вахтерами. Надзор за такими артелями осуществляла межведомственная комиссия, в состав которой входили руководители милиции. По мере оборудования объектов предприятий и организаций простейшими видами сигнализации,

телефонизации данных объектов, оборудования освещения и ограждения, применения сторожевых собак и других мер, работники сторожевых артелей подлежали частичному сокращению [8, л. 12]. Руководители предприятий по согласованию с исполкомами для обеспечения сохранности имущества привлекали к сотрудничеству в вопросах охраны объектов на договорных началах представителей пожарной охраны [25, л. 45]. В октябре 1952 года выделилось особое милицейское подразделение – вневедомственная охрана, осуществляющая свою деятельность на основе договоров с предприятиями и организациями, позднее – с физическими лицами. В соответствии с приказом Главного Управления милиции МГБ СССР от 28 ноября 1952 года в Кемеровском, Сталинском (Новокузнецком) городских отделах милиции были созданы отделы вневедомственной, обходной, наружной сторожевой охраны (ВОНСО), а в Прокопьевском, Киселевском, Беловском, Ленинск-Кузнецком, Анжеро-Судженском и Осинниковском городских отделах милиции – отделы охраны, штатная численность которых составляла всего 40 человек. В основном это были бригады сторожей, комплектовавшиеся из пенсионеров и людей пожилого возраста. Руководили этими бригадами сотрудники милиции. Вооружение было под стать самим работникам: охотничьи двустволки и примитивные берданки, из средств связи – только милицейский свисток и уличный телефон-автомат [26, с. 6].

На совещаниях различных уровней, где присутствовали руководящие работники милиции, особая роль уделялась сохранности государственного и общественного имущества от преступных посягательств. На второй план выходила борьба с преступлениями, связанными с кражами и хищениями личного имущества граждан. Эти деяния наказывались в соответствии со статьями уголовного кодекса, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 04 июня 1947 года «Об усилении охраны личной собственности граждан» [34].

Основными видами преступлений против личного имущества граждан были квартирные и карманные кражи, грабежи и разбои [24, л. 26]. Квартирные кражи осуществлялись по большей части путем взлома замков. Предметами краж становились все те же продуктовые карточки, денежные средства, различные носильные вещи и продовольствие. Имели место хищения урожая на коллективных и индивидуальных огородах трудящихся. Руководителям предприятий предписывалось организовывать охрану таких огородов с помощью сторожей, а сотрудникам милиции

осуществлять контроль над такими сторожами [3, л. 224].

Для предотвращения этих преступлений прежде всего органы милиции пытались наладить систему регистрации населения по месту жительства. Участковые уполномоченные милиции совместно с общественностью (квартальными, уличными комитетами) регулярно проводили проверки лиц, проживающих в квартирах, домовладениях и других жилищах согласно домовым книгам и наличию регистрации в паспортных столах. Это было необходимо для выявления преступных элементов, ведущих паразитический образ жизни, живущих за счет преступных промыслов. В эту работу включались рядовые граждане путем организации бригад содействия милиции в организациях и на предприятиях, которые совместно с сотрудниками милиции осуществляли охрану общественного порядка и личного имущества граждан [5, л. 144].

Для предотвращения карманных краж, краж с прилавков и аналогичных преступлений руководством милиции организовывались маршруты патрулирования и постоянные стационарные посты милиции в общественных местах, местах с массовым скоплением граждан, культурных и зрелищных заведениях. В городе Кемерово в системе единой дислокации стационарные посты находились в кинотеатре «Москва» [9, л. 89], возле моста через реку Томь [10, л. 70], на рынках и ряде других мест.

В период весенних паводков и разлива рек сотрудники милиции Кемеровской области несли службу в особом режиме. Кроме мер, направленных на эвакуацию населения из зон подтопления, милиционеры осуществляли охрану имущества эвакуированных от преступных посягательств и попыток мародерства [22, л. 133].

Таким образом, борьба с имущественными преступлениями со стороны милиции Кемеровской области в 1943 – 1953 годах велась с переменным успехом. В адрес сотрудников милиции зачастую от представителей исполнительной власти различных уровней и со стороны граждан высказывались критические замечания по поводу плохой работы в сфере предотвращения и раскрытия имущественных преступлений. Ухудшение криминогенной обстановки было обусловлено рядом причин, таких как нехватка квалифицированных кадров в милицейских подразделениях, уменьшение штатной численности этих подразделений в военное время, большое количество исправительно-трудовых учреждений в области, быстрый рост населения области за счет эвакуированных, спецпоселенцев, освобожденных из мест лишения свободы.

Литература

1. Бабаянц, А. В. В областной прокуратуре / А. В. Бабаянц // Кузбасс (Кемерово). – 1943. – 22 авг.
2. Бабаянц, А. В. В военной прокуратуре / А. В. Бабаянц // Кузбасс. – 1944. – 9 апр.
3. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 17.
4. ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 18.
5. ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 22.
6. ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 23.
7. ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 26.
8. ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 35.

9. ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 6. Д. 11.
10. ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 6. Д. 15.
11. ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 6. Д. 17.
12. ГАКО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 1.
13. ГАКО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 3.
14. ГАКО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 5.
15. ГАКО. Ф. Р-530. Оп. 1. Д. 9.
16. ГАКО. Ф. Р-530. Оп. 2. Д. 2.
17. ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 99 а.
18. ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 255.
19. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 5.
20. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 9.
21. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 11.
22. ГАКО. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 19.
23. ГАКО. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 23.
24. ГАКО. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 25.
25. ГАКО. Ф. Р-896. Оп. 1. Д. 11.
26. ГУВД Кемеровской области. Управление вневедомственной охраны. 50 лет; под ред. С. А. Моисеенко, О. В. Поповой, Н. М. Сидорова. – Кемерово, 2002.
27. Постановление ГКО № 1379с от 03 марта 1942 года «Об охране военного имущества Красной Армии в военное время». – Режим доступа: soldat.ru (дата обращения: 07.04.2013).
28. Постановление ЦИК СНК СССР № 62 от 07 августа 1932 года «Об охране государственного и общественного имущества» // Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. и с пред. И. Т. Голякова. – 2-е изд. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944.
29. Приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР за 1943 г. № 00137, 28 января 1943 г. // Лопатин А. А. Главное управление внутренних дел Кемеровской области 1917 – 2002. Страницы истории. – Кемерово, 2002.
30. Приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР за 1943 г. № 206. По личному составу. 29 января 1943 г. // Лопатин А. А. Главное управление внутренних дел Кемеровской области 1917 – 2002. Страницы истории. – Кемерово, 2002.
31. Рыбников, В. В. История правоохранительных органов отечества: учебное пособие / В. В. Рыбников, Г. В. Алексушин. – М., 2008.
32. Трайнин, А. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская / под ред. и с пред. И. Т. Голякова. – 2-е изд. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944.
33. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества». – Режим доступа: libussr.ru (дата обращения: 07.04.2013).
34. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04 июня 1947 года «Об усилении охраны личной собственности граждан». – Режим доступа: libussr.ru (дата обращения: 07.04.2013).

Информация об авторе:

Бурчак Владимир Ярославович – соискатель кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, 89505968070, yaroslavich151@mail.ru.

Vladimir Ya. Burchak – post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

УДК 94(571.1/.5)''1921/1928'':351.746

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОНТРАБАНДОЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Е. А. Ватутин

THE PROBLEM OF COMBATING SMUGGLING IN WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE 1920s

E. A. Vatutin

В статье на основе широкого круга источников, в том числе неопубликованных материалов, рассматривается проблема борьбы с контрабандой на территории Западной Сибири в 1920-е гг. В частности, исследуются основные формы контрабанды и способы борьбы с ней. Подробно анализируются проблемные аспекты.

Based on a wide range of sources, including unpublished material, the paper addresses the issue of combating smuggling in Western Siberia in the 1920s. In particular, it examines the main forms of trafficking and how to combat it. The study provides a detailed analysis of the problematic aspects.

Ключевые слова: товары, контрабанда, таможня, Западная Сибирь.

Keywords: goods, smuggling, customs, Western Siberia.

В июне 2009 г. председатель Правительства Российской Федерации В. В. Путин на заседании президиума Правительства потребовал от руководства силовых ведомств активизировать борьбу с контрабандой [1, с. 3]. Ни для кого не секрет, что контрабанда наносит непоправимый вред экономической и национальной безопасности страны. Контрабандисты осуществляют незаконный вывоз национальных богатств, ввозят наркотики, низкопробные и потенциально опасные товары. Несмотря на все принимаемые меры, объёмы контрабанды не снижаются, а введение в действие Таможенного союза вывело проблему борьбы с контрабандой на наднациональный уровень.

Данная проблема требует должного научного исследования, поскольку положительный опыт, накопленный советской таможенной службой, может быть взят на вооружение таможенными органами России.

Во второй половине 1920-х гг. территория Западно-Сибирского региона имела протяжённые сухопутные границы с Китаем, Монголией и Тувой. Линия границы проходила по пересечённой местности со сложным рельефом, что естественным образом затрудняло охрану границы и борьбу с контрабандой.

Что такое контрабанда? В первый период советской власти точного определения понятия контрабанды не было. В декрете СНК РСФСР от 17 декабря 1921 г. было лишь указано, что конфискации таможенными учреждениями подлежат: предметы, проносимые и провозимые через государственную границу помимо таможенных учреждений; предметы, воспрещённые к вывозу или ввозу, скрытые от таможенного контроля путем какого-либо ухищрения или путем неправильной декларации при почтовых отправлениях; предметы, разрешённые к ввозу или вывозу, но скрытые от таможенного контроля с целью избегания оплаты сборов; предметы, неразрешённые к обращению в Республике (оружие, военное снаряжение и т. д.), задержанные при вывозе их без необходимого разрешения; документы, вредные для РСФСР в политическом и экономическом отношении, и предметы старины и искусства, вывозимые за границу без разрешения.

Декретом СНК РСФСР от 1 сентября 1922 г. контрабандой признавалось перемещение или покушение на перемещение какого-либо имущества через государственную пограничную черту с сокрытием от таможенного контроля [2, с. 173 – 174].

8 января 1924 г. СНК СССР принимает постановление «Об утверждении таможенного тарифа по европейской торговле», который устанавливал меры тарифного регулирования в области внешней торговли с государствами Европы. Данный документ установил список товаров, запрещённых к ввозу на территорию СССР. К числу таких товаров относились: оружие и воинское снаряжение, в том числе бинокли, летательные аппараты и их части, бомбы, снаряды; аннулиро-

ванные ценные бумаги; иностранные лотерейные билеты; порнографическая продукция; опий, гашиш и приспособления для курения гашиша; игральные карты; вредные для Союза ССР в политическом и экономическом отношении документы, печатные произведения, клише, фотографические снимки, киноленты, рукописи, чертежи и рисунки; игральные карты и некоторые другие товары [3, л. 27].

Таможенный устав СССР 1924 г. возлагал борьбу с контрабандой на таможенные органы и органы ОГПУ СССР [4, л. 4], а на уровне центральных аппаратов Главного таможенного управления Народного комиссариата внешней торговли и Главного управления пограничных отрядов ОГПУ был издан ряд циркуляров и директив, разъясняющих его положения. Кроме того, 19 сентября 1927 г. ВЦИК и СНК утверждают Положение «О порядке высылки лиц, виновных в повторной контрабанде. По данному положению таможенные и пограничные органы были обязаны обеспечивать административную высылку лиц, задержанных за повторную контрабанду из пятидесятикилометровой пограничной зоны [5, л. 2]. Принятие такого нормативного акта показывает, как остро стояла проблема контрабанды в приграничных районах.

По оценкам члена президиума ВСНХ СССР Ю. Ларина, в период 1926 – 1927 гг. на территорию СССР было ввезено контрабандных товаров на общую сумму порядка 60 млн руб., а так как контрабандные товары распространялись в розничной сети со значительной наценкой, то ущерб государству оценивался в 120 млн руб. [6, с. 129].

Также ГТУ регулярно проводило анализ выявленных фактов контрабанды, издавало соответствующие приказы, доводившиеся до всех таможенных органов, в которых указывались возможные способы сокрытия товаров. При изучении данных нормативно-правовых документов можно сделать вывод о том, что основными объектами незаконного ввоза на территорию страны становились носильные вещи, часы, шрифты для пишущих машин, косметика, для сокрытия которых использовались самые различные ухищрения. В частности известны случаи сокрытия товаров с использованием тайников в чемоданах, покрытия новых вещей старой тканью, провоз контрабанды непосредственно на теле человека [5, л. 39, 62]. Кроме того, 31 декабря 1928 г. издаётся циркуляр ГТУ и Главного управления пограничной охраны ОГПУ, в котором до служащих таможен и пограничников доводится, что в случае выявления фактов провоза контрабанды членами ВКП(б), данные о таких фактах следует направлять в ЦК ВКП(б) [5, л. 4].

Если же рассматривать территорию Западной Сибири, то здесь главными объектами незаконного ввоза становились хлопчатобумажные и шёлковые ткани, кожи, ковры. Указанные товары ввозились из Китая.

Достаточно актуальным являлся вопрос о незаконном ввозе товаров из Тувы. Так, в своём донесении от 16 августа 1928 г. в Главное таможенное управление и Сибирское районное таможенное управление (далее – СРТУ) руководство Усинской таможни высказывает беспокойство по поводу незаконного ввоза на территорию СССР из Тувы, партий россыпного золота, пушнины и кож. Также в донесении сообщается, что территория Тувы используется для транзита в СССР контрабандных партий китайских, немецких, американских и японских товаров [7, с. 10]. Ввезённые таким образом товары переправлялись во внутренние районы СССР и реализовывались спекулянтами на «чёрном рынке».

Особо стоит сказать о контрабанде скота и кож. В 1926 – 1927 гг. в северной части Тувы свирепствовала эпидемия пневмонии скота, а в 1928 г. в Западной Монголии [8, л. 20] разразилась эпидемия чумы, в связи с этим таможенными органами совместно с ветеринарными врачами задерживались и помещались в карантин стада скота, перегонявшегося из Тувы в СССР, а также партии кож, ввозимых Тувинским центральным кооперативом. При этом в данный период стада, в которых обнаруживались больные животные, просто забивались [5, л. 20, 21]. Торговцы скотом и кожами стали использовать методы незаконного перемещения своих товаров через границу, перегоняя стада вне пунктов пропуска, а кожи скрывались от таможенного контроля.

Основными же объектами незаконного вывоза с территории Западно-Сибирского региона СССР в южном направлении были табак и ленты для пишущих машин, вывозившиеся преимущественно в Туву [5, л. 35].

Достаточно остро стояла проблема незаконного вывоза советской валюты в Туву. Согласно действующему на тот момент законодательству вывоз советской валюты из СССР допускался только с разрешения Народного комиссариата финансов. Однако на тот момент Тува собственной валюты не имела и в обращении на её территории находились советские деньги, которыми с тувинцами рассчитывались за сезонные работы на территории СССР, проданный скот и кожи. В период 1927 – 1928 гг. руководство Усинской таможни направило в ГТУ несколько писем о разъяснении порядка вывоза советской валюты в Туву. Из разъяснений ГТУ видно, что от таможен требовалось применять общие правила вывоза советской валюты, то есть требовать от вывозивших валюту, разрешительные документы, выданные Наркомфином [7, л. 2, 11]. Таким образом, из-за несовершенства таможенного законодательства в категорию контрабандистов так или иначе попадали почти все жители приграничных районов ТНР, занятые работами или торговлей на советской стороне.

В рамках борьбы с контрабандой таможенными органами проводилось изъятие контрабандных товаров, уже находящихся в продаже в приграничной территории. Данные товары изымались, на продавца накладывался штраф, а материалы передавались в следственные органы для возбуждения уголовных дел по ст. 139 УК РСФСР [7, л. 29 – 40], а для выявления таких фактов проводились таможенные обследования

рынков и иных мест торговли, совместно с окружным отделом ОГПУ [9, л. 17].

Ещё одна проблема, с которой сталкивались таможенники в данный период времени, – это взыскание наложенных штрафов. Так, в 1928 г. Усинской таможней в СРТУ направлено письмо, в котором говорилось, что в летний период произвести взыскание штрафов невозможно, так как большинство оштрафованных находятся на заработках и летних кочёвках. Так, на 1 августа 1928 г. по делам о контрабанде Усинской таможней не было взыскано штрафов на общую сумму 1962 руб. 78 коп., в том числе по делам за период 1925 – 1926 гг. – 230 руб. 70 коп.; за 1927 г. – 1463 руб. 87 коп.; за 1928 г. – 268 руб. 18 коп. [10, л. 17]. Для сравнения можно привести данные о средней заработной плате в 1927 – 1928 гг., например, начальник районного отдела милиции получал 100 руб., агроном – 120 руб., учитель 1-й ступени – 52 руб. [11, с. 179].

В качестве личной заинтересованности сотрудников таможен и органов погранохраны в задержании контрабанды было установлено, что часть суммы, полученной от реализации конфискованных товаров, выдавалась лицу, её задержавшему. В том случае, если контрабанда задерживалась по информации граждан, то часть суммы выплачивалась в качестве вознаграждения и заявителю. Однако такая система также создала определённые проблемы. Некоторые жители приграничных районов незаконно переходили границу, закупали по низким ценам различные товары, перемещали их на территорию СССР вне пунктов пропуска и прятали в тайниках. После чего сообщали в пограничные или таможенные органы о якобы найденных ими тайниках. Причиной таких злоупотреблений было то, что на аукционах по продаже конфиската цены были значительно выше закупочной стоимости товаров, а вознаграждение выплачивалось как раз от стоимости товара на советском аукционе. Например, за границей стоимость одного метра коверкотовой ткани составляла около 6 руб., а на таможенном аукционе начальная цена составляла порядка 33 руб. за один метр [6, с. 131].

Косвенно негативное влияние на борьбу с контрабандой оказывала малочисленность и неопытность кадрового состава таможенных органов.

Так, на 1928 г. в штате Усинской таможни, в регион деятельности которой входила советско-тувинская граница, находились 13 человек (табл. 1).

Таблица 1

<i>Должность</i>	<i>Единиц по штату</i>	<i>Вакансии</i>
Управляющий	1	0
Эксперт-товаровед	2	1
Бухгалтер	1	0
Заведующий складом	1	0
Помощник заведующего складом 1 разряда	1	0
Помощник заведующего складом 2 разряда	1	1
Заведующий делопроизводством	1	0
Сторож-курьер	1	0
Всего	9	2

При этом в состав таможен входило два таможенных поста – Моховский и Семиозёрский, со следующими штатами (табл. 2).

Таблица 2

<i>Наименование поста</i>	<i>Должность</i>	<i>Единиц по штату</i>	<i>Вакансии</i>
Семиозёрский	Эксперт-товаровед	1	1 (за него исполнял обязанности заведующий складом)
Семиозёрский	Помощник заведующего складом 1 разряда	1	0
Моховский	Управляющий	1	0
Моховский	Помощник заведующего складом 1 разряда	1	0
Всего по постам		4	1

При этом основная масса таможенников не имела специального образования и опыта работы. А из 11 человек, служивших в Усинской таможне в данный период, дореволюционный стаж работы в таможенных органах имели лишь два человека [5, л. 11 – 20]. Несомненно, уровень подготовки кадров негативно сказывался на должном исполнении таможней своих обязанностей.

К середине 1920-х гг. была создана необходимая для борьбы с контрабандой нормативно-правовая база, которая позволила таможенным и пограничным органам проводить совместную работу в данном направлении. Принятие в 1924 г. Таможенного устава привело к кодификации таможенного законодательства, а также к разделению контрабанды как вида правонарушения,

на квалифицированную и неквалифицированную. Соответственно были разделены и меры ответственности. Уголовная ответственность наступала только за квалифицированную контрабанду [12, с. 43].

Однако необходимо отметить, что многие вопросы оставались неурегулированными, в частности вопрос о вывозе советской валюты в Туву, важным аспектом являлась борьба с незаконным ввозом заражённых животных и кож. Здесь кроме экономической безопасности Советского союза, таможенные органы были фактически ответственны за санитарно-эпидемиологическое благополучие региона. Дополнительно на таможнях лежала ответственность по взысканию наложенных за нарушение таможенных правил штрафов.

Литература

1. Сибице, П. Мелкие деньги / П. Сибице // Российская газета. Федеральный выпуск. – 2009. – № 4922.
2. Александров, Д. А. Таможенное дело в СССР / Д. А. Александров, С. С. Дмитриев. – М., 1949.
3. Постановление СНК СССР «Об утверждении таможенного тарифа по европейской торговле»: от 8 января 1924 г. // Собр. Зак. Союза ССР. – Т. 10. – М., 1924. – № 99.
4. Таможенный устав СССР, утверждённый ЦИК СССР 15 октября 1924 г., введённый в действие Постановлением Президиума ЦИК СССР: от 12 декабря 1924 г. // Собр. Зак. Союза ССР. – Т. 5. – М., 1925. – № 53.
5. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 4.
6. Ларин, Ю. Частный капитал в СССР / Ю. Ларин. – М., 1927.
7. ГАКО. Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 1.
8. ГАКО. Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАКО. Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 5.
10. ГАКО. Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 3.
11. Головин, С. А. Имущественная дифференциация доходов населения в СССР в 20 – 30-е гг. XX века / С. А. Головин // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 66.
12. Гречкина, О. В. Становление и развитие таможенного дела в советский период: историко-правовой аспект / О. В. Гречкина // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 3.

Информация об авторе:

Ватутин Евгений Александрович – аспирант кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, старший государственный таможенный инспектор отдела таможенного досмотра Кузбасского таможенного поста Кемеровской таможни, референт государственной гражданской службы Российской Федерации 3 класса, 8-950-583-83-65, evatutin13@yandex.ru.

Evgeny A. Vatutin – post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University; senior customs inspector at the Department of Customs Control of the Kuzbass Customs Post, Kemerovo Customs; 3-class Assistant of State Civil Service of the Russian Federation.

УДК [94(571.17):378.046.4:61]”1951/1953”

НАЧАЛО СТАНОВЛЕНИЯ СТАЛИНСКОГО (НОВОКУЗНЕЦКОГО) ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ДЛЯ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВРАЧЕЙ (1951 – 1953 гг.)

Е. С. Генина, Е. Б. Каймашикова

THE START OF ESTABLISHING STALINSK (NOVOKUZNETSK) STATE MEDICAL REFRESHER INSTITUTE (1951 – 1953)

E. S. Genina, E. B. Kaymashnikova

Работа выполнена Е. С. Гениной в соответствии с проблематикой гранта Губернатора Кемеровской области для поддержки молодых ученых – докторов наук 2012 года.

Цель настоящего исследования связана с выявлением основных тенденций развития Сталинского (Новокузнецкого) государственного института для усовершенствования врачей (ГИДУВа) в 1951 – 1953 гг. В 1951 г. ГИДУВ был переведен из Новосибирска в Сталинск (ныне Новокузнецк) Кемеровской области. Для рассматриваемого времени характерны адаптация учреждения на новом месте в сложных условиях, формирование его кадрового потенциала, создание материально-технической базы. Произошла переориентация деятельности института с учетом специфики региона. Отдельное внимание в статье уделено последствиям «дела врачей» (1953 г.) для развития ГИДУВа.

The research aims at revealing the main tendencies of establishing Stalinsk (Novokuznetsk) State Medical Refresher Institute (SMRI) in 1951 – 1953. In 1951 SMRI was moved from Novosibirsk to Stalinsk (currently, Novokuznetsk), Kemerovo Region. At that time, the adaptation of the Institution to a new and complex environment, its human resources formation, and consolidation of facilities were characteristic activities of SMRI. The Institute was reoriented with regional specific character taken into account. In the paper special attention is paid to the consequences of “Doctors’ Case” (1953) for SMRI establishment.

Ключевые слова: Сталинский (Новокузнецкий) государственный институт для усовершенствования врачей, усовершенствование врачей, специализация врачей, профессорско-преподавательский состав, врачи-курсанты, материально-техническая база.

Keywords: Stalinsk (Novokuznetsk) State Medical Refresher Institute, advanced training of doctors, doctors’ specialization, faculty, senior medical students, facilities.

После окончания Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Кузбасс продолжал активно развиваться как промышленный регион, что остро поставило вопрос об обеспечении населения высококвалифицированной медицинской помощью. В 1951 г. Государственный институт для усовершенствования врачей был переведен из Новосибирска в Сталинск (ныне Новокузнецк) Кемеровской области. Начальный этап становления Сталинского (Новокузнецкого) ГИДУВа (1951 – 1953 гг.) во многом обусловил его дальнейшее развитие. Данное время в истории учреждения освещено в изданиях, подготовленных к его юбилеям [23, с. 5 – 7; 24, с. 4 – 6; 21, с. 6 – 32]. Однако с научной точки зрения изучены лишь основные моменты «дела врачей» (1953 г.) в Сталинске [22, с. 136 – 140; 25, с. 35 – 37; 8, с. 184 – 196]. Информация об уголовном преследовании профессоров ГИДУВа периода «дела врачей» представлена в информационно-справочном

издании [29, с. 18]. Целью нашего исследования стало выявление основных тенденций развития Сталинского (Новокузнецкого) ГИДУВа в 1951 – 1953 гг. При этом авторы обращаются и к событиям «дела врачей» с точки зрения их последствий для развития института. Основу для проведения исследования составили документы Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Кемеровской области, Государственного архива Кемеровской области в г. Новокузнецке, Архива Новокузнецкого государственного института усовершенствования врачей (название архива соответствует современному названию учреждения).

Институт, занимающийся усовершенствованием врачей, был создан в 1927 г. по решению СНК РСФСР при медицинском факультете Томского университета. В 1931 г. учреждение перевели в Новосибирск, где его детищем стал Новосибирский медицинский ин-

ститут, открытый в 1935 г. ГИДУВ осуществлял учебно-педагогические и научно-исследовательские задачи. Ко времени перевода ГИДУВа в Сталинск его коллектив подготовил около 20 тысяч врачей. В составе института, которым руководил доцент Г. Т. Шиков, находились 25 кафедр, и в его штате трудились 16 профессоров (докторов медицинских наук), 70 доцентов и ассистентов. Он являлся единственным учреждением данного назначения для Сибири и Дальнего Востока. Всего в СССР на момент перевода действовало 11 подобных институтов, в том числе в системе Министерства здравоохранения РСФСР – 2 (в Казани и Сталинске) [7, с. 285; 23, с. 3, 4; 28].

Перевод учреждения в Кемеровскую область осуществлялся в соответствии с распоряжениями Совета Министров СССР от 19 октября 1950 г. № 16975-р и 10 апреля 1951 г. № 4833-р «О переводе Новосибирского института усовершенствования врачей в г. Сталинск». 15 мая 1951 г. последовало постановление Кемеровского обкома ВКП(б) и Кемеровского облисполкома о мерах, направленных на выполнение указанных распоряжений и обеспечение начала работы ГИДУВа в Сталинске к новому учебному году. Постановление отчетливо указывает на самые насущные проблемы, связанные с переводом ГИДУВа.

Сталинский горком ВКП(б) и горисполком должны были провести работу по освобождению для института здания бывшего госпиталя восстановительной хирургии, расположенного на Ворошиловском шоссе (в здании и ныне находится главный административный корпус ГИДУВа). Им следовало обеспечить подготовку к ремонту главного учебного корпуса ГИДУВа и строительству вивария, морга, гаража, склада, оказать помощь, связанную с изготовлением мебели, в подборе руководящих административно-хозяйственных кадров, в доставке на новое место оборудования и имущества института, в создании соответствующих бытовых условий для профессорско-преподавательского состава и слушателей института, обеспечить общежитием всех врачей-курсантов (300 – 400 человек). Трест «Сталинскпромстрой» должен был завершить капитальный ремонт главного корпуса института к 1 сентября 1951 г. В постановлении особо ставилась задача по решению жилищного вопроса. Кузнецкий металлургический комбинат обязывался обеспечить ГИДУВ двадцатью трехкомнатными и четырехкомнатными квартирами для профессоров и общежитием на 100 врачей. Предприятия Сталинска и городской коммунальный отдел взяли на себя обязательства выделить для сотрудников ГИДУВа квартиры и комнаты.

До начала учебного года облздравотделу и директору ГИДУВа Г. Т. Шикову следовало принять меры к укреплению состава клинических больниц Сталинска, их обеспечению медицинским и хозяйственным оборудованием, обеспечить размещение клинических кафедр ГИДУВа на базе лечебно-профилактических учреждений. Г. Т. Шиков становился ответственным за переезд института и создание условий работы его кафедр. Перед отделом пропаганды и агитации Кемеровского обкома ВКП(б) ставилась задача по подбору заведующего кафедрой марксизма-ленинизма института [11, л. 148; 12, л. 82 – 85].

В сентябре 1951 г. ГИДУВ переехал в Сталинск. Обратимся к положению учреждения, сложившемуся к середине октября 1951 г. Переезд института в основном завершился. В Новосибирске оставались только кафедры фтизиатрии и маляриологии. Но при переезде ГИДУВ лишился многого оборудования и инвентаря, что в первую очередь произошло по причине совместного пользования с Новосибирским медицинским и другими институтами. Сказались и трудности с перевозкой и отсутствие в Сталинске необходимых помещений для размещения. В Сталинск удалось перебазировать лишь половину книжного фонда библиотеки. К рассматриваемому моменту большая часть сотрудников (86 человек) уже переехала в город. Но значительная часть высококвалифицированных специалистов осталась в Новосибирске, что обусловило прием кадров в учреждение. Если на кафедре инфекционных болезней не хватало сотрудников, то кафедра педиатрии их совсем не имела. Ряд заведующих кафедрами прибыл из других регионов страны. Несмотря на отдельное внимание к кафедре марксизма-ленинизма, пока не удалось обеспечить ее заведующим. В этих условиях почти полностью укомплектованным оказался состав ассистентов. Клинические кафедры размещались на базе лечебных учреждений. Городская клиническая больница № 1 рассматривалась как основная база института. Ее первый корпус сдали в эксплуатацию в мае 1951 г. Однако отсутствовали условия для работы теоретических кафедр, поскольку проводился ремонт главного корпуса института [9, л. 54 – 54 (об.), 55; 15, л. 17; 19, л. 137; 27, с. 20].

Изначально возникли серьезные трудности с обеспечением жильем работников ГИДУВа: в квартирах проживало только 26 семей. Для приема врачей-курсантов Сталинск предоставил два общежития. Если с первым из них, находившемся на Верхней колонии, дело обстояло благополучно, то второе располагалось в помещении магазина и оказалось «универсальным». В нем же проживала часть сотрудников института, размещалась канцелярия, хранились имущество библиотеки и вещи сотрудников. В подобных нестабильных условиях ГИДУВ начал учебный год. Занятия проводились на 12 циклах, а курсанты прибывали даже из отдаленной Амурской области. В сложившихся условиях некоторые профессора ГИДУВа изъявили готовность поселить курсантов в собственном жилье [9, л. 54 (об.), 55].

Адаптируясь в Сталинске, ГИДУВ ставил задачи на ближайшее будущее. Выступая на закрытом собрании первичной партийной организации института 12 октября 1951 г., Г. Т. Шиков подчеркивал не только необходимость повышения уровня академической работы по сравнению с достигнутым в Новосибирске, но и улучшения качества медицинского обслуживания населения Кемеровской области. О перспективах научной работы он заявил: «Необходимо пересмотреть тематику и включить в нее патологию Кузбасса. Выявлять наиболее актуальные проблемы» [9, л. 55].

К 1 января 1952 г. в ГИДУВе действовало 25 кафедр (хирургии, челюстно-лицевой хирургии, оперативной хирургии, травматологии, онкологии, ЛОР-болезней, инфекционных болезней, глазных болезней,

акушерства и гинекологии, терапии, маляриологии, нервных болезней, детских болезней, туберкулеза, кожно-венерических болезней, физиотерапии, рентгенологии, патофизиологии, патанатомии, общей гигиены, гигиены труда, микробиологии, здравоохранения, военно-медицинской подготовки, марксизма-ленинизма). Здесь работало 73 профессора, доцента, ассистента и работника учебно-вспомогательного персонала, состояло 10 клинических ординаторов кафедр. Директор института Г. Т. Шиков заведовал кафедрой здравоохранения. В ГИДУВе трудилось 13 профессоров, возглавлявших кафедры. Это Б. И. Фукс (кафедра хирургии), С. С. Райзман (кафедра челюстно-лицевой хирургии), Л. Г. Школьников (кафедра травматологии), О. И. Шершевская (кафедра глазных болезней), М. В. Могилов (кафедра акушерства и гинекологии), Г. М. Шершевский (кафедра терапии), И. И. Карцовник (кафедра нервных болезней), С. Е. Рабинович (кафедра туберкулеза), Е. Е. Гранат (кафедра детских болезней), А. Н. Аравийский (кафедра кожно-венерических болезней), В. А. Пулькис (кафедра общей гигиены), П. Т. Приходько (кафедра гигиены труда), А. Р. Розенберг (кафедра микробиологии) [18, л. 3 – 3 (об.), 5, 14; 21, с. 12 – 13; 24, с. 72]. Некоторые из них долгие годы стояли во главе кафедр Сталинского (Новокузнецкого) ГИДУВа. Так, Л. Г. Школьников руководил кафедрой травматологии в 1951 – 1970 гг. О. И. Шершевская возглавляла кафедру глазных болезней в 1951 – 1972 гг. Б. И. Фукс заведовал кафедрой хирургии в 1951 – 1973 гг. [24, с. 61, 65, 67].

В 1952 г. перевод ГИДУВа на новую базу в основном завершился. Коллектив института включился в учебную и научную деятельность, занимался лечебно-профилактической и санитарно-противоэпидемической работой, оказывал помощь органам здравоохранения, вел санитарно-просветительную работу. Сотрудники ГИДУВа выезжали для консультации больных не только за пределы Сталинска, но и за пределы региона. Основными научными проблемами, разрабатываемыми в институте, стали следующие: «Борьба с травматизмом и организация травматологической помощи», «Диагностика и профилактика силикоза у рабочих горной и металлургической промышленности Кузбасса». Сотрудники ГИДУВа занимались подготовкой докторских и кандидатских диссертаций. В конце 1952 г. был полностью введен в эксплуатацию учебный корпус института [17, л. 1, 3, 25; 21, с. 12, 17, 18, 19, 22, 23].

Решать поставленные задачи и развивать указанные выше направления деятельности ГИДУВа приходилось в обстановке кадрового неблагополучия. В 1952 г. штат преподавателей оказался заполненным на 81 %. Проводившиеся конкурсы на замещение вакантных должностей привлекли специалистов. Но большинству из желающих работать в учреждении его руководство «отказало из-за несоответствия по деловым качествам». В результате в январе 1953 г. вакантными оставались должности профессоров и доцентов кафедр инфекционных болезней, онкологии, туберкулеза, профессора – специалиста по профессиональным заболеваниям, доцентов кафедр гигиены труда и детских болезней, ассистентов кафедр микробиологии и рентгенологии. Во многом причиной сло-

жившейся ситуации стали и сложные жилищно-бытовые условия. К январю 1953 г. из обещанных ГИДУВу 62 квартир выделили лишь 44 квартиры. ГИДУВ не получил ни одной из обещанных комнат. При этом КМК обеспечил институт 24 квартирами (вместо положенных 20 квартир) и общежитием на 100 человек. Некоторые сотрудники института проживали по 12 – 14 месяцев без семей на кафедрах и в общежитии курсантов [13, л. 2, 4 – 5, 6 – 7; 17, л. 3].

В течение 1952 г. в ГИДУВе подготовка врачей велась по 25 специальностям. Однако встала проблема несоответствия учебных баз по ряду дисциплин современным требованиям. Это касалось преподавания курсов онкологии, туберкулеза и урологии, что заставило руководство института поднять перед Министерством здравоохранения РСФСР, которому ГИДУВ подчинялся после перевода в Сталинск, вопрос о нецелесообразности усовершенствования врачей по данным специальностям в 1953 г. [10, л. 77; 13, л. 2 – 3].

Важной частью работы с курсантами являлась политико-воспитательная работа. Кафедру марксизма-ленинизма ГИДУВа с 1951 г. возглавил Р. И. Корель. В августе 1952 г. при кафедре открылся кабинет марксизма-ленинизма с библиотекой. Курсантам, кроме занятий по учебному плану кафедры, один раз в неделю предлагались лекции на общественно-политические темы и лекции, посвященные актуальным вопросам медицины. Ежедневно на всех кафедрах проходили политинформации, подготовленные курсантами. Дважды в месяц в институте проводились «павловские среды» с чтением лекций [17, л. 21 – 24; 24, с. 129].

Насущной являлась проблема выполнения Сталинским ГИДУВом плана усовершенствования и специализации врачей, заявившая о себе уже в 1951 г. Согласно установленному плану в 1952 г. институту следовало подготовить 800 врачей, но фактически прошли подготовку 793 врача. При этом по 14 специальностям план оказался перевыполненным, по 11 специальностям – невыполненным. Можно выделить, прежде всего, две причины создавшегося положения. Во-первых, министерство направляло планы-задания институту за 30 – 40 дней до начала занятий. Во-вторых, местные органы здравоохранения не выполняли планы усовершенствования и специализации врачей. В течение 1952 г. меньше положенного в ГИДУВ прибыло врачей из Тувы, Хабаровского и Приморского краев, Новосибирской, Томской, Челябинской, Иркутской областей. Но по согласованию с руководством ГИДУВа Кемеровский облздравотдел и Алтайский крайздравотдел направили на обучение больше врачей, чем было запланировано, что способствовало выполнению плана года. Руководство института пришло к выводу о необходимости вербовки курсантов собственными силами, ориентируясь на опыт Киевского ГИДУВа. В январе 1953 г. сотрудники учреждения направлялись в Новосибирск, Кемерово, Иркутск, Красноярск, Томск, Омск, Тюмень, Челябинск. Годовой план 1953 г. был выполнен на 90 % [13, л. 8 – 12; 16, л. 2].

Выявляя причины обозначенной проблемы, следует учитывать и существенную роль условий пребы-

вания врачей-курсантов в Сталинске. На открытом партийном собрании в институте 16 января 1953 г. курсант из Бурятии «заявил, что у них в республике врачи отказываются ехать в Сталинский ГИДУВ, зная, что институт имеет еще плохо устроенные базы, где трудно учиться, где еще не налажен быт курсантов». Вставал вопрос о возможностях использования курсантами свободного времени. Лишь в IV квартале 1952 г. провели радиосвязь в общежития института и в начале 1953 г. приобрели радионаушники и репродукторы. Курсанты жаловались на сложности с посещением кинотеатра и театра. В городе действовал один кинотеатр, занимавший старое здание. В драмтеатре, где ставились хорошие спектакли, «отмечались случаи хулиганства». Альтернативу здесь могли составить только концерты, проходившие в актовом зале института [13, л. 12; 17, л. 24, 25].

Следующий год прошел для Сталинского ГИДУВа под знаком «дела врачей». «Дело врачей» (1953 г.) стало составляющей кампании по борьбе с космополитизмом в СССР, развернувшейся в 1949 – 1953 гг. и направленной в первую очередь против еврейской интеллигенции. Оно повлекло за собой «чистку» кадров медицинских учреждений страны по принципу национальной принадлежности и «политической благонадежности». Подобной участи не избежал ГИДУВ, где еще в начале 1952 г. из 73 сотрудников с высшим образованием работали 39 русских, 29 евреев, трое украинцев, один белорус и одна татарка [18, л. 3 – 3 (об.), 5].

В январе, феврале и первой половине марта 1953 г. в ГИДУВе дважды работала комиссия Министерства здравоохранения РСФСР по проверке деятельности учреждения и переаттестации кадров доцентов и ассистентов и бригада Кемеровского обкома КПСС [10, л. 47; 15, л. 1]. Целенаправленно к проверке в институте подготовили служебно-производственные характеристики сотрудников, датированные 20 января 1953 г. [1, л. 360; 2, л. 582; 3, л. 10; 4, л. 218; 5, л. 360; 6, л. 206]. Во время проверки бригада обкома партии «выявила» шесть заведующих кафедрами ГИДУВа, «не внушающих политического доверия и не пригодных к научной и преподавательской работе». В их числе оказались заведующий кафедрой нервных болезней, профессор И. И. Карцовник, заведующий кафедрой хирургии, профессор Б. И. Фукс, заведующий кафедрой ЛОР-болезней, доцент А. Д. Гурков, заведующий кафедрой травматологии, профессор Л. Г. Школьников, заведующий кафедрой акушерства и гинекологии, профессор М. В. Могилев, заведующая кафедрой глазных болезней, профессор О. И. Шершевская [15, л. 2 – 5].

18 марта 1953 г. на заседании бюро Кемеровского обкома КПСС рассматривался вопрос «О недостатках в работе Сталинского государственного института для усовершенствования врачей». Здесь последовал вывод о подборе кадров института «в основном по национальному признаку, родственным и приятельским связям». Сложившаяся в институте обстановка определялась как «способствующая проявлению буржуазного национализма». На заседании бюро пришли к заключению о неудовлетворительном проведении усовершенствования и специализации врачей-кур-

сантов в ГИДУВе. Бюро обкома партии обязало руководство института навести порядок в кадровом вопросе, устранить из учреждения лиц, не пригодных к работе по деловым и политическим качествам. Последовало решение об отстранении от занимаемой должности директора ГИДУВа Г. Т. Шикова и объявлении ему строгого выговора с занесением в учетную карточку [14, л. 61, 64, 65, 68]. В 1953 г. новым директором института стал заведующий кафедрой дерматовенерологии, доктор медицинских наук, профессор А. Н. Аравийский [24, с. 6, 22, 72].

14 марта 1953 г. Управлением МГБ по Кемеровской области были арестованы И. И. Карцовник, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой нервных болезней; М. В. Могилев, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой акушерства и гинекологии; А. Р. Розенберг, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой микробиологии. Они рассматривались как «участники еврейской буржуазно-националистической группы», раскрытой в институте. «Вражеские» действия профессоров квалифицировались по статье 58-10 (ч. 2) и 58-11 УК РСФСР, каравшей соответственно за контрреволюционную пропаганду и агитацию (ч. 2 – особо тяжкий вид преступления) и участие в контрреволюционной организации. Уголовное дело было прекращено 30 апреля 1953 г., а арестованные освобождены [20, л. 1, 4 – 6; 26, с. 73 – 75]. Решающую роль здесь сыграла реабилитация «врачей-вредителей», последовавшая в СССР в начале апреля 1953 г. И. И. Карцовника, М. В. Могилева и А. Р. Розенберга, уволенных из ГИДУВа 16 марта 1953 г., восстановили в ранее занимаемых ими должностях заведующих кафедрами. Однако институт постигла «чистка» кадров сотрудников, прежде всего, по «национальному признаку» [1, л. 310, 355; 2, л. 575, 579; 3, л. 5; 21, с. 24 – 26].

Закономерно, что в 1953 г. в ГИДУВе со всей остротой вновь встал кадровый вопрос. Согласно штатному расписанию на 1953 г. институту полагалось 108 ставок, но из них были замещены лишь 64 ставки. В 1953 г. в ГИДУВе действовало 24 кафедры (9 теоретических и 15 клинических). Кафедра урологии не функционировала по причине отсутствия необходимой базы. Для 18 кафедр предусматривались должности заведующих – профессоров (докторов наук). На практике только 13 кафедр (2 теоретических и 11 клинических) возглавляли профессора (доктора наук). Кафедры туберкулеза, отоларингологии и онкологии временно возглавляли доценты, кафедры патанатомии и микробиологии – ассистенты (кандидаты наук). Двумя из шести «доцентских» кафедр временно руководили ассистенты, не имевшие ученой степени. В течение года по конкурсу и назначению министерства в институт приняли 16 ассистентов и одного доцента (кандидата наук). В 1953 г. 21 семья сотрудников проживала в общежитии. Подобная перспектива ожидала и новых работников института. Принимаемым сотрудникам из-за нехватки средств не выплачивались подъемные. Недостаток кадров особенно затруднял работу кафедр глазных болезней и инфекционных болезней (заняты две из семи штатных ставок), рентгенологии (заняты две из шести ставок), туберкулеза (заняты две из пяти ставок), детских болезней (заняты

три из шести ставок), нервных болезней (заняты две из четырех ставок), микробиологии и здравоохранения (занята одна из трех ставок). На кафедре урологии вакантными являлись все три штатных ставки [19, л. 3 – 6, 137 – 138].

В 1953 г. институт испытывал ряд серьезных трудностей, препятствовавших его деятельности. В больницах города врачебный штат был укомплектован только на 50 %, и поэтому фактическим обслуживанием больных занимались преподаватели ГИДУВа. Учреждение по-прежнему оставалось без вивария, морга, гаража. Существовала нехватка административно-хозяйственных кадров. При имевшихся трех общежитиях штат утвердили, исходя из наличия одного. Из-за отсутствия кадров не действовала бойлерная, не работала радиотелефонная сеть на 200 точек, не велась демонстрация учебных фильмов, возникла проблема с доставкой курсантов на дальние лечебные базы. Финансирование не учитывало всех проблем института. Министерство лишь в IV квартале 1951 г. выделило соответствующее финансирование ГИДУ-Ву. Сохранение в 1952 и 1953 гг. финансирования в объеме для уже «утвердившихся» институтов не позволяло решить вопросов приобретения медицинского оборудования и инвентаря [19, л. 137 – 139].

Неслучайно представитель Министерства здравоохранения РСФСР полковник медицинской службы П. Д. Диваков, выступая на Ученом совете ГИДУВа 6 января 1953 г., сделал заключение: «Министерство здравоохранения, переведя институт из Новосибирска в Сталинск, на другой же день забыло о нем» [13, л. 11]. Бригада Кемеровского обкома КПСС, проверявшая ГИДУВ в период «дела врачей», пришла к выводу, что учреждение не получало поддержки не

только от министерства. Оно было лишено необходимой помощи со стороны областного и Сталинского городского отделов здравоохранения, Сталинского горкома КПСС и Орджоникидзевского райкома КПСС Сталинска [15, л. 17 – 18].

Вопреки имевшимся серьезным трудностям институт в 1953 г. продолжил работу по направлениям, характерным для 1952 г. Основные научные проблемы, разрабатываемые учеными ГИДУВа, касались борьбы с травматизмом, охраны здоровья рабочих ведущих промышленных предприятий, гигиенического оздоровления внешней среды [21, с. 26, 27, 28, 29, 32]. В 1951 – 1953 гг. в ГИДУВе прошли усовершенствование и специализацию свыше двух тысяч врачей. Только для Кемеровской области институт подготовил в 1951 г. 123 врача, в 1952 г. – 135 врачей, в 1953 г. – 139 врачей [16, л. 2; 19, л. 1].

Таким образом, 1951 – 1953 гг. стали особым этапом в истории Сталинского (Новокузнецкого) государственного института для усовершенствования врачей. Если процессы 1951 г. следует оценивать с точки зрения работы в условиях переезда института из Новосибирска в Сталинск, то в 1952 г. заявили о себе характерные направления развития учреждения. События «дела врачей» (1953 г.) задержали поступательное развитие института, сказались на состоянии его кадровой базы. Рассматриваемое время связано для ГИДУВа с адаптацией на новом месте, формированием кадрового потенциала, созданием материально-технической базы, переориентацией деятельности с учетом специфики Кемеровской области. Несмотря на возникшие трудности, в институте не прерывался процесс обучения врачей.

Литература

1. Архив Новокузнецкого государственного института усовершенствования врачей (А НГИУВа). Личное дело Карцовника И. И.
2. А НГИУВа. Личное дело Могилева М. В.
3. А НГИУВа. Личное дело Розенберга А. Р.
4. А НГИУВа. Личное дело Фукса Б. И.
5. А НГИУВа. Личное дело Шершевского Г. М.
6. А НГИУВа. Личное дело Шершевской О. И.
7. Вержбицкий, Г. В. Институт усовершенствования врачей государственный (ГИДУВ) / Г. В. Вержбицкий // Историческая энциклопедия Кузбасса: в 3 т. – Т. I: (А – К); редкол.: В. В. Бобров, З. Г. Карпенко, А. И. Мартынов [и др.]. – Познань: Штама, 1996.
8. Генина, Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949 – 1953 гг.) / Е. С. Генина. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2009. – 255 с.
9. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-1104. Оп. 1. Д. 20.
10. ГАКО. Ф. П-1104. Оп. 1. Д. 26.
11. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 390.
12. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 30.
13. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 166.
14. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 212.
15. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 252.
16. Государственный архив Кемеровской области в г. Новокузнецке (ГАКО (Н)). Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 1.
17. ГАКО (Н). Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 2.
18. ГАКО (Н). Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 2 а.
19. ГАКО (Н). Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 3.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 37330.
21. Колбаско, А. В. Гордость сибирского здравоохранения – Новокузнецкий ГИУВ (первое высшее медицинское образовательное учреждение Кузбасса) / А. В. Колбаско, Г. С. Ольшанский. – Новокузнецк: Новокуз-

нецкий государственный институт усовершенствования врачей, 2011. – Т. 8: Начальный период деятельности института в Кузбассе. – 375 с.

22. Коновалов, А. Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943 – 1991) / А. Б. Коновалов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 491 с.

23. Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей; редкол.: И. А. Витюгов, Г. Л. Старков, Я. Б. Юдин [и др.]. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1977. – 48 с.

24. Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей: юбилейное издание, посвященное 75-летию ГИДУВа / ред. А. А. Луцки; сост. О. М. Галыгина, Л. И. Фойгт. – Новокузнецк: Новокузнецкий ГИДУВ, 2002. – 136 с.

25. Служение Отечеству: воспоминания, статьи, документы. 1917 – 2005 гг. в двух книгах; авт.-сост. В. В. Онищенко; ред. Т. И. Махалова. – Кемерово: УФСБ РФ по Кемеровской области, 2005. – Книга вторая. 1945 – 2005 гг. – 896 с.

26. Трайнин, А. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская; под ред. и с предисл. И. Т. Голякова. – 2-е изд. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944. – 340 с.

27. Фойгт, Л. И. История создания и развития Городской клинической больницы № 1 / Л. И. Фойгт // Городская клиническая больница № 1. Кто есть кто в Новокузнецке. – Вып. III; ред. О. Галыгина. – Новокузнецк: ПризмаДо, 1999.

28. Шиков, Г. Новый вуз в Кузбассе / Г. Шиков // Кузбасс (Кемерово). – 1951. – 29 авг.

29. 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953 – 1991: аннотированный каталог / под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко; сост. О. В. Эдельман. – М.: МФД, 1999. – 944 с.

Информация об авторах:

Генина Елена Сергеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, 8(384-2)58-40-16, whitesiberia@narod.ru.

Elena S. Genina – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Каймашишникова Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Сибирского государственного индустриального университета (г. Новокузнецк), докторант кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, 8-908-942-77-88, 7000077@mail.ru.

Elena B. Kaymashnikova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Philosophy, Siberian State Industrial University (Novokuznetsk), doctoral student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

УДК 94(470+570):351.74 “195/198”

ПРАВОВОЙ СТАТУС ДОБРОВОЛЬНЫХ НАРОДНЫХ ДРУЖИН РСФСР В КОНЦЕ 1950-х – КОНЦЕ 1980-х гг.

Е. А. Евсеев

THE LEGAL STATUS OF VOLUNTARY PEOPLE'S PATROL GROUPS IN THE RSFSR IN THE LATE 1950s – LATE 1980s

E. A. Evseev

В данной статье рассматривается нормативно-правовая база деятельности добровольных народных дружин РСФСР, в том числе и на территории Кемеровской области, в конце 1950-х – конце 1980-х гг. Проведенный анализ регламентирующих документов по этому направлению показывает, что правовой статус добровольных народных дружин был определен достаточно четко. Автор полагает, что существовавшая правовая база нуждалась в изменениях, которые могли бы повысить эффективность деятельности дружин в деле охраны общественного порядка.

This article discusses the legal framework of voluntary people's patrol groups in the RSFSR, including those in the Kemerovo region in the late 1950s – late 1980s. The analysis of regulatory documents in this area shows that the legal status of voluntary people's patrol groups was defined clearly enough. The author proposes that the existing legal framework needed to be changes, which could improve the effectiveness of teams in the protection of public order.

Ключевые слова: добровольные народные дружины, Конституция, общественный порядок, положение, правовой статус.

Keywords: voluntary people's patrol groups, Constitution, law and order, position, legal status.

Опору, закрепляющую политическую, правовую и экономическую системы государства, основы правового статуса личности, составляет Конституция – Основной закон государства. Конституцией СССР 1936 г. устанавливалось право граждан участвовать в управлении государственными и общественными делами. В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам Советского Союза предоставлялось право объединения в общественные организации (ст. 126) [4, с. 28]. Следовательно, рассматриваемая нами деятельность добровольных народных дружин (ДНД) по охране общественного порядка может считаться одной из форм реализации конституционного права гражданина на участие в управлении государственными и общественными делами.

Фундаментом организации и деятельности добровольных народных дружин СССР послужило постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1959 г. № 218 «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране». Им было установлено, что деятельностью ДНД должны руководить районные (городские) штабы, состоящие из представителей партийных и советских органов, профсоюзных, комсомольских организаций и отдельных командиров дружин. Комплектование дружин личным составом основывалось строго на добровольных началах и проводилось из передовых рабочих, служащих, колхозников, студентов, учащихся и пенсионеров. Учреждениям внутренних дел, органам прокуратуры, суда и юстиции предписывалось оказывать всемерную помощь добровольным дружинам в их деятельности.

В соответствии с этим же постановлением был одобрен «Проект временного положения о добровольных народных дружинах по охране общественного порядка» [15, с. 75 – 79], ЦК компартий и Советам Министров союзных республик с учетом местных условий предлагалось утвердить его. Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР 30 марта 1960 г. приняли постановление № 435 «Об утверждении Положения о добровольных народных дружинах РСФСР по охране общественного порядка» [13, с. 266 – 271] (в дальнейшем – Положение). Согласно ему целью организации добровольных народных дружин было широкое вовлечение трудящихся в дело охраны общественного порядка и соблюдения законности. Народные дружины и районные (городские) штабы должны были руководствоваться этим положением и работать в тесном контакте с административными органами.

В Положение было включено пять разделов. В первом («Общие положения») разъяснялся порядок формирования дружин, на кого возлагалось руководство их деятельностью, общие задачи, правовая защита дружинников, взаимосвязь с органами власти, а также материально-техническое оснащение ДНД. Во втором («Добровольная народная дружина и ее структура») раскрывалась структура дружины, в том числе и внутреннее управление (командир, заместитель командира, начальник штаба), порядок вступления и выход из нее. В третьем («Обязанности и права дру-

жины, районного, городского штаба») и четвертом («Обязанности и права дружинников») разделах соответственно содержались обязанности и права самой дружины, ее членов, а также районных (городских) штабов по руководству ДНД.

Поскольку считалось, что выполнение дружинниками обязанностей по охране общественного порядка является большим доверием, оказанным им народом, то и меры поощрения для них (пятый раздел Положения) за образцовое выполнение своих обязанностей не сводились к материальным благам и были следующими: объявление благодарности, вручение грамоты, занесение на доску Почета. Исключение носило поощрение в виде награждения ценным подарком. За особые заслуги в выполнении своего общественного долга и проявленные при этом мужество и героизм народные дружинники представлялись к государственным наградам.

Граждане СССР имели единый правовой статус, который определялся, прежде всего, Конституцией и другими законами. Но их правовое положение при этом было различным в зависимости от тех или иных объективных и субъективных факторов. В частности, таким фактором служил род деятельности, связанный с выполнением (постоянным или временным) специальных функций. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г. «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и добровольных дружинников» [10, с. 220] (с изменениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14.04.1978 г. [11, с. 210 – 211]) противодействие законной деятельности народных дружинников, посягательство на их жизнь, здоровье и достоинство влекли за собой ответственность по закону.

В целях усиления ответственности за данные посягательства со стороны преступных и иных антиобщественных элементов Президиум Верховного Совета СССР установил для последних ряд наказаний. Например, злостное неповиновение законному распоряжению или требованию работника милиции или народного дружинника при исполнении ими своих служебных обязанностей по охране общественного порядка наказывалось арестом на срок до пятнадцати суток, или исправительными работами на срок до одного месяца, или штрафом до 20 рублей.

Для поднятия престижа и поощрения гражданской инициативы Постановлением Совета Министров РСФСР от 6 июня 1967 г. № 410 учреждался нагрудный знак «Отличный дружинник», которым награждались члены ДНД, особо отличившиеся в охране общественного порядка и борьбе с преступностью. В соответствии с Положением о нагрудном знаке «Отличный дружинник» награждение им производилось Советами Министров автономных республик, исполнительными комитетами краевых, областных Советов народных депутатов по представлениям исполкомов районных и городских Советов народных депутатов. Ходатайства о награждении нагрудным знаком могли возбуждать партийные, профсоюзные и комсомольские организации предприятий, учреждений и организаций, а также районные и городские штабы ДНД. Лишение такого знака могло быть произведено только

Советами Министров автономных республик, исполнительными комитетами краевых, областных Советов народных депутатов [12, с. 396 – 397].

Рассмотренные решения и постановления явились основными документами, определившими задачи, полномочия и формы организации ДНД вплоть до середины 1970-х гг.

Существенным сдвигом в решении вопросов по охране общественного порядка стали принятые 20 мая 1974 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 379 «О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных народных дружин по охране общественного порядка» [7, с. 249 – 262] и Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах добровольных народных дружин по охране общественного порядка» [9, с. 247 – 248], которые, по нашему мнению, значительно усовершенствовали нормативно-правовую базу деятельности добровольных народных дружин. В соответствии с ними 19 июля 1974 г. Совет Министров РСФСР принял постановления № 423 «О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных народных дружин РСФСР по охране общественного порядка» [8, с. 806 – 827]. Данными решениями была установлена более полная и широкая, по сравнению с действовавшей ранее, основа организации и деятельности общественников. Например, помимо выделения надлежащим образом оборудованных помещений для штаба дружины, Совмин РСФСР обязал Советы Министров автономных республик, исполнительные комитеты местных Советов народных депутатов принять меры к лучшему обеспечению народных дружин и их штабов телефонами, соответствующей документацией, а также к выделению при необходимости транспортных средств на период дежурства.

В целях дальнейшего совершенствования правового регулирования деятельности ДНД было утверждено прилагаемое к постановлению «Положение о добровольных народных дружинах РСФСР по охране общественного порядка» (с изменениями и дополнениями, внесенными Постановлением Совмина РСФСР от 02.04.1987 г. № 121) [14, с. 806 – 828, 806 – 839]. В отличие от Положения 1960 г. оно было значительно расширено и дополнено рядом разделов. Его структура была такова: I. Общие положения; II. Основные задачи и функции добровольных народных дружин; III. Порядок создания и организации работы добровольной народной дружины; IV. Обязанности и права народного дружинника; V. Формы и методы работы добровольных народных дружин; VI. Руководство деятельностью добровольных народных дружин; VII. Взаимодействие органов внутренних дел, прокуратуры, юстиции и судов с добровольными народными дружинами; VIII. Меры поощрения и взыскания; IX. Материально-техническое обеспечение добровольных народных дружин; X. Надзор за соблюдением социалистической законности.

Остановимся на разделах «Положения» подробнее. В «Разделе I» устанавливалась правовая основа деятельности народных дружин (строгое соблюдение законности, руководствуясь законами СССР, РСФСР и автономных республик, постановлениями и распоряжениями Совета Министров СССР, Совета Мини-

стров РСФСР и Советов Министров автономных республик, решениями и распоряжениями местных органов государственной власти и государственного управления, а также настоящим Положением – п. 1), были утверждены принципы их создания (по производственно-территориальному принципу на предприятиях, стройках, транспорте, в колхозах, совхозах, учреждениях, организациях, учебных заведениях, при жилищно-эксплуатационных конторах, домоуправлениях, общежитиях и т. д. – п. 3). Устанавливались социально-возрастные ограничения для кандидатов в дружинники (в ДНД принимались граждане СССР, достигшие 18 лет, из числа передовых рабочих, колхозников, служащих, студентов, учащихся, пенсионеров, обладавших высокими деловым и морально-политическими качествами – п. 4). Руководство добровольными народными дружинами возлагалось на Советы народных депутатов и их исполнительные и распорядительные органы (п. 5). Государственные органы, общественные организации должны были оказывать всемерное содействие и помощь ДНД в их деятельности (п. 6).

В соответствии с «Разделом II» основные задачи и функции ДНД были следующими:

- участие в охране общественного порядка в общественных местах;
- оказание содействия государственным органам в их деятельности по укреплению правопорядка;
- проведение воспитательной работы в трудовых коллективах и среди населения по соблюдению существующих правил общежития и предупреждению антиобщественных поступков;
- борьба с детской безнадзорностью и правонарушениями среди несовершеннолетних;
- участие в обеспечении безопасности дорожного движения;
- спасение людей, имущества и поддержание общественного порядка при стихийных бедствиях и других чрезвычайных обстоятельствах;
- участие в проведении мероприятий по охране и защите природных богатств, борьбе с нарушениями правил охоты и рыболовства и др.

Вопросы создания и организации работы добровольных народных дружин оговаривались в «Разделе III». В частности, в пункте 12 вводилось требование о регистрации ДНД в исполнительных комитетах районных, городских, сельских, поселковых Советов народных депутатов. Здесь же был дан один из важных принципов деятельности общественников: прием в народную дружину производился на строго добровольных началах в индивидуальном порядке на общем собрании дружинников или на заседании штаба дружины (п. 13). В соответствии с пунктом 14 каждый дружинник должен был принять торжественное обязательство о добросовестном и верном исполнении своего общественного долга по обеспечению охраны правопорядка и борьбы с правонарушениями (Приложение к «Положению»). Оно принималось на общем собрании дружинников или на заседании штаба дружины с приглашением представителей партийных и советских органов, общественных организаций и коллективов трудящихся. До принятия торжественного обязательства с гражданами, принятыми в дружину, организо-

вывалось изучение «Положения» о ДНД, законодательных и иных нормативных актов, регламентирующих охрану общественного порядка и борьбу с правонарушениями, формы и методы работы народной дружины. В разделе давались разъяснения о порядке исключения из дружины ее членов в случае совершения ими проступков, несовместимых со званием «дружинник», или не выполняющих свои обязанности (п. 15). Непосредственное руководство ДНД согласно п. 16 возлагалось на командира дружины и его заместителей, а также на избранный штаб во главе с начальником штаба (в дружинах, насчитывающих 50 и более человек). В целях повышения эффективности организации работы добровольных дружин по борьбе с отдельными видами правонарушений было положено начало созданию специализированных дружин (спец. групп) по борьбе с хищениями государственной и личной собственности, спекуляцией, по предупреждению правонарушений несовершеннолетних, по обеспечению безопасности дорожного движения и по другим направлениям деятельности ДНД (п. 18).

Обязанности членов народных дружин можно сопоставить с обязанностями гражданина. Согласно Основному закону (1936 г.) каждый гражданин СССР был обязан соблюдать Конституцию, исполнять законы, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития и т. п. (ст. 130) [4, с. 29]. В совокупности с конституционными обязанностями в целях обеспечения их выполнения на дружинников были возложены следующие обязанности («Раздел IV»):

- активно участвовать в охране общественного порядка, в работе по предупреждению правонарушений, воспитанию граждан в духе соблюдения советских законов и правил социалистического общежития;
- оказывать содействие органам внутренних дел, прокуратуры, юстиции и судам в их деятельности по борьбе с правонарушениями;
- повсеместно защищать честь, достоинство, а также права и законные интересы граждан, предприятий, учреждений и организаций;
- решительно и смело принимать предусмотренные законом меры к пресечению преступных посягательств и иных антиобщественных действий;
- при выполнении заданий четко и добросовестно выполнять требования командира дружины и ее штаба, а также указания работников милиции при проведении совместных мероприятий по охране общественного порядка;
- строго исполнять законодательные и другие правовые акты, овладевать формами и методами борьбы с правонарушениями, постоянно расширять знания законодательства;
- своевременно сообщать в штаб дружины, соответствующим государственным органам и общественным организациям ставшие известными факты подготавливаемых или совершенных преступлений, о чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих безопасности граждан, предприятий, учреждений и организаций, а также принимать меры к предотвращению их вредных последствий;

– при исполнении обязанностей носить нарукавную повязку, иметь при себе удостоверение и нагрудный знак дружинника и т. д.

Дружинник имел право:

- требовать от граждан соблюдения установленного общественного порядка и прекращения правонарушений;
- требовать от нарушителей предъявления документа, удостоверяющего личность;
- составлять в отсутствие уполномоченных лиц протокол о случаях злостного нарушения общественного порядка или причинения имущественного (или иного ущерба) гражданину или организации с последующей передачей протокола начальнику штаба (командиру) дружины;
- доставлять в милицию или в штаб ДНД лиц, совершивших правонарушения;
- изымать орудия совершения (приготовления) правонарушения и незамедлительно передавать их в милицию.

В новом «Положении» оговорили социальную защищенность дружинников. В соответствии с пунктом 22 в случае временной нетрудоспособности народного дружинника, наступившей в связи с выполнением обязанностей по охране общественного порядка, ему должно было выплачиваться пособие по временной нетрудоспособности независимо от стажа работы в размере до 100 % заработка. В случае постоянной или длительной потери трудоспособности по той же причине общественнику назначалась пенсия по инвалидности в размере, установленном для рабочих и служащих, потерявших трудоспособность вследствие трудового увечья или профессионального заболевания. Членам семьи дружинника, погибшего при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, назначалась пенсия по случаю потери кормильца в размере, установленном для семей рабочих и служащих, умерших от трудового увечья или профессионального заболевания. Однако вопрос возмещения вреда, причиненного дружиннику при исполнении им общественных обязанностей по охране правопорядка, являлся комплексным и решался нормами двух отраслей права: трудового и гражданского. В «Положении» однозначно был решен лишь вопрос об организации, обязанной выплачивать пособие или пенсию. На практике нередко назначенное пособие или пенсия не компенсировали дружиннику полностью понесенного ущерба в части утраченного заработка [3, с. 74].

При оценке «Положения о добровольных народных дружинах РСФСР по охране общественного порядка», утвержденного Советом Министров РСФСР (от 19 июля 1974 г.), отмечалось, что законодательство о ДНД достаточно четко определяло обязанности и права дружинников, а также их специальные льготы и преимущества [1, с. 22].

О расширении конституционных прав и обязанностей советских граждан в сфере общественного порядка свидетельствует принятая 7 октября 1977 г. новая Конституция СССР [5]. В числе путей и средств обеспечения этого права была названа возможность граждан принимать участие в работе государственных органов, общественных организаций и органов обще-

ственной самодеятельности (ст. 48). Добровольные народные дружины по охране общественного порядка стали одной из массовых организационных форм объединения граждан, способствующих осуществлению предусмотренной ст. 65 Основного закона СССР обязанности каждого гражданина быть непримиримым к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка.

Непосредственно в Кемеровской области основным регламентирующим документом по охране общественного порядка в начале рассматриваемого периода стало Решение исполнительного комитета Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся (с 1979 г. – народных депутатов) № 509 от 29 мая 1958 г. «О мерах по усилению охраны общественного порядка на территории Кемеровской области» [16, с. 16 – 17]. Оно было направлено на укрепление общественного порядка в области. В этих целях исполком областного Совета установил: привлекать к ответственности в административном порядке (через административные комиссии при гор(рай) исполкомах) лиц, виновных в совершении перечисленных в Решении нарушений порядка в общественных местах, если эти действия не влекли за собой уголовного наказания. Вот ряд таких нарушений: появление в нетрезвом виде в театрах, клубах, кино, цирке, общественных садах, парках и других общественных местах; устройство азартных игр и гаданий, срывание и порча объявлений, афиш и плакатов; игра на музыкальных инструментах и пение на улицах, во дворах домов, в многоквартирных жилых домах, в общежитиях после 12 часов ночи и т. п.

В соответствии с этим Решением устанавливалась административная ответственность должностных лиц предприятий и учреждений (директоров (заведующих) ресторанов, магазинов, кинотеатров, садов отдыха, клубов, стадионов и др.) за допуск лиц в общественные места в нетрезвом состоянии и непринятие мер к предупреждению нарушений общественного порядка в указанных местах. Лица, виновные в нарушении рассматриваемого Решения, подвергались через упомянутые административные комиссии наказаниям: предупреждению, штрафу до 100 рублей или исправительно-трудовым работам сроком до 1 месяца.

Облсполком предоставил право органам внутренних дел налагать на виновных в нарушении настоящего Решения некоторые виды наказания, например, денежный штраф с заменой при неуплате его исправительно-трудовыми работами. В обязанность начальников областного управления, городских и районных отделений милиции вменялось сообщать в организации по месту работы или учебы нарушителей общественного порядка. Данный документ вступал в силу через 15 дней после опубликования в газете «Кузбасс» и действовал на территории Кемеровской области в течение двух лет.

Литература

1. Витрук, Н. В. Статус добровольных народных дружин и дружинников (социально-правовые аспекты) / Н. В. Витрук // Участие трудящихся в охране общественного порядка: труды Академии МВД СССР. – М.: Академия МВД СССР, 1986.
2. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 26. Д. 109. Л. 1 – 4.

Последующие Решения существенно не отличались от первоначального. В них лишь вносились некоторые дополнения и корректировки. Так, в Решение от 23 мая 1960 г. № 369 был добавлен пункт, касающийся установленных нарушений общественного порядка, – порча древонасаждений и зелени. Там же в пункте 8 впервые зашла речь об общественниках. Исполком областного Совета поставил задачу: «в выполнении настоящего решения должны активно принимать участие добровольные народные дружины по охране общественного порядка, используя для этого такие формы общественного воздействия, как передача материалов о фактах нарушений на рассмотрение товарищеских судов предприятий и учреждений, в редакции сатирических газет, и другие формы воздействия, предусмотренные “Положением о добровольных народных дружинах”» [17].

На основании анализа рассмотренных регламентирующих документов мы пришли к выводу, что правовая основа деятельности ДНД была определена достаточно четко. Основные усилия народные дружины должны были сосредоточивать на поддержании общественного порядка, пресечении актов хулиганства, пьянства и других антиобщественных проявлений; борьбе с хищениями социалистической собственности; предупреждении правонарушений несовершеннолетними. Этим мы опровергаем мнение Р. С. Мулукаева о том, что правовой статус самодеятельных формирований трудящихся, участвующих в охране общественного порядка, был формально не определен [6, с. 77].

Принятие новых специальных постановлений, в том числе нового «Положения о добровольных народных дружинах», дало движению «новые силы» для обеспечения правопорядка. Положительным было и то, что разработка нового Положения о ДНД велась с учетом предложений с «мест». Такие поправки в ЦК КПСС (в октябре 1973 г.) представил и Кемеровский обком партии [2, л. 1 – 4].

Однако нормативно-правовая база деятельности добровольных народных дружин требовала внесения изменений, непосредственно вытекающих из положений, установленных Конституцией СССР, конституциями союзных республик и другими рассмотренными выше документами. Таким направлением совершенствования могла быть фиксация в нормативном порядке гарантий соблюдения норм законодательства о дружинах и усиление уже существующих (например, закрепление профилактики правонарушений в качестве одного из принципов деятельности этих формирований, что в действующем на тот период законодательстве о дружинах отражено не было). Решение этой задачи позволило бы повысить эффективность деятельности дружин, обеспечить более полную реализацию их социальных функций.

3. Донцов, С. Е. Правовое положение народных дружинников и вопросы имущественной ответственности / С. Е. Донцов // Участие трудящихся в охране общественного порядка: труды Академии МВД СССР. – М.: Академия МВД СССР, 1986.
4. Конституция (Основной закон) СССР. – М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1974. – 32 с.
5. Конституция (Основной закон) СССР. – М.: Юридическая литература, 1988. – 64 с.
6. Мулукаев, Р. С. К вопросу о формах социалистического самоуправления народа в охране общественного порядка / Р. С. Мулукаев // Профессиональные и общественные начала в деятельности органов внутренних дел: история и современность. – М.: Академия МВД СССР, 1990.
7. О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных народных дружин по охране общественного порядка // Свод законов СССР. – М.: Известия, 1985. – Т. 10.
8. О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных народных дружин РСФСР по охране общественного порядка // Свод законов РСФСР. – М.: Известия, 1985. – Т. 1.
9. Об основных обязанностях и правах добровольных народных дружин по охране общественного порядка // Свод законов СССР. – М.: Известия, 1985. – Т. 10.
10. Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и добровольных дружинников // Ведомости Верховного Совета СССР. – М.: Центр, 1962. – № 8.
11. Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и добровольных дружинников // Ведомости Верховного Совета СССР. – М.: Центр, 1978. – № 16.
12. Об утверждении нагрудного знака «Отличный дружинник» // Свод законов РСФСР. – М.: Известия, 1985. – Т. 8.
13. Об утверждении Положения о добровольных народных дружинах РСФСР по охране общественного порядка // Сборник постановлений правительства РСФСР. – М.: Юридическая литература, 1960. – № 14.
14. Положение о добровольных народных дружинах РСФСР по охране общественного порядка // Свод законов РСФСР. – М.: Известия, 1985. – Т. 1.
15. Проект временного положения о добровольных народных дружинах по охране общественного порядка // Сборник постановлений правительства СССР. – М.: Юридическая литература, 1959. – № 4.
16. Решение исполнительного комитета Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся № 509 от 29 мая 1958 г. «О мерах по усилению охраны общественного порядка на территории Кемеровской области» // Информационный бюллетень исполнительного комитета Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1958. – № 9.
17. Решение исполнительного комитета Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся № 369 от 23 мая 1960 г. «О мерах по усилению охраны общественного порядка на территории Кемеровской области» // Кузбасс (Кемерово). – 1960. – 24 мая.

Информация об авторе:

Евсеев Евгений Анатольевич – соискатель кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, 8-951-619-32-69, evseev.1973@mail.ru.

Evgeny A. Evseev – post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

УДК 94(57):622 «1918/...»

РОЛЬ РЕКРЕАЦИОННОГО РАЙОНИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ТУРИЗМА

Н. Н. Егорова

ROLE OF RECREATIONAL ZONING FOR THE DEVELOPMENT OF SOCIALLY ORIENTED TOURISM

N. N. Egorova

В статье рассматривается значение и роль рекреационного районирования в туристском освоении территорий. Предложена характеристика туристско-рекреационного потенциала Кемеровской области, проанализирована степень туристского освоения районов Кузбасса.

The paper addresses the value and role of recreational zoning for the tourist development of territories. The characteristic of tourist and recreational capacity of the Kemerovo region is provided. The degree of Kuzbass regions' tourist development is analysed.

Ключевые слова: туризм, рекреация, рекреационное районирование, туристские ресурсы, рекреационные признаки.

Keywords: tourism, recreation, recreational zoning, tourist resources, recreational signs.

Кузбасский регион обладает многочисленными достопримечательностями, способными вызвать туристско-рекреационный интерес на всероссийском и международном уровнях. При этом одно из достоинств области состоит в том, что она обладает значительными рекреационными ресурсами, позволяющими развивать здесь все сопряженные виды туризма.

Значение развития туризма в регионе определяется в первую очередь тем, что он является частью и социальной, и экономической сфер деятельности, при этом основные функции социальной сферы состоят в следующем:

- доведение материальных и нематериальных благ до потребителя;
- обслуживание процесса потребления;
- создание условий для перемены видов деятельности и отдыха;
- обеспечение охраны здоровья;
- формирование общеобразовательного и культурно-технического уровня населения.

Туризм, занимая немаловажное место в обществе, принимает на себя важнейшие социальные функции: восстановление психофизиологических ресурсов общества; содействие трудоспособности человека и рациональному использованию свободного времени; обеспечение занятости населения и роста его доходов; направленность на поддержание и восстановление рекреации регионов. Сам характер туризма как особой социально-экономической сферы развития общества при умелой постановке дела может успешно сочетать в себе и рыночные аспекты экономических связей, и социально ориентированные цели развития общества в целом и отдельных регионов. При этом социальный аспект туризма должен выступать как цель, а рыночный аспект – как средство ее реализации.

Региональный туризм обязан быть социально ориентированным. Он может сочетать в себе два начала: служение интересам человека, общества в целом и получение доходов на микро- и макроэкономических уровнях. Тогда в основу концепции туризма должны быть заложены такие элементы, как саморазвитие, самофинансирование и самоуправление.

В этой связи целесообразно отметить, прежде всего, социальные аспекты влияния развития туризма в регионе, то есть то влияние, которое проявляется в региональном общественном устройстве. Рассмотрение социальных аспектов организации именно рекреационного туризма обнаруживает переплетение ряда различных концепций, любая из которых обязана иметь своей целью выполнение социальных функций, основными из которых можно назвать:

- адаптацию и интеграцию членов общества в его «социальную материю» на основе подготовки их к культурным, социальным и экономическим переменам;
- обеспечение рекреационных аспектов отдыха путем его организации на основе использования соответствующих социальных и культурных ресурсов и специалистов в сфере услуг;
- устранение пробелов в образовании и культурном уровне, обеспечении гуманитарного значения туризма.

Темпы современной жизни, обусловленные стремительным развитием науки и техники, массовым использованием информационных технологий, урбанизацией и глобализацией, вызывают нервное напряжение человека, психологические расстройства, производственный травматизм, стрессы, массовые заболевания, многочисленные конфликты на производстве и в семье и в итоге ведут к потере трудоспособности, росту безработицы. При этом значение туризма заключается в его воспроизводящей функции: восстановлении трудоспособности, обеспечении занятости населения, рациональном использовании свободного времени, а также росте доходов трудящихся, снижении психофизиологических нагрузок, обновлении жизни человека, насыщении ее новыми впечатлениями, восстановлении физических и психических сил.

Необходимо отметить, что рекреация и туризм пересекаются и зона их пересечения – все виды туризма, которые направлены на восстановление, выздоровление, релаксацию человека.

При таком соотношении понятий «туризм» и «рекреация» представляется обоснованным введение в научный оборот ряда синтетических понятий, которые содержат в своей лексической основе сочетание «рекреационно-туристский» и характеризуют рекреационно-туристскую сферу по-разному. С одной стороны, как сферу рекреационной деятельности человека, то есть его деятельности в свободное время, но обязательно осуществляемую в процессе временного изменения места пребывания с туристскими целями, с другой стороны, как сферу услуг, которые, в свою очередь, являются результатом экономической деятельности хозяйствующих субъектов по удовлетворению потребностей туристов [2, с. 17 – 22].

Многообразие видов туризма, различная их технология, требующая особых «средств отдыха», и характер используемых ресурсов определяют и множественность предприятий, обеспечивающих тот или иной вид отдыха. Они называются рекреационными предприятиями. Все эти предприятия и связанные с ними структуры образуют особую отрасль народного хозяйства – рекреационное хозяйство (рекреационный комплекс), главная задача которого – обслуживание туристов вне постоянного места их проживания [1, с. 25 – 26].

Рекреация при этом относится к такому избираемому виду деятельности, который становится необходимым условием обеспечения нормальной человеческой жизни, средством компенсации напряжения, восстановления работоспособности и условием продолжения самого производства.

Современная экономическая парадигма, концентрируя внимание на социальных аспектах, совокупности явлений, тенденций и пропорций, формирующихся в социальной сфере, в том числе в сфере услуг рекреации, отводит им роль доминант общественного развития. Такие социальные факторы как здоровье и образование населения, трудоспособность и квалификация рабочей силы, предопределяя возможности экономического роста, выступают в качестве важнейшей составляющей ресурсной базы социально-экономического развития любого государства.

Рекреация – восстановление и расширенное воспроизводство физических, интеллектуальных, эмоциональных сил – имеет в своей основе биосоциальный потенциал как единство биологических и социальных качеств личности собственно и является приоритетной предпосылкой роста производительности труда соответственно роста эффективности производства. Сумма всех рекреационных эффектов, нося прерывный характер, составляет новое качество жизни, определяющее уровень жизнедеятельности всего общества, а результат, как правило, сказывается в процессе активной последующей трудовой деятельности.

С целью оценки рекреационных ресурсов всего региона для их возможного использования в качестве оздоровления населения и развития туристской отрасли необходимо исследование всех районов Кемеровской области, исходя из наличия условий, благоприятных для целей отдыха и рекреации.

В связи с этим возникает необходимость особое внимание уделить изучению вопросов ландшафтной структуры области, оценки рекреационного потенциала районов и проведению рекреационного районирования, исходя из районообразующих рекреационных факторов, потенциала гидро-климатических, почвенно-биогеографических ресурсов Кузбасса.

Туристская инфраструктура Кемеровской области может быть представлена следующим образом: область расположена на юго-востоке Западной Сибири и находится почти на равном расстоянии от западных и восточных границ Российской Федерации. Регион входит в шестой часовой пояс, расположен в умеренных широтах между 52°08' и 56°54' северной широты и 84°33' и 89°28' восточной долготы, что соответствует широтам Челябинской, Московской, Калининградской и Камчатской областей в России. В Западной Европе – это соответствует таким городам и государствам, как Варшава, Берлин, Нижняя Саксония, Дания, Гаага, Уэльс и Ирландия.

Площадь области – 95,5 тыс. кв. км, что составляет 4 % территории Западной Сибири и 0,56 % территории России. По площади Кемеровская область – самая маленькая в Западной Сибири.

Административные границы Кемеровской области сухопутные. На севере они граничат с Томской областью, на востоке с Красноярским краем и республикой Хакасия. На юге границы проходят по главным хребтам Горной Шории и Салаирского кряжа с республикой Горный Алтай и Алтайским краем, на западе – по равнинной местности с Новосибирской областью. Протяженность Кемеровской области с севера на юг почти 500 км, с запада на восток – 300 км. Климатические условия Кемеровской области благоприятны для развития зимнего и летнего туризма. Лето теплое, с большой продолжительностью солнечного сияния (до 2118 ч. в год). В зимний период характерна ясная, не очень морозная погода, устойчивый и мощный снежный покров, достигающий 1,5 – 2 м в горных долинах.

Климат Кемеровской области резко континентальный: зима холодная и продолжительная, лето короткое, но жаркое. Количество оптимальных погод в теплый период года дифференцируется от 60 до 70. На территорию области приходится 1722 – 2186 часов

солнечного сияния. В Московской области этот показатель равен 1585 часам, в г. Сочи – 1980 и Сухуми – 2200 часам.

Среднегодовая температура воздуха колеблется от –1,4° до +1,0°. Среднемесячная температура в г. Кемерово составляет в январе – 19,2°, а в июле + 18,6°. Наиболее высокие температуры воздуха в Кемеровской области достигают летом плюс 38°, а самые низкие зимой доходят на юге до минус 54°, на севере – до минус 57°.

Кузбасс находится на стыке крупных климатических областей (Западносибирской, Восточносибирской, Среднеазиатской и Центральноазиатской). Результатом перемещения воздуха с запада на восток являются влажная и прохладная погода летом и влажная слабomорозная – зимой. Степень комфортности климата оценивается от умеренно-комфортного до слабо комфортного.

Движение арктических и континентальных воздушных масс (с севера на юг) формирует ясную погоду с сухим жарким летом и суровой малоснежной зимой.

Большое влияние на климат оказывает контрастность рельефа. В горных областях наблюдаются явления высотной климатической зональности: повышаются температуры воздуха зимой, удлиняется безморозный период в предгорьях, а лето прохладнее, чем в прилегающих равнинах. Так, в Кузнецком Алатау установление снежного покрова более раннее, а его таяние – более позднее.

Неравномерность климатических условий Кузбасса наблюдается и в количестве выпадения осадков. По главному хребту и западным склонам Кузнецкого Алатау атмосферных осадков выпадает за год больше 1000 мм, а на высоких участках гор – до 1800 мм. Это один из самых увлажненных районов Сибири: здешний климат даже приближается к морскому. В южной лесостепи осадков выпадает около 350 мм, а на восточных склонах Кузнецкого Алатау – и того меньше. Среднегодовое количество осадков на Кузнецкой котловине составляет 400 – 500 мм (рис 1).

Среднегодовое количество осадков колеблется от 300 мм на равнинах и в предгорной части, до 1000 мм и более в горных районах. Продолжительность безморозного периода длится от 100 дней на севере области до 120 дней на юге Кузнецкой котловины.

В лесостепной зоне почти ежегодно держатся длительные периоды без дождей, как правило, в конце мая – июне. В отдельные годы дожди не выпадают в течение 20, а то и порой 40 дней. Такое длительное отсутствие атмосферных осадков приобретает характер засухи, сопровождаемой высокими температурами воздуха, сильными сухими ветрами, отсутствием рос.

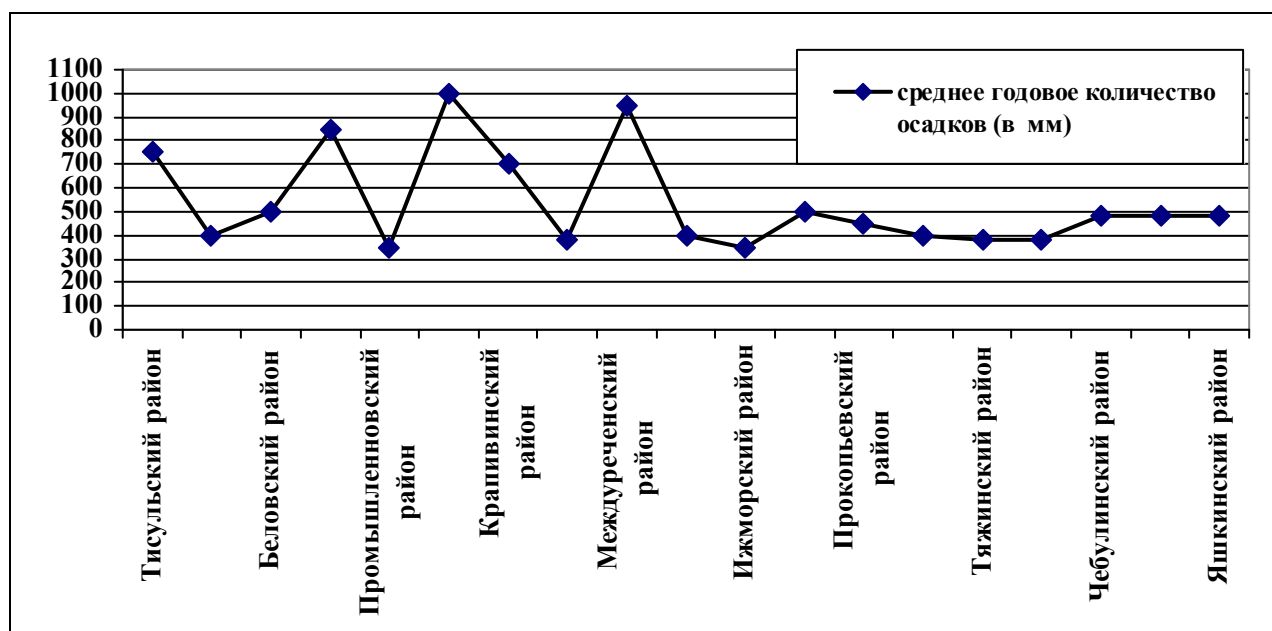

Рис. 1. Среднегодовое количество осадков в Кемеровской области

Первый снег выпадает во второй половине сентября, но он сохраняется недолго. Величина снежного покрова на территории Кемеровской области весьма неодинакова как по высоте и структуре, так и по времени образования. Устойчивый снежный покров Кузнецкого Алатау и Горной Шории: он ложится в двадцатых числах октября, а в наиболее высоких их местах – в середине октября. В Кузнецкой котловине постоянный снежный покров образуется в начале ноября.

Ветры в Кемеровской области преимущественно юго-западного и западного направлений. В отдельные периоды подолгу держатся северо-восточные ветры, приносящие массы холодного сухого воздуха с Таймыра и Колымы. В это время наблюдаются самые низкие температуры воздуха, особенно в январе. Эти же ветры приносят похолодания и снегопады, обычно связаны с вторжением северо-западных ветров, дующих с Карского моря и западных частей Арктики.

Для оценки рекреационного потенциала необходимо дать характеристику гидросфере (водные ресурсы), биосфере (флора и фауна).

Все реки Кемеровской области принадлежат бассейну Оби, занимающей первое место в России по площади водосбора. Почти все они текут с юга на север. Наиболее развита гидрографическая сеть в южных горных районах бассейна Томи.

Питание рек в основном смешанного типа, главным образом, за счет талых вод сезонных и высокогорных снежников и ледников и в меньшей степени – за счет дождевого стока и подземных вод. В зимний период питание рек осуществляется исключительно за счет подземных грунтовых вод, поэтому уровень в этот период невысокий.

Реки, берущие свое начало в Кузнецком Алатау и Горной Шории, представляют собой типичные горные водотоки с порожистым и валунистым руслом.

Природно-климатические, орографические, ландшафтные и культурно-исторические особенности территории Кемеровской области позволяют, по принятой методике, отнести ее к региону с высоким рекреационным потенциалом.

На юге, востоке и западе расположен живописный горный рельеф с уникальными памятниками природы, такими как: скалы «Спасские дворцы», «Алгуйские тремолиты», «Пилы Тайгесу», «Каньон Скалистые горы», «Красный камень», «Гавриловские пещеры», урочище «Орлиная гора», археологические комплексы р. Ур, «Каменные ворота», гранитные останцы гольца Мустаг, «Поднебесные зубья», пещерные комплексы верхнего течения р. Мрассу, Усинский карстовый район с известной пещерой «Памятная», с подземной рекой и озером и другими достопримечательностями.

«Сибирской Швейцарией» по праву называют Горную Шорию за ее природные богатства и красоту. Здесь активно развивается спортивный и рекреационный туризм и по видам маршрута: горнолыжный, пешеходный, водный, конный. Развита охота и рыболовство. На базе минеральных источников функционирует несколько санаториев. Обладая уникальными ресурсами рекреационного потенциала, Горная Шория способна стать районом туризма и отдыха всероссийского и мирового уровня.

В целом характеристика Кемеровской области с точки зрения оценки туристских ресурсов позволяет сделать вывод о том, что регион обладает особым рекреационным потенциалом.

При этом необходимо подчеркнуть, что именно рекреационное районирование позволит более четко различить рекреационную освоенность отдельных территорий региона и использовать рекреационные ресурсы для оздоровления, лечения, реабилитации жителей как Кузбасса, так и других областей СФО.

Степень развитости рекреационных признаков характеризуется рекреационной освоенностью территории, которая равна отношению суммы числа мест в пределах рекреации к площади района.

По значениям абсолютной освоенности районы Кемеровской области делятся на средне-, слабо-, малоосвоенные. При этом наиболее рекреационно-освоенными следует считать: Таштагольский, Гурьевский, Кемеровский (таблица).

Сравнительная характеристика районов Кузбасса по наличию рекреационных признаков

Район	Абсолютная рекреационная освоенность	Норматив	Абсолютная рекреационная обеспеченность	Норматив
Беловский	нет данных	> 500 мест/1000 км ² – сверхосвоенные; 300 – 500 мест/1000 км ² – освоенные; 100 – 300 мест/1000 км ² – среднеосвоенные; 50 – 100 мест/1000 км ² – малоосвоенные; 1 – 50 мест/1000 км ² – слабоосвоенные; от 1 мест/1000 км ² – не освоенные	нет данных	> 35 – сверхобеспеченные; > 6 – обеспеченные; 4 – 6 – среднеобеспеченные; 2 – 4 – малообеспеченные; 1 – 2 – слабообеспеченные; < 1 – не обеспеченные.
Гурьевский	138,3 [среднеосвоенные]		7,74 [обеспеченные]	
Кемеровский	3,86 [слабоосвоенные]		9,56 [обеспеченные]	
Крапивинский	0,82 [не освоенные]		16,95 [обеспеченные]	
Новокузнецкий	нет данных		нет данных	
Таштагольский	14,82 [среднеосвоенные]		2,82 [малообеспеченные]	
Юргинский	62 [малоосвоенные]		6,83 [обеспеченные]	
Междуреченский	80,7 [малоосвоенные]		19,02 [обеспеченные]	

Как показало исследование, абсолютно рекреационно-обеспеченными являются районы: Гурьевский, Кемеровский, Крапивинский, Юргинский, Междуреченский. Это означает, что исходя из оценки, обозначенные районы имеют значительные перспективы для рекреационного освоения.

Процесс становления и развития туристско-рекреационной отрасли сопровождается формированием единого туристско-рекреационного пространства, основой которого является развитие общерегиональных, межрегиональных «туристских коридоров», по которым идут основные туристские потоки.

Для данного процесса существенным тормозом является традиционная организация туристско-рекреационной деятельности в рамках существующих административно-территориальных образований.

Таким образом, на наш взгляд, рекреационное районирование позволит создать сеть рекреационных центров в ключевых (приоритетных) территориях Кемеровской области. Наличие таких туристско-рекреационных центров разрешит следующие задачи:

- повысить эффективность процесса согласования интересов муниципальных образований Кемеровской области в ходе реализации основных направлений туристско-рекреационной политики;
- сформировать благоприятные условия для привлечения инвестиций в туризм, в том числе за счет создания крупных межмуниципальных организаций: ассоциаций, фондов и др.;
- избежать нерациональных затрат в процессе формирования и реализации местных турпродуктов и объектов туристической индустрии.

Литература

- Егорова, Н. Н. Рекреология и рекреационные системы / Н. Н. Егорова, Л. Б. Нюрнбергер. – Кемерово, 2010.
- Николаенко, Д. В. Рекреационная география / Д. В. Николенко. – М., 2008.

Информация об авторе:

Егорова Наталья Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, 8-905-917-80-65, egorovann@list.ru.

Natalia N. Egorova – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

УДК 94(57):622 «1918/...»

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ШАХТЕРСКИХ КАДРОВ СИБИРИ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

К. А. Заболотская

SOME ISSUES OF THE HISTORIOGRAPHY OF COAL MINING INDUSTRY AND STAFF IN SIBERIA IN CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORY

К. А. Zabolotskaya

В статье охарактеризованы основные этапы и проблемы историографии угольной промышленности и шахтерских кадров Сибири в годы советской власти и в условиях современной России.

The article focuses on the main stages and problems in the historiography of coal mining industry and staff in Siberia in the Soviet period and in contemporary Russia.

Ключевые слова: историография, этапы, проблемы, угольная промышленность, шахтеры, Сибирь, добыча.

Keywords: historiography, stages, problems, coal mining industry, miners, Siberia, mining.

Угольная промышленность Сибири новейшего периода отечественной истории имеет обширную историографию. Ее изучают специалисты – горняки и геологи, экономисты, историки, политологи, социологи и представители ряда других отраслей науки.

Несмотря на большое количество публикаций, обобщающий труд по проблемам историографии угольной промышленности Сибири новейшего времени отсутствует. Мы попытаемся в какой-то мере восполнить этот пробел.

Исходя из методологических подходов, постановки исследуемых проблем, состава информации привлеченных источников, историографию угольной промышленности Сибири советского периода и современной России можно разделить на 4 этапа, каждый из которых имеет свои особенности.

Первый этап – двадцатые – *первая половина тридцатых годов* – совпадает по времени со сложными процессами, которые переживала молодая советская республика и ее историческая наука. Для этих лет характерна борьба мировоззрений, становление приоритета материалистической идеологии, определение на этой основе актуальности научной проблематики, а также ломка сложившейся системы исторического образования, а для Сибири, как подчеркивает А. А. Халиулина, еще и ограниченность источниковой базы и дефицит кадров историков [32, с. 56].

В 20-е – первой половине 30-х гг. активно обсуждались две крупные проблемы, от решения которых зависели перспективы развития угольной промышленности Сибири: целесообразность реализации программы УКК (создание Урало-Кузнецкого комбината), пути индустриализации Сибири. Бурная дискуссия по этим вопросам развернулась на Первом Сибирском краевом научно-исследовательском съезде. Представители сибирской науки Н. Я. Брянцев, Н. Н. Колосовский и др. защищали идею содружества Урала и Кузбасса, Я. Б. Диманштейн, представитель Украины, считал более целесообразным развивать угольно-металлургический комплекс в районе Донбасса, что, конечно, сократило бы потребность в сибирском угле [2, с. 8 – 10]. Великая Отечественная война этот спор разрешила в пользу Кузбасса.

Для перспектив развития угольной промышленности важен был и выбор пути индустриализации Сибири. Н. Я. Брянцев, В. П. Косованов, Н. Шавров отстаивали приоритетную роль отраслей тяжелой промышленности, Н. Я. Новомбергский, А. Куликов, Л. Д. Троцкий отдавали предпочтение развитию отраслей сельского хозяйства и накоплению средств для индустриализации за счет традиционного экспорта сельскохозяйственной продукции [2, с. 17 – 22].

Состояние всей угольной промышленности Сибири и ее отдельных бассейнов характеризуется в эти годы в работах крупных специалистов-угольщиков В. М. Бажанова, М. Л. Рухимовича, И. И. Федоровича [2; 23; 31]. Статьи о развитии угольной промышленности и шахтерских кадрах Сибири имеются и в первом энциклопедическом издании по региону – Сибирской советской энциклопедии [25].

В 20-е – первой половине 30-х гг. XX в. было положено начало изучению развития угольной промышленности и шахтерских кадров Сибири в условиях советской системы. За исключением экономистов это были публикации, принадлежащие партийным, советским, профсоюзным, хозяйственным работникам, руководящему составу специалистов угольной отрасли. Исторические исследования отсутствовали.

Второй этап историографии исследуемой проблемы – *вторая половина 30-х – середина 50-х гг.* – отмечен сокращением публикаций по индустриальному развитию региона, в том числе и по угольной отрасли. Это было связано как с усилением напряженности во внутрисоветской жизни страны, так и с Великой Отечественной войной. По интересующей нас проблеме можно отметить только одну солидную публикацию – «Вторая угольная база СССР – Кузбасс» [7]. Это издание отличалось комплексным подходом к рассмотрению вопросов развития отрасли и ее кадров. Наряду со статьями, характеризующими рост фонда угольных шахт, изменение их материальной базы, динамику добычи угля, численность и состав шахтеров, оно включало значительное число статистических таблиц. Эта работа получила высокую оценку современников и историков последующих поколений [6, с. 22 – 23, 39]. Сегодня очевидно, что далеко не со всеми выводами авторов этой работы можно согла-

ситься. Авторы ряда статей не безупречно толкуют роль и сущность процессов состязательности (соревнования) в условиях социализма, идеализируют стахановское движение, многие недочеты и промахи в работе шахтеров объясняют исключительно деятельностью вредителей и диверсантов [7, с. 48, 49]. Для этого периода типичны в основном популярные издания, характеризующие трудовые достижения шахтеров [26; 27; 28].

На рубеже 50-х гг. XX в. в советской историографии стали появляться диссертационные исследования историков, посвященные угольным бассейнам Сибири [5; 13]. В целом вторая половина 30-х – середина 50-х гг. XX в. отличается сокращением исторических исследований, в том числе по сибирской тематике. Некоторое исключение при этом составили работы по истории угольной промышленности Кузбасса [19, с. 7].

Наиболее плодотворным в исследовании истории угольной промышленности и шахтерских кадров Сибири советского времени оказался третий этап, охвативший *конец второй половины 1950-х – начало 1990-х гг.* Этому способствовал ряд благоприятных обстоятельств: расширение доступа исследователей к документам архивов после XX съезда КПСС, появление новых периодических изданий; создание в Сибири крупного научного центра, Сибирского отделения Академии наук СССР (ныне СОРАН), а в его структуре Института истории, филологии и философии и Института экономики и организации промышленного производства. Эти институты подготовили и издали несколько многотомных серий [11; 22] и авторских монографий [18; 19; 20] по истории Сибири, ее промышленности и рабочему классу, а также ряд монографий и коллективных трудов по экономике Сибири [33]. В каждом из этих изданий авторы не обошли вниманием угольную промышленность Сибири и ее кадры.

В коллективных трудах и монографиях историков на основе богатых фактических данных анализируется развитие угольной промышленности и шахтерских кадров Сибири по отдельным этапам, показаны особенности этих процессов в сравнении с другими отраслями промышленности, однако в силу ограниченности хронологии отдельных изданий не отражены особенности и устойчивые тенденции в развитии угольных бассейнов Сибири.

В этот период историками создается также значительное число диссертационных исследований [15], историками, экономистами, горняками издаются труды, посвященные только угольной промышленности всей Сибири или отдельным сибирским бассейнам [8; 9; 29 и др.].

Сохраняется уже сложившаяся традиция: экономисты и горняки в основном пишут о развитии отрасли, историки больше внимания уделяют вопросам формирования и качественной структуры шахтерских кадров, их производственной и творческой активности.

Более полно и разносторонне исследована история Кузнецкого бассейна, значительно меньше – бассейнов Восточной Сибири.

Четвертый этап историографии угольной промышленности Сибири охватывает *начало 90-х гг. XX в. – первые десятилетия XXI в.* В это сложное время произошли большие изменения, охватившие

глубинные процессы в экономике и внутрисполитической жизни страны. Они начались еще в советскую эпоху и продолжаются в современной России, оказали большое влияние на угольную промышленность страны и Сибири и заложили основу для изучения и отражения в историографии новых процессов и явлений.

К последним можно отнести рабочее движение, приватизацию, акционирование угольных предприятий, реструктуризацию угольной отрасли, переход к рыночным отношениям. Благодаря появившейся возможности получить доступ к документам и фондам, ранее не выдававшимся исследователям, началось изучение категорий спецконтингента в составе шахтерских кадров и применение в отрасли принудительного труда.

В 90-е гг. XX – первых десятилетиях XXI в. проблемами истории угольной промышленности сибирских бассейнов по-прежнему занимаются не только историки. Накопленный опыт и расширение источниковедческой базы способствовали появлению в эти годы ряда обобщающих трудов по истории угольной промышленности страны и Сибири. Одной из первых в этом ряду была монография В. П. Машковского, посвященная научно-технической политике в угольной отрасли в последние десятилетия советской эпохи [16]. Несомненный интерес в ней представляет большой фактический материал по Кузбассу и бассейнам Восточной Сибири в контексте научно-технической политики государства в масштабах всей отрасли. В середине 90-х гг. XX в. сибирскую историографию пополнила монография К. А. Заболотской, посвященная угольной промышленности и шахтерским кадрам Сибири [9].

Широкие хронологические рамки исследования (конец 1890 – начало 1990-х гг.) позволили автору выявить и проследить тенденции развития угольной промышленности в границах всех этапов топливно-энергетического комплекса, особенности развития угольных бассейнов Западной и Восточной Сибири, сформулировать новые подходы к оценке социальной активности шахтеров. В коллективной монографии преподавателей кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, написанной с привлечением представителей других кафедр и вузов, отражена 275-летняя история Кузнецкого угольного бассейна [26]. Особый интерес в ней представляют главы и параграфы, посвященные малоисследованным или совсем не исследованным ранее проблемам – управлению угольной промышленностью бассейна, применениям труда различных категорий спецконтингента, забастовочного движения шахтеров, влияния отрасли на экологию и демографические процессы в бассейне. В 2005 г. вышел в свет еще один обобщающий труд по истории угольной промышленности Кузбасса: «Угольный Кузбасс – страницы истории». В 2007 г. вышло его второе издание [30, 2005; 2007]. В отличие от «Угольной промышленности Кузбасса 1721 – 1996», этот труд содержит богатую информацию о конкретных людях – руководителях органов управления угольной промышленностью бассейна, руководителях шахт, разрезов, передовых коллективов. В этой монографии нашли отражение и такие новые сюжеты как проведение в Кузбассе в 2002 г. Президиума Госсовета РФ по проблемам угольной отрасли, заключение ежегодных со-

глашений между администрацией Кемеровской области, акционерами, руководителями угольных компаний, предприятий, профсоюзов о поддержке угольных шахт, разрезов и шахтеров бассейна. Наряду с обобщающими трудами в последние годы появились солидные исследования по новым проблемам – об участии сибирских шахтеров в забастовках и других формах протестного движения [1, 10, 14], об использовании в составе шахтерских кадров различных категорий спецконтингента, [3]; о реструктуризации угольной промышленности и ее последствиях в экономике и социальной сфере [23]. В 2005 г. по реструктуризации угольной промышленности Кузбасса историком О. В. Бирюковой была защищена кандидатская диссертация [4]. Особо следует остановиться на многотомном уникальном издании в Кузнецком бассейне Книг памяти шахтеров и горноспасателей, погибших на производстве. В этих книгах памяти содержатся списки шахтеров Кузбасса, погибших в 1920 – 2011 гг., с указанием по каждому места работы, даты, времени и причины гибели, возраста, профессии, в ряде случаев – национальности или принадлежности к определенной группе спецконтингента. В них также включены статьи о развитии угольной промышленности за соответствующий период, о состоянии и обеспечении безопасности труда, оказании

пострадавшим помощи, в том числе медицинским персоналом.

Всего за 1995 – 2012 гг. было опубликовано 10 томов Книг памяти шахтеров Кузбасса, погибших на производстве. Они включают более 15000 имен [12].

Это уникальное издание существует только в Кузбассе. Оно является солидным вкладом в историографию угольной промышленности Сибири.

История угольной промышленности Сибири XXI в. представлена так же в трудах Центра экономической истории, созданного в 2006 г. при Алтайском государственном университете. Центр проводит Всероссийские конференции по экономической истории Сибири и на их основе публикует тематические сборники. В составе данных сборников имеются статьи, характеризующие состояние угольной промышленности Сибири и ее влияние на экономику и социальное развитие региона в XX и XXI вв. [34, с. 22 – 43, 35, 2009, с. 228 – 235; 12, т. II, с. 278 – 286].

Угольная промышленность Сибири сохраняет статус одной из ведущих базовых отраслей региона. Анализ накопленного опыта исторического развития представляет не только большой научный, но и значительный практический интерес, свидетельством чего и является состояние историографии данной проблемы.

Литература

1. Андреев, В. П. Шахтеры и шахтерское движение в Кузбассе в 1989 – 1991 гг. / В. П. Андреев, Д. В. Воронин. – Кемерово, 2002.
2. Бажанов, В. М. Положение и перспективы каменноугольной промышленности Сибири / В. М. Бажанов. – М.; Л., 1925.
3. Бикметов, Р. С. Под конвоем в шахту: спецконтингент в угольной промышленности Кузбасса (начало 1930-х – середина 1950-х гг.) / Р. С. Бикметов. – Кемерово, 2002; Бикметов, Р. С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929 – 1956 гг.) / Р. С. Бикметов. – Кемерово, 2009.
4. Бирюкова, О. В. История реструктуризации угольной промышленности Кузбасса (середина 80-х гг. XX – начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. В. Бирюкова. – Кемерово, 2005.
5. Верхотуров, И. Н. Большевики Черемховского угольного бассейна в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. Н. Верхотуров. – Иркутск, 1950.
6. Волченко, А. В. Очерки историографии рабочего класса Сибири 1917 – 1937 гг. / А. В. Волченко, А. С. Московский. – Новосибирск, 1986.
7. Вторая угольная база СССР. – Кузбасс. Кн. 1 – 3. – М.; Л.; Новосибирск; Грозный, 1935, 1936.
8. Кузнецкий угольный бассейн / Т. Ф. Горбачев, В. Г. Кожевин, З. Г. Карпенко [и др.]. – М., 1957; Матушкин, П. Г. Урало-Кузбасс. Борьба коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы / П. Г. Матушкин. – Челябинск, 1966; Зелкин, И. И. Кузнецкий угольный бассейн в годы Великой Отечественной войны / И. И. Зелкин. – М., 1969; Горняки Кузбасса. – Новосибирск, 1971; Карпенко, З. Г. Кузнецкий угольный (1721 – 1971) / З. Г. Карпенко. – Кемерово, 1971; Топливо-энергетический комплекс Сибири. – Новосибирск, 1978; Угольные бассейны Сибири. – М., 1985 и др.
9. Заболотская, К. А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990 гг.) / К. А. Заболотская. – Кемерово, 1995.
10. Заболотская, К. А. Роль рабочего движения в развитии реформационных процессов (1989 – 1998) / К. А. Заболотская, Г. С. Некрасова // Трудовые отношения и коллективные действия в современной России. Политические, правовые и социальные аспекты. – М. 1999.
11. История Сибири. – Т. II – V. – Л., 1968 – 1969.
12. Книга памяти шахтеров, погибших в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. – М., 1995; Книга памяти шахтеров Кузбасса, 1946 – 1960 гг. – Т. II. – Ч. I, II. – Самара, 1998; То же, 1961 – 1975. – Т. III. – Кемерово, 1999; То же, 1976 – 1990. – Т. IV. – Омск, 2000; То же, 1991 – 2000. – Т. V. – Кемерово, 2001; То же, 1920 – 1940, 2001 – 2002. – Т. VI. – Кемерово, 2002; То же, 2002 – 2004. – Т. VII. – Кемерово, 2004; Книга памяти погибших шахтеров Кузбасса 2004 – 2006. – Т. VIII. – Кемерово, 2007; То же, 2007 – 2008. – Т. IX. – Кемерово, 2009; То же, 2009 – 2011. – Т. X. – Кемерово, 2012.
13. Козочкина, Е. Д. Партия большевиков в борьбе за создание второй угольной базы СССР – Кузбасса 1929 – 1930: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Д. Козочкина. – М., 1950.

14. Лопатин, Л. Н. История рабочего движения Кузбасса / Л. Н. Лопатин. – Кемерово, 1995.
15. Ломаков, М. Ф. Социальные последствия научно-технического прогресса в угольной промышленности Кузбасса в 60-е гг. (1960 – 1967 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. Ф. Ломаков. – Новосибирск, 1969; Михайлова, В. Н. Изменение численности и состава рабочих кадров угольной промышленности Кузбасса в послевоенный период (1946 – 1958 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Н. Михайлова. – Новосибирск, 1970; Заболотская, К. А. Количественный и качественный рост рабочих кадров угольной промышленности Кузбасса (1917 – 1970 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / К. А. Заболотская. – Новосибирск, 1974; Шуранов, Н. П. Коммунистическая партия – организатор развития угольной промышленности восточных районов страны в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Н. П. Шуранов. – Новосибирск, 1978; Черных, В. В. Руководство партийными организациями Восточной Сибири Развитием угольной промышленности (1971 – 1980 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Черных. – Иркутск, 1985; Морозов, Н. М. Партийное руководство угольной промышленностью Кузбасса и Канско-Ачинского бассейна в XI пятилетке: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. М. Морозов. – Кемерово, 1988.
16. Машковский, В. П. Осуществление научно-технической политики в угольной промышленности страны в 60-е – 80-е годы: опыт и уроки / В. П. Машковский. – Томск, 1991.
17. Медвековский, Ю. Егор Бурлов / Ю. Медвековский. – М., 1949.
18. Московский, А. С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма / А. С. Московский. – Новосибирск, 1968; Докучаев, Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока накануне Великой Отечественной войны / Г. А. Докучаев. – Новосибирск, 1966.
19. Московский, А. С. Промышленное освоение Сибири в период строительства социализма / А. С. Московский. – Новосибирск, 1978.
20. Московский, А. С. Проблемы индустриального развития Сибири в литературе 20-х годов / А. С. Московский // Историография индустриального освоения Сибири. – Новосибирск, 1992.
21. Прокопенко, С. А. Конверсия угольной промышленности Кузбасса / С. А. Прокопенко, Б. В. Красильников. – Кемерово, 1996.
22. Рабочий класс Сибири в период строительства Социализма (1917 – 1937). – Новосибирск, 1982; Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. – Новосибирск, 1986; Рабочий класс Сибири 1961 – 1980. – Новосибирск, 1984.
23. Реструктуризация угольной промышленности (теория, опыт, программы, прогноз). – М., 1996.
24. Рухимович, М. Л. Перспективы развития угольной промышленности Кузнецкого и Минусинского районов / М. Л. Рухимович // Горная промышленность. – М., 1932.
25. Сагайдачная, З. А. Борьба коммунистической партии за дальнейшее развитие Кузнецкого угольного бассейна в годы четвертой пятилетки (1946 – 1950 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / З. А. Сагайдачная. – М., 1956.
26. Стахановцы рудника. – Прокопьевск, 1936.
27. Стахановцы Черембаса. Очерки. – Иркутск, 1936.
28. Стеценко, Я. В. Коллектив шахты «Черная гора» в борьбе за досрочное выполнение социалистических обязательств / Я. В. Стеценко, С. И. Дмитриев. – М., 1953.
29. Угольная промышленность Кузбасса 1721 – 1996. – Кемерово, 1997.
30. Угольный Кузбасс: страницы истории. – Кемерово, 2005, 2007.
31. Федорович, И. И. Роль Кузнецкого бассейна в промышленности Союза / И. И. Федорович // Кузнецкий бассейн и Урало-Кузнецкая проблема. – Харьков, 1926.
32. Халиулина, А. А. Изучение истории угольной промышленности Кузбасса в литературе 20-х – 30-х гг. / А. А. Халиулина // Угольная промышленность и горняки Кузбасса. – Кемерово, 1984.
33. Экономические проблемы развития Сибири. – Новосибирск, 1974; Очерки экономики Сибири. – Новосибирск, 1980; Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе. – Новосибирск, 1980 и др.
34. Экономическая история Сибири XX века. – Ч. 1. – Барнаул, 2006.
35. Экономическая история Сибири XX – начало XXI в. – Барнаул, 2009, 2012.

Информация об авторе:

Заболотская Калерия Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, 58-40-16, whitesiberia.narod.ru.

Kaleria A. Zabolotskaya – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

УДК [94(571.1/5+470.5):323.73:351.74:336.22]''1918/1919''

ПРИВЛЕЧЕНИЕ МИЛИЦИИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ К СБОРУ НАЛОГОВ С НАСЕЛЕНИЯ НА УРАЛЕ И В СИБИРИ (1918 – 1919 гг.)

С. П. Звягин

INVOLVEMENT OF THE ANTI-BOLSHEVIK GOVERNMENTS POLICE IN COLLECTING TAXES FROM THE POPULATION IN THE URALS AND SIBERIA (1918 – 1919)

S. P. Zvyagin

Для успешного ведения войны нужны огромные деньги. Антибольшевистские правительства на территории Урала и Сибири привлекали для этой цели налоги. К их сбору активно привлекалась милиция. Жесткие меры властей вызвали недовольство крестьян. Это стало одной из причин поражения белого движения в этом регионе.

Successful waging of war required a lot of money. Anti-Bolshevik governments on the territory of the Urals and Siberia collected taxes for this purpose. They actively involved the police in this process. Hard measures of the authorities caused dissatisfaction of the peasants. It became one of the reasons for the defeat of the White Movement in the region.

Ключевые слова: налоги, милиция, антибольшевистские правительства, Урал, Сибирь, Гражданская война.

Keywords: taxes, police, anti-Bolshevik government, the Urals, Siberia, Civil war.

Отечественных историков до сих пор занимает вопрос о причинах поражения белого движения на востоке России. Одной из них А. В. Иванов [18, с. 5 – 27], Н. П. Шуранов [36, с. 74] и М. Г. Суслов называют жесткое, даже жестокое взимание налогов, сборов и недоимок. В свое время профессор М. Г. Суслов даже воскликнул: «Чем думали лидеры Белого движения, когда в несколько раз увеличивали налоги на крестьян, требовали погашения недоимок за 1916 – 1918 гг.?» [34, с. 276].

Общеизвестно, что война – это очень затратное дело. Наполеон в свое время заявил, что для ведения войны нужно всего три вещи: «Деньги, деньги и еще раз деньги».

Деньги у лидеров восточной контрреволюции были. Летом 1918 г. противникам большевиков в Казани достался так называемый золотой запас Российской империи. Его общая стоимость равнялась 645410 тыс. 619 золотых руб. При аресте А. В. Колчака было описано ценностей из этого «запаса» на общую сумму 409625 тыс. 870 золотых руб. Нетрудно посчитать, что разница составляет 236 млн руб. золотом. Нет сомнений, на что эти деньги были потрачены. Следует учитывать и то, что печатный станок Экспедиции заготовления государственных бумаг оказался в распоряжении большевиков [2, с. 9, 59].

Однако денег все равно не хватало. Их не доставало не только для ведения боевых действий против Красной армии. Даже в условиях Гражданской войны противники большевиков выполняли определенные социальные обязательства. Речь идет о выплате жалования учителям и преподавателям средних специальных и высших учебных заведений, работникам учреждений культуры, медицинскому персоналу. Выдавались пенсии, пособия солдаткам, жалование служащим государственных органов власти и местного самоуправления [33, с. 132 – 224].

Традиционным источником пополнения государственной казны оставались налоги. На территории востока России, которую контролировали противники

большевиков сложилась тяжелая ситуация с их сбором. Особенно это касалось сельского населения. Крестьяне воспользовались тем, что власти часто менялись и отказывались платить «временщикам». К сожалению, об этом мало что известно. Даже в специальной монографии красноярского историка О. Ф. Гордеева об этом нет ни слова [3]. В то же время выплата налогов и недоимок серьезно сказывалась на финансовом положении крестьян.

На территории востока России (Урал, Сибирь) в годы Гражданской войны (1918 – 1919 гг.) сложилась тяжелая криминогенная ситуация [16]. Самым приближенным к населению правоохранительным органом оставалась милиция. Именно ее чины приняли на себя основную часть заботы о защите жизни, здоровья, чести и доброго имени, имущества населения. Тем не менее чины милиции получали большее количество поручений, не имевших отношения к их профессиональной деятельности [17, с. 50 – 57].

Уже 5 июля 1918 г. товарищ министра финансов Временного Сибирского правительства Н. Д. Буяновский обязал милицию оказывать земским и государственным податным органам содействие в сборе налогов [32, с. 66]. Временное областное правительство Урала заявило, что оно незамедлительно «восстановит действие налогового аппарата и примет решительные меры по взысканию всех недоимок» [10, л. 1].

Во многих случаях крестьяне по этому вопросу имели собственное мнение. В начале 1919 г. чины милиции доносили, что население ряда сел и деревень Верхнеудинского уезда отказывается их платить. В феврале 1919 г. Забайкальское областное земское собрание, заседавшее в Чите, не только констатировало, что население «не будет платить налогов», но и назвало две причины этого явления. По мнению земцев, это происходило потому, что крестьяне не знают куда эти деньги «пойдут» и население «ждет твердой власти» [25, л. 58; 27, № 19]. Об отказе населения платить налоги и подати говорили 7 февраля 1919 г. на

совещании управляющих уездами Акмолинской области управляющие Акмолинским, Атбасарским, Кокчетавским и другими уездами [20, л. 2 – 7].

31 марта 1919 г. в станице Хорошенькой Каркаралинского уезда Семипалатинской области состоялся сход крестьян. Его участники решили не платить налоги и сборы. Более того, они заставили «удалиться» из станицы помощника начальника уездной милиции [13, л. 289].

Любопытное мнение по названной теме было высказано в частном письме директора Тобольской казенной палаты управляющему Курганским уездом. В нем говорилось о том, что по сбору налогов союзники будут судить о поддержке режима снизу [7, л. 4-4 об.]. Это мнение является верным, но несколько категоричным. Были и другие показатели популярности власти.

В. А. Кадейкин писал о том, что крестьяне, отказываясь платить недоимки, вносить различные сборы, лишали финансовой поддержки сибирское правительство [22, с. 62]. В конечном итоге это верно. Однако, во-первых, сбор налогов и податей был хотя и значительной, но далеко не единственной доходной статьей бюджета антибольшевистских режимов. Во-вторых, надо еще доказать то, что не уплачивая налоги, крестьяне преследовали именно эту цель. На наш взгляд, они делали это из-за безденежья.

В поиске способа заставить сибиряков выплачивать налоги власти не были оригинальны. 7 сентября 1918 г. всем участковым начальникам милиции Курганского уезда было предписано «немедленно принять меры к оказанию содействия волостным земским управам по взысканию с населения податных сборов» [6, л. 45].

19 октября 1918 г. по приказу начальника Новониколаевской городской милиции его помощник Коркусенко был откомандирован в городское самоуправление в качестве комиссара по сбору городских недоимок. Ему в помощь были направлены 2 конторщика и 3 милиционера. Однако 9 мая 1919 г. это поручение было отменено как «неутвержденное» высшими властями [14, л. 1 – 3, 7 об.].

В выполнении этого поручения местные власти придерживались разных степеней настойчивости. Управляющий Якутской областью Соловьев 18 января 1919 г. писал управляющим уездами и начальникам милиции: «В виду наблюдаемой неуспешности поступления податных сборов, штрафов и других казенных взысканий, а равно земских сумм, предлагаю принять все зависящие от вас законные (! – С. 3.) меры... к своевременному и безнедоимочному взысканию всех следующих с населения платежей» [29, с. 101].

Управляющий Пермской губернией дал указание управляющим Пермским, Чердынским, Соликамским, Оханским, Осинским, Кунгурским уездами «через посредство чинов милиции принять все зависящие (! – С. 3.) меры к успешному взысканию поземельных сборов за 1918 – 1919 гг. и недоимки за 1916 – 1917 гг.» [11, л. 47]. 5 февраля 1919 г. управляющий этой уральской губернией откровенно заметил, что поземельные сборы за 1918 – 1919 гг. взимаются чинами милиции слишком корректно [35, л. 31].

Омский уездный комиссар считал, что остается только одно – «выколачивать деньги у граждан силой». Для этого активно привлекалась милиция [21, л. 202].

К тем, кто противился уплате налогов, применялись репрессии. 20 декабря 1918 г. в Абанской волости Канского уезда Енисейской губернии за призыв не платить налогов милиционеры арестовали Старостенко [5, л. 1].

Для более успешного сбора налогов Новониколаевская городская управа обратилась с предложением к управляющему Томской губернией Б. М. Михайловскому. Она просила откомандировать четырех милиционеров для сбора податей и налогов. Управляющий губернией согласился на это, но при условии, если милиционеры будут получать содержание от управы. Оговаривалось, что деньги следует вносить сразу и за 6 месяцев вперед [31, 31 мая].

О масштабах привлечения милиционеров в помощь податным органам говорит следующий факт. Начальник 2-го района Тобольской уездной милиции доносил уездному комиссару о том, что все милиционеры, которые имеются в его распоряжении, в настоящее время заняты каждый в своем участке борьбой с дезертизмом. Главным же образом, признавал он, они оказывают содействие по сбору податей и повинностей из-за отказа населения вносить их добровольно [15, л. 186 – 187].

Своим путем пошел Шадринский уездный комиссар. 23 января 1919 г. он дал распоряжение всем начальникам милиции помогать податным органам. Речь шла об изъятии через опись и продажи имущества. Это предусматривала норма ст. 290 «Общего положения о крестьянах» [35, л. 27].

13 апреля 1919 г. управляющий Забайкальской областью С. А. Таскин приказал начальникам милиции городов и уездов ежемесячно доносить ему размер собранной суммы денег, сколько не собрано и сколько еще осталось собрать [26, л. 28].

Начальник Новониколаевской городской милиции 9 августа 1919 г. рапортовал управляющему Томской губернией Б. М. Михайловскому о том, что «К неисправимым же применяются энергичные принудительные меры милицией и общественными сходами, в результате чего достигается желательная цель» [8, л. 1, 4].

Усилия милиции приносили свои плоды. Так, в Енисейской губернии к концу 1918 г. удалось «взять» около 70 % казенных налогов [23, с. 28]. Управляющий Иркутской губернией П. Д. Яковлев своим приказом от 13 февраля 1919 г. объявил благодарность Ангарской аймачной милиции за энергию и распорядительность в деле взыскания казенных и земских налогов [19, 18 марта]. В самом Иркутске в апреле – мае 1919 г. городская милиция собрала 500 тыс. руб. казенных налогов и сборов [30, 18 июня].

С переходом милиции в ведение МВД в Новониколаевской уездной милиции значительно вырос сбор налогов и недоимок [24, 20 сент.]. В самом Новониколаевске за июль – август 1919 г. было взыскано казенных сборов 163094, городских сборов – 47516 руб. [28, с. 46].

Исполнявший обязанности министра внутренних дел В. Н. Пепеляев 15 апреля 1919 г. выразил благодарность управляющему Тюкалинским уездом, начальнику и чинам уездной милиции за полный сбор налогов и недоимок [12, л. 186].

Однако усилия властей, поддержанные милиционерами, не увенчались решающим успехом. К январю 1919 г. с крестьян Тарского уезда власти «выколотили» (так в документе – С. 3.) оброчной и поземельной подати в размере 240237 руб. Предполагалось получить 380826 руб. По Верхнеудинскому уезду Забайкальской области, включавшему 36 волостей и 1 станцию, на 1919 г. были начислены подати в размере 1965054 руб. За год было собрано 393524 руб. Причем в Малокуналейской волости не было собрано ни копейки [1, с. 276; 25, л. 58].

Таким образом, если в Тарском уезде удалось собрать 63, то в Верхнеудинском только 20 % от положенного. В своем рапорте управляющему Томской

губернией от 1 ноября 1919 г. начальник Новониколаевской городской милиции самокритично признал, что налоги взыскиваются слабо, у милиционеров мало времени, но определенный рост поступлений все-таки есть [28, с. 46].

По сообщению начальника Новониколаевской городской милиции по состоянию на июль – август 1918 г. недовольство крестьян росло [28, с. 46]. Позиция крестьян могла выражаться не только так. 18 – 28 октября 1918 г. в Мариинском уезде Томской губернии проходило Чумайское восстание. Как показал впоследствии лесничий В. Москаленко, одной из причин выступления было прибытие отряда из 80 милиционеров. Одной из его задач являлся сбор налогов и недоимок [14, л. 32-32 об.]. Действия обеих сторон отличались большой жестокостью [4, с. 102 – 105].

Очевидно, что жесткие меры властей по сбору налогов и недоимок стали катализатором недовольства крестьянства и мотивировали его на сопротивление.

Литература

1. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии: сб. док. мат. – Свердловск, 1967. – 430 с.
2. Будницкий, О. В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото 1918 – 1957 / О. В. Будницкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 512 с.
3. Гордеев, О. Ф. Аграрная политика временных государственных образований в Сибири в период Гражданской войны (1918 – 1920 гг.) / О. Ф. Гордеев. – Красноярск: СибГТУ, 2005. – 282 с.
4. Горелов, Ю. П. Восстание Чумайское // Историческая энциклопедия Кузбасса / Ю. П. Горелов. – Познань: Штам, 1996. – Т. 1. – С. 102 – 105.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 245. Оп. 1. Д. 1726.
6. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 852. Оп. 1. Д. 44.
7. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 852. Оп. 1. Д. 53.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П. 5. Оп. 4. Д. 1487.
9. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П. 5. Оп. 4. Д. 768.
10. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 328. Оп. 1. Д. 2.
11. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 746. Оп. 1. Д. 3.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 176. Оп. 2. Д. 46.
13. Государственный архив Семипалатинской области Республики Казахстан (ГАСО РК). Ф. 120. Оп. 1. Д. 29. Материал любезно предоставлен С. В. Селиверстовым (Астана, Республика Казахстан).
14. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р. 1362. Оп. 1. Д. 78.
15. Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске (ГАТОТ). Ф. 512. Оп. 1. Д. 105.
16. Звягин, С. П. Правоохранительная политика Колчака / С. П. Звягин. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. – 352 с.
17. Звягин, С. П. Привлечение сибирской милиции к выполнению несвойственных ей функций в годы Гражданской войны (1918 – 1919 гг.) / С. П. Звягин // Актуальные вопросы гуманитарно-правовых и социально-экономических исследований: сб. науч. тр.; гл. ред. А. И. Щербаков. – Кемерово: КузИЭП, 2009.
18. Иванов, А. В. Воля случая или историческая закономерность? Размышления о причинах поражения белого движения в Гражданской войне / А. В. Иванов // Белая армия. Белое дело: исторический научно-популярный альманах. – №. 12; науч. ред. Н. И. Дмитриев. – Екатеринбург, 2003.
19. Иркутские земские ведомости. 1919.
20. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 215.
21. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 715. Оп. 7. Д. 228.
22. Кадейкин, В. А. Гражданская война в Сибири / В. А. Кадейкин // Историография Советской Сибири (1917 – 1945 гг.). – Новосибирск, 1968.
23. Логвинов, В. К. В борьбе с колчаковщиной / В. К. Логвинов. – Красноярск: Кн. изд-во, 1980. – 287 с.
24. Народная Сибирь (Новониколаевск). – 1918.
25. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 310.
26. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. Р. 634. Оп. 1. Д. 1.
27. Наш путь (Чита). – 1919.
28. Никитин, А. Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью: учебное пособие / А. Н. Никитин. – М.: Моск. ин-т МВД РФ, 1995. – 77 с.
29. Петров, П. У. Установление Советской власти в Якутии / П. У. Петров. – Якутск, 1957. – 285 с.

30. Правительственный вестник. – Омск, 1919.
31. Русская речь. – Новониколаевск, 1919.
32. Рынков, В. М. Налоговая политика контрреволюционных правительств Сибири // Власть и общество в Сибири в XX в. – Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы Гражданской войны / В. М. Рынков. – Новосибирск, 1997.
33. Рынков, В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.) / В. М. Рынков. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2008. – 440 с.
34. Суслов, М. Г. Причины поражения белого движения в гражданской войне (Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток) / М. Г. Суслов // Гражданская война на востоке России: материалы Всерос. науч. конф. г. Пермь, 25 – 26 ноября 2008 г.; под ред. О. Л. Лейбовича [и др.]. – Пермь: ПГАНИ, 2008.
35. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 123.
36. Шуранов, Н. П. Почему крестьяне отвернулись от Колчака / Н. П. Шуранов // История «белой» Сибири: тез. науч. конф., 7 – 8 февраля 1995 г.; под ред. С. Ф. Фоминых, С. П. Звягина, В. А. Матвиенко. – Кемерово: ИУУ, 1995.

Информация об авторе:

Звягин Сергей Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, 8(384-2)58-40-16, whitesibera@narod.ru.

Sergey P. Zvyagin – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

УДК: 94(571).084.3

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКО-КОЛОНИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СИБИРИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х ГОДОВ

(по материалам газеты «Советская Сибирь»)

А. Ю. Карпинец

SOME PROBLEMS OF INMPLEMETING RESETTLEMENT AND COLONIZATION POLICY IN SIBERIA IN THE FIRST HALF OF THE 1920s

(as reveled in «Soviet Siberia» newspaper)

A. Yu. Karpinets

В настоящей статье, созданной в основном по материалам газеты «Советская Сибирь» выявляются некоторые из основных проблем и раскрываются особенности реализации переселенческо-колониционной политики в Сибири в период первой половины 1920-х гг.; раскрываются отдельные вопросы организации, законодательного и финансового обеспечения процессов переселения и ходачества в Сибирь в указанный период; производится оценка эффективности осуществления первой советской переселенческо-колониционной кампании 1924/1925 г.

Анализ материалов сибирской периодической печати по теме исследования позволил выявить непосредственную реакцию властных структур и общества на реализацию переселенческой политики правительства, отразить основные направления деятельности органов власти по претворению в жизнь переселенческо-колониционного законодательства, определить и раскрыть, прежде всего, «болевые точки» переселенческого движения первой половины 1920-х гг. В результате удалось прийти к ряду выводов, не получивших должного отражения в исследовательской литературе.

Революционные преобразования 1917 – 1919 гг. в России не решили проблемы аграрного малоземелья в центральных губерниях страны, и новая верховная власть была вынуждена реагировать на массовые бесконтрольные перемещения крестьян. Кропотливая работа по изучению вопроса, нормативно-правовое обеспечение организации миграционных процессов, ряд предварительных работ первой половины 1920-х гг. подготовили активную переселенческо-колониционную программу второй половины 1920-х – начала 1930-х гг.

К существенным недостаткам первой советской переселенческо-колониционной кампании 1924/1925 г. в Сибири можно отнести незначительность её финансового обеспечения, несвоевременный перевод денежных средств на места, ограниченность административного аппарата по организации и обслуживанию переселенческого движения вследствие чего оказался слабо подготовленным колониционный фонд, плохо организованы процессы предварительного осмотра участков вселения, перемещения переселенцев и их водворения на новом месте.

Произведённое автором исследование позволило приблизиться к реконструкции некоторых актуальных проблем и особенностей реализации советской переселенческо-колониционной политики на начальном этапе, что может углубить знания по объекту исследования и способствовать внесению определённых дополнений и корректив в изучение проблемы.

Basing on the materials of the «Soviet Siberia» newspaper, the paper focuses on the main problems and features of implementing the resettlement and colonization policy in Siberia in the first half of the 1920s, as well as some issues of the organization, legislative and financial security of processes of resettlement and to Siberia during the specified period; the efficiency of the first Soviet resettlement and colonization campaigns of 1924 – 1925 is assessed.

The analysis of the Siberian periodicals materials devoted to this topic allowed to reveal the reaction of the authorities and the society to the implementation of the government's resettlement policy, to reflect the main activities of the authorities for implementing the resettlement and colonization legislation, and to define and outline primarily the «sore points» of the resettlement movement of the first half of the 1920s. As a result, some conclusions were made, which hadn't received due reflection in research literature.

Revolutionary changes of 1917 – 1919 in Russia didn't solve the problem of agrarian shortage of arable land in the central provinces of the country and the authorities were compelled to react to mass uncontrolled movements of peasants. Proper elaboration of the problem, providing legal support for implementing the process of resettlement, and a number of preliminary activities of the first half of the 1920s prepared the active resettlement and colonization programme of the second half of the 1920s – early 1930s.

The pitfalls of the resettlement and colonization campaign of 1924 – 1925 in Siberia were: low financial security; delays in money transfers to destinations, limited administrative facilities for organizing and servicing the resettlement movement. As the result, the colonization fund was poorly prepared, preliminary explorations of resettlement sites were badly implemented, movement of immigrants and their settlement in new places were badly organized.

This study facilitated some the reconstruction of some actual problems and features of realization Soviet resettlement and colonization campaigns at the initial stage, which our deepen knowledge of the researched object and promote introduction of certain amendments to studies of this problem.

Ключевые слова: история Сибири первой половины 1920-х годов, организация, законодательное и финансовое обеспечение процессов переселения и хо́дачества в Сибирь, проблемы колонизации Сибири, оценка эффективности осуществления первой советской переселенческо-колонизационной кампании 1924/1925 года.

Keywords: history of Siberia of the first half of the 1920s, organization, legislative and financial security of the processes of resettlement to Siberia, problems of colonization of Siberia, assessment of efficiency of the first Soviet resettlement and colonization campaigns of 1924 – 1925.

Революция 1917 г. в России не решила аграрный вопрос, сохранив проблему крестьянского малоземелья, а кровопролитная гражданская война, унёсшая жизни более десятка миллионов человек, тем не менее, не способствовала предотвращению перенаселения деревни черноземных губерний. С победным завершением основных боёв на фронтах гражданской войны перед новой властью встала задача восстановления курса переселенческо-колонизационной политики, достаточно успешно осуществлявшегося в период конца XIX – начала XX в и частично решавшего обозначенные проблемы.

Осуществлявшиеся в период 1917 – 1919 гг. крестьянские миграции, по сути, никак не регулировались и слабо контролировались государственной властью. В Сибирь в указанное время двигались те, кто, ликвидировав хозяйство на родине, и, зачислив за собой земельный участок в Сибири, на свой страх и риск осуществляли переселение, а также в основном нищие и обездоленные массы населения. Подобные миграции зачастую носили временный, вынужденный характер, целью которых было не столько создание на месте водворения прочного, крепкого хозяйства, сколько элементарное выживание.

Подавляющее число переселенцев периода 1917 – начала 1920-х гг. представляло собой совершенно разорённые хозяйства, не обладавшие ни деньгами, ни сельскохозяйственным инвентарём. Таких переселенцев нельзя было назвать «твёрдым колонизационным элементом», который требовался государству. В то же время власти были вынуждены оказывать содействие десяткам тысяч голодающих, которые двигались в Сибирь из местностей, которые постигли неурожай, преимущественно из Поволжья [7]. С целью должной

организации соответствующих переселений создавались специальные комитеты и тройки. Органы государственной власти способствовали размещению и трудоустройству прибывавших масс [4].

В 1920 г. Народным комиссариатом земледелия (Наркомземом) были разработаны «Правила об организации хо́дачества и переселения на государственный колонизационный Фонд Р. С. Ф. С. Р.». Согласно документу переселение на государственный колонизационный фонд РСФСР и процесс выявления земли для переселения посредством хо́дачества допускался только с разрешения уездных земельных отделов. Наркомат земледелия определял время начала и пути следования хо́даческого и миграционного движения, а также районы водворения новосёлов.

Закон также обозначал категории потенциальных новосёлов, к которым относил, во-первых, трудящихся, не получивших земельного обеспечения по месту жительства, объединённых с целью более эффективного поселения на новом месте в коллективы (артели и товарищества), а во-вторых, в исключительных случаях отдельных семей трудящихся. Желаящие отправиться на переселение должны были подать заявление в местный уездный земельный отдел, в котором обязаны были обозначить причины переселения, численный состав группы или семьи, её хозяйственное и имущественное положение, наконец, место предполагаемого водворения.

Уезмотделы, удостоверившись в основательности хо́датайства, при наличии общего разрешения на миграцию в данном году и из данной губернии, должны были выдавать уполномоченным представителям хо́даческие удостоверения, формировать группы хо́даков и организованно отправлять их на осмотр плани-

руемого места вселения и зачисление за собой конкретных земельных участков. Вернувшись на родину, потенциальные новосёлы для получения переселенческого удостоверения, должны были передать в пользование волгоотдела имеющиеся полевые и усадебные участки, а также получить вознаграждение за постройки и не подлежащий перемещению инвентарь. После этого осуществлялась перевозка переселенцев до места водворения без права возвращения на прежние места [3].

Таким образом, официальное переселение касалось не всех категорий граждан, было обставлено массой ограничений, к тому же не предполагало никаких льгот, поэтому подавляющее число мигрантов следовало в Сибирь без официального разрешения, размещались там, где хотели, в случае неуспеха предпринятия могли вернуться назад. Нелегальные миграции широких масс населения, безусловно, вносили хаос в стройность государственного порядка. В Сибири заселялись самые плодородные и обжитые области, где возникала та же самая угроза малоземелья, как и в центральной России, с другой стороны Сибирь располагала огромными пространствами необустроенных земель, после определённой подготовки, вполне пригодных для заселения и хозяйственного освоения. Поэтому власти вынуждены были озаботиться должной организацией процесса массовых перемещений населения центральных губерний за Урал.

В начале 1921 г. Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР утверждалось: в основание всего сибирского хозяйства должен быть положен, прежде всего, сельскохозяйственный план, поскольку сельское население Сибири составляло до 90 %, а доход от сельскохозяйственной деятельности более чем в 3 раза превышал доход от промышленности. Поэтому первоначально советской властью предполагалось сделать Сибирь продовольственной и сырьевой (а не промышленной) базой России. Причём большое значение придавалось росту миграционного движения из регионов центральной России за Урал с целью решения продовольственных проблем и преодоления нужд земельной недостаточности российского крестьянства. В связи с этим предполагалась организация мероприятий по подготовке земельного фонда восточных окраин страны [9].

Планы правительства были сорваны начавшимися в стране массовым голодом и эпидемиями. С целью предотвращения распространения эпидемии холеры постановлением Совета народных комиссаров (СНК) от 21.06.1921 г. запрещалось выдавать разрешения на переселение в Сибирь [20]. Таким образом, действие «Правил...» 1920 г. автоматически приостанавливалось, и, вплоть до 6 июля 1925 г. официально переселение было закрыто. Тем не менее, осуществлялась определённая подготовительная работа с целью более качественной постановки переселенческого дела и государственного регулирования миграционных мероприятий. Для определения приоритетных направлений реализации переселенческой и землеустроительной политики в Сибири летом 1922 г. прошла Сибирская земельная конференция, в ходе которой были намечены основания будущей переселенческо-колонизационной кампании, как то, например, замена сти-

хийного перемещения крестьян за Урал планомерной организацией процесса, создание особого аппарата для эффективной организации колонизационных мероприятий, установление имущественного ценза для переселенцев и др. [13]

Одна из резолюций конференции требовала прекратить практику стихийных и неконтролируемых миграций и поручить Сибземуправлению при содействии губземуправлений в течение второй половины 1922 г. разработать и представить «общесибирский хозяйственный план колонизации» [7]. Таким образом, с этого времени начинается активное изучение вопроса, организуется деятельность по проведению землеустроительных работ в Сибири, а также мероприятий по устройству массы скопившегося «неприписного» населения [16].

Указанные правительственные мероприятия способствовали появлению и быстрому распространению слухов о возобновлении процесса организованных переселений, прерванного революционными потрясениями. В связи с этим в Наркомзем начинают поступать массовые заявления о переселении. Кроме того, значительное число граждан приезжает в Москву с целью получения разрешения на переселение, многие отправляются на переселение без всякого разрешения.

С целью прекращения несанкционированных переселений и для информирования местных земельных органов Наркомзем на страницах газеты «Беднота» от 27 мая 1923 г. за № 1525 публикует объявление под заголовком «Переселение пока не открыто. Выдача разрешений на ходячество не допустимо», которым запрещало губернским и уездным земельным органам выдачу документов, разрешающих ходячество или переселение, а также предупреждало нелегальных мигрантов, об отсутствии со стороны государства какого бы то ни было содействия [18].

Следует отметить, что запреты не помогали. Несмотря на сотни «обратников» и запретные увещевания правительства нелегальная миграция в Сибирь была достаточно распространённым явлением. Крайняя степень земельной нужды и буквально бедственное положение крестьян на родине способствовали распространению слухов о «сибирской земле обетованной» и массы крестьян «срывались» и нелегально осуществляли переселение в Сибирь. Само собой разумеется, нелегальная миграция являлась источником социального напряжения в Сибири и установление государственной властью контроля за миграционными потоками представлялось явлением крайне необходимым [12].

Только с середины 1920-х гг. правительству удалось в какой-то степени восстановить программу реализации системы колонизационно-переселенческих мероприятий. Официально переселение в Сибирь было открыто декретом Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) от 6 июля 1925 г. «Об открытии планового переселения в районы Поволжья, Сибири и Дальне-Восточной области» по которому в Сибири разрешалось переселяться на территорию Омской, Новониколаевской, Томской, Иркутской и Енисейской губерний [15].

Таким образом, снова были поставлены задачи создания в Сибири прочных крестьянских хозяйств и вовлечения в сельскохозяйственный оборот пустующих земель. Первоначально предполагалось допускать к переселению только состоятельные семьи, имеющие материальное обеспечение не менее 800 руб. на хозяйство [19, с. 142], что требовалось для:

- а) подготовки переселенческого участка к сельскохозяйственному использованию;
- б) приобретения живого и мёртвого инвентаря и хозяйственного оборудования;
- в) возведения жилых и хозяйственных построек;
- г) обеспечением продовольствием семьи переселенца не менее чем на год со дня переезда;
- д) оплаты переезда и провоза скота и кладки по льготному тарифу...» [11, с. 45] и пр.

Впоследствии, после крушения радужных надежд правительства на наличие большого количества состоятельных переселенцев, и, напротив, наплыва малоимущих крестьян, 30 июля 1926 г. постановлением президиума ЦИК СССР понижалась величина требуемого от новосёлов уровня материальной обеспеченности до 600 руб. на семью и увеличивались размеры государственного ссудного кредитования мигрантов [10, с. 132].

К концу 1924 г. Наркомзем СССР разрешил посылку ходоков в Сибирь для осмотра и зачисления свободных земельных участков. Первые ходоки прибыли в Сибирь в феврале 1925 г., когда ещё лежал снежный покров, и осмотреть земельный участок было невозможно по объективным обстоятельствам. Прибывшие ходоки, не имея возможности осмотреть предложенные им участки, произвели зачисление земель «на веру» местного населения. Впоследствии многие из этих участков были забракованы, и прибывшие с семьями переселенцы вынуждены были отказываться от зачисленных участков и подыскивать себе новые, пригодные для хозяйствования земли, обрекая семью на дополнительные временные трудности. Это была одна из первых ошибок первой советской переселенческой кампании.

Совместно с «плановыми» переселенцами в Сибирь по сложившейся традиции «хлынули» и «самовольцы». Самовольное переселение практиковалось и прежде, но никогда оно не было столь массовым, как в первый год советского планового переселения. Так, уже к маю 1925 г. самовольческое движение стало принимать настолько угрожающие размеры, что возникла необходимость принять экстренные меры для его сдерживания. Тем не менее, Главные земельные управления губерний, всех принимая, по возможности устраивали их на переселенческие и запасные участки.

«Массовое самовольство» было связано со следующим:

- во-первых, спрос на переселение, который сдерживался в предшествующие 1917 – 1924 гг., намного превысил разрешённый размер переселения (50 тыс. человек);
- во-вторых, предъявляемое к новосёлам требование имущественной состоятельности заставляло их уклоняться от легального переезда;
- в-третьих, открытие свободы миграции в Сибирь явно запоздало и многие желающие переселить-

ся легально, отчаявшись в получении официального разрешения, отправлялись в путь без наличия такого, наконец, государственная власть не смогла предложить выгодных для крестьян условий для переезда.

Заведующий Томским главным земельным управлением (ГЗУ) Антипов писал также о не осведомлённости переселенцев с законодательством в области переселенческой политики государства [1, с. 6]. В общем, всё это в совокупности привело к значительному преобладанию «самовольных» переселенцев над «плановыми» в период переселенческой кампании 1925 г.

Общий размер переселенческого движения 1925 г. (по состоянию на 1 сентября) выразился в цифре 78188 человек, из которых «плановых» было 12547 чел. (22 %), «самовольных» – 57044 чел. (78 % /!), ходоков «плановых» – 1533 чел. (21 %), ходоков «самовольных» – 7064 чел. (79 % /!). Таким образом, можно констатировать факт: уже к середине переселенческо-колониционной кампании 1925 г. формальное задание центра на переселение и устройство в Сибири 50 тыс. переселенцев было выполнено на все 100 %.

Следует заметить, приведёнными в таблице официальными статистическими данными далеко не исчерпывается земленаделение самовольных новосёлов, так как зачастую они, прибыв в Сибирь, по крайней мере, на первых порах пользовались землёй без её зачисления через земельные органы. Также стоит учесть, что хотя по официальным сведениям к началу кампании 1925 г. колониционный фонд был рассчитан на 148 тыс. «едоков», на самом деле многие из участков были слабо подготовлены для заселения, вследствие чего новосёлы вынуждены были отказываться от зачисленных за ними участков, подыскивая более выгодные варианты. Всё это свидетельствует о том, что реальную картину происходивших событий при анализе официальных источников восстановить можно лишь крайне приблизительно.

С целью снижения остроты социальных противоречий в колонизируемых местностях местные органы государственной власти, заинтересованные в скорейшем разрешении проблемы, вынуждены были принимать меры и идти на определённые уступки в деле земленаделения новосёлов. Так, в частности, с целью удовлетворения спроса на землю под переселение были предоставлены некоторые доходные статьи из госземимущества, «в которых не было заинтересованности местного населения». Наиболее широко практиковалось зачисление на государственные земельные имущества по Щегловскому уезду Томской губернии.

Всего же из госземимущества в колониционный фонд было передано свыше 50 тыс. десятин на 7656 едоков. Кроме того, значительная часть переселенцев по распоряжению местных земельных органов власти определялась в старожильческие селения «в порядке доприселения на выявленные земельные излишки» (!). Каким образом выявлялась степень «излишества» – это отдельный и непростой вопрос.

Таким образом, стоит отметить, что колониционный фонд первой советской переселенческо-колониционной кампании был подготовлен весьма слабо. Бюджет на заготовку колониционного фонда

был более чем скромнен и составил в 1925 г. всего лишь 11880 руб., что было значительно меньше, чем на подобного рода мероприятия расходовали в царской России, столь критикуемой новой властью. Причём на обозначенный кредит были в основном проведены работы по изысканию земельных излишков в старожильческих селениях и на уже освоенных переселенческих участках. Нужно учесть, что данный источник пополнения земельных ресурсов под нужды переселения в 1925 г. уже фактически иссяк и в дальнейшем колонизационные работы неизбежно должны были развернуться на таёжных и болотистых (урманных) пространствах Сибири, что потребовало бы гораздо больших финансовых затрат.

Для обслуживания переселенческого движения в 1925 г. в Сибири было открыто 10 переселенческих пунктов: Омский, Новониколаевский, Юргинский, Томский, Щегловский, Барановский, Ачинский, Красноярский, Канский и Иркутский. На их оборудование и содержание из госбюджета было отпущено 23795 руб., на питание переселенцев – 12 тыс. Незначительность выделенных денежных средств, а также запоздалый (6 июня) их перевод на места, когда миграционная кампания была уже в самом разгаре, не позволили надлежащим образом оборудовать открытые переселенческие пункты, а потому большинство из них были лишь условно пригодны для пребывания в них переселенческого контингента. Так, только Омский, Томский, Тулуновский и Иркутский пункты имели специальные помещения, остальные же размещались либо в наскоро приспособленных временных помещениях, либо в вагонах.

Медико-санитарное обслуживание переселенцев по мере их следования в Сибирь осуществлялось органами Народного комиссариата здравоохранения (Наркомздрава), размещавшихся по линии путей сообщения. Несмотря на не вполне благоприятные условия содержания переселенцев на пунктах, эпидемических заболеваний в кампанию 1925 г. не было, (повезло!). Размещение новосёлов в местах водворения производилось агентами по водворению Наркомзема, которых по всей территории Сибири было всего лишь 11 человек [17, с. 2 – 3].

Таким образом, следует отметить: «переселенческий» фонд Сибири требовал значительно более серьёзной подготовки. В период 1896 – 1916 гг. все более удобные для заселения земли были выбраны под переселение, в 1917 – 1924 гг. никаких значительных мероприятий по подготовке новых земель не проводилось. Заведующий Томским Главным земельным управлением (ГЗУ) Антипов свидетельствовал о полной неизученности заселяемых земель органами Наркомзема. Так, он писал: «полное незнание Наркомземом и аппаратами губзема на местах колонизационного фонда создаёт такое положение, когда переселенцы, попав на свой участок, немедленно же начинают оттуда бежать» [1].

Сибирь ко времени её «советской колонизации» располагала свободными землями, расположенными преимущественно в таёжной зоне или безводной степи, в большинстве случаев без дорог, ирригационных сооружений и развитой бытовой и социальной инфраструктуры, удалённые от рынков сбыта и железной

дороги. Одним словом, существующий фонд был малопригоден для немедленного заселения, что и подтвердилось во время кампании 1925 г., которая во многом, по нашему мнению, была авантюрой вследствие низкой степени её подготовленности.

Проблемами реализации переселенческо-колонизационной политики в Сибири Наркомзем начал вплотную заниматься лишь с 1923/1924 г. и вплоть до формирования общегосударственной сметы на 1925 г. не было однозначной и окончательной определённости по вопросу миграционной политики. Не было чётко продуманного плана действий, отсутствовали обоснованное планирование и детальная организация колонизационных мероприятий. Переселенческая кампания 1925 г. в большей степени походила на эксперимент, нежели на научно обоснованное государственное предприятие.

Всё это привело к тому, что твёрдое и однозначное задание по губерниям Наркомземом через Сибзему управление было дано только в конце 1924 г. Причём плановые показатели впоследствии вольно и существенно редактировались. Например, первоначально Томскому ГЗУ было дано задание принять и разместить на территории губернии 5 тыс. переселенцев, аппарат губземуправлений не был подготовлен к приёму мигрантов, не только «самовольных», но и «плановых». В своей критической статье ответственный за организацию переселенческо-колонизационного дела в Томской губернии дал крайне нелицеприятную оценку общей постановки кампании 1925 г. В частности, он, отмечал, что для нормального приёма переселенцев не было главного – денег.

Таким образом, следует признать, что первая советская, во многом «экспериментальная», переселенческая кампания 1924/1925 года, которую намеревались провести в основном за счёт собственных средств переселенцев, провалилась во многом по причине низкого уровня материальной обеспеченности подавляющей массы новосёлов, и нужно было срочно изыскивать средства для проведения более эффективной кампании следующего года. Отсутствие необходимых финансовых и кадровых ресурсов – одна из главных проблем первых советских переселенческих кампаний. К примеру, для оборудования переселенческого земельного фонда было запланировано проведение мелиоративных работ, на осуществление которых в 1925 г. требовалось полмиллиона руб. Причём из них 3,5 % предполагалось оплатить из средств местных бюджетов, 14 % – из госбюджета, а 82,5 % (!) – из средств населения, кооперируемого в мелиоративные товарищества [6, с. 9].

Подобного рода расклад был не мыслим в условиях столыпинского переселения, когда подавляющая и значительная масса финансовых средств отпускалась именно из государственного бюджета, а персонал переселенческих организаций на местах был достаточен для проведения широкомасштабных колонизационных работ [4]. Следует заметить, что подобного же рода проблема была характерна и для первоначальных переселенческих кампаний 1906 – 1909 гг., но, к сожалению, советские организаторы и проводники политики «порвали с прошлым» и отказались от ис-

пользования предшествующего опыта, а значит, вынуждены были вновь совершить те же самые ошибки.

Финансовую несостоятельность государственной власти в переселенческом деле дополняли сами переселенцы, поскольку их подавляющая масса представляла собой деревенскую бедноту, не способную стать «твёрдым колонизационным элементом». Уровень материального достатка новосёлов ярко характеризует фраза одного из десятков тысяч подобных ему переселенцев. Так, на вопрос о причинах смены места жительства и самовольного прибытия в Анжеро-Судженский район он ответил: «Всё равно с голоду пришлось бы помирать. На полутора десятинах не поработаешь. Дополнительных заработков нет никаких. Ложись да на воду дуй!» [8, с. 7].

В общем, первый блин оказался таким, каковым ему быть и положено. Всё это способствовало многократному преобладанию «самовольных» переселенцев в общей массе переселенческого потока. Не внушала дополнительного оптимизма и кампания 1926 г. В качестве примера, возьмём ситуацию в Енисейской губернии. Так, к 1 августа 1925 г. в губернии было зачислено 2329 семей с 15194 «едоками». Из них «плановых» переселенцев было 1738 семей с 11719 «едоками», «самовольцев» – 591 семья с 3475 «едоками». Более всего новосёлов (887 семей) было определено в Хакасский уезд, меньше – в Минусинский, который вследствие недостатка свободных земель было решено в 1926 г. закрыть для переселения. Минусинский корреспондент газеты «Сибирская жизнь» со слов работника губернского управления земельных улучшений свидетельствовал, что «переселение по-прежнему идёт самотёком, и остановить его почти не представляется возможным... Едут сюда в одиночку, семьями, а нередко и посёлками, и самовольно расселяются по уезду предполагая, что с занятой земли не прогонят. Приехавшие, случайно устроившись, обычно пишут на родину о минусинском привольном житье-бытье, тем самым порождая новую переселенческую волну... Это вносит большую путаницу и ненужный хаос в процесс землеустройства, создаёт естественную вражду между коренным и пришлым населением. Кроме того, в некоторых районах, вследствие самовольного расселения, значительно сократилась подушная посевная площадь. Так, например, в Субботниковском районе вместо 5 – 7 дес., теперь приходится «на нос» не более 3,5 дес. пахотной земли» [2, с. 6]. Стоит отметить, что подобная же ситуация была характерна и для других районов Сибири.

К концу 1925 г. по подсчётам местного земельного управления пригодного для заселения колонизационного фонда оставалось в Ачинском уезде на 15 «едоков» 112 десятин и в Красноярском (вместе с упразднённым Енисейском) уезде на 6483 едоков в размере 45493 дес. В связи с этим из Сибземуправления губернскому земельному управлению было выслано 2000 руб. на подготовку колонизационного фонда и уведомление о направлении в 1926 г. на территорию Енисейской губернии 20 тыс. человек. К концу сентября 1925 г. на выявление и оборудование колонизационного фонда в губернии была выделена дополнительная, уже более существенная сумма в размере 25 тыс. руб. [5, с. 4].

Нельзя сказать, что не было попыток решения проблем реализации переселенческо-колонизационной политики. В центре и на местах кипела работа по выявлению недостатков и планированию колонизационных мероприятий. В частности, дискуссионные вопросы практической реализации переселенческой политики обсуждались на совещаниях представителей главных земельных управлений сибирских губерний. В прениях по докладам о проведении землеустройства и переселения в Сибири приоритетное внимание отводилось вопросам организации землеустроительной сети, финансового обеспечения работ и общих условий переселения. Общее одобрение получили мнения о необходимости качественного совершенствования переселенческого дела.

Высказывались предположения о том, что необходимо как минимум удвоить количество участковых землеустроителей, понизить стоимость землеустроительных работ, финансируя часть средств на землеустройство из бюджета, признавалось необходимым содержание за счёт госбюджета административно-землеустроительного аппарата, что, предположительно снизило бы до 50 % стоимость работ. Указывалось на важность принять решительные меры к прекращению самовольных переселений, дестабилизирующих переселенческий процесс, отмечалось в качестве первоочередных мероприятий земельных органов устройство неприписанного населения, производство внутригубернского расселения некоторых районов, детальное исследование колонизационного фонда и его оборудование, а уж затем приём переселенцев [14, с. 10].

Конкретная реализация обозначенных мероприятий зависела от политической воли проводников переселенческо-колонизационной политики, финансовых возможностей государства и совокупности других факторов, которые следовало учитывать при планировании дальнейшего освоения территории Сибири.

Таким образом, можно констатировать факт, что революционные преобразования не решили проблемы аграрного малоземелья в центральных губерниях страны и власти были вынуждены реагировать на массовые бесконтрольные перемещения крестьян. Работа по изучению вопроса, нормативно-правовое обеспечение организации процесса переселения, ряд предварительных подготовительных работ первой половины 1920-х гг. подготовили активную переселенческо-колонизационную программу второй половины 1920-х – начала 1930-х годов.

К существенным недостаткам первой советской переселенческо-колонизационной кампании 1924/1925 г. в Сибири можно отнести незначительность её финансового обеспечения, несвоевременный перевод денежных средств на места, ограниченность административного аппарата по организации и обслуживанию переселенческого движения вследствие чего оказался слабо подготовленным колонизационный фонд, плохо организованы процессы предварительного осмотра участков вселения, перемещения переселенцев и их водворения на новом месте. Незамедлительное решение обозначенных проблем стало одной из главных задач следующей кампании [22, с. 88 – 91].

В целом же следует отметить, что переселенческо-колониционная политика периода 1920-х гг. являлась логичным продолжением аналогичной политики 1896 – 1916 гг., по сути дела решая одни и те же задачи фактически одинаковыми методами. Причём период первой половины 1920-х гг. являлся подгото-

вительным по отношению к развернувшимся с середины 1920-х гг. переселенческо-колониционным кампаниям, продолжавшимся вплоть до начала 1930-х гг., когда произошла смена форм и методов колонизации Сибири.

Литература

1. Антипов. Большой вопрос. Статья заведующего Томским ГЗУ тов. Антипова // Советская Сибирь. Ежедневная газета Сибирского краевого Комитета РКП (б), Сибревкома, Новониколаевского Округа и Окрисполкома. – Четверг. – 2 июля. – 1925 года. – № 148 (1687).
2. В. Ц. Что дало землеустройство. От нашего минусинского корреспондента // Советская Сибирь. Ежедневная газета. – Среда. – 25 ноября. – 1925 года. – № 270 (1809).
3. Действия и распоряжения правительства // Советская Сибирь. – 1920. – № 180 (251) (13 авг.). – Л. 4.
4. Карпинец, А. Ю. Финансирование колониационного процесса в Томской губернии в 1896 – 1916 гг.: дис. ... канд. ист. наук / А. Ю. Карпинец. – Кемерово: КемГУ, 2003.
5. Ключе, А. Переселение в Енисейскую губернию. Письмо из Красноярска / А. Ключе // Советская Сибирь. Ежедневная газета. – 18 октября 1925 года. – Воскресенье. – № 239 (1778).
6. Мелиорация Сибири. Сибирское мелиоративное совещание // Советская Сибирь. Ежедневная газета. – 26 апреля 1925 года. Воскресенье. – № 95 (1634).
7. Нужда в области немцев Поволжья // Советская Сибирь. – 1921. – № 228 (588) (20 окт.). – Л. 3.
8. Обский, С. Переселение на риск. От нашего томского корреспондента / С. Обский // Советская Сибирь. Ежедневная газета. – 30 июля 1925 года. – Четверг. – № 172 (1711).
9. Основные положения сельскохозяйственного плана в Сибири // Советская Сибирь. – № 10 (379) (16 янв.). – Л. 3.
10. Переселенческое дело: сб. декретов и распоряжений по переселению / под ред. М. А. Большакова. – М., 1927.
11. Правила по колонизации и переселению // Переселенческое дело: сборник декретов и распоряжений по переселению / под ред. М. А. Большакова. – М., 1927.
12. Сергеев, С. Первоочередные задачи переселения / С. Сергеев // Советская Сибирь. – 1922. – № 142 (792) (29 июня). – Л. 1.
13. Сибирская земельная конференция // Советская Сибирь. – 1922. – № 146 (796) (4 июля). – Л. 3.
14. Сибирское земельное совещание. Прения по докладам о землеустройстве и переселении // Советская Сибирь. – Среда. – 25 апреля 1925 года. – № 97 (1636).
15. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. – 1925. – Отдел I. – № 49. – Ст. 371.
16. Старков, П. Землеустройство и колонизация в Сибири / П. Старков // Советская Сибирь. – 1923. – № 117 (1064) (31 мая). – Л. 6.
17. Старков, П. Как идёт колонизация Сибири / П. Старков // Советская Сибирь. Ежедневная газета. – Суббота. – 26 января 1925 года. – № 220 (1759).
18. Старков, П. Переселение пока не открыто. Выдача разрешений на ходачество недопустимо / П. Старков // Советская Сибирь. – 1923. – № 187 (1134) (23 авг.). – Л. 2.
19. Условия для переселения в Сибирь и на Дальний Восток // Переселенческое дело: сборник декретов и распоряжений по переселению / под ред. М. А. Большакова. – М., 1927.
20. Действия и распоряжения Советской власти // Советская Сибирь. – 1921. № 173 (533) (16 авг.). – Л. 4.
21. Советская Сибирь. – 1921. – № 167 (527) (9 авг.). – Л. 3.
22. Подробнее об этом см.: Карпинец, А. Ю. Проблемы и особенности реализации в Сибири переселенческо-колониационной кампании 1924/1925 года: материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2012 года / под ред. А. Н. Глушкова. – Кемерово, 2012. – Вып. 4.

Информация об авторе:

Карпинец Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири Института экологии человека СО РАН, 8(384-2)58-40-16, noi@history.kemsu.ru, naukarpinets@mail.ru.

Aleksey Yu. Karpinets – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University; researcher at the Laboratory for the History of Southern Siberia, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the RAS.

УДК 94:327(262.81) «1990/2000»

**ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО СТАТУСА КАСПИЙСКОГО МОРЯ
В ОТНОШЕНИЯХ ПРИКАСПИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В 1990 – 2000 гг.**

М. Г. Леухова, А. Е. Пьянов

**THE ISSUE OF THE LEGAL STATUS OF THE CASPIAN SEA
IN THE CASPIAN STATES' RELATIONS IN 1990 – 2000**

M. G. Leukhova, A. E. Pianov

В статье рассматриваются вопросы раздела и статуса Каспийского моря, основные позиции прикаспийских государств относительно разрешения спорных ситуаций. Выявляются основные проблемы правового статуса Каспийского моря и процесс их решения.

The article focuses on the issues of division of the Caspian Sea and its status. The main positions of the Caspian states on the matter come to light. The main problems of legal status of the Caspian Sea and the process of their solution are revealed.

Ключевые слова: Каспий, правовой режим, правовой статус, кондоминиум, прикаспийские государства, эскалация.

Keywords: the Caspian Sea, legal structure, legal status, condominium, Caspian states, escalation.

Ситуация в бассейне Каспийского моря сложилась вследствие конфликта интересов вокруг крупных запасов нефти и газа в этом районе. Прибрежные государства оказались глубоко втянутыми в споры вокруг правового режима Каспийского моря, а также по вопросу делимитации национальных экономических зон и секторов. Сегодня продолжают дискуссии по поводу возможных путей транспортировки углеводородов из района Каспийского моря на мировые рынки. Главным условием предотвращения эскалации трений может стать скорейшее достижение соглашения относительно правового статуса Каспийского моря, приемлемого для всех прибрежных государств.

Позиция Российской Федерации заключается в том, что Каспий представляет собой особый внутриконтинентальный водоем, на который не распространяется в полной мере ни Конвенция ООН по морскому праву, ни общепринятые в международной практике принципы раздела озер. «Каспийское море, не имея естественного соединения с Мировым океаном, представляет собой уникальный внутриконтинентальный водоем, который с международно-правовой точки зрения не может рассматриваться ни как море, ни как озеро. На него не может быть распространено действие Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.» [13, с. 198].

В результате договоров с Ираном РФ длительное время придерживалась мнения о невозможности раздела Каспия. Так, в 1995 году на совещании в Тегеране Россия представила свой проект соглашения, базировавшийся на принципе общего достояния в отношении Каспийского моря [11, с. 55 – 56]. Главным требованием РФ было признание ресурсов Каспийского моря объектом совместного использования (кондоминиум), а все вопросы деятельности, включая освоение ресурсов Каспия, должны были, по данному соглашению, решаться с участием всех прикаспийских государств. В качестве механизма по реализации этих усилий предполагалось создание региональной организации по сотрудничеству. При этом РФ исходила из необходимости сохранения на Каспии преду-

смотренных советско-иранскими договорами принципов свободы судоходства для прибрежных государств и свободы рыболовства, за исключением 10-мильной прибрежной зоны, которая резервировалась за рыболовными судами соответствующего прибрежного государства. Относительно раздела энергетических ресурсов дна Каспийского моря установка РФ заключалась в следующем: создание совместной акционерной компании, состоящей из прикаспийских стран. Это, по мнению российского руководства, позволило бы не делить дно Каспия между прикаспийскими государствами [15, с. 60].

Официальная позиция РФ по вопросу правового режима Каспийского моря была выражена, в частности, на Международной конференции «Каспий: правовые проблемы», на которой спецпредставитель Президента Российской Федерации В. Калюжный заявил: «Считали и считаем, что правовой статус у Каспийского моря есть. Он определяется Договором между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией от 26 февраля 1921 года и Договором о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном от 25 марта 1940 года. Установленные этими договорами режимы свободы судоходства и рыболовства (в последнем случае – за исключением десятимильной прибрежной зоны), запрет на плавание судов под флагами некаспийских стран продолжают действовать и должны строго соблюдаться. Это в равной мере относится и к «старым», и к «новым» прикаспийским государствам, главы которых вместе со своими коллегами из других государств – участников СНГ заявили в Алма-Атинской декларации от 21 декабря 1991 года, что гарантируют выполнение международных обязательств, вытекающих из договоров и соглашений бывшего СССР» [8, с. 13].

К концу 1990-х гг. позиция российского руководства меняется: МИД РФ заявляет о необходимости раздела дна между прикаспийскими государствами по так называемой «средней линии», которая идет от существующих сухопутных границ. 6 июля 1998 г.

данная установка России закреплена в двустороннем соглашении с Казахстаном («О разграничении дна северной части Каспийского моря с целью соблюдения суверенного недропользования»). В результате переговоров между Россией, Казахстаном и Азербайджаном к 2003 г. стороны договорились о разделе северной части Каспия на национальные сектора по методу срединной линии [21, с. 75].

Следует отметить, что, подписывая двусторонние договоры, страны должны учитывать действующий в международном праве принцип эстоппель, включающий принципы добросовестности и взаимности, последовательности в поведении государств. Противоречивость в поведении последних ведет к нестабильности в международных отношениях и подрывает доверие субъектов международного права друг к другу [7]. Однако законодательные акты, регулирующие притязания государств в отношении Каспийского моря фактически нарушают принцип эстоппель. Это подтверждается тем, что прикаспийские государства, с одной стороны, признают действие договоров 1921 г. и 1940 г., с другой же – действия их (за исключением Ирана) расходятся с положениями данных документов. Как показывает международная практика, заключение сепаратных соглашений о разделе дна, в том числе в целях осуществления суверенных прав в отношении недропользования, может привести к тому, что некоторые государства попытаются распространить свои права, например, и на поверхлежащие воды [20, с. 161 – 162].

Анализируя положения политики РФ в отношении Каспийского моря, можно сделать следующий вывод. Раздел ресурсов дна Каспийского моря по срединной линии приведет к следующим пропорциям: Иран – 14 %. Россия – около 19 %, Азербайджан – более 19 %, Казахстан – более 29 %, Туркмения – более 19 % [9]. При этом РФ продолжает настаивать на невозможности деления на зоны поверхности Каспия, а спорные месторождения, например между РФ и Казахстаном, должны делиться в пропорции 50х50 [6].

В целом позиция России может быть охарактеризована словами из статьи В. И. Калюжного: «Подход России к формированию нового статуса Каспийского моря гибок и прагматичен. Россия готова договариваться со всеми странами. Однако если нет возможности договориться одновременно со всеми, мы будем ориентироваться на двусторонние договоренности. Это наша позиция. Это позиция большинства прикаспийских государств» [10].

Исламская Республика Иран решает вопрос о статусе Каспия на основе кондоминиума. В данном случае каждое прикаспийское государство будет иметь свою национальную зону, остальная же часть Каспия станет общей для прибрежных государств.

Во второй половине 1990-х гг. позиция Ирана существенно меняется: Иран готов признать либо принцип установления 20-мильного лимита, либо принцип полного раздела Каспия на национальные зоны, либо принцип предоставления Ирану 20 % всех доходов от эксплуатации каспийских ресурсов. При этом, признавая, что прикаспийские государства не располагают возможностями самостоятельного освоения морских месторождений, Тегеран настаивал на том, что они

должны сначала пригласить к участию в этом процессе на равнодолевой основе (по 20 %) другие прибрежные государства и только после их отказа привлекать компании третьих стран. (При отсутствии такого режима любое прикаспийское государство имело право начать разведку и разработку углеводородных ресурсов в любой точке Каспия [2]). Таким образом, Иран, выдвигая как предпочтительный принцип кондоминиума, не исключает полный раздел Каспийского моря, но в отличие от России предлагает другой принцип раздела дна моря [3].

Одна из трактовок позиции Ирана содержалась в выступлении министра иностранных дел Камала Харрази: «Наша основная позиция была и остается такой: отменить все эксклюзивные деления прибрежного водного пространства с тем, чтобы большая часть моря, являющегося общим достоянием всех прибрежных государств, могла бы использоваться на основе равноправного кондоминиума. Тем не менее, чтобы облегчить наш путь к согласию, мы готовы пойти на переговоры о юридическом режиме, основанном на разделе моря на секторы. Но для такого деления Каспийского моря следует использовать следующие принципы:

- 1) принцип единогласия при принятии любых соглашений;
- 2) принцип равных прав прибрежных государств во всех вопросах – от суверенитета до использования морских ресурсов, ресурсов дна и недр моря;
- 3) принцип единого юридического режима, распространяющегося на все море;
- 4) принцип запрещения двойного режима;
- 5) принцип беспрепятственного и недискриминационного прохода судов;
- 6) принцип превращения Каспийского моря в демилитаризованную зону и принцип использования его только в мирных целях;
- 7) приоритет должен быть отдан принципу охраны окружающей среды Каспийского моря и принятию соответствующих мер;
- 8) принцип ответственности по отношению к Каспийскому морю, который не ограничивается какими-то временными рамками. Мы должны создать такие условия, чтобы будущие поколения могли пользоваться ресурсами моря для своего экономического развития» [24, с. 66 – 72].

Таким образом, позиция Ирана существенно отличается от позиции РФ в решении вопросов, касающихся статуса Каспийского моря. Иранское руководство не считает легитимными двусторонние соглашения России с Азербайджаном и Казахстаном. В экспертном сообществе существует мнение, что попыткой затянуть переговорный процесс по статусу Каспия иранское руководство пытается добиться большей доли при разделе дна моря, т. к. при предлагаемых Ираном принципах раздела моря его запасы нефти и газа могут вырасти более чем в 2 раза. Запасы углеводородов в миллиардах тонн условного топлива делятся между прикаспийскими государствами в зависимости от правового статуса Каспия следующим образом: России при ее береговой линии в 695 километров достается 2 миллиарда тонн, а по «срединной линии» – 2,34 миллиарда; Азербайджану при его

850 километрах берега – 4 или 2,84 миллиарда тонн, Казахстану с 2320 километрами побережья – 4,5 или 2,84 миллиарда, Туркмении с 1200 километрами – 1,5 или 2,14 миллиарда, а Ирану с его 900 километрами берега – 0,5 или 1,94 миллиарда тонн. Собственное законодательство страны запрещает правительству заключать соглашения, ухудшающие его международное положение или наносящие ущерб экономическому или политическому потенциалу. В связи с этим раздел моря по срединной линии для Ирана «невозможен», т. к. это нанесет урон экономике страны.

Позиция другой прикаспийской страны – Туркменистана также претерпевает изменения. В первой половине 1990-х гг. туркменское руководство рассматривало Каспий как внутренний водоем-озеро, к которому не могут быть применены категории и принципы международного морского права и отдельные разделы на национальные секторы. Во второй половине 1990-х гг. руководство Туркменистана выступило за так называемый секторальный раздел Каспийского моря, что засвидетельствовано в интервью Президента Туркменистана С. Ниязова: «До сих пор режим Каспия определялся договорами между Советским Союзом и Ираном, море было поделено между этими странами. Изменение геополитической ситуации обусловило новое соотношение интересов в Прикаспийском регионе и необходимость выработки новых подходов к определению статуса Каспия. Большинство прикаспийских стран сегодня придерживаются секторального варианта раздела Каспия. Туркменистан устраивает и такой принцип, как устраивала и преобладавшая ранее концепция кондоминиума. Однако в связи с практическими шагами, предпринятыми рядом прикаспийских государств и связанными с разработкой углеводородных ресурсов на море, этот принцип утратил свое значение. Главное для нас в обоих случаях, чтобы в полном объеме были учтены интересы всех прибрежных государств, чтобы сотрудничество на Каспии строилось на основе взаимопознания, равноправия и взаимной выгоды. Каспий должен быть морем согласия, а его богатства – достоянием всех прибрежных государств, каждое из которых имеет право на равновеликую часть водоема» [17].

Метод Туркменистана можно условно назвать «широтным». Суть данной позиции заключается в том, что поскольку акватория Каспийского моря между Азербайджаном и Туркменистаном вытянута в направлении меридиана, то справедливым станет проведение границы между точками, взятыми на серединах отрезков, соединяющих берега противолежащих государств в широтном направлении.

Мнение Туркменистана в отношении раздела Каспийского моря можно назвать противоречивым. С одной стороны, на протяжении 1990-х – 2000-х гг. официальные представители Туркменистана несколько раз заявляли, что они не против предложенного Ираном принципа раздела по 20 %, с другой – нередко высказывали мнение о необходимости «широтного» раздела. В заявлениях 2000-х гг. руководство Туркменистана признает возможность раздела Каспия по принципу срединной линии.

В отличие от Туркменистана руководство Азербайджана длительное время выступает за принцип раздела моря по срединной линии. Принятая в 1995 г. новая Конституция Азербайджана прямо говорит о правах государства на принадлежащий ему сектор Каспийского моря и воздушное пространство над ним (ст. 11) [23]. Такая установка Азербайджана обусловлена прежде всего их экономическими интересами.

В начале 2000-х гг. позиция Азербайджана претерпевает изменения, что отразилось в Совместном заявлении Российской Федерации и Азербайджанской Республики о принципах сотрудничества на Каспийском море, подписанном В. В. Путиным и Г. Алиевым в Баку 9 января 2001 г. В соответствии с принятым документом предлагается «на первом этапе разграничить дно Каспийского моря между сопредельными и противолежащими государствами на секторы (зоны) на основе метода срединной линии, проводимой с учетом равноудаленных точек и модифицированной по договоренности сторон». Кроме того, «стороны согласились, что за каждым из прибрежных государств в образуемом в результате такого раздела секторе (зоне) будут признаваться исключительные права в отношении минеральных ресурсов и другой правомерной хозяйственно-экономической деятельности на дне» [22]. Особо следует отметить, что если Азербайджан при разделе моря на национальные секторы имеет в виду их как части суверенной территории прибрежных государств, то Россия говорит об установлении на дне Каспийского моря не территориальной, а ресурсной юрисдикции. В целом же позиция Азербайджана в решении вопроса о статусе Каспия имеет много общего с принципами, предложенными РФ.

Проследивая изменения взглядов Казахстана на проблему статуса Каспийского моря, отметим, что первоначально руководство республики придерживалось того принципа, что Каспийское море – это озеро и его необходимо четко разделить на национальные секторы. Длительный процесс переговоров и неуступчивость прикаспийских государств привели к тому, что в 1995 году Казахстан выступил за компромиссный вариант. Как подчеркнул Президент Нурсултан Назарбаев, Казахстан занял «промежуточную позицию, предлагая секторальный подход в отношении дна и недр и принципы общего пользования для судоходства, рыболовства, воздушного пространства, сотрудничества в области охраны окружающей среды» [16].

Позицию Казахстана можно охарактеризовать следующим образом: в ситуации, сложившейся на Каспийском море, можно применить некоторые особенности режимов исключительной экономической зоны и территориального моря, описанные в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и, в соответствии с этим, разделить его дно и недра на национальные секторы, водную поверхность шириной до 12 морских миль признать территориальным морем, выделить рыболовные зоны согласованной ширины, оставшуюся часть моря сделать объектом совместной эксплуатации. Руководство Казахстана призывает прикаспийские страны в разделе Каспийского моря использовать мировой опыт и идти на компромисс [15, с. 60].

Позиция Казахстана была озвучена на Международной конференции «Каспий: правовые проблемы», на которой вице-министр иностранных дел Республики Казахстан А. В. Смирнов заявил: «...в процессе выработки международно-правовых норм, призванных регулировать деятельность прикаспийских государств, продуктивным будет использование как норм международного морского права, так и права и практики эксплуатации международных озер, а также локальной практики на Каспии. Правовой базой указанного процесса международного нормотворчества, по мнению казахстанской стороны, является презумпция наличия суверенных прав на море и на его ресурсы каждого из прикаспийских государств. В процессе же гармонизации прав каждой из сторон мы полагаем правомерным опираться на общий принцип, согласно которому сухопутная государственная территория (включая внутренние воды) является определяющим фактором при установлении прав данного прибрежного государства на прилегающие водные пространства (принцип *land dominates the sea*). Указанный постулат лежит в основе, широко распространенной в международном морском праве и в практике раздела пограничных озер, зависимости суверенных прав прибрежного государства на прилегающие водные пространства от протяженности береговой линии этого государства. Опираясь на указанные основные положения, Казахстан предлагает разделить дно и недра Каспийского моря по срединной линии на национальные участки, установить согласованной ширины прибрежные воды и рыболовные зоны» [5, с. 19 – 20].

Таким образом, на сегодняшний день в решении Каспийского вопроса можно говорить о постепенном сближении позиций нескольких государств: РФ, Азербайджана и Казахстана. Эти государства готовы определить статус Каспийского моря и поделить его на национальные секторы, базируясь на принципе срединной линии, оставляя акваторию в общем пользовании. Проблемной сегодня является позиция Ирана, настаивающего на равном разделе моря.

Значительные запасы нефти и газа, имеющиеся в Каспийском регионе, прежде всего в Азербайджане, Казахстане и Туркменистане, являются наиболее доступными альтернативными энергоресурсами для Европы, тем не менее для транспортировки природного газа в необходимых количествах инфраструктура региона нуждается в существенном развитии. Поскольку, как известно, газовых запасов Азербайджана в долгосрочной перспективе недостаточно для удовлетворения европейских потребителей, необходимо осуществить доступ к газовым месторождениям Туркменистана через Каспийское море. Администрация США полагает, что успешная реализация спонсируемых США и ЕС проектов, таких как Набукко и Транскаспийский газопровод, обеспечит необходимую инфраструктуру для поставок туркменского газа через Каспийское море в Европу по трубопроводам в обход России [4]. Однако вопрос о прокладке подводных трубопроводов и кабелей по дну Каспия представляет собой еще один камень преткновения. Страны разделились на два лагеря. Так, Москва и Тегеран считают, что магистральные трубопроводы нужно прокладывать только с одобрения всех прикаспий-

ских стран. Баку, Астана и Ашхабад заявляют, что этот вопрос следует решать в пределах национальной юрисдикции, то есть в пределах своего сектора [14].

Сохраняющаяся сегодня напряженность, вызванная иранской ядерной программой, вновь возникшее обострение отношений между Тегераном и Баку, а также активизация борьбы за доступ к туркменскому газу способствуют милитаризации региона. Увеличились военные расходы прикаспийских государств, выросли расходы на импорт обычных видов вооружения. Разрабатываются программы реформирования вооруженных сил в регионе и развивается оборонно-промышленный потенциал прикаспийских государств [1].

Итак, резюмируя всё вышесказанное, можно сделать вывод, что определение правового статуса Каспийского моря является точкой отсчета для решения большинства проблем данного региона. Принятие соответствующей конвенции, а также различных отраслевых соглашений привело бы к урегулированию правового режима Каспийского моря, определению прав и обязанностей прикаспийских государств, что необходимо для практического использования Каспия, его ресурсов, а также для защиты природной среды.

Статус Каспийского моря, обозначенный в договорах между СССР и Ираном, более не соответствует геополитическим реалиям. После образования в начале 1990-х годов на постсоветском пространстве независимых государств необходимо разработать и принять новый порядок использования богатств Каспийского моря в интересах каждой из прикаспийских стран и других заинтересованных государств, определить правовой статус Каспия, который признавался бы международным сообществом. Таким документом должна стать Конвенция о правовом статусе Каспийского моря.

Обсуждение проблемы правового статуса новых геополитических и общерегиональных условий ведется уже много лет и сегодня не теряет актуальности, поскольку без этого немыслимо согласованное решение большинства общекаспийских проблем, острота которых с течением времени не только не ослабевает, но и продолжает увеличиваться. Урегулирование правового статуса Каспия обязательно должно включать в себя установление как режима недропользования, так и режима судоходства и использования биологических ресурсов, обеспечение сотрудничества государств в решении экологических и гидрологических проблем, а также безопасности трубопроводов, прокладываемых по морскому дну.

Правовая неопределенность Каспия в сочетании с усиливающимся вниманием к региону западных стран и альянсов стимулирует военное строительство прибрежных государств. Нежелательный для пяти прикаспийских государств сценарий заключается в приходе и закреплении в регионе внешних сил – США, НАТО, ЕС, которые не скрывают свой заинтересованности в решении каспийских вопросов. Затягивание решения проблемы правового режима Каспийского моря в среднесрочной перспективе чревато изменением баланса сил в прикаспийском ареале. Внезапно возникшая нестабильность в одном из пяти государств может привести к вмешательству внешних сил в каспийский процесс.

Для разрешения ныне существующих проблем необходима активизация усилий всех прикаспийских государств, в том числе России. После подписания соглашений с Азербайджаном и Казахстаном российский сектор Каспия целиком обозначен, в то время как остальные страны региона втянуты в сложные конфликты по поводу раздела месторождений. Судя по отсутствию результатов переговоров в пятистороннем формате, позиции Ирана и Туркмении, имеющих особый взгляд на раздел моря, Россию уже мало интересуют. Российская часть Каспия отделена от них секторами Казахстана и Азербайджана. В связи с этим Россия потеряла интерес к каспийскому вопро-

су и не проявляет должной инициативы. Кроме того, снизился и уровень дипломатов, занимающихся данным вопросом: если раньше переговоры проводил заместитель министра иностранных дел России В. Калужный, то сегодня эта функция возложена на полномочного представителя.

Интерес прикаспийских стран к нефти и только к нефти не позволяет осознать недопустимость раздельного, несогласованного и бесконтрольного хозяйствования на Каспии. Подобное отношение чревато масштабной экологической катастрофой, расширением присутствия в регионе третьих стран и дальнейшей милитаризацией региона.

Литература

1. Eaton, M. Major trends in military expenditure and arms acquisitions by the states of the Caspian region / M. Eaton // *The Security of the Caspian Sea Region* / ed. by G. Chufirin. SIPRI, Oxford University Press, 2001. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: <http://books.sipri.org/files/books/SIPRI01Chufirin/SIPRI01-Chufirin05.pdf> (дата обращения: 09.03.2012).
2. Iran reiterates 20 percent share in Caspian Sea // *Payvand Iran News*. – 2001. – March 5. – Режим доступа: <http://www.payvand.com/news/01/mar/1026.html> (дата обращения: 02.02.2012).
3. Roberts, J. Energy reserves, pipeline routes and the legal regime in the Caspian Sea / J. Roberts // *The Security of the Caspian Sea Region* / ed. by G. Chufirin. SIPRI, Oxford University Press, 2001. – Режим доступа: <http://books.sipri.org/files/books/SIPRI01Chufirin/SIPRI01Chufirin03.pdf> (дата обращения: 02.02.2012).
4. Marketos, Th. Eastern Caspian Sea Energy Geopolitics: A Litmus Test for the U.S. – Russia – China Struggle for the Geostrategic Control of Eurasia / Thrassy Marketos // *Caucasian Review of International Affairs*. – Winter 2009. – Vol. 3(1). – Режим доступа: http://cria-online.org/6_2.html (дата обращения: 06.03.2012).
5. Выступление А. В. Смирнова на Международной конференции «Каспий: правовые проблемы»: материалы Международной конференции «Каспий: правовые проблемы» // *Международная жизнь*. – 2002. – № 4.
6. Декларация между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о сотрудничестве на Каспийском море. Астана, 9 октября 2000 г. // Президент России: официальный сайт. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/interdocs/2000/10/09/0000_type72067_128392.shtml?type=72067 (дата обращения: 27.01.2012).
7. Каламкьян, Р. А. Этоппель в международном публичном праве / Р. А. Каламкьян. – М., 2001. – С. 3 – 4, 227 – 228.
8. Калужный, В. И. Делим дно – вода общая / В. И. Калужный: материалы Международной конференции «Каспий: правовые проблемы» // *Международная жизнь*. – 2002. – № 4.
9. Калужный, В. И. Медлить с определением статуса Каспия опасно / В. И. Калужный // *Независимая газета*. – 02.10.2001. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2001-10-02/3_kaluzhny.html (дата обращения: 25.01.2012).
10. Калужный, В. И. Политики на Каспии меньше не стало. Теперь она более конструктивна / В. И. Калужный // *Нефтегазовая вертикаль*. – 2002. – № 13.
11. Каспийская нефть и международная безопасность. – Вып. 2 // *Материалы Международной конференции*. – М.: Федерация мира и согласия, 1996.
12. Кепбанов, Ё.А. Правовой статус Каспийского моря и региональная безопасность // *Московский журнал*.
13. Ковалев, А. А. Современное международное морское право и практика его применения / А. А. Ковалев. – М.: Научная книга, 2003.
14. Королев, А. Каспийский муссон. В Москве состоялось очередное заседание «каспийской пятерки» / А. Королев // *ЦентрАзия: сайт*. 22.07.2011. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1311325560> (дата обращения: 06.03.2012).
15. Мамедов, Р. Ф. Конвенция по международно-правовому статусу Каспийского моря – веление времени / Р. Ф. Мамедов // *Каспийский диалог* – 3: мат. Междунар. конф.; под ред. М. Е. Шайхутдинова. – Алматы: ИМЭП, 2008. – Режим доступа: <http://iwep.kz/stariysite/images/document/books%20of%20IWEP/Caspian%20-dialogue-3.pdf>
16. Назарбаев, Н. Как нам поделить Каспий / Н. Назарбаев // *Известия: деловая газета*. – 03.10.2002. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/267931> (дата обращения: 16.02.2012).
17. Ниязов, С. Туркменистан встречает XXI век с надеждой и верой в себя и в человечество / С. Ниязов // *Независимая газета*. – 1998 г. – 20 июня
18. Пустовойтова, Е. Битва за Каспий / Е. Пустовойтова // *СТОЛЕТИЕ: информационное агентство*. 03.09.2011. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/geopolitika/bitva_zh_kaspij_2011-11-03.htm (дата обращения: 06.03.2012).

19. Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря исполняется год // Всемирный фонд дикой природы (WWF). 12.08.2007. – Режим доступа: <http://www.wwf.ru/resources/news/article/3174/part1/> (дата обращения: 01.03.2012).
20. Саваськов, П. В. Правовой режим Каспийского моря / П. В. Саваськов // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России; под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. – М.: МГИМО (У) МИД России; АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); Логос, 2003.
21. Семедов, С. А. Международно-правовой статус Каспийского моря / С. А. Семедов // Обозреватель – Observer. – 2009. – № 4. – С. 75.
22. Совместное заявление о принципах сотрудничества на Каспийском море. 9 января 2001 г. // Президент России: официальный сайт. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2001/01/130538/133273.shtml> (дата обращения: 15.02.2012).
23. Ст. 11 Конституции Азербайджанской Республики // Официальный сайт Посольства Российской Федерации в Азербайджанской Республике. – Режим доступа: http://www.embrus-az.com/az_konstitut.html (дата обращения: 03.02.2012).
24. Харрази, К. Перспективный взгляд на энергетические режимы [Текст выступления на заседании открытия седьмой конференции Центральной Азии и Кавказа] / К. Харрази // Аму-Дарья, Иранский журнал по изучению Центральной Азии и Кавказа. – 2005. – № 17.
25. Экология Каспийского моря находится в критическом состоянии, предупреждают эксперты // PenzaNews: информационное агентство. – 08.02.2012. – Режим доступа: <http://penzanews.ru/opinion/55078-2012> (дата обращения: 01.03.2012).

Информация об авторах:

Леухова Мария Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, 89069263202, chno@kemsu.ru.

Maria G. Leukhova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Contemporary of Russian History, Kemerovo State University

Пьянов Александр Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, 89045706444, alpianov@yandex.ru.

Alexander E. Pianov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Contemporary of Russian History, Kemerovo State University.

УДК 94(571.17)“1965/1991”:656

ОРГАНИЗАЦИЯ СМЕШАННЫХ ПЕРЕВОЗОК В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1965 – 1991 гг.

С. Е. Мишенин

ORGANIZATION OF COMBINED TRANSPORTATIONS IN WESTERN SIBERIA IN 1965 – 1991

S. E. Mishenin

Статья обосновывает необходимость организации смешанных перевозок на уровне регионального руководства, выявляется начало этого процесса в Западной Сибири, основные формы его организации на уровне региона, наиболее активные структуры, работающие в этом направлении.

The paper proves the necessity for combined transportations at the level of the regional authorities. It addresses the beginning of this process in Western Siberia, the main models of its organization at the level of the regional authorities and the most effective structures working in this direction.

Ключевые слова: смешанные перевозки, единый технологический процесс (схема) перевозок грузов, выбор маяка движения, «эффект домино» в организации распространения, институты организации перевозок, «горизонтальные» договорные отношения, координация работы.

Keywords: combined transportations, unified technological process (scheme) of freight transportation, choice of the guide of the process, «knock-on effect» in the organization of dissemination, institutes of organizing transportations, «horizontal» contract relations, coordination of activities.

Одним из резервов повышения уровня грузооборота в СССР стало развитие смешанных перевозок. Их стимулировали многие обстоятельства. Среди них были как естественные (это меридианное направление главных сибирских рек, тогда как основные железнодорожные магистрали имели широтное направление; охват бассейнами водных магистралей практически

всего региона), так и социальные или искусственные (государственная собственность на основные средства производства, плановое регулирование развития, активное развитие – хотя и крайне недостаточное – сети подотраслей транспорта) факторы. В силу этих факторов и технологических особенностей каждой из подотраслей каждая из них занимала свою «нишу» в

транспортном процессе. Комбинирование их преимуществ позволяло компенсировать издержки каждой. Это вело к сокращению общественных затрат на перемещение продукта и уменьшить долю совокупного общественного труда на единицу транспортной продукции [38, с. 24].

Важным видом смешанных перевозок было взаимодействие между дорогами единой государственной системы. Это взаимодействие осуществлялось на основе единой технологии осуществления единой министерской технологии магистральных перевозок. Железнодорожные структуры Западной Сибири объективно находились в центре сети дорог СССР и граничили (на западе) с несибирскими отделениями Свердловской железной дороги, на востоке – с Красноярской железной дорогой, на юго-западе – с дорогами Казахстана (до 1979 г. – с Казахской, а с 1977 г. – с Алма-Атинской).

В условиях общего ведомственного подчинения принципиальных институциональных барьеров не наблюдалось. Здесь была другая проблема: соблюдение графика движения поездов. Это соблюдение, как показывали источники, больше зависело от напряженности движения, от состояния сети магистралей, от «человеческого» фактора исполнения нормативных документов.

Сложнее было дело с отношениями со смежниками перевозочной работы, где приходилось преодолевать межведомственные барьеры. Своеобразие перевозочной работы в этом плане благодаря механизму, запущенному реформой 1965 г., заключалась в том, что государственный план и режим работы советской поздней системы давали лишь общие параметры работы. Принципиально важно: это происходило не на уровне права с соответствующими санкциями, а больше на уровне идеологических установок. Соответственно, структуры, в частности, железнодорожные и связанные с ними, чтобы заработать, вынуждены были искать дополнительные каналы взаимодействия. Проблемой стало согласование действий. В этом заключался механизм недиалектического отказа от административно-командной системы управления. Так формировалась новая система взаимоотношения. Чисто условно ее можно именовать административно-рыночной. При этом первую половину определения отражала практически прежняя управленческая «вертикаль» включающая в себя «вертикали» государства и огосударствленных общественных объединений (КПСС, ВЛКСМ, профсоюзы и т. д.) с «горизонтальными» «перекрытиями» политического ядра – КПСС. Но в отличие от 1930 – 1950-х гг. в духе прозападной практики все активнее проводилась работа по «разграничению» функций каждой их ветвей. Еще раз подчеркиваем: в отличие от западной практики основанием служило не жесткое правовое поле с разнообразными формами соответствующей ответственности, а теоретико-идеологические пожелания. Это не способствовало воспитанию взаимного контроля, а создавало сложную конструкцию политических договоренностей и обязательств, выполнение которых более всего зависело от политической воли. Исполнительское звено в этом контексте оставалось относительно пассивным.

В плавне вышеизложенного среди транспортных линий особый интерес привлекают «смешанные» перевозки – организованное следование груза сначала на одном виде транспорта, а затем организованная передача его для дальнейшего следования на другом. При этом смена грузоперевозчика довольно часто перекладывалась с плановых органов на согласование транспортных ведомств и местной власти.

Для анализа в контексте включения железнодорожного транспорта в горизонтальные связи выберем следующие вопросы:

- организация смешанных перевозок в Западной Сибири в 1965 – 1991 гг.;
- опыт согласования автомобильного и железнодорожного транспорта в Западной Сибири в 1965 – 1991 гг.;
- организация взаимодействия железнодорожного и речного транспорта в Западной Сибири в 1965 – 1991 гг.;
- эффекты и парадоксы смешанных перевозок в Западной Сибири в советской системе хозяйствования в 1965 – 1991 гг.

В этой статье в центр внимания поставим саму организацию смешанных перевозок в Западной Сибири в 1965 – 1991 гг.

На стадии зарождения советской системы перевозок последние планировались из центра (системы совнархозов – наркоматов – министерств – совнархозов). До тех пор, пока объемы перевозок были сравнительно невысоки, пока заработали методы прямого внеэкономического регулирования экономическими процессами, такая система работала. Но усложнение производственного аппарата, роста объемов его работы, стабилизации системы (а она шла через свою либерализацию) и «революция в доходах» создали возможность и потребность в регулировании экономических процессов на местах.

Реформа 1965 г. активизировала сложный процесс стирания межведомственных барьеров. Оформляться новая тенденция стала не сразу. Не случайно чертой организации перевозочного процесса 1970-х гг. стало развитие «горизонтальных» связей между смежниками на транспорте. Спустя 30 лет трудно установить персонального инициатора этого процесса. Но хорошо просматривается структурный организатор – КПСС. Посмотрим, насколько полно и эффективно смогла она выполнить эту функцию.

По всей видимости, логика процесса была такова: сначала появились отдельные факты фрагментарного согласования перевалки грузов с одного вида транспорта на другой, потом система взяла это в свой актив. Функцию координации объективно взяли на себя местные органы КПСС. Это в полной мере проявилось и в Западной Сибири. Насколько этот прием оказался эффективен, посмотрим в этом материале.

С 1962 г. речники и железнодорожники Новосибирска начали работать по единому технологическому процессу. С 1975 г. к ним присоединились автомобилисты в лице автоколонны № 1231. Для улучшения перевозочного процесса и повышения его надежности партнеры совместными усилиями построили сквозную автодорогу, связавшую речной порт и станцию Новосибирск-Товарный [28, с. 1].

Конечно, подобные примеры имели место в других районах страны. Но действенность их была различной, масштабы распространения не столь значительны. И вот здесь сработал «субъективный фактор»: ощущая объективную потребность в такой форме работы, аппарат ЦК КПСС, проанализировав ситуацию на транспорте, выбрал наиболее яркий пример. Так был сформирован повод к активизации процесса.

Это был типичный прием руководства. В нем соединялись различные приемы менеджмента: выбор маяка, создание некоторой пиар-среды, применение «эффекта домино», попутная корректировка действия (до применения «ручного управления»).

На уровне ЦК КПСС в соответствующих постановлениях были зафиксированы магистральные направления: укрепление сотрудничества между моряками, железнодорожниками, автомобилистами и речниками по примеру Ленинградского транспортного узла, Черноморского морского пароходства, Одесско-Кишиневской железной дороги и Одесского областного производственного управления грузового автомобильного транспорта [12, л. 3]. Постановления принимались в 1975 – 1978 гг.

Они были нацелены на экономию транспортных средств путем завершения перевода железнодорожного транспорта на электрическую и дизельную тягу, механизации погрузочно-разгрузочных работ и согласованной работы разных видов транспорта и тем самым оптимизацию транспортных перевозок [17, л. 24, 91; 18, л. 50 – 54].

В порядке его исполнения региональные областные, краевые комитеты КПСС на своих заседаниях рассмотрели его и в соответствии со своими региональными особенностями приняли свои соответствующие решения [4, л. 19 – 20]. Для организации таких связей требовались серьезные усилия хотя бы потому, что «штатными» инструкциями 1960 – 1980-х гг. были определены далеко не все параметры. Жизнь рождала свои проблемы.

Вопросы об оптимизации схем перевозки товаров стали занимать все больше времени в работе органов власти на местах, особенно обкомов и облисполкомов. Это были довольно специфические вопросы как на уровне управленческих структур, на уровне работников-исполнителей, на уровне создания взаимодополняемых машин и оборудования [5, л. 5]. Он был нацелен на экономию транспортных средств путем механизации погрузочно-разгрузочных работ и согласованной работы разных видов транспорта и тем самым оптимизацию транспортных перевозок [17, л. 24, 91; 18, л. 50 – 54].

Для их решения вполне органично (в условиях неразвитости свободных «горизонтальных» договорных отношений) подходили структуры КПСС, профсоюзов, ВЛКСМ. Ядровым звеном была КПСС, используя свое положение в советской политической системе, она встала на путь образования «неуставных» структур. Так, при Междуреченском горкоме КПСС был образован координационный совет по добыче, отгрузке и транспортировке угля, по борьбе с перепростоями подвижного состава [29, л. 90]. Выход нашли в организации межведомственных комиссий по рационализации перевозок. Такая комиссия и была

создана, например, при Кемеровском областном комитете Совета депутатов трудящихся [5, л. 5].

Практика соревнования смежников по перевозке оформилась так. В Томской области обком КПСС разрабатывал программу развития перевозок. На очередной год заключали договор. В нем обычно были пункты о технологии перевозочной работы: создание укрупненных маршрутов для речных транспортировок грузов. Под такой способ попадали пиломатериалы, разборные деревянные дома, каменный уголь, сборный железобетон. Отдельные позиции были связаны с увеличением перевалки грузов по прямому варианту (вагон – судно или судно – вагон). Общий объем такого способа перевалки превышал 60 % общего объема грузовой работы. Договорами предусматривалась организация единых сквозных диспетчерских смен на Новосибирском и Томском транспортных узлах [25, с. 1; 15, с. 3 – 7].

Развернулось соревнование для организации слаженной работы смежников в Алтайском крае – строителей, станций, хлебоприемных пунктов, предприятий промышленного железнодорожного транспорта, Барнаульского речного порта [35, л. 74].

Бийский узел, сочетавшие в себе железнодорожный, речной и автомобильный виды транспорта, применял опыт работы Ленинградского транспортного узла. В плане взаимодействия этих видов и оптимизации затрат на базе Бийского речпорта в межнавигационный период 1978 – 1979 гг. была организован филиал городской товарной станции по разгрузке вагонов [32; 29; 30].

Специфической формой работы партийных органов была координация работы железнодорожников и их смежников. В Алтайском крае, например, таковыми были Алтайское отделение Западно-Сибирской железной дороги и Крайсельхозуправление, предприятия Быстроистокского и Поспелинского районов [33, л. 13].

Кемеровский обком КПСС утвердил областную координационную комиссию по транспорту под председательством 2-го секретаря обкома КПСС. Предметом ее работы были определены такие направления, как согласование деятельности всех видов транспорта, сокращение простоя транспортных средств, обеспечение их сохранности, укрепление трудовой дисциплины, организация и контроль над выполнением постановлений ЦК КПС и Совета Министров СССР по вопросам развития смешанных перевозок. Заседания проводились 1 раз в квартал [4, л. 19 – 20].

В ответ Новокузнецкий горком КПСС Кемеровской области 10 ноября 1978 г. рассмотрел вопрос о реализации постановления, обратил внимание на необходимость строго соблюдения установленных схем грузопотоков, на взаимодействие с автомобильным транспортом, на необходимость участия в этом и органов народного контроля. В Новокузнецкой городской парторганизации выполнение постановления было возложено на транспортный отдел горкома КПСС [3, с. 77 – 79].

В условиях потери таких действенных рычагов, как политизации бездействия на личном уровне и уровне организаций, слабых возможностях экономического стимулирования работы, в Омске пошли по

испытанному пути. С 1978 г. станции Омск-пассажирская и Карбышево-1 работали по единой технологии с Омским портом 7 месяцев в году. Это означало слаженную работу по перевалке грузов с вагонов на баржи и суда в речном порту и транспортировку их к месту назначения обычно вверх по Иртышу и Оби [19, л. 13 – 14]. Решением 17 июля 1979 г. бюро Омского обкома КПСС была образована новая административная надстройка. Выход нашли в образовании Комиссии по координации работы транспорта при обкоме КПСС [20, л. 22 – 25]. Весной Иртышское речное пароходство для бесперебойного следования контейнеров закрепило специальные суда. Но полной согласованности в работе между железнодорожниками и речниками достичь не удалось. Простои сохранились, грузооборот замедлялся, а штрафы не помогали [21, л. 13 – 16].

Удалось создать единую технологическую цепь в зоне действия Ленинского и Кировского районов г. Омска, Омского речного порта, железнодорожных станций Омск-пассажирская и Карбышево-1. Это позволило производительность труда поднять в 1,5 раза. В период навигации 1979 – 1980 гг. в порту выгружалось до 38 тыс. вагонов, простой вагонов снижался на 0,6 часа. Это позволило освобождать до 5 тыс. вагонов [19, л. 13 – 14]. Доля контейнерных перевозок в 1980 г. Поднять на 143 %. За годы X пятилетки с железнодорожного на автомобильный транспорт перебросить до 202,6 тыс. т грузов [19, л. 14].

В авангарде этого процесса шла смена № 1 станции Омск-пассажирская, где маневровым диспетчером работал С. Антонов и старший приемосдатчик З. Бурузная и бригада портовых рабочих Э. Зифермана, сменная бригада Кировского грузового района Н. Скуратова, экипажи «Рейдового-655», РТ-667, РТ-177 [2, с. 1].

Для координации работы железнодорожного, речного и автомобильного транспорта, обеспечения согласования их работы 28 апреля 1978 г. Омский обком КПСС и областной исполнительный комитет Совета народных депутатов образовали специальную комиссию по координации работы железнодорожного, речного и автомобильного транспорта под председательством 1-го председателя исполкома областного Совета народных депутатов В. А. Карпенко. В составе комиссии из 11 членов были заведующий промышленно-транспортным отделом обкома КПСС В. Н. Гусевым и начальником Омского отделения Западно-Сибирской железной дороги Р. А. Бикбавовым, начальник областного транспортного (автомобильного) управления, начальник Иртышского речного пароходства [22, л. 19, 60].

26 мая 1978 г. Омской обком КПСС переутвердил эту комиссию, заменив в ней председателя, который одновременно был зампреда областного Совета народных депутатов В. И. Никоновым. Мотив документы не называли. К 1 июня 1978 г. эта комиссия должна была разработать предложения по внедрению Ленинградского опыта в области [17, с. 93 – 94].

Поэтому для минимизации этих явлений создавались сквозные смены, согласовывались социалистические обязательства [10, л. 34]. Но постановление

Новосибирского бюро обкома КПСС от 3 апреля 1978 г. отмечало, что эти структуры работали плохо или не создавались. Выход видели в попытке образовать областную комиссию по координации работы различных видов транспорта [10, л. 34].

Но в силу разных причин (ведомственные барьеры, низкий уровень глобального экономического мышления) эти пути реализовывались с трудом, что в немалой степени снижало эффективность советской экономики на уровне регионов и страны в целом [6, с. 65].

В декабре 1978 г. был проведен пленум правлений НТО водного, железнодорожного и автомобильного транспорта. Была обсуждена работа Новосибирского транспортного узла по единой технологии и ее дальнейшему совершенствованию с учетом опыта ленинградских транспортников. В результате была разработана и утвержден договор и творческом сотрудничестве между правлениями транспортных организаций.

В результате его выполнения коллективы Западно-Сибирской железной дороги, Западно-Сибирского речного пароходства и автопредприятия накопили интересный опыт. Особенно выделялся опыт станции Новосибирск-Товарный и Новосибирский речной порт.

Разрабатывались единые планы-графики подхода грузов. Отрабатывались каналы своевременного обмена информации о подходе груза (информационное бюро Новосибирского отделения Западно-Сибирской железной дороги передавало предварительную информацию о маршрутах и группах вагонов за 10 часов и более). Создались базы накопления грузов в межнавигационный период, обмен (в случае необходимости) кранами. Формировались единые комплексные смены станции, порта и автопредприятия (Новосибирский узел). Разрабатывались единые условия социалистического соревнования, которые учитывали взаимодействие ведомств. Проводились ежемесячные технические межведомственные совещания руководителей транспорта.

Так, станция Новосибирск-Товарный и речной порт выработали единый технологический процесс перевалки грузов. Их руководством были разработаны графики перевалки по прямому варианту «вагон – судно» и «судно – вагон» для перевозки угля, труб, щебня, железобетонных изделий и других материалов. Работу возглавили со стороны Западно-Сибирской железной дороги начальник грузовой службы Е. Я. Гендлин, главный инженер дороги П. Ф. Мысик. Со стороны автомобилистов работу возглавил начальник Западно-Сибирского территориального транспортного управления Н. П. Брайко, со стороны речников – заместитель начальника Новосибирского речного порта А. М. Якубенко.

Новосибирск, Томск и Омск стали крупными узлами переработки грузов. Только за первое десятилетие освоение Тюменского севера объем перевалки грузов через Новосибирский речной порт увеличился на 70 %. И это произошло без дополнительного развития станции и порта, только за счет организационных мероприятий.

Но помимо желаемого эффекта в совместной работе формировались и парадоксы. Среди них была

проблема координации работы между транспортниками и многочисленными грузоотправителями и грузополучателями. Вытекающей из нее проблемой была работа с разной тарой, поступающей из разных районов страны. Недостаточно отлаженной оказалась система информации, что не давало возможность планировать работу на ближайшие 2 – 3 суток [26, с. 1].

На Алтае сложилось тесное сотрудничество между железнодорожной станцией Барнаул, Барнаульским речным портом и автоколонной № 1245. С 1978 г. между ними заключался договор о социалистическом соревновании, на базе которого происходила координация работы разных видов транспорта. Таким образом обрабатывалось до 60 % общего объема грузов, проходивших через отделение. И это был не предел [27, с. 2].

18 января 1981 г. состоялась научно-практическая конференция, посвященной эффективности использования смежных видов транспорта, проходившей в Новосибирском Дворце железнодорожников. В обсуждении вопросов приняли участие ученые из ряда транспортных вузов: Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта, Новосибирском институте инженеров водного транспорта и др. В итоге работы приняты рекомендации:

- в основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981 – 1985 гг. и на период до 1990 года» необходимость улучшить координацию всех видов транспорта,

- совершенствование единого технологического процесса, развитие социалистического соревнования за повышение эффективности использования транспортных средств [26, с. 1].

В Кемеровской области была образована межведомственная комиссия по рационализации перевозок при областном совете народных депутатов [8, л. 5].

В апреле 1980 г. на Кемеровской железной дороге была создана группа по рационализации перевозок в количестве 3-х человек в составе дорожной технологической лаборатории грузовой службы. Она занималась разработкой схем перевозок [8, л. 11].

В 1980 г. на Барнаульском транспортном узле был применен Ленинградский опыт образования сквозных смен: железнодорожников, речников и автомобилистов [34, л. 2].

При Алтайском крайком КПСС примерно в 1980 г. была образована комиссия по координации развития всех видов транспорта, а в городах и районах действовали оперативные группы, активизировалась деятельность народного контроля [34, л. 1].

Специфической формой работы партийных органов была координация работы железнодорожников и их смежников. В Алтайском крае, например, таковыми были Алтайское отделение Западно-Сибирской железной дороги и Крайсельхозуправление, предприятия Быстроистокского и Поспелинского районов [32, л. 13].

Для развития содружества разных видов транспорта была привлечена научная общественность, которая была организована в отраслевых НТО: НТО водного, железнодорожного и автомобильного транспорта. По примеру организаций КПСС и профсоюзов,

НТО тоже заключали между собой договора о творческом сотрудничестве. Такая практика начала внедряться с 1979 г. договор определял общие направления совместных исследовательских работ. Тогда это были совершенствование единого перевозочного процесса в Новосибирском транспортном узле, образование творческих групп трех смежных правлений НТО для выполнения проблем, предусмотренных планом работы по узлу. Средством стала разработка личных и коллективных (групповых) творческих планов, направленных на совместное решение вопросов, связанных с совершенствованием перевозочного процесса, публикация совместных статей в ведомственных журналах, а также брошюр [14, с. 1].

Острый дефицит перевозочных средств на Севере Тюменской области, прирост объемов перевозимых грузов, «затоваривания» грузами северных железнодорожных станций зимой 1979 – 1980 гг. заставило Министерство нефтяной промышленности развивать вахтовый метод привлечения водителей на работу. Шоферов привлекали из Омска, Новосибирска, Челябинска и других городов.

Используя преимущества плановой государственной системы, министерство добилось (а важность бесперебойной работы промыслов была очевидна) всей годовой поставки 1980 г. в первом квартале. И сразу вывело новые автомобили на зимники [13, с. 1]. В подкрепление этого решения газета «Тюменская правда» (а это, напомним был орган Тюменского обкома КПСС, занимавший место в «вертикали» партийного руководства страны) организовал рубрику «Грузам нефтяников – зеленую улицу», в котом давались примеры эффективной работы автомобилистов [16, с. 1].

Проявлялась тенденция к ведомственности в организации системы. Это проявлялось даже в определении соотношения веса и объема для разных видов груза. Проблемой во взаимодействии железнодорожного транспорта и его потенциальных клиентов был и несоответствие веса одного объема. Так, 1 куб. м антрацита в разных подотраслях транспорта имел различный вес: в морском – 1,8 т, на железнодорожном – 0,85 т, в автомобильном – 0,8 т [30, л. 3]. Это осложняло координацию на транспорте, оформление перевозных документов.

Отдел планирования грузовой службы ежегодно разрабатывал мероприятия по передаче короткопробежных перевозок автотранспорту. Этот план утверждался областными организациями. Но для реализации его не хватало автотранспорта, необходимой для этого сети дорог с твердым покрытием, особенно в Тюменской области [37, с. 93]. Ощущался дефицит политической воли на исполнение установок высших органов государства и КПСС. Поэтому между объемом предъявленных грузов к автомобильным перевозкам реально принималась небольшая часть. Например, по Тюменской области эта часть составляла в 1980-х гг. 3 – 7 % [37, с. 93].

Новосибирский областной исполнительный комитет Совета народных депутатов утвердил мероприятия по максимальному переключению короткопробежных перевозок металлолома с железной дороги на автотранспорт. Но ПО «Сибсельмаш», завод «Сибтек-

стильмаш» не сокращали нерациональные перевозки [1, с. 2].

Таким образом, для решения проблем управления смешанными перевозками (а эти проблемы касались преодоления межведомственных барьеров) применялись традиционные для советского хозяйственного механизма рычаги. Наиболее востребуемыми из них были разработка планов и графиков, наблюдение процесса их выполнения (мониторинг выполнения графиков), институциональные средства (образование комиссий, штабов, советов, процедура заслушивания вопросов, отчетов руководителей, нарушавших гра-

фик мероприятий и т. д.), формирование и мобилизация энтузиазма работников. Регулярность функционирования этих механизмов призвана была гарантировать вертикаль КПСС. Такие меры позволили развернуть новые (по отношению к предшествующему периоду) процессы в Западной Сибири.

Однако эти меры нейтрализовались слабостью контроля, слабой волей руководства практически на всех этажах власти. В этих условиях удачные решения в отдельных структурах не меняли общую тенденцию движения к кризису.

Список использованных источников и литературы

1. Гудок. – 1986. – 4 июня.
2. Вставский, Г. Деловое сотрудничество докеров и путейцев Омска / Г. Вставский // Водный транспорт. – 1988. – 6 авг.
3. ГАКО. Ф. П-74. Оп. 18. Д. 12.
4. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 29. Д. 132.
5. ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 555.
6. ГАНО. Ф. П-61. Оп. 23. Д. 17.
7. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 80. Д. 184.
8. ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 555.
9. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 80. Д. 19.
10. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 80. Д. 184.
11. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 80. Д. 295.
12. ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 209. Д. 45.
13. Грузам нефтяников – зеленую улицу [Передовая] // Тюменская правда. – 1980. – 2 апр.
14. Договор о творческом содружестве Западно-Сибирских бассейнового, дорожного и Новосибирского областного правлений НТО водного, железнодорожного и автомобильного транспорта по дальнейшему совершенствованию работы Новосибирского транспортного узла // Западносибирский железнодорожник. – 1979. – 13 янв.
15. Драчев, П. Т. Грузы для севера / П. Т. Драчев, В. М. Крюков. – Томск: Кн. изд-во, 1988.
16. За словом – дело // Тюменская правда. – 1980. – 4 апр. / Грузам нефтяников – зеленую улицу.
17. ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1а. Д. 2797.
18. ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1а. Д. 2799.
19. ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1а. Д. 3692.
20. ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1а. Д. 3134.
21. ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1а. Д. 3460.
22. ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1а. Д. 4173.
23. ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1а. Д. 4174.
24. ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1а. Д. 2797.
25. Крепить содружество речников и железнодорожников! // Западносибирский железнодорожник. – 1974. – 12 марта.
26. Крепить содружество смежников: по материалам научно-практической конференции, посвященной эффективности использования смежных видов транспорта, проходившей в Новосибирском Дворце железнодорожников 18 января 1981 г. // Западносибирский железнодорожник. – 1981. – 20 янв.
27. Поляков, В. Транспорт: координация сил / В. Поляков // Западносибирский железнодорожник. – 1978. – 24 авг. / По примеру ленинградцев.
28. Поповский, В. Плечо смежника / В. Поповский // Западносибирский железнодорожник. – 1979. – 13 янв.
29. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 35. Д. 226. Л. 90.
30. Филатов, А. Парадоксы учета / А. Филатов // Гудок. – 1969. – 15 апр.
31. ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 127. Д. 171.
32. ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 127. Д. 209.
33. ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 127. Д. 216.
34. ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 133. Д. 81.
35. ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 143. Д. 182.
36. Чуркин, К. А. Партийное руководство развитием содружества коллективов транспортных предприятий Западной Сибири (1971 – 1980 гг.) / К. А. Чуркин // Вклад вузовской науки в дело усиления НТП и социального прогресса: тезисы докладов юбилейного научно-практической конференции, г. Омск 8 – 10 декабря 1986 г.; редкол. П. П. Бобров (отв. ред.) [и др.]. – Омск: ОГПИ, 1986.

37. Шиманович, Г. М. История грузовой службы Свердловской железной дороги 1936 – 2001 гг. / Г. М. Шиманович, Г. М. Штейнфер. – Екатеринбург: СВ-96, 2003.
38. Шипко, Н. И. Организация смешанных железнодорожно-водных сообщений в восточных районах страны / Н. И. Шипко // Материалы к XXII научной конференции кафедр общественных наук; редкол.: П. С. Абоянов, А. А. Ефимов. – Новосибирск, 1966.

Информация об авторе:

Мишенин Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, 8(3842)726905, 8-903-068-76-76, s-e-m-57@mail.ru.

Sergey E. Mishenin – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

УДК 37.014(571.71)(091)«200»

СОЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО – СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ ОСНОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 2000 ГОДАХ

Н. Г. Ровинская

CREATING ORGANIZATIONAL AND SUBSTANTIVE CONDITIONS FOR IMPLEMENTING MODERNIZATION OF BASIC EDUCATION IN THE 2000s

N. G. Rovinskaya

В статье описаны основные документы по реализации проекта "Образование". Выявлено содержание направлений деятельности в рамках осуществления проекта в Кемеровской области.

The paper describes the basic documents for implementing the "Education" project. The activities for implementing the project in the Kemerovo region are revealed.

Ключевые слова: образование, национальный проект, законодательная база, Кемеровская область, направления деятельности, модернизация, учитель.

Keywords: education, national project, legal framework, the Kemerovo region, activities, modernization, teacher.

Процесс модернизации образования запущенный в начале 2000 годов актуализировал и интегрировал экономические идеи в сфере образования. Одна – из которых внедрять сферу образования экономические, социальные проекты.

Приоритетные национальные проекты, без всякого преувеличения, стали важным явлением в жизни Российской Федерации. В 2006 году в их реализацию включились не только институты федеральной, региональной, местной власти, но и значительная часть общества, в приоритетные национальные проекты включалась вся страна. Именно поэтому приоритетные национальные проекты рассматривались и в качестве инструмента регионального развития, нивелирования социально-экономических проблем.

Сама возможность реализации приоритетных национальных проектов появилась благодаря формированию новых условий развития. Россия к 2006 году стала другой страной, 2006 год стал годом качественного перехода.

Программа по модернизации образования была основана на определенных Правительством РФ еще 20 октября 2005 года основных программных положений и целевых объектах финансирования проекта.

Основные программные положения проекта:

– государственная поддержка вузов и школ, активно внедряющих инновационные образовательные программы. В рамках этого направления В. В. Путин заявил: «Мы должны, наконец, создать основы для

прорывного инновационного развития страны, для укрепления ее конкурентоспособности. Очевидно, что нужны особые меры государственной поддержки вузов и школ, активно внедряющих инновационные образовательные программы. В предстоящие два года на приобретение для них лабораторного оборудования, программного обеспечения, модернизацию учебных классов и подготовку преподавателей должны быть выделены значительные суммы» [1, с. 15 – 16];

– реализация программы поддержки лучших учителей. И это направление не осталось без комментария со стороны президента. Так, по словам президента «низкая зарплата педагогов – это одна из ключевых проблем российской школы. Было принято решение об увеличении заработной платы в бюджетной сфере в полтора раза в реальном выражении в течение ближайших трех лет» [1, с. 29 – 31];

– информатизация образования;

– создание новых университетских центров межрегионального развития на базе действующих вузов в Южном и Сибирском округах. Это направление также «выросло» из выступления Президента 5 сентября 2005 года, когда он сказал, «Прошу решить вопрос о создании в 2006 – 2007 годах на базе уже действующих вузов и академических центров новых университетов в Южном и сибирском федеральных округах, а также об открытии бизнес-школ для подготовки управленческих кадров в Московском регионе и Санкт-Петербурге».

- поддержка талантливой молодежи;
- поддержка одного из главных направлений деятельности образовательного учреждения – воспитания школьников.

В этом же постановлении Правительства были определены и целевые объекты финансирования проекта.

- стимулирование инновационных программ;
- поощрение лучших учителей;
- проведение конкурсов и поддержки молодежных проектов;
- ежемесячное денежное вознаграждение за классное руководство, включая учителей начальных классов;
- выплата грантов талантливым молодым людям;
- создание университетов в Южном и Сибирском федеральных округах, а также двух бизнес-школ;
- создание федерального портала дистанционных программ обучения;
- обеспечение доступа школ к системе Интернета.

Началось формирование законодательной базы для приоритетного национального проекта «Образование». Так в интервью ИТАР-ТАСС от 9 ноября 2005 года министр образования и науки Андрей Фурсенко заявил «Образование нуждается в масштабных вливаниях. Одноразовые вложения не смогут поднять его на другой уровень. Нужна иная законодательная база, нужны люди, которые возьмут на себя бремя ответственности за создание новой системы». Этими словами А. Фурсенко обозначил спектр необходимых условий для успешной реализации данного проекта: поддержке инновационных образовательных учреждений, лучших учителей, способной и талантливой молодежи, классных руководителей.

В октябре 2005 г. в субъекты Российской Федерации был направлен на согласование проект Постановления Правительства РФ о вознаграждении за классное руководство. Официальные отзывы прислали 68 регионов. В ноябре 2005 г., в ходе подготовки к всероссийскому совещанию руководителей региональных органов управления образованием в субъекты РФ направлены проекты всех нормативных документов, связанных с реализацией направлений ПНПО. В том числе, новые редакции порядка конкурсной поддержки лучших учителей и инновационных школ, существенно переработанного с учетом поступивших в ходе общественного обсуждения около 2000 предложений и замечаний.

В декабре 2005 г. в целях оперативной подготовки нормативно-правовых актов, регулирующих реализацию мероприятий ПНПО, было проведено согласительное совещание представителей Минэкономразвития России, Минфина России, Минздравсоцразвития России, Минюста России. На этом совещании были обсуждены проекты основных законов и постановлений, необходимых для реализации проекта «Образование». Среди рассмотренных проектов были: Указ Президента Российской Федерации "О денежном поощрении лучших учителей общеобразовательных учреждений", проектам постановлений Правительства Российской Федерации "О порядке предоставления в 2006 году субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на денежное

поощрение лучших учителей общеобразовательных учреждений", "О вознаграждении за выполнение функций классного руководителя педагогическим работникам федеральных государственных общеобразовательных учреждений" и "О порядке предоставления в 2006 году финансовой помощи бюджетам субъектов Российской Федерации в виде субсидий на выплату вознаграждения за выполнение функций классного руководителя педагогическим работникам государственных общеобразовательных учреждений субъектов Российской Федерации и муниципальных общеобразовательных учреждений". Также с учетом дополнений и коррективов федеральных органов исполнительной власти, Администрации Президента Российской Федерации и субъектов Российской Федерации приказом Министерства образования и науки России от 6 января 2006 года № 1 утвержден Сетевой график по реализации приоритетного национального проекта "Образование" [6, с. 59 – 61].

Для создания более системного и структурированного представления о законодательной базе ПНПО можно проследить ее формирование по отдельным направлениям проекта.

Важнейшим направлением проекта была материальная поддержка учителей средних образовательных учреждений. Для реализации этого направления были приняты следующие нормативно-правовые акты:

1) Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2005 года № 854 «О правилах предоставления в 2006 году финансовой помощи бюджетам субъектов РФ в виде субсидий на выплату вознаграждения за выполнения функций классного руководителя педагогическим работникам государственных общеобразовательных школ субъектов РФ и муниципальных общеобразовательных школ» [3, с. 32 – 37] определены условия выплаты дополнительного денежного вознаграждения, в том числе конкретизированы типы общеобразовательных учреждений, работники которых пользуются данным правом, зависимость размера денежного вознаграждения от наполняемости класса. Постановлением определено в 3 пункте, что доплата за классное руководство составляет 1000 рублей для класса с наполняемостью 25 человек для городской местности и 14 человек для сельской местности. Главными целями поддержки классных руководителей стали: признание важности воспитательной работы в школе и нормативно закрепить статус классного руководителя;

2) Указ Президента Российской Федерации от 6 апреля 2006 г. № 324 «О денежном поощрении лучших учителей» и к нему утверждено «Положение о денежном поощрении лучших учителей» [2, с. 11 – 12].

По указу в целях стимулирования преподавательской и воспитательной деятельности учителей Президент РФ постановил: «Выплачивать ежегодно, начиная с 2006 года, 10 тыс. денежных поощрений в размере 100 тыс. рублей каждое лучшим учителям за высокое профессиональное мастерство и значительный вклад в развитие образования». В положении определен перечень критериев, предъявляемых к участникам, правила проведения конкурса на получение денежного поощрения, и, конечно же, из каких

средств финансируются эти выплаты. Учитель, получивший денежное поощрение, имеет право повторно участвовать в конкурсе не ранее чем через пять лет. Выплаты также осуществляются из федерального бюджета по средствам субсидий субъектам РФ. Этот законодательный акт, по сути, является логическим продолжением предыдущего, только он уже направлен не на то, чтобы привлечь работать в школу, а уже задержать педагога на длительный срок. При этом у любого педагога есть четко понимание того, что чем выше результаты его работы, тем больше у него шансов получить денежное поощрение. Тем самым данная мера направлена на повышение доходов учителей.

Следующим направлением, для реализации которого был также создан новый законодательный акт стала поддержка талантливой молодежи. Указ Президента РФ № 325 от 6 апреля 2006 г. «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи» и Положение «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи» также определял временные рамки данного проекта (2006 – 2008 годы), формулировал требования к участникам данного конкурса, определял номинации, устанавливал количество премий для региона пропорционально численности граждан в возрасте 14 – 25 лет, проживающих в субъекте Российской Федерации. Этот законопроект направлен на создание социально ориентированной молодежи, которая стремится к развитию и самосовершенствованию, получению новых знаний. По сути, эти премии и есть те пресловутые инвестиции в «человеческий капитал». На этом этапе государство готово вкладывать деньги в перспективную молодежь, но с надежной на отдачу в будущем.

Другим приоритетным направлением, для которого также шла разработка законопроектов является государственная поддержка вузов и школ, активно внедряющих инновационные образовательные программы. Правовая основа данного направления была обеспечена Постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2006 года № 89 «О мерах государственной поддержки, внедряющих инновационные образовательные программы» и Программа предоставления в 2006 году бюджетам субъектов РФ субсидий на внедрение инновационных образовательных программ в образовательных учреждениях субъектов РФ и муниципальных образовательных учреждений. Этим постановлением были закреплены порядок и критерии конкурсного отбора, определены объемы и источники финансирования.

Создание законодательной базы явилось первым шагом в создании фундамента, основ функционирования всех приоритетных национальных проектов. Так на федеральном уровне была выстроена система координации и контроля целостной системы проектов, а также разработаны и приняты нормативно-правовые документы, обеспечивающие правовое функционирование отдельных проектов, в частности приоритетного национального проекта «Образование». Аналогичная система координационных органов, обеспечивающих реализацию приоритетных проектов должна была быть создана в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации, муниципальных районах и городских округах, т. е. в

идеале должна быть создана единая система контроля на всех уровнях власти. Однако наличие только одной законодательной базы не является залогом успеха реализации всего проекта в целом. Это лишь не большой шаг, который предал новому явлению российской жизни статус законности.

На реализацию проектов в сфере образования активно отреагировала местная власть Кемеровской области, организовав работу в направлении разработки законодательной базы реализации проектов. Сегодня Кемеровская область – один из динамично развивающихся регионов России. В регионе улучшилось качество жизни. Стали приезжать люди из соседних территорий, из стран ближнего зарубежья. И главная цель руководства Кемеровской области заключается в повышении качества жизни людей. И не зря считают, что в Кузбассе – одна из самых мощных систем социальной защиты населения в России. В результате Кузбасс входит в «пятерку» регионов (в числе лучших также республики Чувашия и Татарстан, город Москва, Московская и Самарская области) с самым высоким уровнем жизни страны. Все выше сказанное о Кузбассе не так давно казалось бы вымыслом, политическим пиаром со стороны управленческой элиты региона, но с 1997 началась грандиозная социальная программа, когда были сформулированы приоритеты деятельности региональной власти в социальной сфере – Учитель. Врач. Село. Тепло. И уже в сентябре 2005 года региональные проекты Кузбасса получили оформление на федеральном уровне в виде приоритетных национальных проектов России, которые были озвучены Президентом 5 сентября 2005 года. Таким образом, региональные проекты Кузбасса трансформировались для него уже в федеральные, которые отличались тем, что поддержка и помощь в их реализации, прежде всего финансовая шла из федерального бюджета. Конечно, наши региональные приоритеты звучали проще, но цель имели такую же, как и национальные проекты – улучшить жизнь наших людей, и чтобы каждый на себе это почувствовал. Поэтому можно сказать, что с 2005 года наша область продолжала ту социальную программу, которая начала еще в 1997 г. Губернатор в своих выступлениях очень часто называет доступное качественное образование ключевым национальным проектом.

Главная задача национального проекта в сфере образования – повышение его качества и социальной доступности, чтобы каждый ребенок, независимо от того, живет он городе или в сельской местности, независимо от достатка семьи, мог получить качественные знания в школе [7, с. 52 – 56].

Для реализации поставленных задач в рамках ПНПО в 2006 году из различных источников было получено 20176,9 млн рублей. В бюджете области на 2006 год была заложена сумма 19 млрд 850 млн рублей, т. е. размер финансирования был превышен, но не на много. В целом выделенная сумма на реализация ПНПО в 2006 году на 35 % больше, чем было в 2005 году. Такого не было за всю историю Кузбасса. И как раз из этого и была сформулирована и поставлена задача на 2007 год.

Задача следующего года – сохранить набранные темпы и дальше развивать систему комплексной под-

держки образовательных учреждений, педагогов, учащихся.

На 2007 год было запланировано увеличение расходов на развитие образования еще на 10 %. С учетом всех источников расходы должны были составить 21 млрд 835 млн рублей. Возможность таких прогнозов имели под собой основания в виде предыдущего года, где планируемый объем финансирования был превышен. Уже в Бюджетном послании на 2007 Губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева областному Совету народных депутатов была заявлена сумма, которую предполагается выделить на реализации приоритетного национального проекта «Образование» в 2007 году она должна была составить 23 млрд 619 млн руб. Это на 14 % больше, чем в 2006 году [8, с. 45 – 49]. А вот по данным Департамента образования Кемеровской области финансирование расходов системы образования за 2007 год составило 25031,1 млн руб. Данный рост демонстрирует истину, что аппетит приходит во время еды. Таким образом, намечается тенденция, что запланированный объем финансирования всегда превышает.

Уже в 2008 году на реализацию приоритетного национального проекта «Образование» было направлено 27 млрд 500 млн руб. это на 2,5 млрд руб. больше, чем в 2007 году. А вот Департамент приводит совершенно иные цифры по реализации ПНПО, а именно финансирование расходов системы образования за 2008 год составило 31 874,0 млн руб. [8, с. 56 – 58].

Что касается 2009 года, то запланированный объем финансирования составлял 23 млрд 036,7 млн руб. Реально было освоено больше, а именно 30 млрд 252,0 млн руб.

По выше представленным данным можно выделить следующие тенденции: ежегодно объемы запланированного финансирования на реализацию ПНПО в Кузбассе растут; ежегодные объемы реального финансирования превышают запланированные средства. В целом такая положительная динамика, во-первых, может быть связана с ростом доходов как регионального, так и федерального бюджета. При этом начавшийся экономический кризис частично повлиял на объемы финансирования 2009 года, они были несколько снижены. Кроме этого, в выше приведенных данных реально освоенных денег всегда больше, чем было запланировано. Это может быть еще связано с тем, что Департамент образования Кемеровской области включает в свои отчеты не только объемы финансирования по основным направлениям реализации ПНПО, но и такие направления как: выплата единовременных пособий при всех формах устройства детей, лишенных родительского попечения, в семью; выплата компенсации части родительской платы за содержание ребенка в детских дошкольных учреждениях; выплату пособий на содержание детей в семьях опекунов (попечителей) и приемных семьях, а также на оплату труда приемных родителей; приобретение жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей; реализацию мероприятий по профилактике наркомании среди учащихся и воспитанников образовательных учреждений. Именно в появлении таких статей расходов и заключается особенность финансирования с 2007 года, т. к. теперь шли деньги и

на направление «Демографическая политика», куда входят выше названные статьи расходов. Таким образом, не такое уж и большое у нашего региона и перефинансирования для реализации ПНПО по основным, ранее озвученным направлениям, конечно, оно есть и это положительный момент для Кузбасса.

Выше был представлен анализ общего объема финансирования ПНПО, но хотелось бы еще указать и на соотношение источников финансирования в каждом году.

В 2006 году из федерального бюджета было выделено 761,85 млн руб. (135,7 %). В 2007 году из федерального бюджета было выделено – 1378,9 млн руб. (203,8 %) за 2008 год из федерального бюджета выделено – 2115,4 млн руб. (279,3 %). И в 2009 из федерального бюджета – 2124,00 млн руб. (в т. ч. остаток 2008 года – 660,68 млн руб.) (215,8 %). Таким образом, за 2006 – 2009 год финансирование НПО увеличилось в 3,5 раза. Наблюдается рост объема финансирования из федеральных источников [8, с. 49 – 53]. Федеральный источник берет на себя только часть финансовой нагрузки, остальное на себе вынужден нести областной и муниципальный бюджеты, а также внебюджетные источники.

В 2006 году из областного бюджета – 3830,1 млн рублей (101,6 %), из местных бюджетов – 22441,8 млн рублей (130,9 %), из внебюджетных источников – 2144,3 млн рублей (169 %). В 2007 году финансовая нагрузка распределилась следующим образом: областной бюджет – 4576 млн руб. (124,8 %), местные бюджеты – 16913 млн руб. (99,0 %), внебюджетные источники – 2247 млн руб. (101,6 %). В следующем году (2008) ситуация была представлена следующим образом: областной бюджет – 4723,6 млн руб. (136,1 %), местные бюджеты – 22519,1 млн руб. (139,6 %), внебюджетные источники – 2462,0 млн руб. (194,0 %). В 2009 году показатели выглядели так: областной бюджет – 3830,1 млн руб., местные бюджеты – 22441,8 млн руб., внебюджетные источники – 2144,3 млн руб. Исходя из этих данных можно выделить следующие тенденции: с 2006 по 2008 годы происходит рост финансирования из областного, муниципального и внебюджетного источников, а вот в 2009 году заметно некоторое снижение объемов финансирования из всех источников. Основная масса денежных средств поступает из местных бюджетов, второе место по объемам финансирования занимает областной бюджет, а потом уже средства из внебюджетных источников [7, с. 29 – 33]. Но все-таки одним из главных достижений можно считать привлечение средств крупных собственников и промышленных предприятий Кузбасса. С ними заключаются Соглашения об участии бизнеса в реализации национального проекта в «Образовании». Такое положение свидетельствует о том, что крупный и малый бизнес становятся социально-ответственным, снимая часть социальной нагрузки с бюджета, и берет на себя (софинансирование расходов на материально-техническое обеспечение образовательных учреждений, установление персональных грантов и стипендий участникам образовательного процесса).

Такую ситуацию мы имеем вообще по реализации нацпроекта «Образование», но чтобы иметь более де-

тальную картину о ходе реализации данного проекта необходимо еще проанализировать динамику финансирования отдельных направлений нацпроектов.

Конечно, цифры это лишь одна сторона нацпроекта, которая имеет количественное выражение, т. е. на протяжении четырех лет мы наблюдаем процесс роста финансирования на реализацию всех направлений этого проекта. Основным финансово-экономическим эффектом реализации ПНПО стали интеграция федеральных, региональных и муниципальных материальных ресурсов на принципах софинансирования. Но кроме количества хотелось бы уделить внимание и качеству, т. е. попытаться ответить на вопрос. А был ли качественный прирост, что – то качественно поменялось? Но прежде чем говорить о качестве, необходимо выделить те качественные точки роста, по которым можно видеть определенные результаты, такими точками могут быть планируемые показатели, сравнивая, что планировалось и, что получилось, мы и увидим качество.

1. Охват грантами и премиями преподавателей, школьников, студентов увеличиться на 70 %.
2. Дополнительно 40 % школ получают новое лабораторное и учебное оборудование.
3. Новые учебники приобретут 35 % школ.
4. Компьютеризация школ составит 100 %.
5. Подключение образовательных учреждений к сети «Интернет» увеличиться до 75 %.

Привлечение большого объема финансовых средств позволило обеспечить модернизацию и обновление учебной базы образовательных учреждений. В 2006 году по результатам 52 муниципальных конкурсов 173 образовательных учреждения получили муниципальные денежные гранты на общую сумму 8 млрд 795 млн руб. (от 10 до 500 тыс. руб.). Таким образом, 324 образовательных учреждения получили грантовую поддержку из федерального, регионального и муниципального бюджетов. Так, например, за 2007 год 233 образовательных учреждения награждены федеральными, областными и муниципальными грантами на сумму 75,4 млн руб. По областным конкурсам 10 лучших учреждений дошкольного образования и 5 лучших учреждений дополнительного образования получили по 500 тыс. руб. Также приобретено 109 компьютерных классов. Все 889 школ Кузбасса подключены к сети Интернет. Обеспеченность компьютерами школ области составляет 95 %, почти 70 % школ имеют выход в Интернет. Наличие во всех школах Интернета позволяет учителям получать дистанционное образование, участвовать в образовательных Интернет-конференциях. Также школы были обеспечены системой автоматической сигнализации и тревожными кнопками. На 70 % обновился парк школьных автобусов. Всего приобретено 88 автобусов для перевозки школьников. В целом удельный вес обновленного учебного оборудования на сентябрь 2007 года составляло 64 %, в 2006 году эта цифра составляла 45 %, в 2005 – не превышала 15 %. В течение 2007 года за счет федерального и областного бюджета школы Кузбасса получили 96 учебных кабинетов, 66 единиц интерактивного оборудования. Кроме того, за счет муниципальных грантов и из внебюджетных источников приобреталось современное интерактив-

ное учебное оборудование. А уже к 2008 году каждое второе образовательное учреждение оснащено современным учебным оборудованием [7, с. 18 – 21].

Улучшение материально-технической базы позволило добиться образовательных эффектов, проявившихся:

- в расширении использования современных педагогических технологий, в том числе и информационных, интенсифицирующих процесс обучения, расширивших исследовательские формы организации учебного процесса;

- в росте активности и повышении результативности участия обучающихся в олимпиадном движении. Так, если в 2006 году число победителей и призеров олимпиад областного уровня составило 156 человек, то в 2007 году их число увеличилось до 222 человек. Увеличилось число призеров и всероссийских олимпиад – с 10 человек в 2006 году до 12 человек в 2007-м. Это стало возможным, в том числе и благодаря стипендиальной поддержке отличников за счет областного и муниципальных бюджетов – размер стипендий в 2007 году увеличился в два раза по сравнению с 2006 годом;

- в повышении ответственности педагогов за реализацию воспитательных задач при выполнении обязанностей классного руководителя.

Вознаграждение за выполнение функций классного руководителя в 2007 году получили 14906 человек. За год выплаты составили 391,4 млн рублей, в том числе за счет средств федерального бюджета – 241,6 млн рублей, а из областного – 150 млн рублей [7, с. 41 – 52]. Выделяются также и развивающие эффекты, или потенциалы, которые становятся основой для дальнейшего развития системы образования области:

- во-первых, это формирование отряда мобильных высококвалифицированных педагогов и инновационных образовательных учреждений – победителей различных конкурсов, опыт которых активно используется коллегами;

- во-вторых, увеличение количества инновационных площадок как базы опытно-экспериментальной деятельности и апробации новых направлений и идей. Так, в 2006 году, когда был объявлен приоритетный национальный проект «Образование», в Кемеровской области насчитывалось 39 областных экспериментальных площадок. На конец 2007 года стало функционировать 85 экспериментальных площадок, в том числе и сетевых. Статус областной экспериментальной площадки получили 115 общеобразовательных учреждений области.

Реализация ПНПО привела к активизации внимания власти всех уровней к проблеме образования, к открытости образовательной сферы для широких слоев общества. Полученные социальные эффекты лягут в основу долгосрочной политики Кузбасса в области образования.

Так как все-таки обсуждается реализация нацпроекта «Образование» в Кузбассе, то нужно сказать и о реальных результатах сугубо региональных конкурсов, которые были созданы по инициативе Губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева. Учрежденный губернатором конкурс «10 лучших школ Кузбас-

са», победители которого получают по 1 млн руб. Средства, полученные от грантовой поддержки, были направлены на модернизацию учебно-материальной базы и приобретения лабораторного оборудования. В том же году был учрежден областной конкурс «5 лучших учреждений дополнительного образования детей Кузбасса». Победители получили денежный грант Губернатора Кемеровской области в размере 500 тыс. рублей. Важным итогом данного направления является то, что ежегодно выделяются деньги на строительство новых дошкольных образовательных учреждений и на реконструкцию. В 2007 году по области произошел рост сети дошкольных образовательных учреждений на 4859 мест. Открыты 15 детских садов на 1142 места, создано 258 дополнительных групп в детских садах и школах на 3064 места.

В рамках направления поддержки лучших учителей по данным федерального оператора по реализации приоритетного национального проекта «Образование», Кемеровская область занимает 1-е место по конкурсной активности педагогов среди субъектов РФ, входящих в Сибирский и Дальневосточный федеральные округа: конкурсная активность в Кемеровской области составляет 5,51 человек на одно место федеральной квоты. Количество участников в 2006 году составило 947 педагогических работников и образовательных учреждений, в 2007 году – 1607 педагогических работников и образовательных учреждений. В области сложилась мощная система поддержки педагогов, реализуемая на конкурсной основе. Департаментом образования и науки Кемеровской области учреждены 16 областных конкурсов.

Таким образом, выше были рассмотрены итоги реализации нацпроекта «Образование» через призму выделенных объемов финансирования, их распределения по отдельным направлениям и конкурсам, и грантам в каждом направлении, но также и показывалось был ли качественный прирост. Конечно, мы видим улучшение уровня материально-технической базы учреждений, денежного поощрения лидеров, рост количества в целом грантов, но качество проявляется не только в это, она в образовании проявляется в уровне грамотности, как самих педагогов, так и их учеников. Выше была попытка показать качество с этой точки зрения, когда говорилось о потенциале наших учеников в олимпиадах разных уровней, но мы по этим данным не увидели такого уж массового прироста количества победителей олимпиад. Также качество можно оценить и через ЕГЭ, который стал обязательным с 2009 года, до этого Кемеровская область не принимала активного участия в эксперименте. На протяжении тех лет мы готовились, проводили свой пробный экзамен. Первые итоги участия в ЕГЭ школ Кемеровской области в 2007 году начальник Департамента образования Е. Л. Руднева оценила положительно.

И еще одним итогом реализации нацпроекта «Образование» стало продолжение программы реорганизации малокомплектных школ, в частности, в сельской местности. Вообще, содержание малокомплектных школ дорого обходится казне, а уровень образования в них не соответствует современным требованиям. Только в апреле 2006 года в области закрыто 8 малокомплектных школ, а всего с начала

года – 26. При этом ни один учитель не остался без работы, а дети к месту учебы, в современные школы доставляются специальными школьными автобусами. В целом же за 2006 год было закрыто 80 школ, которые элементарно не соответствовали требованиям безопасности. В 2007 году наступил второй этап, который можно назвать качественной реорганизацией. Теперь, когда принимается решение о закрытии той или иной школы, учитываются не только требования безопасности, но и другие факторы, в том числе: насколько школа оснащена, насколько соответствует определенным требованиям ее педагогический коллектив. Ключевым основанием является оценка качества образования, которое дается детям в этой школе.

Под реструктуризацию в Кузбассе в 2007 году попали в общей сложности 126 сельских школ: 50 из них были закрыты, 76 реорганизованы: одни из разряда полных, 11 летних, перешли в разряд основных – 9 летних, другие стали начальными. Таким образом, данные цифры подтверждают, что в ПНПО делается ставка на лидеров, т. е. главным двигателем является прогресс.

Одним из последних количественных результатов ПНПО, который еще не был освещен эта реформа в области оплаты труда педагогов. Так как именно проблема заработной платы всегда стояла очень остро для учителей и работников дошкольного и дополнительного образования. Так с 1 сентября 2008 года педагогические коллективы всех кузбасских школ были переведены на новую модель оплаты труда. Еще до этой в некотором смысле знаменательного события начальник Департамента образования Кемеровской области Елена Руднева говорила о том, что действующая тарифная сетка не стимулирует учреждения образования к развитию, необходимо изменить систему так, чтобы оплата труда зависела от качественных показателей работы учителя. В образовательной системе необходимо внедрять новые финансовые механизмы и рычаги, которые позволят повысить эффективность и качество обучения, мотивацию педагогического состава, так как на первый план выходит такой критерий, как удовлетворенность населения качеством образовательных услуг [8, с. 45 – 57; 9, с. 16 – 18].

Новым стимулом для повышения качества образования становится дифференциация оплаты труда. При внедрении новой системы меняется и фонд оплаты труда, который теперь включает 3 составляющих: централизованную, базовую и стимулирующую.

В заключении необходимо отметить, что предусмотренный модельной методикой механизм нормативного подушевого финансирования создает условия для повышения заработной платы работников общеобразовательных учреждений, оптимизации учебной нагрузки, тем самым стимулируя их к повышению качества образовательного процесса и положительно сказывается на социальной ситуации.

Таким образом, благодаря реформированию и модернизации российского образования учитель работает по новому – на результат. Так до недавнего времени слово «результат» к системе образования не применялось. Национальный проект «Образование» «поворачивает» систему на достижение результата,

такого результата, который можно измерить. Также данный нацпроект интегрирует сферу образования в рыночные условия, ведь теперь по сути дела педагог должен суметь себя продать, причем продать выгодно, т. е. он понимает какой набор компетенций должен быть у него, для того чтобы стать успешным.

Итак, реализация национального проекта Образование является одним из положительных условий модернизации системы основного образования в 2000 годы.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2005 года № 803 «О федеральной целевой программе развития образования на 2006 – 2010 годы». – Режим доступа: <http://http.consultant.ru/base/reg=doc;base-LAW;n=100876>
2. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2005 года № 854 «О порядке предоставления в 2006 году финансовой помощи бюджетам субъектов РФ в виде субсидий на выплату вознаграждений за выполнение функций классного руководителя педагогическим работникам государственных образовательных школ субъектов РФ и муниципальных общеобразовательных школ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 09.01.2006. – № 2. – Ст. 217.
3. Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 20 октября 2005 № 112 «О приоритетных проектах в сфере образования Кемеровской области». – Режим доступа: <http://www.ako.ru/ZAKON/viewzakon.asp?C32864>
4. Распоряжение Губернатора Кемеровской области от 17 января 2006 N 2-рг «О совете по реализации приоритетного национального проекта в сфере образования на территории Кемеровской области». – Режим доступа: <http://www.ako.ru/ZAKON/viewzakon.asp?>
5. Демографический ежегодник России. – М., 1999. – С. 19.
6. Статистический сборник результатов ЕГЭ – 2008. – Кемерово, 2009. – 43 с.
7. Отчет Департамента образования Кемеровской области о реализации приоритетного национального проекта в сфере образования на территории Кемеровской области за 2008 год. – С. 1 – 62.
8. Отчет Департамента образования Кемеровской области о реализации приоритетного национального проекта в сфере образования на территории Кемеровской области за 2009 год. – С. 1 – 53.
9. Матненко, А. С. Приоритетные национальные проекты и бюджетная деятельность государства / А. С. Матненко. – Омск: Русь, 2007. – 144 с.

Информация об авторе:

Ровинская Надежда Гумаровна – соискатель кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, 8(384-2)58-40-16, grin101076@yandex.ru.

Nadezhda G. Rovinskaya – post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

УДК 94(571.1):656.7 “1985/1990”

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ АВИАПРЕДПРИЯТИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ: ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И БЕЗОПАСНОСТЬ ПОЛЕТОВ

Т. А. Сычева

THE BASIC DIRECTIONS OF AVIATION ENTERPRISES' WORK IN WESTERN SIBERIA UNDER THE CONDITIONS OF THE PERESTROIKA: PLANNED TARGETS AND FLIGHT SAFETY

T. A. Sycheva

В статье анализируются основные направления деятельности авиапредприятий Западно-Сибирского управления Гражданской авиации в второй половине 1980-х годов. Выявляются причины и содержания негативных тенденций, как снижение показателей выполнения работ, и снижение уровня безопасности полетов.

The paper analyzes the main activities of the West Siberian airlines of the Civil Aviation authorities in the second half of the 1980s. The causes of negative trends, such as the decline in work performance and lowering of flight safety, are identified.

Ключевые слова: работы по применению авиации в народном хозяйстве, грузоперевозки, пассажироперевозки, безопасность полетов.

Keywords: works on the use of aviation in economy, transportation, passenger air transportation, flight safety.

Вторая половина 1980-х годов внесла существенные изменения в систему планирования и организации авиауслуг. Западно-Сибирское управление гражданской авиации (ЗСУ ГА) выполняло работы по основным направлениям применения авиации в народном хозяйстве (ПАНХ), однако заметной тенденцией начавшейся в первой половине 1980-х годов (и продолжившейся вплоть до нач. 1990-х гг.) стало их значительное сокращение по сравнению с сер. 1960-х – второй пол. 1970-х г. Сокращение было вызвано рядом показателей, среди которых: износ техники, сокращение финансирования, нехватка топлива и сокращение потребности в работах ПАНХ выполняемых авиапредприятиями ЗСУ ГА.

Так к 1985 г. работы ПАНХ выглядели следующим образом (таблица 1).

Таблица 1

Работы ПАНХ, выполняемые ЗСУ ГА к 1985 г. [1]

<i>Вид работ</i>	<i>Объем</i>
АХР, в т. ч.:	33145
Борьба в вредителями и болезнями растений	
Борьба с сорной растительностью	
Внесение минеральных удобрений	
Лесоавиационные	23863
Аэрофотосъемка	22131
Обслуживание народного хозяйства, в т. ч.:	
Геология	263958
Газовая промышленность	27921
Нефтяная промышленность	248016
Строительство предприятий	2709
Геодезия и картография	10032
Прочие организации	98291
Санавиация	14774
Всего:	744840

По показателю санавиации происходила перевозка врачей, больных, медицинских грузов.

Снижение большинства показателей ПАНХ было вызвано рядом причин, среди которых внедрение в сельское хозяйство новых способов обработки земли, применение новых способов несения химических препаратов и удобрений наземным способом, а так же значительное удорожание стоимости авиауслуг в

сельском хозяйстве. Таким образом, к середине 1980-х годов наступает этап ПАНХ, связанный со снижением эффективности и объемов работ, выполняемых ЗСУ ГА в отраслях народного хозяйства.

Данная тенденция сохраняется на протяжении второй половины 1980-х годов. Переход к новой системе финансовых отношений поставил перед руководством ЗСУ ГА задачу поиска способов повышения эффективности работы авиапредприятий Управления. Как результат были пересмотрены основные виды услуг, оказываемых населению и приносящие наибольшую финансовую выгоду. В результате анализа эффективности руководство ЗСУ ГА сделало ставку на расширение географии полетов, увеличение грузо- и пассажирооборота и снижение показателей по авиахимработам (АХР). АХР за вторую половину 1980-х г. сократились с 2460,4 тыс. га. в 1985 г. до 889,1 тыс. га. в 1988 г. и ноль в 1990 г. [2] основной причиной снижения данных показателей стал отказ хозяйств от заявок из-за повышения тарифов на АХР в среднем в 2 раза, а так же из-за внедрения новых химических препаратов произошел естественный процесс сокращения вредителей и болезней растений. Выросла борьба с сорняками, а удельный вес внесения минеральных удобрений – сократился. На снижение норм производительности полетов по АХР повлияло увеличение нормы расхода химикатов, увеличение расстояний полета до обрабатываемых участков, а так как полет оплачивали заказчика (а не как раньше за счет государства), то рентабельность для заказчика падала, а следовательно происходило сокращение востребованности на АХР. По отдельным заказчикам самим авиапредприятиям ЗСУ ГА было не выгодно. Например, обработка земель в Брянской области требовала использования как минимум 20 самолетов, совокупное время перелета составило бы 766 часов, а перелет авиапредприятия выполняют за свой счет, что так же удорожает стоимость услуг.

Уровень организации АХР к концу 1980-х г. в ЗСУ ГА не соответствовал возросшим требованиям к коллективам, перешедшим на новые условия хозяйствования, что приводило к неэффективности использования самолетно-вертолетного парка.

Переход на новые условия хозяйствования, заставил авиапредприятия ЗСУ ГА изыскивать способы повышения коммерческой эффективности, путем отказа или сокращения от нерентабельных работ.

Таблица 2

Работы ПАНХ, выполняемые авиапредприятиями ЗСУ ГА в 1990 г. [3]

<i>Налет часов</i>	<i>Газовая промышленность</i>	<i>Нефтяная промышленность</i>	<i>Строительство</i>	<i>Энергетика</i>	<i>Аэрофотосъемка</i>	<i>Санавиация</i>	<i>Прочие предприятия</i>	<i>Всего</i>
329495	26521	166665	4986	16048	14364	17862	112007	687948

Анализ данных показывает, что в результате проведенных изменений, значительно трансформировалась структура услуг, оказываемых ЗСУ ГА. Обработка площадей по АХР за годы 12 пятилетки к 1990 г. было сведена к нулю. Работы по геологии, аэрофотосъемкам сократились до минимума, были годы, когда заказов на данные услуги вовсе не было. Услуги в от-

раслях газовой и нефтяной промышленности подверглись незначительным изменениям и остались, в среднем, на прежнем уровне. Услуги по санитарной авиации так же были сокращены. Во многом такая ситуация была вызвана падением спроса на данный вид услуги из-за его высокой затратности, а особенно по санавиации – отсутствие какой-либо материальной

выгоды. В условиях перехода на хозрасчет выполнение такого вида работ было экономически неэффективным.

На 15 % сократилась перевозка почты, а количество рейсов, в том числе и коммерческих выросло и составляло до 12 – 13 тыс. в месяц, что было вызвано возросшим пассажиропотоком, который значительно увеличился и стал составлять до 1 млн чел. в месяц [4], в то время как в 1985 г. составлял в среднем 5,5 млн в год [5]. Выросла и коммерческая загрузка рейсов, тонно-километраж доходил до 100 тыс. в месяц [6]. Анализ данных позволяет говорить о падении ряда показателей по работам ПАНХ в годы двенадцатой пятилетки, однако значительный рост происходил по пассажиро-перевозкам.

Таким образом, по работам ПАНХ, производимых авиапредприятиями ЗСУ ГА на протяжении 1980-х годов положение с выполнением авиахимработ продолжало ухудшаться. Проведенный анализ статистической информации позволяет говорить о том, что авиапредприятия ЗСУ ГА внесли существенный вклад в развитие отдельных отраслей народного хозяйства, оказывая помощь в обработке земель, санавиации, геолого-, газо-, нефте- разведочных работах и доставке бригад к местам ведения строительства и добычи полезных ископаемых, а так же способствовали развитию социальной инфраструктуры услуг, оказываемых населению Западной Сибири.

С переходом к новой системе финансирования и самоокупаемости авиапредприятия были заинтересованы в получении большей прибыли, а дополнительные траты на повышение квалификации, дополнительную учебу, налет обучающихся часов, приводили к снижению чистой прибыли, это стало одной из причин понижения внимания к традиционным формам контроля.

Во второй половине 1980-х годов партия продолжала играть руководящую роль в осуществлении контроля за деятельностью транспортной системы, в том числе авиатранспорта. Постоянно проходили совещания обкома и горкома партии, указывающие на недостатки в работе ЗСУ ГА, по результатам которых партийка ЗСУ ГА проводила собрания, анализировала ситуацию и планировала принятие тех или иных мер. В 1986 г. после очередной контрольной проверки МГА, были выявлены нарушения в работе ЗСУ ГА. В письме ЦК КПСС от 09.01.1986 г., пришедшем в обком партии было указано низкое качество работы ЗСУ ГА, отмечались, выявленные в ходе проверки нарушения регулярности полетов (в основном по вине личного состава). Количество нарушений возросло с 136 до 242 [7]. Так же было указано и на возросшее число жалоб со стороны пассажиров. Вывод, сделанный комиссией – «уровень дисциплины в ЗСУ ГА хуже, чем по МГА» [8].

В августе – декабре 1987 г. во всех авиаотрядах ЗСУ ГА прошли собрания, на которых представители советов и политотделов выступали с разъяснениями требований партии по повышению безопасности полетов, были привлечены местные партбюро (Новосибирского, Томского обкома партии, секретариат алтайского райкома КПСС и т. д.).

Решением бюро Новосибирского обкома КПСС были выделены дополнительные площади для автоматизированной продажи билетов и установки системы «Сирена», новой системы АТС «Квант» [9], что способствовало повышению культуры обслуживания пассажиров и ускоряло процесс продажи билетов.

Особое внимание партийные органы уделяли подбору и расстановки кадров летного состава, их профессиональной подготовки, ликвидации задолженностей по отпускам, которые накапливались в связи с ростом интенсивности работы в летне-осенний период, ремонту диспетчерских пунктов и их оснащению современными техническими средствами, особое внимание за организацией контроля за предполетным отдыхом. В целом можно сказать, что произошло повышение партийного влияния на организацию летной работы.

Не смотря на возросшее внимание со стороны партийных органов за деятельностью авиапредприятий, в 1987 г. в ЗСУ ГА произошло 40 отказов двигателей в полете. Экипажи действовали грамотно и благополучно завершили полеты. Анализ данных показывает, что по сравнению с предыдущим периодом произошло снижение грубых дисциплинарных проступков на 2,7 %, административных правонарушений на 23,9 %, прогулов – на 19,7 %. В целом, по всем видам нарушений снизилось с 6,2 % до 5,7 %, на каждые 100 человек [10].

Такие изменения в основном были связаны с переходом на новые условия и хозяйствования и оплаты труда, которые определялись Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР № 57 «О переводе предприятий и объединений управления Министерства ГА на полный хозрасчет и самофинансирование» и №115 «О совершенствовании организации заработной платы и введении новых тарифных ставок и дополнительных окладов работникам народного хозяйства», Законом СССР «О государственном предприятии (объединении)».

Переход к новой системе был рассмотрен на партийных собраниях, активах, специальных семинарах, где происходило обсуждение, разъяснение и обмен опытом с теми предприятиями, где документы уже начали реализовываться. В целом ЗСУ ГА и его подразделения перешли на новую систему оплаты труда с 1 января 1988 г., однако не смотря на предписанные меры, дисциплина и безопасность полетов не отвечали требованиям, сохранялся высокий уровень авиационных происшествий и предпосылок к ним по вине личного состава, в том числе – пьянки на рабочем месте и выход в рейс в состоянии алкогольного опьянения или сильного похмельного синдрома (до 32 % происшествий и уголовных преступлений, и 83,6 % – административных правонарушений) [11]. Таким образом, попытки командного состава административными методами решать организационные вопросы обеспечения безопасности полетов оказались неэффективными. Партийные органы должны были найти новые формы и методы повышения влияния на весь технологический процесс организации летной работы. Одной из задач было привлечение молодежи и профсоюз к решению вопросов дисциплины и повышения безопасности полетов.

15 декабря 1987 г. Совет управления и Президиум территориального комитета профсоюза авиаработников приняли решение и программу действий для реализации Решения Политбюро ЦК КПСС от 20.05.1987 г., решений МГА и Президиума ЦК профсоюза авиаработников от 15.10.1987 г. № 80, а так же постановления ЦК ВЛКСМ «О проведении эксперимента по расширению полномочий комсомольских организаций транспорта и рыбного хозяйства в условиях перестройки хозяйственного механизма». Однако проблему подбора кадров, в том числе руководящих, особенно с техническим образованием решить было сложно, так как в основном трудности возникали в социально-бытовом обслуживании. С целью решения данного вопроса было начато строительство жилых домов в Колпашево (1987 г.), Томске (1987 г.), Новосибирске (1988 г.).

Предпринятые в 1987 – 1988 гг. меры, направленные на улучшение положения с безопасностью полетов нашли отражением в отчете комиссии по надзору за безопасностью полетов воздушных судов при Совете Министров СССР. Комиссия Госавианадзора СССР работа в ЗСУ ГА в период с 12 по 20 октября 1988 г. и провела проверку обеспечения безопасности полетов воздушных судов, в том числе организацию и соблюдение правил полетов и управления воздушным движением, метеорологического, аэродромного, медицинского, аварийно-спасательного, режимного обеспечения, летной и технической эксплуатации авиационной техники, качества расследования авиационных происшествий. Одновременно проверялось устранение недостатков, вскрытых в 1987 г. комиссией КПК при ЦК КПСС.

Проверка проводилась в Омском, Толмачевском, Новосибирском, Кемеровском, Барнаульском, Стрежевском, Колпашевском ОАО, в учебно-тренировочном центре и аппарате управления [12]. В ходе проверки было установлено, что ЗСУ ГА при подготовке к осенне-зимнему периоду 1989 – 1990 гг. «работает над устранением недостатков, выявленных в 1987 г., однако данные усилия минимальны» [13]. Результаты проверки были направлены в авиапредприятия, где работа комиссия. Среди выявленных недостатков было отмечено: сохранение задолженности по отпускам, недостаточно используются тренажеры и подготовка на них, плохая работа диспетчеров, низкий уровень технологии работы диспетчера, плохое обеспечение авиадвигателями, оборудованием, плохое аэродромное обеспечение (отсутствовали маркировочные знаки, нарушены ограждения), плохая организация метеорологического обеспечения. В качестве положительного, было отмечено – отсутствие столкновений с птицами [14], повышение профессионального уровня летного состава, улучшение использования средств объективного контроля [15].

Большое значение для повышения безопасности полетов имела классность пилотов. За 1986 – 1988 гг. классность была значительно повышена: пилотов транспортной авиации с 42,3 до 45,6 %, пилотов ПАНХ с 9,6 до 16,5 %, штурманов с 50,5 до 52,7 % [16].

Таким образом, к концу 1980-х годов состояние безопасности полетов в ЗСУ ГА не отвечало требова-

ниям Постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 24.09.1985 г. Наиболее аварийными были Барнаульский, Новокузнецкий и Колпашевский ОАО, в которых происходило до 80 % авиапроисшествий, в том числе по вине личного состава. Основными причинами происшествий, связанных с личным составом, продолжали оставаться низкий профессиональный уровень и недисциплинированность авиаспециалистов.

Сохранению значительного количества происшествий способствовали недостатки в профилактической работе по их предупреждению, вызванные низким уровнем анализа причин происшествий и летной работы. В таких «анализах» приводятся виды происшествий и их регулярность, а причины не выявляются, не анализируются и как результат не устраняются. Поэтому недостатки в расследовании авиационных происшествий отрицательно сказывались на состоянии безопасности полетов. Во многих случаях материалы комиссий по расследованию носили формальный, общий характер. Как результат из-за низкого качества расследований и рекомендаций профилактические меры либо не проводились, либо их эффективность была слишком мала, что в свою очередь приводило к повторяемости инцидентов по одним и тем же причинам.

В целом анализ обеспечения безопасности полетов за изучаемый период можно рассматривать по ряду категорий: организация летной работы, эффективность использования воздушного пространства и организация управления воздушным движением, инженерно-авиационное обеспечение, аэродромное обеспечение, метеорологическое обеспечение, орнитологическое обеспечение, радиосветотехническое обеспечение, медицинское обеспечение, организация обслуживания пассажиров, аварийно-спасательное и противопожарное обеспечение полетов и режимно-охранное обеспечение. Каждый из выделенных элементов и все они в совокупности составляли систему безопасности полетов в ЗСУ ГА.

К началу 1990-х годов в ЗСУ ГА сохранялись проблемы с обеспечением безопасности полетов по всем из указанных пунктов. В частности по вопросу организации летной работы: часть летного и командного состава имела слабые знания о причинах авиапроисшествий (Новосибирск, Кемерово, Барнаул), продолжала проводить тренировки на тренажерах со старыми параметрами и без учета новых моделей ВС и требований к их пилотированию, нарушались требования НППГА-85 в части ежемесячных комплексных проверок каждого экипажа с использованием всех средств объективного контроля за выполнением полета, нарушались сроки прохождения тренировок.

При организации диспетчерского контроля за полетом ВС в нормативных документах не регламентировались случаи совместного использования воздушного пространства гражданской авиацией и ВВС, из-за низкого уровня технической оснащенности сохранялись недостатки в организации связи между пунктами УВД (Барнаул и подведомственный аэродром «Зональное», с аэродромами ДОСААФ Томск, Ленинск-Кузнецкий, Кемерово), не соблюдались требования МГА по определению действий диспетчера в

случае отключения радиолокационных средств и увеличения безопасной высоты полета, не был регламентирован порядок работы диспетчеров при пролете транзитного ВС и т. д.

На обеспечение безопасности полетов оказывало существенное влияние качество технического обслуживания авиационной техники в предприятиях ЗСУ ГА. В большинстве аэропортов – не отвечало предъявляемым требованиям. В результате неудовлетворительного технического обслуживания авиационной техники регулярно выявлялось большое количество дефектов, что приводило к эксплуатации ВС с данными дефектами. Такие нарушения были вызваны низким качеством работы АТБ и нарушением правил эксплуатации ВС, несвоевременных ТО, переналет часов, что вело к АП, неточности ведения бортовых журналов.

Аэродромное обеспечение полетов гражданских ВС авиапредприятиями управления к началу 1990-х годов было организовано в соответствии с нормативными и руководящим документами МГА СССР. Регулярно проводились мероприятия по совершенствованию методов аэродромного обеспечения и повышению роли человеческого фактора. Наиболее эффективно к началу 1990-х г. работал коллектив аэродромной службы Омского ОАО (построена база аэродромной службы, созданы нормальные условия для труда и отдыха работников). В основном проблемы в организации аэродромного обеспечения полетов ЗСУ ГА были характерны для всей отрасли в целом: аэродромные покрытия эксплуатировались с нарушением (имели дефекты, трещины – Толмачево, Новосибирск, Барнаул, Омск), не соблюдались сроки ремонта искусственных покрытий, полеты производились с превышением допустимой полетной массы ВС. Ремонт ВПП не производится из-за необходимости существенных финансовых затрат (Барнаул, Толмачево). Не на всех аэродромах обеспечивались нормативные сроки очистки элементов летного поля в зимний время (из-за нехватки снего-льдо-уборочной техники (Омск, Толмачево). Не вся аэродромная техника к началу 1990-х г. была оборудована проблесковыми огнями (резерв проблесковых огней отсутствовал в Омске, Толмачево, Новосибирске, Стрежевом). Во всех аэропортах сохранялась проблема ограждения периметра аэродрома. Чаще использовалась металлическая сетка и колючая проволока, что не соответствовало предъявляемым требованиям, часто имелись не контролируемые проходы (дыры), что позволяло беспрепятственно проникать на территорию аэродрома.

Проблема сохранялась и в вопросах метеорологического обеспечения. Технически оно в основном соответствовало требованиям руководящих документов МГА – Госкомгидромета. Недостатками были – отсутствие или недостаточное количество датчиков ветра, приборы для измерения нижней границы облаков не всегда работали, плохо оборудованы рабочие места синоптиков, не точность прогнозов вызывала наибольшие трудности в работе и обеспечении безопасности полетов.

Не меньшую сложность в организации безопасности полетов играли птицы. В соответствии с требованиями нормативных документов МГА СССР по орни-

тологическому обеспечению безопасности полетов в аэропортах ЗСУ ГА регулярно проводилась целенаправленная работа по предотвращению столкновений ВС с птицами. В Толмачево к началу 1990-х г. удалось достичь высоких показателей в этом вопросе, иначе обстояло дело в Омском ОАО. На территории аэропортов часто образовывались свалки, создавались свинофермы, происходил засев приаэродромной территории сельскохозяйственными культурами, что привлекало птиц и приводило к АП.

Существенные проблемы к началу 1990-х годов сохранялись с качеством организации связи. На эксплуатации находились технические средства (радиостанции авиационной воздушной радиосвязи, радиопеленгаторы, приводные радиостанции, светосигнальное оборудование), которые не имели удостоверений годности или их срок эксплуатации истек (Толмачево, Кемерово, Омск). Небрежное или нерегулярное ведение эксплуатационно-технической документации, эксплуатация устаревшей техники приводили к ухудшению качества радиолокационного обеспечения и как следствие отрицательно могли повлиять на безопасность полетов.

Важным элементов в обеспечении безопасности полетов было медицинское сопровождение и контроль за готовность экипажей к вылету. Медицинские службы авиапредприятий ЗСУ ГА к 1990 г. были укомплектованы медработниками на 94,8 %, однако из них 27 % – пенсионеры [17]. Основная проблема – обеспечение медицинской аппаратурой и диагностическим компонентами, не своевременно обновлялись лекарственные препараты в комплекте неотложной помощи.

На многих авиапредприятиях ЗСУ ГА вводилась система повышенного контроля при досмотре пассажиров и багажа. Сегодня это современные сканеры, повышенный контроль при организации досмотра пассажиров и багажа в предполетный период. В то же время предполетный контроль осуществлялся своевременно, в соответствии с требованиями.

«Безопасность – прежде всего» – был лозунг советской авиации. И действительно уровень квалификации советских пилотов и мастерство пилотирования воздушных судов ставили Аэрофлот на одно из первых мест по степени безопасности полетов.

Для организации безопасности полетов Министерство Гражданской авиации СССР принимало приказы, которые регламентировали налет часов авиапредприятиями гражданской авиации, виды выполняемых работ и их объем, условия подготовки и введения в строй новой техники, условия ведения штабной и летной документации и обязательных послеполетных разборов, организация содержания аэродромов, служб связи, а так же анализ основных летных происшествий, их причин.

В результате обеспечения четкого и грамотного управления воздушным движением самолетов на всех этапах полета диспетчерскому составу службы движения оказывалось возможным в ряде случаев предотвратить предпосылки к летным происшествиям (опасность столкновения в воздушном пространстве с другими самолетами, отказ радиотехнических средств, отказ работы наземного радиолокатора, по-

садка самолетов с отказом одного двигателя или при пожаре в одном из двигателей, предотвращения управления самолетами в нетрезвом виде).

Однако, несмотря на мероприятия, направленные на повышение безопасности полетов, имели место нарушения установленных правил и технологии работы: при плохой видимости разрешение посадки одновременно двум самолетам; недопустимые поездки на служебных машинах по взлетной полосе при одновременной рулежке идущих на взлет самолетов; грубые нарушения при работе диспетчеров при интенсивном движении в воздушном пространстве, когда диспетчер отвлекался от одного борта, переключался на другой и терял связь с первым бортом, что не раз приводило к вторжению самолетов воздушное пространство соседних областей, самовольное изменение эшелона движения самолетов при отсутствии преду-

жеждения диспетчеров, отвечающих за данный эшелон движения, отказ в приеме на посадку самолетов прямого назначения, при мотивировке отсутствия мест стоянки и мест в гостиницах, неверное указание метеоусловий [18].

Таким образом, вторая половина 1980-х годов, существенно изменила требования к организации полетов, и внесла коррективы в выполнение авиауслуг, в результате чего значительная часть направлений и объемов работ ПАНХ была сокращена, выполнялись только те виды работ, которые были связаны с получением авиапредприятиями прибыли. Гонка за прибылью обозначила одну из серьезных тенденций – снижения уровня контроля за безопасностью полетов, что привело к росту нарушений техники безопасности.

Литература

1. ГАНО Ф.Р. 1712. Оп. 1. Д. 1894. Л. 1.
2. ГАНО Ф.Р. 1712. Оп. 1. Д. 2279. Л. 1.
3. Рассчитано по материалам ГАНО Ф.Р. 1712. Оп. 1. Д. 2449. Л. 1.; Д. 2498. Л. 51.; Д. 2499. Л. 1.; Д. 2500. Л. 1.
4. ГАНО Ф. Р. 1712. Оп. 1. Д. 2498. Л. 51.
5. ГАНО Ф. Р. 1712. Оп. 1. Д. 2048. Л. 2.
6. ГАНО Ф. Р. 1712. Оп. 1. Д. 2498. Л. 51.
7. ГАНО Ф. П. 1395. Оп. 1. Д. 52. Л. 5.
8. ГАНО Ф. П. 1395. Оп. 1. Д. 52. Л. 11.
9. ГАНО Ф. Р. 1712. Оп. 1. Д. 2235. Л. 6.
10. ГАНО Ф. Р. 1712. Оп. 1. Д. 2319. Л. 5.
11. ГАНО Ф. Р. 1712. Оп. 1. Д. 2319. Л. 7.; Ф. П. 1262. Оп. 1. Д. 202. Л. 3., Д. 207. Л. 6.
12. ГАНО Ф. Р. 1712. Оп. 1. Д. 2173. Л. 1.
13. ГАНО Ф. Р. 1712. Оп. 1. Д. 2344. Л. 2.
14. Составлено по материалам ГАНО Ф. Р. 1712. Оп. 1. Д. 2344. ЛЛ. 2, 3, 4, 6, 8, 10, 13, 17.
15. ГАНО Ф. Р. 1712. Оп. 1. Д. 2173. Л. 2.
16. ГАНО Ф. Р. 1712. Оп. 1. Д. 2235. Л. 6.
17. ГАНО Ф. Р. 1712. Оп. 1. Д. 2173. Л. 20.
18. РГАЭ Ф. 55. Оп. 1. Д. 939. Л. 147 – 157; Ф. 55. Оп. 1. Д. 1771. Л. 75 – 87.

Информация об авторе:

Сычева Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, 8-904-370-88-64, tsycheva@rambler.ru.

Tatiana A. Sycheva – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Contemporary of Russian History, Kemerovo State University.

УДК 94(571.1/5):343.81

ПРОВЕДЕНИЕ ЭВАКУАЦИИ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ТЮРЕМНОГО ВЕДОМСТВА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА А. В. КОЛЧАКА НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ

Д. Р. Тимербулатов

EVACUATION OF PLACES OF DETENTION AND PRISON DEPARTMENTS OF KOLCHAK'S RUSSIAN GOVERNMENT IN SIBERIA

D. R. Timerbulatov

В статье рассматривается осуществление эвакуации и условия размещения учреждений пенитенциарной системы в Западной и Восточной Сибири в период функционирования правительства Колчака.

The paper considers the implementation of the evacuation and terms of placement of the penitentiary system institutions in Western and Eastern Siberia in the period of Kolchak's government.

Ключевые слова: пенитенциарная система, Гражданская война на востоке России, эвакуация.

Keywords: penitentiary system, Civil War in the East of Russia, evacuation.

Начало весны 1919 г. в Поволжье было ознаменовано широкомасштабным наступлением армий белых в районе бассейна реки Кама. Для восстановления системы управления на занятых территориях была организована реэвакуация служащих и учреждений из Сибири, которые были вывезены осенью-зимой прошлого года в связи с наступательными действиями войск красных. В тот момент Административный совет Временного Сибирского правительства, озабоченный большим количеством нетрудоустроенных чиновников, бежавших из Европейской части России от большевиков, издал постановление от 28 октября 1918 г. о порядке привлечения к работе в местах размещения прибывших лиц [1, с. 135]. Через четыре месяца вооруженным силам А. В. Колчака удалось перехватить инициативу на фронте, что привело к перемещению на запад эвакуированных работников органов власти.

Например, помощник начальника Тюменской тюрьмы Саутин, возглавлявший до своего переезда место заключения в городе Бугульме, после известия о взятии данного уездного центра, выразил ходатайство о возвращении на прежнюю должность. Для скорейшего удовлетворения прошения управляющий Тобольской губернией В. Н. Пигнатти своим приказом от 15 мая 1919 г. освободил его от исполнения обязанностей в пенитенциарном учреждении Тюмени. Подобные действия встретили нарекания со стороны Главного управления мест заключения (ГУМЗ) в Омске, поскольку распределение должностей V-го и VI-го классов, что соответствовало служебному положению Саутина, исходило только от министра юстиции по выбору начальника тюремного ведомства. В итоге, когда Бугульма вновь оказалась в руках красных, Саутин остался не у дел, так как среди административных чинов пенитенциарных учреждений Тобольской губернии не осталось вакансий [2]. Схожая ситуация произошла с эвакуированным помощником делопроизводителя Уфимской тюремной инспекции М. И. Кабановым, который, как и остальные служащие данного ведомства, был прикомандирован к Акмолинскому областному комиссариату [3]. Допущенный в начале 1919 г. к исполнению обязанностей помощника начальника Омской тюрьмы, М. И. Кабанов, проработав на новом месте несколько месяцев, был уволен согласно приказу управляющего областью из-за требования возобновить свою деятельность в Уфе. Но обстановка на фронте быстро изменилась, в результате чего упомянутый служащий оказался также вне персонала пенитенциарной системы [4].

Следует отметить, что в связи с политикой Омского правительства по расширению штатов различных ведомств, а также острым недостатком в опытных кадрах, возникала необходимость к привлечению большого количества работников из сибирских территорий. Причем, нередко назначения осуществлялись своего рода «заранее» в те районы, которые вооруженным силам «белой Сибири» еще предстояло занять. К примеру, назначенный в середине апреля Ми-

нистерством юстиции начальником Омской областной тюрьмы надворный советник В. Адамов, возглавлявший до этого пенитенциарное учреждение города Мариинска [5], согласно приказу от 5 мая 1919 г. был направлен в Оренбург в качестве помощника губернского тюремного инспектора [2]. Однако, этот важный стратегический пункт на реке Урал, несмотря на атаки воинских частей белых, сохранился под контролем Советов.

По истечении некоторого времени наступательный порыв вооруженных соединений антибольшевистских сил на Восточном фронте стал иссякать. Как отмечает исследователь А. В. Ганин, главной причиной этому послужило отсутствие плана взаимодействия армий в момент проведения операции, причем представления о дальнейших действиях войск в случае успешного форсирования Волги носили весьма туманный характер. Свою роль в срыве наступления сыграли весенняя распутица, которая слабо учитывалась командованием при разработке проведения операции, а также возросшее сопротивление красных. Кроме того, Российское правительство испытывало дефицит не только в квалифицированных служащих, но и кадровых офицерах, что негативно сказывалось на устойчивости воинских подразделений, которые достаточно часто с оружием в руках переходили на сторону противника [6, с. 71]. В условиях изменения обстановки на фронте, которая ознаменовалась отступлением войск белых, перед правительством Колчака летом 1919 г. остро встала необходимость обеспечения организованной эвакуации государственных учреждений и их персонала.

Необходимо учитывать, что на тот момент в России существовал некоторый опыт проведения подобных мероприятий. До начала Первой мировой войны предварительных планов по выводу предприятий или институтов власти с театра боевых действий практически не существовало, поскольку в отношении вероятного противника (Германия и Австро-Венгрия) предполагалось ведение только наступательных операций. Но в 1915 г. в связи с Великим отступлением русской армии, в результате которого войскам Центральным державам досталось все имущество на занятых ими территориях, было принято решение создать компетентное ведомство по вопросам эвакуации. Таковой стала Эвакуационная комиссия при особом совещании по обороне во главе с председателем Госдумы М. В. Родзянко. При этом проблема налаживания работы вывезенных учреждений на новых местах сохранялась до самого конца войны [7, с. 48].

После захвата власти большевиками в Петрограде и переезда оттуда Совнаркома в связи с переносом столицы в Москву в марте 1918 г., вызванным опасениями возможного наступления немцев, советской властью была создана система органов по управлению эвакуацией под названием Всероссийская эвакуационная комиссия (ВСЕРЭКОМ). Причем все трудности в данной сфере, имевшие место в дореволюционное время и нерешенные на тот момент, усугублялись

плохим состоянием транспорта и общим хаосом в стране, который со временем только усиливался. Все стороны Гражданской войны, в особенности те, кому удалось в той или иной степени сформировать систему управления и наладить хозяйственную жизнь в контролируемых ими районах, из-за быстро менявшейся военной обстановки, при проведении эвакуаций вынуждены были считаться со сложившимися условиями.

Организованное Реввоенсоветом Восточного фронта контрнаступление вынудило белых оставить многие населенные пункты Предуралья, в том числе Уфу. Согласно приказу командования Западной армией 29 мая 1919 г. весь личный состав пенитенциарного учреждения данного города вместе с казенным имуществом был вывезен в Томск. К моменту прибытия, начальнику Уфимской тюрьмы С. Н. Извекову было поручено составить опись материалов, принадлежащих месту заключения, а также подробные именные списки эвакуированных чинов стражи и других лиц с указанием их должностей на прежнем месте службы и окладов содержания. Необходимость подобных мер не являлась простой формальностью, поскольку управлению Томской губернией предписывалось зачислить перевезенных людей в штат местных пенитенциарных учреждений. В результате имущество Уфимской тюрьмы было передано на хранение, а ее личный состав в количестве 23 человек был распределен между местами заключения, располагавшихся в городе Томске [8]. В дальнейшем губернская тюрьма и Исправительно-арестантское отделение № 1 из-за недостатка в опытных охранниках изъявляли желание получить большее число эвакуированных чинов надзора, поскольку зачисление новых работников проходило вопреки тем требованиям, которые содержались в соответствующем приказе. Например, начальник первой в своем рапорте от 25 июля 1919 г. просил сделать распоряжения по поводу пополнения персонала места заключения не 6 лицами для осуществления контроля над арестантами, как предполагалось ранее, а только 4. В ответ губернский инспектор указывал на то, что для осуществления надзора в Исправительно-арестантском отделении необходимы эвакуированные служащие, а именно старший надзиратель Баландин и еще один младший чин тюремной стражи, чтобы охранять мастерские при данном пенитенциарном учреждении.

Когда стратегическая обстановка окончательно сложилась в пользу Советов и о возможности возвращения потерянных территорий не могло идти речи, встал вопрос о судьбе прибывшего из Уфы имущества места заключения. Так как начальник Извеков к тому моменту решил оставить службу по тюремному ведомству и возбудить ходатайство о своем переводе в действующую армию, собственность тюрьмы, находившаяся в его распоряжении, в условиях нараставшего дефицита вызвала интерес ряда лиц. В конце августа в губернскую тюремную инспекцию обратился командир 1-й батареи Сибирского кадрового Артиллерийского дивизиона капитан Прошанин с просьбой о предоставлении во временное пользование имущества Уфимского пенитенциарного учреждения. Через некоторое время губернское руководство получило

запрос и от уполномоченного Министерства снабжения по Томской и Алтайской губернии Тыжнова об экстренной выдаче ему всего железа, принадлежащего эвакуированной тюрьме. Местные власти высоко оценивали собственность места заключения Уфы, осознавая, что вывезенные материалы крайне необходимы для пенитенциарной системы города Томска. Несмотря на меры по скрытию данной информации, Тыжнову стало известно о наличии железа в количестве 300 пудов из частных разговоров с Извековым.

Для решения вопроса принадлежности эвакуированной собственности в помещение Томской тюремной инспекции на 10 часов утра 2 сентября 1919 года был приглашен отправленный в отставку бывший начальник Уфимской тюрьмы. Помимо него в здание по адресу улица Садовая, №4 был вызван представитель от Исправительно-арестантского отделения № 1. Очевидно, это было сделано с целью передачи данному месту заключения всей эвакуированной собственности. Для освидетельствования приема казенного имущества и денежных средств от Извекова также присутствовал член Томской контрольной палаты. Отсутствие капитана Прошанина в инспекции в момент передачи материальных средств не помешало ему получить согласие ГУМЗ в городе Омске в ответ на запрос Управляющего губернией на выдачу некоторых хозяйственных принадлежностей. Командиру 1-й батареи Сибирского кадрового Артиллерийского дивизиона были предоставлены во временное пользование под его личную расписку части портняжных, плотничных, сапожных, кузнечных и слесарных инструментов, а также два комплекта сбруи. Выдача данного имущества, производившаяся начальником Томского Исправительно-арестантского отделения № 1, сопровождалась строгим условием возврата всего перечисленного по первому требованию в трехдневный срок [8]. Что касается железа, которое запрашивал Тыжнов, скорее всего, оно так и осталось в распоряжении тюремного ведомства, поскольку ГУМЗ оставила без ответа просьбу Уполномоченного Министерства снабжения.

В течение июня 1919 г. зона боевых действий смещалась все далее на восток, что привело к возникновению угрозы таким городам как Екатеринбург, Пермь и Челябинск. В связи с этим властями стал экстренно разрабатываться план эвакуации мест заключения на территории Урала. Несмотря на отсутствие развитой транспортной системы, осуществление вывоза арестантов и тюрем производилось несколькими способами. Наличие полноводных рек позволяло использовать для перевозки заключенных грузовые баржи, а Транссибирская магистраль паровозы и товарные вагоны. В случае невозможности использования при эвакуации средств передвижения арестанты добирались до места назначения своим ходом. Например, перед поражением отрядов Сибирской армии под Екатеринбургом, из местных тюрем была выведена примерно одна тысяча заключенных, в числе которых находилось около ста женщин [9]. Среди арестантов, подлежащих эвакуации, выделялась группа большевиков, которые были в свое время отобраны в пенитенциарных учреждениях города Томска генерал-майором А. Н. Пепеляевым, как особо опасные

лица, и отправлены вместе с его штабом на запад. По воспоминаниям одного из них, М. Александрова, во время пути по Сибирскому тракту заключенным приходилось ночевать под открытым небом в сидячем положении, не имея возможности пошевелиться, поскольку это требовала охрана. Во время одной из остановок недалеко от города Ялutorовска арестант Лебедев, который также относился к томским большевикам, был вызван к начальнику конвоя Обоянцеву, оказавшемуся его армейским сослуживцем. Убедившись, что встретил знакомого, офицер приказал отделить его от основной массы заключенных и разместить при своей семье, чтобы тот выполнял функции «квартирмейстера».

В тот период подобные отношения с арестантами, которые противоречили должностным инструкциям, не были редкостью в среде тюремных служащих и чинов конвойных команд. При этом в условиях Гражданской войны для заключенных, особенно политических, возникали моменты, когда отсутствие порядка и слабая дисциплина в карауле приводили к угрозе их существования. Как писал Александров, в один из дней пути в момент объявления непродолжительного обеденного отдыха к арестантам подошла группа военнослужащих (прим. автора: *сам Александров отмечал, что это были казаки из полков атамана Б. В. Анненкова*). Игнорируя находящийся здесь же конвой, военные принялись искать среди заключенных большевиков. Что характерно, наличие крестика на шее рассматривалось как признак того, что его носитель не является «комиссаром». Благодаря этому, арестантам удалось убедить одного фельдфебеля, что находящийся среди них И. Л. Наханович, который занимал должность председателя Томского революционного трибунала до свержения Советов в Сибири, совсем не еврей, а русский православного вероисповедания. Обстановка постепенно накалялась, но положение спасли уголовные заключенные, заверив, что все большевики были давно перебиты в дороге. На руку политическим арестантам сыграло также отсутствие у конвойной команды именных списков охраняемых лиц. Дальнейший путь до города Ишима, где к группе заключенных из Екатеринбурга была добавлена партия из местной тюрьмы в количестве 250 человек, был пройден без происшествий. Приближение же к Новониколаевску было отмечено распространением эпидемиологических заболеваний, из-за которых смертность среди арестантов значительно возросла. Кроме того, Александров вспоминал, что при прохождении через такие населенные пункты, как Тюкалинск, Татарск и Барабинск со стороны конвоя стали учащаться беспричинные расправы над заключенными. В итоге до станции Кривошеково добралось лишь 400 арестантов, которые были погружены в вагоны, направлявшиеся далее на восток [9].

Необходимо особо подчеркнуть, что при изучении периода Гражданской войны в таком источнике как воспоминания участников событий того времени, боровшихся на стороне Советов, встречаются многочисленные сведения об убийствах заключенных, в основном тех, кто содержался в тюрьмах по политическим мотивам. Подобные факты расправ характерны при описании эвакуации арестантов на речном или

железнодорожном транспорте. В связи с этим в советской исторической литературе указанные средства передвижения получили названия «баржи смерти» и «поезда смерти». В действительности высокая смертность среди заключенных имела место, но из-за плохих условий содержания при перевозке. Согласно воспоминаниям большевика А. Вимба, помещенного в одну из уральских тюрем, в момент эвакуации при погрузке в товарные вагоны арестанты обнаружили, что там отсутствуют печи и нары. В начале пути питание узникам не выдавалось, что вызвало протест всего эшелона, в результате чего каждому человеку было выдано по половине фунта хлеба [10]. Подобная скудность провианта, а также множество вшей достаточно скоро привели к возникновению эпидемий. Вимба отмечает, что умерших от тифа временами не убирали из вагонов по несколько дней. В результате количество больных лишь возрастало. Аналогичное положение наблюдалось также при эвакуации других мест заключения на восток. Во время подготовки к перемещению арестантов и военнопленных из Тобольской губернии в Томск на двух баржах было размещено до 2,5 тыс. человек, из которых к моменту прибытия от болезней скончалось около 200 заключенных, что было вызвано теснотой помещений и отсутствием самой элементарной врачебной помощи [11].

В целом, если опустить плохие условия, в которых пребывали перемещаемые лица, содержащиеся под стражей, эвакуация тюрем в Сибирь осуществлялась относительно организовано. Более негативно оценивались результаты отступления войск, когда армейскому командованию не удалось вывезти с территории Урала большую часть продовольствия, вооружения и обмундирования, оказавшихся в распоряжении красных. Эвакуация же других государственных учреждений также не была подготовлена должным образом и сопровождалась значительными срывами [1, с. 147]. Перед тем как под Челябинском развернулись военные действия, в Омске был поднят вопрос о возможности переброски из города некоторых правительственных ведомств. Генерального штаба генерал-лейтенант А. П. Будберг, отвечавший за снабжение армии, высказывался в пользу того, чтобы очистить город от всех «небоевых учреждений в условиях приближения фронта» [12, с. 275]. Итогом обсуждений в Совете Министров стало создание 15 июля 1919 г. специальной комиссии при МВД, обязанностью которой являлась составление планов эвакуации органов власти, служащих и членов их семей, а также подготовка районов, на которых предполагалось разместить перевезенных людей и имущество.

С целью разгрузки мест заключения Акмолинской области, количество содержащихся в которых превышало норму в несколько раз, власти рассматривали возможность перевода части арестантов в пенитенциарные учреждения Восточной Сибири. Так, Департамент милиции МВД просил следователя при окружном суде разрешить эвакуацию некоторых из них, в том числе большевика К. А. Попова, из Омской областной тюрьмы. Численность находящихся в ней заключенных составляла около 900 человек, хотя само пенитенциарное учреждение было рассчитано на при-

ем 200 – 300 арестантов [13]. Одновременно руководители тюремного ведомства, как и другие высшие правительственные чиновники, несмотря на отсутствие конкретных распоряжений о выезде из столицы «белой Сибири», старались заблаговременно позаботиться о своих семьях. Например, начальник ГУМЗ П. К. Гран в письме от 30 июля 1919 г. товарищу министра путей сообщения Г. М. Степаненко просил последнего выделить для его жены Анастасии Мариановны одно место первого класса в курьерском поезде, чтобы она могла добраться до Иркутска [14].

Ввиду продолжавшегося отступления армии органы власти приступили к более конкретным шагам по осуществлению организации перемещения государственных ведомств. В начале августа 1919 г. приказом министра внутренних дел был назначен Главноуполномоченный по организации и обустройству служащих правительственных учреждений. С целью выработки общего плана и обсуждения вопросов, связанных с предстоящей отправкой на восток, в помещении МВД по адресу улица Александровская, 19, были приглашены представители различных ведомств. Уполномоченным от ГУМЗ на встречу был направлен тюремный инспектор В. П. Степанов. По результатам данного заседания начальником тюремного ведомства было получено распоряжение от товарища министра юстиции А. П. Морозова, из содержания которого следовало, что ему разрешается выбрать любой город для эвакуации управления, поскольку для переезда из Омска в тот момент не имелось никаких препятствий. В силу того, что значительная часть заключенных была перемещена в Александровскую каторжную и пересыльную тюрьмы, а также в Троицкосавское пенитенциарное учреждение недалеко от города Благовещенска, П. К. Гран отдал предпочтение Иркутску [14]. Начальник ГУМЗ полагал необходимым вывезти тюремное ведомство с сокращенным составом служащих в количестве 22 человек, освободив 11 комнат в здании Судебных установлений, в которых размещалось его управление, для другого учреждения. Для скорейшего осуществления эвакуации П. К. Грану была предоставлена полная самостоятельность в вопросах административного и финансово-кредитного характера. До переезда в Иркутск начальника ГУМЗ, а также прибытия туда его помощника С. И. Новакова, приказом по тюремному ведомству от 18 августа 1919 г. за № 112 в Омске был оставлен В. П. Степанов для заведывания местами заключения и распределения служащих. Ответственность же за работу канцелярии была возложена на старшего делопроизводителя Д. И. Тамара, которому также предписывалось выехать из Омска позднее. В итоге 27 августа 1919 г. в 6 часов вечера Гран вместе со своим сыном Николаем, а также Главный инспектор по пересылке арестантов Н. Н. Соболевский и другие служащие, захватив с собой легкие вещи, выехали в Иркутск на поезде в вагоне № 814.

В это же время производилась эвакуация чинов администрации и надзора с территорий, к которым приближалась линия фронта. В телеграмме руководства тюремного ведомства Управляющему Акмолинской области указывалось на безотлагательное командирование в Читку всех надзирателей, которые

были вывезены ранее с Урала, если те не состояли в штате местных тюрем [15]. Когда из-за ухудшения военной обстановки возникла прямая угроза захвата Омска, начальник ГУМЗ выразил прошение министру путей сообщения по поводу заблаговременного предоставления 18 вагонов для эвакуации в Иркутск служащих и имущества пенитенциарного учреждения областного центра [16]. Но, благодаря победному контрнаступлению войск белых в районе реки Тобол в сентябре 1919 г., перемещение государственных учреждений в Восточную Сибирь и Дальний Восток было приостановлено. Уверенность высших должностных чинов в изменении ситуации на театре боевых действий выразилась в переименовании комиссии по эвакуации в Межведомственное совещание по вопросам дезэвакуации. К тому времени из Омска помимо ГУМЗ были выведены на восток только Экономический отдел Министерства снабжения и продовольствия и Экспедиция заготовления бумаг Министерства финансов [17, с. 366].

Некоторыми эвакуированными работниками стали выражаться намерения исполнять свои обязанности в тех должностях, которые они занимали до своего вынужденного отъезда, что выразилось в перемещении некоторых органов власти в обратном направлении. Так, сдав уголовных заключенных в количестве 160 человек начальнику Особого арестантского эшелона прапорщику Носикову и 70 лиц, обвиненных в нелояльности Российскому правительству, главе местной государственной охраны, начальник Петропавловской уездной тюрьмы Каргополов вместе с несколькими надзирателями 1 сентября 1919 г. был отправлен в Иркутск. Однако в данном месте заключения было оставлено еще около 200 арестантов, в результате чего военные власти в лице ротмистра Журавского, под контролем которого оказалось упомянутое пенитенциарное учреждение, стали выражать требование о возвращении гражданских служащих [18]. Необходимость присутствия тюремных чинов было вызвано не только отсутствием возможности осуществлять охрану такого количества заключенных, но и открывшимися злоупотреблениями со стороны прежней администрации. В связи с этим Журавский, обращаясь к своему командиру полковнику Руссиянову, указывал, что, скорее всего, Каргополов примет все возможное, чтобы остаться на востоке. Несмотря на это, подчинившись распоряжению руководства ГУМЗ, начальник Петропавловской тюрьмы вместе с некоторыми чинами надзора 6 октября 1919 г. покинул Иркутск, прибыв на место постоянной службы через десять дней. Но к исполнению своих обязанностей вернувшаяся администрация так и не приступила, как из-за продолжавшегося присутствия военных в месте заключения, так и по причине недостатка средств и персонала. Поэтому Каргополов обратился к управляющему области, чтобы начальник ГУМЗ сделал распоряжение о высылке имущества тюрьмы, а также откомандировании 7 надзирателей, которые были переведены в штат Иркутского пенитенциарного учреждения [16].

Подобная несогласованность ведомств и отсутствие строго выполняемого плана эвакуации лишь вносило дополнительные трудности в напряженную ра-

боту железнодорожного транспорта. Отсутствие порядка было характерно и для организации размещения перевозимых ведомств и служащих, которая не была налажена и во время эвакуации учреждений из уральских городов. Еще до отбытия тюремного ведомства из Омска, между Граном и иркутскими властями было согласовано, что по прибытии служащим тюремного ведомства будут выделены помещения для проживания. Управляющим губернией П. Д. Яковлевым было отдано соответствующее распоряжение Уполномоченному МВД по уплотнению квартир в Иркутске, которым были высказаны соображения в пользу дома Камова на Преображенской улице. Кроме того, начальник ГУМЗ П. К. Гран объявил заведующему местным приютом для арестантских детей П. Ф. Лейцингер, что все свободные помещения данного учреждения, в том числе лазарет, будут переданы эвакуированным чинам [14].

По прибытии в Иркутск старший делопроизводитель Д. И. Тамара попросил поместить в отделе хроники одного из периодических изданий города заметку о переезде тюремного ведомства в Центральную Сибирь. Также в ней указывалось, что действительный статский советник П. К. Гран 3 сентября 1919 г. приступил к службе и готов принимать лиц ежедневно с 10 до 11 утра. Местом встреч было обозначено помещение Иркутской губернской тюремной инспекции по адресу Большая улица, 27, где были временно размещены работники ГУМЗ. Но, несмотря на все меры, а также телеграмму Главноуполномоченного МВД управляющему губернией от 30 августа 1919 г. об обеспечении квартирами прибывших служащих, обещанные места для проживания не были готовы. В это время власти в Омске получали сообщения от П. Д. Яковлева, в которых тот жаловался на нехватку свободных помещений в Иркутске, предлагая отправить эвакуированные ведомства далее на восток или же разместить их за городом. Поэтому даже личные посещения местного Уполномоченного служащими ГУМЗ и местной тюремной инспекции не привели к положительным результатам. В результате этого прибывшие чины к октябрю 1919 г. не имели ни постоянных служебных помещений, ни квартир. Более того, через месяц П. К. Гран получил ордер за подписью П. Д. Яковлева. Начальнику ГУМЗ предлагалось в односторонний срок освободить два номера (№ 33 и № 34) в гостинице «Модерн», где в последнее время он проживал. Необходимость в помещениях была вызвана массовым бегством министерств и других правительственных учреждений в связи с произошедшим захватом Омска красными. Вместо гостиничных номеров П. К. Грану было предложено остановиться в I-м районе Иркутска на Троицкой улице, № 53, на квартире Агафоновой и занять две комнаты. В ответ начальник ГУМЗ указал, что он занимает служебное положение, которое соответствует должности товарища министра. В связи с этим П. К. Гран требовал от управляющего губернией отменить распоряжение о своем выселении из гостиницы «Модерн» [19].

С такими же проблемами пришлось столкнуться при переезде осенью 1919 г. в Томск и сотрудникам Тобольской тюремной инспекции, которые усугублялись откровенно враждебным отношением местных

властей. Положение было таково, что чины надзора, находившиеся в первой партии в момент эвакуации, умоляли свое начальство не оставаться в этом месте, а двигаться далее на восток в Читу. В подобной ситуации, бежавшим служащим с большим трудом удавалось обеспечить себя дровами, баней и свободными помещениями, что было особенно необходимо из-за приближавшихся холодов. В своем донесении от 20 октября 1919 г. управляющему Тобольской губернии, который также находился в Томске, эвакуированный тюремный инспектор Мирный описывал случай, что работники Исправительно-арестантского отделения № 1 требовали с прибывших чинов надзора 5 руб. за чайник кипятка [20]. В то же время помощник начальника каторжной тюрьмы Тобольска Гладышев с тремя малолетними детьми с трудом был размещен в помещении, где ранее просушивались картофель, морковь и другие продукты. Неудобства бытового плана были таковы, что способствовали усилению приступов помешательства у жены Томашевича, находившемуся в той же должности.

Отсутствие участия при расквартировании своих сослуживцев отчасти объяснялось неприязненным отношением Томского губернского тюремного инспектора П. П. Боголепова, который исполнял прежде аналогичные обязанности в Тобольске. Мирный, не знавший его лично, был поражен тем, что к нему была проявлена бестактность и даже грубость со стороны лица, контролировавшего местную пенитенциарную систему. Данные из других документов свидетельствуют, что П. П. Боголепов действительно испытывал антипатию к своим бывшим подчиненным. Например, им, после перевода в Томск, на протяжении долгого времени отвергалась кандидатура Иконникова, служившего начальником Тобольской каторжной тюрьмы, на должность помощника инспектора [21]. Из всех эвакуированных служащих П. П. Боголеповым был оказан радушный прием лишь Зобнину, который числился в администрации вывезенной губернской тюрьмы. Прибывший же Тобольский инспектор мест заключения встретил не только препятствия, связанные с самостоятельными поисками жилья, но и нежелание нижестоящих чинов местного тюремного ведомства выполнять его распоряжения. В результате этого прибывшие баржи с казенным имуществом, так и не были до конца разгружены, а ящик с отчетностью кассы Тюменской тюрьмы оставался в течение долгого времени на улице.

Рассматривая такой аспект правительственной политики при А. В. Колчаке, как подготовка и осуществление эвакуации административного аппарата, следует признать, что в нем нашли отражение все недостатки системы власти, созданной антибольшевистским движением на востоке России. Отсутствие предварительно разработанных планов и несогласованность действий между государственными ведомствами вызывали трудности, как для перевозимых, так и для принимающих лиц. Если летом 1919 г. проведение эвакуации осуществлялось более или менее налажено, то осенью из-за оттока на восток большого числа беженцев и перегруженности транспорта, оно было полностью дезорганизовано. Вывоз же пенитенциарных учреждений был особенно труден, в силу необ-

ходимости перемещения большого числа содержащихся в них людей, а также многочисленного имущества мест заключения. При этом условия эвакуации служащих ГУМЗ, инспекций и тюрем при всех имев-

шихся проблемах не могли сравниться с тем, что испытывали при переезде заключенные, среди которых из-за этого было немало тех, кто не добирался до пункта назначения.

Литература

1. Рынков, В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 гг.) / В. М. Рынков. – Новосибирск: Научное издание, 2008. – 460 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 827. Оп. 1. Д. 2. Л. 27 – 51.
3. Акмолинские областные ведомости. – 1918. – 7 декабря.
4. Вестник Акмолинской области. – 1919. – 10 мая.
5. Вестник Томской губернии. – 1919. – 9 мая.
6. Ганин, А. В. Враздобръ, или Почему Колчак не дошел до Волги / А. В. Ганин // Родина. – 2008. – № 13.
7. Мелия, А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР / А. А. Мелия. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 120 с.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р. – 839. Оп. 1. Д. 4. Л. 4, 22, 48 – 50, 66, 71 – 72, 94 – 96, 114 – 116 об.
9. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П. – 483. Оп. 1. Д. 363. Л. 28 – 32.
10. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 4204. Оп. 4. Д. 72. Л. 3.
11. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П. – 5. Оп. 3. Д. 204. Л. 3 об.-4.
12. Будберг, А. П. Дневник белогвардейца / А. П. Будберг. – Минск. Харвест, 2001. – 335 с.
13. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 19. Оп. 5. Д. 13. Л. 14.
14. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 31. Л. 9-10 об, 20, 23, 30, 62-62 об., 93, 96-96 об.
15. ИАОО. Ф.1617. Оп.1. Д.35. Л.112.
16. ИАОО. Ф.1617. Оп. 1. Д. 117. Л. 16.
17. Зырянов, П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России / П. Н. Зырянов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 460 с.
18. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 35. Л. 45.
19. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 57. Л. 27-28.
20. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 175. Л. 119 об-121 об.
21. Вестник Томской губернии. – 1919. – 19 сентября.

Информация об авторе:

Тимербулатов Дмитрий Радикович – аспирант кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, 8-960-900-36-17, noi@history.kemsu.ru.

Dmitriy R. Timerbulatov – post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University..

УДК: 94(571.17):331.108.2:69

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И КАНАЛЫ ПОПОЛНЕНИЯ РАБОЧИХ СТРОИТЕЛЕЙ КУЗБАССА ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВОЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1943 – 1950 гг.)

Д. М. Фомин

DYNAMICS OF NUMBERS AND REPLENISHMENT CHANNELS OF KUZBASS CONSTRUCTION WORKERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE FIRST POSTWAR FIVE-YEAR PLAN (1943 – 1950)

D. M. Fomin

Проведено исследование по выявлению основных каналов пополнения кадров рабочих, а также определение тенденций в изменении динамики численности пополнения рабочих строительной отрасли Кемеровской области в годы войны в годы Великой отечественной войны и первой послевоенной пятилетки (1943 – 1950).

The paper provides the results of the research conducted to identify the main channels of workers recruitment, as well as the trends in dynamics of workers population of the construction industry of the Kemerovo region in the years of World War II and the first postwar five-year plan (1943 – 1950).

Ключевые слова: рабочие, строительные организации.

Keywords: workers, construction companies.

На момент образования Кемеровской области, в 1943 году, на её территории действовало несколько крупных, подчиненных различным наркоматам, строительных организаций. В числе которых, Прокопьевскшахтострой, Сталинскпромстрой, ОСМЧ-30, ОСМЧ-3, и Стройтрест – 25. Данные строительные организации занимались, прежде всего, производственным и жилищным строительством на территории Кемеровской области. В условиях военного времени, постоянный рост потребности страны в продукции промышленности вынуждал строительные организации, отвечающие за строительство новых и расшире-

ние существующих производств, прилагать максимум усилий для выполнения плановых показателей, по строительно-монтажным работам. Добиваться поставленных задач удавалось, в основном, путем не повышения квалификации рабочих и закрепления их за рабочими местами, не улучшения материально-технического оснащения, что, в целом, было затруднительно в условиях войны, а наращиванием численности рабочих – строителей. Данные о численности рабочих строителей в основных строительных организациях области приводятся в таблице 1.

Таблица 1

Динамика численности рабочих строителей в строительных организациях Кемеровской области 1943 – 1951 годы (чел).

Строительные организации	1943		1945		1947		1949		1950	
	рабочие		рабочие		рабочие		рабочие		рабочие	
	план	факт	план	факт	план	факт	план	факт	план	факт
ОСМЧ-3	4642	5793	4459	3559	-	-	3143	3755	5996	5608
ОСМЧ-30	3789	4564	4541	4909	-	-	2204	2250	5298	4277
Прокопьевск-шахтострой (с 1947 Главкузбассшахтострой)	-	-	-	8948	-	-	31926	31322	43198	41940
Сталинскпромстрой	5154	5258	4663	4109	6441	5558	-	-	7923	7057

ГАКО: Р-887, Оп-1, Д.5, Л.6; Р-830, Оп-1, Д.11, Л.20, Д.24, Л.19; Д.49, Л.12; Д.62, Л.9; НФ ГАКО: Р-187, Оп-1, Д. 53, Л. 3 об; Д.67, Л. 10; Д.86, Л. 5; Д.121, Л.26; Д. 231, Л. 38; Р-195, Д.13, Л.42; Д.29, Л.110. Р-201, Оп-1, Д.7, Л.19; Д.18, Л.28; Д.72, Л.87; Д.88, Л.50.

Из данных таблицы 1 видно, что на момент образования области численность рабочих в строительных организациях была выше плановой. К концу войны, дефицит людских ресурсов, вызванный потерями на фронтах войны, существенным образом не сказался на численности рабочих на стройках области. В некоторых организациях, среди которых ОСМЧ-3, ОСМЧ-30, число рабочих даже увеличилось, в то же время, в Сталинскпромстрое, рабочих стало более чем на тысячу меньше чем в 1943 году. Но это уменьшение было связано с сокращением фронта работ и передачей части объектов промышленного назначения ОСМЧ-3. Несмотря на то, что количество рабочих в среднем превышало плановую численность, на некоторых стройках ощущался дефицит. Так на строительстве Ново-Кемеровского Химического комбината в 1947 году из необходимых 1000 рабочих на стройке находилось 350 – 380 человек [1]. По Ново-Кемеровскому химкомбинату ситуация не изменилась и в начале 1950-х годов. Несмотря на то, что строительство этого предприятия было одной из приоритетных задач, обеспеченность кадрами составляла в 1951 году 47 % от плановых показателей [2]. Такое положение дел говорит о том, что плановые показатели для строительных организаций области не соответствовали возможностям самих строительных трестов.

В годы войны руководству страны, впрочем, также как и руководству области, необходимо было решать две сложнейшие задачи, с одной стороны, действующая армия постоянно требовала пополнения,

новыми людскими ресурсами, с другой стороны расширение производств и строительство новых объектов было невозможно без наращивания численности рабочих. В связи с этим государство изыскивало различные источники пополнения числа рабочих. Среди основных источников можно привести следующие: труд военнопленных и различного рода спецконтингента, организованный набор, направление на стройки выпускников школ ФЗО, а также использование рабочих из азиатских республик СССР. Отчеты по основной деятельности строительных трестов, позволяют выяснить данные по количеству рабочих, привлеченных на стройку из вышеназванных источников.

Труд военнопленных, а также разных категорий спецконтингента широко применялся в строительстве. В основном подобного рода рабочие использовались на подсобных работах, например, на погрузочно-разгрузочных. Так, например, в 1945 году в структуру ОСМЧ-30 вошло 2000 военнопленных немцев и 1800 интернированных из различных областей СССР, что составило 77 % от общего числа рабочих треста. В объяснительной записке к отчету по основной деятельности ОСМЧ-30 за 1945 год отмечается, что большинство прибывших немцев были физически слабые, больные и поэтому не приспособленные к тяжелому физическому труду. В основном военнопленные и интернированные прибыли в трест в течение мая-июня 1945 года, к концу года их количество сократилось с 3800 до 2200 человек, причем среднее число выходов подобного рода рабочих на строитель-

ные работы снизилось с 1400 в мае, до 780 в декабре. Более того выполнение норм выработок этой группой рабочих не превышало 50 % от плановых показателей, в то время, когда в среднем вольнонаемные рабочие треста выполняли в 1945 году 120,1 % от плановых норм выработки. Невыходы рабочих происходили не только по естественным причинам, вызванных смертью и высокой заболеваемостью, но и из-за элементарного отсутствия теплой одежды и обуви [3]. Неритмичная организация работ выполняемых спецконтингентом приводила к нарушению ритма работ самих строительных организаций. Обычно несколько рабочих спецконтингента прикреплялись к одному квалифицированному рабочему, например, каменщику, штукатуру, столяру и выполняли работы по подноске материалов и приготовлению строительных смесей. Часты были случаи, когда невыходы рабочих спецконтингента приводили к тому, что квалифицированные рабочие оставались без подсобных рабочих силы и были вынуждены сами выполнять подготовительные работы, что приводило к уменьшению объемов и норм выработок основных выполненных работ, и влияло на заработную плату рабочих высокой квалификации в сторону её увеличения. В послевоенное время, качественный состав спецконтингента не улучшался. Так в 1947 году в тресте ОСМЧ-30, почти все рабочие этой группы, из-за слабого здоровья были переведены на неполный рабочий день. Таким образом, наравне с проблемой не ритмичного выхода на строительные работы спецконтингента, после обеда квалифицированные рабочие почти полностью оставались без подсобных рабочих. Норма выработки этой группы рабочих в тресте составила 49 % от плановых показателей [4].

Применение труда рабочих спецконтингента в разные годы было не одинаковым. Так, например, в Сталинскпромстрое в 1943 году работало 1660 человек различного рода спецконтингента, что составляло 31 % от общего числа рабочих [5]. В 1945 году в тресте работало 1300 рабочих – спецконтингента, что составило 31,5 % от общего числа рабочих. В 1947 году число спецконтингента в тресте возрастает, достигнув уровня 3234 человек, что составляло на тот момент 58 % от общего числа работающих [6]. Руководство Кемеровской области, пытаясь решить проблему хронического невыполнения плановых показателей по строительно-монтажным работам, направляло на наиболее ответственные строки области рабочих из числа спецконтингента, так в 1945 году для ОСМЧ-3 на строительство ТЭЦ Сталинского Аллюминиевого завода было направлено 2500 человек [7].

В ОСМЧ-3, спецконтингент стал широко применяться только после окончания войны и к концу десятилетия его численность в тресте достигла 47,6 % от общего количества рабочих [8]. Особенностью ОСМЧ-3 было то, что в качестве дополнительной рабочей силы во время войны активно применялся труд рабочих из азиатских республик СССР. В отчете за 1943 год тресте упоминается, что узбеки, таджики, казахи, киргизы и т. д. – составляли 83,01 % от всей рабочей силы строительной организации [9]. К сожалению, в последующих отчетах треста больше нет упоминаний о численности этой категории рабочих.

В архивных документах можно также найти отрывочные данные о работе среднеазиатских рабочих на стройках Кузбасса. Так, например, в составе Строительного треста №-25 (будущий Юргатрестстрой) в 1945 году находилось 30 % узбеков [10]. А на заседании первого пленума Кемеровского Обкома ВКП(б), начальник Кузбассшахтостроя, И. П. Давыдов отмечал, что большинство рабочих комбината, выходцы из Казахстана [11]. Несмотря на то, что достаточно сложно подсчитать, число этих рабочих, можно с уверенностью сказать, что это были люди с низкой квалификацией и мотивацией к работе. Так в отчете ОСМЧ-3 за 1943 год отмечается: “За небольшим исключением, все прибывшие рабочие никогда не работали в промышленности, не имели строительных профессий, не имели навыка и опыта работы на производстве” [12]. Хотя, как уже отмечалось выше, трудно установить точное количество выходцев из азиатских республик СССР, работающих в Кемеровской области в годы войны, но интерес руководства области к их судьбе говорит о том, что это была не малочисленная группа рабочих. 23 августа 1943 года выходит постановление Обкома КПСС “О массово-политической работе и бытовом обслуживании рабочих нерусской национальности” [13]. В постановлении отмечалось, что рабочие-строители из азиатских республик СССР не имеют положенного снабжения в продуктах питания и одежде, Обкомом ВКП(б) были выявлены случаи нецелевого расходования средства, направленных на улучшение жилищно-бытовых условий этой категории рабочих. В итоге Обком ВКП(б) постановляет резко улучшить обеспечение и культурно-бытовое обслуживание рабочих из азиатских республик СССР.

К сожалению, из-за плохой сохранности документов и ограниченности доступа к ведомственным архивам не представляется возможным восстановить численность рабочих спецконтингента в главной строительной организации области Прокопьевскшахтострой (с 1947 года – Главкузбассшахтострой, с 1951 года – комбинат Кузбассшахтострой). Тем не менее, кое, что выяснить все-таки представляется возможным. Так, например, в структуру Прокопьевскшахтостроя в 1944 году поступило 1000 спецпереселенцев из Крыма [14]. Вполне естественно предположить, что в системе Главкузбассшахтостроя было задействовано большое число спецконтингента. Так или иначе, этот источник организованного пополнения рабочей силы строительных организаций исчерпал себя уже к концу 1940-х годов, хотя военнопленные и другие категории репрессированных применялись на стройках области вплоть до середины 1950-х годов, когда большинство из них было амнистировано.

Применение на стройках области строителей из числа репрессированных или военнопленных сыграло большую роль в наращивании индустриальной мощи нашего региона. В условиях военного времени и послевоенного восстановительного периода было жизненно важно в максимально сжатые сроки производить строительно-монтажные работы. Поддерживать высокий темп работ при слабой технической оснащенности, было бы не возможно без вливания достаточно большого количества людских ресурсов, кото-

рые и заменяли механизмы. Вместе с тем, необходимо отметить несколько отрицательных моментов в работе этой категории рабочих. Спецконтингент состоял в основном из малоквалифицированных и, что важнее физически ослабленных людей, которые, зачастую не могли работать на тяжелых работах по разгрузке – погрузке или переносу строительных материалов. Управление лагерей, которое обеспечивало выход рабочих и его охрану зачастую не согласовывало свои действия со строительными организациями, на стройки которых необходимо было выводить заключенных, в итоге было достаточно сложно организовать бесперебойную работу строек. Сами строительные организации воспринимали работу спецконтингента как вынужденную временную необходимость, действительно, ни кому не нужны были рабочие, которые не заинтересованы в результатах своего труда и поэтому выполняющие нормы выработки в среднем в два раза меньше чем у других категорий трудящихся.

Помимо труда спецконтингента, были и другие источники организованного пополнения числа рабочих строительных организаций области. Прежде всего, стоит сказать об организационном наборе, а также распределения на работы выпускников фабрично заводских школ (ФЗО), рабочих училищ (РУ), горно-промышленных школ (ГПШ).

Организационный набор подразумевал пополнение кадров строителей за счет представителей из колхозов, с которыми заключались договора, обязывающие их работать на предприятии. Организационный набор как форма пополнения рабочего класса появился еще в 1930-е годы, благодаря чему, снижалась перенаселение деревни и промышленность получала

столь нужные ей кадры. Договор, как правило, заключался на год с правом продления на более длительный срок. Организационный набор был легальной возможностью сельской молодежи попасть, а затем и осесть в городе, хотя многие потом возвращались в свои колхозы. Для колхозов практика организованного набора, при условии, что рабочие через год вернуться обратно, также была полезной, так как неквалифицированные сельские рабочие за год пребывания в городе и работе на промышленном предприятии или стройке, овладевали профессией, которая могла пригодиться им по возвращению домой. Организованный набор как форма пополнения рабочих кадров строительных организаций просуществовал до конца 1980-х годов.

Фабрично-заводские школы готовили специалистов массовых промышленных профессий. Первоначально срок обучения не превышал 6 месяцев, принималась в такие школы молодежь от 16 до 18 лет, на профессии, которые требовали тяжелого физического труда только с 18 лет. С 1949 года ФЗО для горнорудной и угольной промышленности были реорганизованы в горнопромышленные школы (ГПШ) со сроком обучения от 6 до 10 месяцев. С 1955 года система ФЗО была полностью реорганизована в 2-х годичные строительные школы.

В отчетах по основной деятельности строительных организаций в период с 1943 по 1950 годы плохо сохранились формы отчеты по движению рабочих кадров. В таблице 2 представлены некоторые данные, которые удалось восстановить о числе рабочих прибывших по организованному набору и направленных из школ ФЗО и РУ.

Таблица 2

Численность рабочих, поступающих на стройки ОСМЧ-30 и Сталинскпромстрой (СПС) по оргнабору и из ФЗО и РУ 1943 – 1951 годы (чел.)

Строительные организации	1943		1945		1947		1950	
	всего прибыло	%*	всего прибыло	%	всего прибыло	%	всего прибыло	%
ОСМЧ-30								
Прибыло по орг. набору	-	-	-	-	85	6,8	982	33,6
Прибыло из ФЗО и РУ	-	-	344	78	717	57,5	-	-
Сталинскпромстрой								
Прибыло по орг. набору	908	40,8	214	5,4	129	1,9	298	7,01
Прибыло из ФЗО и РУ	752	33,7	737	18,8	2240	33,3	305	7,1

* – процент от общего числа прибывших в трест в отчетном году.

Посчитано по: ГАКО. Р-830, Оп-1, Д. 24, Л. 21; Д. 30, Л. 6; Д. 62, Л. 10; НФ ГАКО. Р-187, Оп-1, Д. 53, Л. 8; Д. 86, Л. 4; Д. 231, Л. 45.

Из данных таблицы 2 видно, что в ОСМЧ-30 выпускники ФЗО и РУ в годы и войны и первые послевоенные годы составляли от половины до двух третей всех прибывших за год рабочих. Это говорит о том, что рабочие треста в основном состояли из молодых людей. О качестве подготовки выпускников ФЗО в отчете за 1947 год отмечалось: “Молодые рабочие, закончившие школы ФЗО, как правило, выполняют нормы выработки первые 6-ть месяцев работы на уровне 60 %” [16]. Достаточно велики были случаи дезертирства среди выпускников ФЗО. Так в отчете

Сталинскпромстрой за 1944 год указывалось: “Основной массой дезертировавших была молодежь, не достигшая 16 летнего возраста, жители близлежащих районов” [17]. По закону организации, в которые поступали выпускники ФЗО, должны были обеспечить этих рабочих фронтом работ, по их профессии. Если этого не происходило, то такой рабочий мог через суд добиться расчета и трест должен был оплатить ему дорогу до места проживания. Так в ОСМЧ-30 в 1947 году сложилась ситуация, когда стройка испытывала избыток кровельщиков, каменщиков, маляров

и штукатуров, одновременно с этим дефицит плотников. В итоге, с одной стороны невозможно обеспечить всех рабочих необходимым фронтом работ, с другой стороны было затруднительно перенаправить рабочих на другие строительные участки [18]. Бывали случаи, когда в трест направлялись выпускники, по специальностям, которые трест не просил, и опять же оплата проезда до другого места работы возлагалась на управление треста [19]. Данные отчетов по основной деятельности позволяют заключить, что большинство рабочих выпускников ФЗО, после окончания обучения не овладевала в полной мере той профессией, на которой они должны были работать на предприятии. В Сталинскпромстрое эта прослойка молодых рабочих в годы войны и второй половине 40-х годов составляла до трети всех рабочих приходивших за год. В начале 1950-х годов количество пришедших из школ ФЗО снижается. Это связано в целом с развитием системы образования, и увеличения сроков обучения, так как промышленность и стройки требовали все более подготовленные кадры для выполнения все более усложнявшихся работ.

Тем не менее, выпускники ФЗО и РУ уже были рабочие с начальной профессиональной подготовкой. Гораздо хуже, с точки зрения квалификации, дело обстояло с теми, кто приходил на стройку через систему организованного набора. В период с 1943 по 1950-й год процент прибывших через этот канал варьируется от 40 % до десятой части от всех прибывших на стройку людей. Вначале 1950-х годов уменьшение количества прибывших через организованный набор связано с началом процесса формирования постоянных кадров рабочих на строительстве. О качестве прибывших через организованный набор рабочих говорится в отчете за 1944 год треста Сталинскпромстрой. Из общего числа прибывших через организованный набор только 57 % были годны для физически тяжелых работ. Подобная ситуация сложилась и в ОСМЧ-30 в 1947 году, когда по документам все прибывшие были годны к тяжелому физическому труду, на деле комиссия ВТЭК треста признала 17% из числа прибывших негодными к труду [20]. В начале 1950-х годов ситуация с качественным составом прибывших по оргнабору не изменилась. В отчете за 1951 год тре-

ста Сталинскпромстрой отмечается: “Не редки случаи, когда для работы в трест отправлялись инвалиды I или II группы, а в договоре и медицинском заключении были признаны годными к физическому труду. Значительное количество прибывших по оргнабору требует, чтобы их использовали на легких работах, в том числе и служащих” [21]. На протяжении второй половины 1940-х начале 1950-х организованный набор являлся каналом, через который на стройку приходили люди не обладающие, как правило, никакой профессией, и годные только к занятию низкоквалифицированным трудом. Тем не менее, в период нахождения на строительных работах они овладевали определенной профессией и наравне с выпускниками ФЗО и РУ становились основой для формирования постоянных кадров рабочих-строителей.

Таким образом, для второй половины 1940-х годов характерно увеличение численности рабочих за счет спецконтингента, включающих военнопленных и репрессированных, как наиболее важный канал для формирования численности рабочих строителей. При более подробной характеристике первого этапа следует отметить, что во время войны, когда большинство мужчин находилось на фронте, и сразу после её окончания – наличие военнопленных и репрессированных становилось важным резервом для наращивания численности рабочих в строительных организациях не только Кемеровской области, но и СССР в целом. Эта группа рабочих не отличалась высокой квалификацией, хорошим здоровьем и большой мотивацией. Кроме того постоянно возникающие проблемы между управлением лагерей и строительными организациями области по поводу вывода спецконтингента на стройки осложняли и без того напряженную работу строек. В целом, помимо направления на стройки спецконтингента рабочие строительных организаций пополнялись за счет искусственной миграции людей из деревень посредством организованного набора, а также направления выпускников ФЗО, ГПШ, РУ. Таким образом, вторая половина 1940-х годов, было временем, когда пополнение численности рабочих происходило в основном за счет организованных источников.

Литература

1. ГАКО. П-75, Оп-2, Д. 204, Л. 26.
2. ГАКО. П-75, Оп-7, Д. 100, Л. 1.
3. ГАКО. Р-830, Оп-1, Д. 24, Л. 21, 22.
4. ГАКО. Р-830, Оп-1, Д. 30, Л. 6 об – 7, 23.
5. Посчитано по: НФ ГАКО. Р-187, Оп-1, Д. 53, Л. 8.
6. Посчитано по: НФ ГАКО. Р-187, Оп-1, Д. 86, Л. 4.
7. Посчитано по: НФ ГАКО. Р-187, Оп-1, Д. 121, Л. 35.
8. ГАКО. П-75, Оп-1, Д. 205, Л. 91.
9. НФ ГАКО. Р-201, Оп-1, Д. 72, Л. 88.
10. НФ ГАКО. Р-201, Оп-1, Д. 7, Л. 19.
11. ГАКО. П-75, Оп-1, Д. 262, Л. 47.
12. ГАКО. П-75, Оп-1, Д. 7, Л. 85.
13. НФ ГАКО. Р-201, Оп-1, Д. 7, Л. 20.
14. ГАКО. П-75, Оп-1, Д. 22, Л. 192-193.
15. ГАКО. П-75, Оп-1, Д. 129, Л. 110.
16. ГАКО. Р-830, Оп-1, Д. 30, Л. 23.

17. НФ ГАКО. Р-187, Оп-1, Д. 67, Л. 19.
18. ГАКО. Р-830, Оп-1, Д. 30, Л. 22.
19. НФ ГАКО. Р-187, Оп-1, Д. 231, Л. 45.
20. ГАКО. Р-830, Оп-1, Д. 30, Л. 24.
21. НФ ГАКО. Р-187, Оп-1, Д. 231, Л. 44.

Информация об авторе:

Фомин Дмитрий Михайлович – аспирант кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, 8-950-276-16-64, noi@history.kemsu.ru.

Dmitriy M. Fomin – post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

УДК [94(571.17):7.071]”1957/1967”

СТАНОВЛЕНИЕ КЕМЕРОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ РСФСР (1957 – 1967 гг.)

А. М. Шерин

THE FORMATION OF KEMEROVO BRANCH OF THE RSFSR UNION OF ARTISTS (1957 – 1967)

A. M. Sherin

Статья посвящена Кемеровскому отделению Союза художников РСФСР. Основное внимание уделено изменению численного состава местного отделения Союза, участию местных художников в крупных художественных выставках (таких, как зональная выставка «Сибирь социалистическая» и республиканская выставка «Советская Россия»), агитационной работе художников, а также изменению числа посетителей выставок в 1957 – 1967 гг. Кемеровское отделение было образовано в 1957 г. В первые годы члены Союза испытывали ряд трудностей в своей работе. К концу 1960-х гг. многие эти проблемы удалось решить. Процесс становления организации занял около десяти лет.

The article is devoted to Kemerovo branch of the Union of Artists of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. The main points of the article are changes in the size of the regional branch of union, participation of artists from Kuzbass in major art exhibitions (such as regional exhibition «Socialist Siberia» and republican exhibition «Soviet Russia»), agitation in art and change in the number of exhibition visitors in 1957 – 1967. The regional branch which was founded in 1957. Union members had some difficulties in his work in the early years. Many of these problems were solved and process of formation of the organization took about ten years.

Ключевые слова: Союз художников, Кемеровское отделение Союза художников РСФСР, художественная выставка «Советская Россия», художественная выставка «Сибирь социалистическая», количество посетителей выставок, отзывы посетителей выставок, искусство Кузбасса.

Keywords: Union of Artists, Kemerovo branch of the Union of Artists of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, art exhibition «Soviet Russia», art exhibition «Socialist Siberia», number of exhibition visitors, comments of exhibition visitors, art of Kuzbass.

Изобразительное искусство Кузбасса изучено достаточно хорошо, но в большинстве своем работы, посвященные художникам и скульпторам Кемеровской области, скорее искусствоведческие, нежели исторические. История Кемеровского отделения Союза художников РСФСР как организации изучена недостаточно. Первой работой, в которой рассматривался коллектив кемеровской организации художников, стал альбом «Художники Кузбасса», составленный С. А. Онуфриевой и изданный в 1963 г. [17]. Следующая обобщающая работа была опубликована в 1983 г., ее автором выступила В. А. Откидач [18]. На современном этапе наибольшее значение имеет диссертация Т. Д. Рысаевой [19], в которой рассматриваются основные этапы развития изобразительного искусства в Кузбассе, хотя основное внимание автор уделяет искусствоведческому анализу произведений кузбасских художников. С точки зрения Т. Д. Рысаевой, первый этап развития изобразительного искусства в Кузбассе заканчивается в конце 1950-х гг.

(автор рассматривает историю развития изобразительного искусства, а не конкретных организационных структур), 1960-е гг. – начало второго этапа: появились новые направления в изобразительном искусстве, в 1960 г. Москве прошел учредительный съезд художников России, завершивший процесс создания Союза художников РСФСР. В структуру Союза вошли 58 региональных творческих организаций. С точки зрения развития собственно Кемеровского отделения Союза художников, созданного лишь в 1957 г., периодизация должна выглядеть иначе. Молодая организация вовсе не была слабой и неокрепшей, но ей предстояло пройти период становления, который занял около 10 лет и был завершён к концу 1960-х гг.

В 1943 г. была образована Кемеровская область. Кемеровское отделение Союза художников РСФСР было создано в 1957 г. [6, л. 1]. 1957 г. стал важным не только для художников Кузбасса, но и для художников всей страны, поскольку именно в этом году был образован единый Союз художников СССР. Для ор-

Таблица 1

Количественный состав Кемеровского отделения Союза художников РСФСР на 1 января 1967 г.

<i>Секция</i>	<i>Всего</i>	<i>Члены Союза</i>	<i>Кандидаты в члены Союза</i>
Живопись	17	10	7
Скульптура	3	3	—
Графика	8	6	2
Художники театра и кино	2	2	—
Прикладное искусство	1	—	1

ганизации отделения творческого союза в первую очередь было необходимо наличие в регионе достаточного числа опытных художников. В Кемеровской области в середине 1950-х гг. было более 100 профессиональных художников, в том числе 6 членов Союза художников (они входили в состав Новосибирского отделения Союза художников РСФСР) и 8 кандидатов в члены Союза [1, л. 41]. 13 сентября 1946 г. по решению исполкома Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся было организовано областное товарищество художников. С 1950 г. оно являлось филиалом Новосибирской организации Союза художников РСФСР, а 22 декабря 1957 г. получило статус самостоятельного творческого союза по решению зональной конференции Союза художников Сибири и Дальнего Востока, прошедшей годом ранее. Художники Кемеровской области многократно успешно участвовали в зональных выставках, что и сделало возможным создание самостоятельного отделения. Кемеровская организация стало одной из самых молодых в стране, другие организации чаще всего возникали на основе старых, часто еще дореволюционных объединений [18, с. 3].

Основной базой регионального отделения был город Кемерово, в Новокузнецке располагался его филиал. Уже к 1962 г. Кемеровское отделение Союза художников РСФСР насчитывало в своих рядах 26 членов и кандидатов в члены Союза, около двадцати человек входили в творческий актив [6, л. 1] и в перспективе могли рассчитывать на вступление в Союз через несколько лет. Для сравнения, в 1957 – 1958 гг. в состав отделения входило в 2 – 3 раза меньшее число художников. Это подтверждает мнение о том, что само появление местного отделения творческого союза «подталкивает» развитие искусства в регионе. Уже к 1962 г. Кемеровское отделение Союза художников РСФСР вышло на шестое место из 78 региональных отделений Союза.

В 1966 г. в Кемеровском отделении Союза художников РСФСР насчитывалось уже 22 члена Союза и 10 кандидатов в его члены [6, л. 4]. Всего же к середине 1960-х гг. местное отделение вместе с кандидатами в члены Союза и творческим активом насчитывало 124 человека [6, л. 7]. Рассмотрим состав членов Кемеровского отделения Союза художников РСФСР. На 1 января 1967 г. членом творческого союза являлся 21 художник. Численно преобладали живописцы (табл. 1), но за пределами региона большую известность получили кузбасские художники-графики. Скульпторов было мало, и посетители выставок часто обращали внимание организаторов на отсутствие скульптурных композиций в экспозициях. Большинство кузбасских художников были не старше 50 лет, кандидаты в члены Союза были, естественно, моложе. Подавляющее большинство членов местного отделения – мужчины. Женщин на тот момент в составе Союза почти не было. Из 21 члена Союза 10 человек являлись членами или кандидатами в члены партии. Членов ВЛКСМ не было даже среди кандидатов в члены Союза [7, л. 1].

Таким образом, уже в середине 1960-х гг. состав местного отделения Союза художников РСФСР вырос в несколько раз в сравнении с первыми годами его существования. Учитывая работу профессиональных художников с многочисленным творческим активом, мы можем говорить о том, что кадровых проблем перед молодой организацией не стояло. Уровень профессиональной подготовки художников, входящих в творческий актив, также был достаточно высок для молодых художников.

Главными задачами Кемеровского отделения Союза художников РСФСР стали проведение художественных выставок, всесторонняя поддержка художников (как членов Союза, так и тех, кто мог впоследствии вступить в него), подготовка нового поколения художников, пропаганда государственной идеологии. По каждому из названных направлений местное отделение творческого союза вело активную работу, которая на разных этапах имела переменные успехи.

Художественные выставки были не только главной формой работы художников, но и формой отбора кандидатов в члены творческого союза. К тому же, успешное участие местных художников в крупных выставках являлось одним из главных критериев успешной работы регионального отделения. Художественные выставки проходили в несколько этапов, первым из которых была местная выставка. Лучшие работы направлялись для участия в областных выставках, а лучшие работы, представленные на областных выставках, – на Всесоюзные художественные выставки. Но лучшие работы определял выставочный комитет, в состав которого, помимо членов Союза художников, входили представители Управления культуры Кемеровского облисполкома и Отдела пропаганды и агитации Кемеровского обкома КПСС, Кемеровского обкома ВЛКСМ [2, л. 1].

Уже в первые годы после организации местного отделения его члены принимали активное участие в достаточно крупных выставках. Четырнадцать художников из Кузбасса, среди которых были А. Н. Кирчанов (картина «В балетной школе»), В. С. Зевакин (картина «Черный Байкал»), А. Л. Гландин (картина «Бронебойщик»), К. М. Ананьин (графические листы «Огни Кузбасса»), А. С. Гордеев (графические листы «О родном Кузбассе») [6, л. 1] и другие приняли участие в выставке «Советская Россия», посвященной

40-летию Советской власти. В последующие несколько лет республиканская выставка «Советская Россия» и зональная художественная выставка «Сибирь социалистическая» стали важнейшими событиями в жизни художников региона. Готовились к ним заблаговременно, и каждый художник представлял выставочному комитету сразу несколько картин [6, л. 34 – 37]. Не все работы проходили строгий отбор. Зачастую идеологическое содержание картины ценилось выше ее художественных достоинств.

В первые годы существования Кемеровского отделения Союза художников РСФСР его руководство ставило перед членами задачу раскрыть образ Кузбасса, показать трудовые подвиги. Если мы обратимся к названиям картин, представленных оргкомитету для участия в зональной выставке «Сибирь социалистическая» (весна 1963 г.) и второй художественной выставке «Советская Россия» (осень 1963 г.) в 1963 г., то обнаружим, что в картинах преобладает тематика жизни рабочих. Это картины «В рабочей столовой» (А. Н. Кирчанов), «Молодые строители» (В. Е. Цибарев), «Монтажники», «Портрет электрика» (В. П. Овчаров), «Новая железная дорога», «Западно-Сибирский металлургический завод» (А. С. Холодов), «Индустриальные пейзажи» (К. М. Ананьин), «Шахтеры» (Ю. Г. Лобузов) и другие. В то же время появились и работы, посвященные труду колхозников (например, «Сибирская деревня» В. С. Зевакина) и работникам других сфер (например, «Воспитательница» Н. В. Верткова) [6, л. 2 (об.)]. Всего в выставке «Сибирь социалистическая» в 1964 г. в Новосибирске принимали участие 35 художников из Кемеровской области (130 произведений), а в 1965 г. посетители второй республиканской выставки «Советская Россия» в Москве могли увидеть лишь 9 произведений семи кузбасских художников [6, л. 8; 8, л. 10 – 12]. Фоторепродукции с крупных выставок иногда использовали при проведении областных выставок.

Помимо самого участия в зональных и республиканских выставках, члены местного отделения принимали участие и непосредственно в отборе картин. Так, при подготовке к Всесоюзной художественной выставке в 1960 – 1961 гг. было проведено 10 заседаний выставочного комитета, с двенадцатью художниками был заключен договор на написание картин о жизни трудового Кузбасса [6, л. 1].

Важно отметить, что и до организации местного отделения творческого союза силами областного товарищества художников проводились областные выставки. В 1961 г. была проведена уже 10-я областная (ежегодная) выставка работ художников Кузбасса, приуроченная к XXII съезду КПСС, в которой принимали участие 276 работ 73 авторов. Областные выставки явились одним из первых этапов подготовки к всесоюзным и республиканским выставкам, и несколько работ местных художников прошли отбор для участия во Всесоюзной выставке, посвященной XXII съезду КПСС. Среди них – «Рабочая семья» А. Гландина, «Сибирские дали» И. А. Чермянина, «Портрет доярки Г. Давыдовой» А. Н. Кирчанова [6, л. 1 об.].

Очень часто крупные выставки, в которых принимали участия члены Союза художников, были при-

урочены к юбилеям и годовщинам важных для страны событий. Кузбасские художники принимали в них участие наряду со столичными. Особая тема для художественных выставок – тема Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Во время празднования юбилея победы военная тематика преобладала во всех сферах искусства. Выставки, посвященные войне, проходили как в Москве, так и на местах. Целью таких выставок стало патриотическое воспитание. Судя по отзывам, организаторы выставок и художники, принимавшие в них участие, справлялись со своей задачей. Так, в 1965 г. один из посетителей подобной выставки в Кемерове выразил свое восхищение работами А. Н. Кирчанова, в которых «чувствовалось дыхание войны» и которые создавали «такое ощущение, что ты прошел войну вместе с Кирчановым» [9, л. 1]. Традиционными стали художественные выставки, приуроченные к юбилеям Октябрьской революции. Например, областная выставка 1967 г. была посвящена 50-летию Советской власти [11, л. 1]. Каждый из художников, принимавших участие в выставке, по своему видел главные события из жизни страны за эти полвека. Например, художник А. М. Ананьин представил 5 графических листов с портретами командиров партизанских отрядов. Среди них – портрет П. Сухова, портрет И. И. Долгих и другие работы [8, л. 10 – 12].

В первые годы существования Кемеровского отделения Союза художников РСФСР персональные выставки были достаточно редким явлением. Гораздо чаще кемеровчане могли стать посетителями групповых выставок. Работы для таких выставок подбирались по разным признакам: общая тематика, общий стиль, общая направленность. Так, в 1960 г. была проведена выставка работ 12 художников из Кемерова и Новокузнецка, которую посетили около 10 тысяч зрителей. Случай, когда за год проходило несколько персональных выставок, встречаются лишь через 7–8 лет существования местного отделения. Например, в 1965 г. прошла персональная выставка А. С. Гордеева, которую посетили 7 тыс. человек, выставку художника А. Поздеева посетило приблизительно 5 тыс. человек, в конце года были проведены выставки А. Н. Кирчанова и Е. Сидоркина [6, л. 4, 8, 15]. Со временем персональных выставок становится больше. Во-первых, увеличивается число местных художников. Во-вторых, растет их профессиональный уровень, а благодаря влиянию партийного руководства, и идейный уровень. В-третьих, с течением времени в Кузбассе начинают проводить юбилейные выставки художников. Так, в 1965 г. прошла юбилейная выставка художника А. С. Гордеева. В 1967 г. были проведены персональные выставки А. Н. Кирчанова, Е. Сидоркина, А. С. Холодова, В. М. Белова, А. М. Ананьина, В. П. Овчарова, Л. М. Акцыновой [11, л. 1, 4].

Но в целом и в первой половине 1960-х гг. в Кузбассе проходило не более 10 выставок в год, 7 из которых проводились в Кемерове, 3 – в Новокузнецке [6, л. 26]. Жители остальных городов Кемеровской области долгое время могли посетить лишь передвижные выставки. Во второй половине 1960-х гг. число художественных выставок растет. Все чаще

проводились персональные и групповые выставки, тематические выставки, а главное, с уже окрепшим Кемеровским отделением Союза художников РСФСР начинают сотрудничество и отделения Союза в других регионах. Все более частыми гостями Кузбасса становятся художники из других городов и республик Советского Союза. Но следует отметить, что организация художественной выставки силами лишь отделения Союза художников невозможна. Организаторы каждой такой выставки согласовывали все мероприятия (от места проведения выставки до картин, представленных в экспозиции) с областным управлением культуры [8, л. 5 (об.)].

Кроме того, художники из Кузбасса все чаще принимали участие в выставках за пределами области. Например, в 1966 г. с успехом прошла выставка художников-графиков из Кемеровской области в Красноярске. Участие в выставке приняли такие художники, как А. М. Ананьин, Р. Г. Берг, Н. Г. Бурцев, Р. А. Галков, А. С. Гордеев, Е. И. Кирчанов, Ю. Г. Лобузов, В. П. Малыгин, Н. К. Новосельцев, М. А. Паньков, О. А. Пинаев, Ю. И. Прейсс, А. М. Пресняков, В. А. Селиванов, А. С. Холодов, К. А. Цветков, Н. М. Шемаров и другие [13]. В выставке молодых художников Кузбасса летом 1966 г. в Кемерове приняли участие живописцы Н. В. Вертков, В. А. Спирин, И. И. Филичев, художники-графики А. И. Артемьев, Н. Г. Бурцев, Р. А. Галков, А. М. Пресняков, В. М. Пресняков, С. И. Грачев, Л. С. Коньков, Е. Г. Кузовкин, Н. К. Новосельцев, а также другие молодые художники области, среди которых были Н. Х. Долгов, Г. И. Елин, Л. С. Ермилин, И. А. Лебедев, В. П. Семенников, В. А. Усищев [14]. Особенно сильные работы были представлены художниками-графиками. Посетителям же выставки наиболее удачными показались работы Н. В. Верткова, И. А. Лебедева и В. М. Преснякова. Среди особенно запомнившихся посетителям были работы Е. Г. Кузовкина «Зимушка», «Девочка на балконе», «Подсолнухи» и работы Н. Г. Бурцева «Утро» и «Лесное озеро» [15].

Растет и число посетителей выставок. Ко второй половине 1960-х гг. минимальное число посетителей выставок составило уже 5 – 6 тысяч человек. Обратимся к отчету Кемеровского отделения Союза художников РСФСР за 1966 г. [12, л. 1 – 3]. Групповая выставка художников К. М. Ананьина, А. С. Холодова и В. М. Белова (всего на выставке было представлено 120 произведений) привлекла внимание 5 тыс. посетителей. Выставку «Графика Кузбасса» (110 произведений) посетили около 12 тыс. человек в Кемерове, 8 тыс. человек в Новокузнецке и 10 тыс. человек в Красноярске. Число посетителей выставки молодых художников области (110 произведений) достигло 8 тыс. человек. Персональные выставки В. С. Рогая (120 произведений) и Н. Чеснокова (90 произведений) посетили соответственно 8 тыс. человек и 6 тыс. человек. Персональную выставку Л. М. Акцыновой (80 произведений) в Кемерово посетили 6 тысяч человек, в Новокузнецке число посетителей достигло уже 7 тыс. человек. Кроме того, в 1966 г. прошли две передвижные выставки: «Сибирь социалистическая» (120 произведений), которую посетили 11 тысяч человек, и «Советская Россия» (90 произведений), число

посетителей которой достигло 15 тыс. человек в Кемерове и 13 тыс. человек в Новокузнецке. Таким образом, учитывая художественную выставку, прошедшую в рамках фестиваля белорусского искусства (130 произведений, 20 тыс. посетителей), в 1966 г. силами Кемеровского отделения Союза художников РСФСР было проведено 13 художественных выставок, а общее число их посетителей составило приблизительно 129 тыс. человек.

Таким образом, уже во второй половине 1960-х гг. выставочная деятельность художников Кемеровского отделения Союза художников РСФСР существенно активизировалась в сравнении первыми годами его существования. Значительно возросло количество художественных выставок: чаще проводятся персональные, групповые выставки, выставки, приуроченные к важным событиям в жизни страны. Существенно увеличилось число посетителей выставок. Это в первую очередь говорит не только о растущем интересе к изобразительному искусству в Кузбассе, но и о том, что Кемеровскому отделению Союза художников РСФСР уже к середине 1960-х гг. удалось преодолеть многие трудности, связанные с организацией выставок. Судя по отзывам посетителей художественных выставок, работы, представленные на них, были действительно близки по духу кузбассовцам, а значит кузбасские художники справлялись со своей главной задачей – созданием достойного образа Кузбасса.

Еще одной стороной работы Кемеровского отделения Союза художников РСФСР были многочисленные встречи с работниками предприятий, шахтерами, учащимися школ и т. д. На подобных встречах художники рассказывали об особенностях своей работы, приглашали посетить выставки. Чаще всего такие встречи проводились накануне выставок или во время ежегодных недель изобразительного искусства и помимо решения идеологических и культурно-просветительных задач были призваны привлечь посетителей. Например, в октябре 1961 г. во время недели изобразительного искусства прошел ряд встреч местных художников с рабочими, а также был проведен день открытых дверей в художественных мастерских. Помимо привлечения внимания к работе творческого союза в Кузбассе, у дней открытых дверей была и другая задача: найти недостатки в работе художников. Кроме того, члены Кемеровского отделения Союза художников РСФСР читали лекции, проводили беседы на тему изобразительного искусства, выступали на радио и телевидении. В 1964 – 1965 гг. было проведено 12 стационарных и передвижных выставок, 15 встреч с трудовыми коллективами, 150 лекций [6, л. 7].

К агитационной работе среди населения можно отнести и выставки в клубах, домах культуры, организованные при предприятиях и учреждениях области. Подобные экспозиции были небольшими по своим масштабам, но зачастую имели даже большее значение, чем обычные выставки: не каждый рабочий станет тратить свое свободное время ради посещения галереи, но если выставка проходит практически на рабочем месте, шансов охватить людей, далеких от искусства, гораздо больше. Так, например, в 1964 г. прошла выставка работ художника В. С. Зевакина в

клубе ГРЭС [6, л. 5]. Со временем из членов Союза художников стали создаваться группы художников, работающих над серией картин о конкретных предприятиях. Часто такие работы передавались заводам, совхозам, клубам и ДК, что укрепляло связи художников с тружениками Кузбасса. Например, в конце 1960-х гг. учреждениям культуры Яйского района были переданы гравюры «Дочь гор» и «Ущелье ворот» А. М. Ананьина, портреты «Люся» и «Любаша» И. И. Филичева, индустриальный пейзаж «Запсиб» А. П. Елфимова, скульптура «Молодая работница» Н. Г. Трофимова [3, л. 5].

Помимо написания картин, художники Кемеровского отделения Союза художников РСФСР занимались и оформлением зданий. Объявления о подобных работах довольно часто встречались в газетах области [16]. Это давало художникам дополнительный заработок и в то же время помогало в деле пропаганды государственной идеологии. Все мы помним фасады советских зданий и их интерьеры. Идеологическая направленность чувствовалась буквально во всем. Художники-графики в основном занимались лишь графическими работами: разрабатывали проекты, готовили эскизы и т. д. Другие художники принимали участие и непосредственно в выполнении работ. Так, художники А. Н. Кирчанов и А. И. Артемьев занимались разработкой эскизов въездов в Кемерово и Ленинск-Кузнецкий, Р. Г. Берг стал создателем эскизов привокзальной площади, Е. И. Коньков и Н. К. Новосельцев занимались оформлением самого железнодорожного вокзала в Кемерове [6, л. 10, 31]. Н. К. Новосельцев занимался также оформлением кемеровского драмтеатра и ДК Запсиба (Новокузнецк). Оформление фасадов и интерьеров зданий, проектирование площадей и прочие работы по оформлению городов области были одним из наиболее успешных направлений деятельности Кемеровского отделения Союза художников РСФСР.

Таким образом, с течением времени местные художники нашли новые формы взаимодействия с населением. Встречи с рабочими, служащими, учащимися области проводились все также регулярно. Все эти мероприятия в совокупности были призваны привлечь внимание рядовых жителей области к изобразительному искусству. Особенно эффективными были личные встречи с художниками. Именно они привлекали большее количество посетителей на выставки.

Но, несмотря на положительную динамику в развитии местного отделения Союза художников, ревизионные комиссии, проверявшие деятельность отделения на протяжении нескольких лет, периодически находили серьезные нарушения, как в работе самого отделения, так и в работе художников и организаторов выставок. Например, в 1958 г. ревизионная комиссия под председательством П. А. Чернова обнаружила перерасход денежных средств на организацию выставок в размере 11 тыс. рублей. Причиной перерасхода стала ошибочная выплата зарплаты директору выставки в течение пяти месяцев (сама выставка длилась лишь месяц) [5, л. 3]. В 1965 г. ревизионная комиссия выяснила, что ряд художников за одни и те же произведения получали гонорары дважды [8, л. 28 – 32]. Художники, которые были замечены в этом,

получили строгий выговор с занесением в личные дела и один год не могли заключать договоры на написание картин с Управлением культуры Кемеровского облисполкома.

Кроме того, многие художники обращали внимание руководства Кемеровского отделения Союза художников РСФСР и присутствовавших на его собраниях представителей партийных и советских органов на то, что зачастую самим художникам приходится заключать договоры с заказчиками и искать помещения для проведения выставок, а работа художника оплачивается местным отделением Художественного фонда РСФСР только после того, как он предоставит акт приема работ от заказчика [10, л. 3]. С 1966 г. ситуация с оформлением заказов начала меняться (оформлением заказов начинает заниматься непосредственно Художественный фонд).

По заявлениям руководства Кемеровского отделения Союза художников РСФСР, главной проблемой местных художников в начале 1960-х гг. была нехватка мастерских, производственных помещений [6, л. 32]. Долгое время в Кемеровской области не существовало специализированной картинной галереи, зачастую художественные выставки проводились в неприспособленных для этих целей помещениях, в которых не было подходящего освещения, что делало посещение выставки возможным лишь в определенные часы. Внимание на серьезные недостатки в работе выставок обращали не только профессионалы, но и посетители выставок [4, л. 6]. С течением времени организаторы выставок в Кузбассе учили практически все ошибки и старались исправить их. Многие обозначенные проблемы в организации и работе экспозиций ушли в прошлое уже в середине 1960-х гг. Главной нерешенной проблемой оставалось отсутствие картинной галереи, которая появилась в Кемерово сравнительно поздно – в 1969 г.

Но, несмотря на перечисленные недостатки в работе Кемеровского отделения Союза художников РСФСР, в 1966 г. план по многим показателям был перевыполнен. Например, план по декоративно-прикладным работам был перевыполнен на 17 %, план работы промышленной группы – на 21 %. В целом план работы отделения был выполнен на 105 %, что, несомненно, говорит о том, что Кемеровское отделение Союза художников к этому времени уже окрепло [12, л. 4].

Таким образом, главной стороной деятельности регионального отделения Союза художников, безусловно, является выставочная деятельность. Именно посредством проведения художественных выставок происходит общение художника со своим зрителем. Отношение кузбассовцев к творчеству местных художников можно проследить по оставленным посетителями художественных выставок отзывам. Большинство отзывов положительные, нередко посетители выражали восторг и восхищение работой художников. В то же время были и негативные отзывы, но лишь в единичных случаях. Число посетителей выставок со временем увеличивается. Это свидетельствует о том, что изобразительное искусство действительно вызывало у кузбассовцев интерес, а организаторы выставок учитывали многие недостатки в проведении про-

шлых выставок и пытались их исправить. Участие же в крупных зональных и республиканских выставках выводит художника на новый уровень, и, если это участие было успешным, помогает ему в дальнейшей творческой деятельности. Число художников-кузбассовцев на таких выставках со временем лишь увеличивалось. Во многом это происходило благодаря тому, что вокруг местного отделения Союза достаточно быстро был сформирован довольно внушительный коллектив молодых художников, каждый из которых в скором времени мог претендовать на вступление в Союз. Сами члены Союза называли художников, во-

дивших в творческий актив, «профессиональными». Это еще один немаловажный фактор развития творческого союза. Со временем крепили и связи Союза с предприятиями региона, все чаще художники занимались оформлением зданий, что косвенным образом привлекало внимание простых кузбассовцев к их творчеству. Все это дает нам основание считать, что период становления Кемеровского отделения Союза художников РСФСР прошел довольно быстро и занял около 10 лет. Уже к 1967 г. кузбасским художникам удалось преодолеть большинство трудностей, связанных с молодостью и отсутствием достаточного опыта.

Литература

1. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 8. Д. 5.
2. ГАКО. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 151.
3. ГАКО. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 287.
4. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 4.
6. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 10.
7. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 26.
8. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 29.
9. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 31.
10. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 32.
11. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 34.
12. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 36.
13. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 37.
14. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 39.
15. ГАКО. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 40.
16. Объявление // Кузбасс (Кемерово). – 1963. – 19 января.
17. Онуфриева, С. А. Художники Кузбасса: альбом / С. А. Онуфриева. – Л.: Художник РСФСР, 1963. – 60 с.
18. Откидач, В. А. Художники Кузбасса / В. А. Откидач. – Л.: Художник РСФСР, 1983. – 192 с.
19. Рысаева, Т. Д. Художественная жизнь Кузбасса во второй половине XX в.: дис. ... канд. искусствоведения / Т. Д. Рысаева. – Барнаул, 2006. – 261 с.

Информация об авторе:

Шерин Алексей Михайлович – аспирант кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, 8-951-577-54-75, semenov-sherin@mail.ru.

Aleksey M. Sherin – post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Статьи принимаются в соответствии с перечнем научных направлений ВАК:

01.00.00	Физико-математические науки	10.00.00	Филологические науки
02.00.00	Химические науки	12.00.00	Юридические науки
03.00.00	Биологические науки	13.00.00	Педагогические науки
05.00.00	Технические науки	19.00.00	Психологические науки
07.00.00	Исторические науки и археология	22.00.00	Социологические науки
08.00.00	Экономические науки	23.00.00	Политология
09.00.00	Философские науки	25.00.00	Науки о земле

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородные авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.*

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2)i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2)j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2}k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24–28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Под одним номером допустимо указывать только один источник.
13. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование аббревиатур.
14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.
Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).
15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.
16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках:** полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.
17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, редакция журнала «Вестник КемГУ»
 Телефон: (3842) 58-13-01
 Факс: (3842) 58-38-85
 Электронный адрес: vestnik@kemsu.ru
 Адрес в Интернет: <http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150.

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала
приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

Подписано к печати 20.05.2013 г. Формат А 4.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 34,63. Уч.- изд. л. – 36,22.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.